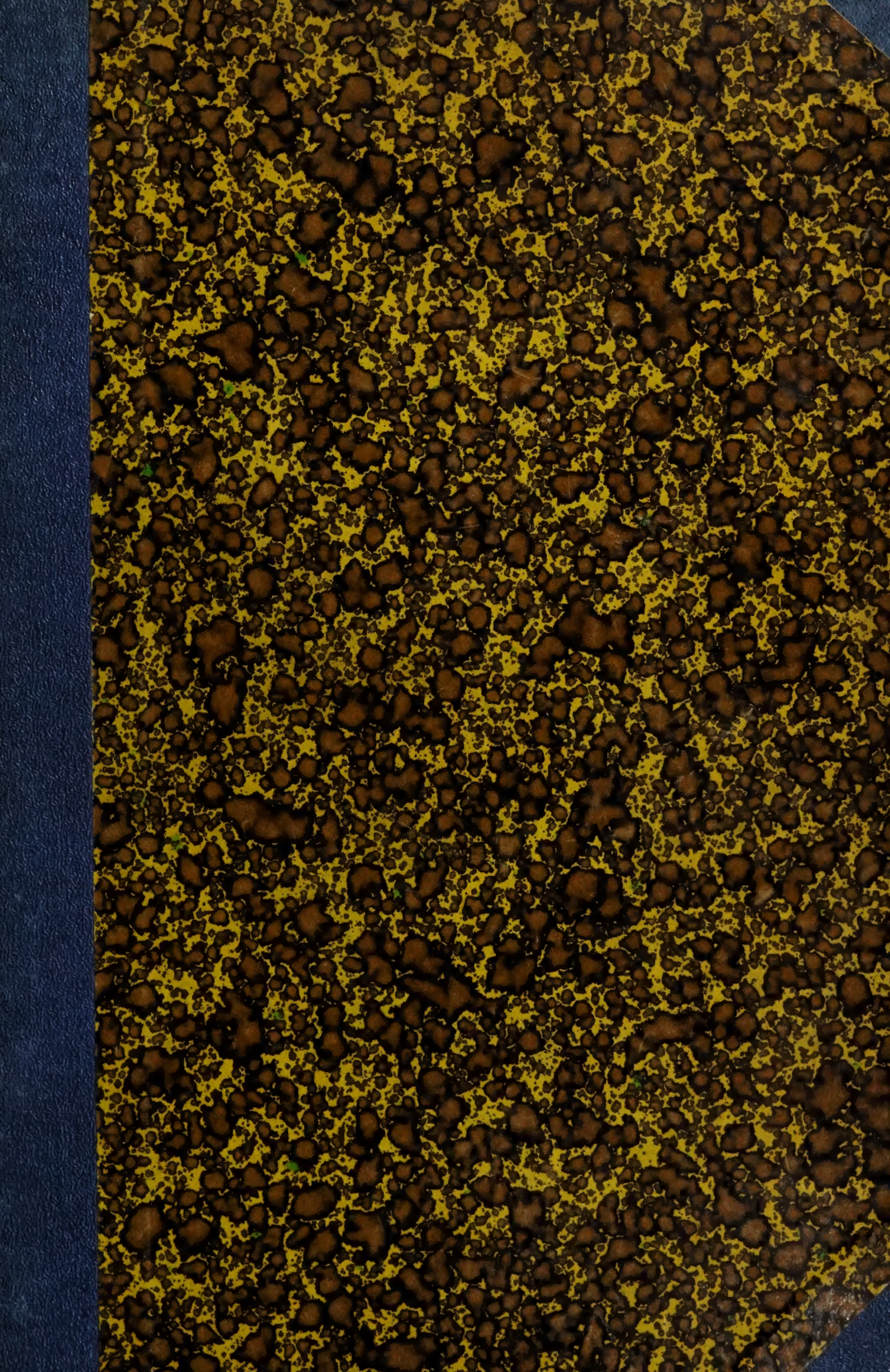
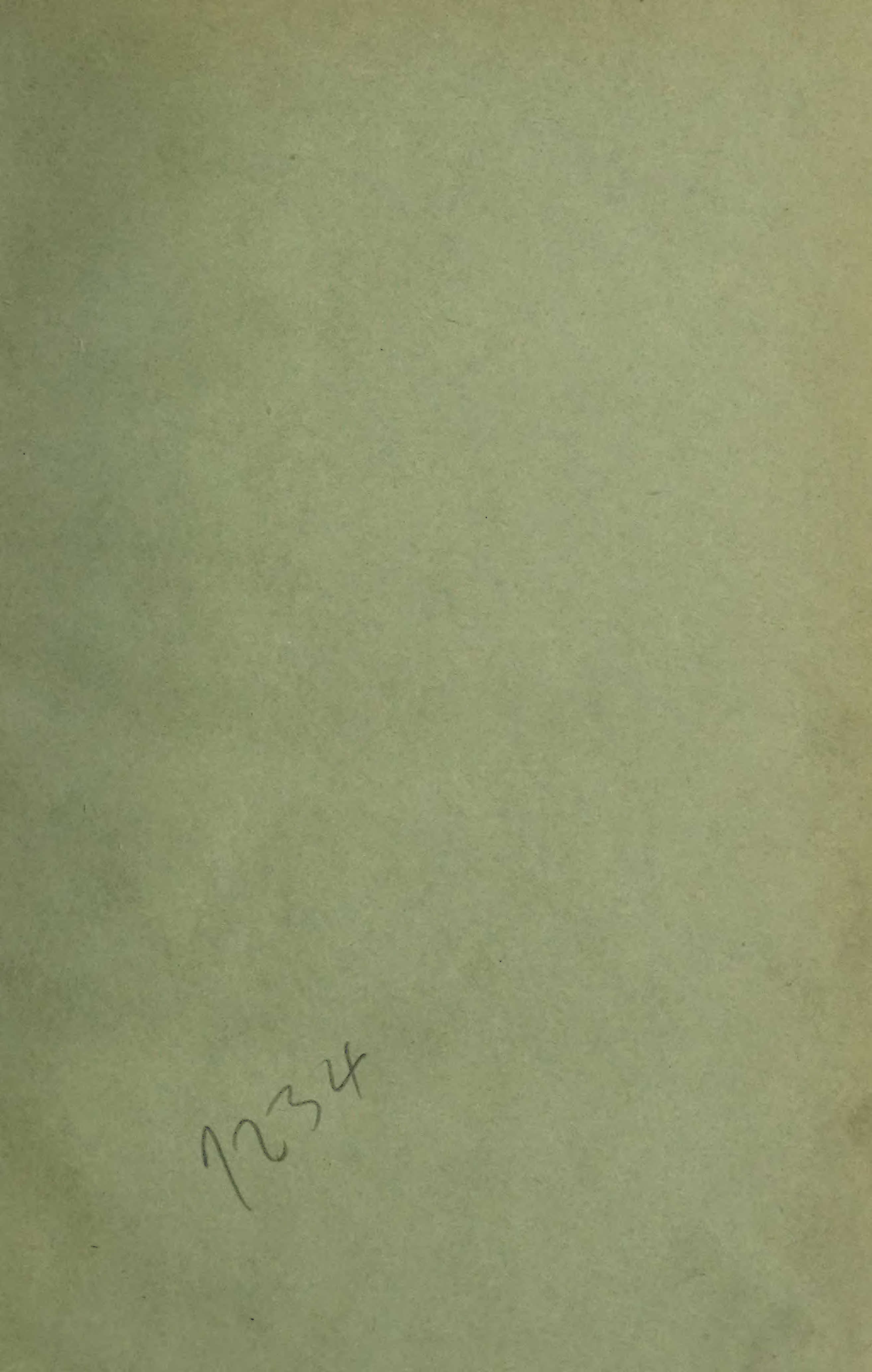

50

1234

А. И. Яцимирскій.

ГРИГОРІЙ ЦАМБЛАКЪ.

Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ,

съ 14 снимками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1903 года.

Непремѣнный Секретарь,
Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Вайсберга и Гершунина. Екатерин. кан., № 71—6.

Рисунки исполнены въ Фото-Литографіи Н. Егорова. Лиговскій пер., д. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СНИМКОВЪ.

Оригинальный и мощный образъ Цамблака, талантливаго церковнаго писателя, плодовитаго проповѣдника, трудолюбиваго и просвѣщеннаго книжника и строгаго подвижника, мятежный духъ котораго, казалось, не зналъ отечества—намъ, представляется личностью сложной, натурой неуравновѣшанной. Вѣчный странникъ и неудачникъ, онъ жилъ и работалъ въ разныхъ земляхъ славянскаго юга, а потому принадлежитъ исторіи литературы болгарской, сербской, румынской и русской. Воспитанникъ тырновскаго патр. Евѳимія и послѣдователь его правописной реформы, затѣмъ—ревностный аскетъ Святой горы, келейный инокъ и апокрисіарій вселенскаго патріарха, даровитый проповѣдникъ митропольей сочавской церкви, игуменъ новосозданнаго Нямецкаго монастыря въ Карпатахъ, смѣлый и дерзкій искатель каѳедры кіевской митрополіи, стойкій защитникъ православія на Констанцкомъ соборѣ, наконецъ, схимникъ и великій труженикъ на поприщѣ славянскаго книжнаго дѣла въ Молдавіи,—всѣ эти моменты и черты въ біографіи Цамблака настолько плохо совмѣщаются другъ съ другомъ, что насъ не должны удивлять ни московскія обвиненія его въ „латинствѣ", ни константинопольскія проклятія и отлученія, ни отзывы о немъ, какъ объ авантюристѣ, карьеристѣ и интриганѣ въ устахъ новѣйшихъ историковъ [1]. Съ другой

[1] Напримѣръ, у Е. Голубинскаго, Исторія русской церкви, II, 2, стр. 384: немного дальше историкъ говоритъ, что „сегодня Цамблакъ могъ писать противъ латинянъ, а завтра предаться имъ: это явленіе нисколько не невозможное", стр. 386. Подробнѣе объ этомъ—въ послѣдней главѣ нашей работы.

стороны, онъ заслужилъ извѣстность „философа“, увлекательнаго проповѣдника, а въ глазахъ молдавскихъ монаховъ являлся примѣромъ всѣхъ рѣшительно иноческихъ добродѣтелей, и въ XVIII и XIX вѣкахъ, повидимому, не безъ причины былъ смѣшиваемъ съ преподобнымъ Григоріемъ Кіево-Печерской лавры. Такая пестрота — характерная черта многихъ выдающихся людей.

Если мы познакомимся съ литературой о Цамблакѣ, то найдемъ, что она необыкновенно скудна. Не только не разрѣшены многіе вопросы его біографіи, не только не выяснены основныя черты его творчества, не изданы его произведенія, наконецъ, не только многое въ ней напутано и перепонято домыслами изслѣдователей, но о цѣлыхъ періодахъ его жизни и дѣятельности, эпохахъ наиболѣе блестящихъ и необыкновенно важныхъ, не было до сихъ поръ ровно никакихъ свѣдѣній. Въ данномъ случаѣ цѣлая новая область открылась передъ нами лишь послѣ того, когда мы нашли, что извѣстный писецъ и схимникъ Нямецкаго монастыря Гавріилъ, отъ котораго сохранился рядъ драгоцѣнныхъ рукописей второй четверти XV вѣка съ тырновскимъ правописаніемъ, — и есть нашъ Григорій, добровольно и тайно оставившій Кіевскую митрополію и удалившійся для монашескихъ подвиговъ и книжныхъ трудовъ въ хорошо знакомую ему Молдавію.

Итакъ, можно было ожидать, что личность Цамблака будетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ историковъ гораздо больше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Объяснить это можно исключительно тѣмъ, что свѣдѣнія о его жизни чрезвычайно жалки, а многочисленныя произведенія его не даютъ почти никакихъ данныхъ для автобіографіи; произошло все это исключительно потому, что Цамблакъ не указанъ святымъ и Житія его не существовало. По рожденію своему, воспитанію, отчасти характеру творчества, онъ принадлежитъ XIV вѣку и является непосредственнымъ преемникомъ такихъ великихъ мужей, какими были Григорій Синаитъ, ученикъ его Ѳеодосій Тырновскій, ученикъ

послѣдняго патр. Евѳимій, наконецъ, ученикъ и даже родственникъ Евѳимія и Кипріана—Григорій Цамблакъ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Цамблака, были канонизованы. О нихъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ житіяхъ или похвальныхъ Словахъ; о Цамблакѣ же нѣтъ ни одного цѣльнаго повѣствованія, идущаго отъ лица современника; у него не было учениковъ, и онъ замыкаетъ собой рядъ этихъ блестящихъ именъ. Въ этомъ отношеніи Григорій имѣетъ много общаго съ Константиномъ Костенчскимъ; о послѣднемъ извѣстно еще меньше, вѣроятно, потому что онъ былъ міранинъ. Поэтому возможнымъ оказалось было написать цѣлую книгу о Цамблакѣ только благодаря нѣсколькимъ случайнымъ находкамъ; все же написанное о немъ раньше давало богатый матеріалъ лишь для полемики, которой мы по мѣрѣ возможности старались избѣгать, чтобы не увеличить и безъ того большой размѣръ нашей работы.

Первыя болѣе или менѣе цѣльныя свѣдѣнія о Цамблакѣ появились въ „Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“ (митр. Евгенія СПБ. 2 изд. 1827 г., стр. 97—103). Митр. Евгенію извѣстны были лѣтописные варіанты фамиліи Цамблака, его болгарское происхожденіе (въ то же время митр. Кипріана, дядю Григорія, онъ называетъ сербяниномъ, стр. 320) и игуменство въ молдавской обители, именуемой Пандократора (стр. 97). Подробно онъ говоритъ только объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ избранію Григорія въ русскіе митрополиты (стр. 97—100), о спорѣ (?) съ папой на Констанцкомъ соборѣ, о позднихъ обвиненіяхъ его въ уніатствѣ, ссылаясь на Кромера и прусскую хронику Іоанна Линдебладта (стр. 101). Кончину Григорія онъ относитъ къ 1419 году, а нареканія въ латинствѣ приписываетъ „единственно негодованію московскихъ митрополитовъ на то, что съ сего кіевскаго митрополита началось раздѣленіе іерархіи“. Еще меньше говоритъ онъ о произведеніяхъ Цамблака.

Въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ архіеп.

Филарета, появившемся первоначально въ *Ученыхъ Запискахъ II Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ* (т. III, стр. 90), а затѣмъ отдѣльно тремя дополненными изданіями, о Цамблакѣ, какъ историческомъ дѣятелѣ, говорится очень немногое. Гораздо больше, и притомъ только о русскомъ періодѣ его жизни, находимъ въ „Исторіи русской Церкви" того же автора, въ послѣдующихъ изданіяхъ также дополненной. Тотъ же періодъ сравнительно хорошо разработанъ въ „Исторіи русской Церкви" преосв. Макарія, у Карамзина, Соловьева, Иловайскаго, Чистовича и другихъ. Говорить подробно о каждомъ въ отдѣльности не будемъ, такъ какъ исторія избранія Цамблака въ Кіевскіе митрополиты въ настоящее время хорошо разработана П. П. Соколовымъ.

Въ 1857 году появилась цѣнная работа митр. Макарія, въ то время еще еписк. тамбовскаго, „О Григоріи Цамблакѣ, митрополитѣ кіевскомъ, какъ писателѣ", во II выпускѣ VI тома *Извѣстій Имп. Академіи Наукъ по Отд. русскаго яз. и словесности* (стр. 97—153). Но, какъ показываетъ уже заглавіе статьи, она посвящена исключительно разбору и пересказу литературныхъ произведеній Цамблака, а краткая и далеко неточная біографія его разсказана всего на двухъ столбцахъ, причемъ опять главное вниманіе обращено на русскій періодъ, и всѣ дополненія къ „Словарю" Евгенія сдѣланы для указаннаго періода.

Біографическія свѣдѣнія о Цамблакѣ, естественно, не входили въ задачи проф. С. П. Шевырева, удѣлившаго въ XV главѣ своей „Исторіи русской словесности" (ч. III. М. 1858 г., стр. 342—388) около сорока страницъ передачѣ содержанія нѣкоторыхъ произведеній Григорія, и въ данномъ случаѣ для будущихъ изслѣдователей почва опять мало была подготовлена.

Впервые заговорилъ о молдавскомъ періодѣ жизни Цамблака, первомъ по времени и наиболѣе важномъ періодѣ, Нямецкій іеромонахъ Андроникъ, одинъ изъ основателей Ново-

Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи, трудолюбивый лѣтописецъ, историкъ своего монастыря и подвижникъ († 12 авг. 1893 г.). Но и въ своей „Краткой исторіи о игуменахъ и старцахъ монастырей Нямца и Секу“, и „Исторіи свв. монастырей Нямца и Секу, собранной вкратцѣ“, напечатанныхъ въ типографіи Нямецкаго монастыря въ 1857 и 1858 гг. на румынскомъ языкѣ кирилловскими буквами, а затѣмъ въ обширной рукописной „Исторіи древняго Нямецкаго мон-ря въ Молдавіи отъ самаго его основанія“, начатой въ 1857 году и оставшейся въ рукописи, также на румынскомъ языкѣ, въ десяти огромныхъ томахъ, приготовленныхъ къ печати [1]), онъ говоритъ о Цамблакѣ очень немногое; при этомъ всѣ свѣдѣнія у него не представляютъ для насъ ровно никакой цѣны уже потому, что онъ относитъ игуменство его къ 1439—1452 годамъ, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ Цамблакъ раньше этого былъ уже митрополитомъ кіевскимъ, а правилъ монастыремъ въ самомъ началѣ XV вѣка, приблизительно въ 1403—1406 годахъ. Въ своемъ предисловіи къ I тому, Андроникъ говоритъ, что онъ писалъ „эту и другія исторіи по собственному соображенію, не руководствуясь никакими такъ-называемыми научными пріемами. Причина этому заключается въ томъ, что я не учился въ школахъ, а потому и не умѣю писать по формѣ ученой. Меня учили только „азъ-буки“, часослову и псалтири. Откуда же я могъ знать больше?... Могутъ явиться нѣкоторые филологи, которые станутъ критиковать мои труды и скажутъ, что лучше сдѣлалъ-бы я, если бы сочиненіе это не назвалъ „Исторіей“, а описью различныхъ хрисовуловъ документовъ на монастырскія владѣнія, или какъ-нибудь иначе, но отнюдь не исторіей. На это я вотъ что отвѣчу и отвѣчаю подобнымъ критикамъ: вы, какъ люди ученые, получившіе образованіе въ семинаріяхъ и академіяхъ, можете сочинять и писать, какъ вамъ угодно, въ какой угодно научной формѣ, ибо этому васъ учили. Я же

[1]) Двѣ рукописи Ново-Нямецкаго мон-ря: первоначальная редакція и переработанная затѣмъ въ 1887 году.

повторяю, что о филологіи и не думалъ при написаніи называемой мной „Исторіи“, ибо этому я не учился“ и т. д. Можно даже удивляться, почему покойный архим. Андроникъ не воспользовался тѣми самыми славянскими рукописями, которыя ему во всякомъ случаѣ были извѣстны по Нямецкой библіотекѣ, а ссылался на самые общіе труды по исторіи славянъ, не указывая, впрочемъ, своихъ источниковъ. Таково, напримѣръ, происхожденіе его предположенія, что нашъ Григорій— авторъ житія Ромила и ученикъ послѣдняго. Очевидно, оно взято у Шафарика, или у Голубинскаго, или, наконецъ, у архим. Леонида [1]) и т. д.

Самый обширный трудъ о Цамблакѣ принадлежитъ епископу романскому Мелхиседеку, воспитаннику кіевской духовной академіи, автору цѣнныхъ трудовъ по исторіи румынской церкви, археологіи, эпиграфикѣ, археографіи, этнографіи, канонисту, переводчику и т. д. († 15 мая 1892 г.). Его работа была напечатана въ повременномъ изданіи проф. *Gr. Tocilescu— Revista pentru istorie, archeologie, si filologie,* an II, vol. I. Bucuresci, 1884, pp. 1—64, на которое мы и будемъ ссылаться, а затѣмъ перепечатана въ *Analele Academieĭ Române,* ser. II vol. VI, pp. 1—109 и въ духовномъ журналѣ *Biserica Ortodoxă Română,* an. VIII, 1884, № 6, 7, 9 pp. 410—526. Эта большая статья носитъ заглавіе „Mitropolitul Grigorie Tzamblac. Viața și operele sale“ или же „Viéța și scrierile lui Grigorie Tzamblacu“, и никоимъ образомъ не можетъ быть названа изслѣдованіемъ въ полномъ смыслѣ этого термина. Мелхиседекъ просто собралъ все, что нашелъ у русскихъ и румынскихъ историковъ, перевелъ обширныя выдержки изъ русскихъ работъ безъ всякой критики ихъ, многіе темные вопросы оставилъ безъ всякой попытки выяснить ихъ.

---

[1]) Прекрасный очеркъ жизни и литературной дѣятельности Андроника принадлежитъ преосв. Арсенію еписк. волоколамскому, *„Кишиневскія Епарх. Вѣдомости“,* 1834—95 г. и отдѣльно. Кишиневъ, 1895 г. Характеристика указаннаго труда на стр. 49—52.

и, напримѣръ, игуменство Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ, относитъ къ тѣмъ же 1438—1450 годамъ, а не къ началу XV вѣка. При изученіи труда Мелхиседека нужно прежде всего считаться съ его патріотическими намѣреніями; этимъ, напримѣръ, можно объяснить его мнѣніе о румынскомъ происхожденіи Цамблака, который даже свои поученія произносилъ будто-бы на румынскомъ (sic) языкѣ, основалъ въ Сочавѣ школу и т. д. Затѣмъ, для того, чтобы увеличить размѣры своей статьи, покойный историкъ вводитъ въ нее цѣлый рядъ отдѣловъ, имѣющихъ довольно отдаленное отношеніе къ нашему Цамблаку; поэтому словами „Apropostio" и т. п. начинается немало главъ и абзацовъ въ его книгѣ. Вотъ планъ его работы: гл. I. „Румынская фамилія Цамблака и мѣсто его рожденія". стр. 2—3; гл. II. „Время перваго прихода Цамблака въ Молдавію", стр. 3—6; гл. Ш. „Кипріанъ русскій митрополитъ" (по Шевыреву) стр. 6—10; гл. IV. „Григорій Цамблакъ отправляется въ Россію и дѣлается тамъ митр. кіевскимъ съ юрисдикціей надъ православными великаго княжества литовскаго", стр. 10—18 (по Филарету, приводя изъ него такія большія выдержки (стр. 11—14), что приходилось, подобно стариннымъ компиляторамъ, помѣщать замѣтку: „до здѣ Филаретъ, историкъ русской церкви", напримѣръ на стр. 14; гл. V. „Оставивъ литовскую митрополію, Цамблакъ удаляется въ Сербію", стр. 18—30. Какъ мы увидимъ дальше, Цамблакъ, если и былъ въ Сербіи, то въ самомъ началѣ XV в., но Мелхиседекъ относитъ этотъ періодъ къ 1420—1431 годамъ, и на десяти страницахъ передаетъ житіе Параскевы Епиватской (стр. 24), излагаетъ біографію Стефана Лазаревича соч. Константина Костенчскаго, принимая ее за произведеніе Цамблака (стр. 19—23), вводитъ большіе экскурсы по поводу замѣны Срацимира валашскимъ воеводой Мирчей въ позднихъ спискахъ (по Муравьеву, стр. 26—30), приводитъ въ румынскомъ переводѣ все добавленіе Цамблака о перенесеніи мощей Параскевы въ Сербію, причемъ не умѣетъ

выдѣлить изъ него частей, принадлежащихъ на самомъ дѣлѣ Евѳимію и т. д., однимъ словомъ, ровно ничего не говоритъ о пребываніи Цамблака въ Сербіи. Глава VI посвящена „Вторичному приходу Цамблака въ Молдавію“, стр. 30—56. Здѣсь онъ подробно разсказываетъ о флорентійскомъ соборѣ, вызвавшихъ его политическихъ событіяхъ (стр. 32—40), въ то время какъ ни одинъ изъ документовъ или историковъ не указываетъ на участіе Цамблака въ засѣданіяхъ собора, и Мелхиседеку приходится пользоваться, главнымъ образомъ, русскими историками. Затѣмъ онъ передаетъ исторію основанія Нямецкаго монастыря, повторяя ошибки прежнихъ писателей (стр. 41—42), а пользуясь удобнымъ случаемъ, разсказываетъ объ архим. Андроникѣ и основанномъ имъ въ Россіи Ново-Нямецкомъ монастырѣ (стр. 44—45), о славянскомъ языкѣ въ Молдавіи и Валахіи (стр. 47—49), о древнѣйшихъ монастыряхъ Молдавіи (стр. 49—51), о попыткахъ латинской пропаганды среди румынъ (стр. 52—53), о культурныхъ связяхъ Молдавіи съ Болгаріей (стр. 53—54), о славянскихъ словахъ, сохранившихся въ богослужебной терминологіи у румынъ, о непониманіи румынами книжнаго славянскаго языка, причемъ приводитъ пародіи на молитвы и апокрифическую молитву о Никитѣ мученикѣ (стр. 55) и т. д. Въ VII главѣ, „Произведенія Цамблака“ (стр. 56—59), онъ приводитъ со словъ Шевырева содержаніе, характеристику и статистику словъ Григорія и особое вниманіе обращаетъ на житіе Іоанна Новаго, пользуясь имъ, какъ историческимъ источникомъ, къ сожалѣнію, довольно жалкимъ (стр. 59—62). Наконецъ, послѣдняя VIII глава — „Преданія, сохранившіяся въ Молдавіи о Цамблакѣ (стр. 62—64) интересна по одному своему заглавію и бѣдна по содержанію, такъ какъ Мелхиседекъ знаетъ только запись на Требникѣ, Сказаніе митр. Георгія, замѣтки еписк. Пахомія и извѣстіе, сохранившееся въ „Исторіи“ архим. Андроника, о мѣстѣ погребенія Григорія. Такимъ образомъ, на пространствѣ 64 стра-

ницъ убористой печати Мелхиседекъ говоритъ о времени Цамблака, но о немъ самомъ не сообщаетъ почти ничего новаго.

Статья Мелхиседека вызвала подробно изложенный рефератъ П. Сырку, напечатанный въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія* за 1884 г., кн. XI, часть CCXXXVI, Отд. III, стр. 106—153. Критическаго отношенія къ работѣ извѣстнаго и почтеннаго румынскаго ученаго трудно было ожидать отъ молодого русскаго критика. Тѣмъ не менѣе, имъ указано не мало ошибокъ Мелхиседека, сдѣланы нѣкоторыя добавленія, хотя важнѣйшія, главнымъ образомъ, хронологическія предположенія были приняты безъ исправленій. Тѣмъ не менѣе, при извѣстной осторожности и несомнѣнной подготовкѣ автора, этотъ рефератъ „Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака" стоитъ гораздо выше статьи Мелхиседека.

Въ томъ же году въ *Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, 1884 г. № 26—27, стр. 220—223, № 36—37, стр. 313—316, № 38, стр. 326—328, № 39, стр. 332—333 и № 50, стр. 433—437 началась печатаніемъ большая статья Андрея Саббатовскаго. Опять русскій отдѣлъ представленъ довольно полно, хотя ссылки на изданные акты и лѣтописи берутся авторомъ изъ вторыхъ рукъ, часто безъ обычныхъ указаній. Что-же касается пребыванія Цамблака въ Молдавіи, то г. Саббатовскій обнаруживаетъ полное невѣдѣніе. Онъ увѣряетъ, напримѣръ, что „Молдавія и отчасти Бессарабія при Асѣняхъ составляла воеводство болгарскаго царства" и что славянская письменность въ ней продолжалась только до XVI (sic) вѣка (стр. 220); не знаетъ, почему Цамблакъ пріѣхалъ въ Молдавію и т. д. „Намъ не извѣстно,—говоритъ онъ, —какія причины заставили Григорія покинуть свое отечество (?) и переѣхать въ Молдавію; можетъ быть, онъ сдѣлалъ это по распоряженію (!) охридскаго архіепископа, въ зависимости отъ котораго находилась тогда (?) молдавская церковь, а можетъ быть, и вслѣдствіе политическихъ обстоя-

тельствъ, такъ какъ въ эту пору его родина страдала отъ нашествія (sic) дикихъ турецкихъ ордъ“ (стр. 223). Удалился Григорій изъ Россіи, какъ думаетъ авторъ, сначала въ Галичъ, который въ то время былъ уступленъ (sic) польскимъ королемъ молдавскому воеводѣ Иліи, а послѣ назначенія Исидора окончательно перешелъ въ Молдавію и для охраненія православія въ 1439 году соединился (sic) съ болгарской патріархіей (стр. 327) и т. д. Такихъ курьезовъ можно привести немало, и они уменьшили-бы и безъ того незначительную цѣнность всей работы г. Саббатовскаго.

Мы указывали выше, что русскій періодъ въ жизни Цамблака разработанъ довольно хорошо, и на него не разъ уже обращали вниманіе русскіе историки. Лучшей работой мы назовемъ семестровое сочиненіе П. П. Соколова, напечатанное въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1895 годъ, кн. VII, стр. 52 — 72, кн. VIII, стр. 157 — 199. Благодаря отчетливому представленію автора о положеніи чужанина-Цамблака въ западной Руси и о зависимости его отъ литовскаго великаго князя, благодаря добросовѣстному изученію источниковъ и наличной литературы вопроса, вторая глава этой работы настолько хороша, что мы не рѣшались многое повторять или провѣрять всѣ выводы г. Соколова и отсылаемъ читателей къ этимъ статьямъ. Что же касается молдавскаго и сербскаго періодовъ, то г. Соколовъ, незнакомый ни съ первоисточниками, ни съ общимъ состояніемъ славянской культуры въ Молдавіи, наконецъ, не читавшій ни одного изъ произведеній Цамблака, относится настолько недовѣрчиво къ пребыванію Цамблака въ Молдавіи, что готовъ совсѣмъ его отрицать, и вообще дѣлаетъ такія крупныя и совершенно непростительныя ошибки, что исправлять ихъ и относиться къ нимъ серьезно не представляется возможности. Очень жаль, что рецензентъ *Византійскаго Временника*, 1895 г., т. II, 4, стр. 677—689, только передаетъ содержаніе работы г. Соколова и ни разу не отмѣчаетъ недостатковъ разсматриваемой статьи.

Не будемъ указывать на такія компилятивныя и журнальныя работы, какъ небольшая статья Н. Н. Дурново, помѣщенная въ *Русской Бесѣдѣ* за 1895 годъ, кн. I, стр. 148—151 и составленная по плохо понятому румынскому труду Мелхиседека [1]), или же отрывки о Цамблакѣ въ „Исторіи русской іерархіи“ того же автора, или, наконецъ, статьи о Цамблакѣ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона т. IX и т. п. Гораздо большую услугу оказали намъ нѣсколько устарѣвшія статьи А. Горскаго „Фотій митр. кіевскій и всея Руси“ въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. отцовъ*, 1852 г., ч. XI; архим. Леонида „Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію“. въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей*, 1867 г., кн. II, изслѣдованія П. Сырку „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи“ и „Очерки изъ исторіи культурныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XVI—XVII вв.“, изъ которыхъ мы извлекли нѣсколько интересныхъ аналогій и параллелей и т. д. Остальныя работы нашихъ предшественниковъ указываются въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ труда.

Мысль заняться Григоріемъ Цамблакомъ намъ подалъ преосв. Арсеній епископъ волоколамскій, о. ректоръ московской духовной академіи, въ бытность его преподавателемъ кишиневской духовной семинаріи (А. Г. Стадницкій). По его совѣту, будучи еще студентомъ, мы посѣтили всѣ тѣ мѣстности, которыя чѣмъ-нибудь связаны съ Цамблакомъ, начиная Тырновомъ и Аѳономъ и кончая Молдавіей и Сербіей. Историческихъ данныхъ нашлось очень немного, но рукописей съ произведеніями Григорія мы могли просмотрѣть около сотни. Изъ нихъ мы извлекли только то, что имѣетъ значеніе историческихъ и автобіографическихъ источниковъ. Въ настоя-

[1]) Ср. рецензію *Византійскаго Временника*, 1895 г., т. II, 3, стр. 478 „сообщается по румынскимъ источникамъ нѣсколько новыхъ (?) данныхъ о митр. Григоріи, имѣющихъ отношеніе (?) и къ исторіи флорентійской уніи въ Византіи“

щемъ выпускѣ нашей работы мы остановились только на біографіи Цамблака, отчасти, на его дѣятельности и событіяхъ его времени; библіографическое и литературное изученіе произведеній его послужитъ темой для слѣдующаго выпуска. Вдумываясь и вглядываясь въ тѣ немногіе достовѣрные факты изъ жизни Цамблака, которые даютъ историческіе источники, мы путемъ аналогій, параллелей и предположеній часто приходили къ ясному представленію многаго того, о чемъ молчатъ источники; въ особенности яснымъ казалось это при посѣщеніи мѣстностей, гдѣ жилъ и работалъ Цамблакъ. У Цицерона есть характерное опредѣленіе такого процесса историческаго изслѣдованія, быть можетъ, ясновидѣнья прошлаго: „Naturane nobis hoc datum, dicam, an errore quodam, ut, cum ea loca videamus, in quibus memoria dignos viros acceperimus esse versatos, magis moveamur, quam si quando eorum ipsorum facta audiamus". Такимъ отношеніемъ къ интересующему насъ историческому вопросу, быть можетъ, и объяснятся достоинства и недостатки нашей работы.

ГЛАВА I.

Наиболѣе правильное написаніе фамиліи Цамблака. — Родъ Цамблаковъ въ Византіи и Болгаріи и болгарское происхожденіе ихъ. — Вопросъ о сербскомъ происхожденіи Григорія и Кипріана Цамблаковъ. — Родина и годъ рожденія Григорія; свѣдѣнія объ отцѣ его. — Пребываніе на Аѳонѣ и въ Константинополѣ. — Вопросъ о сербскомъ періодѣ дѣятельности Цамблака.

Несмотря на значительную съ перваго взгляда литературу вопроса, указанную въ Введеніи, приходится признаться, что о жизни Цамблака извѣстно въ сущности очень немногое; кромѣ того, большинство данныхъ, принятыхъ всѣми изслѣдователями за несомнѣнныя, даютъ зачастую настолько сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія, что разбираться въ нихъ и устанавливать ихъ относительную достовѣрность приходится

съ большой осторожностью. Прежде всего характерно уже то что даже фамилія нашего проповѣдника варьируется такъ разнообразно въ молдавскихъ и русскихъ лѣтописяхъ, греческихъ, славянскихъ и латинскихъ документахъ, записяхъ и трудахъ новѣйшихъ историковъ, какъ ни одно, пожалуй, другое изъ исторически достовѣрныхъ именъ. Цамблакъ, Цамвлакъ, Цамвлахъ, Самвлакъ, Цамблинъ, Цамибакъ, Цамбакъ, Чамьблакъ, Чамъблахъ, Цимблакъ, Цимвлахъ, Цимивлакъ, Семивлахъ, Шемивлахъ, Щемблатъ, Земблакъ, Замбакъ и т. д.— вотъ важнѣйшія написанія греко-болгарской фамиліи кіевскаго митрополита. Наиболѣе правильнымъ мы считаемъ первое изъ нихъ; въ припискахъ Нямецкаго монаха Гавріила Цамблака къ заглавіямъ произведеній Григорія, на нѣсколькихъ датированныхъ рукописяхъ 30 и 40 годовъ XV вѣка, находимъ эту фамилію въ такомъ видѣ: цамблак. Съ другой стороны, греческіе документы конца XIV вѣка даютъ подобную же ороографію: Τζάμπλακος; къ послѣдней восходитъ также и наиболѣе распространенный русскій варьянтъ этой фамиліи—Цамвлакъ, повидимому, книжнаго происхожденія, изъ греческаго Τζάμβλακος. Этимологія ея представляется довольно загадочной. П. Сырку высказалъ предположеніе, что она могла составиться „изъ Τζαμ + βλακος, Цам — влахъ (= Цап + влахъ). *Цам*, *Цанъ*, должно быть, собственное имя *Цано* Τζάνης, очень (?) распространенное у южныхъ славянъ и грековъ. Аналогическое (?) явленіе представляетъ *Хаджамъ* (Хаджа + яни = Χαδζι + Ιανης" (стр. 110). Правдоподобно только то, что скорѣе всего фамилія Цамблаковъ—болгарскаго происхожденія, быть можетъ, албанскаго и едва-ли румынскаго.

Одна изъ русскихъ, курьезная по своей огласовкѣ форма. Семивлахъ, дала поводъ не менѣе курьезнымъ домысламъ нашихъ филологовъ, основаннымъ, конечно, на простой игрѣ словъ. Митр. Евгеній, митр. Макарій, архим. Леонидъ, преосв. Филаретъ, Устряловъ, Чистовичъ, архим. Андроникъ и другіе видѣли въ этой формѣ соединеніе латинскаго *semi* и славян-

скаго *влахъ*, переводили на русскій языкъ словомъ полу-влахъ (!) и производили Григорія Цамблака прямо изъ „молдовлахійскихъ (sic) бояръ или же изъ болгаръ, но смежныхъ съ Валахіей“. Не менѣе оригинальный взглядъ на этимологію другой, совершенно случайной русской формы, Самвлахъ, высказываетъ преосв. Мелхиседекъ. „Всѣ русскіе ученые, — говоритъ онъ, — производятъ его имя отъ славянскихъ реченій — *самъ* и *влахъ*, доказывающихъ румынское (sic) происхожденіе фамиліи Григорія Цамблака: *самъ Влахъ* или точнѣе *истый Румынъ*. Въ тоже время, варьянты въ произношеніи фамиліи Цамблака—Самвлахъ и Семивлахъ—показываютъ (?), что онъ жилъ и дѣйствовалъ и среди грековъ, и славянъ, и румынъ, иными словами, мы можемъ назвать его общимъ и грекамъ, и болгарамъ, и румынамъ, и русскимъ, и сербамъ“ (стр. 2). Такой, нѣсколько непонятный выводъ румынскаго ученаго повторяетъ и П. Сырку; хотя онъ и прибавляетъ, что Мелхиседекъ „не совсѣмъ справедливъ“ потому только, что „не всѣ русскіе писатели представляютъ въ такой формѣ это прозвище“, но „весьма вѣроятно, что Цамблакъ происходилъ изъ какого-нибудь знатнаго македонскаго *валашскаго* рода, первые представители котораго появились уже съ давнихъ поръ, нужно полагать, въ разныхъ мѣстахъ балканскаго полуострова, судя потому, что въ XIV вѣкѣ является нѣсколько лицъ, носящихъ это прозвище“ (стр. 110). Итакъ, толкованіе одной только фамиліи Цамблака, похожее въ сущности на многія хорошо извѣстные филологическія упражненія первыхъ славистовъ-романтиковъ, даетъ возможность Мелхиседеку удовлетворить національное честолюбіе румынъ и въ конечныхъ выводахъ считать румынское происхожденіе Цамблака за фактъ достовѣрный (стр. 47) [1]. П. Сырку желаетъ, повидимому, нѣсколько осла-

[1]) Въ настоящее время всѣ почти румынскіе историки принимаютъ мнѣніе Мелхиседека: *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, ed. popul., vol. III, p. 122, vol. V, p. 223; *V. A. Urechia*, Istoria literaturei Romàne. Bucuresci, 1884

бить смѣлое заключеніе Мелхиседека. „Я склоненъ думать,- говоритъ онъ, —что терновскіе Цамблаки въ поколѣніе Григорія едва-ли считали (?) себя еще валахами; по всей вѣроятности, они уже были оболгарены, хотя Григорій могъ (?) знать валашскій языкъ" (стр. 110 — 111). Но для румынскаго происхожденія Цамблаковъ — Григорія и митр. Кипріана — у насъ нѣтъ пока никакихъ данныхъ.

Мы знаемъ только, что какъ разъ во второй четверти XIV вѣка и въ началѣ третьей, когда именно родился нашъ Григорій, нѣсколько лицъ изъ фамиліи Цамблаковъ находились на службѣ при византійскомъ дворѣ. Писавшіе о Цамблакѣ ученые — Горскій, 237—238, Макарій, 98, Мелхиседекъ, 2, Сырку, 110, Соколовъ, 58, 60 — приводятъ цѣлый рядъ выписокъ изъ византійскихъ историковъ, актовъ и хроникъ, изъ которыхъ видно, что въ интересующее насъ время жили и дѣйствовали слѣдующія лица, носившія эту фамилію:

I. Μέγας παπίας Антоній Цамблакъ, упоминаемый въ договорѣ Андроника Палеолога съ венеціанской республикой 1332 года.

II. Въ той же должности извѣстенъ Арсеній Цамблакъ, котораго г. Соколовъ почему-то отождествляетъ съ Антоніемъ, „по ошибкѣ(?) названнымъ двумя разными лицами" (стр. 58). Первый разъ онъ упоминаетъ подъ 1330 годомъ, вмѣстѣ съ сыновьями къ сожалѣнію, не поименованными. Въ 1332 онъ начальствуетъ надъ лѣвымъ крыломъ греческой арміи въ войнѣ съ болгарами, затѣмъ участвуетъ въ переговорахъ послѣ той же войны и въ посольствѣ къ персидскому вождю Сенахириму, наконецъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ назначенъ архонтомъ области Дидимотиха.

III. Къ этому прибавимъ оставшагося прежнимъ изслѣ-

an., p. 63; J. A. *Grigoriu*, Notiţe istorice asupra lui Josif I Muşat, Bucureşti, 1898, p. 47 и мн. др. *Е. Голубинскій* не вѣритъ въ румынское происхожденіе Цамблака, Исторія русской церкви, II, 2, стр. 86.

дователямъ неизвѣстнымъ Алексѣя Цамблака въ простагмѣ на имя великаго чаушьи, сербскаго кефаліи читаемъ: *μέγα τζαύση κεφαλὴ τῆς θεοσώστου πόλεως Σερρῶν ἔτι καὶ κάστρων καὶ τῆς Ποπολίας κὺρ Ἀλέξιε Τζαμπλακῶν. Т. Флоринскій*, Законодательная дѣятельность Стефана Душана, стр. 133, 139, Приложеніе, стр. 217 и 218.

Кромѣ того, намъ извѣстно еще нѣсколько сановниковъ-Цамблаковъ, но имена ихъ не опредѣлены:

IV. Цамблакъ „кавалеръ"—*Τζαμπλάκων ὁ καβαλλάριος*, упоминаемый въ „Путешествіи Мазарини въ адъ", сатирической поэмѣ XIV вѣка. Выписки у *А. Горскаго*, Фотій митр. кіевскій и всея Руси, стр. 238.

V. Цамблакъ *ὁ μέγας παπίας*—въ судебномъ дѣлѣ средины XIV вѣка между мон-ремъ св. Николая и гражданами г. Рентины. Когда монахи представили въ судъ императорскіе указы, то горожане ссылались на клятвенную грамоту великаго папіи Цамблака: *δι' ὁρκωμοτικοῦ γράμμα τοῦ μεγάλου παπίου τοῦ Τζαμπλακῶνος*. См. изданные *Т. Флоринскимъ* „Аѳонскіе акты и фотогр. снимки съ нихъ въ собраніи П. И. Севастьянова" СПБ. 1880 г., стр. 88—90. То же, повидимому, лицо упоминается подъ 1331, 1341, 1348 и 1352 гг. *Ioannis Contacusenis*. Historia, по изданію въ Парижѣ 1645 г., vol. I, p. 465, vol. II, p. 77, vol. III, pp. 74, 237.

VI. Цамблакъ *ὁ μέγας δοῦξ*, упоминаемый подъ 1348 годомъ въ правленіе Іоанна Палеолога. Ссылки у *П. Соколова*, стр. 59.

VII. Цамблаки — чиновники на о-вѣ Лемносѣ, архонты Керкиды, союзникъ понтійскаго деспота Ѳомы „Кидонида или Цамблакъ" и др. Ссылки у *П. Сырку*, стр. 110.

Наконецъ, въ XV вѣкѣ Цамблаки служатъ въ Молдавіи и находятся въ родственныхъ связяхъ съ господарями, напримѣръ:

VIII. Іоаннъ Цамблакъ, дядя молдавскаго господаря Стефана Великаго (1456 — 1504), въ 1476 году посланъ въ Римъ и Венецію просить помощи противъ турокъ. Существуетъ пространная рѣчь, произнесенная имъ въ венеціанскомъ сенатѣ на греческомъ языкѣ. *A. D. Xenopol*, Istoria românilor etc., vol. IV, p. 80, 82, vol. VI, p. 227.

Гораздо меньше мы знаемъ о тырновскихъ Цамблакахъ, несмотря на то, что связь ихъ съ греческими сановниками несомнѣнна [1]). Очень возможно даже, что тотъ великій примикирій, которому возглашаетъ вѣчную память Синодикъ царя Бориса (по изданію *М. Попруженка:* цамблакоу великомоу примикюрю, вѣ҃. *Извѣстія русск. археол. Института въ Константинополѣ*. Одесса. 1897 г., т. II. стр. 71), окажется, при болѣе тщательныхъ разслѣдованіяхъ, однимъ изъ перечисленныхъ греческихъ Цамблаковъ. Предполагаютъ, что этотъ вельможа царя Александра былъ или *дѣдъ* Григорія (Сырку, стр. 110) или *отецъ* его (Соколовъ, стр. 57; Е. Голубинскій, II, 2, стр. 376) или, наконецъ, что *самъ* (sic) Григорій— „бывшій (?) при Евѳиміи великіимъ примикиріемъ, написалъ ему похвальное Слово“ (Арсеній архим., Лѣтопись церковныхъ событій. СПБ. 1880 г., стр. 523). Такъ какъ дальше идти некуда, то мы, съ своей стороны, ничего уже не будемъ прибавлять къ этому вопросу.

Если въ извѣстной степени основательны предположенія о родствѣ Григорія съ патр. Евѳиміемъ, котораго первый называетъ „своимъ“ въ похвальномъ Словѣ Кипріану [2]), то во вся-

---

[1]) Впослѣдствіи П. Сырку нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе; онъ думаетъ, что „тырновскіе Цамблаки были, несомнѣнно, происхожденія *не*болгарскаго (sic) и притомъ довольно знатнаго, можетъ быть (?), изъ тѣхъ родовитыхъ фамилій, которыя составляли притырновскую колонію Арбанаси, гдѣ были, несомнѣнно, не одни албанцы“. Время и жизнь патр. Евѳимія тырновскаго, стр. 254.

[2]) „Своего жъ и великаго Евѳиміа, таковая кормленіа дръжаща“. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей*. 1872 г., кн. I, Смѣсь, стр. 28. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей такъ именно понимаетъ эти слова П. Сырку, Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 249 и др. К. Радченко ду-

комъ случаѣ несомнѣнно ближайшее родство Григорія съ митр. Кипріаномъ, о которомъ тамъ же онъ говоритъ вполнѣ опредѣленно: „братъ бѣаше нашему отцю“ [1]). Слѣдовательно, нашему Григорію русскій митрополитъ приходился роднымъ дядей по отцу, и такимъ образомъ, Кипріанъ происходилъ изъ той же фамиліи Цамблаковъ. Кромѣ этихъ трехъ лицъ, тырновскимъ уроженцемъ въ настоящее время принято считать и другого ученика Евѳимія и послѣдователя его правописной реформы—Константина Костенчскаго, который въ своемъ „Сказаніи о писменахъ“ называетъ своей родиной „тырновскія страны“. Такимъ образомъ интересенъ самъ по себѣ фактъ, что въ XIV вѣкѣ изъ столицы восточной Болгаріи вышли четыре видныхъ дѣятеля на поприщѣ славянской письменности. Къ старшему поколѣнію принадлежали Евѳимій и Кипріанъ, къ младшему—Григорій и Константинъ. Изъ этой литературной семьи только первый трудился почти исключительно въ предѣлахъ своей родины; остальные разошлись по сосѣднимъ землямъ, сблизивъ этимъ культуру и письменность православныхъ славянъ. Кипріанъ жилъ, дѣйствовалъ и скончался въ Россіи, Григорій—въ Молдавіи, Константинъ — въ Сербіи. Въ этомъ распространеніи Евѳиміевыхъ традицій и заключалась ихъ главнѣйшая заслуга.

Несмотря на то, что въ надгробномъ Словѣ Кипріану Цамблакъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что почившаго „*наше* отечество изнесе“, указывая этимъ, если не на Тырновъ, то

маетъ, что Евѳимій приходился Григорію, „вѣрнѣе, свойственникомъ“, Религіозное и литературное движеніе, стр. 247. Е. Голубинскій сомнѣвается въ родствѣ этихъ двухъ лицъ: Кипріанъ могъ называть Евѳимія или „отцомъ по монашеству“ или же „старшимъ родственникомъ по плоти“, причемъ прибавляетъ, что болѣе правдоподобно первое, Исторія русской церкви, II, 2, стр. 297 — 298, 376. Къ этому можно прибавить, что въ Словѣ похвальномъ Евѳимію Григорій ни разу не называетъ покойнаго святителя своимъ родственникомъ, въ то время какъ для этого не разъ представлялся удобный случай.

[1]) *Чтенія Общества Исторіи и древностей*, 1872 г., кн. I, Смѣсь, стр. 29. *Леонидъ*, Митр. Кипріанъ, стр. 13. *П. Сырку*, Время и жизнь стр. 253 и др.

во всякомъ случаѣ на Болгарію, — многіе русскіе изслѣдователи не довѣряли также и свидѣтельству цѣлаго ряда лѣтописныхъ сводовъ, называвшихъ Григорія болгариномъ, и считали его сербомъ. Въ то же время латинскіе источники и историки никогда не дѣлаютъ подобной ошибки. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ папѣ Мартину V Ягелло выражаетъ сожалѣніе по поводу смерти (sic) Цамблака и называетъ его македоняниномъ: „Ille Gregorius antistes, Macedo, qui unionem ecclesiae orientalis tanto desiderio et ardore cordis promovebat... ab hoc luce est sublatus“ [1]). Извѣстный авторъ классической „Обороны Унiи“, Левъ Кревза, также называетъ Цамблака „болгариномъ, какъ и Евѳимія тырновскаго“ [2]). Тоже говорятъ и полемизировавшій съ нимъ Захарій Копыстенскій въ своей „Палинодіи“ и Кульчинскій: „Григорій I, по прозванію Цемивлакъ, по націи болгаринъ“ (cognomento Cemivlaccus, natione bolgarus) [3]).

Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ, что митр. Макарій въ своей специальной статьѣ о Цамблакѣ (стр. 98) и въ „Исторіи русской церкви“ (т. IV, стр. 98) называетъ нашего писателя сербомъ?—Очевидно, такой выводъ сдѣланъ былъ единственно на основаніи словъ самого Цамблака о родствѣ его съ Кипріаномъ, сербское происхожденіе котораго признается единогласно всѣми русскими лѣтописями и повторяется большинствомъ изслѣдователей. Если не ошибаемся, архим. Леонидъ первый объяснилъ причины такого страннаго на первый взглядъ свидѣтельства старинныхъ русскихъ книжниковъ. „Кипріанъ прибылъ на Аѳонъ,—разсуждаетъ Леонидъ— въ самое развитіе тамъ славяно-сербской письменности, ознакомился со всѣми произведеніями ея, снялъ вѣрные списки

---

[1]) Грамота издана у *Caro*, „Liber cancelariae Stanislai Ciołek“ von dr. J. Caro, I, № 72. Ср. *Przeglad powszechny*, 1896, Zeszyt VII, str. 59.

[2]) Русская Историческая Библіотека, т. IV, стр. 233.

[3]) Specimen Ecclesiae Ruthenicae, p. 121. Ср. у *А. Попова*, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемич. сочиненій противъ латинянъ, стр. 316.

съ переводовъ, сдѣланныхъ другими, трудился надъ этимъ дѣломъ и самъ; когда же впослѣдствіи былъ посвященъ въ митрополиты единоплеменнаго ему народа русскаго, то усвоилъ ему плоды своихъ знаній и трудовъ. Вотъ чѣмъ объясняется усвоеніе ему *сербскаго* происхожденія: на Аѳонѣ процвѣтала тогда преимущественно *славяно-сербская* письменность. Болгаринъ Кипріанъ, живя въ сербской Аѳонской обители и занимаясь списываніемъ славяно-сербскихъ переводовъ, *осербился* и самъ по языку разговорному и книжному" [1]). Тѣмъ не менѣе, русскіе историки продолжали называть Кипріана сербомъ, и почти черезъ двадцать лѣтъ архим. Амфилохію пришлось снова поднять этотъ вопросъ и доказывать, что митр. Кипріанъ „былъ болгаринъ, а не сербъ, и писалъ, употребляя въ письмѣ правильно и неправильно юсы" [2]). Впрочемъ, въ старой русской письменности намъ не разъ приходится встрѣчать терминъ „сербскій" въ опредѣленіи болгарскихъ дѣятелей, рукописей, изводовъ и т. д. Не будемъ указывать всѣ хорошо извѣстные случаи и не менѣе извѣстныя изъ существующихъ объясненій, а приведемъ только чрезвы-

---

[1]) Кипріанъ до восшествія на моск. митрополію, стр. 21.

[2]) См. докладъ архим. Амфилохія на III Археол. Съѣздѣ: „Что внесъ св. Кипріанъ митр. изъ своего родного нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги" *Труды*, т. II, стр. 250. Интересно, между прочимъ, что архим. Леонидъ серьезно возмущался „упорствомъ" русскихъ изслѣдователей. „Послѣ такого яснаго, почти современнаго Кипріану, свидѣтельства объ его болгарскомъ происхожденіи не странно-ли видѣть, – иронизируетъ онъ, — что одно изъ новѣйшихъ жизнеописаній сего святителя начинается такъ: „Блаженный Кипріанъ, родомъ сербъ изъ Тырнова", безъ всякихъ поясненій касательно такого сопоставленія"—и затѣмъ остроумно замѣчаетъ: „не тоже-ли это, что сказать о комъ-нибудь: „сербъ изъ Петербурга", или „болгаринъ изъ Москвы", или „русскій изъ Бѣлграда", безъ всякаго другого поясненія? Полагаемъ, что послѣ свидѣтельства Григорія, какъ современника и родственника блаженнаго Кипріана, вопросъ о болгарскомъ происхожденіи святителя можетъ считаться рѣшеннымъ", Кипріанъ до восшествія на моск. митрополію, стр. 14. Очевидно, Леонидъ разумѣетъ здѣсь или статью *А. Горскаго* въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. отцовъ* 1848, кн. VI, или же скорѣе „Обзоръ духовной литературы" преосв. Филарета, гдѣ на стр. 103 Цамблакъ дѣйствительно называется „сербомъ изъ тырновской патріар-

чайно характерную аналогію изъ письменности румынской, гдѣ слова sĕrbesc, sĕrbeşte опредѣляютъ не спеціально сербское происхожденіе, а просто славянское, точнѣе, *юго-славянское*. Поэтому во всѣхъ нижеслѣдующихъ примѣрахъ терминъ „сербскій“ нужно переводить словомъ „славянскій“.

I. Лѣтописецъ XVII вѣка Урѣке, разсказывая о посылкѣ въ половинѣ XVI вѣка женой господаря молдавскаго Петра Рареша Еленой султану Солиману письма, называетъ послѣднее: скрисоарѣ сырбѣскъ. Коментируя это мѣсто, проф. I. Богданъ думаетъ, что письмо могло быть написано скорѣе по русски или же по болгарски, но ни въ коемъ случаѣ не по сербски. Cronicele moldovenesci, p. 38. Припомнимъ также споръ о томъ, „на какомъ языкѣ были писаны грамоты турецкаго султана Селима къ вел. кн. Василію Іоанновичу“. *П. А. Лавровъ* въ *Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ*, т. I, кн. 3, стр. 543—548.

II. Въ IX главѣ своей „Chroniki ziem moldawskich y multanskich“, составленной въ 1684 году, Миронъ Костинъ приводитъ титулъ господаря на славянскомъ языкѣ и, передавая его славянскими же буквами, прибавляетъ: a zawsze zwyczay iest, że się s e r b s k i m ięzykiem tytul piszę aż podziz-dien, tak u hospodara moldawskiego jako y multanskiego. *I. Bogdan*, Cronice inedite, p. 168.

III. Тотъ же хронистъ въ своей румынской лѣтописи,

хіи“; а на стр. 86 сербомъ называется и Кипріанъ. Но, видно, и этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ необъяснимыхъ научныхъ ошибокъ, которыя держатся крѣпко и обѣщаютъ держаться еще долго. Многіе ученые называютъ Кипріана прямо сербомъ—Макарій, Буслаевъ, Тихонравовъ, Соловьевъ, Филаретъ, Ключевскій, Мансветовъ; другіе—полу-болгариномъ, полу-сербомъ, напр., Соболевскій, Пыпинъ и др. Упомянемъ наконецъ, что такой солидный ученый, какъ А. Левицкій, въ своей необыкновенно цѣнной статьѣ, написанной черезъ 40 лѣтъ послѣ Леонида, цитируя почти всѣ византійскіе и русскіе источники о Кипріанѣ, а въ томъ числѣ и статью архим. Леонида, все же говоритъ: „поэтому патріархъ выслалъ монаха Кипріана, родомъ серба“ (!). *A. Lewicki*, Sprawa unii koscielnej za Jagielly, *Kwartalnik historyczny*. 1897, Zeszyt II, str. 313.

ссылаясь на Кромера, говоритъ: Jară Kromer cronicarulu in certea XXV serie, că au cetitu in Cracău, in camara craiascâ, Aședamînturile Moldovei, scrise cu slovă s ê r b é s c ă т. е. „а хронистъ Кромеръ пишетъ въ XXV книгѣ, что читалъ въ Краковѣ, въ королевскомъ дворцѣ „Устройство Молдавіи“, написанное с е р б с к и м и буквами“. Проф. I. Богданъ прибавляетъ, что въ настоящее время этотъ памятникъ извѣстенъ, и написанъ онъ на южно-русскомъ языкѣ. *I. Bogdan*, Cronicele moldovenesci, p. 38, nota.

IV. Другой молдавскій лѣтописецъ XVII же вѣка, составившій примѣчанія и дополненія къ Урѣке, Евстратій Логфетъ, два раза ссылается на славянскую лѣтопись монаха Азарія: află-se scrisu la unu letopisețu s ê r b e s c u de Azarie călugărul; въ другомъ мѣстѣ: scrie la unu letopisețu vechiu s ê r b e s c, de Azarie călugurulu izvoditu. Ib. pp. 26, 27. Но судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ беретъ изъ лѣтописи Азарія, можно съ увѣренностью полагать, что у него была средне-болгарская лѣтопись такой же почти редакціи, которая найдена въ извѣстной Почаевской рукописи.

V. Въ румынскомъ предисловіи къ Евангелію, напечатанному въ 1648 году въ ардяльскомъ Бѣлградѣ, говорится о греческихъ, сербскихъ (сѫрбещи) т. е. юго-славянскихъ и латинскихъ оригиналахъ, послужившихъ для румынскаго перевода; въ тоже время Новый Завѣтъ какого-то московскаго изданія (тvпѫритѫ ын цара Москꙋлꙋи) названъ славянскимъ (извоꙋлѫ словенескѫ).

VI. Въ румынской записи 1728 года (*П. Сырку* относитъ ее къ XVI—XVII (sic) вѣку) на Соловецкомъ Служебникѣ: иевангелие беке сирбаскѫ кꙋ мѫна; праксиꙋ беке тїпѫрникь сирбьскꙋ; псалтырь беке типарникѫ сирбаскѫ. Литургическіе труды патр. Евѳимія, стр. XXVIII.

VII. Въ краткомъ спискѣ игуменовъ Нямецкаго монастыря, напечатанномъ въ 1858 году архим. Андроникомъ: аꙋ скрис мꙋлте кѫрцй сѫ̂рбещй т. е. „написалъ много славян-

скихъ книгъ". Скѹртӑ историѥ, а҃. Наконецъ, послѣдній примѣръ беремъ изъ любой современной статьи, напримѣръ,

VIII. Въ составленной еписк. Мелхиседекомъ „Catalog de cartile sĕrbesci și rusesci manuscrise veche" etc., рѣчь идетъ о рукописяхъ Нямецкаго монастыря—юго-славянскихъ и русскихъ, *Revista pentru istorie, archeologie* etc., an. II, vol. I, p. 129 и мн. др.

Происхожденіе столь аналогичной терминологіи у молдованъ и у русскихъ имѣло однѣ и тѣ же причины. Русскіе книжники XIV—XV вѣка, познакомившіеся послѣ долгаго перерыва съ письменностью южныхъ славянъ, имѣли дѣло главнымъ образомъ съ сербскими монахами, монастырями и рукописями [1]). Средне-болгарское же правописаніе въ молдавскихъ рукописяхъ привилось настолько прочно, что могло считаться въ значительной степени своимъ, исконнымъ, тѣмъ болѣе, что первые по времени правленные тырновскіе изводы были пересажены именно на молдавскую почву нашимъ Цамблакомъ въ Нямецкомъ монастырѣ. Что же касается посторонних вліяній и сербо-валашскихъ рукописей, то всѣ онѣ были ресавскаго извода, вели свое происхожденіе изъ западной Болгаріи или изъ Сербіи и восходятъ къ тому какъ разъ времени, когда сношенія съ восточной Болгаріей прекратились. Это и было началомъ славянской письменности въ Валахіи. Вотъ почему все славянское, пришлое считалось сербскимъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что лѣтопись Костина, разсказывая о поѣздкѣ нашего Цамблака въ Охридъ, говоритъ, что Цамблакъ вывезъ оттуда „славянскихъ священниковъ и книги всего церковнаго круга": преѡци ши кӑрци сиркещи де тоатӑ ѡрӑндѹила бисѣричіи [2]). Это было первымъ по времени фактомъ правильныхъ культурныхъ сношеній Мол-

---

1) Многіе факты собраны у А. И. Соболевскаго. Переводная литература московской Руси. Спб. 1903, стр. 1—32.

2) Рукопись изъ библіотеки Academia Română въ Букурештѣ № 53, л. 48.

давіи съ Охридомъ, а послѣдній въ то время можно было называть только сербскимъ. Если же русскія лѣтописи такъ последовательно называютъ Кипріана сербомъ, а Григорія болгариномъ, то это надо понимать такъ, что только второй изъ нихъ могъ принести на Русь правленные тырновскіе тексты; слѣдовательно, правописная реформа Евѳимія началась и развилась въ сравнительно позднее время.

Годъ рожденія Григорія опредѣлялся довольно точно и прежними изслѣдователями. Обыкновенно пользовались для этого тремя фразами изъ того же похвальнаго митр. Кипріану Слова, гдѣ проповѣдникъ говоритъ, что составлено оно или же произносится два-три года спустя послѣ смерти святителя— „не двоихъ или тріехъ годъ, иже преидоша“ —слѣдовательно, въ 1409 году [1]; а со времени посѣщенія Кипріаномъ болгарской столицы на пути изъ Кіева въ Константинополь прошло около тридцати лѣтъ — „ѹть во оттоли до тридесять и нѣгдѣ лѣтъ, егда отъ васъ воздвигся, къ великому сему и царици градомъ градаше“ [2]). Вычисливъ, получали 1379 годъ, какъ время свиданія Григорія съ своимъ дядей. Описывая затѣмъ торжественную встрѣчу, оказанную русскому митрополиту и тырновскому уроженцу мѣстнымъ духовенствомъ и населеніемъ, Григорій говоритъ между прочимъ и о себѣ, что былъ онъ въ то время отрокомъ—„мы же святого оного лица видѣ спо-

---

[1]) Дату смерти Кипріана см. въ рукописи Московск. Дух. Акад. № 154, л. 35. Ср. Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря и т. д. стр. 157.

[2]) Послѣднюю дату можно получить и другимъ способомъ, а именно, на основаніи показанія самого Кипріана въ составленномъ имъ Житіи митр. Петра. Авторъ говоритъ, что онъ ѣздилъ въ Константинополь „съ наступленіемъ третьяго лѣта“ по прибытіи въ Россію, (См. сборникъ Моск. Духовн. Акад. XV—XVI в. № 195, л. 232), что̀, какъ извѣстно, произошло въ 1376 году, а также по лѣтописнымъ извѣстіямъ, которыя опредѣленно говорятъ, что онъ выѣхалъ изъ Кіева лѣтомъ 1379 года за Митяемъ искать „своей правды“. Леонидъ, стр. 29. П. Сырку, вслѣдъ за А. Саббатовскимъ (*Литовск. Епархіальн. Вѣдомости* 1884 г., Вильна), впалъ въ ошибку, и вмѣсто цифры 30 помѣщаетъ 40, стр. 111.

добиҳомсѧ видѣти, отроческый еще носѧщіа возрастъ“ [1]). На основаніи послѣдняго свидѣтельства изслѣдователи и вычисляли дату рожденія Григорія. Опредѣляя отроческій возрастъ 15-ю (Сырку, стр. 111) или 13-ю (Соколовъ, стр. 57) годами, получали 1364 или 1366 годъ. Держась, по всей вѣроятности, середины, Е. Голубинскій датируетъ рожденіе Цамблака „приблизительно 1365 годомъ“ [2]) Но въ настоящее время, когда нами найдена запись Цамблака на переписанномъ имъ въ 1450 году, уже схимникомъ-Гавріиломъ, сборникѣ, наша дата можетъ считаться вполнѣ достовѣрной, тѣмъ болѣе, что она совпадаетъ съ одной изъ вышеуказанныхъ. Запись эта читается такъ: † гаврїиль исписа сїи смлать книгы въ лѣто ӡцнѳ скончаҳь мѣсѧца дек(емврїа) е дьни. оуже пѕ тимь лѣтомъ сьи [3]). Такимъ образомъ, если въ 1450 сентябрьскомъ году ему было 86 лѣтъ, то родился онъ въ 6873 т. е. въ 1364 январскомъ году.

Объ отцѣ Григорія извѣстно очень немногое. Кромѣ высказанныхъ предположеній о тожествѣ его съ великимъ примикиріемъ Борисова Синодика, изслѣдователи интересовались еще вопросомъ о времени смерти отца. П. Соколовъ думаетъ, что отецъ Григорія умеръ очень рано: „по крайней мѣрѣ, въ 1379 году, когда чрезъ Терновъ проѣзжалъ Кипріанъ, онъ уже едва-ли былъ въ живыхъ. Описывая въ своемъ похвальномъ Словѣ встрѣчу Кипріана, Григорій ни слова (?) не говоритъ объ отцѣ, хотя послѣдній долженъ былъ-бы присутствовать при ней, еслибы былъ живъ, а упомянуть объ этомъ для Григорія было достаточно поводовъ“. Но оказы-

[1]) *Чтенія*, 1872, кн. 1, Смѣсь, стр. 27. О различіи между словами штрокъ—песь (παῖς) и дѣтищь—педїѡнь (παιδίον) см. въ „Сказаніи о письменахъ“ Константина Костенчскаго. *И. В. Ягичъ*, Разсужденія старины о слав. языкѣ стр. 181. Мелхиседекъ неправильно понимаетъ первый изъ терминовъ, называя его „дѣтствомъ“ (vêrsta copilariеї), и опредѣляетъ 10—12 годами (стр. 2).

[2]) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 376.

[3]) *А. И. Яцимирскій*. Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 156.

вается, что такой выводъ основанъ на плохомъ пониманіи соотвѣтствующаго мѣста изъ не разъ цитованнаго надгробнаго Слова Кипріану, гдѣ мѣсто это читается такъ: „И яко-жъ уже близъ бысть къ намъ грядый тогда церкви, ижъ насъ воспитавшіа и наказавши, *съ рождшимъ насъ отцемъ* и учителемъ зѣльнымъ срѣте". Архим. Леонидъ понимаетъ такъ, что Цамблакъ говоритъ о „блаженномъ Евѳиміи, общемъ ихъ покровителѣ и наставникѣ" (стр. 12), и для того, чтобы отчетливѣе показать, что рѣчь идетъ здѣсь объ одномъ и томъ же лицѣ,—при словѣ *рождшимъ* помѣщаетъ въ скобкахъ *духовно*. А за нимъ повторяетъ это и П. Соколовъ: „подъ рождшимъ (духовно) насъ отцемъ и учителемъ" разумѣется Евѳимій (стр. 60). Но такое странное перепониманіе необыкновенно простой фразы для насъ даже мало объяснимо. Цамблакъ говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, подъ рождшимъ его отцомъ разумѣетъ своего родного отца, а подъ учителемъ — Евѳимія. Имя отца Григоріева въ настоящее время извѣстно: въ записи на переписанномъ имъ въ 1436 году Четвероевангеліи читаемъ: исписасѧ сїи тетроеѵангелъ монастирю Нѣмечьскомѹ рѫкоѫ Гаврїила мѡнаха сына Оурикова (рукопись Нямецкаго монастыря № 5 (92); въ другомъ Четвереевангеліи, 1429 года, Бодлейской библіотеки: рѫкоѫ Гаврїила мѡнаха сына Оурикова и т. д., а въ Быстрицкомъ Помянникѣ, заведенномъ въ 1407 году, на 6 листѣ поминается нашъ Цамблакъ-схимникъ вмѣстѣ съ отцомъ: Оурика и сына его, мѡнаха Гаврїила съписателѣ; далѣе слѣдуетъ: аѳанасїа ѡтьца сакока (рукопись Румынской Академіи № 79). Такимъ образомъ, изъ предложеннаго нами пониманія указанной выше фразы изъ Слова Кипріану и двухъ записей видно, что отца нашего Григорія звали Уріиломъ, что онъ былъ живъ въ 1379 году и принималъ участіе въ встрѣчѣ родного брата своего митр. Кипріана.

Что-же касается мірского имени нашего Цамблака, то оно было Гавріилъ, то самое, которое впослѣдствіи онъ при-

нялъ въ чинѣ великаго ангельскаго образа—извѣстный обычай при принятіи схимы—и которое встрѣчается въ записи на переписанномъ имъ въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія Сборникѣ въ 1389 году, гдѣ онъ именуется просто „грѣшнымъ Гавріиломъ“. Итакъ, Цамблакъ извѣстенъ какъ мірянининъ Гавріилъ — приблизительно до половины 90 годовъ XIV вѣка, пресвитеръ и митрополитъ Григорій — приблизительно до 1420 года и наконецъ схимникъ-монахъ Гавріилъ—до конца дней своихъ.

Относительно мѣста рожденія Григорія также не представляется затрудненій: выраженіе „наше отечество“ указываетъ на Болгарію (см. выше, стр. 18), а неясные намеки на знатное происхожденіе Цамблаковъ, близость къ Евѳимію, несомнѣнный фактъ пребыванія Гавріила-отрока въ Тырновѣ и т. д., —все это говоритъ въ пользу той мысли, что нашъ проповѣдникъ родился скорѣе всего въ самомъ Тырновѣ. Правда, одинъ начитанный румынскій монахъ-историкъ, архимандритъ Киріакъ Димитріу, жившій много лѣтъ на Аѳонѣ, а теперь удалившійся въ скитъ „Проковулъ“ (т. е. Покровъ) близъ Нямецкаго монастыря, говорилъ намъ, что въ дни его молодости, въ притворѣ Вознесенскаго храма Нямецкой обители были еще замѣтны слѣды мраморной надгробной плиты надъ могилой Цамблака, и что онъ даже помнитъ нѣсколько стиховъ этой надписи: τόν δε Τρίνοβον τέκε, θρέφε δὲ Ἄθος, κλήεστο δε ποιμὴν κάστρου Κυέβου. νῦν δ᾽ἄρ᾽ Ὄλυμπον ἔχει, т. т. „Его произвелъ Тырновъ, вскормилъ Аѳонъ, прозывался же пастыремъ города Кіева, а теперь пріобрѣлъ рай“. Но эти позднія воспоминанія, сообщенныя намъ старикомъ-монахомъ, увѣрявшимъ, между прочимъ, что никто кромѣ него ничего не знаетъ о происхожденіи Нямецкаго монастыря и что всѣ румынскіе историки пользуются исключительно поддѣльными (?) грамотами, — не внушаютъ довѣрія, хотя въ сущности нисколько и не противорѣчатъ истинѣ. Страннымъ кажется уже тотъ фактъ, что на могилѣ Цамблака была поставлена плита съ грече-

ской надписью, а не славянской, — совершенно единичный случай въ эпиграфическихъ памятникахъ Нямецкаго монастыря и всей почти сѣверной Молдавіи.

Достовѣрно извѣстно только то, что въ 1379 году Цамблакъ находился въ Тырновѣ и былъ свидѣтелемъ трогательной встрѣчи, оказанной патр. Евѳиміемъ и населеніемъ столицы кіевскому митрополиту и болгарскому уроженцу — Кипріану. Встрѣча эта была описана Цамблакомъ, по живымъ воспоминаніямъ, около 1409 года. „И яко жъ уже близъ бысть къ намъ грядый тогда церкви, яже насъ воспитавшіа и наказавши, съ рождшимъ насъ отцемъ и учителемъ зѣльнымъ срѣте,— говоритъ проповѣдникъ въ Словѣ похв. Кипріану, — воспріемлющи свѣтлостію блаженнаго, цѣлующи, объемлющи, печальная радостными отгоняющи, студъ ограбленія подобающею честью забвенію отсылающи“ (стр. 27). Въ послѣдней фразѣ — намекъ на случай съ Кипріаномъ въ дорогѣ: „и нѣкій языкъ проходящи, иже Истру рѣцѣ спротяжущи, искушенія святаго срѣтиша и многою скорбію того обложиша“. Надо думать, что это ограбленіе случилось въ предѣлахъ южной Молдавіи. Слово Кипріану было произнесено въ Россіи, и Цамблакъ не желалъ, по всей вѣроятности, прямо называть въ данномъ случаѣ румынъ. Ко времени этой встрѣчи Кипріанъ былъ еще молодымъ сравнительно митрополитомъ; немногимъ старше его по посвященію былъ и патр. Евѳимій.

Могъ-ли Цамблакъ считать себя ученикомъ Евѳимія? Большинство изслѣдователей отвѣчаютъ утвердительно, и только Е. Голубинскій держится противоположнаго мнѣнія, на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ похвальномъ Словѣ Евѳимію Григорій ничего не говоритъ объ этомъ [1]). Но, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, Цамблакъ былъ послѣдователемъ правописной реформы Евѳимія и скорѣе всего можетъ считаться непосредственнымъ ученикомъ послѣдняго болгарскаго патріарха.

[1]) Исторія руской церкви, II, 2, стр. 376.

Такъ-какъ прямыхъ указаній мы не имѣемъ, то остаются только предположенія. Свиданіе Григорія съ Кипріаномъ было послѣднимъ. Проповѣдникъ самъ говоритъ объ этомъ: „абіе же отъ насъ отъиде, и старости насъ постигши, нектому того видѣхомъ“ (стр. 27). Кипріанъ благословилъ своего племянника и предсказалъ ему его будущее; по всей вѣроятности, здѣсь проповѣдникъ намекаетъ на каѳедру кіевской митрополіи: „Тогда великое сіе свѣтило видѣхомъ, братіе, и священныа оны руцѣ нашей коснушася главѣ, купно убо благословляюще, купно же и *хотящая* намъ случатися духомъ проричяюще“ (стр. 28). Эти слова заставляютъ насъ думать, что въ 1379 году Цамблакъ прошелъ уже извѣстную стадію въ наукѣ, выказалъ нѣкоторые успѣхи, и трудно, конечно, допустить, чтобы ученіе его обошлось безъ руководительства со стороны такого книжнаго человѣка, какимъ былъ Евѳимій.

Существуютъ предположенія, что молодые годы Григорій провелъ въ Тырновѣ, который оставилъ въ 1393 году, когда изъ него же высланъ былъ старикъ Евѳимій вмѣстѣ съ другими знатными лицами. Думаютъ даже, что Григорій былъ очевидцемъ паденія болгарской столицы и что тѣ описанія этого событія, какія находимъ въ похвальномъ Словѣ Евѳимію и Сказаніи о перенесеніи мощей преп. Параскевы,—записанныя съ натуры свидѣтельства современника [1]). Но согласиться съ этимъ не легко, потому-что самыя общія свѣдѣнія о взятіи города, какія мы находимъ въ Словѣ, Цамблакъ могъ узнать отъ цѣлаго ряда очевидцевъ, съ которыми встрѣчался и на Аѳонѣ, и въ Константинополѣ, наконецъ въ Молдавіи, куда ушло не мало монаховъ, основавшихъ, быть можетъ, тотъ же Нямецкій монастырь, гдѣ Цамблакъ былъ игуменомъ, и т. д. Странно даже, что панегиристъ ни слова

---

[1] *П. Сырку*, Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 583 и слѣд., 599. Соотвѣтствующія мѣста по изданію *E. Kaluźniack'аго*, Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, ss. 50—59; *A. Prochaska*, *Przeglad powszechny*. 1896, Zeszyt. VI, str. 334 и мн. др.

не говоритъ о самомъ себѣ, въ то время какъ это было бы вполнѣ умѣстно: это извѣстнымъ образомъ связало бы и его личность съ образомъ великаго и послѣдняго болгарскаго патріарха. Кромѣ того, опять повторяемъ, что литературные пріемы настолько превышаютъ субъективныя, живыя черты въ большинствѣ памятниковъ нашей старой письменности, что высказывать предположенія о личномъ участіи автора въ томъ или иномъ событіи надо съ большой осторожностью. К. Радченко говоритъ даже, что „воспоминаніе о обстоятельствахъ пріема Кипріана тырновскимъ духовенствомъ и горожанами сохранилось въ его (Цамблака) памяти въ самыхъ общихъ чертахъ“ [1]), между тѣмъ несомнѣнно, что Цамблакъ былъ не только очевидцемъ, но и участникомъ этого пріема. Наконецъ мы знаемъ, что въ 1389 году Цамблакъ былъ въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ и едва-ли могъ пріѣзжать въ Тырновъ ко времени его паденія. Гораздо основательнѣе предположенія о первоначальномъ обученіи Григорія подъ непосредственнымъ руководствомъ Евѳимія, который подавалъ своему ученику примѣры аскетизма и книжныхъ трудовъ. Первое засвидѣтельствовано въ двухъ собственныхъ произведеніяхъ Цамблака— надгробныхъ словахъ Евѳимію и Кипріану, а второе ясно изъ тѣхъ рукописей, которыя нашъ ученикъ „художника словенскихъ письменъ“ переписалъ, уже будучи схимникомъ.

Преосв. Мелхиседекъ высказываетъ предположеніе, что свое образованіе Цамблакъ могъ завершить въ Константинополѣ (стр. 3 и 47) и, намъ кажется, что совершенно напрасно П. Соколовъ вступаетъ по этому поводу въ полемику съ румынскимъ изслѣдователемъ; разсужденія же его о византійскомъ характерѣ образованности Цамблака, о высокой степени культуры самого Евѳимія и т. д. (стр. 61—62), по меньшей степени здѣсь излишни. Не слѣдуетъ забывать, напримѣръ, что въ Студійскомъ монастырѣ жили и занимались книж-

---

1) Религіозное и литературное движеніе, стр. 247.

нымъ дѣломъ Евѳимій, Кипріанъ и нѣсколько русскихъ монаховъ-писцовъ, вполнѣ возможно, и нашъ Цамблакъ. Къ сожалѣнію, рукописи самого Григорія не даютъ никакихъ данныхъ для того, чтобы видѣть въ нихъ черты, обычныя и въ другихъ извѣстныхъ намъ славянскихъ рукописяхъ константинопольскаго происхожденія, такъ какъ въ автографахъ Григорія послѣдовательно проведены уже правила Евѳиміевой правописной реформы, а русскія рукописи, переписанныя въ Константинополѣ и на Аѳонѣ въ концѣ XIV и даже началѣ XV вѣка, обнаруживаютъ сербское вліяніе. Е. Голубинскій держится того же мнѣнія, будто Цамблакъ покинулъ Тырновъ въ 1394 году, такъ какъ иначе онъ долженъ былъ видѣть Кипріана, который жилъ въ Константинополѣ до октября 1390 года [1]). Мы думаемъ, что отъѣздъ Цамблака изъ Тырнова имѣлъ мѣсто гораздо раньше, но онъ направился не въ Константинополь, а на Аѳонъ, гдѣ жилъ въ лаврѣ св. Аѳанасія около 1389 г. Вотъ почему онъ и не могъ видѣться съ Кипріаномъ.

Если предположенія о пребываніи Цамблака въ Константинополѣ, до его посвященія въ санъ пресвитера, только правдоподобны, то мы располагаемъ неоспоримыми свидѣтельствами о жизни его на Аѳонѣ, этой высшей школѣ православнаго подвижничества, центрѣ восточнаго монашества, духовнаго просвѣщенія, книжнаго дѣла и т. д., гдѣ подвизались столпы византійско-славянскаго аскетизма и представители живой религіозной мысли XIV вѣка—Григорій Синаитъ, преп. Ѳеодосій, патріархи Каллистъ, Филоѳей и Евѳимій Тырновскій, митр. Кипріанъ и, пожалуй, Константинъ Костенчскій [2]). Трудно допустить, чтобы одинъ Цамблакъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи исключеніе и не прошелъ неизбѣжной иноческой и литературной школы въ одной изъ аѳонскихъ обителей; посѣщеніе послѣд-

[1]) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 376.

[2]) Предположеніе о посѣщеніи Аѳона Константиномъ высказано было П. Сырку, Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. XC.

нихъ было своего рода peregrinatio academica. Но никто изъ нашихъ предшественниковъ не имѣлъ какихъ нибудь положительныхъ данныхъ для сужденія о времени пребыванія Цамблака на Аѳонѣ и, начиная Шевыревымъ, дѣлали такое предположеніе на основаніи одной только фразы самого Григорія въ „Словѣ похвальномъ преподобнымъ отцамъ, въ постѣ просіявшимъ“: „азъ *вѣмъ* горы аѳонскіа“. За Шевыревымъ (стр. 383) повторяли тоже самое архим. Леонидъ 14, А. Поповъ (Обзоръ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, 317), Саббатовскій 221, Мелхиседекъ 3, Соколовъ 67 и другіе. Конечно, эти четыре слова могли-бы служить вполнѣ вѣскимъ показаніемъ, если-бы не были случайно выхвачены изъ цѣлой фразы, ясный смыслъ и назначеніе которой совершенно разрушаютъ мысль о какомъ-то реальномъ пребываніи проповѣдника на Аѳонѣ. Перечисляя аскетовъ древняго времени, Григорій говоритъ: „слышахъ на *въстоцѣ* быти нарицаемыя блаженыхъ островы и приближатися къ иже въ Едемѣ раю; но азъ вѣмъ горы аѳонскы, иже на *западѣ* островъ — онѣхъ блаженства превъсходити жителя имѣ Аѳанасіа“ [1]). Слѣдовательно, Цамблакъ здѣсь только противополагаетъ апокрифическую, быть можетъ, сомнительную въ сознаніи самого проповѣдника страну блаженныхъ — достовѣрно извѣстному для всѣхъ Аѳону; иными словами, противопоставленіе двухъ острововъ давало благодарный матерьялъ для антитезы. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ дальше, у насъ есть прямыя свидѣтельства жизни Цамблака на Аѳонѣ.

Не выясненъ также вопросъ, въ какомъ именно изъ монастырей жилъ Григорій. Архим. Леонидъ находитъ слѣды жизни и даже постриженія (sic) Цамблака въ монастырѣ св. Павла. Доказательствами для такого заключенія у него служитъ запись на Евангеліи о кончинѣ Цамблака и два Сборника, сохранившіеся въ библіотекѣ этого монастыря; въ одномъ

---

1) Рукопись Троице-Сергіевой лавры, XV вѣка № 573, л. 485 об. Слово произнесено было въ Молдавіи, скорѣе всего въ Сочавѣ, въ 1401 г.

Приложеніе къ изслѣдованію А. И. Яцимирскаго „Григорій Цамблакъ“.

Таблица I.

изъ нихъ содержится 12 Словъ, принадлежащихъ Григорію, въ другомъ—одно. „Такое особое Павловой обители къ трудамъ митр. Григорія Цамблака уваженіе,—заключаетъ онъ,—при извѣстности, что онъ жилъ на Аѳонѣ, всего скорѣе можетъ объясниться тѣмъ, что онъ былъ постриженникъ этой именно обители, а предпочелъ ее другимъ, вѣроятно, потому, что она была освящена для него воспоминаніемъ о пребываніи здѣсь же его дяди, инока Кипріана" (стр. 15). Но такой выводъ сдѣланъ на слишкомъ внѣшнихъ данныхъ. Наличность сомнительной, какъ увидимъ ниже, записи, а также одного только Сборника, заключающаго приблизительно меньше половины всѣхъ произведеній Цамблака, можно объяснить скорѣе „особымъ уваженіемъ Павловой обители" къ славянской письменности вообще, тѣмъ болѣе, что во второй половинѣ XIV вѣка изъ большинства важнѣйшихъ аѳонскихъ монастырей, въ послѣднемъ славянскій элементъ преобладалъ, судя по оставшимся въ этомъ монастырѣ славянскимъ рукописямъ сербской редакціи [1]). Вотъ единственное наблюденіе, которое можно сдѣлать изъ приведенныхъ Леонидомъ фактовъ.

Намъ кажется, что съ бо́льшимъ основаніемъ можно пріурочить пребываніе Цамблака къ лаврѣ св. Аѳанасія, которая, по замѣчанію того же архим. Леонида, „привлекала трудолюбцевъ своимъ удобствомъ къ списыванію и преложенію книгъ, подобно тому, какъ въ Царьградѣ Студійскій монастырь" (стр. 21). Прежде всего, для этого у насъ есть фактъ вполнѣ достовѣрный, а именно, Сборникъ, переписанный Цамблакомъ въ 1389 году, еще до посвященія его въ санъ пресвитера и монашескій образъ. Это—рукопись, пріобрѣтенная архим. Леонидомъ въ Палестинѣ и подаренная впослѣдствіи Оптиной пустыни. Въ концѣ рукописи читается слѣдующая запись: „Сіа книга медоточнаа иже во святыхъ отца нашего Исаака, написася въ горѣ Аѳонсцѣй,

[1]) *П. Сырку*, Время и жизнь патр. Евѳимія стр. 52.

въ святѣи и велицѣи лаврѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аѳанасія, желаніемъ и трудомъ и ексодомъ грѣшнаго Гавріила въ лѣто 6897 "[1]). Во вторыхъ, какъ извѣстно, въ началѣ второй половины XIV вѣка лаврой св. Аѳанасія управлялъ Филоѳей, авторъ хорошо извѣстныхъ каноновъ, переведенныхъ по всей вѣроятности патр. Евѳиміемъ или же во всякомъ случаѣ въ его время, человѣкъ благочестивый, книжный, впослѣдствіи константинопольскій патріархъ. „Когда, какъ не при немъ, — спрашиваетъ немного далѣе архим. Леонидъ, — всего удобнѣе было пріютиться въ лаврѣ св. Аѳанасія славянскимъ переводчикамъ?" (стр. 22). Затѣмъ онъ указываетъ на то, что время пребыванія Кипріана на Аѳонѣ какъ разъ совпадаетъ съ игуменствомъ въ этой лаврѣ Филоѳея, по оставленіи послѣднимъ престола въ первый разъ, и дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе о знакомствѣ этихъ двухъ лицъ (стр. 23). Вотъ почему особенно непонятнымъ является выводъ Леонида въ слѣдующей непосредственно за тѣмъ фразѣ, будто Кипріанъ и Григорій Цамблакъ жили въ монастырѣ св. Павла. Такую же точно ошибку дѣлаетъ нашъ изслѣдователь и въ томъ случаѣ, когда въ той же статьѣ пытается найти слѣды пребыванія въ Павловомъ монастырѣ, также на основаніи сохранившихся въ немъ рукописей,— Кипріана. А именно, ссылаясь на рукописную Псалтырь изъ этой библіотеки, гдѣ послѣ избранныхъ псалмовъ въ ней помѣщено росписаніе поліелейныхъ припѣловъ, озаглавленныхъ: „твореніе киръ Филоѳея", архим. Леонидъ нисколько не сомнѣвается, что Кипріанъ жилъ именно въ Павловомъ монастырѣ, а переводъ припѣловъ даже находитъ возможнымъ приписать самому Кипріану, видя въ этомъ „духовную связь

[1]) Неизвѣстно также, почему архим. Леонидъ говоритъ о принадлежащемъ нашему Гавріилу *переводѣ* Твореній Исаака Сирина, въ Сборникѣ 1389 г. (стр. 21—22). Дѣло въ томъ, что въ двухъ старшихъ отрывкахъ изъ Словъ Исаака Сирина (сербскомъ—Спб. Публ. Библіотеки Q. I, № 903 и русскомъ—Моск. Синод. Библіотеки № 193) читается тотъ же переводъ, а вторая изъ указанныхъ рукописей относится къ 1381 г.

сочинителя и переводчика“ (стр. 23). Но, какъ мы доказали, въ одномъ изъ своихъ очерковъ [1]), эти припѣлы встрѣчаются исключительно въ рукописяхъ молдавскаго происхожденія и сочинены они Филоѳеемъ монахомъ, бывшимъ великимъ логофетомъ валашскаго господаря Мирчи Стараго или Великаго, слѣдовательно, въ концѣ первой четверти XV вѣка, въ чемъ въ настоящее время не представляется никакихъ сомнѣній; слѣдовательно, и это доказательство архим. Леонида никакого значенія не имѣетъ. Наконецъ, въ той же лаврѣ св. Аѳанасія жили и другіе дѣятели духовной мысли и просвѣщенія XIV вѣка, находившіеся въ преемственной связи съ нашимъ Цамблакомъ, а именно, Григорій Синаитъ, Григорій Палама, патр. Каллистъ, патр. Евѳимій, патр. Филоѳей; возможно также, какъ думаетъ П. Сырку, что Кипріанъ поѣхалъ на Аѳонъ вмѣстѣ съ Евѳиміемъ [2]), и вполнѣ естественно, жилъ въ той же лаврѣ въ началѣ 70 годовъ XIV вѣка, хотя при этомъ условіи является нѣсколько непонятнымъ назначеніе извѣстныхъ „Посланій“ Евѳимія къ Кипріану. Укажемъ еще одинъ фактъ. Въ похвальномъ Словѣ Евѳимію Цамблакъ ссылается на современныхъ и ему, и почившему иноковъ „преподобнаго Аѳанасіа лавры жителей“, какъ на свидѣтелей „тѣлесныхъ трудовъ и потовъ“ болгарскаго патріарха [3]). Поэтому мы увѣрены, что оба Посланія Евѳимія къ „иноку Кипріану, живущему во святѣи горѣ аѳонстѣй“ [4]), были написаны во время пребыванія адресата въ лаврѣ св. Аѳанасія. Здѣсь Кипріанъ жилъ нѣкоторое время въ уединеніи. Въ похвальномъ ему Словѣ Григорій говоритъ между прочимъ: „гдѣ око небесное зряще, еже тому дарова Богъ, въ *пустыни*

---

[1]) Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898 г., стр. 58—61, 159. Въ настоящее время нами собрано еще нѣсколько данныхъ о другихъ рукописяхъ, содержащихъ тѣ же припѣлы. Эти свѣдѣнія своевременно будутъ напечатаны.

[2]) Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 553—554, 575.

[3]) *E. Kałużniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur, s. 35.

[4]) Напр. въ Сборникѣ молдавскаго письма XVI в. Букурештскаго музея древностей, № 1182, л. 44.

еще сущу?“ [1]). Около того же времени въ Аѳанасіевой лаврѣ трудился надъ переводомъ и перепиской книгъ старецъ Іоаннъ. Въ записи на извѣстномъ синайскомъ Октоихѣ, описанномъ преосв. Порфиріемъ, поименованы рукописи, которыя переписалъ этотъ дѣятельный писецъ: „Тетроевангель, Пракси (Дѣянія), Апостолъ, Литургія, Типикъ, Псалтырь, Ѳеотокарь (Богородичникъ), Минеа, Агпристъ (Октоихъ), Богослова, д. б. Богословіе Іоанна Дамаскина, Лѣствица, Исаака (Сп-рина), Варлаама (повидимому, и Акиндина), Дороѳеа (аввы, Главизны), Патерикъ, Антіохъ (Пандекты)“. Въ дѣлѣ переписки славянскихъ книгъ эта лавра занимала первое мѣсто; та же запись передаетъ, что тамъ трудились надъ тѣмъ же дѣломъ „мниси и мирстіи въси“. Какъ увидимъ дальше, такимъ же неутомимымъ писцомъ сдѣлался впослѣдствіи и нашъ Цамблакъ, для котораго этотъ старецъ Іоаннъ могъ послужить прекраснымъ примѣромъ.

Если и въ дальнѣйшемъ изложеніи біографическихъ фактовъ изъ жизни Цамблака мы будемъ часто прибѣгать къ предположеніямъ, то до самаго конца XIV вѣка такія предположенія являются вполнѣ объяснимыми. Дѣло въ томъ, что до 1401 года Григорій не выступалъ на самостоятельный путь и только готовился къ нему, проходя книжную и монашескую школу на Аѳонѣ и въ Константинополѣ. Предполагаютъ, что только около или не раньше 1396 года, т. е. по достиженіи каноническаго возраста, Цамблакъ сдѣланъ былъ іеромонахомъ—П. Сырку 113, П. Соколовъ 67 — и что посвященіе это имѣло мѣсто въ Константинополѣ, гдѣ въ то время жили его родственники, занимавшіе видныя мѣста и поддерживавшіе Григорія, лишившагося уже своего покровителя, патр. Евѳимія. Съ такой датировкой мы не согласны. Во первыхъ, каноническаго возраста Григорій достигъ не въ

[1]) *Чтенія*, 1872, кн. 1, Смѣсь, стр. 29. Е. Голубинскій думаетъ что пребываніе Кипріана на Аѳонѣ было недолговременнымъ. Исторія русской церкви, II, 2, стр. 298.

1396, а 1394 году. Во вторыхъ, іеромонахомъ онъ не былъ еще и въ 1397—1399 гг., къ которымъ мы относимъ составленіе имъ Слова похв. влмч. Георгію и Сказанія о перенесеніи мощей преп. Параскевы въ Бѣлградъ. Оба эти произведенія не носятъ имени ихъ автора, который, какъ простой монахъ, и не имѣлъ права произносить ихъ въ церкви: иначе, по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить себѣ тотъ фактъ, что два первыя по времени произведенія Цамблака являются анонимными, хотя принадлежность ихъ нашему проповѣднику несомнѣнна.

Такимъ образомъ, остается предполагать, что въ первой половинѣ 90 годовъ Цамблакъ принялъ иночество съ именемъ Григорія. Какъ мы знаемъ уже, въ 1389 году онъ называлъ себя только „грѣшнымъ“ Гавріиломъ. Можно думать, что это посвященіе имѣло мѣсто въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей, скорѣе всего въ той же лаврѣ св. Аѳанасія, съ которой у него было столько духовныхъ связей.

Трудно рѣшить, гдѣ жилъ Григорій послѣ своего посвященія и до отъѣзда въ Молдавію, т. е. до конца іюля 1401 г. Одни изслѣдователи останавливаются исключительно на Аѳонѣ (П. Соколовъ: 1394—1401 гг., стр. 67), другіе — на Константинополѣ. Но пока не найдены какія-нибудь свидѣтельства, относящіяся къ жизни Цамблака за этотъ періодъ, интересующій насъ вопросъ слѣдуетъ оставить въ сторонѣ. Мы можемъ освѣтить этотъ періодъ однимъ только фактомъ, а именно, мы предполагаемъ, что весной 1397 года Григорій написалъ Слово похвальное великомученику Георгію, которое во всѣхъ спискахъ носитъ заглавіе: Слово поувальное светомоу въ моученицѣхъ и побѣдоносцоу Георгію. Для опредѣленія времени и, быть можетъ, мѣста написанія этого Слова у насъ есть слѣдующія данныя. Оно начинается сопоставленіемъ дня празднованія памяти св. Георгія съ днемъ св. Пасхи. Приведемъ соотвѣтствующій отрывокъ по сербскому сборнику XV вѣка Нямецкаго монастыря № 86, л. 169: Вчера оубо любимици свѣтлыи

въскрьсенїа празновахѡмь праздникъ. и дньсь страстотрьпца въсемирное тръжьство. вчера горкыи и несытыи попранъ бысть адъ. и съмрьть оумрьщвена бысть и дїаволь постидѣсе, и дьнесь страстотрьпьцъ моу-чителие низложи и врага посрами. и побѣди оувезесе вѣньцемь. вчера намъ владыка еже на дїавола ѡдолѣнїе постави. и дїаволѥ моучи-тельство раздроуши. и ради въскрьсенїа поутъ намь къ спасенїе дарова. и дньсь моученикь съ дїаволомь съплетесе. и мѫжьскы къ ѡпльченїю оустръмивсе, на землю храбрьскы того низвръже. и въсѫ его съпо-статноую силу бѣжати сътвори. и се, не щитомъ ни копїемъ, ни бръньми и шлѥмомъ. нь назѣмъ тѣлѡмь и знаменїемъ кръста....

Соединеніе дня празднованія памяти извѣстнаго святого съ какимъ-нибудь праздникомъ —обычный литературный пріемъ, дающій богатый поводъ для антитезы: „Слово похвальное тремъ отрокамъ“ Цамблака соединено съ праздникомъ Рождества Христова; его же „Слово на Цвѣтоносіе“ начинается словами: „Вчера убо, любимици, въ Виѳанію слышахомь пришедша Господа..., нинѣ же къ намь грядуща, побѣдителя съмръти суща...“ (Сборникъ Нямецкаго монастыря 1448 г., л. 39) и др. Подобной же антитезой начинаются проповѣди многихъ византійскихъ писателей: Андрея Критскаго — Слово на Цвѣтоносіе: „Вчера насъ сь Владыкою Лазарь учрѣди, еже о себѣ намь прѣдложивь...,“ (Сборникъ XV вѣка Нямецкаго монастыря № 86, л. 370); Козьмы Веститора — Похвала Іоакиму и Аннѣ: „Въчера Богородичина роженіа сборъ мирьскыя радости на праздникь... днешній же день благодареніе родителема приноситъ...“ (Минеи Макарія, сентябрь, ст. 450); патр. Евѳимія— Слово похвальное Михаилу изъ Потуки: Иже въ цръковь въходь Дѣвы и Богородицы вчера обрадованнѣ и въседушнѣ празновахомь; дьнесь же пакы славнаго Михаила сънидохомся чьстное тръжьствовати тръжество“ (Werke, 170) и др.

Такихъ примѣровъ можно привести не мало, но во всѣхъ нихъ соединяются между собой или праздники переходящіе или непереходящіе. Цамблакъ же соединилъ подвижный день Пасхи съ неподвижнымъ днемъ памяти св. Георгія, т. е. съ

23 апрѣля [1]), и этимъ, быть можетъ, случайнымъ совпаденіемъ далъ намъ возможность сдѣлать слѣдующую хронологическую выкладку. Если пасха случилась накапунѣ праздника св. Георгія, то она приходилась 22 апрѣля. Обращаемся къ труду кн. Н. Туркестанова, „Сокращенный календарь на 1000 лѣтъ" (Спб. 1868 г., стр. 6—8 и слѣд.), и находимъ, что 22 апрѣля Пасха была въ слѣдующіе годы во время Цамблака: 1375, 1386 и *1397;* послѣ чего слѣдуютъ годы 1470, 1481 и т. д. Изъ всѣхъ этихъ датъ только третья вполнѣ подходитъ къ нашему Цамблаку, и мы принимаемъ 1397 годъ за время составленія и произнесенія Цамблакомъ Слова похв. св. Георгію.

Эти наблюденія были сдѣланы нами еще въ 1896 году, о чемъ мы имѣли случай говорить въ двухъ рефератахъ—въ засѣданіи Археографической Коммиссіи Моск. Археол. Общества 28 апрѣля 1897 года и въ засѣданіи Общества Любителей древней письменности 14 марта 1903 года, но напечатаны они не были, такъ какъ предназначались для настоящей книги. Недавно вышла интересная замѣтка Н. Петровскаго „Къ хронологіи проповѣдей (sic) Григорія Цамблака", *Русскій Филол. Вѣстникъ*, 1903 г., III—IV, стр. 8 (4 отд. оттиска), въ которой авторъ пришелъ, повидимому, самостоятельно къ тѣмъ же выводамъ относительно датировки даннаго Слова. Но такъ какъ г. Петровскій работалъ не по рукописямъ, а пользовался чужими изданіями, то повторилъ ту же ошибку,

[1]) Оригинальныя совпаденія христіанской пасхи съ еврейской, Благовѣщеніемъ и, наконецъ, днемъ св. Георгія не разъ отмѣчались въ русскихъ и югославянскихъ лѣтописяхъ и записяхъ. Укажемъ интересную замѣтку грамматика Драгомира на переписанной имъ въ валашскомъ Тырговищѣ Синтагмѣ Матоея Властаря въ 1451 году: „тогда случися еурейская пасха ап(рѣля) 18 въ недѣлѣ цвѣтнаа, а христіаномь пасха ап(рѣля) 25. Георгіе въ пятокъ великы". *Т. Флоринскій*, Памятники законодат. дѣятельности Стефана Душана, стр. 317. Въ записи архіеп. сербскаго Максима 1671 года: „и тогда се сьлучи светы великомученикъ Георгіе на пасху", *Л. Стоіановичъ*, Старн српски записи и т. д., стр. 406; въ записи іером. Георгія на Апостолѣ 1593 года: „и въ тое лѣто бысть Георгіе въ великоую суботу", тамъ же, стр. 248 и др.

которую допустилъ и Сырку (стр. 146). Во первыхъ, онъ смѣшиваетъ два совершенно разныя произведенія; первое изъ нихъ тоже принадлежитъ нашему Цамблаку, но написано имъ въ бытность игуменомъ Нямецкаго монастыря, т. е. 1403—1406 гг. Оно читается въ Сборникѣ той же монастырской библіотеки 1441 г. (№ 20, лл. 160—172 об.) и снабжено слѣдующимъ заглавіемъ: Григоріа мнихa и презвитера игоумена ѡвитѣли Пандократоровы, похвалное свѧтомоу великомѫченикоу Геѡргїоу, и начинается словами: Велико нѣкое и чюда плъно мѫжьство, еже истинныѧ, аже къ Богоу любве ѿ вѣры рождаемыѧ оуказанїе есть извѣстно... Н. Петровскому извѣстно было одно заглавіе этого Слова, которое онъ смѣшиваетъ съ разсмотрѣннымъ выше анонимнымъ похвальнымъ Словомъ тому же святому, приписываемымъ Цамблаку. Авторъ замѣтки знаетъ послѣднее только по изданію Макарія въ VI томѣ академическихъ „Извѣстій“ перваго ряда и V томѣ „Исторіи русской церкви“. Поэтому совершенно неосновательнымъ является обвиненіе по адресу г. Сырку, будто онъ „указываетъ *одинъ* списокъ этого въ рукописи Нямецкаго монастыря“, въ то время, какъ „въ цитированномъ описаніи г. Яцимирскаго ихъ отмѣчено *два*, оба XV вѣка“ (стр. 3). Но изъ приведенныхъ у насъ заглавій и первыхъ фразъ этихъ двухъ Словъ видно, что среди рукописей Нямецкаго монастыря читаются только два анонимныя Слова Георгію, а Сборникъ 1441 года до сихъ поръ находится у проф. Е. І. Калужняцкаго и нами не могъ быть описанъ. Поэтому всѣ остальныя заключенія Н. Петровскаго оказываются ошибочными.

Для вопроса, гдѣ именно это Слово могло быть произнесено или предназначалось къ произнесенію, нѣкоторыя указанія могутъ дать слѣдующія слова въ концѣ его, которыя приведемъ по рукописи XV вѣка изъ собр. свящ. о. Ѳеофила Гепецкаго: „И вься, иже въ храмь твои славныи пришедшая дьпесь, съхрани и съблюди въсякаго навѣта вражіа ненавѣтны“ и т. д. (л. 239 об.). Слѣдовательно, Слово было произнесено

въ какой-то церкви, посвященной св. Георгію. Н. Петровскій думаетъ, что „Слово было сказано, повидимому, не (?) въ Нямецкомъ монастырѣ, а (?) въ Сучавскомъ соборѣ, безъ сомнѣнія, какъ замѣчаетъ Мелхиседекъ, въ день храмового праздника Сучавской митрополіи, которая посвящена этому (sic) святому, считающемуся издавна (?) покровителемъ румынскаго войска“ (стр. 4). Согласиться съ этимъ мы не можемъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Для того, чтобы примирить такой выводъ съ достовѣрными историческими фактами, г. Петровскій дѣлаетъ предположеніе, будто Цамблакъ пріѣхалъ въ Молдавію *раньше* 1401 г., въ которомъ константинопольскій патріархъ отправилъ туда какого-то его *соименника* (?). Ниже мы увидимъ, что фактъ посольства Григорія въ Молдавію не подлежитъ сомнѣнію.

2) Н. Петровскій допускаетъ, что Цамблакъ могъ быть въ 1397 году игуменомъ Нямецкаго монастыря. Въ своемъ мѣстѣ мы докажемъ, что въ концѣ XIV вѣка Нямецкій монастырь еще не существовалъ и что свидѣтельства его поздняго помянника основаны исключительно на подложныхъ грамотахъ.

3) Трудно допустить, чтобы Цамблакъ былъ въ Молдавіи раньше 1401 года. Для чего онъ пріѣзжалъ сюда? Едва-ли патріархъ могъ вторично прислать сюда „монаха изъ своей келліи“, который уже былъ въ Сочавѣ четыре года передъ тѣмъ и, несомнѣнно, являлся свидѣтелемъ нѣсколькихъ неудачъ патріарха въ его посягательствахъ на власть надъ Молдавской церковью (см. ниже).

4. Предположеніе Мелхиседека о какомъ-то патронатѣ св. Георгія не больше, какъ фантазія покойнаго историка на патріотическую тему, тѣмъ болѣе, что въ обоихъ Словахъ проповѣдникъ ничего не говоритъ о Георгіи, какъ покровителѣ молдавскаго войска. Но если въ данномъ случаѣ вообще имѣютъ мѣсто какія-бы то ни было предположенія, то мы скорѣе указали-бы на праздникъ св. Георгія, какъ на день коронованія Александра Добраго. Въ открытой недавно

г. Богданомъ тульчанской славяно-молдавской лѣтописи мы читаемъ: вѣ лѣто ҂ѕѵцз (6907 — 1399), мѣсѧца априлїа кг сталь Алезандрѣ воевода господаремь ꙋ молдавскои земли [1]).

Остается поэтому думать, что анонимное въ рукописяхъ Слово похвальное св. Георгію было написано Цамблакомъ для произнесенія въ одной изъ Аѳонскихъ (Зографѣ или Ксенофѣ) или константинопольскихъ церквей. Самъ онъ едва-ли произнесъ его, такъ какъ только этимъ можно объяснить отсутствіе въ заглавіи имени автора. Въ выборѣ между Аѳономъ и Константинополемъ мы скорѣе готовы признать послѣдній, потому что Цамблаку понадобилось прожить въ этомъ городѣ, въ роли епархіальнаго чиновника, во всякомъ случаѣ не мало времени для того, чтобы заслужить довѣріе патріарха, пріобрѣсти извѣстную опытность въ дипломатическихъ дѣлахъ и въ 1401 году, т. е. всего черезъ четыре года, получить важное порученіе въ Молдавіи.

Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно только то, что въ концѣ девяностыхъ годовъ XIV вѣка Цамблакъ былъ уже іеромонахомъ и считался патріаршимъ келейнымъ инокомъ или синкелломъ. Припомнимъ, что и митр. Кипріанъ около 1389 года именовался такимъ же ближнимъ или собственнымъ, келейнымъ инокомъ патр. Филоѳея (οἰκεῖος αὐτοῦ καλόγηρος). Избранные изъ среды представителей славянской знатной фамиліи Цамблаковъ, келейные иноки Кипріанъ и Григорій предназначались патріархомъ для того, чтобы стать посредниками, повѣренными по дѣламъ подчиненныхъ Константинополю славянскихъ церквей, т. е. патріаршими апокрисіаріями, и въ тоже время были кандидатами для замѣщенія свободныхъ архіепископскихъ престоловъ. Мы знаемъ, что первый изъ нихъ „человѣкъ, — по выраженію патріаршей грамоты,—миролюбивый и богобоязненный, умѣющій благоразумно пользоваться обстоятельствами и управлять дѣлами“.

---

[1]) *I. Bogdan*, Cronice inedite, p. 35.

посланъ былъ въ Россію съ порученіемъ примирить князей съ митрополитомъ, чтобы возстановить „тишину и единеніе церковное между сѣверомъ и югомъ“; второй изъ Цамблаковъ, Григорій, съ такимъ же почти порученіемъ былъ посланъ значительно позднѣе въ Молдавію.

Вѣроятнѣе всего, изъ тѣхъ же келейныхъ иноковъ выбирались и переводчики-славяне, если назначаемые на каѳедру митрополиты не знали славянскаго языка; мы знаемъ, напримѣръ, іером. Пахомія, котораго взялъ съ собой изъ Константинополя московскій митр. Фотій и др. Е. Голубинскій оставляетъ безъ разрѣшенія интересующій насъ вопросъ: прибылъ ли Цамблакъ въ Константинополь уже постриженнымъ въ монахи или же, чтобы быть пострижену [1]). Мы думаемъ, что къ этому времени онъ былъ уже постриженъ, а въ Константинополѣ былъ сдѣланъ іеромонахомъ незадолго до своей поѣздки въ Молдавію, т. е. около 1400 года.

Нельзя оставить безъ разсмотрѣнія вопросъ, въ какомъ изъ Константинопольскихъ монастырей жилъ Цамблакъ. Возможно, что это была Студійская обитель, гдѣ жили Кипріанъ и Евѳимій; въ своемъ похвальномъ Словѣ Григорій говоритъ о послѣднемъ: „свидѣтельствують тоговы поты и труды въ тѣлѣ и еще обрѣтающеся Студійскыя обитѣли иноци, свѣдѣтеле извѣстни и прѣподобнаго Аѳанасіа лавры жителе и въсея Аѳонскыя горы безмлъвници“ [2]). Но намъ кажется болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ Пантократоровъ монастырь, именемъ котораго Цамблакъ назвалъ и Нямецкій монастырь въ Молдавіи, гдѣ былъ игуменомъ, и о которомъ часто говоритъ въ Житіи Стефана Дечанскаго. Здѣсь св. Стефанъ былъ заточенъ [3]); объ этомъ именно періодѣ въ жизни сербскаго царя-подвижника Цамблакъ знаетъ очень хорошо; игумена Пантократоровой обители онъ называетъ „мужемъ словеснымъ и

1) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 374

2) *E. Kałużniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur, ss. 35, 70.

3) Рукопись Національн. Муз. Древн. въ Букурештѣ, XV вѣка, № 162, л.л. 222, 230 и 236, 270.

инако искуснымъ“ [2]); подробно описываетъ бесѣды Стефана съ иноками. императоромъ, говоритъ о бывшихъ здѣсь видѣніяхъ, дарахъ и т. д. Все это можетъ отчасти быть выставлено какъ свидѣтельство пребыванія Григорія именно въ этой обители.

Большинство историковъ относятъ къ концу XIV вѣка пребываніе Цамблака въ Сербіи и игуменство его въ Дечанскомъ Пантократоровомъ монастырѣ; но мы не можемъ признать достовѣрнымъ весь этотъ сербскій періодъ и склонны отрицать даже самый фактъ пребыванія Григорія въ Сербіи въ концѣ XIV вѣка, т. е. до его пріѣзда въ Молдавію. Преосв. Мелхиседекъ относитъ это пребываніе къ 1420—1431 гг., съ чѣмъ нельзя, конечно, согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, сербскій періодъ въ жизни Цамблака извѣстенъ настолько мало, что для того, чтобы написать о немъ цѣлыхъ 12 страницъ (18—30), Мелхиседеку понадобилось не только привести въ румынскомъ переводѣ цѣликомъ разсказъ Цамблака о перенесеніи въ Сербію мощей преп. Параскевы, прибавивъ къ нему по ошибкѣ отрывки изъ Евѳиміева Житія этой святой, но и пересказать греческое Житіе ея, передать содержаніе Житія Стефана Лазаревича, написаннаго на самомъ дѣлѣ не Цамблакомъ, а Константиномъ Костенчскимъ; затѣмъ ввести цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ экскурсовъ въ область исторіи Валахіи конца XIV вѣка, между прочимъ, только потому, что въ той редакціи Житія преп. Параскевы, которая напечатана у Муравьева, имя бдинскаго царя Срацимира замѣнено валашскимъ господаремъ Мирчей; наконецъ, высказать нѣсколько нисколько къ дѣлу не идущихъ предположеній. Однимъ словомъ, еслибы вмѣсто всего этого Мелхиседекъ только указалъ, что, по всей вѣроятности, въ Сербіи Цамблакомъ написано Житіе Стефана Дечанскаго, а также, быть можетъ, Прибавленіе о перенесеніи мощей Параскевы въ Бѣл-

[2]) Тамъ же, л. 230.

градъ, то этого было бы достаточно, и критикамъ не пришлось бы также на нѣсколькихъ страницахъ (Сырку, 124—129) уличать румынскаго изслѣдователя въ рядѣ непростительныхъ ошибокъ. Какъ ни странно также, но П. Соколовъ, отрицающій игуменство Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ (стр. 70), тоже говоритъ о пребываніи Григорія въ Сербіи, какъ о фактѣ достовѣрномъ (стр. 70—72), но относитъ его приблизительно къ періоду послѣ 1405 года. Наконецъ, В. Качановскій, вслѣдъ за сербскими историками, думаетъ, что Цамблакъ былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря раньше своей первой поѣздки въ Молдавію, т. е. въ концѣ XIV вѣка (Исторія Сербіи, стр. 236).

Въ то же время въ современныхъ Цамблаку и въ болѣе позднихъ историческихъ и литературныхъ источникахъ и преданіяхъ ничего не говорится о пребываніи Цамблака въ Сербіи, а единственными данными для такого вывода служатъ лишь заглавіе Житіе Стефана III Уроша Дечанскаго и фактъ написанія Прибавленія къ Евѳиміеву Житію Параскевы, о перенесеніи мощей ея въ Бѣлградъ.

Мы думаемъ, что оба произведенія Цамблака, связывающія его съ Сербіей, были написаны въ разное время: Сказаніе о перенесеніи мощей Параскевы—въ послѣднихъ двухъ годахъ XIV в., а Житіе Стефана—въ 1407 или 1408 гг. Прежде чѣмъ привести наши соображенія, познакомимся съ тѣмъ, что̀ сказано было по данному вопросу нашими предшественниками. Какъ было уже указано, преосв. Мелхиседекъ относитъ пребываніе Цамблака въ Сербіи къ 1420—1431 гг. и думаетъ, что тотъ ушелъ туда, оставивъ русскую митрополію. „Какъ митрополитъ литовскій, Цамблакъ былъ презираемъ Москвой и константинопольскимъ патріархомъ, —говоритъ онъ.—Какъ врагъ папизма, онъ возбуждалъ неудовольствіе въ католической Польшѣ и Литвѣ. Молдавскій господарь Александръ Добрый находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и къ Польшѣ, и Литвѣ, и Москвѣ, къ византійскому двору и вселенской

патріархіи. Понятно отсюда, что всѣ эти страны не представляли надежнаго убѣжища для бѣглаго литовскаго митрополита. Быть можетъ, онъ могъ уйти въ свое отечество, въ родной Тырновъ? — Никоимъ образомъ. Болгарія потеряла свою самостоятельность политическую и церковную, и еще въ концѣ XIV вѣка подпала подъ владычество турокъ... Ему не оставалось искать спасенія въ иномъ мѣстѣ кромѣ Сербіи, которая въ то время пользовалась нѣкоторой самостоятельностью и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи; она имѣла еще своихъ правителей-деспотовъ, хотя они были подъ турецкимъ сюзеренитетомъ; имѣла она и автокефальную митрополію, не зависѣвшую отъ патріархіи. Туда и направился Цамблакъ, чтобы найти желаемое убѣжище" (стр. 18). Это предположеніе принимаетъ и П. Сырку; „что дѣйствительно Цамблакъ нашелъ пріютъ въ Сербіи,—говоритъ онъ,—видно изъ похвальнаго Слова св. Параскевѣ, въ концѣ котораго онъ обращается къ сербскому деспоту Юрію Бранковичу, преемнику Стефана" (1427—1457 гг., стр. 124—125).

Нетрудно убѣдиться, что румынскій изслѣдователь и русскій критикъ введены были въ заблужденіе той поздней версіей Цамблакова Прибавленія, которая помѣщена у Муравьева въ его „Житіяхъ святыхъ россійской церкви" (Спб., 1856 г., октябрь, стр. 260). Муравьевъ не указываетъ своего ближайшаго источника, а при такомъ условіи извѣстное обращеніе проповѣдника, „господинъ нашъ Георгіе", дѣйствительно могло дать поводъ къ предположенію, что самъ Цамблакъ произнесъ свое Сказаніе, быть можетъ, въ видѣ прибавленія къ Евѳиміеву Житію—въ Бѣлградѣ, при торжественномъ перенесеніи мощей, и въ присутствіи деспота Юрія, т. е. *послѣ 1427 года*. А такъ какъ Мелхиседекъ относитъ время игуменства Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ не къ 1403—1406, а къ 1438—1452 гг., то время пребыванія Григорія въ Сербіи вполнѣ естественно, было отнести къ „незанятому" фактами періоду его біографіи, между 1430—1432 гг., а написаніе и произнесеніе Слова

къ „*началу* правленія Юрія и къ концу правленія въ Молдавіи Александра Добраго“, т. е. къ 1427 — 1432 годамъ (стр. 19). П. Сырку готовъ принять и этотъ выводъ Мелхиседека, но думаетъ только, что „едва-ли Цамблакъ могъ *присутствовать* при перенесеніи мощей св. Петки въ Бѣлградъ, такъ какъ слова, на которыя ссылается преосв. Мелхиседекъ, принадлежатъ патр. Евѳимію (?), а Цамблакъ только повторяетъ ихъ“ (стр. 125—126).

Всѣ эти недоразумѣнія легко разрѣшаются изъ чтенія болѣе исправныхъ и старыхъ текстовъ, гдѣ вмѣсто словъ „и благочьстиваго господина нашего деспота Гюрѓга“ находимъ болѣе правильное: „и благочестиваго цара нашего невредна и ненавѣтна сѫхрани“ [1]). Такого же характера и происхожденія должна быть замѣна Срацимира валашскимъ воеводой Мирчей, въ той же версіи у Муравьева. Мелхиседекъ посвящаетъ этому отрывку цѣлый экскурсъ въ область культурныхъ славянскихъ сношеній валашскаго господаря, и пользуясь случаемъ, объясняетъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ и географическихъ терминовъ валашскихъ грамотъ XIV вѣка (стр. 27—29), что въ данномъ случаѣ нисколько не идетъ къ дѣлу. Правда, и П. Сырку почему-то не допускаетъ, что эта замѣна могла быть сдѣлана въ Молдавіи (стр. 126), но всего черезъ двѣ страницы высказываетъ предположеніе, что она „явилась изъ румынскаго источника довольно ранняго (?) времени, по *послѣ* (?) пребыванія Цамблака въ Сербіи или, вѣрнѣе, послѣ Цамблаковой (?) или сербской редакціи (?) Житія (?) св. Петки“, наконецъ, что эта прибавка сочинена въ новѣйшее время, быть можетъ, самимъ Муравьевымъ.

Такимъ образомъ, ошибка нашихъ предшественниковъ вытекала изъ того, что они не пользовались рукописями и довольствовались позднимъ печатнымъ изданіемъ. Если мы обратимся къ болѣе старому тексту Сказанія, внесенному грам-

[1]) *E. Kałużniacki*, Werke etc., p. LXXVIII, 76. Невѣрно только предположеніе г. Калужняцкаго о смерти Цамблака въ 1420 году.

матикомъ Владиславомъ въ его Панегирикъ 1483 года (рукопись Рыльскаго монастыря, № 62), то увидимъ, что это именно чтеніе слѣдуетъ считать самымъ исправнымъ и безусловно близкимъ къ первоначальной редакціи. Теперь онъ изданъ Е. Калужняцкимъ (Werke der Patr. von Bulgarien Euthymius, Wien, 1901) и разрѣшаетъ всѣ рѣшительно недоумѣнія прежнихъ изслѣдователей. Поэтому, для датировки Сказанія мы имѣемъ здѣсь слѣдующія данныя:

1) Проповѣдникъ пишетъ подъ живымъ впечатлѣніемъ взятія Тырнова, т. е. событій 1494 года. Передавая эту „горькую повѣсть". Цамблакъ обращается къ читателямъ съ слѣдующимъ вступленіемъ: „Таже что? — Аще убо подробну вашей любви иже тогда творимаа прѣдставлю писаніемь, вѣмь извѣстно, къ печали и слъзамь низведу васъ. Нъ ради трожьства дьню, аще и пользну, обаче рыданію, умлъчихомь повѣсть" (стр. 533). Въ концѣ Сказанія онъ говоритъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежде лежали мощи Параскевы, въ настоящее время полное запустѣніе: рѣдко даже можно найти тамъ церковь или священника. Совсѣмъ иное дѣло въ Сербіи, управляемой боговѣнчанными господами и покровительствуемой святой Параскевой. „Въ кыихь бо странахь толико монастыри, рьци ми, таже велици и славни въ кыихь градохь?—спрашиваетъ проповѣдникъ.—Гдѣ толико числа вышьшее иночьское множьство, ангельское и несъпреженное житіе живуще?.. Где архіереіе толико? Где усрьдіе къ Богу и къ божественнымь? Гдѣ благочиніе народа, елико въ властехь и елико въ подручныхь? — Нигде, развѣ зде, идеже въсхотѣ упокоитисе" (стр. 436).

2) Послѣ разсказа о паденіи болгарской столицы онъ переходитъ къ описанію Никопольской битвы 1396 г. [1]), которое также имѣло въ данномъ случаѣ нѣкоторый смыслъ,

[1]) О той-же битвѣ говоритъ, между прочимъ, и Константинъ въ Житіи Стефана Лазаревича.

какъ недавнее историческое событіе, результатомъ котораго и было только что описанное возвышеніе Сербіи.

3) Затѣмъ слѣдуетъ полный движенія отрывокъ о поѣздкѣ сербской правительницы къ султану, который далъ ей мощи преп. Параскевы: „ту сълучисе быти на видѣніе царево пришъдши благочъстивѣйшой кнегыни сръбьскые земле, съпружницы присnопоминаемаго и светаго кнеза Лазара, съ двоими тое благочъстивыими отрасльми, Стефаномъ деспотомъ и Влъкомъ, нъ и великааго и храбрѣишаго деспота Углеше съпружници, Евфрміи убо именемь, постничьства же украшенѣ сущи и дѣаніемь и добродѣтелми, въ прѣмудрости же и остроуміи многыхъ прѣвъсходещи“ (стр. 434). Никто изъ нашихъ предшественниковъ по изслѣдованію не пытался датировать послѣднее событіе, несмотря на то, что для этого имѣются прямыя указанія, какъ въ сербскихъ (Житіе Стефана Лазаревича— Константина), такъ и въ дубровничскихъ источникахъ. Княгиня Милица, вмѣстѣ съ двумя малолѣтними сыновьями и своей родственницей, монахиней Евѳиміей, рѣшилась отправиться въ Адріанополь еще 1 октября 1397 года; 4 мая она была въ пути къ Адріанополю, а 23-е число того же мѣсяца застало ее на обратномъ пути [1]). Слѣдовательно, Сказаніе могло быть написано послѣ мая 1398 года.

4) Цамблакъ говоритъ здѣсь о монахинѣ Евѳиміи, супругѣ покойнаго Углеша. О ней мы знаемъ слѣдующее. Отецъ Евѳиміи, Воихна, родственникъ царя Душана, управлялъ драмской и сѣрской областями въ Македоніи и умеръ приблизительно въ 1357—60 годахъ. Послѣ него занялъ мѣсто Углешъ Мрнявчевичъ († 1371) братъ Вукашина [2]). Вдова Углеша постриглась съ именемъ Евѳиміи. Въ концѣ 90 годовъ она пожертвовала покровъ на гробъ Лазаря въ Раваницѣ, а въ надписи на катапетазмѣ (завѣсѣ) Хиландарской лавры 1399 года она называетъ себя недостоинаа раба твоа,

---

[1]) *Ст. Новаковић*, Срби и турци, стр. 413.

[2]) *Архим. Н. Дучић*, Книжевни радови, IV, 95 г., стр. 64.

ѡ владичице, Ефимиꙗ монахїи, дьщи господина ми кѥсара Воихне, лежещаго здѣ, нѣкогда же деспотица [1]).

5) Въ концѣ Сказанія находимъ фразу: „здѣ же (т. е. въ Сербіи), симь богобѣнчанныимь господамь, колико лѣть бориммомь отъ сихь и, ꙗкоже виноградь, обираемомь; и се не единою въ лѣтѣ, нъ на койждо день же и часъ“ (стр. 435). Эти слова указываютъ на то, что во время составленія Сказанія Стефанъ и Вукъ правили вмѣстѣ. Мы знаемъ, что во время коссовской битвы они были малолѣтками, и всѣми дѣлами страны заправляла ихъ мать (напр. въ Житомышльскомъ хронографѣ: синь же прьбїи великаго кнеза Лазара, Стефань кнезь ѡста сь матерїю своею еште сїи младь и сь братомь своимь Вькомь, „Книжевни радови“ *арх. Дучича*, IV, 185). Затѣмъ въ 1395 году Милица-Елена постриглась въ монахини съ именемъ Евгеніи, и во всѣхъ документахъ, записяхъ и надписяхъ конца XIV вѣка имена этихъ трехъ лицъ упоминаются всегда вмѣстѣ, напр., въ надписи на цѣпяхъ паникадила изъ Дечанскаго монастыря: Стефань краль. Благочьстива госпогꙗ Евгенїꙗ. Благовѣрни Стефань кнезь и Вькь, кои се потрꙋди ѡ семь хорꙋ (*Л. Стојановичъ*, Стари српски записи и натписи, № 195; издатель датируетъ ее 1395—1398 годами, стр. 60); въ вкладной записи игумена Варлаама на одной Дечанской рукописи: „повелѣнїемь господина ми кнеза Стефана и брата ѥго Вька и матере ихъ кура Евгенїе, № 204: Другая рукопись (Прологъ), подаренная тому же монастырю *екклисіархомъ* Варлаамомъ, т. е. раньше первой, написана „въ дни благоверного и христолюбиваго и Богомь хранимаго господина кнеза Стефана, сина великаго Лазара, № 206 (обѣ эти записи датированы издателемъ слишкомъ продолжительнымъ періодомъ, 1389—1402 годами, стр. 65); въ надписи надъ воротами церкви св. Стефана у Алексинца 1399 года: азь кнезь Стефань сь братомь Вькомь приложихь Врбви Моравви“... № 196; въ первой же части надписи: вь дни благовѣрнаго кнеза Стефана, стр. 60. Въ надписи на шитомъ Евгеніей по-

[1]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи, стр. 61—62.

кровѣ царю Лазарю около 1399 года: побѣдоу подати бьзлюблѥнимь ти чедомь кнезоу Стефаноу и Влькоу.... не ѡстави, вь нихже моучении боюють чеда твоа бьзлюблѥна кнезь Стефань и Вль́кь, проси подати имь се ѿ Бога помощи, № 198 и др.

Слѣдовательно, терминомъ post quo для написанія Сказанія будетъ май 1398 года. Въ тоже время, оно не могло быть составлено послѣ 1402 года, такъ какъ Цамблакъ не упоминаетъ о важной своими послѣдствіями Дринопольской битвѣ у Градчаницы, случившейся 21 ноября 1402 года, а о Стефанѣ не говоритъ, какъ о самостоятельномъ правителѣ, что̀ было бы вполнѣ умѣстно послѣ Ангорскаго сраженія, имѣвшаго мѣсто въ іюлѣ того же года (въ Житомышльскомъ хронографѣ: самь же Стефань кь Цариградь приходить и сь братомь своимь Влькомь, и тамо ѿ цара грьчьскаго Манꙋила, ѥште живоу емꙋ соуштꙋ деспотьскїи сань прїемлеть... и ѿтоле деспоть Стефань самовластаць и господарь вьсеи земли срьбьскои бысть, Книжевни радови *Дучича* IV, 187). Наконецъ, черезъ пять лѣтъ Вукъ Лазаревичъ возобновляетъ вассальныя отношенія къ венгерскому королю, а лѣтомъ 1410 года убитъ (*В. Качановскій*, Исторія Сербіи, Кіевъ, 1899 г., ч. I, стр. 39, 48, 51, 55, 56, 185, 188). Такимъ образомъ, долгая вражда двухъ братьевъ исключала возможность для проповѣдника называть ихъ „боговѣнчанными господами“.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что къ концѣ іюля 1401 г. Цамблакъ былъ посланъ изъ Константинополя въ Молдавію съ дипломатическимъ порученіемъ патр. Матоея, и въ заглавіяхъ всѣхъ своихъ проповѣдей, написанныхъ въ указанномъ году и произнесенныхъ въ молдавской столицѣ, называетъ себя „мнихомъ и пресвитеромъ Григоріемъ“. Въ то же время Сказаніе о перенесеніи мощей въ Сербію надписывается обыкновенно одной его фамиліей: Цамблаково, Цамблакъ, Цамблака и т. д. Слѣдовательно, терминомъ ante quem можетъ быть начало 1401 года, и составленіе Сказанія остается относить къ 1399 или 1400 гг.

Вопросъ о мѣстѣ его написанія также разрѣшается неодинаково: большинство изслѣдователей стоитъ за Сербію, меньшинство за Молдавію. Мы думаемъ, что оно было написано въ Константинополѣ, когда Цамблакъ не выступалъ еще на поприщѣ проповѣдника и не имѣлъ еще пресвитерскаго сана. Поэтому онъ предназначалъ свое Сказаніе для прочтенія кѣмъ-нибудь другимъ. Это видно изъ предисловія, гдѣ онъ говоритъ, что низведетъ читателей къ печали и слезамъ, „аще убо подробну вашей любви, иже тогда творимаа прѣдставлю писаніемь“ (Kałużniacki, Werke, s. 433); въ остальныхъ своихъ проповѣдяхъ и житіяхъ, произнесенныхъ имъ самимъ, Цамблакъ называетъ свои произведенія „словами“ и другими терминами, означающими живую проповѣдь. Здѣсь же, въ Константинополѣ, онъ могъ узнать о всѣхъ тѣхъ событіяхъ изъ политической жизни Сербіи, о которыхъ говоритъ въ Сказаніи; для такихъ общихъ мѣстъ ему не нужно было ѣздить въ Сербію.

Въ виду того, что первые шаги самостоятельной административной и проповѣднической дѣятельности Цамблака имѣли мѣсто въ Молдавіи, скажемъ нѣсколько словъ о началѣ этого придунайскаго господарства, о началѣ христіанства и церкви у румынъ Молдавіи.

ГЛАВА II.

Начало православной церкви въ Молдавіи; христіанство въ предѣлахъ траяновой Дакіи: латинская и славяно-греческая христіанская терминологія у румынъ.—Отношеніе Молдавіи къ вселенской патріархіи и попытки послѣдней подчинить молдавскую церковь.—Посольство Цамблака въ Сочаву для примиренія Молдавіи съ Константинополемъ, въ 1401 году. — Проповѣдническая дѣятельность Цамблака въ Сочавѣ и перенесеніе мощей Іоанна Бѣлградскаго.—Нямецкій Пантократоровъ монастырь, его происхожденіе, время основанія и названіе. — Игуменство Цамблака въ Нямцѣ; соединеніе послѣдняго съ Быстрицой въ 1407 году. — Литературная дѣятельность Григорія за этотъ періодъ.—Цамблакъ въ Сербіи.

При знакомствѣ съ хронологіей наиболѣе достовѣрныхъ событій изъ жизни Цамблака нетрудно замѣтить, что болѣе важная по своему историко-культурному значенію и интересная по возбуждаемымъ ими вопросамъ часть ихъ приходится на двукратное пребываніе Григорія въ Молдавіи. Если къ этому прибавимъ, что пятилѣтняя дѣятельность Цамблака въ Россіи разработана сравнительно хорошо русскими и польскими историками, а сербскій кратковременный періодъ сводится къ простымъ предположеніямъ, наконецъ, что разсмотрѣнная уже въ предыдущей главѣ жизнь Григорія на востокѣ даетъ очень мало положительныхъ извѣстій, то вполнѣ понятнымъ окажется интересъ къ молдавскому періоду его жизни, къ эпохѣ почти не выясненной въ прежнихъ изслѣдованіяхъ, странѣ со славянской культурой, гдѣ свои способности и знанія Цамблакъ могъ примѣнить къ разнообразнымъ областямъ молдавской жизни — административной, культурной, проповѣднической и книжной въ узкомъ значеніи этого термина.

Молдавія была тогда еще молодымъ государствомъ. Основанная около сорока лѣтъ предъ приходомъ Григорія въ столицу княжества, Молдавія представляла изъ себя страну со слабой государственной организаціей, рабски копировавшую византійскіе и болгарскіе образцы, казавшуюся нѣсколько даже наивной въ громкихъ титулахъ боговѣнчанныхъ господарей,

признававшихъ на самомъ дѣлѣ такую же вассальную зависимость отъ сосѣдней Польши, какая существовала и въ Валахіи и части Сербіи по отношенію къ Венгріи. Что касается письменности, то она здѣсь только начиналась, и нашему Цамблаку выпало на долю стать просвѣтителемъ Молдавіи на книжно-славянской почвѣ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ прямое указаніе на это въ молдавской лѣтописи Мирона Костина: по его свидѣтельству, Цамблакъ стоялъ во главѣ миссіи, получившей въ Охридѣ благословеніе отъ тамошняго сербскаго патріарха и вывезшей оттуда славянскихъ священниковъ и славянскія книги.

Цѣлый рядъ мало пока разработанныхъ матерьяловъ, небольшихъ статей и очерковъ по исторіи древняго періода румынскихъ церквей [1]) можетъ дать слѣдующій только выводъ: въ земляхъ траяновой Дакіи христіанство существовало почти съ апостольской эпохи и не прерывалось до XIV вѣка, когда впервые появляются уже оффиціальныя упоминанія объ угровлахійской и молдовлахійской митрополіяхъ. Если припомнимъ намѣренное заселеніе придунайскихъ римскихъ провинцій христіанами, входившее въ программу колоніальной политики съ II вѣка; отрывочныя извѣстія объ участвовавшихъ на вселенскихъ и мѣстныхъ соборахъ епископахъ томитанской, абритской, новской, никопольской, одисской, доростольской и другихъ епархій; свидѣтельства у раннихъ и позднихъ истори-

---

[1]) Изъ литературы вопроса: *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей и т. д., стр. 346—354; *Filaret Scriban*, Istoria bisericeasca a Românilor etc. pp. 1—47; *C. Erbiceanu*, Istoria mitropoliei Moldaviei și Sucevei, pp. IV--XXXVIII (самая полная работа); *Ѳ. Успенскій*, Образованіе второго болгарскаго царства, на стр. 101 авторъ говоритъ, что въ началѣ XIII в. румыны еще не обращены въ христіанство [мы думаемъ, что изслѣдователь разумѣетъ здѣсь лишь каноническій вопросъ]; *Ghenadie episc. de Rômnic*, Creștinismul in Dacia, și crescinarea românilor; *V. Predeanu*, Existența și organisațiunea ierarchiei bisericești la români (хорошая компилятивная работа); *Свящ. Н. Лашковъ*, Темный періодъ въ исторіи Румыніи. *Кишиневск. Епарх. Вѣд.* 1886 г. и отдѣльно (плагіатъ); *A. D. Xenopol*, Istoria românilor etc., ed. populara, vol. II, pp. 80—105; *C. Erbiceanu*, Inceputul Creștinitâței în Basarabia,

ковъ и проповѣдниковъ—Евсевія, Никифора, Каллиста, Іереміи, Какавела, Созомена, Тертулліана, Филострога, Сократа, Никифора Григоры; поражающій своей величиной списокъ мучениковъ, пострадавшихъ въ мѣстностяхъ траяновой и авреліановой Дакій и извѣстія о массовыхъ преслѣдованіяхъ христіанъ въ тѣхъ же земляхъ; несомнѣнные слѣды дѣятельности Ульфилы въ предѣлахъ нынѣшнихъ румынскихъ поселеній; существованіе „скиѳскихъ“ и „куманскихъ“ епархій, состоявшихъ изъ „еретиковъ“, къ обращенію которыхъ такъ стремились папы; наконецъ, латинскую христіанскую терминологію въ живомъ румынскомъ языкѣ,—то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, что та народность, которая дала начало румынской націи, несомнѣнно, исповѣдывала христіанство въ той или иной формѣ, но съ очень древнихъ временъ. Послѣднее изъ доказательствъ, которымъ, между прочимъ, пользуются очень многіе историки [1]), имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Изъ нижеприведеннаго списка словъ латинскаго корня видно, что всѣ они падаютъ на долю понятій отвлеченныхъ,

Biserica Ortodoxa, an. 1894, pp. 298—304; *C. Stamati* id. ibid. an. 1893, august; *Ar. Densusianu* in *Revista Critica-literara*, an. II, № 7—8, p. 328 și alte; ib. an. III, № 3, p. 71; *В. Колокольцевъ*, Устройство управленія правосл. румынской церкви. Казань. 1897, стр. 1 — 12; древній періодъ разработанъ необыкновенно плохо, авторъ говоритъ, напримѣръ, будто румыны получили христіанство (sic) отъ болгаръ стр. 1, и не позднѣе конца IX в., о гоненіяхъ на восточныхъ (sic) христіанъ язычника Гіулы стр. 5 и т. д; къ сожалѣнію рецензентъ не отмѣтилъ этихъ ошибокъ (*Византійское Обозрѣніе*, т. IV, вып. 3—4, стр. 685—686; другая рецензія, *П. С. Бердникова* въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, 1898 г., декабрь, стр. 557—563); *А. Стадницкій* (преосв. Арсеній, ректоръ Моск. Духовн. Акад.), Гавріилъ Банулеску Бодони, Кишиневъ, 1894, стр. 1—5; *Н. П. Петровъ* въ „Бессарабіи“ *П. Н. Батюшкова*, Спб. 1892 г., глава I; *C. Erbiceanu*, Ulfila, viața și doctrina lui; наша замѣтка объ этой книгѣ въ *Věstník*ѣ *slovanských starožitností*, II, 4, str. 46—47 и мн. др.

[1]) Изъ литературы вопроса: *A. D. Xenopol*, Istoria românilor etc., vol. II, pp. 82—87, 91; *L. Saineanu*, „Incercare asupra semasiologei limbei române“ in *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. VI; *Revista critica literara* V, № 1, p. 9 passim; *V. Predeanu*, Existența și organisațiunea ierarchiei etc. pp. 50—51; *A. D. Xenopol*, „Teoria lui Rössler“ in *Revista p. istorie, archeologie* etc. vol. IV. p. 580, 567, 463, passim; *Dr. M. Gaster*, „Stratifi-

главнѣйшихъ истинъ и представленій религіи и христіанскаго культа; нѣкоторыя же изъ нихъ восходятъ къ народной латыни и этимъ получаютъ еще большую цѣну; напримѣръ, ажюн—канунъ (adjunium), алтàр (altar, а не изъ олтарь), бисéрика (basilica, а не βασιλική), блъстъмà inf. проклинать (blastamare, а не βλασταμεῖν), ботезà inf. (baptrizo, а не βαπτίζω), дрáку — дьяволъ (draco), Думнезъ́у (Dominus Deus), крештѝн (lat. vulg. chrestum), кру́че (crux), кумъ́тру—кумъ (compater), кумыникáре (communicare), комъндáре — поминки (commendare), лéже (lex), мáртир — утратило значеніе „мученика“ и сохранилось „свидѣтель“, мормы́нтъ (monumentum, rust. morimentum), пóпа (pappa, а не попъ), прéут (presbiter), пъгы́н перен. противный, скверный, язычникъ (paganus), пъкàт (peccatum), ру́га—молитва (rogo), сéкріу (scrinium), скрипту́ра [сфы́нта]—[св.] Писаніе (scriptura), сърбъ́тóря (vulg. serbare), сы́н только въ приложеніи къ собственнымъ именамъ: Сынтóдоръ—св. Ѳеодоръ, Сынмéдру—св. Димитрій, Сынкéтру—св. Петръ и т. д. (sanctus) [отдѣльно — сфы́нт подъ вліян. свѧтъ], съптъмы́на (septema), ты́мпла — иконостасъ (templum), цимимтѝр, цминтар, цинтирим (coemeterium. Ср. у венгровъ и малороссовъ Галиціи), ынкинáре (inclinare), ы́нжер (angelus), наконецъ, названія дней недѣли, мѣсяцевъ, годъ, термины астрономическіе, психологическіе и т. д.

Рядомъ съ словами латинскаго происхожденія стоятъ чистославянскія или позднія греческія, лишь съ румынской огласовкой и суффиксами. Не трудно замѣтить, что всѣ они относятся или къ внѣшней, обрядовой, такъ-сказать археологической сторонѣ культа или же выдаютъ свое книжное, но едва ли очень раннее происхожденіе, въ большинствѣ случаевъ, при-

---

carea elementului latin“ etc., *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. I, p. 350; *Ar. Densușianu* in *Revista critica-literara*, an. V, № 1, pp. 1—14; *J. Bărbulescu*, Studii, privitoare la limba și istoria românilor. Bucuresci, 1902, Cap. I и др. Подробнѣе въ нашей работѣ „Книжное вліяніе славянскаго языка на румынскій“, *Русскій Филологич. Вѣстникъ*, 1903 г. кн. III—IV.

близительно съ XIV вѣка [1]). О нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ ниже словъ, можно конечно, спорить. Но не слѣдуетъ забывать, что это лингвистическое доказательство получитъ еще бо́льшую цѣну, если мы напомнимъ, что и въ венгерскомъ языкѣ существуетъ аналогичная, славянскаго же корня, но румынскаго происхожденія, терминологія. И это наблюденіе также свидѣтельствуетъ о сравнительно раннемъ христіанствѣ у румынъ. Приведемъ слѣдующія слова: ана́фтема, бъзако́ніе, бе́знъ (бездна), влъдика, гро́пница, грешит (грѣшникъ), да́скал, иванге́ліе, же́ртва (у Кореси, 4 пс. жрътвъ), жертве́льник, идол, испитире (испытаніе), ка́пиште, къл҆угър, кошчюг (ковчегъ), летописец, милостив, милъ (милость), писа́ніиле - надписи, предосло́віе, пра́зник—поминальная трапеза, престо̀л, пост, проро́к, исълтире, пыклъ -- адъ, ра́ю, ра́клъ — гробъ, пу́стникъ, проповѣдуи --проповѣдывать, Скараоцки —Искаріотскій, ста́рец, съха́стр—ἡσυχαστής, събо́р, тайнеле, църко́вник, чюдъ, чюде́селе. чюдѐск, яд—адъ (Апост. 1563 г. адꙋл) и мн. др. Излишне, конечно, говорить о книжномъ происхожденіи такихъ словъ, какъ Дух, Тро́ица, діа́кон, игу́мен, слу́жбъ, вече́рне, параклис, панафидъ, апо́стол, мученик, сфетител, сфе́шник, полика́ндр, ламба́дъ, дискос, вра́тъ, а́ер и др. Такимъ образомъ, начало молдавской церкви, съ ея ясноочерченными славянскими формами и необыкновенно оживленной славянской письменностью, восходитъ во всякомъ случаѣ къ XIV вѣку. На пространствѣ XV—XVII вѣковъ она продолжала жить въ тѣхъ же формахъ, по существу своему чуждыхъ, правда, румынской національности, но оставившихъ по себѣ глубокіе слѣды даже и въ настоящее время, когда сначала греческое

---

[1]) Славянскія слова приводятся въ большинствѣ работъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи; спеціальная статья принадлежитъ *Миклошичу*, „Die slavischen Elemente im Rumänischen“ in *Denkschriften der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Philos.-histor. klasse.* Wien, 1862, bd. XII, ss. 1—60. Ср. рец. *И. И. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ* т. X, стр. 148 -- 150; *Ar. Densușianu*, Istoria limbei și literaturei române pp. 87—88 и др.

вліяніе, а затѣмъ румынское возрожденіе пустило глубокіе корни. Спеціальный очеркъ по исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи мы помѣстимъ въ одной изъ предполагаемыхъ нашихъ большихъ работъ, а теперь познакомимся съ тѣмъ, что говоритъ по этому вопросу проф. І. Богданъ въ лекціи о старой румынской культурѣ. „Важнѣйшимъ культурнымъ факторомъ въ древнія времена была церковь и ея служители. Теперь мы привыкли не придавать никакого значенія спасительному вліянію, оказываемому вѣрой на человѣческую жизнь и нравственность; въ этомъ отношеніи мы, можно сказать, потеряли всякую связь съ прошлымъ. А въ старое время, какъ и повсюду въ остальной Европѣ, церковь съ ея служителями пользовалась виднымъ положеніемъ; въ государственномъ совѣтѣ митрополитъ являлся первымъ лицомъ: ни одно важное постановленіе не обходилось безъ согласія его, епископовъ и игуменовъ. Очагами этого культа были монастыри. Они пользовались почетомъ и уваженіемъ не только въ смыслѣ охранителей религіи, но и потому, что были въ то же время и единственными разсадниками науки и искусства. Тогдашніе монахи были самыми образованными людьми въ странѣ, и если кто желалъ выучиться грамотѣ, то долженъ былъ обращаться къ нимъ. Правда, ихъ образованность была исключительно богословская, но такова была и вся культура того времени. На всѣхъ памятникахъ науки и искусства отражалось вліяніе чистѣйшаго православія, въ томъ самомъ видѣ, какой представляла и восточная церковь, мать нашей церкви. Мы всегда оберегали его, и всякія попытки западной пропаганды, въ лицѣ римскихъ папъ, поддерживаемыхъ венгерскими и польскими королями, никогда не имѣли успѣха. Румыны, которые во время существованія византійской имперіи приняли восточный обрядъ христіанской церкви чрезъ болгаръ, остались вѣрны ему и до сихъ поръ. Положеніе, которымъ пользовалось у насъ черное и бѣлое духовенство, распространялось и на обиталища ихъ. Церкви

и монастыри, это—излюбленныя дѣтища господарей и бояръ; монастыри въ особенности надѣлялись богатствами и огромными привиллегіями. Господари не только заботились объ увеличеніи ихъ громадныхъ и богатыхъ владѣній „для пропитанія монаховъ и во славу Божію“, но и освобождали монастыри отъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которые обыкновенно должны были идти въ пользу господаря. Монастырскіе люди не платили ни подушной подати т. е. „бира“, ни десятины съ продуктовъ—зерна, вина, меда, воска, льна и т. п.; сверхъ того, господари предоставляли монастырямъ приходъ съ городовъ и съ рыбной ловли. Они пользовались также своимъ собственнымъ судомъ. Результатомъ освобожденія монастырей отъ повинностей было то, что въ рукахъ монаховъ сосредоточились колоссальныя имущества, на которыя не могли равнодушно смотрѣть греки, приблизительно со времени Нягоя Басараба; въ концѣ концовъ эти богатства и перешли въ руки грековъ. Во всякомъ случаѣ монастырскія богатства оказались нѣкоторымъ благодѣяньемъ для страны, почему-то безъ нихъ монастыри не могли-бы дать той высокой религіозной культуры, которая съ самыхъ первыхъ и до позднихъ временъ выражалась въ нашемъ искусствѣ и литературѣ“ [1]). Затѣмъ г. Богданъ говоритъ о славянской письменности въ Румыніи, строительномъ искусствѣ, живописи и т. д. [2]). На всѣхъ этихъ проявленіяхъ румынской культуры замѣтно непосредственное болгарское вліяніе. Припомнимъ, напримѣръ, что въ XIV вѣкѣ въ Болгаріи у преп. Ѳеодосія были ученики изъ Угріи и Валахіи, что Евѳимій былъ въ перепискѣ съ угровлахійскимъ митр. Анѳимомъ и Никодимомъ Тисманскимъ [3]), что румыны

---

[1]) *J. Bogdan*, Cultura' veche romîna. Bucuresci, 1898, pp. 58—60.

[2]) Подробнѣе у *А. И. Яцимирскаго*, Старинное румынское искусство, *Искусство и Художественная промышленность*, 1901 г., кн. V.

[3]) Тексты изданы *проф. Е. Калужняцкимъ*, Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Wien, 1901, ss. 205—224. Отмѣтимъ кстати интересный фактъ изъ Помянника Тисманскаго монастыря, начала XVIII вѣка, переписаннаго, какъ видно изъ предисловія, съ древняго сла-

заимствовали у болгаръ формы церковной іерархіи, дѣлали копіи съ болгарскихъ рукописей, болгарскіе монахи основывали въ придунайскихъ княжествахъ монастыри, пользовались румынской благотворительностью и т. д.

Впрочемъ, всѣ перечисленные выше и другіе факты относятся къ болѣе позднему времени, когда можно было говорить уже о валашской или молдавской церкви въ каноническомъ значеніи слова; о болѣе раннемъ періодѣ церковной жизни у румынъ, приблизительно до XIV вѣка, мы ничего опредѣленнаго не знаемъ. Румынскіе историки думаютъ, что зависимость молдавской и валашской церквей отъ Охрида относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ XIV вѣкъ. Такого взгляда придерживается, между прочимъ, преосв. Мелхиседекъ [1]. „Въ 1395 году, — говоритъ онъ,—валашскій господарь Александръ Басарабъ подчинилъ было церковь своей страны константинопольскому патріарху и просилъ его утвердить на митрополичьемъ престолѣ грека Іоакинѳа Критопуло, бывшаго митрополита витцинскаго и съ давнихъ поръ жившаго въ Валахіи [2]. Но это подчиненіе валашской церкви патріархіи при вмѣшательствѣ господаря продолжалось недолго, потому что въ 1390 году Валахія снова зависѣла отъ Охрида. Тогдашній патріархъ Антоній, обращаясь по какому-то поводу

вянскаго извода. Непосредственно вслѣдъ за предисловіемъ идутъ поминанія, и на первомъ мѣстѣ оказывается имя архіеп. Евѳимія, несомнѣнно, автора извѣстныхъ Посланій и духовнаго отца монаха Никодима, Евѳимія архіепископа, Никодима іеромонаха, Іосифа архіеп., Михаила архіеп, Іосифа архіеп. и т. д. Рукопись Букурештскаго Націон. Муз. № 414.

[1]) Chronica Romanului, vol. I. pp. 56—58.

[2]) Ср. *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ, стр. 350. Неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Колокольцевъ говоритъ, что до 1359 года Валахія зависѣла въ церковномъ отношеніи отъ болгаръ (sic), стр. 6; возможно, впрочемъ, что какое-то отношеніе имѣли родственныя связи: сынъ Іоанна Александра, Срацимиръ, былъ женатъ на дочери Александра Басараба I, правившаго по нѣкоторымъ историкамъ, въ 1342 — 1352 г.г. или въ 1325—1360 (*A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III), или въ 1310—1363 (*B. Hâjdeu*, Radu Negru).

къ господарю Мирчѣ I, пишетъ ему между прочимъ: „и архіепископъ *вашъ охридскій* согласился на это и далъ свое благословеніе. Но то, что мы связали, того не можемъ ни разрѣшить, ни перемѣнить“ [1]). Но если молдавская церковь въ XIV вѣкѣ зависѣла канонически отъ Охриды, то въ силу чего же въ 1371 и 1376 годахъ Молдавія обращалась къ галичскому митр. Антонію и просила его посвятить для нея двухъ епископовъ—Іосифа и Мелетія? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать положительнаго отвѣта. Но его слѣдуетъ искать въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда охридская архіепископія, а именно во внутреннихъ междоусобіяхъ, имѣвшихъ тогда мѣсто въ Сербіи. Возможно даже, что охридская каѳедра въ тѣ времена оставалась вакантной. Возможно также, что въ соперничествѣ между этими двумя автокефальными сербскими церквами, Охридомъ и Ипекомъ, послѣдняя, какъ настоящая сербская, добилась первенства и лишила(?) первую всякаго авторитета, поставивъ ее въ положеніе подчиненной и присвоивъ(?) себѣ права Охрида. Въ послѣднемъ предположеніи мы опираемся на слѣдующій случай, о которомъ говорятъ наши лѣтописи: въ 1451 году, въ правленіе Александра II, молдавскій митр. Ѳеоктистъ былъ посвященъ сербскимъ архіеп. Никодимомъ [2]).

„Поэтому,—продолжаетъ Мелхиседекъ,—въ спискѣ охридскихъ іерарховъ, помѣщенномъ у М. Дринова и Е. Голубинскаго, мы находимъ пробѣлъ для цѣлаго столѣтія, начиная съ средины XIV и кончая половиной XV вѣка, хотя въ документахъ изрѣдка и упоминается титулъ охридскаго архіепископа, но безъ собственныхъ именъ, напримѣръ, подъ го-

---

1) *Fr. Miklosich et J. Müller*, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, tom. II, p. 230: „καὶ ὁ ἀρχιεπίσκοπος ὑμῶν ὁ Ἀχριδῶν συνεκατέβη καὶ συνεχώρησεν καὶ εὐλόγησεν αὐτόθι“ и т. д.

2) Преосв. Мелхиседекъ ошибается, такъ какъ подъ сербскимъ арх. Никодимомъ слѣдуетъ разумѣть какъ разъ охридскаго патр. Никодима. *Л. Стојановић*, Стари српски записи и натписи, стр. 90 (запись 1446 года), 92 (1451 года), 93 (1452 г.), 93 (1453 г.) и мн. др.

дами 1397 и 1390-мъ [1]). Во всякомъ случаѣ можемъ сказать утвердительно, что хиротонія молдавскихъ епископовъ галичскимъ митрополитомъ представляла исключительный случай. Галичскій митрополитъ посвятилъ этихъ двухъ епископовъ, такъ сказать, частнымъ образомъ, собственно не для Молдавіи, а для Бѣлгорода, который находился подъ его владѣніемъ, какъ городъ, считавшійся нѣкогда среди другихъ городовъ малой Россіи, подчиненныхъ галичскому митрополиту, а также въ силу того, что относительно Бѣлгорода не послѣдовало съ тѣхъ поръ новаго каноническаго распоряженія".

Это соображеніе Мелхиседека подтвердилось нѣсколькими фактами. Какъ извѣстно, въ составъ галичской епархіи входили области — галичская, львовская, жидечская, *белзская*, теребовльская, Покутье и вся Подолія (*Чистовичъ*, стр. 187). Подъ „белзской" епархіей можно разумѣть только Бѣлгородъ-Аккерманъ, входившій во владѣнья молдавскаго господаря во второй половинѣ XIV вѣка. Е. Голубинскій думаетъ, что подъ „бѣлымъ городомъ" (Ἀσπρόκαστρον) патріаршихъ грамотъ должно разумѣть нынѣшнія бессарабскія Бѣльцы [2]). Но это невѣрно, такъ-какъ въ Посланіи патр. Матѳея отъ 26 іюля 1401 г. прямо указывается Бѣлгородъ: послань бысть ѿ всѣхъ митрополитꙋ галичьскомꙋ, да прїемшꙋ съборнѣ рѫкꙋполагати епископи въ Малѣи Рꙋсїи епископїахъ, изъ нихже есть и Бѣльградъ; и рѫкоположися ѿ оного присныи епископъ тѣмъ. И ѿ начѧла прїиде къ тѣмъ (т. е. въ Молдавію). а не ѿ инждꙋ наиде на тѣхъ цръковь, ıакоже реченно бысть [3]) Затѣмъ Мелхиседекъ говоритъ, что „мол-

[1]) И это далеко не вѣрно; со времени выхода въ свѣтъ монографіи Мелхиседека (1874 г.) найдено не мало свидѣтельствъ, опровергающихъ старый взглядъ. Подробнѣе будетъ сказано объ этомъ ниже, въ главѣ о посольствѣ Цамблака въ Охридъ въ началѣ 30 годовъ XV вѣка.

[2]) Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей, стр. 376, 382.

[3]) Рукопись Румянц. Муз. № 3172, л. 174 об. Галичскій митр. Антоній, посвятившій молдавскихъ іерарховъ Іосифа и Мелетія въ началѣ 70-хъ годовъ, поставленъ былъ въ Константинополѣ въ маѣ 1371 года, по настоянію короля Казимира, для Галиціи и Литвы. Къ 1370 году здѣсь не было ни одного епископа, и Антонію пришлось самому завѣ-

давскій господарь назначилъ еписк. Іосифу пребываніе въ столицѣ княжества съ титуломъ (sic). „владыки“ Разсказывая о воеводѣ Стефанѣ III (sic), хронистъ Стефанъ Логофетъ, упоминая грамоту Побратскаго монастыря, говоритъ, что въ ней ссылаются на „свидѣтельство и вѣру владыки Іосифа“. Другой епископъ, Мелетій, поставленъ былъ на другую каѳедру страны молдавской. Впрочемъ, онъ умеръ вскорѣ послѣ 1395 года, такъ-какъ патріаршіе акты, упоминая о немъ въ началѣ распри Константинополя съ Молдавіей, въ концѣ ея говорятъ объ одномъ только Іосифѣ“ [1]).

дывать всѣми епархіями. Митр. московскій Алексій не посѣщалъ западно-русскихъ епархій, и Казимиръ грозилъ патріарху окрестить свой народъ въ латинскую вѣру. Е. Голубинскій и Тихомировъ не совсѣмъ правильно дѣлаютъ выводъ о церковной завимости Молдавіи отъ галичскаго митрополита на основаніи политической завимости ея же отъ Польши, стр. 118. Затѣмъ Тихомировъ указываетъ на католическую пропаганду въ Молдавіи: „Дѣйствительно, мы скоро видимъ тамъ францисканскихъ монаховъ, которые проникнувъ въ Молдавію черезъ Польшу, сумѣли очень быстро достигнуть тамъ осязательныхъ успѣховъ, такъ что папа Урбанъ V въ 1370 году радостно извѣстилъ епископовъ пражскаго, бреславскаго и краковскаго о преклонности и молдавскаго воеводы Лацко (Laczko) принять унію и отвергнуть юрисдикцію галицкаго схизматическаго епископа“. Ср. *M. Harasiewicz*, Annales Ecclesiae Ruthenae: *A. D. Xenopol*, Istoria romănilor. vol. III, pp. 102, 106. О католической пропагандѣ въ Молдавіи и Валахіи см. тамъ же, томъ II, стр. 208, III, стр. 63, 93, 102, 120, IV, стр. 63, 66, 189, 240, V, стр. 30, 101, 104; Chronica Romanului, I, p. 223; Codex Bandinius, p. 166; *W. Abraham*, Biskupstwa łacińskie w Mołdawii w wieku XIV i XV, *Kwartalnik historyczny*. 1902, zesz. II, 172—207. Галицкій митр. Антоній умеръ въ концѣ 1391 или началѣ 1392 года, такъ какъ въ октябрѣ 1393 года въ Константинополь доносили о кончинѣ Антонія, послѣдовавшей два года передъ тѣмъ, Русская Историческая Библіотека, т. VI, № 35, стр. 229—231; въ этотъ промежутокъ времени митрополіей правилъ еписк. луцкій Іоаннъ, тамъ же, стр. 262. Подробнѣе у ks. *Fialek*'a, *Kwartalnik histor*. 1896, zesz. III (по византійскимъ источникамъ); *А. С. Павлова*, „О началѣ галицкой и литовской митрополій и первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ докум. источникамъ“. *Русское Обозрѣніе*, 1894 г. май, стран. 214—252; рец. въ *Визант. Временникъ*, т. I, вып. 3—4, стр. 735—736. Въ XV—XVI в. въ Молдавіи посвящались священники для церквей Галиціи, *И. Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб. 1882, стр. 178.

[1]) Chronica Romanului, I, p. 58.

Далѣе мы разскажемъ о попыткахъ вселенскаго патріарха подчинить себѣ Молдавію. Мы остановимся на этомъ вопросѣ довольно подробно для того, чтобы выяснить роль Григорія Цамблака въ дѣлѣ примиренія патріархіи съ молдавской церковью. Румынскимъ историкамъ извѣстны изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ „Акты константинопольскаго патріархата", относящіеся къ концу XIV вѣка [1]) Но никто изъ нихъ не сопоставилъ стремленій Константинополя подчинить себѣ въ церковномъ отношеніи Молдавію съ совершенно аналогичными фактами изъ исторіи церквей болгарской (тырновской), сербской, валашской и русской, того же приблизительно времени. Нетрудно замѣтить сходство между этими пятью православными церквами въ отношеніяхъ къ нимъ патріархіи въ XIV в. Намъ представляется справедливымъ выводъ П. Сырку, что „вообще de jure болгарско-тырновскаго архіепископа по его правамъ можно приравнивать къ положенію митрополитовъ молдовлахійскаго и унгровлахійскаго въ XV — XVIII в., хотя, разумѣется, не всецѣло" [2]). Припомнимъ по этому случаю церковно-политическій разрывъ между Болгаріей и Византіей во второй половинѣ XIII вѣка, низложеніе тырновскаго патріарха и мысль объ уничтоженіи патріаршества на Ліонскомъ соборѣ, извѣстную грамоту патр. Каллиста отъ декабря 1355 года, въ которой, ссылаясь на недошедшій до насъ „томъ" Германа, патріархъ доказываетъ, что тырновская патріархія не была вполнѣ автокефальной, хотя обязательство ея заключалось лишь въ томъ, что она должна была платить нѣкоторую сумму и провозглашать имя вселенскаго патріарха на службѣ, а

---

[1]) Румынскій переводъ ихъ напечатанъ проф. *C. Erbiceanu* въ журналѣ „Riserica Ortodox Romana" за 1893 годъ. См. *Melchisedek*, Chronica Romanului, I, pp. 58—86; *V. Predeanu*, Existența și organisațiunea ierarchiei bisericești la români. Bucur., 96, pp. 80—85, 91—101; *J. A. Grigoriu*, Notițe istorice asupra lui Josif I Mușat, Bucur, 98, pp. 60—72; *Gh. M. Jonescu*, Influența culturei grescesci in Muntenia și Moldova, Bucur, 1900, pp. 26—33; всѣ эти работы—компилятивныя, съ ссылками на Мелхиседека, Ербичану, Ксенопола, Голубинскаго и др.

[2]) Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 319.

также получать изъ Константинополя миро за извѣстное вознагражденіе [1]). О существованіи первыхъ двухъ обязательствъ и въ Молдавіи мы ничего не знаемъ, но о послѣднемъ, должно быть, шла рѣчь. По крайней мѣрѣ, этимъ только и слѣдуетъ объяснять появленіе передѣлки Житія св. Варвара Пелагонскаго, сдѣланной въ Нямецкомъ монастырѣ Кипріаномъ, правда, нѣсколько позднѣе. Извѣстно, что въ Болгаріи пользовались для миропомазанья миромъ отъ мощей свв. Димитрія и Варвара. Возможно, что то же самое повторилось и въ Молдавіи сейчасъ же послѣ поѣздки Цамблака въ Охридъ, откуда вывезено было, кромѣ славянскихъ книгъ, и миро отъ мощей Варвара; а для оправданія этого нововведенія было переработано какое-то старое Житіе его, со всѣми литературно-художественными пріемами [2]). Возможно также, что этимъ же слѣдуетъ объяснить и перенесеніе мощей Іоанна изъ Бѣлграда въ Сочаву въ самомъ началѣ XV вѣка.

Наконецъ, въ 1381 году видинская епархія, бывшая до этого года и со времени ея учрежденія въ подчиненіи тырновской патріархіи, изъята Срацимиромъ изъ вѣдѣнія Евѳимія и подчинена Константинополю. Прежній митрополитъ подвергнутъ запрещенію, и изъ Константинополя назначенъ новый, іеромонахъ Кассіанъ. Черезъ одиннадцать лѣтъ на ту же каѳедру былъ присланъ второй митрополитъ, Іоасафъ. Въ грамотѣ патр. Антонія говорится о такомъ-же точно раз-

[1]) Разборъ указаннаго изслѣдованія, *проф. М. С. Дринова*, изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1899 году. Отдѣльн. оттискъ, стр. 10.

[2]) П. Сырку недоумѣваетъ, почему въ изданномъ нами Житіи Варвара мы называемъ его Охридскимъ (Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. XXI), такъ какъ „изъ Житія не видно, чтобы этотъ преподобный жилъ (?) когда-либо въ Охридѣ“. Это мы сдѣлали на томъ основаніи, что 1) мощи его были перенесены *охридскимъ* архіеп. Ѳомой, жившимъ при церкви св. Климента, и положены въ монастырѣ той же патріархіи, 2) Житіе его, появившееся въ Молдавіи (1435 г.), было результатомъ поѣздки Цамблака въ *Охридъ* (1432 г.); и, возможно также, что авторъ его, Кипріанъ, и былъ однимъ изъ священниковъ, вывезенныхъ Цамблакомъ оттуда же. Ср. извѣстіе въ лѣтописи Мирона Костина (см. выше, стр. 54).

рывѣ между Константинополемъ и Тырновомъ, какой мы увидимъ и въ Молдавіи, вслѣдствіе чего духовныя лица также были отлучены отъ патріаршаго общенія. Въ недавней своей работѣ Г. Баласчевъ отмѣчаетъ особое положеніе Срацимировой державы и видинской епархіи, пересказываетъ всю исторію вопроса объ автокефальности тырновской епархіи и разбираетъ тѣ данныя, которыя даетъ Синодикъ царя Бориса. Между прочимъ, и г. Баласчевъ держится того мнѣнія, что раньше учрежденія тырновскаго патріаршества въ 1355 году, было какое-то соглашеніе съ патр. Германомъ. Но главная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ привлекаетъ къ дѣлу нѣсколько патріаршихъ грамотъ, относящихся къ періоду 1408 — 1411 гг., изъ которыхъ видно, во-первыхъ, что границы охридской архіепископіи простирались и на сѣверозападныя области Болгаріи, во-вторыхъ, что архіеп. Матѳей представилъ Эмануилу Палеологу какія-то грамоты императора Юстиніана, вѣроятно, имѣющія ближайшее отношеніе къ извѣстной XI новеллѣ. Судя по грамотѣ, болгарскій архіепископъ добился полученія отъ самого императора хрисовула, которымъ признавалась относительная автокефальность болгарской церкви: *καὶ ἐμφανίζεις χρυσόβουλλα ὡς λέγεις τῆς μακαρίας λήξεως τοῦ Ἰουστινιανοῦ, καὶ ἐπικυρωτικὸν τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐτοκράτορος, ὑπέφηνεν (ὁ Ματθαῖος) ἀρρηδήλως ἐνώπιον πάσης συνκλήτου τε καὶ συνόδου, τὸ τῆς ὑπ' αὐτοῦ ἀγόρης ἀφιερωτικὸν χρυσόβουλλον, ὅπερ γνησίως ἀναπτύξαντες εὗρον τὰ ὅρια τῶν τῆς ἐπαρχίας.* Впрочемъ, приведенныя слова опять таки не разрѣшаютъ вопроса, о какой именно грамотѣ могла идти рѣчь въ приведенномъ выше отрывкѣ [2]).

Если обратимся къ исторіи Сербіи, то и здѣсь найдемъ аналогичное явленіе. Въ половинѣ XIV вѣка на соборѣ въ

[1]) „Нови извѣстия за черковното вѣдомство на Видинската и Софийската епархия прѣзъ прьвитѣ години на тѣхното завладяване отъ турцитѣ“, *Сборникъ за народни умотворения* и т. д., кн. XVIII, стр. 132—170.

стольномъ Скоплѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ патр. охридскаго, при участіи тырновскаго, прота и старцевъ св. Горы и безъ согласія, конечно, Константинополя,—архіеп. Іоанникій провозглашенъ сербскимъ патріархомъ, послѣ чего послѣдовало изгнаніе греческихъ іерарховъ со всѣхъ каѳедръ сербскихъ областей и замѣна ихъ славянами. Въ 1350 году не замедлило явиться неизбѣжное церковное отлученіе и проклятіе со стороны того же патр. Каллиста, и прежнія сношенія были прекращены [1]). Впрочемъ, при преемникахъ Каллиста сношенія возобновились.

Если русская, собственно московская церковь и сохранила свое подчиненіе Константинополю, то нельзя этого сказать о западныхъ, кіевскихъ областяхъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы укажемъ, что въ послѣдней четверти XIV вѣка и началѣ слѣдующаго является рядъ попытокъ отдѣлиться отъ московской, причемъ угрозой является не только игнорированье властью вселенскаго патріарха, но и переходъ въ латинство (Казиміръ, Ягелло и Витовтъ). Опять патріархи должны были чувствовать, что власти ихъ надъ православными церквами приходитъ конецъ, и они рѣшались на сильныя средства.

Наконецъ, въ 1370 году въ Валахію были поставлены два митрополита: одинъ назывался экзархомъ Угріи и сопредѣльныхъ съ ней областей и жилъ въ Арджешѣ; другой—митрополитомъ северинскимъ; это былъ адресатъ извѣстнаго Посланія патр. Евѳимія—Анѳимъ. Въ этомъ раздвоеніи, прибавляютъ историки, патріархъ видѣлъ „залогъ болѣе крѣпкаго удержанія обѣихъ митрополій въ своей власти“ [2]). Далѣе мы

[1]) *Архим. Леонидъ.* Кипріанъ до восшествія на моск. митрополію, стр. 24—25, 27. *И. Пальмовъ*, Историческій взглядъ на начало автокефаліи сербской церкви. Спб. 1891 г., стр. 45—49; *Ljubic*, Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. Zagr. II, 326; Книжевни радови *архим. Н. Дучића*, кн. IX, Б. 1894, стр. 140—151 (тамъ же —отрывки изъ „Животи краљева“ Даніила) и мн. др.

[2]) Г. Ῥάλλη καὶ Μ. Ποτλῆ, Σύνταγμα τῶν κανόνων. Ἐν Ἀθήναις, 1855, т. V, pp. 501—502; Acta Patriarchatus Constant., tom. I, №№ 312, 319; *Тихомировъ*, Галицкая митрополія, стр. 113 и 182. *П. Сырку*, Время и

покажемъ, что примиреніе патріарховъ Молдавіи не обошлось безъ содѣйствія валашскаго господаря Мирчи.

Вполнѣ поэтому естественно, что константинопольскіе патріархи едва ли могли спокойно смотрѣть на сосѣднюю, почти самостоятельную политически, богатую и православную страну, которая въ церковномъ отношеніи, если и не была вполнѣ автокефальной, то во всякомъ случаѣ Константинополю не подчинялась. Но такъ-какъ законныхъ правъ на Молдавію патріархъ не имѣлъ, потому-что зависимость дакійскихъ епархій отъ Охрида сохраняла всю свою каноническую силу, будучи внесенной въ Синтагму Матѳея Властаря, то пришлось прибѣгать къ необыкновенно хитрымъ уловкамъ. Что всѣ эти эпизоды въ долгой борьбѣ за подчиненіе Молдавіи были не простой случайностью, а исходили изъ плановъ патріарха, видно уже изъ самаго характера этихъ стремленій.

Мы видимъ, напримѣръ, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Венгріи и Галичѣ появляется какой-то Павелъ Тагара, выдающій себя за константинопольскаго патріарха, и посвящаетъ епископовъ и священниковъ [1]). Въ числѣ послѣднихъ былъ и іеромонахъ Симонъ, или Симеонъ, котораго Тагара назначилъ преемникомъ галичскому митр. Антонію, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и молдавскимъ епископомъ. Интересна, между прочимъ, одна подробность: въ случаѣ смерти этого Симона, воевода Балпка (sic) и братъ его Драгошъ, марамурешскіе воеводы, должны были сами выбрать кого-нибудь на его мѣсто; но Ягелло отдалъ епархію луцкому епископу Іоанну Бабѣ [2]). По другимъ извѣстіямъ, предъ 1391 годомъ церков-

жизнь патр. Евѳимія, стр. 559, въ прим. 2 указана литература. Прибавимъ *V. Predeanu*, Existenţa şi organisaţiunea etc., p. 88; *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III, p. 180 и др.

[1]) См. въ Confessio monachi Pauli Tagaris (Παύλου τοῦ Τάγαρι): λαβὼν οὖν οὐκ ὀλίγους, τῆς ἐπὶ Ῥώμης ἡψάμην. γενομένου δὲ πρὸς τὰ τῶν Οὐγγρῶν μέρη, μετάμελός με εἰσῆλθε τῶν πραττομένων, κίνδυνον γὰρ ἀληθῶς ὄντα и т. д. документъ безъ даты, Acta Patriarchatus, II, p. 228.

[2]) *A. Lewicki*, Sprawa unii kościelnej za Jagiełły, *Kwartalnik historyczny*, 1897, Zeszyt II, str. 321.

ными дѣлами Молдавіи завѣдывалъ намѣстникъ галичскаго митрополита іеромонахъ Симеонъ, который раньше лично обращался къ патріарху за посвященіемъ, но получивъ отказъ, принялъ посвященіе отъ Тагары [1]). Чистовичъ называетъ этого Симеона „монахомъ одного изъ молдавскихъ монастырей“ [2]). Когда Симеонъ убѣдился, что Тагара—самозванецъ, и что его собственная хиротонія въ сущности, обманъ, то предалъ проклятію авантюриста, который, въ свою очередь, лишилъ его сана. Тогда патріархъ Антоній IV (1388—1390, 1391—1397 гг.) увидѣлъ во всей этой исторіи необыкновенно подходящій для себя поводъ, чтобы вмѣшаться въ церковныя дѣла Молдавіи. Возможно, конечно, что все это произошло само собой, но румынскіе историки готовы видѣть въ самозванцѣ Тагарѣ подставное лицо, дѣйствовавшее не безъ вѣдома патріарха, которому были на руку подобныя замѣшательства въ Молдавіи; другими словами, будто мнимый самозванецъ посланъ былъ самимъ патріархомъ. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ открыто могло разъѣзжать лицо, выдававшее себя за патріарха, а настоящій патріархъ не зналъ бы объ этомъ. Во-вторыхъ, припомнимъ почти аналогичный случай, бывшій незадолго передъ тѣмъ въ Болгаріи, когда какой-то монахъ Ѳеодоритъ увѣрилъ патр. Каллиста, что русскій митр. Ѳеогностъ скончался, и просилъ посвятить его на мѣсто покойнаго. Патріаршіе акты говорятъ, что въ Костантинополѣ этому не повѣрили сразу и рѣшили провѣрить слухи. Тогда Ѳеодоритъ убѣжалъ въ Тырновъ, былъ возведенъ патр. Ѳеодосіемъ въ митрополиты русскіе и отправился въ Кіевъ. Насъ не должно смущать то, что Каллистъ разослалъ посланія противъ незаконно посвящен-

---

1) *Тихомировъ*, Галичская митрополія, стр. 122. Приложеніе, № 35. Тотъ же историкъ прибавляетъ, что Симеонъ и Мелетій посвящены въ 1389—90 году, но патріархъ не считалъ ихъ ставленниками сербскаго (?) архіепископа, такъ какъ не хотѣлъ признавать ихъ, стр. 123.

2) Очеркъ исторіи западно-русской Церкви. Спб., 82, стр. 113.

наго митрополита [1]), такъ какъ это было лишь отводомъ; наоборотъ, въ это какъ разъ время онъ искалъ подходящаго предлога для того, чтобы вмѣшаться въ дѣла тырновской церкви. Совершенно одинаковый предлогъ и результаты видимъ и въ Молдавіи. Патріархъ посылаетъ въ Молдавію двухъ своихъ экзарховъ, подъ предлогомъ, будто тамъ совсѣмъ нѣтъ епископовъ. Одного изъ нихъ, киръ Ѳеодосія, народъ не принялъ, и онъ долженъ былъ возвратиться безъ успѣха.

Вторая попытка, связанная съ первой, имѣла мѣсто въ 1394 году. Опять патріархъ посылаетъ грека Іеремію въ качествѣ митрополита молдавскаго. Но прибывъ въ Молдавію, онъ увидалъ, что тамъ благополучно правитъ уважаемый всѣми старикъ Іосифъ, родной братъ воеводы Стефана I Мушата и соепископъ его (συνεπίσκοπος) Мелетій; въ славянскомъ переводѣ извѣстнаго Посланія объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въспомѣнꙋ̆ же и реченнїи ѡ҃бѣтници, ꙗко єпископь Іосифь не ѿинѫдꙋ къ нимь прїиде, ꙗкоже въспомѣнѫша нѣцїи, єгда Іеремїа рѫкꙋположиса, ꙗкоже речеса, нѫ ѿтѫдꙋ съи томѣстникь и сѫродникь мѣстнымь господаремь [2]). Тѣмъ не менѣе, видно, что патріаршій кандидатъ выказалъ какія-нибудь притязанія на молдавскую каѳедру, потому что народъ и его прогналъ съ безчестьемъ. Ему не осталось ничего иного, какъ отлучить молдавскихъ іерарховъ и всю страну, предать проклятію не только живыхъ, но и умершихъ. Это проклятіе подтверждено было самимъ патріархомъ, но ожидаемаго впечатлѣнія на молдавскихъ архіереевъ все-таки не произвело. Возвра-

---

[1]) Acta Patriarchatus Constantinopolitani, tom. I, pp. 350—351.

[2]) Рукопись Рум. Муз. № 3172, лл. 174 и об. Румынскіе историки полагаютъ, что митр. Іосифъ постриженъ былъ въ Нямецкомъ (?) монастырѣ, около котораго въ XV вѣкѣ существовала „келія владыки Іосифа“. *I. Grigoriu* думаетъ, что посвященный въ митрополиты (sic) Аспрокастрона-Бѣлгорода, молдавскаго города, Іосифъ перенесъ свою каѳедру въ столицу Молдавіи—Сочаву, Iosif I Mușat, p. 53. Мы можемъ прибавить къ этому, что бывшая соборная церковь Аккермана посвящена Іоанну Крестителю, какъ и митрополья церковь въ Сочавѣ. Въ одинаковомъ патронѣ можно видѣть какую-то связь между преемственностью каѳедръ.

тившись въ Константинополь, Іеремія принималъ участіе въ дѣлахъ патріархіи, и на нѣкоторыхъ синодальныхъ актахъ титуловался еще ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Μαυροβλαχίας Ἱερεμίας. Въ августѣ 1394 года онъ былъ посланъ въ Тырновъ (εἰς τὴν ἁγιωτάτην ἐκκλησίαν Τρινόβου), на мѣсто изгнаннаго Евѳимія, и въ патріаршей ставленной грамотѣ попрежнему именуется митрополитомъ молдавскимъ (τῷ Μαυροβλαχίας). Это извѣстіе подтверждается и грамотой патр. Матѳея 1401 года: заеже кӱрь Іереміа не възможно имать съборнѣ срѣсти и ѿвѣтовати кӱрѫ Іосифови, пріемь промышленіе ѿ цръкве Христови, и ѹ Трънovь посланъ бывъ, заеже строити тамо цръковнаа [1]).

Третья попытка патріарха вмѣшаться въ дѣла молдавской церкви была сдѣлана въ январѣ 1397 года, когда патріархъ послалъ въ Галицію и Молдавію своего экзарха, виѳлеемскаго архіепископа Михаила, бывшаго въ 1393 году въ Россіи, также по порученію патріарха. Нѣкоторые историки думаютъ, что онъ даже вступилъ во временное управленіе галичской и молдавской митрополіями [2]). Правда, патріархъ писалъ польскому королю, чтобы луцкій еписк. Іоаннъ Баба немедленно оставилъ Галицію и передалъ ее Михаилу; извѣстно также, что до 1400 г. Михаилъ оставался въ Галиціи, когда былъ посланъ въ Москву. Что же касается какихъ-бы то ни было правъ патріаршаго экзарха на Молдавію, то это намъ представляется мало вѣроятнымъ, такъ какъ митр. Іосифъ продолжалъ править своей митрополіей и въ слѣдующіе за тѣмъ годы. На основаніи смысла нѣкоторыхъ патріаршихъ грамотъ, румынскіе историки утверждаютъ, что и этотъ Михаилъ не былъ принятъ страной и возвратился въ Константинополь.

Четвертая по порядку попытка кореннымъ образомъ отличается отъ первыхъ трехъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ

[1]) Сборникъ Рум. Муз. № 3172, л. 174; греческій текстъ: λαβὼν προμήθειαν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας Χριστοῦ καὶ εἰς τὸν Τρίνωβον ἀποσταλεὶς и т. д. Acta Patr., II, 529.

[2]) *Тихомировъ*, Галичская митрополія, стр. 134.

патріархъ переходитъ уже на путь строго дипломатическій. Думаютъ, между прочимъ, что въ виду предполагавшейся уніи интересы патріарха въ Молдавіи раздѣлялъ и Эмануилъ Палеологъ, потому что еще въ сентябрѣ 1395 года въ „валашскія земли“ былъ посланъ съ какими-то церковно-политическими полномочіями митиленскій митрополитъ, „по повелѣнію всемогущаго и священнаго императора византійскаго и съ синодальнаго благословенія патріарха“. Преосв. Мелхиседекъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о господаряхъ Молдавіи и Валахіи и что, судя по тексту патріаршей ввѣрительной грамоты, настоящая цѣль миссіи была скрыта, а мотивирована она была „духовной заботой патріарха о молдавской церкви“, гдѣ, правда, есть какіе-то епископы, но надъ народомъ тяготѣютъ страшныя проклятія. Своему послу патріархъ рекомендуетъ даже не входить въ сношенія съ этими іерархами, а дѣйствовать на населеніе тѣми средствами, какія покажутся ему наиболѣе удобными, какъ человѣку мудрому и опытному (ὡς ἂν περὶ μὲν τῶν ἐπισκόπων μηδὲ τὸ τυχὸν, βουληθῇς ποιῆσαι, περὶ δὲ του λαοῦ ἐκχωρουμέν σοι πρᾶξαι, καθὼς ἂν εὕροις τὰ κατ' αὐτοὺς). Въ этой же грамотѣ послу рекомендуется дѣйствовать осторожно, стараясь расположить молдованъ въ свою пользу и въ пользу пославшаго ихъ патріарха и т. д. (ἀπελθεῖν εἰς τὰ μέρη τῆς Βλαχίας καὶ ἀποκαταστῆσαι πάντα. ὅσα τε ἀνετέθης αὐτοστομάτως παρὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος.... καὶ εἰς τὰ μέρη τῆς Μαυροβλαχίας [1]). Но, что полномочія новаго посла были гораздо шире, видно хотя бы изъ того, что въ концѣ грамоты патріархъ напоминаетъ ему „сказанное на словахъ“, подъ чѣмъ разумѣютъ, обыкновенно, подчиненіе молдавской церкви [2]).

Надо думать, что непосредственные результаты этого посольства не удовлетворяли замысламъ патріарха, такъ какъ Іосифъ держалъ себя разумно, но о какомъ бы то ни было

[1]) Acta Patriarchatus, II, 256—257.

[2]) *Melchisedec,* Chronica Romanului, vol. I, pp. 60—61.

подчиненіи и слышать не хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе, господарь молдавскій Стефанъ I Мушатъ счелъ нужнымъ послать къ патріарху, вслѣдъ за константинопольскимъ посломъ, своего протопопа Петра съ письмомъ, которое должно было служить какъ-бы отвѣтомъ на патріаршее посланіе. Въ немъ Стефанъ проситъ патріарха снять проклятіе съ молдавскихъ епископовъ. Такимъ образомъ, это было первымъ успѣхомъ въ долгихъ и хитрыхъ патріаршихъ исканіяхъ. Черезъ того же протопопа патріархъ шлетъ отвѣтъ молдавскому господарю. Въ этомъ отвѣтѣ онъ излилъ весь свой гнѣвъ на молдавскихъ іерарховъ; посланіе дышетъ какъ-бы местью за всѣ предшествующія неудачи.

Патріархъ пишетъ господарю, что прибылъ къ нему протопопъ Петръ (ὁ εὐλαβέστατος πρωτοπᾶς κῦρ Πέτρος) и очень просилъ его благословить епископовъ молдавскихъ. Но этого онъ, патріархъ, не сдѣлаетъ никогда: епископы эти—разбойники, блудники и воры, потому что правятъ они церковью Россовлахіи безъ вѣдома святѣйшаго и великаго синода (ὡς κλέπτας καὶ μοιχροὺς καὶ λῃστάς, ὅτι παρὰ γνώμην τῆς ἱερᾶς καὶ μεγάλης συνόδου ἥρπαξαν τὴν ἐκκλησίαν τῆς Ῥωσοβλαχίας). Поэтому онъ совѣтуетъ господарю прогнать изъ страны этихъ лжеепископовъ, если только онъ хочетъ, чтобы благословеніе Божіе пребывало на странѣ и на народѣ его. Что же касается патріаршей церкви, находящейся въ странѣ молдавской, то патріархъ рѣшилъ назначить экзархомъ и дикеемъ этого самаго протопопа Петра (ἔξαρχον καὶ δικαῖον τῆς ἡμῶν μετριότητος), дабы онъ привелъ въ порядокъ всѣ церковныя дѣла. Затѣмъ онъ говоритъ, что господарскій уполномоченный рѣшительно отказался принять это назначеніе, и что патріарху нелегко было уговорить его хотя бы передать отвѣтъ господарю. Въ концѣ этого посланія патріархъ обѣщаетъ господарю немедленно рукоположить законнаго епископа для Молдавіи, лишь только псевдоепископы будутъ удалены изъ страны.

Содержаніе этого посланія даетъ поводъ одному изъ позд-

нѣйшихъ румынскихъ историковъ назвать слова патріарха „необыкновенно низкими“ и „самой заурядной клеветой на ни въ чемъ неповинныхъ епископовъ“, а протопопа Петра— „добрымъ румыномъ, горячо любящимъ своего митрополита, потому-что онъ отказался быть уполномоченнымъ со стороны патріарха“ [1]). Намъ кажется, что оба эти заявленія слѣдовало бы нѣсколько умѣрить: патріархъ въ правѣ былъ не благословлять молдавскихъ іерарховъ, не желавшихъ ему подчиняться, а брать на себя такое важное порученіе отъ патріарха, повидимому, просто не входило въ полномочія протопопа Петра.

Сохранилось также письмо патріарха къ протопопу Петру (ἔνθαλμα). Патріархъ поручаетъ ему управленіе святой митрополіей Россо-Влахіей [2]), со всѣми присущими ей правами и привилегіями, напримѣръ, судить и разслѣдовать всякія тяжбы, касающіяся не только духовенства, но и всего народа, избирать дьяковъ и духовниковъ для церквей, но для хиротоніи ихъ посылать къ сосѣднему архіерею (ἀποστέλλειν τε αὐτοὺς

[1]) *J. Grigoriu*, Iosif Mușat, pp. 63—64. Должность *дикея* была извѣстна и въ славянскихъ монастыряхъ: „при дикею киръ Стефаноу іеромонахоу“, запись 1630 года, *Л. Стојановић*, Записи и натписи, 319.

[2]) „Терминъ Руссо-Влахія, а также Мавро-Влахія,—говоритъ *И. Григоріу*,—это продуктъ чистѣйшей фантазіи (?) патріарха. Слѣдуетъ однако замѣтить, что, говоря о церкви, онъ называетъ ее пресвятой митрополіей, въ то время какъ не перестаетъ величать митрополита лжеепископомъ“, op. cit., pag. 63, nota. Румынскимъ историкамъ осталась неизвѣстной статья *В. И. Григоровича* „Что называется Россовлахіей въ греческихъ документахъ“. Ссылаясь на изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ „Акты Патріархіи“, славистъ видитъ въ нихъ ясное отдѣленіе митрополіи Мавровлахіи съ городомъ Яссы (?) отъ Россовлахіи. „Тогда то, вѣроятно, усиленная колонизація румыновъ и русскихъ положила основаніе молдавскому господарству, въ которомъ Мавровлахія тянулась вдоль по Пруту, Россовлахія—вдоль по Днѣстру. Стало быть, такъ называемая Бессарабія справедливѣе должна была получить имя Россовлахіи“. *Труды III Археолог. Съѣзда*, т. II, стр. 49—50. Но и это не вѣрно, такъ какъ терминъ Россо-Влахія совершенно аналогиченъ названію валашскаго господарства — Унгровлахіи. Какъ справедливо указываетъ А. Ксенополъ, послѣднее названіе означаетъ то, что господари Валахіи владѣли нѣкоторыми областями Венгріи, и даже въ титулѣ ихъ до поздняго времени оставалась прибавка: „герцогъ Алмаша и Фагараша“, Istoria românilor, III, 23.

πρός τινα τῶν πλησίων ἀρχιερέων καὶ οὕτω μετὰ γνώμης αὐτοῦ δέχεσθαι ἐκείνους τὴν χειροτονίαν). Въ заключеніи патріархъ обращается ко всѣмъ православнымъ съ предложеніемъ слушаться протопопа Петра, потому что всякое непослушаніе его будетъ равносильно ослушанію предъ самимъ патріархомъ, а это повлечетъ за собой гнѣвъ со стороны патріарха. Характерно также письмо патр. Антонія въ маѣ того-же года къ молдавскимъ епископамъ; здѣсь онъ какъ будто далъ волю своему раздраженію противъ нихъ:

„Вы, лжеепископы Россо-Влахіи, ты Іосифъ и ты Мелетій! (*οἱ ἐν τῇ ΡωσοΒλαχίᾳ ψεματένιοι ἐπίσκοποι, σύτε Ἰωσὴφ καὶ σὺ Μελέτιε*)—пишетъ онъ.—Знайте, что наше смиреніе недавно вамъ написало и запретило вамъ и прокляло васъ, какъ людей несправедливыхъ и незаконныхъ, которые поступаютъ противъ святыхъ каноновъ, потому-что вы грабите церковь, которая никоимъ образомъ не принадлежитъ вамъ, правите ею и прогнали митрополита, мною благословеннаго, которому она собственно и принадлежитъ. Вижу я, что люди вы старые, но и смерти вы не боитесь (*ὅτι ὑπάρχετε καὶ γέροντες, καὶ οὐδὲν τὸν θάνατον τρέμετε*), а хотите пойти на безконечныя мученія, отъ которыхъ никогда и никакими средствами вамъ не избавиться“... Затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный намъ разсказъ о приходѣ Петра, который просилъ простить епископовъ; но патріархъ отказался даже выслушать его просьбу, и сдѣлалъ онъ это на томъ основаніи, что законъ не позволяетъ прощать людей несправедливыхъ, незаконныхъ, безстыжихъ, проклятыхъ *вашимъ-же митрополитомъ*, нарушителей закона, людей злыхъ, разбойниковъ, блудниковъ и воровъ. Единственное средство избавиться имъ отъ патріаршаго проклятія и спасти душу,—прійти въ Константинополь къ великому синоду и получить законную хиротонію (*ἄλλον γοῦν πρᾶγμα οὐδὲν ἔνε, νὰ σας βοηθήσῃ εἰς τὴν ψυχήν σας, εἰ μὴ νὰ ἔλθητε ἐνταῦθα*).

Четвертое письмо обращено ко всему клиру россо-влахій-

ской митрополіи, іереямъ, іеромонахамъ, монахамъ, боярамъ и остальному народу. Въ немъ повторяется все разсказанное уже нами по первымъ тремъ письмамъ, и еще разъ напоминается, что, если въ Молдавіи будетъ нужда въ священникахъ, то они должны быть избраны протопопомъ Петромъ, а рукоположены сосѣднимъ митрополитомъ. Скорѣе всего здѣсь предполагается митрополитъ угровлахійскій, потому что галичская митрополія соединилась съ кіевской вскорѣ послѣ смерти Антонія.

Какъ и слѣдовало ожидать по началу этой распри, всѣ четыре посланія патріарха не возымѣли никакого дѣйствія. Поставленное имъ условіе оказалось чрезвычайно тяжелымъ для молдованъ, потому что они едва-ли рѣшились бы на изгнаніе старика-митрополита, всѣми уважаемаго, любимаго народомъ и притомъ, родственника своего господаря.

Рядъ неудачныхъ опытовъ предшественника научилъ патр. Матѳея (1397 — 1410 гг.) дѣйствовать значительно осмотрительнѣе. Прошло шесть лѣтъ съ того времени, какъ молдавскій господарь и константинопольскій патріархъ обмѣнялись письмами, и за этотъ промежутокъ времени въ жизни молдавской церкви не произошло, повидимому, никакихъ перемѣнъ; наоборотъ, она пользовалась полнымъ спокойствіемъ. Задачи патріарха по отношенію къ Молдавіи остались, такимъ образомъ, невыполненными, тогда какъ сосѣдняя и единоплеменная съ ней Валахія находилась въ значительной степени зависимости отъ Константинополя. Несомнѣнно, послѣднее обстоятельство и подало мысль патр. Матѳею воспользоваться добрыми отношеніями къ нему валашскаго господаря Мирчи Великаго (1386—1418), героя Косовскаго, Ровинскаго и Никопольскаго полей, правителя мудраго и окруженнаго въ народныхъ пѣсняхъ всѣми аттрибутами полу-легендарнаго бойца противъ турокъ. Если къ этому прибавимъ, что молдавская господарская фамилія Мушатовъ находилась въ родствѣ съ Мирчей, то нечего удивляться, что валашскій госпо-

дарь не отказался быть посредникомъ въ сношеніяхъ патріарха съ Молдавіей [2]). Предполагаютъ даже, что съ этой цѣлью онъ прежде всего постарался смѣстить съ молдавскаго престола господаря Югу и посадить Александра Добраго, перваго значительнаго правителя, который, по единогласному свидѣтельству всѣхъ лѣтописей, правилъ очень долго — 32 года и 8 мѣсяцевъ—и былъ лицомъ выдающимся; изъ его внѣшнихъ дѣлъ извѣстно возобновленіе въ 1402 году вассальныхъ отношеній къ Польшѣ, которой онъ помогалъ въ 1410 году войскомъ, а въ слѣдующемъ деньгами; къ 1412 году относится извѣстный трактатъ Александра съ Сигизмундомъ венгерскимъ, а въ 1420 году онъ заключаетъ миръ съ турками, отнявшими у молдованъ двѣ крѣпости — Бѣлгородъ и Килію. Но болѣе замѣчательны были его внутреннія реформы—организація молодого господарства въ административномъ и церковномъ отношеніи, началомъ чему и явилось примиреніе его съ патріархомъ. Въ этомъ событіи принималъ участіе Григорій Цамблакъ.

Примиреніе съ константинопольскимъ патріархомъ началось въ 1401 году, и поводомъ къ нему послужилъ совершенно частный случай. Патр. Матѳей обращается къ угровлахійскому митрополиту, заступаясь за молдавскаго іерея Исидора, которому тотъ запретилъ служить подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ рукоположенные Іосифомъ священники прокляты па-

[1]) Въ 1373 году, послѣ смерти воеводы Лацка, послѣдняго представителя династіи Богдановичей по мужской линіи, одинъ изъ валашскихъ князей изъ фамиліи Мушатовъ, Романъ, женился на дочери покойнаго Лацка, Анастасіи. Интересно, между прочимъ, что въ XVIII вѣкѣ появляется преданіе о происхожденіи Мушатовъ отъ сербскихъ деспотовъ. Такимъ образомъ, связь съ династіей Богдановичей сохранилась, и молдавскій господарь Стефанъ V Великій, чрезъ сто лѣтъ послѣ этого брака] имѣлъ право называть своимъ прадѣдомъ воеводу Лацка, которому онъ въ 1480 году поставилъ надгробный памятникъ въ Радовцахъ. Родной братъ Романа, Петръ Мушатъ, правилъ приблизительно въ 1375—1391 гг., былъ женатъ на дочери Владислава Ягелла, а братъ его Іосифъ и былъ первымъ по времени митрополитомъ молдавскимъ, *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. II, p. 141.

тріархомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ патріархъ пишетъ, что Исидору будетъ дозволено служить,—если только не явится, конечно, другихъ причинъ, кромѣ вышеуказанной, къ запрещенію — потому что, хотя Іосифъ и не послушался въ свое время патріарха, тѣмъ не менѣе, даръ Духа Святого на немъ пребываетъ, а потому посвященіе отъ него имѣетъ силу (εἰ γὰρ καὶ ὑπὸ ἔγκλημα ἐκεῖνος, ἀλλ' οὐκ ἀνίερος, ὥστε ἐμποδίζεσθαι καὶ τὰς χειροτονίας αὐτοῦ). Чѣмъ окончилось это, повидимому, невынужденное вмѣшательство патріарха въ такое маловажное, на первый взглядъ дѣло церковной практики Молдавіи. неизвѣстно; но это указываетъ уже на то, что отношенія патріарха къ Молдавіи измѣнились въ пользу послѣдней и появилась надежда на близкое примиреніе.

Очень возможно, что оно послѣдовало-бы гораздо скорѣе, но Александръ не желалъ дѣлать никакихъ уступокъ патріарху и хотѣлъ сохранить за Іосифомъ всѣ его прежнія права. Надо думать, что переговоры съ патріархіей по этому поводу начались сейчасъ же по вступленіи на престолъ новаго господаря, скорѣе всего, какъ мы сказали, при посредствѣ Мирчи. Иначе едвали Александръ рѣшился бы такъ скоро послать въ Константинополь посольство изъ представителей отъ боярства и духовенства съ пространнымъ посланіемъ, въ которомъ были описаны всѣ предыдущія, намъ уже извѣстныя обстоятельства. Посланіе это до насъ не дошло, но содержаніе его мы знаемъ изъ отвѣтнаго письма патріарха. Изъ той же грамоты видно, что просьба къ патріарху исходила отъ лица всего народа: Нинѣ же вспомѣнѫша и реченныи великыи воевода, вѣси же властела его и цръковници и свѧщенноиноци же и иноци, и писачи и реченными ѿвѣтникы ихъ, и молиша божествнїи и свѧщенныи съборъ и наше смѣренїе, да прощенїе сподобитсѧ реченныи епископъ Іѡсифъ, іакоже свѧщеннодѣиствовати и освѧщати ихъ [1]) и т. д. Нужно удивляться, что и теперь митр. Іосифъ не проситъ

[2]) Сборникъ Рум. Муз. № 3172, лл. 173 об.—174. Греческій текстъ въ Acta Patr., tom. II, p. 532.

прощенія, не унижается, ничего не обѣщаетъ; напротивъ, и теперь онъ является въ полномъ сознаніи своей правоты и достоинства. Въ началѣ своей рѣчи къ патріарху послы восхваляютъ достоинства своего митрополита, говорятъ о вполнѣ законной его хиротоніи и просятъ отъ его лица только извиненія въ томъ, что Іосифъ такъ долго не посылалъ патріарху своихъ пословъ; это они объяснили тѣмъ, что за послѣднее время въ странѣ происходили войны и перемѣны правителей, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Если въ концѣ ихъ рѣчи, или посланія, и находимъ просьбу о прощеніи, то Іосифъ проситъ прощенія для себя не какъ для митрополита, зависящаго отъ патріарха, а какъ *христіанина и монаха*.

Итакъ, распрю можно считать оконченной и, конечно, побѣдителемъ изъ нея вышелъ митр. Іосифъ, человѣкъ несомнѣнно тактичный, умный, энергичный и книжный. Это для насъ очень важно потому, что при этомъ замѣчательномъ молдавскомъ пастырѣ дѣйствовалъ Цамблакъ, который выступаетъ на сцену сейчасъ же вслѣдъ за первымъ шагомъ митр. Іосифа къ примиренію съ патріархомъ.

Пока молдавское посольство находилось въ Константинополѣ, патріаршій синодъ призналъ полную невиновность молдавскаго митрополита, но для болѣе подробнаго разслѣдованія дѣла съ узко-канонической точки зрѣнія въ Молдавію были посланы два консисторскихъ чиновника, люди, по выраженію патріаршихъ грамотъ, почтенные, достойные и прекрасные: „честнѣйшій во іеромонахахъ и духовный отецъ киръ Григорій, келейный инокъ патріарха“ (*τόν τε τιμιώτατον ἐν ἱερομονάχοις καὶ πατέρα πνευματικὸν καὶ καλόγηρόν μου. κῦρ Γρηγόριον* — чьстнѣишаго въ сващенноиноцѣхь и ѿьца доуховнаго и моего калогера кѵрь Григорїа) и „честнѣйшій учитель святого Евангелія дьяконъ киръ Мануилъ Архонтъ“ (*τὸν ἐντιμότατον διδάσκαλον τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου* [*вар. τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας* и т. д.], *διάκονον κῦρ Μανουὴλ τὸν Ἄρχοντα, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητοὺς υἱοὺς τῆς ἡμῶν μετριότητος*—

и почьтеннѣишаго оучителѣ свѧтаго еуангелїа дїакона кѵрь Мануила Властелина о свѧтѣмь доусѣ любезныѧ сыны нашего смѣренїа) [1]).

Догадка о тожествѣ келейнаго іеромонаха Григорія съ Цамблакомъ высказана была впервые 20 лѣтъ тому назадъ, въ работѣ преосв. Мелхиседека (стр. 3). Въ болѣе ранней своей монографіи (Chronica Romanului etc. I, 73—80) тотъ же историкъ еще не рѣшался отожествлять эти два лица, хотя и приводилъ румынскій переводъ грамоты патр. Матѳея 1401 года. Послѣдующими учеными [2]) она была принята, но безъ прибавленія какихъ-нибудь новыхъ данныхъ или соображеній. Только въ недавнее время высказано было сомнѣніе въ этомъ предположеніи. Для того, чтобы оправдать другое предположеніе, а именно, что Цамблакъ былъ въ Сочавѣ еще въ 1397 году, Н. М. Петровскій думаетъ, будто въ 1401 г. въ Молдавію посланъ былъ не Григорій Цамблакъ, а какой-то его соименникъ (см. выше, стр. 41). Намъ лично это представляется совершенно невѣроятнымъ, а переводъ патріаршей грамоты, сдѣланный Гавріиломъ-Цамблакомъ въ 1426 году, является косвеннымъ доказательствомъ старой мысли о тожествѣ келейнаго инока съ нямецкимъ игуменомъ и схимникомъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующіе документы, касающіеся посольства Цамблака въ Молдавію:

I. Посланіе патр. Матѳея отъ 26 іюля 1401 года, безъ обращенія. За обычнымъ титуломъ идетъ текстъ: *Ὁ εὐγενέστατος μέγας βοεβόδας πάσης Μολδοβλαχίας, κῦρ Ἀλέξανδρος, πρέσβεις πέμψας ἄρχοντας αὐτοῦ*... Acta Patriarchatus, II, 528—530.

II. Посланіе того же патріарха и съ той же датой къ господарю Александру, изданное тамъ же (530—533) и извѣстное въ славянскомъ переводѣ 1426 года. Въ виду важности послѣдняго, сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о славянской

---

[1]) Сборникъ Рум. Муз. № 3172, л. 175; Acta Patriarchatus, II, 529 531—532.

[2]) Между прочимъ, и Е. Голубинскимъ. Исторія русск. церкви, II, 2, стр. 375.

рукописи. Въ 1892 году Румянцевскій музей пріобрѣлъ отъ ясскаго антикварія Шараги Требникъ Молдавскаго письма средины XVI вѣка (№ 3172), переписанный, повидимому, въ Быстрическомъ монастырѣ, такъ-какъ въ 1577 г. рукопись была переплетена монахомъ Ѳеодосіемъ, быстрическимъ постриженникомъ, при игуменѣ Меѳодіи, а въ 1581 году подарена другому молдавскому монастырю—Пангарацу. Среди литературныхъ прибавленій читается, между прочимъ, упомянутое Посланіе, для котораго С. О. Долговымъ былъ указанъ оригиналъ [1]) не совсѣмъ, впрочемъ, точно, такъ-какъ у Миклошича и Мюллера напечатано *два* посланія, а въ Описаніи цитируется первое изъ нихъ, въ то время какъ оригиналомъ для перевода послужило второе. Въ Румянцевской рукописи недоставало окончанія Посланія патр. Матѳея.

Въ 1895 году, во время поѣздки по Румыніи, просматривая славянскія рукописи въ магазинѣ того-же антикварія (Strada Stefan cel Mare), мы обратили вниманіе на нѣсколько отдѣльныхъ листковъ и пріобрѣли ихъ вмѣстѣ съ другими рукописями. Одинъ изъ нихъ и оказался окончаніемъ Посланія патр. Матѳея. Сравнивъ почеркъ и размѣры листовъ рукописи Румянцевскаго музея съ нашимъ листкомъ, мы убѣдились, что листокъ принадлежитъ цѣлой рукописи. Тѣмъ не менѣе, его происхожденіе представляется очень страннымъ и непонятнымъ. Дѣло въ томъ, что лицевая его сторона занята окончаніемъ патріаршаго письма и вполнѣ подходитъ къ обороту предыдущаго листа цѣлой рукописи; въ то же время оборотъ занятъ тѣмъ же самымъ текстомъ, который читается и въ самой рукописи, а именно, началомъ Слова Цамблака въ недѣлю сыропустную. Очевидно, переписчикъ два раза переписалъ это же начало, а окончаніе Посланія было удалено имъ же самимъ по неизвѣстнымъ соображеніямъ. Вотъ послѣднія слова Посланія, которыхъ нѣтъ въ цѣломъ Требникѣ:

[1]) Отчетъ Публ. и Рум. Муз., М. 1895, стр. 15—18.

щеніе ѹбо сих и потвръжденіа ради, кы и настоѫщее съборное съвѣщаніе, и ѿвѣщаніе нашего смѣреніа, потвръженіа ради. мѣца. іѹліа. индиктиѡна декатаго. ѕцд го лѣта писасѧ, кs: — Матеи милтіѫ бжіеѫ архіеппь кѡстатинѣ града, новаго рима. вселенскы патріархь:

Въ лѣтѡ ѕцлд. гавріиль ѿ нѣгде

сіе начрьта въ сих медоточных

книгах: +

Славянскій переводъ этого Посланія сохранилъ заголовокъ (Матеа архіепископа Кѡнстантинѣ града Новаго Ріма и вселенскаго патріарха — посланіе къ молдовлахіискомоу господиноу Алеѯандрѹ воеводѣ), котораго нѣтъ у Миклошича и Мюллера (стр. 530), и снабженъ еще другимъ заглавіемъ, сдѣланнымъ какимъ-нибудь румынскимъ книжникомъ XVI вѣка: Прѣдисловіе, како слѹчисѧ приѧти благословеніе молдавскою (sic) земли (л. 173).

III. Въ томъ же Румянцевскомъ Требникѣ, непосредственно передъ Посланіемъ патр. Матѳея, читается статья, которую мы также причисляемъ къ числу поучительныхъ посланій того-же патріарха ко всему молдавскому народу. Въ рукописи оно озаглавлено: Прѣдисловіе и поѹченіе къ всѣвымь православнымь христіанѡмь, къ царемь, къ волѣрѡмь, къ вельможемь, къ всѣкомоу человѣкѹ крьщаемомѹ (лл. 167—171 об.), начинается словами: Подобаетъ всѣкомоу христіанниноу дръжѫщомоусѧ православныѫ христіанскыѧ вѣры, но греческій оригиналъ для него пока не отысканъ. Въ концѣ находимъ такой отрывокъ; того радї написахь сїа граnесы твоемѹ христѹлюбїю, а господства ти прилежи прїимати срьдцемь и мыслїѧ съкрѹшеноѫ, да възможеши плодоносити, ıакоже землѣ добра и тѹчна на тридесѧть и на шестьдесѧть и на сто, и ѹмножиши дарь Господа своего, и ѹслышиши тогда гласъ: вънити рабе, въ радость Господа твоего. Такимъ образомъ, оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ дѣловымъ посланіямъ патр. Матѳея, но могло явиться вполнѣ кстати при началѣ каноническихъ и духовныхъ сношеній вселенскаго патріарха съ молдавскимъ клиромъ и народомъ. Авторомъ его могъ быть Григорій Цамблакъ.

Въ двухъ первыхъ Посланіяхъ патріархъ хвалитъ митр. Іосифа, но поручаетъ своимъ апокрисіаріямъ разузнать на мѣстѣ и донести ему, былъ-ли молдавскій митрополитъ посвященъ охридскимъ патріархомъ (σερβοεπίσκοπος) или же галичскимъ митрополитомъ: (да истѧгнѫть тамо мѣстнѣ се множаишаго ради оутврьжденїа и ѡбрѣтенїа истинныи. И аще оубо обрѣщѫть тамо, мѣстномоу истѧзанїоу бывшоу ѿ свѣдѣтельства вьсѣхь,— ѿ господарїи мѣста и властель и црькѡвникь, свѧщенноинокь же, инѡкь, ꙗко сице положисѧ ѿ галичьскаго ѿ начѧла искрьнїи епископь вь Молдавлахїѫ, а не инамо, да вьдадѫть емоу реченнїи наши ѿвѣтници свѧщенодѣиствовати и рѫкоуполагати и вьсѣ црьковнаа незававно творити и т. д. [1]). Не трудно видѣть, что этотъ пунктъ слѣдствія являлся въ сущности фиктивнымъ. Онъ былъ придуманъ довольно удачно, такъ какъ патр. Матѳей хорошо зналъ, кѣмъ именно посвященъ Іосифъ. Но это еще не все. Если-бы онъ и могъ что-нибудь возразить противъ охридской хиротоніи, то ему ни въ коемъ случаѣ нельзя было сказать того же относительно посвященія отъ галичскаго митрополита, подчиненнаго патріарху. Такимъ образомъ, патріархъ заранѣе могъ разсчитывать на благопріятный для себя отвѣтъ, и не даромъ онъ обѣщаетъ въ томъ же письмѣ снять отлученіе съ Іосифа и всего народа, признать законность митрополитства Іосифа и позволить совершать службу всѣмъ поставленнымъ имъ духовнымъ лицамъ, но въ томъ лишь случаѣ, если Іосифъ окажется галичскимъ ставленикомъ.

Возвращаемся къ Цамблаку. Изъ посланія патр. Матѳея къ господарю Александру видно, что оно написано 26 іюля 1401 года. Поэтому можно думать, что въ августѣ того же года Цамблакъ, вмѣстѣ съ Эмануиломъ Архонтомъ, прибыли въ Молдавію. Мы думаемъ, что путь патріаршихъ пословъ лежалъ чрезъ Бѣлгородъ-Аккерманъ у Днѣстровскаго устья,— путь хорошо извѣстный и многимъ русскимъ посламъ въ

[1] Рукопись Рум. Муз. № 3172, лл. 175 и об.

Царьградъ, нѣкоторымъ паломникамъ въ страну священныхъ воспоминаній, вообще—единственный, кажется, путь изъ византійской столицы къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря послѣ занятія турками восточной Болгаріи. Чрезъ Аккерманъ проѣзжалъ, между прочимъ, и Кипріанъ на возвратномъ пути въ Москву [1]) и т. д. Кромѣ этого, у насъ есть болѣе прямыя указанія а именно, фактъ перенесенія мощей Іоанна Бѣлгородскаго въ Сочаву, описанный самимъ Цамблакомъ. Преосв. Мелхиседекъ предполагалъ уже, что въ Бѣлградѣ Цамблакъ могъ узнать кое-что о мученіи Іоанна и явленіи мощей отъ стариковъ или же изъ какой-нибудь книги, находившейся въ церкви, гдѣ лежали мощи этого святого (стр. 60). П. Сырку прибавляетъ, что „несомнѣнно, должно было существовать въ Аккерманѣ писанное Житіе св. Іоанна, но до настоящаго времени не удалось (?) напасть на слѣдъ его“ (стр. 148). Мы думаемъ, что такого Житія не было. Что же касается живыхъ преданій о трапезундскомъ мученикѣ, то они существуютъ и до настоящаго времени, и намъ не разъ приходилось слышать и записывать отъ румынъ, грековъ, и въ особенности армянъ г. Аккермана, еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, удивительно занимательные разсказы и повѣрья относительно этого мученика. Въ настоящее время въ Аккерманѣ хранится только частица мощей, перенесенная изъ Сочавы въ недавнее время, и могила съ часовней, построенная по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально былъ похороненъ замученный здѣсь греческій купецъ. Могила эта находится на высокомъ берегу Днѣстровскаго лимана, въ оградѣ Греческой церкви во имя Іоанна Крестителя. Другая часовня находится за городомъ, между Аккерманомъ и „нижними садами“ стариннаго турецкаго поселенія Шабо (Аша-Агабъ?). Согласно живущей до сихъ поръ легендѣ армянъ, которымъ принадлежитъ вторая часовня, здѣсь Іоаннъ вышелъ изъ ко-

---

[1]) Въ началѣ октября 1389 года Кипріанъ былъ прибитъ бурей къ Бѣлгороду. Никоновская лѣтопись. П. С. Р. Л., IV, стр. 171.

рабля [1]) или же здѣсь была его временная могила. Поэтому можно думать, что до конца XIV вѣка мощи Іоанна хранились въ той же церкви, построенной греками. Послѣ перенесенія въ Сочаву мощи были положены въ великой церкви, посвященной имени Іоанна Крестителя, тезоименитаго мученику.

Узнавъ о явленіи мощей и совершаемыхъ ими чудесахъ, Цамблакъ, по прибытіи уже въ столицу Молдавіи, сообщилъ о нихъ, по всей вѣроятности, митр. Іосифу и господарю Александру, котораго онъ называетъ мученико любцемъ (мѫжоу иными оубо оукрашаѫщоуся благыми, нѫ и мѫченикольубноу соущоу) [2]) — между прочимъ, обычный эпитетъ болгарскаго царя Александра Асѣня. По совѣту митрополита господарь посылаетъ вельможъ съ воинствомъ, чтобы съ великой честью перенести въ молдавскую столицу мощи святого. Но описывая это торжественное перенесеніе мощей Іоанна, котораго господарь дѣлаетъ патрономъ своего стола, Цамблакъ не указываетъ хотя бы на приблизительное время этого событія. Къ счастью, для этого у насъ существуетъ прямое указаніе въ лѣтописи Урѣке, который говоритъ, что во второе лѣто своего господарства Александръ съ большими издержками перевезъ изъ языческой земли святыя мощи великомученика Іоанна *Нови* и положилъ ихъ въ своей знаменитой цитадели, что въ городѣ Сочавѣ, съ великой честью и похвалой, для охраненія его высочества и сохраненія престола [3]). Относительно года всту-

---

[1]) „Приходъ Іоанно-Предтеченской (греческой) церкви въ Аккерманѣ" *свящ. Г. Болгарова. Кишин. Епарх. Вѣд.* 1878, № 7, стр. 290—297; „Бессарабія" *П. Н. Батюшкова*, стр. 37, 51, 67, 70, 23, *63—65*; *А. И. Яцимирскій*, „Святыни Бессарабіи", *Русскій Паломникъ*, 1903, №№ 8 и 10. „Ходатайство о св. мощахъ" *Кишиневск. Епарх. Вѣд.* 75, № 11; „Источникъ св. влмч. Іоанна Сочавскаго", тамъ же, 79, № 6 и др.

[2]) Житіе Іоанна Новаго, по Сборнику 1438 года Нямецкаго монастыря, № 106.

[3]) Cf. *E. Picot et G. Bengesco.* Alexandre le Bon. Vienne, 1882, p. 57. Послѣдняя фраза Урѣке, повидимому, навѣяна выраженіями Цамблакова Житія. Кромѣ того, молдавскій лѣтописецъ прибавляетъ, что въ церков

пленія на престолъ Александра существуютъ разныя мнѣнія. I. Богданъ придерживается быстричской лѣтописи, которая говоритъ объ этомъ событіи подъ 23 апрѣля 1399 года [1]). Гр. Точилеску не допускаетъ послѣдней даты и признаетъ болѣе достовѣрнымъ 1400 годъ, потому что отъ 29 іюня этого года существуетъ уже грамота Александра [2]). Но для насъ это не важно, потому что Урѣке дѣлалъ вычисленіе, сообразуясь съ своей собственной датой вступленія Александра на престолъ, т. е. 1401 годомъ. Поэтому, на основаніи прямого свидѣтельства можно утверждать, что это перенесеніе мощей имѣло мѣсто въ 1402 году, что̀ намъ представляется болѣе правдоподобнымъ, такъ-какъ въ это время Цамблакъ былъ уже проповѣдникомъ великой церкви въ Сочавѣ, а послѣднее могло быть во всякомъ случаѣ не раньше какъ черезъ годъ послѣ прибытія его въ Молдавію (см. ниже, стр. 92).

Такимъ образомъ, приблизительно въ августѣ 1401 года Цамблакъ уже былъ въ Сочавѣ. Передавъ патріаршія грамоты господарю, Григорій вмѣстѣ съ дьякономъ Эмануиломъ остались въ Молдавіи, и здѣсь въ одной изъ сочавскихъ церквей Цамблакъ произнесъ рядъ Словъ, извѣстныхъ въ рукописяхъ съ заглавіями: Григоріа мниха и презвитера. Что они не могли быть произнесены на Аѳонѣ или въ Константинополѣ, какъ думаетъ П. Соколовъ (стр. 67) [3]), показываетъ третье изъ нихъ, въ которомъ проповѣдникъ обращается къ

ныхъ книгахъ Житіе Іоанна помѣщено въ среду и четвергъ русальной (цвѣтной) недѣли и тогда происходитъ грандіозное чествованіе святого во всей странѣ. Менѣе правдоподобна дата этого же перенесенія у Костина (1415 г.) и митр. сочавскаго Досиѳея (1399). *A. Apostol*, Viaţa şi activitatea lui Dositeiu, Rotaşani, 97, p. 66.

[1]) *I. Bogdan*, Cronice inedite, p. 35, 64—65.

[2]) Raport presentat Academiei Române de *Gr. Tocilescu*. *Analele Acad. Rom.*, vol. XVIII, p. 5. Тамъ же подробныя выкладки о датѣ смерти Александра, pp. 6—8.

[3]) По мнѣнію П. Соколова, „при опредѣленіи мѣста и времени, гдѣ и когда произнесено извѣстное Слово, на эти надписанія нельзя (?) съ увѣренностью полагатся“ (стр. 68).

паствѣ и говоритъ, что онъ будетъ радостнымъ вѣстникомъ у патріарха о благочестіи народа. Такъ-какъ другого посольства Цамблака въ славянскую страну мы не знаемъ, то остается предполагать, что фраза эта была произнесена только въ Молдавіи. Судя по содержанію и времени воспоминаемыхъ въ нихъ церковныхъ событій, Слова эти можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Слово на Рождество Богородицы, 8 сентября.

II. Слово похвальное тремъ отрокамъ и прор. Даніилу, 17 декабря.

III. Слово о божественныхъ тайнахъ и св. Филогоніи, произнесенное за пять дней до праздника Рождества, т. е. 20 декабря.

IV. Слово объ усопшихъ, произнесенное, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей—въ одну изъ родительскихъ субботъ, по замѣткѣ Виленской рукописи № 256, л. 274 — въ седьмую субботу по пасхѣ, а по нашему предположенію—въ субботу мясопустной недѣли.

VI. Слово объ иноческомъ житіи, также связанное, судя по его вступленію, съ предыдущимъ и произнесенное, повидимому, въ воскресенье сыропустной недѣли.

IV. Слово похвальное отцамъ преподобнымъ, произнесенное въ субботу сыропустную и непосредственно связанное съ предыдущимъ.

VII. Слово на рождество Іоанна Крестителя, 24 іюня.

VIII. Слово похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу, 29 іюня.

Такимъ образомъ, можно думать, что всѣ эти восемь Словъ были составлены и произнесены втеченіе одного года: первое изъ нихъ —8 сентября 1401-го, послѣднее—29 іюня 1402 года. Поэтому Слова эти получаютъ для насъ еще большую цѣну тѣмъ, что для каждаго изъ нихъ установлены нами почти несомнѣнныя даты. Можно думать, конечно, что при внимательномъ изученіи произведеній и другихъ славян-

скихъ и русскихъ писателей представится возможность датировать ихъ опредѣленными годами и даже мѣсяцами.

Въ двухъ Словахъ, третьемъ и четвертомъ, по времени и по порядку произнесенія есть намеки на то, что проповѣдникъ и раньше говорилъ свои поученія, и вообще бесѣдовалъ съ паствой много разъ. Отсюда обыкновенно дѣлаютъ выводъ, будто существовали и другія произведенія того же автора, но произнесены они были устно и не были записаны (П. Сырку, стр. 118). Возражать противъ этого въ сущности невозможно, такъ-какъ трудно повѣрить, конечно, чтобы проповѣдникъ по профессіи, именовавшійся, въ слѣдующемъ году уже „учителемъ великой церкви молдовлахійской", произнесъ въ теченіе года всего восемь Словъ. Но что эти Слова могли принадлежать другимъ авторамъ, скорѣе византійскимъ отцамъ, а Цамблакомъ были только произнесены,—въ этомъ также нельзя сомнѣваться. Поэтому предложеніе г. Сырку является нѣсколько излишнимъ, и явилось оно вслѣдствіе того, что Макарій, Шевыревъ, а за ними Мелхиседекъ и самъ Сырку располагаютъ Слова въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нашли ихъ въ сборникахъ, содержащихъ болѣе или менѣе полное собраніе произведеній Григорія. Нетрудно убѣдиться изъ изученія состава любого такого сборника, что переписчики вносили статьи въ порядкѣ праздниковъ сентябрьскаго года, причемъ о хронологіи ихъ появленія не имѣли, конечно, никакого представленія. Поэтому рядомъ съ Словами „Григорія мниха и пресвитера" помѣщены Слова на двунадесятые праздники, надписанныя „Григорія архіеп. россійскаго" или „мниха и игумена обители Пантократоровы" и т. д. [1]) Во вторыхъ, тѣ намеки, о которыхъ мы упомянули выше, имѣютъ гораздо большее значеніе при предложенномъ нами порядкѣ Словъ.

[1]) Тоже самое наблюдаемъ и въ произведеніяхъ Кирилла Туровскаго: „мниха", „недостойнаго мниха", „грѣшнаго мниха", „блаженнаго Кирилла", „святаго отца нашего Кирилла", „епископа Кирилла", „Кирилла Туровскаго", а также другихъ проповѣдниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли проповѣдникъ въ *первомъ* же Словѣ, слѣдовательно, произнесенномъ вскорѣ по прибытіи въ Молдавію, говорить: „Понеже вашу любовь зрѣ(й), ученіа слово пріемлюще“, или „*Прежде* похваливше ваше усердіе теплое, толико бо кь црькви тщаніе ваше, елико чядомъ къ матери и т. д.?“. (Слово о божественныхъ тайнахъ. Рукопись Троице-Серг. библіотеки, № 735, л. 430 об.) или же „Вѣмъ бо несытное вашее же о таковыхъ (т. е. проповѣди) желаніе, отонудуже и къ вашему *множае* распалихся любленію; елижды бо, аще что отъ божественнаго писанія въ ваша *вслахомъ* слуха, вы... въ малѣ времяни *показовасте* таковыхъ сѣмянъ прозябеніе“ и т. д. (Слово объ усопшихъ, С. Шевыревъ. III, 386). Для объясненія этихъ намековъ на какія-то прежнія проповѣди, П. Сырку и понадобилось ввести предположеніе о ненаписанныхъ проповѣдяхъ Григорія, въ то время какъ Шевыревъ изъ тѣхъ же фразъ выводилъ только то, что „паства Цамблака со вниманіемъ слушала его слово и что оно, падая на добрую почву, приносило плодъ“ (стр. 350). Во вторыхъ, едва-ли Цамблакъ въ первомъ же Словѣ могъ говорить о томъ, что о добродѣтели своихъ слушателей онъ будетъ радостнымъ вѣстникомъ предъ вселенскимъ патріархомъ. Въ существованіи этихъ качествъ онъ долженъ былъ убѣдиться на мѣстѣ, втеченіе нѣкотораго времени; при нашемъ же порядкѣ Словъ, для этого у него было въ распоряженіи около четырехъ мѣсяцевъ. Такое мнѣніе о ревности паствы къ церкви и слову Божію онъ могъ высказать скорѣе предъ предполагавшимся отъѣздомъ въ Константинополь, чѣмъ при пріѣздѣ въ Сочаву, и мы склонны такъ именно и представлять значеніе и цѣль этой фразы.

Припомнимъ, что порученіе Цамблака состояло въ томъ, чтобы узнать на мѣстѣ, кѣмъ посвященъ былъ митр. Іосифъ—охридскимъ-ли патріархомъ (σερβοεπίσκοπος) или же галицкимъ митрополитомъ: обрѣтаахся тамо архїепископь кѵрь Іωсифь, егоже оупраздни съборнѣ свѧтѣишїи и приснопоминаемыи патрїархь онь кѵрь Нидонїе;

глаголааше бо ся, яко сръбскыи епископь сьи ѿнѣкѫдꙋ наскочи на цръковь тѫ, егоже ради и прѣложи оубо въ Молдовлахїѫ архїереа Іеремїѫ. Ради таковыхь рѣчїи ѿшедъ же тамо, пакы възвратися, за еже ѡбрѣтатися тамо епископꙋ реченномꙋ кирь Іосифоу [1]). При этомъ патріархъ пишетъ, что въ послѣднемъ случаѣ онъ снимаетъ прежнее отлученіе, какъ съ самого Іосифа, такъ и со всей страны, признаетъ каноническимъ поставленіе Іосифа и разрѣшаетъ ему совершать всѣ святительскія службы. Если-же дѣло окажется ничтожнымъ (εἰ δὲ ἀλέον ἐνι τὸ πρᾶγμα), то Цамблакъ вмѣстѣ съ дьякономъ Эмануиломъ должны возвратиться съ отвѣтомъ къ патріарху и синоду. У насъ нѣтъ прямыхъ извѣстій о томъ, какъ исполнилъ Цамблакъ свою миссію. Но если въ декабрѣ 1401 года онъ произнесъ въ сочавской митропольей церкви Слово о божественныхъ тайнахъ, гдѣ въ вступленіи хвалитъ молдавскую паству и говоритъ объ окончаніи своей миссіи, т. е. о предполагаемомъ отзывѣ относительно результатовъ своихъ наблюденій [2]), то скорѣе можно предполагать, что около этого времени онъ задумалъ покинуть Молдавію; возможно даже, что въ это время какъ разъ кончался полугодичный срокъ его поѣздки, опредѣлявшійся обыкновенно самимъ патріархомъ.

Почему отъѣздъ Цамблака не состоялся, сказать трудно. Но судя по тому, что Цамблакъ остался въ Молдавіи, устроился здѣсь довольно прочно и никакого отвѣтнаго письма патріарху до насъ не дошло, можно думать, что послѣдній едва-ли даже могъ остаться доволенъ отчетомъ Цамблака.

---

[1]) Рукопись Румянцевск. Муз. № 3172, л. 173 и об.

[2]) „И понеже вашу любовь зрѣ(н), ученіа слово пріемлюще, якоже нѣкаа плодовитаа и тучна земля сѣмена, принеси да коснемся, иже о сихь бесѣдѣ, елико подасть Духь святыи прѣжде похваливше ваше усердіе теплое; толико бо кь црькви тщаніе ваше, елико чядомь къ матери, елико болѣщому кь врачю, елико жаждущому къ источнику, елико кораблю кь пристанищу,—толико и насъ веселить прѣспѣяніе ваше, яко и вѣстници блази будемь къ пославшому насъ отцу и учителю въселенъскому добродѣтели вашя“. Рукопись XV в. Тр.-Серг. лавры, № 753, л. 430 об. и 431.

Изъ дальнѣйшей біографіи Григорія мы увидимъ, что въ Константинополѣ не забыли этой измѣны и черезъ тринадцать лѣтъ, нѣсколько разъ Григорія отлучали и проклинали, а въ 1432 году, уже будучи схимникомъ, Цамблакъ содѣйствовалъ тому, чтобы сношенія Молдавіи съ патріархомъ были прерваны навсегда, для чего завязалъ правильныя каноническія и культурныя сношенія съ Охридомъ и, по всей вѣроятности, привезъ оттуда миро отъ мощей св. Варвара вмѣсто получавшагося до того времени, повидимому, изъ Константинополя; такъ, было по крайней мѣрѣ, и въ Болгаріи предъ отдѣленіемъ ея въ церковномъ отношеніи отъ вселенской патріархіи. Можно думать, что и перенесеніе мощей Іоанна Новаго имѣло такое же точно значеніе. Не даромъ проповѣдникъ ни разу не упоминаетъ о греческомъ происхожденіи Іоанна, о греческой церкви въ Бѣлградѣ и т. д.; а преп. Варваръ, родомъ египтянинъ, также не имѣлъ никаго отношенія къ Греціи. Можно поэтому предполагать, что господарь или митрополитъ уговорили Григорія остаться въ Молдавіи, обѣщая ему каѳедру которая должна была освободиться послѣ Іосифа. Послѣдній, посвященный еще въ 1373 году, къ этому времени былъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ; объ этомъ говоритъ, между прочимъ, и патріаршее посланіе (см. выше, стр. 75) и тѣ даты, которыя даетъ спеціальное изслѣдованіе молодого ученаго I. Григоріу объ Іосифѣ I Мушатѣ. Но если допустить, что спутникъ Цамблака возвратился въ Константинополь и разсказалъ тамъ о какихъ-то сепаратическихъ намѣреніяхъ Цамблака, то на послѣдняго стали смотрѣть въ патріархіи настолько плохо, что вернуться послѣ этого ему казалось уже неблагоразумнымъ.

Итакъ, отъ сентября 1401 и до іюня 1402 года Цамблакъ называетъ себя только „мнихомъ и пресвитеромъ". Такой санъ намъ извѣстенъ изъ надписанія многихъ переводныхъ произведеній, напримѣръ, „Арсеній мнихъ и пресвитеръ" авторъ Слова о 318 никейскихъ отцахъ, „Леонтій мнихъ и

пресвитеръ“ составитель Житія преп. Григорія еписк. Акраганскаго, „Пандолей мнихъ и пресвитеръ“ авторъ Слова на Вознесеніе, Никита инокъ и пресвитеръ“ авторъ извѣстныхъ Вопросовъ съ отвѣтами и мн. др. Слѣдовательно, приблизительно до половины 1402 года Цамблакъ не занималъ никакой особой должности и проповѣдовалъ въ одной изъ сочавскихъ церквей. Только съ 1402 года онъ дѣлается профессіональнымъ, отвѣтственнымъ проповѣдникомъ при митропольей церкви. Если мощи Іоанна Бѣлградскаго пересены въ 1402 году, и Житіе его съ краткой похвалой произнесено, какъ справедливо думаетъ преосв. Мелхиседекъ (стр. 74), при этомъ именно торжествѣ, то къ половинѣ указаннаго года и слѣдуетъ отнести назначеніе Цамблака на упомянутую выше должность.

Въ самомъ старомъ спискѣ Житія Іоанна, въ Сборникѣ Нямецкаго монастыря 1438 года, № 106, Житіе это надписывается такъ: мѫченїе свѧтаго и славнаго мѫченика Iѡанна Новаго, иже въ Бельградѣ мѫчившагосѧ, съписано Грїгорїемь минихомь и презвитеромь въ великои цръкви молдовлахїискои (л. 323), а на поляхъ противъ этого заглавія киноварью рукой писца замѣчено: цамблак. Это заглавіе и служитъ единственнымъ достовѣрнымъ біографическимъ свидѣтельствомъ для сужденія о первомъ времени пребыванія Цамблака въ Сочавѣ.

Относительно времени написанія Житія Іоанна Бѣлградскаго существуютъ далеко не одинаковыя сужденія. На основаніи одной лишь фразы въ концѣ Житія, въ разсказѣ о перенесеніи мощей въ Сочаву: ıаже и въ слоуха прїидѡшѧ иже тогда благочьстиваго господьствоужщомоу вьсеѫ Молдовлахїѫ и Поморїѫ и т. д. [1]), многіе ученые рѣшались датировать самое Житіе. А. Горскій (въ статьѣ, „Фотій митр. Кіевскій и всея руси“ *Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ.* 1852, ч. XI, стр. 238), Мелхиседекъ (стр. 60), П. Сырку (стр. 147),

---

[1]) Цитируемъ по Сборнику Нямецкаго монастыря 1438 г., № 106.

П. Соколовъ (стр. 169), Н. Петровскій. („Къ хронологіи проповѣдей Цамблака“, *Русск. Филол. Вѣстникъ*, 1903, кн. III—IV, стр. 2 оттиска) и др. дѣлали выводъ, что Житіе было написано *послѣ* смерти господаря Александра Добраго т. е. послѣ 1432 года. Въ тоже время тремъ изъ указанныхъ ученыхъ (Мелхиседеку, Сырку и Соколову) извѣстна точная дата перенесенія мощей Іоанна въ Сочаву, о которомъ говоритъ Цамблакъ, а именно 1402 годъ. Для того, чтобы примирить эти два отдаленные другъ отъ друга срока, приходилось дѣлать предположеніе, что хотя въ это время (1402 г.) Цамблакъ дѣйствительно находился въ Молдавіи, и безъ сомнѣнія, Александръ поручилъ ему составленіе похвальнаго Слова святому, тѣмъ не менѣе оно было написано только послѣ смерти этого воеводы, иными словами, порученіе было исполнено спустя болѣе 30 лѣтъ.

Болѣе подробно развиваетъ эту мысль П. Соколовъ: „едва-ли не самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ (sic) въ пользу того, что Григорій Цамблакъ жилъ послѣ 1420 года, могли-бы служить слѣдующія слова въ сочиненіи Цамблака „Мученіе св. и славнаго мученика Іоанна Новаго“: чрезъ 70 лѣтъ или немного болѣе послѣ смерти Іоанна мученика, „иже тогда благочестивѣ господствующему всею Молдавіею и Поморіею христолюбивому и великому воеводѣ Александру, совѣтомъ, иже тогда церковная правящаго священнѣйшаго архіеп. Іосифа“, перенесены мощи мученика... Выраженіе: „иже *тогда*“ и проч. какъ-будто показываетъ, что авторъ этого сказанія жилъ уже *послѣ* смерти Александра Добраго, т. е. позднѣе 1432 года. Но неправильное (?) грамматическое сочетаніе: „тогда—господствующему“, „тогда—правящаго“ дѣлаетъ почти несомнѣннымъ, что слово *тогда* есть вставка (?) позднѣйшаго переписчика. Впрочемъ, нужно еще доказать (?) дѣйствительно-ли принадлежитъ самое Сказаніе Гр. Цамблаку“ (стр. 198—199). Разсужденіе это нисколько не научно. Прежде всего, авторъ пользуется далеко неисправнымъ

текстомъ, и если бы у него подъ руками была копія сборника Гавріила 1438 года, то г. Соколову пришлось бы отказаться отъ обвиненія текста въ синтаксической неправильности: и съвѣтомъ иже тогда цръкѡвнаа правѧщіаго свѧщеннѣишаго архїепископа Іѡсифа [2]). Впрочемъ, и приведенный въ такомъ видѣ отрывокъ не вызываетъ на подобное замѣчаніе, такъ какъ предъ нами обычный dativus или genetivus cum participio, представляющій точный переводъ соотвѣтствующаго греческаго выраженія βασιλεύοντος τότε и т. д.

Ошибка указанныхъ ученыхъ не стоитъ одиноко. Только непониманіемъ славянскихъ текстовъ и недостаточно внимательнымъ изученіемъ произведеній болгарской агіографической литературы до XIV вѣка можно объяснить, напримѣръ, необыкновенно странный выводъ К. Радченка, будто разсказы о перенесеніи мощей при Калоіоаннѣ или Іоаннѣ Асѣнѣ „носятъ характеръ повѣствованій о временахъ *давнопрошедшихъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ изъ этихъ житій говорится довольно подробно о политическихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ перенесенію мощей. Такъ, мы читаемъ въ Житіи Іоанна Рыльскаго: „не многу же врѣмени минувшу, вънегда благоволи Богъ въздвигнути падшуюся скынію и обновити бльгарскую власть обетшавшую грьчъскыимъ насиліемъ, и вънегда вънесе родь бльгарскаго царства при христолюбивѣмъ цари Асѣни, емуже имя въ святомь Кръщеніи Іоань“. „Къ чему всѣ эти подробности,—спрашиваетъ г. Радченко,— если Житіе писалось при жизни Асѣня или сравнительно скоро послѣ его смерти? Вообще такъ говорить можно только о времени давнопрошедшемъ (sic). И такое же отношеніе къ эпохѣ Асѣня замѣчается и въ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Въ Житіи Параскевы, говоря о желаніи Іоанна Асѣня перенести мощи преподобной въ Тырновъ, неизвѣстный авторъ замѣчаетъ: *тогда* фругомь Цариградь дрьжещіимь и даны дающіимь великому царю Іоанну Асѣну“,—очевидно, и время господ-

[2]) Тамъ же.

ства латинъ въ Константинополѣ представлялось автору Житія давнопрошедшимъ“ (sic) [1]).

Но помимо того, что въ болѣе позднихъ спискахъ дѣйствительно могли быть сдѣланы подобныя прибавленія, не слѣдуетъ забывать также, что агіографическія произведенія и всякаго рода записи на книгахъ предназначались не только для современныхъ читателей, но и для будущаго времени. Поэтому авторы житій и записей становились на точку зрѣнія предполагаемаго читателя въ будущемъ, и въ приведенныхъ нѣсколько ниже примѣрахъ союзъ *тогда* примѣняется иногда и къ современнымъ описываемому событію лицамъ:

I. На первомъ мѣстѣ стоятъ примѣры изъ агіографической литературы XIV вѣка, которая могла быть ближайшимъ образцомъ для Цамблака:

1) въ иже тогда болгарскыѧ скуптра правѧщемѹ цареви Алеѯандрѹ мѹжѹ сѹщѹ благочестивѹ и т. д.—въ Каллистовомъ Житіи Ѳеодосія Тырновскаго, *П. Сырку*, Время и жизнь, стр. 357.

2) иже въ Охридѣ блъгарскомоу тогда архїепископоу—въ Евѳиміевомъ Житіи Иларіона *E. Kałużniacki*, Werke, 31.

3—7) воевода въ Владѣ поставлень бысть, отъ иже тогда царскаа правѧщиа скуптра,—въ житіи Филоѳеи, тамъ же, 93; царскаа же скуптра тогда ѹправлѣаше добрѣ, 95; въ Словѣ похв. Недѣлѣ: прїемъ игемонства начѧльство отъ иже тогда неистовнѣ правѧщаго царства Дїоклитїана, 161; въ Словѣ похв. Іоанну Поливотскому: тѣмже иже тогда добрѣ цръковнаа правлѧй архїерей, 185; родѹ во фрѫжскомоу тогда Цариградь прѣемшоу, 197 и мн. др.

II. Изъ многочисленныхъ примѣровъ въ произведеніяхъ самого Цамблака приведемъ слѣдующіе:

1) „Максиміанъ, иже тогда римское держа царство“, Слово похв. Димитрію, ст. 1913;

2) „аще убо подробну вашей любви, иже тогда творимаа, представлю писаніемъ“, Сказаніе о перенесеніи мощей Параскевы, 433;

[1]) Религіозное и литературное движеніе, стр. 254—255.

3—4) „о бывшіихъ же тогда исцѣленіи съдржимыимь отъ различныихъ недоугь, оставлю тѣмь самѣмь проповѣдовати“, Житіе Іоанна Бѣлградскаго, Сборникъ 1438 года; „къ иже тогда епархꙋ града шедь, оклеветоуеть мѫченика“, тамъ же;

5) „повелѣнно бысть отъ иже тогда царьствующаго Андроника, глаголю Палеолога“, Житіе Стефана Дечанскаго, лл. 222 и 223 об.;

5) „иже тогда отъ іудей скврънноубійствныихъ сдѣанныихъ томоу пакости“, Слово о постѣ и слезахъ, л. 86 об. и др.

Ш. Подобныя же выраженія обычны въ записяхъ на болгарскихъ и сербскихъ рукописяхъ ХШ—XVII вв. Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ наиболѣе характерные:

1) сиѥ же книгы писахоусе повелѣниѥмъ.... иѥромонаха Доментиꙗна, бꙋдоуціа тъгда дꙋховьника Хиландарьскиѥ лавры, Шестодневъ 1263 г. *Л. Стојановић*, Стари српски записи, № 21;

2) писаше повелѣниѥмь тогда боудоущаго игоумена Спасова Спиридона, Прологъ 1264 г. Тамъ же, № 22;

3) мнѣ же тогда соущоу игоꙋменоу чьстьнаго монастира светыѥ Богородице Хиланьдарл. Запись игумена Никодима на Типикѣ 1319 г. Тамъ же, № 52;

4) кvрь Данила, тогда владычьствоующю ѥмоу на прѣстолѣ светаго светителꙗ кvрь Савы. Евангеліе 1329 г., Тамъ же № 55.

5) таже и съи синаксаръ, рекоми прологъ, ꙋстворн велицѣмъ трꙋдолюбиѥмъ въ дьни тогда царствꙋѫщомꙋ и прѣобладаѫщоу ѕемлеѫ блъгарскоѫ прѣвысокомꙋ самодръжавномꙋ Иѡанꙋ Алеѯандрꙋ. Прологъ 1338 г. *П. Сырку*, Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 458.

6) съдръжѫщоу тогда скиптра блъгарскаго и гръчьскаго царства съ благовѣрноѫ и боговѣнчанноѫ и новопросвѣщеноѫ царицеѫ своеѥ кира Ѳеодорою, тьзоименитоѫ бжиѥмоу дароу, и сь приснымь и прѣвъзлюбленымь снмь іѡаномъ Шишманомь царемъ и т. д. Евангеліе 1356 г. *Сборникъ за народни умотворения* и т. д. кн. VII и VШ, статья Гудева.

7) въ таа оубо врѣмена вѣнець царствіа на главѣ носѧщоу и скиптро

п҃ѕ

тѫвѣнѣтинисѣповѣдоуи.
дапожретсапачетѣщета
ѿбнадѣвшихта. твоеѫ
мтынеѫ. ıакожесвръть
ствовинное, водыоумно
жениемь. ипокажимножь
ствомтынатвоеѫ. въ
нихжеблгыивъмъзѣвае
шиѿбнадѣвшихта. ıако
женблаженныиелиеенѣт
корнврагѿмысвоимь, пать
ннтнегохотащимь. ега
бопомолисаиѿслѣпинмѣ
глоѫ, показааже вънемь
сѫщжасиаѫ. егажебольшо
ипиводавьнмьѿставни
ти, мтынапоказа. смѣ
20/ реномѫдрынвѣистинѫ, ѿ
биднмьнесѣмѫщаетса.
нижеѿвѣтатворитьѿ
вещиѿнениже ѿбидѣныбы.
нѫприемлетьѿклевета
ние, ıакожеистинѫ. инепе
четсаповинѫтичлкы, ıако
ѿклеветаньбы. нѫпроще
ниепросить. нѣцибоима

въ ръцѣ дръжѫщоу Їωанноу Алеѯандроу благочьстивомоу и великомꙋ царю и т. д. Лондонское Евангеліе изъ собр. Зауча. Тамъ же, кн. VIII, статья Гудева [1]).

IV. Тоже самое находимъ и въ славянскихъ записяхъ румынскаго происхожденія XV—XVII вв.:

1) тогда слоучится еврейская пасха априліа ӣї въ недѣлѣ цвѣтнаа и т. д.—Синтагма Матѳея Властаря 1451 г. *Т. Флоринскій*, Памятники законодат. дѣятельности Стефана Д., стр. 317.

2) тогда дръжещоу кралевское баньство жоупаноу Шарбаноу великомоу баноу—Евангеліе Букур. Націон. Муз. 1537 г., № 284, л. 401.

3) въ дни благочьстиваго и христолюбиваго господина Іω Алеѯандра воеводы, сына Радꙋла воеводы, и архїепископь кvрь Ѳеωфиль тогда прѣдстательствоужщоу Ребьничьскыи епархїи—Псалтырь той же библіотеки, 1627 г., № 353 и мн. др.

Наконецъ, чтобы показать значеніе союза *тогда* въ записяхъ, приведемъ цѣликомъ хотя-бы одну изъ позднихъ записей, напр., 1621 года: съписашесе сїе божественїе книги въ тескꙋще настоещаго лета. зркд. царьствоующа тогда соултань Омарь. И въздвижсе тогда на Леха съ великою силꙋ и ничтоже успѣ, иже и оумиленно житїе свое скончаа (*Л. Стојановиħ*, № 1092), или другую того же года: въ лѣто зркд. мѣсеца авгꙋста. г. дьнь съвршихомь сеи книзе бытїе елико обрѣтоухомь вь нѥи. Писана въ дьни началїа и власти сирѣчь царствїа Сꙋлтань Ахмата, тогда емꙋ подвигшꙋсе, брань створи сь Леси и сь северьнѥю страною (тамъ же, № 1094). Соединеніе словъ „настоящаго" и „тогда" показываетъ, что второе изъ нихъ не могло служить для обозначенія прошлаго времени.

Выводъ указанныхъ выше изслѣдователей былъ бы справедливъ только въ томъ случаѣ, если бы въ приведенной

[1]) Остальные примѣры см. въ упомянутой книгѣ *Л. Стојановича*, Стари српски записи и натписи, стр. 64, 102, 105, 203, 212, 226, 235, 241, 245, 249, 251, 257, 263, 271, 272, 277, 284, 288, 290, 297, 299, 301, 307, 315, 323, 337, 340, 341, 357, 365, 368, 390, 406, 421, 427, 446, 462, 469 и др.

фразѣ изъ Житія вмѣсто *тогда* стояло-бы *иногда* т. е. „нѣкогда, когда-то, раньше, quondam“, что дѣйствительно указывало-бы на время давнопрошедшее, напримѣръ, у патр. Евѳимія: „блаженнаго глаголю Иларіона, иже *иногда* Могленскаго пастырѣ бывшаго“, *Слово похв. Іоанну Поливотскому*, Werke, 201; „благошестъвпа съ собою имѣаху иже *иногда* бѣснующагося“, *Житіе Іоанна Рыльскаго*, ib. 15, или же у Цамблака: „но иже *иногда* царя безаконующаго руку“ (изъ Ветхаго Завѣта), *Похв. Евѳимію*, 54 и мн. др. Приведемъ также два случая изъ современныхъ Цамблаку молдавскихъ документовъ на латинскомъ языкѣ. Въ 1427 году господарь Александръ пишетъ вел. кн. Витовту: „Ryngattae *quondam* consortis nostrae“ т. е. „*бывшей* жены нашей“ (*Dogiel*, vol. I, 600; *В. А. Ульяницкій*, Матеріалы для взаимныхъ сношеній, стр. 27); или въ грамотѣ господаря Иліи отъ 1433 года королю Владиславу: Quemadmodum nostri predecessores se subscribentes obligarunt, videlicet Petrus waywoda, Roman waywoda, Ztechko waywoda, ac genitor carissimus nostri *condam* Alexander waywoda“. Изъ этого г. Точилеску выводитъ только то, что дата смерти Александра, указываемая открытой г. Богданомъ быстрицкой лѣтописи, 1-е января 1434 года,— невѣрна, такъ какъ объ Александрѣ здѣсь говорится какъ *о покойномъ* [1]).

Такимъ образомъ, весь этотъ длинный экскурсъ о значеніи термина-стереотипа „тогда“ мы должны были ввести лишь для того, чтобы показать, что Житіе Іоанна было составлено въ правленіе Александра Добраго, скорѣе всего къ дню перенесенія мощей бѣлградскаго мученика въ Сочаву. Цамблакъ упоминаетъ также и митр. молдавскаго Іосифа, который въ это время былъ очень старъ и, повидимому, вскорѣ послѣ 1407 г.

---

[1]) Raport presentat Academiei Române etc., *Analele*, vol. XVIII, Partea Adm., p. 7. Гр. Точилеску не указываетъ источника. Мы нашли текстъ этого документа въ „Monumenta medii aevi historica, res gestae Poloniae illustrantia“, tom. XII. W. Krakowie, 1891, p. 318; документъ датированъ 3 іюня, у Ульяницкаго—5 іюня; присяга молдавскихъ бояръ—отъ 4 іюня.

умеръ [1]). Изъ другихъ лицъ начала XV вѣка, время жизни которыхъ могло бы подтвердить предложенную нами дату написанія Житія, проповѣдникъ не упоминаетъ никого. По неизвѣстнымъ причинамъ онъ не счелъ нужнымъ упомянуть даже молдавскую господарыню. Цамблакъ говоритъ только, что чудесныя явленія, совершаемыя надъ гробомъ новоявленнаго мученика, къ слоухꙋ прїидоша, иже тогда благочьстиваго господстоужѫщомоу вьсеѫ Молдовлахїѫ и Поморїꙋ христолюбезнѣишомоу и великомоу воеводѣ Iѡ Алеѯандроу, мѫжоу иными оубо оукрашаѫщоусѧ благыми, нѫ и мѫчениколюбноу сѫщоу (Сборникъ Нямецкаго монастыря 1438 года, № 106). Но въ Словѣ похв. Іоанну Новому, написанному нямецкимъ игуменомъ Өеодосіемъ въ 1534 году на основаніи цамблакова Житія и, вѣроятно, какихъ-нибудь историческихъ источниковъ (Сборникъ 1574 года изъ собр. В. Ундольскаго, № 81), а также въ составленномъ раньше этого времени проложномъ Житіи Іоанна, — читаемъ слѣдующую фразу: богобѣичаныи великыи воевода вьсеи странѣ молдовлахїискои и Поморїоу, Іоанъ Алеѯандръ, съ благочьстивоѫ госпожеѫ Анноѫ, при архїерействѣ Іѡсифа архїепископа и т. д. (Та же рукопись № 81, л. 197 об. и въ молдавскомъ Сборникѣ XVI вѣка Академіи Наукъ, по инв. кат. нашего собранія, № 25, л. 50 об. [2]).

Является вопросъ: можетъ-ли дать какія-нибудь указанія на время составленія Житія Іоанна Новаго упоминаніе господарыни Анны? Мы думаемъ, что и это извѣстіе драгоцѣнно для нашихъ цѣлей, не смотря даже на то, что въ румынской исторіографіи до сихъ поръ не установлено время жизни этой жены воеводы Александра, и намъ придется заняться этимъ вопросомъ самостоятельно. Если обратимся къ трудамъ румынскихъ историковъ, касавшихся молдавскихъ событій начала XV вѣка, то найдемъ, что у господаря Александра было не меньше пяти (sic) женъ. Такъ напримѣръ, Нико и Бенжеско ду-

[1]) См. ниже, въ очеркѣ о пребываніи Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ и стр. 127.

[2]) Ср. *А. И. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей, стр. 74.

маютъ, что первой женой Александра была Маргарита, умершая въ 1410 году, повидимому, католичка изъ венгерскихъ или польскихъ принцессъ [1]). Между 1410 и 1420 гг. онъ женился второй разъ на Аннѣ, которая историку извѣстна только по выпискѣ изъ быстрицкаго Помянника, сдѣланной Б. Хыждеу. Марію онъ отождествляетъ съ Рингалой, сестрой польскаго короля (sic), и третій бракъ Александра относитъ къ періоду до 1421 года [2]). А въ изданіи самой старой молдавской лѣтописи Урѣке, Пико (E. Picot, Chronique de Moldavie, p. 603) приводитъ слѣдующій списокъ: Маргарита Лозонцъ, умершая въ 1410 году, 2) Анна, 3) Стана и 4) Марія или Марина, сестра Владислава Ягелло. А. Ксенополъ (A. D. Xenopol, Istoria românilor, ed. pop., vol. III, pp. 119—122) говоритъ, что Александръ Добрый первый разъ былъ женатъ на „венгерской принцессѣ изъ Трансильваніи, Маргаритѣ Лозонцъ, дочери Стефана Лозонцъ, воеводы этой страны. Папскій посланникъ Бандини, посѣтившій католическія церкви Молдавіи въ 1646 году, говоритъ, что видѣлъ въ г. Байѣ надгробный камень этой супруги молдавскаго господаря, для которой Александръ построилъ тамъ католическую церковь; здѣсь она и была похоронена въ 1410 году. Въ первый періодъ своего княженія Александръ находился въ родствѣ съ венграми, въ тоже время сохраняя добрыя политическія отношенія къ полякамъ, чѣмъ и объясняется его спокойное правленіе. Послѣ смерти первой своей супруги, онъ снова ищетъ брачныхъ узъ съ поляками, и въ 1411 году женится на Рингалѣ или Маріи, сестрѣ короля Владислава. Въ 1421 году онъ разводится съ ней и даетъ бывшей своей супругѣ, въ видѣ содержанія, приходъ съ двухъ молдавскихъ городовъ — Серета и Волховца — и пенсію въ 600

---

[1]) Къ ссылкамъ Пико прибавимъ Codex Bandinius, ed. *V. A. Urechia* in *Analele Academiei Române,* p. 91.

[2]) *E. Picot et G. Bengesco,* Alexandre le Bon prins de Moldavie, Vienne, pp. 8—9, 18—19.

золотыхъ или красныхъ венгерскихъ флориновъ“. По его мнѣнію, матерью Иліи была Маргарита, а Стефана — Рингала (она же Марія). J. Grigoriu (въ личенціатской работѣ „Iosif I Mușat“, p. 79) рѣшаетъ, что въ 1401 году Анна не могла быть супругой молдавскаго господаря, такъ какъ имя первой жены его и годъ смерти ея хорошо извѣстны; онъ тоже говоритъ о Маргаритѣ Лозонцъ, которая въ указанномъ году считалась супругой Александра. Что же касается Анны, то она могла стать женой молдавскаго воеводы только послѣ (?) 1421 года, а потому „Сказаніе“ митр. Георгія (1723) о присылкѣ въ Молдавію византійской иконы Григорію относитъ ко времени послѣ 1421 года. И. Богданъ (I. Bogdan въ 4 примѣчаніи къ Cronice inedite, 65—66) не рѣшаетъ вопроса о порядкѣ женъ Александра. Онъ увѣренъ, впрочемъ, что ихъ было пять (sic). Някшу отождествляетъ сначала съ православной Анной, а на слѣдующей страницѣ съ католичкой Маргаритой, Марину смѣшиваетъ съ Рингаллой или Римгайлой, сестрой Витовта. Гр. Точилеску (Gr. Tocilescu, Manual de istoria romană. Bucur. 1886, p. 130) первый изъ ученыхъ указалъ, что первой женой Александра была Анна. Въ критическомъ разборѣ упомянутаго изданія Богдана, г. Точилеску опредѣляетъ ошибки слависта и ставитъ ихъ въ связь съ основнымъ выводомъ г. Богдана, будто лѣтопись могла составиться въ Быстрицкомъ монастырѣ (Analele Academiei Române, vol. XVIII, Bucur. 1896, pp. 7—8). Наконецъ, Ѳ. Бурада (Th. Burada въ статьѣ „Biserica sf. Gheorghie din orașul Hârlău“ etc.) считаетъ, вслѣдъ за Г. Асаки (Gh. Asacki, Calendarul pe la anul 1854), Маргариту Лозонцъ женой господаря Стефана Великаго (1456 — 1502 гг.) и думаетъ, что отца ея можно отождествлять съ ардяльскимъ воеводой Владиславомъ Лозонцъ, упоминаемымъ у Шинкая подъ 1493 годомъ, хотя въ концѣ концовъ и самъ выражаетъ недоумѣніе по поводу того, что согласовать это извѣстіе съ данными у лѣтописцевъ нѣтъ возможности (Revista p. istorie, archeologie etc.,

vol. VI, p. 136). П. Сырку предполагаетъ, что Марина и Римгайла или Марія — одно и тоже лицо (Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1896, т. III, стр. 507), и т. д.

Мы привели мнѣнія только нѣкоторыхъ ученыхъ новѣйшаго времени. Не будемъ вступать въ полемику съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Намъ кажется, что до сихъ поръ очень мало значенія придавали, во первыхъ, показаніямъ такъ-называемой быстричской славяно-молдавской лѣтописи, въ которой событія изъ семейной жизни Александра Добраго представлены довольно полно; во вторыхъ, — тому порядку, въ которомъ женскія имена при поминаніи Александра помѣщены въ быстричскомъ Помянникѣ, начатомъ въ 1407 году. Здѣсь мы читаемъ: помѣни, Господи, православнаго господарѣ Алеѯандра воеводѫ, истиннаго ктитора свѧтыѫ ѡбители сеѫ, и брата его Богдана, и матери ихь Анастасїѫ, и госпождѫ Анна, госпождѫ Марїа и дъщере еи Анна, госпождѫ Марїѫ и госпождѫ Василисѫ и госпождѫ Анастасїѫ (Рукопись библіотеки Academia Romana, № 79 л. 3).

Итакъ, на первомъ мѣстѣ среди женъ Александра Добраго находимъ Анну, которая, какъ видно изъ надписи на могильной плитѣ быстричскаго монастыря, поставленной надъ прахомъ Анны въ концѣ XV вѣка господаремъ Стефаномъ V Великимъ, при игуменѣ Григоріи, скончалась 1417 году: Іѡань Стефань воевода, Божїею милостїю господаръ земли молдавскои, сынь Богдана воевовѡды (sic), ȣкраси сьи гробь госпожды Анны, господожда Алеѯандра воеводы, матерь Илїашъ воевода, иже и прѣстависѣ ѡна къ вѣчнымь ѡбитѣлемь въ лѣто ѕцкѕ. мѣсѧца ноемврїа к҃. При игȣменѣ попа Григорїа (Эстампажъ Букурештскаго Націон. Музея № 78). Изъ этой надписи мы узнаемъ, что супруга Александра воеводы Анна была матерью Ильяша воеводы. Если обратимся къ быстричской лѣтописи, то тамъ найдемъ слѣдующее извѣстіе, первое же по мѣсту въ правленіе этого господаря: и роди же сѧ емȣ сынъ прьвѣнець, наречени Илїа воевода, въ лѣтѡ ҂ѕцзї (6917 — 1409), юлїа, к҃, ѿ кнѧгини Нѧкши (Рукопись тульчанскаго болгарскаго клуба, л. 236 об.). Слѣдовательно, Анна

и Някша — одно и то же лицо, а второе изъ именъ — некалендарное, неоффиціальное.

Кромѣ того, госпожа Анна считается основательницей Быстричскаго монастыря, начало котораго всѣми свидѣтельствами относится къ 1407 году. Сказаніе, приписываемое митр. Георгію, къ 1401 году пріурочиваетъ присылку той же господарынѣ изъ Константинополя византійской царицей Анной иконы св. Анны. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы считаемъ первой женой Александра не Маргариту, а Анну.

Такая смѣлая перестановка двухъ именъ не должна возбуждать удивленія, такъ какъ такая же путаница существуетъ въ румынской исторіографіи и относительно остальныхъ женъ того же господаря. Быстричская лѣтопись, вслѣдъ за приведеннымъ извѣстіемъ, помѣщаетъ слѣдующее: Стефань же воевода родися ѿ Станки въ лѣто ѕ҃ц҃д҃і (6919 — 1411). Вторая жена Александра, извѣстная подъ католическимъ именемъ Рингалы, некалендарнымъ именемъ Станки и оффиціальнымъ именемъ Маріи, не разъ фигурируетъ и въ польскихъ источникахъ. Она была сестрой вел. кн. литовскаго Витовта, вышла замужъ приблизительно въ 1410 году и оставлена Александромъ въ 1421-мъ. Въ латинской грамотѣ отъ 13 декабря послѣдняго года мы читаемъ: „Alexander palatinus et haeres terrae moldaviensis et Elias palatinus, dicti Alexandri filius, cum proceribus, Ringalae, sorori regis Vladislai et Vitoldi, ducis Litwaniae, uxori suae obligat ad vitae ejus tempora oppida Sereth et Volkowiec cum omnibus attinentiis et patrinentiis atque proventibus“, *Dogiel*, I, 600 [1]). Съ тѣмъ же именемъ эта господарыня извѣстна и въ надгробной надписи, сохранившейся до нашего времени въ радовской епископіи: благочьстивыи и христолюбивыи Іѡ Стефань воевода господарь земли

[1]) *Ѳ. И. Успенскій* думаетъ, что Рингала приняла православіе и называлась Маріей. „О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ“. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1878, кн. IX, стр. 90—92).

молдавскои, сынъ Богдана воеводы, Украси гробъ сей матери своеи Станѣ въ лѣто ҂зкѕ (7026 — 1518) мѣсяца ген(варіа) ки, при епископѣ Пахоміе. Мелхиседекъ, въ статьѣ своей „O visită la câte-va mŏnăstiri și biserici antice ест., *Analele Academiei Romăne*, vol. VII, p. 283, думаетъ, что плита поставлена на могилѣ жены Богдана и матери Стефана Молодого. Но покойный ученый дѣлаетъ невѣрное заключеніе подъ вліяніемъ даты 1518 года, дѣйствительно совпадающей съ годами правленія Штефануцы (1517 — 1527 гг.), а на самомъ дѣлѣ въ указанномъ году поставленъ только памятникъ.

Третья жена носила имя Маріи или Марины, дочери Маріины. Въ той же лѣтописи находимъ третье по мѣсту извѣстіе, что Петръ воевода родися ѿ Марини, дщи Мъріна, въ лѣто ѕцл (6930 — 1422). Та же господарыня упоминается въ греческой записи на воздухѣ, шитомъ въ Константинополѣ для сочавской митрополіи въ 1429 году [1]), и славянской записи на Евангеліи Бодлейской библіотеки, переписанномъ извѣстнымъ писцомъ Гавріиломъ въ томъ же году [2]).

Такимъ образомъ, изъ цѣлыхъ пяти мнимыхъ женъ Александра, какъ думаетъ I. Bogdan [3]), мы выдѣляемъ только трехъ, прежде всего, какъ число въ данномъ случаѣ канонически возможное. Что же касается другихъ именъ, читаемыхъ въ быстричскомъ Помянникѣ, то здѣсь мы имѣемъ имена не женъ воеводы Александра, а его матери (Анастасія), матери его жены или тещи (Марія мать Анны) и, наконецъ, женъ сыновей его — Иліи (Василиса) и Стефана (Анастасія).

---

1) *Н. П. Кондаковъ*, Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Спб., 1902 г., стр. 265 датируетъ ее 1427 годомъ; *I. Bianu*, Relațiune asupra calatoriei în Galiția, pp. 24—25 - 1428 годомъ; наконецъ *Мелхиседекъ* относитъ „надгробный покровъ“ въ 1429 году, op. cit., p. 32, nota 1 si 2, гдѣ приводитъ румынскій переводъ надписи по какой-то византійской хроникѣ.

2) *А. И. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898 г., стр. 156; *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. VII, кн. 4, стр. 329, 330.

3) Cronice inedite, p. 65.

Наша мысль находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ одного изъ надгробій конца XV вѣка, сдѣланныхъ господаремъ Стефаномъ V Великимъ и сохранившихся въ радовской епископіи: Іѡ Стефанъ воевода господарь земли молдавскои въ лѣто зе (7005—1497) мѣсяца маи ѹкраси сїи гробъ своеи прѣдѣдици Марїа дъщи Анастасїи, юже даде Коцманъ ѡбители сеи, дъщи Лацко воеводы. Ѡна прѣставися въ лѣто ѕѵцки (6928—1420) мѣсяца мартїа кѕ [1]). Такъ по крайней мѣрѣ приходится понимать этотъ дѣйствительно странный на первый взглядъ, (см. выше, стр. 99) и слишкомъ длинный списокъ господарынь Александра.

Поэтому упоминаніе Анны въ проложномъ Житіи Іоанна Новаго даетъ еще одно подтвержденіе въ пользу мысли, что перенесеніе мощей этого святого имѣло мѣсто въ 1402 году и что „Мученіе“ Цамблака написано въ это же время.

Въ то время какъ наиболѣе надежныя рукописи XV вѣка приписываютъ Житіе Іоанна Новаго „мниху и пресвитеру великой церкви Молдовлахійской“, въ цѣломъ рядѣ списковъ XVI и XVII вв. первоначальное надписаніе нѣсколько измѣнено. Мы нашли около 15 Сборниковъ [2]), въ которыхъ разсматриваемая статья озаглавлена: съписа же ся Григорїемъ минихомъ, игоуменомъ ѡбитѣли Пантократоровы и презвитеромъ въ великои цръкви Молдовлахїискои [3]). Можно-ли отсюда выводить, что Цамблакъ былъ одновременно и Нямецкимъ игуменомъ, и пресвитеромъ Сочавской митрополіи? Мы думаемъ, что слова

---

[1]) *Melchisedec*, O visita la câte-va monastiri și biserici, *Analele Acad. Române*, tom. VII, ser. II, p. 272.

[2]) Напр., XVI в.: Акад. Наукъ № 25 (изъ нашего собранія); Моск. Синод. Библ-ки, № 235; Румянц. Муз. № 434; Минеи-Четьи митр. Макарія, 2 іюня; собр. гр. А. С. Уварова № 1795; Пискарева № 122; Антоніева-Сійскаго монастыря № 109; XVII в.: Базиліанскаго монастыря въ Сочавѣ, 1655 г.; Общества Любит. Древн. Письм. №№ 48 и 189; Троице-Сергіевой лавры № 677; гр. А. С. Уварова №№ 1056, 1849, 1864 и 1230; Волоколамскаго монастыря № 299 (П. Строевъ относитъ рукопись къ XIV [sic] вѣку), П. Богданова (И. А. Бычковъ, Каталогъ, ч. I стр. 52) и др.

[3]) Сборникъ Молдавскаго письма XVI вѣка, 4°, Имп. Академіи Наукъ, по инв. кат. собр. *А. И. Яцимирскаго* № 25, л. 66.

„игумена обители Пантократоровы“ прибавлены только впослѣдствіи, очевидно, подъ вліяніемъ заглавій большинства другихъ произведеній Цамблака, написанныхъ имъ тоже въ Молдавіи, въ Нямецкомъ монастырѣ, такъ какъ въ заглавіяхъ двухъ старшихъ текстовъ, принадлежащихъ тому же Гавріилу Цамблаку, 1438 и 1450 гг., находимъ только „пресвитера великой церкви молдовлахійской“.

Обязанность пресвитера великой церкви состояла въ составленіи и произнесеніи проповѣдей. Такъ было въ Византіи, по всей вѣроятности, въ Болгаріи и Сербіи и, навѣрное, въ Молдавіи, такъ какъ единственное лицо съ такимъ титуломъ, нашъ Цамблакъ, заслужилъ широкую извѣстность плодовитаго и талантливаго проповѣдника. Интересно, между прочимъ, что еще въ XVII вѣкѣ румынскіе книжники понимали этотъ титулъ совершенно правильно и считали Цамблака „учителемъ“ земли молдавской. Такое толкованіе мы находимъ, напримѣръ, въ записи XVII вѣка на Служебникѣ Ново-Нямецкаго монастыря: бывшаго прежде оучителѧ ꙁемли молдѡвлахискаѧ [1]) и т. д., или въ двухъ записяхъ романскаго еписк. Пахомія начала XVIII вѣка: че аȣ фост даскъл фтѫїȣ динчепȣт ф Молдова [2]) и т. д. Но румынскіе историки-патріоты XIX вѣка настолько расширили понятіе термина „учитель земли молдавской“, что дѣлали выводы о существованіи въ Сочавѣ школы, въ которой Григорій былъ даскаломъ, т. е. учителемъ, преподавателемъ, наконецъ, профессоромъ. Такъ, напримѣръ, преосв. Мелхиседекъ не задумывается подробно говорить о школѣ, основанной Александромъ „съ цѣлью давать образованіе книжнымъ людямъ для нуждъ церкви и государства, которыя не могутъ быть удовлетворительны безъ грамотности“ (стр. 5); по этому же поводу онъ приводитъ слова Александра Хыждеу, смотрителя училища въ бессарабскомъ

---

[1]) *А. И. Яцимирскій*, Древности слав. Комм., т. II, 2, стр. 86. Ср. поздній терминъ „іерокириксъ“—проповѣдникъ.

[2]) Сборникъ Нямецкаго монастыря 1438 года, № 106.

Хотинѣ, сказанныя во время экзамена въ 1837 году, будто Александръ Добрый, получивъ корону отъ Андроника Палеолога, основалъ въ Сочавѣ юридическую коллегію (sic) по образцу цареградской, гдѣ изучались привезенныя изъ Византіи „Правила“, называемыя Vasilicale, а также греко-латино-славянскую школу для клира, гдѣ митр. Ѳеокритъ (?) лично истолковывалъ ученіе православной церкви. Мелхиседекъ сожалѣетъ, что покойный патріотъ не указываетъ источника (sic) для этого мѣста своей рѣчи, и поправляетъ только имя митрополита: вм. Ѳеокритъ должно быть Ѳеоктистъ (стр. 5). Тоже повторяетъ Ксенополъ, Григоріу, Урекія[1]) и многіе другіе. Но это мнѣніе, льстящее національному самолюбію, стоитъ по своему значенію нисколько не выше аналогичнаго предположенія, будто Цамблакъ произноситъ свои проповѣди на румынскомъ языкѣ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Должность учителя-проповѣдника при великой церкви намъ хорошо извѣстна изъ нѣкоторыхъ памятниковъ переводной византійской литературы. Эта должность (διδάσκαλος; ср. раввуни, равви) явилась въ византійской церкви въ очень древнее время, приблизительно, при раздѣленіи служителей церкви на κλῆρος и λαός, причемъ выдѣлился особый классъ клириковъ и совершенно отдѣльная должность дидаскала. Въ нѣкоторыхъ записяхъ на рукописяхъ слово „дидаскалъ“ понимается, какъ синонимъ человѣка искусснаго, книжнаго, ученаго [2]). Что въ обязанность проповѣдника входило преподаваніе и полемика съ еретиками, видно хотя-бы изъ византій-

---

[1]) *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III, p. 122, vol. V, p. 225. *J. Grigoriu*, Iosif I Mușat, pp. 91—94; *V. A. Urechia*, Istoria literaturei, p. 63. *П. Сырку* допускаетъ, что Александръ „могъ заводить и даже заводилъ школы“ (стр. 115). Въ другой своей монографіи Мелхиседекъ говоритъ о „епископскихъ школахъ“, Chronica Romanului, vol. II, p. 32. О старыхъ школахъ въ Молдавіи см. *A. D. Xenopol*, op. cit. vol. V, p. 59, vol. VI, p. 258, *Melchisedec*, Notițe istorice și archeologice, p. 255 и др.

[2]) Напримѣръ, „аще не даскалскы, яко же бѣ дльжно“. *Sava Chilandarek*, Rukopisi, str. 62. Псалтырь № 245, 1614 года. У южныхъ славянъ и румынъ *даскалъ*—грамотѣй, дьякъ, грамматикъ, учитель.

ской практики XIV вѣка. Извѣстный Варлаамъ, врагъ исихіи, поставленный настоятелемъ Пантократорова константинопольскаго монастыря, долженъ былъ преподавать богословіе, объяснять трактаты Діонисія Ареопагита и доказывать ложность латинскаго ученія. Возможно, что этимъ же объясняются тѣ мѣста въ проповѣдяхъ нашего Цамблака, гдѣ онъ вступаетъ въ полемику съ латинянами, варламитами и т. д. Е. Голубинскій думаетъ, что лицо, занимавшее должность пресвитера великой церкви, было чиновникомъ (клирошаниномъ) при молдавскомъ митрополитѣ [1]), но для такого толкованія у насъ пока нѣтъ никакихъ данныхъ.

Во всякомъ случаѣ важно то, что въ этомъ надписаніи Житія Іоанна Бѣлградскаго (1402 г.) мы впервые встрѣчаемся съ терминомъ „великая церковь молдовлахійская". Мы склонны поставить это въ связь съ признаніемъ извѣстной самостоятельности молдавской церкви со стороны патріарха, и Цамблакъ, хорошо знакомый съ санами великой вселенской церкви [2]), не преминулъ присвоить себѣ подобный титулъ и внести его въ заглавіе составленнаго имъ черезъ годъ Житія. Изъ византійской переводной литературы мы знаемъ многихъ писателей, принадлежавшихъ по должности къ великой церкви, напримѣръ: Никифоръ іерей великой церкви Цареградской, нарицаемой Божьей Премудрости — авторъ Житія Андрея Юродиваго; Пандолей пресвитеръ великой церкви византійской—авторъ Слова на Воздвиженіе; Тимоѳей пресвитеръ великой церкви константинопольской или Влахернской—авторъ извѣстныхъ „Правилъ", „Посланія", и т. д.

Долго-ли продолжалось служеніе Цамблака при великой церкви въ Сочавѣ, мы не знаемъ. Но судя по тому, что изъ всѣхъ его произведеній такъ надписывается только одно, можно думать, что очень скоро онъ назначенъ былъ игуменомъ

---

[1]) Исторія русской церкви, т. II, 2, стр. 375.

[2]) Напр., статья въ Сборникѣ Троице-Серг. лавры XV—XVI в., № 765, лл. 4 об.—5, Описаніе, III, 175; Моск. Духовн. Академіи, стр. 90 и др.

Нямецкаго монастыря. Такимъ образомъ, изъ дѣятельности его за это время мы знаемъ только фактъ перенесенія мощей Іоанна, въ которомъ Цамблакъ принималъ, по всей вѣроятности, ближайшее участіе. Если это перенесеніе не носило случайнаго характера, то и его можно поставить въ связь съ признаніемъ со стороны патріарха относительной независимости молдавской церкви и наименованіемъ ея „великой“, что было, несомнѣнно, дѣломъ Григорія. Перенесеніе мощей мученика, пострадавшаго на молдавской территоріи, объявленнаго патрономъ молдавской державы и положеннаго въ великой церкви столицы,—всѣ эти факты, имѣвшіе мѣсто въ первые годы XV вѣка, можно сопоставить съ подобными же фактами изъ исторіи бдинской епархіи. Послѣ отдѣленія ея отъ Константинопольской, черезъ годъ послѣ паденія Тырнова Срацимиръ отправляетъ въ бывшую столицу восточной Болгаріи посольство, которое перенесло въ Бдинъ мощи преп. Филоѳеи и царицы Ѳеофаны. Присутствіе ихъ въ полусамостоятельномъ царствѣ придавало извѣстный вѣсъ послѣднему въ глазахъ православнаго міра. Такое же значеніе имѣло перенесеніе мощей преп. Параскевы въ Бѣлградъ въ самомъ концѣ того же XIV вѣка.

Книжнаго же происхожденія оказывается и названіе Нямецкаго монастыря, въ которомъ Григорій сталъ игуменомъ приблизительно съ 1403 года. Съ названіемъ „Пантократоровой“, обитель Нямецкая встрѣчается исключительно въ памятникахъ литературныхъ—въ заглавіяхъ поученій, посланіяхъ, письмахъ и т. д.; въ актахъ юридическихъ она ни разу не называется этимъ греческимъ именемъ. Интересно также, что въ нѣкоторыхъ записяхъ на рукописяхъ, имѣющихъ такое же дѣловое значеніе, рядомъ съ названіемъ „Пантократорова“ находимъ объясненіе: „яже именуется Нямецъ“. Самое древнее упоминаніе этого книжнаго названія Нямецкаго монастыря относится ко времени правленія Цамблака, т. е. къ самому началу XV вѣка. Всѣ его поученія, написанныя, какъ мы

думаемъ, въ 1403—1406 годахъ, надписываются такъ: „Григоріа мниха и презвитера, игоумена шбитѣли Пандократwровы“.

Изъ другихъ православныхъ монастырей, носящихъ такое-же названіе, намъ извѣстны слѣдующіе: 1) Пантократоровъ Константинопольскій во имя Премудрости Божіей, 2) Пантократоровъ Аѳонскій съ храмомъ Преображенія, 3) Пантократоровъ монастырь на островѣ Лемносѣ [1]), 4) Пантократоровъ Дечанскій Вознесенскій въ Старой Сербіи (1335 г.), 5) Соловецкій монастырь называется Пантократоровой обителью, „яже есть во отоцѣ Окіяна, глаголемомъ Соловки“, въ заглавіяхъ нѣкоторыхъ полемическихъ посланій XVII в., 6) Пантократоровъ монастырь близъ Ботошанъ въ сѣверной Молдавіи (XVI вѣкъ) и 7) Нямецкій въ Молдавіи [2]). Что ни въ одномъ изъ перечисленныхъ монастырей, за исключеніемъ послѣдняго, Цамблакъ не могъ быть игуменомъ, показываетъ хотя-бы то, что въ заглавіи Житія Іоанна Новаго Пантократорова обитель соединена съ Сочавой, напримѣръ, въ Сборникѣ XVI вѣка Академіи Наукъ: списа же сѧ Григоріемъ мнихомъ, игоуменомъ шбитѣли Пантократоровы и презвитеромъ въ великой црькви Молдовлахіискои [3]).

Но такъ-какъ въ послѣднее время высказаны были сомнѣнія въ томъ, можно-ли подъ Пантократоровымъ монастыремъ понимать только Нямецкій,—скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ названіи. II. Соколовъ, совершенно не знакомый съ рукописями, не согласенъ съ преосв. Мелхиседекомъ по данному вопросу и категорически заявляетъ, „что въ Нямецкомъ монастырѣ Цамблакъ никогда (?) не былъ; по крайней мѣрѣ, его пребыванія тамъ невозможно (?) доказать“ (стр. 40). То же самое повторяетъ и Е. Голубинскій; по его мнѣнію,

[1]) Acta Patriarchatus Constantinop., tom. I, p. 52.

[2]) Подробнѣе объ этихъ монастыряхъ см. въ Предисловіи къ нашему „Описанію слав. рукописей румынскихъ книгохранилищъ“, стр. 592.

[3]) Рукопись изъ нашего собранія, инв. кат. № 25, л. 66. Тоже въ Молдавской рукописи Базиліанскаго монастыря въ Сочавѣ, 1655 года, и многихъ русскихъ спискахъ XVI—XVII вв. (см. выше, стр. 105).

Нямецкій монастырь, основанный въ 1392 (sic) году, едва-ли могъ привлекать къ себѣ человѣка сторонняго [1]); слѣдовательно, Цамблакъ былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря. Другіе изслѣдователи также обращаютъ вниманіе на то, что Нямецкій монастырь „былъ тогда еще незначительной пустынью“, и дѣлаютъ выводъ о игуменствѣ въ немъ Цамблака послѣ (sic) удаленія его изъ Россіи, въ 1439—1452 годахъ (П. Сырку, стр. 145) и т. д. Изъ извѣстныхъ намъ многихъ случаевъ, гдѣ Нямецкій монастырь называется Пантократоровымъ, приведемъ слѣдующіе десять:

I. Запись 1512 года на Сборникѣ того же времени: монастирю Нѣмецкомꙋ, идѣже есть храмь Пантократоръ. *А. И. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 91.

II. Заглавіе похв. Слова Іоанну Новому, написаннаго въ 1534 году: Ѳеодосїа мниха и презвитера, игоумена ѡбитѣли Пантократорови. Тамъ-же, стр. 64—65, 71.

III. Письмо того же игумена Ѳеодосія къ романскому митр. Макарію: смѣреніи їеромонахъ Ѳеѡдосїе игꙋмень и вьсь съборъ ѿ свѧтѣи монастирь Пандократѡровь. *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. V, кн. IV, стр. 1238—1239.

IV. Письмо половины XVI в. игумена быстрическаго Пахомія къ нямецкому игумену Григорію: ѡтьцꙋ нашемꙋ игꙋменꙋ Григоріе и весь съборь ѿ свѧтаа монастирь, нарикаеми Нѣмецкіи, идеже есть храмь нарикаемь Пандѡкраторь. Тамъ же. т. IV, кн. II, стр. 434.

V. Запись на Псалтыри 1579 года: дадоухь ю въ монастирь Нѣмечьскомꙋ, идеже есть храмь ѡбытѣли Пандѡкраторь. *Древности. Труды Слав. Комм. Моск. Археол. Общества*, т. II, 2, стр. 28—29.

VI. Запись начала XVII вѣка на Псалтыри XVI вѣка: сїи рекомїи ѱалтырь ѿ монастира нѣмецкои, идѣже есть храмь Пандѡкраторь. Тамъ же, стр. 83.

VII. Письмо конца первой половины XVI вѣка. архіеп.

[1]) Исторія русской церкви, т. II, 2, стр. 376.

радовскаго Θеодосія къ игумену нямецкому: късемꙋ съборꙋ прѣбывающего въ свѧтѣи wбытѣли Пандократорова, иже въ Нѣмецкомъ богохранимомь монастири. *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. V, кн. IV, стр. 1241.

VIII. Судная грамота 1642 — 1645 гг. сочавскаго митр. Варлаама, въ которой идетъ дѣло о Нямецкомъ и Драгомирнскомъ монастыряхъ: монастирь Пантwкраторовь. *Melchisedec*, Chronica Romanului, I, p. 259.

IX. Запись начала второй половины XVII вѣка: игꙋменъ свѧтый великїи монастирь Пантwкраторwвъ, еже именꙋетсѧ Нѧмацъ. *Древности. Труды Слав. Комм. Моск. Археол. Общества*, т. IV, 2, стр. 86.

X. Заглавіе Помянника Нямецкаго монастыря, названнаго Пантократоровымъ. Рукопись Ново-Нямецкаго мон-ря въ Бессарабіи, № 39 и др.

Такимъ образомъ, едва-ли можно теперь сомнѣваться, что всѣ произведенія „Григорія мниха, пресвитера и игумена Пантократоровой обители“ были написаны дѣйствительно въ Нямецкомъ монастырѣ. Что же касается обычнаго названія, Нямецъ (Neamțul), то оно ведетъ свое происхожденіе отъ названія ручья, какъ и большинство молдавскихъ и валашскихъ монастырей: Молдовица, Быстрица, Доброведъ, Путна, Тазлъу, Византя, Секулъ-„Сухой потокъ“, Рышка, Віерушъ, Топольница, Тисмана, Черника, Ворона и т. д. [1]). Поэтому въ актахъ и записяхъ обычны такія согласованія, какъ монастырь ѿ Поутна, ѿ Тазлова, ѿ Визꙋцъ, ѿ Секоулъ, ѿ Ръшка и т. д., являющіяся буквальнымъ переводомъ румынскихъ mănăstirea de la Putna, de la Tazlău, de la Visăuți и т. д. Въ свою очередь, названіе „Нямцулъ“ ручей получилъ отъ Нямецкой крѣ-

[1]) Notițe istorice și archeologice pp. 92, 103, 111, 150; *C. Bilciurescu*. Monastirile și bisericile, Bucur., 95 и др.

пости, построенной тевтонскими рыцарями въ концѣ XII или началѣ XIII в. [1]): румынское neamțul—„нѣмецъ“.

О Нямецкомъ монастырѣ времени перваго пребыванія въ немъ Цамблака мы знаемъ очень немногое, такъ какъ оно относится почти ко времени возникновенія самого монастыря, тоже до сихъ поръ не установленному. Правда, если обратиться къ любой популярной исторіи монастыря, напримѣръ, написанной нямецкими монахами, то начало его отнесено безъ колебаній къ концу XIV в., точнѣе, къ 1392 году [2]). Если же вѣрить мѣстному преданію, записанному только въ срединѣ XIX в., то въ этомъ году въ Молдавію явились три монаха „съ востока“ и основали монастырь у подножья Карпатъ, на берегу небольшого горнаго потока, неподалеку отъ крѣпости и города съ тѣмъ же названіемъ. Вѣроятно, уже подъ книжнымъ вліяніемъ къ этому разсказу сдѣлана прибавка, будто первые основатели были іеромонахи и явились изъ Болгаріи. У новаго монастыря —продолжаетъ преданіе, введенное въ заблужденіе нѣсколькими сомнительными грамотами,—явились покровители въ лицѣ господаря Стефана I Мушата и перваго митрополита Іосифа.

Позднѣйшіе историки прибавляютъ, что три болгарскіе іеромонаха и были первыми игуменами монастыря. Въ книгѣ архим. Андроника, Історїѧ сфіітелѡр монастирй Нѣамцꙋл ши Секꙋл,

---

1) *Locotenent J. J. Anastasiu*, Cetatea Neamț. Batalia de la Branițte, Galați. 1893.

2) Напр. у *іером. Андроника* въ его „Исторіи святыхъ монастырей Нямца и Секу“, на румынскомъ языкѣ, напечатанной въ 1857 году въ типографіи Нямецкаго монастыря, стр. 1; у него же въ большой рукописной „Исторіи“ на румынскомъ языкѣ (Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, т. I, л. 22); *A. D. Xenopol*, Istoria românilor., vol. II, p. 245, vol. III, p. 185; *Л. Милетичъ и Д. Агура*, Дако-ромънитѣ и т. д. *Сборникъ за народни умотворения* и т. д. кн. IX, стр. 269; *Revista p. istorie, archeologie* etc., an. II, vol. I, p. 41; *C. Bilciurescu*, Monastirile și bisericile din România, p. 168; Dicționar geografic al. jud. Neamțu de *C. D. Gheorgiu*, p. 269; Calendar p. anul de la Hristos 1863, p. 76; Monumenti naționali etc. vol. I, p. 80—92 и мн. др.

адȣнат ѫ скȣрт, изданной въ 1857 году въ типографіи Нямецкаго монастыря, и каталогѣ игуменовъ Скȣртъ історіе пентрȣ игȣменій шіи старецій, напечанной въ 1858 году,—первымъ игуменомъ называется Софроній, и время его управленія монастыремъ датировано однимъ (sic) только 1392 годомъ. Въ сентябрѣ 1393 года упоминается уже второй по порядку игуменъ, старецъ Пименъ [2]. Замѣтимъ также, что терминъ „старецъ“ выдаетъ свое позднѣйшее, не ранѣе XVIII вѣка, происхожденіе, когда въ Нямецкомъ монастырѣ введенъ былъ киновіальный аѳонскій уставъ знаменитымъ и первымъ по времени „старцемъ“ Паисіемъ Величковскимъ († 1794 г.) [3]. Только съ этого времени и по нынѣшнее всѣ игумены монастыря дѣйствительно называются старцами. Тотъ же игуменъ Пименъ, по словамъ Андроника, упоминается въ дарственной грамотѣ на владѣніе тремя помѣстьями, пожертвованными монастырю господаремъ Стефаномъ въ 1397 году, и въ надписи на колоколѣ, сдѣланномъ тѣмъ же правителемъ въ 1392 году. Слѣдующій, третій игуменъ, по имени Силуанъ, правилъ во время вторичнаго пребыванія Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ, а потому разсужденія о времени его правленія не входятъ въ нашу ближайшую задачу.

Разсмотримъ степень достовѣрности этихъ трехъ данныхъ, выставляемыхъ архим. Андроникомъ. Намъ не трудно будетъ убѣдиться, что всѣ свидѣтельства, касающіяся Нямецкаго монастыря и пріуроченныя къ послѣднимъ годамъ XIV вѣка, настолько сомнительны, что едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если отнесемъ оффиціальное основаніе Нямецкаго Пантократорова монастыря къ самому началу XV вѣка и свяжемъ это событіе съ пребываніемъ въ странѣ Цамблака. Теперь же

---

[2]) Подробнѣе въ нашемъ Предисловіи къ „Описанію славянскихъ рукописей румынскихъ книгохранилищъ“, стр. 515—550.

[3]) Если въ Быстричскомъ Помянникѣ XV вѣка Цамблакъ и называется *старцемъ*, то это объясняется тѣмъ, что онъ принялъ *схиму* съ именемъ Гавріила. Рукопись Румынской Академіи № 79, л. 5.

постараемся выяснить вѣроятное происхожденіе загадочной даты основанія монастыря—1392 годъ.

Мы думаемъ, что она основана на одной фразѣ „сборной“ записи XVII вѣка, сохранившейся на средне-болгарскомъ Сборникѣ Академіи Наукъ (изъ нашего собранія, № 17), переписанномъ въ Ловчѣ въ 1337—1355 годахъ. Въ одной студенческой работѣ, написанной въ 1896 году [1]), мы указывали на то, что дата этой фразы—„и приведена бысть зде въ лѣто ѕц“, т. е. 1392 годъ — въ извѣстной степени оправдывается преданіями объ основаніи Нямецкаго монастыря въ этомъ именно году, когда болгарскіе монахи могли „принести“ съ собой въ Молдавію ловчанскую рукопись. Но теперь мы убѣдились, что дѣло произошло какъ разъ наоборотъ, и румынскіе книжники XIX вѣка, считая 1392 годъ самымъ старымъ свидѣтельствомъ въ исторіи своего монастыря, приняли его за годъ основанія Нямца. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы смотримъ на происхожденіе всей „сборной“ записи слѣдующимъ образомъ:

I. На послѣднемъ листѣ Сборника читалась запись писца Пахомія. 1337 — 1355 гг. При „поновленіи“ рукописи въ 1634 г. какой-то монахъ Нямецкаго монастыря переписалъ эту запись, причемъ многое измѣнилъ подъ вліяніемъ румынскаго синтаксиса, нѣкоторыхъ историко-бытовыхъ данныхъ и плохо читаемыхъ терминовъ. Поэтому старая запись приняла слѣдующій видъ: Сїа книга написа же сѧ рѫкоѫ многогрѣшнѣго монаха Пахомїа въ богомспасаемаго Ловчѣ града при архїепископѣ куръ Симеонѣ и при благочестивѣмь деспотѣ Але(к)санд(р)а и при сынѣ его Михаилѣ Асѣнѣ. Эту неточную копію скорѣе можно назвать передачей содержанія, пересказомъ подлинной записи Пахомія на рукописи 1337—1355 гг.; послѣдніе термины даетъ намъ

[1]) Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 143—146. П. Сырку, не зная нашей работы и познакомившись съ записью по „Отчету“ К. Радченка, называетъ ее „довольно курьезной припиской“. Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 420.

время жизни соправителя Іоанна Александра, Михаила Асѣня [2]), и отчасти ловчанскаго митр. Симеона II [3]). О значеніи этихъ датъ, странномъ на первый взглядъ титулѣ „деспотъ" и другихъ соображеніяхъ нами было сказано въ той же работѣ [4]).

II. На томъ же или на другомъ листѣ Сборника читалась запись о принесеніи рукописи въ Молдавію, скорѣе, въ Нямецкій монастырь въ 14** году. Но такъ какъ цифры десятковъ и единицъ нельзя было прочесть, то переписчикъ записи оставилъ ихъ недописанными и получилась дата ҂ЗЦ (6900—1392 годъ). Обѣ эти записи въ копіи 1634 года были соединены въ одну, листокъ съ оригиналами ихъ уничтоженъ (конца Сборника недостаетъ) и ко всей этой копіи прибавлена послѣдняя, краткая

III. запись 1634 года о „поновленіи" Сборника бывшимъ еписк. романскимъ Павломъ, при архіепископѣ Пахоміи.

Первая составная часть записи не представляетъ для насъ никакихъ затрудненій тѣмъ болѣе, что она имѣетъ отда-

---

[2]) Время жизни Михаила даетъ намъ указанныя даты, происхожденіе которыхъ также непонятны для *П. Сырку*, (тамъ же, стр. 491—492). Какъ извѣстно, соправителемъ отца Михаилъ сдѣлался до 1337 года (*К. Иречекъ*, стр. 419) или послѣ 1338-го (*К. Радченко*, Религіозное и литерат. движеніе, стр. 9), и умеръ, по всей вѣроятности, до 1355 г., такъ какъ на соборѣ этого года имя его не упоминается (*Иречекъ*, 420—422); къ тому же году относится возвращеніе въ Византію вдовы Михаила—Ирины (*К. Радченко*, стр. 17). На основаніи ватиканской рукописи, *П. Сырку* думаетъ, что Михаилъ былъ еще живъ (?) въ 1360 году, Время и жизнь, стр. 425.

[3]) Къ этому же приблизительно времени должно относиться и время правленія митр. ловчанскаго Симеона. Въ Синодикѣ царя Бориса читаемъ: „сїи митрополїте ловечьстїи: Логгїнъ, Мелетїе, Кїпрїанъ, Сумеонъ и дроугыи Сумеѡнъ". *Извѣстія русск. Археол. института въ Константинополѣ*, т. II, стр. 76. Но такъ какъ на соборѣ 1355 года присутствовалъ Пареенiй, слѣдующій въ тѣхъ же спискахъ за Симеономъ (*Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 99), то запись на Сборникѣ слѣдуетъ относить ко времени раньше указаннаго года.

[4]) Прибавимъ заглавія въ одной Нямецкой рукописи XVI—XVII вв. Молдавскаго происхожденія, гдѣ господарь называется „деспотомъ" № 46 — 103). Въ румынскихъ печатныхъ книгахъ сибійскихъ типо-

ленное отношеніе къ исторіи Нямецкаго монастыря. О третьей части скажемъ немного дальше, а главное вниманіе обратимъ на вторую часть. Мы увѣрены, что эта именно запись была извѣстна первымъ историкамъ монастыря, а слова „приведена бысть зде въ лѣто 7900“ послужили для нихъ исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи времени основанія Нямца. Они знали, что въ концѣ XIV вѣка пала восточная Болгарія, что многіе монахи покинули ее и ушли за Дунай, взявъ съ собой, конечно, рукописи, вещи и т. д. Одной изъ такихъ рукописей, по ихъ представленію, и могъ быть Ловчанскій Сборникъ. Все это вполнѣ правдоподобно, но, кромѣ несовпаденія даты записи съ годомъ паденія Тырнова, препятствіемъ является слѣдующее палеографическое наблюденіе.

Къ датамъ съ ровнымъ числомъ сотенъ и отсутствіемъ цифръ десятковъ и единицъ въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ во многихъ изъ нихъ послѣднія цифры могутъ быть просто недописанными. Если мы возьмемъ списокъ датированныхъ рукописей, то увидимъ, что къ 1392, 1492, 1592 и 1692 годамъ относятся десятки рукописей; въ то время какъ сосѣдніе по хронологическому порядку года иногда остаются совсѣмъ безъ рукописей; напримѣръ, къ 1392 году относятся слѣдующія записи:

1. Евангеліе гр. А. С. Уварова № 56, на самомъ дѣлѣ второй половины XV вѣка [1]).

2. Евангеліе ризницы Троице-Сергіевой лавры, № 4. Судя по индикту (13), должно относиться къ 1390 или 1405 году.

3. Слова Григорія Богослова Архіер. дома въ Ярославлѣ.

4. Приписка XVIII вѣка на Микулиномъ Евангеліи Академіи Наукъ средины XIV вѣка: „писано сіе святое евангеліе... лѣта отъ Адама 6900“ (л. 1 об.).

графій XIX вѣка заглавія тѣхъ же молитвъ измѣнены, причемъ вмѣсто „деспота“ всюду находимъ „императора“ или „*домна*“. *П. Сырку*, Литургическіе труды патр. Евѳимія, стр. XXXVI—XXXVII.

[1]) *Н. Лихачевъ*, Палеографич. значеніе и т. д. ч. I, стр. CXLVII, 190.

5. Сборникъ, переписанный въ Константинополѣ по благословенію Аѳанасія Высотскаго, также съ поздней записью-копіей. *Д. К. Треневъ*, Серпуховской монастырь. М. 1902. стр. 28.

6. Дата кончины преп. Сергія Радонежскаго въ нѣкоторыхъ спискахъ Житія, гдѣ вмѣсто въ лѣто ҂ѕѰе читается въ лѣто ҂ѕѰ-е.

7. Грамота вел. кн. Василія Дмитровича митр. Кипріану на вотчинныя владѣнія, отъ 28 іюня 6900 года (на самомъ дѣлѣ 1404 года, такъ какъ индиктъ—12).

8. Извѣстіе какой-то румынской хроники о переселеніи болгаръ въ Трансильванію въ 6900 году: „Извѣщеніе, съ какого времени пришли болгаре въ Брашовъ и по какой причинѣ, и какъ поселились около него въ городѣ, называемомъ Болгарсегіу, т. е. уголъ болгаръ (Ѹнгѹл болгарилор) въ 1392 году“. Румынскій текстъ изданъ неисправно у *Л. Милетича*, Нови влахобългарски грамоти отъ Брашовъ, *Сборникъ за народни умотворения* и т. д., кн. XIII, стр. 5 оттиска.

9. Извѣстіе объ основаніи Нямецкаго монастыря.

Приводя эти факты, мы не имѣемъ ввиду, конечно, что всѣ такія даты должны быть сомнительны. Но съ другой стороны, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующія наблюденія, сдѣланныя нами надъ изданными Л. Стояновичемъ сербскими записями и надписями. Какимъ образомъ можно объяснить, напримѣръ, что къ 1490 году относится всего одна запись (№ 364), къ 1491—тоже одна (№ 370), къ 1493—двѣ (№ 379 и 381), къ 1494—двѣ (№ 332), къ 1495—опять двѣ (№ 383 и 385), въ тоже время къ 1492 году—цѣлыхъ восемь записей (№№ 367, 371, 372, 373, 374, 375, 376 и 377)? Число записей соотвѣтствующихъ годовъ слѣдующаго столѣтія, конечно, увеличивается, но и здѣсь мы находимъ такую же приблизительно пропорцію. Къ 1591 году относится шесть записей (№№ 815—820), къ 1593—девять (№№ 846, 847, 848, 850, 852, 853, 854, 855 и 856), къ

1594—пять (№№ 857, 858, 862, 863 и 864), въ тоже время 1592 годомъ датирована двадцать одна запись (№№ 821, 822, 823, 824, 826, 827, 828, 830, 831, 832, 833, 834, 836—841, 842, 843 и 844). То же приблизительно можно сказать и о записяхъ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка (стр. 456—461); если здѣсь процентное отношеніе не такъ велико, какъ въ двухъ предыдущихъ столѣтіяхъ, то это только кажущаяся разница. Дѣло въ томъ, что къ этому времени очень многія, если не всѣ почти даты пишутся не только славянскими буквами, но и арабскими цифрами; кромѣ того, счисленіе ведется уже не отъ сотворенія міра, а отъ Р. Хр. т. е. „отъ новой благодати“: напр. изъ записей, датированныхъ 1692 годомъ, тринадцать имѣютъ по двѣ даты (№№ 1954, 1956?, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1963, 1964, 1965, 1967, 1968, 1973) и только пять обозначены однимъ годомъ отъ сотворенія міра (№№ 1953, 1962, 1966, 1969 и 1975).

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ записей XV (sic) вѣка, изъ которыхъ было-бы видно, что цифры сотенъ, десятковъ и единицъ не дописаны:

1. Запись на Евангеліи XVI вѣка Національн. Музея въ Букурештѣ, № 1142: сїи тетроеѵангель кѹпиль Дорииь питарь за к҃ златх и даде его (вх мольбѫ) себѣ и сxпрѫжници своеи и родителеи своихь, вх дьни Алеѯандра воеводи вх лѣто ҃з. Преосв. Мелхиседекъ относитъ запись къ 1492 (sic) году. Но для того, чтобы примирить странную дату съ историческими событіями того времени, онъ дѣлаетъ такое предположеніе: „Въ 1492 году господаремъ въ Молдавіи былъ Стефанъ Великій. Александръ же воевода, упоминаемый здѣсь какъ самостоятельный правитель, это—Александръ, старшій сынъ Стефана; повидимому, отецъ предоставилъ ему какія-то господарскія полномочія въ той части страны, которая граничитъ съ Венгріей. Вотъ почему мы находимъ въ Бакеу церковь, имъ основанную; похороненъ онъ въ Быстричскомъ монастырѣ“. Notițe istorice și archeologice etc., pp. 71—72). Въ тоже время, упо

минаемый въ запискѣ господарь молдавскій Александръ — извѣстный Лопушняну, правившій въ 1552—1561 и 1563—1568 гг. *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. VI.

2. Запись на Толковомъ Апостолѣ Кіево-Печерской лавры, писанномъ въ Витебскѣ дьякомъ Симеономъ въ 7000 году. Проф. Н. И. Петровъ думаетъ, что писецъ опустилъ сотни, десятки и единицы. *Археологическія Извѣстія и Замѣтки*, 1893, № 9—10, стр. 373.

3. Запись игумена Игнатья XVI — XVII вѣка на Сборникѣ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки № 53 (1130): книга Кирілова монастыря с сьбωрніка писана лѣта ҂з, другая запись карандашомъ: „1492 года"; на той же рукописи есть достовѣрная дата зцоа т. е. 1463 года. *Н. Никольскій*, Описаніе рукописей, составленное въ концѣ XV вѣка, стр. 279.

4. Замѣтка о кончинѣ св. Іоанна Новаго—въ Святцахъ XVII вѣка Національнаго Музея въ Букурештѣ, № 1170: Іωаннъ же родомъ ѿ града Трапезонта... пострада же в̾ Бѣлѣ градѣ въ лѣто ҂з (л. 244). Въ то же время дата смерти трапезундскаго мученика извѣстна довольно точно.

5. Запись на Словахъ Ефрема Сирина Публ. Библіотеки — копія съ записи XIII вѣка. Выраженія „въ лѣто семое тысящи" и т. д. употреблены въ переносномъ значеніи, и рукопись нельзя относить къ 1492 году.

Возвращаясь къ нашей записи на Ловчанскомъ Сборникѣ, мы можемъ представить дѣло такъ: писецъ-румынъ, переписывая первоначальныя записи въ свою замѣтку о „поновленіи" книги въ 1634 году, могъ внести въ свою копію только первыя цифры всей даты—҂зц. Является еще одинъ вопросъ: можемъ ли мы представить опущенныя книжникомъ XVII вѣка цифры? — Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы подробно остановимся на извѣстіи молдавскихъ лѣтописей о поѣздкѣ Цамблака въ 1432 году въ Охридъ, откуда были вывезены въ Молдавію священники и славянскія книги всего церковнаго круга. Если мы сопоставимъ это извѣстіе съ

интересующей насъ фразой записи на средне-болгарскомъ Сборникѣ, то можемъ предположить, что послѣднiй былъ привезенъ Цамблакомъ, жившимъ въ Нямецкомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ другими рукописями, въ Молдавiю. При этомъ условiи, дата „принесенiя“ была ҂ѕцм, т. е. пропущена одна только цифра.

Другое указанiе на время основанiя монастыря, въ данномъ случаѣ нѣсколько косвенное, могла дать запись на колоколѣ, будто-бы вылитомъ въ томъ же 1392 году. Въ своемъ первоначальномъ видѣ надпись эта до насъ не дошла, потому что во время памятнаго монастырскаго пожара въ 1862 году, когда погибла вся почти библiотека, колоколъ этотъ расплавился; черезъ четыре года монахи отлили новый колоколъ, воспользовавшись слитками отъ древняго и воспроизведя первоначальную надпись на основанiи тѣхъ замѣтокъ, которыя сдѣлалъ для себя архим. Андроникъ, собирая матерьялы для исторiи монастыря. Эта же реставрированная надпись попала въ историческiй трудъ неутомимаго аскета, оставшiйся въ рукописи на румынскомъ языкѣ.

Приведемъ эту надпись по упомянутой рукописи Андроника: изволенiемь ѿца, и съпоспѣшенiемь сына, и съвръшенiемъ свѧтаго доуха. Iѡана Стефана воевода, божiею милостiю господарь земли молдавской, сынъ Богдана воевода, сътвори сiй звонь монастiрю Немецкомѹ, идеже есть храмь славнаго Вьзнесенiѧ господа бога и спаса нашего iсѹсь христа, при игѹменѣ курь попѹ Пiмень въ лѣто ҂ѕца. мѣсѧца сентерiѧ (sic) а҃ [1]).

Мы рѣшаемся усомниться въ подлинности этой надписи. Во первыхъ, языкъ ея, всѣ формулы, обилiе надстрочныхъ знаковъ, бывшихъ будто и въ оригиналѣ, и т. д. не допускаютъ, чтобы она могла принадлежать концу XIV вѣка. Уже на первый взглядъ она производитъ впечатлѣнiе типичной славяно-молдавской надписи XV—XVI вв. Припомнимъ кстати, что такiя же стереотипныя формулы, типичный языкъ и отго-

---

[1]) Андроникъ прибавляетъ: „отсюда (?) видно, что игуменъ Пименъ былъ болгаринъ“, л. 29.

лоски палеографическихъ особенностей утраченнаго (?) подлинника послужили исходнымъ пунктомъ для обвиненія въ подложности другого древняго памятника молдавской исторіи, грамоты бырладниковъ, что вполнѣ основательно доказано проф. I. Bogdan'омъ. Мы думаемъ, что колоколъ вмѣстѣ съ надписью принадлежатъ времени другого молдавскаго господаря съ тѣмъ же именемъ, а именно, строителя главнаго храма Нямецкаго монастыря, Стефана V Великаго (1456—1504), пожертвовавшаго монастырю цѣлый рядъ церковныхъ вещей, рукописей, угодій, рабовъ-татаръ и цыганъ и т. д.

Дѣло въ томъ, что въ надписи онъ называетъ себя „сыномъ Богдана", въ то время какъ хорошо извѣстно, что отцомъ Стефана I былъ Костя изъ валашской фамиліи Мушатовъ; его сыновья правили Молдавіей въ слѣдующіе годы: Петръ 1375—1391, Романъ 1391—1394, Стефанъ I съ сыновьями 1395—1399 [1]). Въ XIV вѣкѣ съ именемъ Богдана извѣстенъ только основатель Молдавіи, господарь Богданъ I (1348—1365), который никоимъ образомъ однако не могъ приходиться отцомъ Стефану I. Въ тоже время Стефанъ Великій во всѣхъ многочисленныхъ записяхъ, надписяхъ, грамотахъ и т. д. всегда именуется сыномъ Богдана (по счету II, 1449—1451, сына Александра Добраго). Вотъ почему колоколъ Нямецкаго монастыря слѣдуетъ отнести скорѣе къ концу XV, а не XIV вѣка.

Что же касается даты 1392 года, то какъ увидимъ дальше, по какимъ-то неизвѣстнымъ побужденіямъ нямецкими монахами были поддѣланы даты на цѣломъ рядѣ дарственныхъ грамотъ, и что всего интереснѣе, какъ разъ вмѣсто послѣднихъ лѣтъ XV вѣка всюду проставлены соотвѣтствующіе годы на цѣлое столѣтіе старше. Кромѣ того, 1392 годъ

---

1) Впрочемъ эти даты настолько предположительны, что принимать ихъ за достовѣрныя положительно невозможно *A. D. Xenopol,* Istoria românilor etc., vol. III, pp. 107—111. Ср. *J. Bogdan,* Cronicele moldovenesci, pp. 244—248; Chronice inedite, pp. 34—35 etc. *Gr. Tocilescu,* Manual de istoria romana, pp. 118—125.

не можетъ соотвѣтствовать правленію Стефана I (1395—1399), такъ какъ въ этомъ году правилъ Романъ I Мушатъ. Такимъ образомъ, надпись на колоколѣ можно скорѣе всего отнести къ 1493 году (лѣтоисчисленіе съ 1 января).

Третью группу свидѣтельствъ о существованіи Нямецкаго монастыря въ концѣ XIV вѣка составляютъ дарственныя грамоты какого-то Стефана воеводы на владѣніе монастыря разными помѣстьями. Архим. Андроникъ ссылается на одну изъ нихъ, датированную будто-бы 9-мъ мая 1397 года и касающуюся трехъ селъ, принадлежащихъ монастырю — Дворинещи, Бузаци и Фынтынеле. Но изъ содержанія ея уже видно, что господарь въ ней только подтверждаетъ „правое даяніе" своихъ предшественниковъ. Поэтому, если и принять дату документа, то самый фактъ даянія долженъ относиться къ болѣе раннему времени, что никоимъ уже образомъ невозможно. Во первыхъ, въ полной „Исторіи Нямецкаго монастыря" архим. Андроника говорится о принадлежности монастырю нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ помѣстій уже подъ 1446 и 1447 годами (л. 37 об.). Во вторыхъ, списокъ бояръ, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1397 года, окончательно обнаруживаетъ принадлежность ея скорѣе всего къ концу XV вѣка. Бояре эти очень хорошо извѣстны изъ цѣлаго ряда другихъ грамотъ того же Стефана V Великаго. Особенно сомнительно упоминаніе въ ней великаго логофета Іоанна Теута, извѣстнаго историческаго дѣятеля самаго начала XVI вѣка[1]. Поэтому и эту грамоту слѣдуетъ отнести къ тѣмъ поддѣльнымъ документамъ, которые въ половинѣ XVIII вѣка были представлены господарскому дивану игуменомъ Нямецкаго мона-

[1]) Въ 1501 году онъ заключаетъ миръ съ польскимъ королемъ Альбертомъ, въ 1504 ѣздитъ къ султану съ данью. Извѣстенъ также курьезный разсказъ, какъ султанъ угощалъ молдавскаго посла, и послѣдній не зналъ употребленія кофе. Умеръ онъ въ 1511 году *N. Balcescu*, „Ioan Tautul, mare logofet al Moldovei", Cartea de cetire, de *I. Manliu*, vol. I, pp. 135—137. Ср. *J. Sbiera*, Codicele Voronețan, p. 260; *J. Grigoriu*, Iosif I Mușat, p. 100 и др.

стыря Макаріемъ при судебномъ спорѣ съ сосѣднимъ Быстричскимъ монастыремъ и значились выданными Стефаномъ I Мушатомъ: отъ 17 января 1398 года, отъ 26 ноября 1399-го, третій безъ даты, но, по свидѣтельству румынскаго переводчика того времени, относится къ 14 марту 1397 года. Всѣ эти болѣе древнія, на цѣлое столѣтіе отдаленныя даты были подправлены нямецкими монахами въ спорѣ съ быстричскими монахами изъ-за соперничества [1]). Впрочемъ, самые документы вполнѣ достовѣрны, но должны быть отнесены къ соотвѣтствующимъ годамъ XV вѣка. Кромѣ того, и въ нихъ всюду Стефанъ называетъ себя сыномъ Богдана, что̀ также указываетъ на Стефана V, а не на Перваго.

Тѣмъ же желаніемъ доказать бо̀льшую древность Нямецкаго монастыря слѣдуетъ объяснить и очень позднее (sic) появленіе документа, оригиналъ котораго будто-бы находится въ собраніи преосв. Нарциса Крецулеску, живущаго въ настоящее время на покоѣ въ Нямецкомъ монастырѣ и занимающагося грандіозной работой по исторіи всѣхъ румынскихъ монастырей. I. Григоріу говоритъ, что это—небольшой клочекъ пергамента, очень плохой сохранности, на славянскомъ языкѣ, съ датой 15 августа 1326 года [2]). Въ немъ говорится о наймѣ нѣсколькихъ домовъ, принадлежащихъ монастырю Іоанна Богослова, подъ которымъ Нарцисъ видитъ Нямецкій монастырь. Дѣйствительно, церковь во имя Іоанна Богослова существуетъ и въ настоящее время, но, если доку-

---

[1]) Такого же происхожденія, по всей вѣроятности, и Помянникъ монастыря Пobраты или Проботы въ Молдавіи, основаніе котораго приписывается тому же Стефану I, въ 1398 или даже 1391 году. Пересказывая содержаніе этого Помянника по копіи 1823 года, Мелхиседекъ нисколько не сомнѣвается въ достовѣрности его показаній, Notițe istorice și archeologice, pp. 150—151.

[2]) По словамъ владѣльца, онъ пріобрѣлъ грамоту въ г. Нямцѣ отъ одного стараго солдата Саввы Антона Русу. Румынскій переводъ помѣщенъ въ книгѣ *J. Grigoriu*, Iosif I Mușat. București, 1898, pag. 99. Судя по переводу, документъ этотъ необыкновенно сомнительнаго происхожденія.

ментъ этотъ и не новѣйшаго происхожденія, то или дата прочитана невѣрно, или же идетъ рѣчь о какомъ-нибудь иномъ монастырѣ, но не о Нямецкомъ.

Подобныхъ попытокъ относить основаніе молдавскихъ монастырей къ болѣе древнему времени находимъ очень много. Этимъ занимались не только такіе ученые патріоты, какъ преосв. Нарцисъ, но и сами монахи тѣхъ же монастырей; въ XVII—XVIII вв. нѣсколько такихъ поддѣльныхъ и подправленныхъ грамотъ прошли судебныя инстанціи, и на основаніи ихъ монастыри пріобрѣтали помѣстья и привилегіи, отнятыя только въ половинѣ XIX вѣка. Такого же происхожденія оказываются всѣ древнѣйшіе документы Нямецкаго монастыря. Вотъ почему основаніе его слѣдуетъ относить къ началу XV вѣка, когда господаремъ Александромъ Добрымъ основаны были и другіе монастыри Молдавіи. Въ настоящее время намъ извѣстны слѣдующіе монастыри того же времени:

I. Молдовица, въ австрійской Буковинѣ, основанъ въ первый годъ княженія Александра, возобновленъ въ первой половинѣ XVI вѣка Петромъ Рарешомъ. Кромѣ свидѣтельства лѣтописи Урѣке, мы имѣемъ четыре дарственныя грамоты Молдавицѣ отъ ея основателя: 1402, 1409, 1410 и 1412 гг. *E. Picot et G. Rengesco*, Alexandre le Bon, pp. 55—56.

II. Быстрица, въ нямецкомъ округѣ, основанъ до 1407 года. Въ указанномъ году Быстрица была соединена съ Нямцомъ, заведенъ Помянникъ (рукопись Румынской Академіи № 79) и т. д. Славянская быстричская лѣтопись говоритъ о смерти Александра: и погребень бысть въ Бистрическіи монастирь, иже и създа самь. Вѣчнаа емꙋ памѧть. *I. Bogdan*, Cronice inedite, p. 35; здѣсь же похоронена первая жена его Анна въ 1417 году (надгробная надпись въ эстампажѣ Бухарешт. Націон. Музея № 78); возобновленъ въ половинѣ XVI вѣка. *Melchisedec*, Notițe istorice etc., pp. 59—65. Преосв. Нарцисъ указываетъ на грамоту 1380 (?) года, въ которой упоминается

игуменъ Быстричскаго монастыря Пафнутій (*J. Grigoriu*, Iosif I, Mușat, p. 98), но въ существованіе такого стараго документа трудно вѣрить.

III. Боиштя, неподалеку отъ г. Нямца, существовавшій въ самомъ началѣ XV вѣка, какъ видно изъ грамоты господаря Стефана I отъ 1446 года. Въ означенномъ году къ Нямецкому монастырю присоединяется монастырь Боиштя, „гдѣ была келія владыки Іосифа“. Владыка Іосифъ т. е. I Мушатъ, вѣроятно, жилъ въ ней на покоѣ послѣ оставленія каѳедры. Въ Помянникѣ этого монастыря, противъ имени Іосифа находимъ: „основатель монастырей Боишти, Быстрицы и Іоанна Богослова въ Нямцѣ“. *J. Grigoriu*, Iosif Mușat, p. 96.

IV. Кипріяны въ Бессарабіи, въ кишиневскомъ уѣздѣ, также существовавшій при Александрѣ Добромъ, который жалуетъ женѣ своей кнѧгини Марены монастирѧ на Вышнецѧ, гдѣ есть игꙋменъ Кипріанъ, со всѣмъ доходомъ [1]). Втеченіе всего XV вѣка этотъ монастырь находился во владѣніи лицъ господарской фамиліи. Мы имѣемъ дарственную грамоту отъ 7 мая 1470 года: тетка Стефана V Великаго, Княжна, даритъ Нямецкому Вознесенскому монастырю, гдѣ игуменомъ былъ попъ Силуанъ, Кипріяновскую пасѣку на рѣкѣ Ботнѣ, въ „задушіе“ покойныхъ родителей ея—Александра воеводы и жены его Марины. Неподалеку отъ Кипріяновскаго монастыря до сихъ поръ извѣстно мѣсто, называемое „пасѣкой отца Кипріана“ [2]). Наконецъ, къ тому же времени слѣдуетъ относить начало Пантократоровой обители.

V. Нямецкій монастырь, основанный въ самомъ началѣ XV вѣка, незадолго до 1403 года.

Такимъ образомъ, нельзя принять за достовѣрное ни одно изъ свидѣтельствъ румынскихъ историковъ о существованіи Нямецкаго монастыря въ XIV вѣкѣ. Вотъ почему мы склонны относить возникновеніе его къ самому началу XV вѣка, а

---

[1]) О господарынѣ Маринѣ см. выше, стр. 104.

[2]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, 96 г., III, 505—506.

оффиціальное появленіе его названія (Пантократорова обитель) связать съ пребываніемъ въ немъ Цамблака. Можно только допустить, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря Цамблакъ пашелъ какія-то келіи отдѣльныхъ монаховъ-пустынниковъ, поселившихся въ глухомъ лѣсу у подножія Карпатъ, на берегу Нямецкаго потока, давшаго названіе цитадели, построенной неподалеку отсюда крестоносцами въ XII — XIII вѣкѣ, и городку, также извѣстному только съ XV вѣка, наконецъ монастырю, впервые упомянутому въ документѣ 1407 года. Обычай селиться въ келіяхъ, пещерахъ, въ „пустыни“ вообще въ уединенной мѣстности, такъ хорошо извѣстный изъ многочисленныхъ патериковъ и житій первыхъ христіанскихъ анахоретовъ, практиковался и въ Молдавіи. Въ документахъ болѣе поздняго времени упоминаются построенныя въ лѣсу келіи, находившіяся по сосѣдству съ монастыремъ. Въ нихъ селились не только простые монахи и схимники, но и митрополиты, оставившіе каѳедру по старости или по другимъ причинамъ и удалившіеся на покой. Приведемъ нѣсколько извѣстныхъ намъ фактовъ: въ грамотѣ 1446 года упоминается находящійся возлѣ города Нямца монастырь Боиштя, „гдѣ была келія владыки Іосифа“, перваго митрополита сочавскаго († около 1416 г.); въ грамотѣ 1604 года, опредѣлявшей границы монастырей Агапіи и Секула въ чащѣ лѣса: „у боуръ (т. е. межевого камня) повыше келія Прохорова“, „повише попову поляну, гдѣ била келія Веніамина“, „пониже келія Киріяковы“; въ грамотѣ около того же времени, опредѣлявшей владѣнія монастырей Нямца и Секула: „отъ долу хижици Аѳанаси“, „до келіи Прохоровы, називаетсѣ Веніаминови“, „черезъ гору вище келіи Висаріонови близь келіи Стефану“, „даже до хотаръ (т. е. границы) келіеви Киріяковы до камень“ и др. [1]). Несомнѣнно,

[1]) *Melchisedec,* Chronica Romanului, I, pp. 229, 234, 247; Notiţe istorice şi archeologice, p. 138, 162. Существуетъ, между прочимъ, поэтическое преданіе о томъ, что въ раннемъ дѣтствѣ Стефанъ Великій, госпо-

въ началѣ XV вѣка такія же келіи существовали и на мѣстѣ Нямецкаго монастыря.

Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить также эпическое число монаховъ-основателей Нямца. Изъ исторіи многихъ монастырей православнаго востока мы знаемъ, что основателями ихъ считаются *три* монаха, явившіеся изъ сосѣдней страны. Припомнимъ, напримѣръ, извѣстное преданіе, изданное Неофитомъ, о возобновленіи Рыльскаго монастыря въ 1335 году тоже тремя братьями-священниками изъ села Границы, принявшими въ монашествѣ имена Іосифъ, Давидъ и Ѳеофанъ, причемъ „старѣйшиной у нихъ былъ старшій по годамъ“ [1]), однимъ словомъ, совершенно тоже, что и въ Нямецкомъ монастырѣ.

Мы думаемъ также, что поселившись здѣсь, Цамблакъ положилъ оффиціальное основаніе монастыря съ храмомъ во имя Вознесенія. Въ послѣднемъ фактѣ можно видѣть воспоминаніе его о главной церкви его родного города, посвященной тому же празднику. Тырновская Вознесенская соборная церковь называется „матерью церквей болгарскаго царства“ еще въ посланіи Іоанна Ватаци къ вселенскимъ патріархамъ, внесенномъ въ Синодикъ Бориса; при ней служилъ учитель Григорія — патр. Евѳимій; съ ней связаны были у него воспоминанія о дѣтствѣ, годахъ ученія и т. д.; наконецъ, изъ ней изгнанъ былъ Евѳимій при взятіи города турками, какъ передаетъ самъ Цамблакъ въ похвальномъ Евѳимію Словѣ. Полагаютъ, что Вознесенская церковь была обращена въ мечеть. А такъ какъ обычай переселенцевъ посвящать новосозданныя обители и храмы тѣмъ же священнымъ

дарь молдавскій, жилъ у схимника въ карпатскихъ горахъ и видѣлъ ангела, который сходилъ къ монаху во время молитвы. Къ другому схимнику, Даніилу, явился тотъ же Стефанъ, бѣжавшій въ горы послѣ неудачной битвы съ турками.

[1]) *П. Сырку,* Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній. стр. *CXCVII.*

Рис. 1.

Рис. 2.

событіямъ и лицамъ, съ которыми связанъ главный храмъ ихъ родины, хорошо извѣстенъ изъ многихъ фактовъ [1]), то вполнѣ возможно, что и Цамблакъ посвятилъ Нямецкій монастырь празднику Вознесенія въ память тырновскаго соборнаго храма. Такого же происхожденія, вѣроятно, и литературное его названіе, „Пантократорова обитель", о которомъ сказано раньше; возможно, что Цамблакъ сталъ называть новый молдавскій монастырь по имени извѣстнаго константинопольскаго. Одинъ русскій путешественникъ, посѣтившій Нямецкій монастырь въ половинѣ прошлаго столѣтія, говоритъ, будто въ этомъ же монастырѣ Цамблакъ принялъ монашество [2]); это, конечно, невѣрно, такъ какъ монахомъ и пресвитеромъ Григорій былъ уже въ іюлѣ 1401 года. Но является вопросъ: не имѣлъ ли Саковичъ подъ руками какого-нибудь свидѣтельства о посвященіи Григорія въ Пантократорѣ? Тогда это было бы новымъ доказательствомъ того, что свое посвященіе Григорій получилъ въ константинопольскомъ Пантократоровомъ монастырѣ (см. выше, стр. 43).

Въ какое время Цамблакъ правилъ Нямецкимъ монастыремъ?—Архим. Андроникъ, въ своей пространной „Исторіи Нямецкаго монастыря", на румынскомъ языкѣ, а за нимъ и Мелхиседекъ (стр. 42), на основаніи совершенно непонятныхъ соображеній полагаютъ, что игуменство Цамблака относится къ періоду между 1439 и 1452 годами. Упомянувъ о воз-

---

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, что празднику Вознесенія посвященъ и Ново-Нямецкій монастырь, основанный въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка нѣсколькими монахами, бѣжавшими изъ Нямецкаго молдавскаго монастыря. П. Сырку думаетъ то же самое относительно Ресавскаго монастыря: „весьма возможно, что такое посвященіе монастыря явилось не безъ причины: быть можетъ, сербскій деспотъ хотѣлъ, чтобы его средоточіе исправленія книгъ называлось Св. Троицей, подобно Св. Троицѣ тырновской..., гдѣ было средоточіе болгарскаго исправленія книгъ". Очерки изъ исторіи литерат. сношеній болгаръ и сербовъ, стр. XCI. Возможно, что тырновскаго происхожденія и Вознесенская митрополичья церковь въ Тырговищѣ. См. грамоту 1560 года у *Ю. Венелина*, Влахоболгарскія грамоты, стр. 175 и мн. др.

[2]) *П. Саковичъ*, Посѣщеніе Нямецкаго Вознесенскаго монастыря 20 мая 1854 года, *Русскій Инвалидъ*, 1854 г., № 288.

духѣ, сдѣланномъ игуменомъ Силуаномъ въ 1436 году (л. 32 об.), Андроникъ говоритъ о смерти и погребеніи Силуана (л. 33 и об.) въ 1439 году и о поставленіи Цамблака въ томъ же году; „впослѣдствіи (?) —прибавляетъ онъ, — Григорій сдѣланъ былъ митрополитомъ кіевскимъ“. Такимъ образомъ, Андронику осталось неизвѣстнымъ время управленія Цамблака кіевской каѳедрой, имѣвшаго на самомъ дѣлѣ мѣсто въ 1415—1419 гг., а не послѣ 1452 года. Въ дальнѣйшемъ изложеніи (л. 36—39 об.) онъ приводитъ цѣлый рядъ грамотъ, касающихся владѣній монастыря и относящихся ко времени предполагаемаго имъ игуменства Цамблака, но ни въ одной изъ нихъ не упоминается имя Григорія, и только на основаніи грамоты отъ 30 апрѣля 1452 года, о покупкѣ игуменомъ Симономъ земли въ городѣ Нямцѣ, онъ заключаетъ, что время игуменства Цамблака продолжалось до означеннаго года. Если архим. Андронику простительно такое незнаніе важнѣйшихъ датъ въ жизни Цамблака (см. выше стр. 5), то можно только удивляться, почему Мелхиседекъ относитъ это игуменство къ тому же приблизительно времени, нѣсколько измѣнивъ только цифры: отъ 1440 по 1450 годъ (стр. 42). Мелхиседеку хорошо было извѣстно время митрополичества Григорія въ Россіи; для того же, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать предложенные Андроникомъ годы, онъ полагалъ, что Цамблакъ совмѣщалъ одновременно (sic) двѣ должности—Нямецкаго игумена и митрополита сочавскаго. Какъ увидимъ дальше, о послѣдней не можетъ быть и рѣчи, такъ-какъ въ это время Цамблакъ былъ въ схимѣ, исключавшей не только всякую оффиціальную дѣятельность, но и пресвитерскій санъ; во всѣхъ же произведеніяхъ, написанныхъ въ Нямцѣ, Григорій называетъ себя „игуменомъ и пресвитеромъ“. Еще меньшее значеніе имѣетъ показаніе монастырскихъ Помянниковъ, рукописныхъ и напечатаннаго въ 1858 году на румынскомъ языкѣ. Они составлены такими же наивными книжниками, какимъ былъ и Андроникъ, а позднія даты для игуменства Цамблака можно

объяснить лишь тѣмъ, что авторы Помянника смѣшивали Григорія съ Гавріиломъ, о которомъ знали по переписаннымъ имъ рукописямъ въ 30 и 40 годахъ XV вѣка.

Обратившись къ грамотамъ монастырскаго архива, копіи съ которыхъ находятся у преосв. Нарциса Крецулеску, мы убѣдились, что объ игуменѣ Григоріи не говорится ни въ одной изъ грамотъ, относящихся ко времени между 1407 и 1452 годами. А такъ какъ всѣ документы Нямецкаго монастыря ранѣе 1407 года оказались поддѣльными, на самомъ дѣлѣ относятся къ концу XV и началу XVI вв. и въ то же время не знаютъ никакого игумена съ такимъ именемъ, то остается предполагать, что Цамблакъ былъ въ Нямцѣ во всякомъ случаѣ до 1407 года. Дальше мы увидимъ, что осенью 1406 года онъ былъ уже въ Россіи, затѣмъ ушелъ въ Сербію, въ 1409 году снова былъ въ Кіевѣ и оставался здѣсь приблизительно до 1418 года. Послѣ этого времени онъ не могъ быть игуменомъ Нямца, такъ какъ не былъ „мнихомъ и пресвитеромъ“.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, разрѣшимъ одно важное недоразумѣніе, допущенное нами въ одной изъ прежнихъ работъ. Издавая Посланіе быстричскаго игумена Пахомія къ нямецкому игумену Григорію относительно присылки въ Быстрицу одного изъ Сборниковъ монаха Гавріила съ твореніями патр. Евѳимія, мы сдѣлали слѣдующее предположеніе: „нельзя ли считать игумена Нямецкаго монастыря Григорія—Григоріемъ Цамблакомъ? Вѣдь лучше всего можно было-бы обратиться къ Цамблаку для полученія твореній патр. Евѳимія“ [1]). Надо знать, что въ Посланіи нѣтъ даты, время правленія Пахомія совершенно неизвѣстно, а рукопись съ посланіями относится къ началу XVII вѣка; поэтому подъ Григоріемъ нямецкимъ можно разумѣть какого угодно игумена съ тѣмъ же именемъ. Мы остановились на Цамблакѣ на основаніи слѣдующей фразы посланія: и по сихъ молимсѧ све-

[1]) Мелкіе тексты и замѣтки. I—XX, стр. 29—30.

тинѣ ки за тїи книг(ж҃) пишем(жа) ѿ Гаврїила, да приведеть до нашеи монастири до Бистрица, да прѣпишеть ѿ неи творенїи Єѵфимїа Трновскїи ꙋ нашꙋ сѫборникѫ. Выраженіе „пишемую“ мы принимали за форму настоящаго времени, а такъ какъ Сборники Гавріила съ твореніями Евѳимія относятся къ 1437 и 1441 годамъ (№№ 106 и 20), то явилось слѣдующее предположеніе: Пахомій проситъ Григорія выслать одну изъ рукописей, которая въ то время какъ разъ „переписывалась“ Гавріиломъ. Проф. Е. І. Калужняцкій не согласенъ съ нашимъ толкованіемъ [2]), и къ его мнѣнію мы можемъ только присоединиться. Дѣло въ томъ, что на языкѣ молдавскихъ грамотъ и записей очень трудно основывать подобныя выкладки, такъ какъ всѣ эти тексты представляютъ буквальный переводъ съ румынскаго, съ румынской этимологіей, синтаксисомъ, порядкомъ словъ и т. д. Поэтому выраженіе книг҃ пишем҃, какъ переводъ „cartea scrisă“, можно отнести скорѣе къ прошлому времени, а все посланіе — къ срединѣ XVI вѣка, когда въ Нямецкомъ монастырѣ дѣйствительно игуменомъ былъ другой Григорій, сдѣлавшійся впослѣдствіи митрополитомъ (см. ниже, стр. 138).

Такимъ образомъ, время игуменства Цамблака въ Нямецкомъ монастырѣ остается датировать 1403—1406 годами. О первомъ изъ этихъ терминовъ мы сказали раньше, и надо думать, что онъ былъ назначенъ игуменомъ вскорѣ послѣ перенесенія мощей Іоанна Бѣлградскаго, такъ какъ въ должности пресвитера великой церкви молдовлахійской Цамблакъ написалъ только одно Житіе этого святого, изъ чего можно заключить, что продолжалась она очень недолго. Дальше мы увидимъ, что осенью 1406 года Цамблакъ былъ уже въ Вильнѣ, гдѣ его застала вѣсть о кончинѣ дяди его Кипріана († 16 сентября 1406 г.), который незадолго, повидимому, до кончины приглашалъ своего племянника въ Россію съ цѣлью передать ему послѣ себя каѳедру. Такъ, по крайней мѣрѣ,

---

[2]) Aus der panegyrischen Litteratur, Wien, 1901, стр. 84. Примѣчанія.

говоритъ самъ Григорій въ похвальномъ Кипріану Словѣ. Далѣе, изъ исторіи Нямецкаго монастыря мы знаемъ, что 7 января слѣдующаго, 1407 года, игуменомъ былъ назначенъ Доментіанъ, между прочимъ, совершенно неизвѣстный ни Андронику, ни Мелхиседеку. Изъ послѣдней даты можно заключить, что втеченіе осени и зимы 1406 года митр. Іосифъ и братія нямецкая могли еще ожидать возвращенія Цамблака въ Молдавію, но убѣдившись, что онъ остался въ западной Руси, избрали новаго игумена на мѣсто Григорія, о чемъ существуетъ интересная по содержанію грамота, отрывки изъ которой мы и приведемъ: Свѣтлѣишїи митрополить кѵр Іѡсифъ молдовлахїискыи, благоизволенїемь Божїемъ и того прѣчистыѧ Матерє и того честнаго Вознесенїа, монастыръ владычьства ми еже ѿ Нѣмца благопроизволи владычьство ми, такожде и съ сыномъ владычества ми Іѡанномь Алеѯандромь воеводѫ, господиномъ земли молдавскои, и дадохомь тоизи монастырь прежереченныи попꙋ кѵрь Доментїанꙋ, такожде и монастыръ Оуспенїа прѣчистыѫ Богородицѫ, иже на Быстрици, ꙗко да сѫть тїези монастыре не разлѫчени одинъ ѿ дрꙋгаго, понеже сѫть ѡба владычьства ми. И тамо пꙋщїамь болѣрина воеводѫ жѫпана Петра Оурѣклѣ, да прѣдасть всє, елико сѧ ѡбрѣтаетъ въ тѣхзи прѣдреченныхь монастырехь, въ рѫкахь попа кѵрь Доментїана— книгы, или свиты, или съсѫды, всє ѿ велика даже до мала. Затѣмъ перечисляются надворныя постройки, помѣстья, принадлежащія монастырю, двѣ водяныя мельницы (водѣници), два виноградника (лозїи), овцы, волы, лошади, пчелы и всє или мало или велико,—въ рѫкахь попꙋ кѵрь Доментїанꙋ, да схранить и имать попеченїе ѡ нихь до живота своего. По ѡшествїи же его къ Богꙋ, такожде, егоже хощеть ѡнъ назнаменати ѿ братеи своихь, да бѫдетъ и томꙋ непоколебимо до живота владычьства ми еже къ Богꙋ, кого Богъ изберетъ быти митрополить на прѣстолѣ владычьства ми, или пакы по животѣ сына владычьства ми Іѡанна Алеѯандра воеводѫ, которы бѫдеть господаръ или нѣкто ѿ совѣтници тѣхъ, и разоритъ сїе писанїе, а не ꙋтвръдить, да мꙋ сѫдить Богъ и прѣчистаа его Мати, и да есть проклѧть ѿ тїи богоносныхь ѡтець, и да имать

Ѹчастїє съ Їоудою. Исписа же сѧ сие в лѣто ҂ѕцеї, мѣсѧца генарїа з҃ день. Аз же Грѫдь писах [1]).

Изъ грамоты видно, что два древнѣйшіе молдавскіе монастыря, принадлежащіе къ той группѣ обителей у подножія Карпатъ, которую можно называть молдавской Ѳиваидой, въ началѣ 1407 года были соединены вмѣстѣ подъ властью одного игумена и общимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ. Существуетъ предположеніе, что Доментіанъ былъ выше простого игумена, чѣмъ-то вродѣ настоятеля [2]), или смотрителя надъ обоими монастырями; но это невѣрно. Изъ того, что митр. Іосифъ назначилъ его игуменомъ надъ двумя монастырями, І. Григоріу готовъ заключить, что Доментіанъ былъ какъ-бы въ санѣ екзарха (sic). „Иначе,—разсуждаетъ Григоріу,—останется необъяснимымъ, какъ это могло случиться, что онъ не упоминается нигдѣ въ актахъ управляемыхъ имъ монастырей. Если игуменомъ въ то время на самомъ дѣлѣ былъ Пименъ, въ такомъ случаѣ, очевидно, Доментіанъ былъ выдающійся монахъ, одаренный многими прекрасными качествами (?), мудрый (?) и достойный управлять монастырями, которому митрополитъ довѣрялъ больше, чѣмъ попу Пимену; къ тому же Доментіанъ долженъ былъ быть почтеннымъ старцемъ, потому что митрополитъ, несмотря на то, что и самъ былъ совсѣмъ глубокій старикъ, какъ свидѣтельствуетъ патріаршее посланіе 1395 года, тѣмъ не менѣе не надѣется

---

[1]) Грамота издана довольно плохо *B. Petrecеicu-Hâjdeu* въ *Archiva istorica a României,* tom I, p. 140 и отсюда перепечатана *Л. Милетичемъ Д. Агурой,* „Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска писменость“, *Сборникъ за народни умотворения* и т. д., кн., XIII, стр. 330. Румынскій переводъ приводится у *J. Grigoriu,* Iosif I Mușat, pp. 101—102 и *V. Predeanu,* Existența și organisațiunea etc., pp. 103—104.

[2]) Подобной терминологіи румынскія монастырскія грамоты не знаютъ, и должность „настоятеля“ встрѣчается очень рѣдко. Кажется, одно изъ древнѣйшихъ упоминаній относится къ началу XVII вѣка, *Melchisedec,* Chronica Romanului, vol. p. 248. О должности „смотрителя надъ монастырями“, соединявшейся съ игуменствомъ, см. тамъ же, стр. 224.

умерсть раньше Доментіана, но говоритъ, что „по отшествіи же его къ Богу, такожде, егоже хощетъ назнаменати отъ братій своихъ, да будетъ и тому непоколебимо до живота владычества ми“. Фактъ предпочтенья Доментіана Пимену могъ побудить послѣдняго изъ мести (!) стереть (?) послѣ смерти его имя перваго изъ Помянника; наконецъ, Доментіанъ впослѣдствіи могъ перейти въ монастырь Боиштю для того, чтобы творить судъ надъ подчиненными ему попами, такъ какъ самый старый Помянникъ этого монастыря начинается Доментіаномъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ имя его должно было находиться въ нямецкомъ Помянникѣ“ [1]).

Всѣ эти разсужденія румынскаго историка не имѣютъ никакого значенія. Еслибы онъ обратился къ исторіи Быстричскаго монастыря, то нашелъ-бы, что въ быстричскомъ Помянникѣ первымъ игуменомъ этого монастыря считается Доментіанъ, въ схимѣ Діонисій, и называется онъ — архимандритомъ [2]). Такой же титулъ носитъ и третій игуменъ, „архимандритъ Евстаѳій сирѣчь Евѳимій“. На второмъ мѣстѣ, какъ мы сказали, помѣщенъ „старецъ Гавріилъ сирѣчь Григорій“ (л. 5). Слѣдовательно, первое поминаніе въ рукописи записано послѣ 1407 года, когда игуменомъ Нямца и Быстрицы дѣйствительно былъ Доментіанъ. Кромѣ этихъ трехъ лицъ, въ Помянникѣ не говорится объ общихъ игуменахъ для двухъ монастырей, и имени Силуана, правившаго монастыремъ Нямецкимъ въ 20 годахъ, мы совсѣмъ не находимъ. Къ этому прибавимъ, что примѣръ такого же соединенія двухъ монастырей подъ властью одного игумена мы находимъ и въ сосѣдней Валахіи, также въ началѣ XV вѣка. Извѣстный попъ Никодимъ, племянникъ сербскаго Лазаря, считался игуменомъ двухъ большихъ сосѣднихъ монастырей — Тисманы и Водицы [3]).

---

[1]) Iosif I Mușat, pp. 105—106.

[2]) Рукопись Румынской Академіи, XV вѣка. № 79, л. 5.

[3]) Напрасно г. Grigoriu, приводя грамоту отъ 5 августа 1424 года, говоритъ о Никодимѣ, какъ о живомъ лицѣ (р. 105), такъ какъ извѣ-

Такія соединенія, скрѣпленныя „клятвой“, впослѣдствіи вызывали стремленія монастырей разъединиться, стать самостоятельными, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ одинъ изъ нихъ постепенно забиралъ власть надъ другимъ и изъ равнаго дѣлалъ его подчиненнымъ себѣ. Пользуемся случаемъ и разскажемъ со словъ преосв. Нарциса Крецулеску [1]), лучшаго знатока монастырской жизни у румынъ, одинъ фактъ, въ основѣ котораго лежитъ приведенная выше грамота митр. Іосифа 1407 года. Дѣло происходило въ XVII вѣкѣ. Игуменъ Быстрицы, какой-то грекъ, задумалъ освободиться отъ подчиненія Нямцу и прибѣгъ къ поддѣлкѣ одной старой пергаментной грамоты. Онъ призвалъ молодого послушника, монастырскаго грамматика, и велѣлъ выскоблить въ ней извѣстныя слова и замѣнить ихъ иными. Первоначальный текстъ ея остался неизвѣстнымъ, и въ судебномъ дѣлѣ, повидимому, не приводится; но въ новомъ видѣ грамота получила слѣдующее содержаніе. Господарь Стефанъ Великій (1457—1504 гг.) пріѣзжаетъ въ Быстрицу на богомолье, и монахи сообщаютъ ему о печальномъ положеніи монастыря: нямцане ихъ преслѣдуютъ и отнимаютъ всѣ доходы. Тогда господарь спрашиваетъ игумена, есть ли у нихъ чудотворная икона. Игуменъ отвѣчаетъ, что икона Анны Пророчицы была прислана въ началѣ XV вѣка византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ и супругой его Анной, женѣ молдавскаго господаря Александра Стараго, по имени Аннѣ. А такъ какъ, по

стно, что Никодимъ умеръ до 1420 года. *J. Kuvaratz,* Pop Nicodim, der erste Klöstergründer in der Walachei, *Archiv für slav. Philologie,* XI, 1888, 354—364; *A. Stefulescu.* Monastirea Tismana. Târgu-Jiu, 1896; *Ю. Венелинъ,* Влахо-болгарскія грамоты. Спб. 1842, стр. 26, 48, 58 и др.

[1]) Преосвященный Нарцисъ, бывшій ректоръ духовной семинаріи въ Хушахъ (1880—1887) и викарій батошанскій, обладаетъ прекрасной памятью. Въ своихъ интересныхъ бесѣдахъ онъ передавалъ на память длинные эпизоды изъ жизни румынскихъ монаховъ XV — XVIII вв. и, между прочимъ, разсказалъ намъ приведенный случай. Онъ обѣщалъ сообщить самый текстъ судебнаго дѣла, хранящійся у него въ копіи, но не могъ его разыскать, почему мы должны пользоваться общими мѣстами.

преданію, одновременно съ этимъ и Нямецкій монастырь, въ лицѣ митр. Іосифа, получилъ икону Богородицы, то господарь задаетъ монахамъ такой казуистическій вопросъ: „Развѣ возможно, чтобы дочь была старше матери", т. е. чтобы Нямецкій монастырь, съ его покровительницей, былъ старше Быстрицы, съ иконой св. Анны? Этого было достаточно, чтобы онъ выдалъ соотвѣтствующую грамоту, по которой Быстрица получала власть надъ Нямцомъ.

Поддѣланная такимъ образомъ грамота была представлена въ диванъ, получила подтвержденіе со стороны жившаго въ то время господаря, и монахи Быстричскаго монастыря освободились отъ власти нямцанъ. Прошло много лѣтъ. Грамматикъ сталъ старикомъ, и вотъ его сталъ мучить бѣсъ за подѣлку. Не находя себѣ покоя, монахъ рѣшилъ публично покаяться предъ диваномъ. Когда совѣтники господаря выслушали разсказъ обуреваемаго бѣсомъ монаха о поддѣлкѣ, то потребовали грамоту, позвали логофетовъ и просили ихъ подвергнуть экспертизѣ грамоту. Такъ какъ она сдѣлана была очень искуссно и никакихъ сомнѣній не возбуждала [1]), то совѣтники рѣшили, что монахъ болтаетъ пустое, и прощенія ему не дали. Но кто-то изъ бояръ предложилъ грамматику показать свое искусство, чтобы этимъ рѣшить степень достовѣрности всего разсказа. Монаха заперли въ отдѣльную комнату, дали ему перьевъ, чернилъ, спорную грамоту и велѣли „его же искусствомъ вынуть (sic) слова новыя и поставить вмѣсто нихъ старыя", т. е. возобновить первоначальный текстъ грамоты. На другой день монахъ представилъ свою работу. Посмотрѣли на нее логофеты, опытные канцеляристы и въ извѣстной степени даже палеографы, и не нашли никакихъ ошибокъ: такъ хорошо была сдѣлана грамота и ея новѣйшія

---

[1]) Кто видалъ молдавскія грамоты XV—XVII вв., для того такая поддѣлка не покажется чѣмъ-нибудь невозможнымъ въ палеографическомъ отношеніи. Характерная скоропись ихъ такъ устойчива, что иногда трудно отличить письмо XV вѣка отъ конца XVII вѣка.

подчистки. Тогда только они убѣдились, что подобный случай могъ произойти на самомъ дѣлѣ, что ловкая поддѣлка могла обмануть и прежній диванъ, и въ концѣ концовъ простили монаха, котораго бѣсъ тотчасъ же оставилъ. Такимъ образомъ, за Нямецкимъ монастыремъ остались всѣ прежнія привиллегіи надъ Быстрицой.

Итакъ, въ первой половинѣ XV вѣка Нямецкій монастырь мало чѣмъ отличался отъ остальныхъ „ктиторій" Александра Добраго. Только въ послѣдующее время, главнымъ образомъ, во второй половинѣ XV вѣка, въ правленіе Стефана Великаго, съ именемъ котораго связанъ цѣлый рядъ построекъ, дарственныхъ грамотъ, рукописей и вещей, принадлежащихъ и въ настоящее время монастырю,—Нямецъ становится на положеніе главнаго монастыря Молдавіи. Очень многіе митрополиты и епископы меньшихъ епархій были „происходниками" Нямецкаго монастыря, сюда же они удалялись на покой послѣ оставленія каѳедры; Нямецкая библіотека, по богатству и разнообразію рукописей XV—XVII вв., стоитъ на первомъ мѣстѣ; господари и господарыни часто пріѣзжали сюда и т. д. Достаточно указать, напримѣръ, что молдавскіе митрополиты иногда назывались нямецкими, какъ въ записи 1557 года на Сборникѣ того же года: сїа книга... съвръшисѧ повелѣнїемь и даанїемь прѣωсвѧщеннаго митрополита сꙋчавскаго кѵрь Григωрїа, еже и Нѣмецкаго зоветсѧ [1]). Написать исторію Нямца, это значило-бы передать выдающіяся событія изъ исторіи Молдавіи. Но возвышеніе его начинается съ средины XV вѣка, а во время двукратнаго пребыванія здѣсь Цамблака (1403 — 1406 и 1420—1450) монастырь могъ имѣть исключительно культурное значеніе: здѣсь переписанъ рядъ рукописей самаго разнообразнаго содержанія съ строго выдержаннымъ правописаніемъ тырновскихъ правленныхъ изводовъ, здѣсь же были, по всей вѣроятности, переведены и, несомнѣнно, редактированы мно-

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 72, л. 302 об.

гія другія произведенія, кое-что здѣсь же было написано вновь, напримѣръ, Житіе Варвара Пелагонскаго, составленное Кипріаномъ, въ 1435 году [2]); наконецъ, здѣсь были написаны и произнесены Цамблакомъ лучшія въ литературномъ отношеніи и наиболѣе художественныя и сильныя его Слова, которыя намъ извѣстны въ количествѣ девяти. Произведенія эти, составленныя и произнесенныя въ 1403—1406 годахъ, слѣдующія:

I. Слово похвальное „святымъ великомученикамъ четыредесятимъ“, 9 марта.

II. Слово похвальное св. влмч. Георгію, 23 апрѣля. Открыто Мелхиседекомъ въ Сборникѣ Нямецкаго монастыря 1438 года, № 106. До тѣхъ поръ Цамблаку приписывали другое Слово на ту же тему, встрѣчающееся въ рукописяхъ безъ имени автора и начинающееся словами: „Вчера, любимици, свѣтлыи воскресенiа праздновахомъ праздникъ“... (см. выше, стр. 37).

III. Слово похвальное прор. Иліи, 20 іюля.

IV. Слово на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 29 августа.

V. Бесѣда о постѣ и слезахъ, въ первое воскресенье вел. поста. Открыта нами въ Сборникѣ писца Гавріила 1448 года.

VI. Бесѣда о милостыни и о нищихъ, во второе воскресенье великаго поста. Открыта нами въ той же рукописи.

VII. Слово въ недѣлю Цвѣтную. *Нач.* „Вчера убо, любимици, въ Виѳанію слышахомъ пришедша Господа“... Открыто

---

[2]) Издавая это Житіе по рукописи 1448 года, мы ничего не могли сказать объ авторѣ Житія. Изъ славянскихъ рукописей, М. 1898, стр. 34—55. Теперь мы думаемъ, что Кипріана можно отождествить съ извѣстнымъ игуменомъ Вишневецкаго монастыря, упоминаемымъ въ грамотѣ Александра Добраго отъ 9 февраля 1429 года. *Langlois*, Le Mont Athos pp. 91—92, Cf. *E. Picot et G. Bengesco*, Alexandre le Bon. p. 57 или, какъ сказали выше (стр. 65), Кипріанъ могъ быть однимъ изъ священниковъ, приглашенныхъ изъ Охрида. О книжныхъ трудахъ нямецкихъ монаховъ въ первой половинѣ XV вѣка будетъ сказано ниже (глава V).

нами въ той же рукописи. До сихъ поръ было извѣстно другое Слово на тотъ же праздникъ, представляющее передѣлку настоящаго, относящуюся ко времени пребыванія Цамблака въ Россіи. *Нач.* „Паки Спасъ въ Іерусалимъ восходитъ, и паки чудеса“...

VIII. Слово въ Великій Четвертокъ „на часѣхъ, на преданіе Господа и о Іудѣ, и т. д.

IX. Слово въ Великій Пятокъ „на часѣхъ, о еже: узрите животъ вашъ висящъ предъ очима вашима“ и т. д.

Итакъ, игуменство Цамблака продолжалось недолго. Осенью или въ концѣ лѣта 1406 года онъ оставляетъ Молдавію и уходитъ въ Россію, затѣмъ въ Сербію и снова въ Россію, откуда возвращается въ Молдавію только черезъ четырнадцать лѣтъ. Поэтому перейдемъ къ обозрѣнію дальнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Цамблака.

Раньше мы привели мнѣнія нашихъ предшественниковъ о первомъ (sic) пребываніи Цамблака въ Сербіи въ 1420—1431 гг., а также тѣ соображенія, на которыхъ основаны были такія странныя даты (см. выше, стр. 44—47). Не могли мы согласиться и съ другимъ предположеніемъ, будто Цамблакъ жилъ (sic) въ Сербіи въ концѣ XIV вѣка, и высказали мысль, что Сказаніе о перенесеніи мощей Параскевы написано въ Константинополѣ. На основаніи нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ изъ жизни Григорія и оставленнаго имъ Житія Стефана Дечанскаго можно заключить, что 1) Цамблакъ дѣйствительно жилъ въ Сербіи, но очень незначительное время, и при томъ, 2) послѣ оставленія имъ должности игумена Нямецкаго монастыря.

Въ началѣ слѣдующей главы мы остановимся болѣе подробно на вопросѣ о пребываніи Цамблака въ Россіи до поставленія его кіевскимъ митрополитомъ, а пока скажемъ, что въ концѣ лѣта 1406 года Григорій получилъ приглашеніе, повидимому, отъ митр. Кипріана пріѣхать въ Москву. Но по дорогѣ еще, на берегу Нѣмана, какъ мы думаемъ, въ

Вильнѣ, онъ узналъ о смерти Кипріана († 16 сентября 1406 г.). Поэтому Григорій не продолжалъ свой путь, нѣкоторое время провелъ въ Литвѣ, ожидая рѣшенія своей участи, а затѣмъ направился въ Сербію, съ которой у него могли быть духовныя и культурныя связи. Здѣсь онъ пробылъ два года (1407—1408), а въ 1409 году снова явился въ Кіевъ, гдѣ произнесъ Слово похвальное Кипріану и выставилъ свою кандидатуру на каѳедру западно-русской митрополіи.

О сербскомъ періодѣ біографіи Цамблака мы знаемъ еще меньше, чѣмъ о молдавскомъ. Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ этому періоду, исчерпываются существованіемъ среди произведеній Цамблака, связывающихъ его съ сербской литературой,— Житія царя Стефана Дечанскаго или Стефана III Уроша. Во всѣхъ спискахъ XV—XVII вв. оно снабжено слѣдующимъ заглавіемъ: „Мѣсеца ноемкріа. аі. житїе и жительство светаго великомоученика кх царехь Стефана Срьбскаго, иже вь Дечахь, сьписано Григоріемь минихомь и пресвитеромь, игоуменомь бившимь тоюжде wбители“ [1]. На основаніи послѣднихъ словъ заглавія, разные ученые относили составленіе Житія къ разному времени, причемъ дѣлали предположенія, что оно было написано во время игуменства Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ. Ввиду того, что литература вопроса слишкомъ обширна, мы приведемъ только наиболѣе важные изъ взглядовъ, съ которыми, однако, согласиться не можемъ. Шафарикъ (*Гласникъ*, IX, 35) относитъ составленіе его ко времени около 1400 года, В. Качановскій (Исторія Сербіи съ половины XIV в., стр. 20)—около 1402 года, П. Соколовъ—ко времени „*прежде*, чѣмъ Цамблакъ сдѣлался игуменомъ; такъ нужно заключить изъ помѣщеннаго въ началѣ его обращенія: „благослови отче“ (стр. 71). Очевидно, г. Соколовъ или не видалъ ни одной старой рукописи или же просто забылъ, какъ надписывается любое Слово

[1] Сборникъ Націон. Музея въ Букурештѣ, № 162, л. 217. Остальныя рукописи указаны въ Предисловіи къ изданію произведеній Цамблака.

любого византійскаго церковнаго писателя, начиная простымъ монахомъ и кончая патріархомъ, потому-что обычное „благослови отче!“ относится не къ самому писателю и его сану, а къ чтецу въ церкви, во время трапезы и т. д. Приведя затѣмъ заглавіе Житія, Соколовъ продолжаетъ: „но слова „игуменомъ *бывшимъ* тоежде обители“, очевидно, позднѣйшая (?) прибавка; написалъ Житіе только мнихъ и пресвитеръ Григорій“. Опять мы имѣемъ дѣло съ слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ одному изъ интереснѣйшихъ и мало пока разработанныхъ фактовъ церковной письменности. Прибавки „бывшимъ“ встрѣчаются очень часто въ заглавіяхъ византійскихъ, славянскихъ и русскихъ поученій и житій и могутъ служить доказательствомъ лишь того, что принадлежатъ они не „позднѣйшему времени“, а самимъ авторамъ, бывшимъ во время написанія не у должности, что̀ было на самомъ дѣлѣ и въ данномъ случаѣ съ Цамблакомъ.

Приведенныя предположенія не могутъ имѣть значенія по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, если даже относить составленіе Житія ко времени раньше пріѣзда Григорія въ Молдавію, то дата 1402 года во всякомъ случаѣ уничтожается сама собой, такъ-какъ въ это время нашъ проповѣдникъ былъ въ Сочавѣ. Во-вторыхъ, до іюня 1401 года Григорій не могъ быть игуменомъ такой большой обители какъ Дечанская, тѣмъ болѣе онъ не могъ себя называть „бывшимъ“ игуменомъ. Такимъ образомъ, всѣ мнѣнія о составленіи Житія въ 1400—1402 годахъ не могутъ быть приняты.

Разсмотримъ взгляды на тотъ же вопросъ другихъ ученыхъ, относившихъ составленіе Житія къ болѣе позднему времени. Раньше мы указали, что весь сербскій періодъ біографіи Цамблака въ изслѣдованіи Мелхиседека представленъ рядомъ крупныхъ ошибокъ и самыхъ фантастическихъ заключеній; онъ смѣшиваетъ, напримѣръ, Стефана Дечанскаго съ Стефаномъ Лазаревичемъ, думаетъ, что Цамблакъ присутствовалъ при погребеніи послѣдняго въ 1427 году, а сербскій

патр. Никонъ вмѣстѣ съ деспотомъ Юріемъ поручили Цамблаку написать біографію покойнаго деспота (sic), что онъ и исполнилъ черезъ четыре (?) года (стр. 19). Затѣмъ онъ излагаетъ, по книгѣ Муравьева „Житія святыхъ русскихъ, грузинскихъ и сербскихъ" (октябрь, стр. 222—274), Житіе Стефана, принадлежащее, какъ извѣстно, не Цамблаку, а Константину. Въ заключеніи Мелхиседекъ приходитъ къ такому выводу: „замѣтимъ, — говоритъ онъ, — что глубокое смиреніе мниха Григорія, который не могъ рѣшиться описать жизнь великаго мужа Сербіи, не позволяло ему упомянуть о личныхъ (sic) его отношеніяхъ и покровительствѣ (?), которымъ онъ пользовался въ правленіе сербскаго деспота Стефана" (стр. 23). Въ Сербіи, какъ онъ думаетъ, Цамблакъ оставался еще четыре года, а именно до 1431-го, и покинулъ новое отечество вслѣдствіе той ненависти, которую питали къ нему другіе іерархи, какъ къ чужанину, занимавшему должность игумена въ первой по мѣсту лаврѣ сербской (стр. 29). „Такимъ образомъ, — продолжаетъ Мелхиседекъ, — вскорѣ послѣ того, какъ Цамблакъ отдалъ долгъ признательности покровителю своему деспоту Стефану, онъ покинулъ Сербію и снова вернулся въ Молдавію, приблизительно въ 1431—1432 годахъ" (стр. 30). Разбирать этотъ конгломератъ ошибокъ мы не будемъ.

Всѣ эти смѣлые выводы румынскаго историка вызваны были такимъ же неудачнымъ предположеніемъ, будто въ 30 годахъ XV вѣка Цамблакъ былъ митрополитомъ (?) въ Молдавіи и, одновременно (sic) съ этимъ,—игуменомъ Нямецкаго монастыря. Съ цѣлью оправдать предложенную имъ дату возвращенія Григорія изъ Сербіи въ 1431 году, Мелхиседекъ и относитъ пребываніе его въ ней къ 1420--1431 годамъ.

Мы думаемъ, что Житіе Стефана Дечанскаго написано въ 1407 или 1408 годахъ, такъ-какъ эти годы являются единственно возможными для датировки разсматриваемаго памятника. Основаніемъ для такого предположенія служатъ слѣ-

дующія соображенія. Какъ мы указали выше, составленіе его нельзя отнести ко времени раньше 1401 года; слѣдующія пять лѣтъ, между 1401 и 1406 годами, Цамблакъ провелъ въ Молдавіи, и если и могъ называть себя игуменомъ, то только Пантократорова-Нямецкаго монастыря, но во всякомъ случаѣ не „бывшимъ“. Съ осени 1409 года онъ былъ уже въ Россіи и не оставлялъ ея до конца своего митрополичества, а послѣ 1418 года ничего новаго не писалъ. Поэтому составленное Цамблакомъ Житіе царя Стефана Дечанскаго можетъ дать лишь слѣдующіе матерьялы для біографіи его составителя:

I. Узнавъ о смерти Кипріана и убѣдившись въ трудности полученія каѳедры московской митрополіи, Цамблакъ ушелъ въ Сербію, быть можетъ, по приглашенію Стефана Лазаревича или кого-нибудь изъ своихъ литературныхъ друзей. Нѣкоторыя подробности изъ описанія мѣстности, въ которой расположенъ Дечанскій монастырь, архитектуры храма, жизни престарѣлыхъ монаховъ въ больницѣ Николаевской обители, цѣлый рядъ разсказовъ о посмертныхъ чудесахъ дечанскаго ктитора, живое отношеніе къ прошлому Сербіи, — все это производитъ такое впечатлѣніе, будто Цамблакъ писалъ на мѣстѣ, съ натуры, по живымъ разсказамъ очевидцевъ и своимъ собственнымъ наблюденіямъ. Таково, напримѣръ, художественное описаніе мѣстности, среди которой расположенъ Дечанскій монастырь: „ѥсть на височаишїихь мѣстахь лежеще, дрѣвесы всачьскыми сьчещено, многовѣтьвно бо и многоплодоносно ѥсть мѣсто равно, коупно и злачно; воды же вьсоудоу текоуть сладчѥшеѥ, велицѣмь тоу источникомь издаѥмомь и рѣкою вистрою напаꙗѥмо, ѥеже вода много оубо прѣжде вькоуса красованїе подаѥть лицоу, множаише же по вькоусоу благорастворенїе тѣлоу, ꙗко никомоуже мощи насытитисе любочьстїа воды. Высочаишими же горами ѡбьѥмлѥмо ѿ западнїе страны и сыхь стрьминами затвараемо, и ѿ соудоу здравими вьздоухы ѡбладаѥмо; ѿ высточнїе же страны полѥ велико семоу

приоуподоблꙗѥтсе, тоюжде рѣкою наводнꙗѥмо. И мѣсто оуко таково“ [1]) и др.

II. Въ то же время, если мы сравнимъ Житіе Стефана Лазаревича съ Житіемъ Стефана Дечанскаго, то увидимъ, что задачи Константина были гораздо шире и глубже, чѣмъ Цамблака. Если трудъ перваго нѣкоторые изслѣдователи съ полнымъ правомъ называютъ историко-географическимъ описаніемъ Сербіи начала XV вѣка, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о Цамблаковомъ Житіи. У Цамблака не было иныхъ цѣлей, кромѣ узко-агіографическихъ, и всѣ вводныя главы имѣютъ непосредственное отношеніе къ личности прославляемаго царя-мученика. Кромѣ того, онъ говоритъ болѣе подробно только о тѣхъ эпизодахъ, которые самъ онъ могъ узнать 1) изъ книжныхъ источниковъ [2]), или 2) изъ разсказовъ монаховъ двухъ Пантократоровыхъ монастырей — константинопольскаго и Дечанскаго. Поэтому, быть можетъ, онъ такъ подробно и останавливается на разсказахъ о заточеніи Стефана и устройствѣ Дечанскаго монастыря. Изъ этого описанія приведемъ слѣдующіе отрывки: Градь прьвѣе сьтвараѥть ѡкрьсть дль(го)тою и широиною доволнь, честними стльпи оутврьждень, врата же ѡбитѣли прѣмо црькобномѹ лицѹ кь южнои мало клонещасе стране, врьхоу же сихь стльпь прѣвелїи оутврьждень, ꙗко црькобномоу висотою сьравнꙗтисе врьхѹ. По стѣнахь же града ѡкрьсть келїе инокомь прилѣплꙗѥнне, ꙗкоже нѣкаа птичїа гнѣзда, имиже и ключаѥтсе пророчьскоѥ слово: „быхь ꙗко птица ѡсобещїасе на здѣ“. Трапезоу же великоу зданїемь сьдѣла, величаишоу же хоудожьствомь

[1]) Сборникъ Букур. Націон. Муз. XV в., № 162, л. 237.

[2]) Кромѣ краткихъ сербскихъ лѣтописей, которыя уже существовали въ началѣ XV в., событія изъ царствованія Стефана Уроша, упоминаемыя въ Цамблаковомъ Житіи, отмѣчены въ слѣдующихъ современныхъ записяхъ: 1319 г.—архіеп. Никодимъ говоритъ о распрѣ между Стефаномъ и его братомъ (Типикъ іерусалимскій, *Л. Стојановић*, стр. 22); 1329 г.—о преслѣдованіи Стефаномъ-сыномъ бабуновъ (Евангеліе Студеницы, стр. 25), 1330—ослѣпленіе Стефана отцомъ, ссылка въ Грецію, возвращеніе чрезъ 7 лѣтъ въ Сербію и пораженіе болгарскаго царя Михаила (Прологъ, тамъ же, стр. 26) и др.

дѣлателꙗ магиѥрїе же и маггипїо вь пространство оустроѥно, нь игоуменїю чюдно нѣкоѥ дѣло и повѣсти достоино творить, и вьса по редоу и вь лѣпопꙋ сьздавь, ѡловомь покриваѥть многомь. Посрѣдь же сихь вьсѣхь благолѣпниїи ѡнь и боголѣпниїи вьздвиже храмь, ѿ вьноутрь оубо дльготоу и широтоу многоу имѣѥ, висотꙋ же толикꙋ, ꙗко и ѡчи оутроуждавати зрещїимь, мра(мо)рь извааннми стльпи поддрьжимꙋ и камарами различными испьщренноу, ѿ вьнѣже оустрьганными мраморни сьставлѥнь многочюднѣ, багровидными коупно и бѣлими; и которагождо камени кь дроугомꙋ сьчланѥнїе дивно и хоудожьства височаише, ꙗко ѥдинъ мнѣтисе камень вьсего ѡного храма лице, прѣчюдно кь ѥдиномоу сьрасльства видоу сьчетанно хитростїю, вь неизреченнѣ нѣцѣи ꙗвлꙗѥмо добротѣ, ꙗко благодѣть ѡвлистававати многаа зрещеїимь. И присно каменнаа доброта и величьство величаишоу притвараѥть храмоу красотоу извааявшїимь излишнѣ кь достоинолѣпїю того сьздѣлавшїимь. Златыхь же и срѣбрьныихь сьсоудь и ѥлика свѧщенства ѡдѣанїа и сvрїчьскаа тканїа бисеры и многоцѣнноѥ каменїе имꙋща вьснѣнїе не даѥть ми сьписовати“ [1]).

III. Если Цамблакъ, уйдя изъ Вильны, дѣйствительно явился сначала въ Нямецкій монастырь, то нашелъ-бы здѣсь другого игумена, попа Доментіана, который не уступилъ бы ему свое мѣсто. Должность же пресвитера великой церкви въ Сочавѣ была для него слишкомъ незначительной. Вотъ почему скорѣе всего надо думать, что Цамблакъ не приходилъ въ Молдавію, гдѣ ему не совсѣмъ удобно было-бы оставаться послѣ неудачи въ Россіи. Константинополь и Болгарія едва-ли могли представляться надежнымъ убѣжищемъ. Оставалась, такимъ образомъ, только Сербія, въ которой правилъ просвѣщенный Стефанъ Лазаревичъ. Возможно, что незадолго до 1407 года у Цамблака были какія-нибудь сношенія съ Сербіей. Мы знаемъ, напримѣръ, что всего за годъ до ухода его изъ Молдавіи сербская царица-вдова, монахиня Евгенія-Евпраксія, подарила молдавскому монастырю Путнѣ пла-

---

[1]) Сборникъ Букур. Націон. Музея, XV вѣка, № 162, лл. 237 об. 238.

щаницу. Это было въ 1405 году [1]). Такой единичный фактъ сербской благотворительности въ Молдавіи можно объяснять какъ начало культурныхъ сношеній двухъ придунайскихъ государствъ съ Сербіей. Царственная жертвовательница умерла 11 ноября 1406 года [2]).

IV. Въ описываемое время Сербія представляла единственную страну, гдѣ славянская письменность была такъ же оживленна, какъ болгарская въ X и половинѣ XIV вѣка; недаромъ переписчикъ Книги Царствъ, переведенной въ 1416 году, сравниваетъ деспота Стефана съ премудрымъ царемъ Симеономъ, а въ „испытаніи и взысканіи божественныхъ ветхихъ и новыхъ писаній“ считаетъ его равнымъ одному Птоломею. [3]), Переписчикъ, переводчикъ, повидимому, авторъ и редакторъ, Стефанъ Лазаревичъ собралъ около себя лучшихъ книжниковъ, вызвавъ ихъ изъ Болгаріи и съ Аѳона. Можно думать, что разцвѣтъ славянской письменности въ Сербіи начался не раньше 1407 года. Такую дату можно предполагать на основаніи слѣдующихъ фактовъ: 1) въ 1407 году имъ основанъ монастырь Манасія или Ресава, въ которомъ самъ Стефанъ подолгу живалъ, а послѣ смерти похороненъ, и который далъ названіе хорошо извѣстнымъ „ресавскимъ“ изводамъ; 2) какъ мы видѣли раньше (стр. 50), послѣ смерти Лазаря Стефанъ остался малолѣтнимъ, начавъ править самостоятельно только съ 1402 года, причемъ первые годы правленія провелъ въ войнахъ; слѣдовательно, до 1407 года онъ былъ молодъ и едва-ли могъ интересоваться книжнымъ дѣломъ; 3) раньше 1407 года въ Сербіи не было опытныхъ переводчиковъ и компиляторовъ, и молодой деспотъ долженъ былъ заказать экземпляръ извѣстной Зонары аѳонскому іеромо-

[1]) *Н. П. Кондаковъ*, Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, Спб. 1901, стр. 265.

[2]) Показанія краткихъ сербскихъ лѣтописей въ Споменикѣ, III, стр. 126, 132; по Шафариковскому и Кувеждину спискамъ, Милица скончалась въ 6915 году, стр. 149.

[3]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи, стр. 71.

наху Тимоѳею, который, сдѣлавшись игуменомъ Хиландаря, поручилъ это дѣло монаху Григорію; 4) какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ „Сказанія о письменахъ“, Константинъ Костенчскій явился въ Сербію тоже не раньше 1407 года [1]); 5) мы не имѣемъ ни одного извѣстія о рукописяхъ, переписанныхъ или переведенныхъ въ Сербіи, по повелѣнію Стефана, до 1407 года; если дата на Тріоди Спб. Публ. Библ. (F. I, № 583) прочитана Л. Стояновичемъ вѣрно, то первая по времени датированная рукопись относится къ 1408 [2]), а до этого времени рукописи, которыми интересовался Стефанъ, переписывались главнымъ образомъ или исключительно въ Хиландарѣ.

Такимъ образомъ, около 1407 года въ Сербію былъ приглашенъ спеціалистъ-„преводникъ“ Константинъ и нѣсколько „сербскихъ добрыхъ издателей“, о которыхъ не разъ упоминаетъ авторъ грамматическаго трактата о славянскихъ письменахъ. Среди нихъ былъ призванъ, „вины ради препысованія книжнаго“, между прочимъ, неизвѣстный по имени аѳонецъ, который перевелъ для деспота нѣсколько ветхозавѣтныхъ книгъ, Евангеліе и другія книги, и для котораго Стефанъ выстроилъ монастырь во имя Рождества Христова [3]). Возможно поэтому, что въ ихъ числѣ былъ и Цамблакъ.

---

1) *П. Сырку*, Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній и т. д., стр. LXXXIX, XCII—XCV.

2) Стари српски записи, № 213. Еписк. Порфирій датируетъ ее 6919—1411 годомъ, стр. 67.

3) Тамъ же, стр. 78—84. Мы думаемъ, что приведенная здѣсь запись состояла изъ двухъ частей, относящихся къ разному времени: первая—до словъ „и сь намы прѣбыванія желающе“, вторая — отъ фразы „сице же прѣбывающемь намь“ до конца; но редактирована она послѣ 1427 года. П. Сырку относитъ это призваніе аѳонскаго монаха ко времени раньше 1421 года, Очерки изъ исторіи литературн. сношеній, XCVII. Мы думаемъ, что для того, чтобы новый монастырь получилъ такую популярность, о которой говорится въ записи, понадобилось немало времени; кромѣ того, извѣстное время необходимо было и для переводовъ, порученныхъ одному только лицу. Поэтому приходъ этого аѳонскаго монаха слѣдуетъ относить также ко времени, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ 1407 года.

Если до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ его книжныхъ, въ узкомъ значеніи термина, трудовъ, то аналогичное наблюденіе изслѣдователи указываютъ и относительно Константина. Оба они извѣстны какъ авторы двухъ цѣнныхъ въ историко-литературномъ отношеніи Житій двухъ сербскихъ правителей, но переводовъ ихъ мы не знаемъ. Если вѣрно наше предположеніе о тожествѣ Григорія и писца Гавріила, то предъ нами чрезвычайно интересный фактъ: два ученика патр. Евѳимія проводятъ его реформу въ разныхъ странахъ — Цамблакъ остановился на тырновской редакціи и работалъ въ Молдавіи, Константинъ примѣнилъ тѣ же правила къ сербскому правописанію и дѣйствовалъ въ Сербіи. Вотъ почему трудно допустить, чтобы Григорій и Константинъ не знали другъ друга, хотя и принадлежали разнымъ поколѣніямъ. Припомнимъ, между прочимъ, что „Сказаніе“ второго изъ нихъ извѣстно было въ Молдавіи и сохранилось въ Сборникѣ до 1554 года, переписанномъ въ Слатинскомъ монастырѣ [1]), находящемся недалеко отъ Нямецкаго.

V. Житіе Стефана Дечанскаго было написано Цамблакомъ, очевидно, по чьему-либо заказу. Могъ-ли этотъ заказъ исходить отъ Стефана Лазаревича? Мы думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ авторъ ни разу не упоминаетъ имени современнаго ему деспота, не обращается къ нему, не говоритъ о немъ и въ заключеніи и т. д., однимъ словомъ, его агіографическій трудъ стоитъ какъ-бы внѣ времени. Зато Цамблакъ восхваляетъ основателя Дечанской обители и возвеличиваетъ этотъ монастырь. Съ другой стороны, мы знаемъ, что Стефанъ Лазаревичъ былъ привязанъ къ созданной имъ Ресавѣ и ничѣмъ не выразилъ особаго попеченія о Дечанахъ. На сторонѣ деспота былъ и Константинъ, которому было поручено (?) составленіе „Сказанія о письменахъ“, который работалъ въ той же Ресавѣ и придерживался своеобразныхъ правопи-

---

[1]) *И. В. Ягичъ*, Разсужденія старины, стр. 676—581.

сныхъ правилъ, въ извѣстной степени расходившихся съ правописаніемъ самого Цамблака. Вотъ почему можно представить, что неуживчивый и властолюбивый Цамблакъ, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Сербію оказался въ оппозиціи, и составленное имъ Житіе дечанскаго основателя явилось какъ-бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы. При иныхъ условіяхъ онъ едва-ли такъ скоро покинулъ-бы Сербію.

VI. Въ то же время, игуменство Цамблака въ Дечанахъ ничѣмъ не засвидѣтельствовано [1]). Мы указали выше, что объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, ни поминаній, ни преданій, въ то время какъ игуменство въ другомъ Пантократоровомъ монастырѣ, Нямецкомъ, не только не подлежитъ сомнѣнію, но извѣстно намъ достаточно хорошо. Мы видимъ, напримѣръ, что преданія о Цамблакѣ живутъ въ Молдавіи, точнѣе, въ Нямецкомъ монастырѣ до XIX вѣка, игуменствомъ его гордятся, въ началѣ XVIII вѣка его называютъ святымъ и т. д. Ничего подобнаго мы не знаемъ о Цамблакѣ въ Сербіи, по крайней мѣрѣ, въ Дечанскомъ монастырѣ. Ни одинъ изъ болѣе позднихъ сербскихъ книжниковъ, ни одна изъ рукописей сербскаго происхожденія не сохранила намъ хотя-бы краткой замѣтки о Цамблакѣ. Еще меньше о немъ знали и знаютъ сами дечанскіе монахи. Въ старыхъ Помянникахъ Дечанскаго монастыря совсѣмъ нѣтъ имени игумена Григорія. Слѣдовательно, Цамблакъ и не могъ быть игуменомъ Пантократоровой Дечанской обители.

VII. Поэтому намъ остается связать одно выраженіе въ заглавіи Житія Стефана Уроша съ игуменствомъ Цамблака въ другой Пантократоровой обители, Нямецкой. Время этого игуменства мы датируемъ 1403—1406 годами, и къ этому періоду относится девять произведеній, надписываемыхъ очень близко къ заглавію разсматриваемаго Житія: „Григорія мниха

---

[2]) О игуменствѣ Григорія въ Дечанахъ говорятъ всѣ изслѣдователи, начиная митр. Евгеніемъ и кончая Е. Голубинскимъ, Исторія русской церкви, II, 2, стр. 375, 376.

и пресвитера, игумена Пантократоровой обители". Поэтому, если припомнимъ странное на первый взглядъ заглавіе Житія: „Григоріемъ мнихомъ и презвитеромъ, игуменомъ бывшимъ *тоежде* обители", то отмѣченное слово легко можно принять за болѣе позднюю замѣну слова *Пантократоровой*. А такъ какъ въ это время, въ 1407 и 1408 годахъ, Цамблакъ на самомъ дѣлѣ могъ называться только *бывшимъ* игуменомъ Пантократоровой (Нямецкой) обители, то такая замѣна могла произойти вполнѣ естественно. Прибавленіе „игуменомъ *бывшимъ* тоежде обители" могло явиться здѣсь такимъ же образомъ, какъ и въ другихъ заглавіяхъ нѣкоторыхъ произведеній Цамблака: „игумена *бывшаго* обители Пантократоровы" (Слово похв. Иліи—*П. А. Бычковъ*, Каталогъ собр. слав.-русск. рукоп. П. Д. Богданова, I, 52); „игуменомъ обители Пантократоровы, иже *бѣ* пресвитеръ" и т. д. (Житіе Іоанна Новаго — *П. Сырку*, 147); „Григоріе Цамблакъ... *бывый* митрополитъ Кіеву и всеа дръжавы литовскыа" (Слово надгробное Кипріану—*С. Шевыревъ*, Исторія русск. слов. III, 385) [1]); „*бывшаго* прежде учителя земли молдовлахійскія" и т. д. (Чипъ освященія церкви — *Древности. Труды Слав. Комм.*, ,II 2, стр. 86) и др. Однимъ словомъ, Григорій написалъ Житіе царя Стефана тогда, когда на самомъ дѣлѣ считался *бывшимъ* игуменомъ Пантократоровой обители, а это могло быть только послѣ осени 1406 года. Слѣдовательно, и это прибавленіе служитъ въ извѣстной степени доказательствомъ того, что Цамблакъ былъ въ Сербіи въ періодъ между оставленіемъ игуменства въ Нямецкомъ монастырѣ и посвященіемъ въ русскіе митрополиты.

VIII. Житіе не было произнесено самимъ Григоріемъ, потому что на всемъ пространствѣ этого памятника мы ни разу не встрѣчаемъ выраженій, обычныхъ въ проповѣдяхъ,

---

[1]) Е. Голубинскій понимаетъ это выраженіе слишкомъ своеобразно: „*бывшій* митрополитъ не значитъ *прежде бывшій* митрополитъ, а значитъ *состоящій* (sic) митрополитомъ", Исторія русской церкви, II, 2, стр. 385.

предназначенныхъ для произнесенія самимъ авторомъ. Наоборотъ, нѣсколько разъ онъ называетъ свое произведеніе „списаніемъ“; перечисляя пожертвованія Стефана Дечанскому монастырю, онъ говоритъ, что время не позволяетъ ему подробно списати (*Kukulević*, *Arkiv*, VI, 16), или передъ похвалой: „прочее мнѣ о сихъ списовати нынѣшнее не ключается время“ (ib., 19 ср. выше, стр. 146) и др.

Всѣ перечисленныя соображенія заставляютъ думать, что въ Сербіи Цамблакъ пробылъ очень недолго. Онъ не упускалъ изъ виду того, что̀ дѣлалось въ Россіи, и узнавъ о назначеніи Фотія русскимъ митрополитомъ на мѣсто своего дяди, Кипріана, Григорій покидаетъ Сербію и уѣзжаетъ въ Кіевъ. Кромѣ того, онъ едва-ли находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ сербскими книжниками, Константиномъ и, быть можетъ, самимъ Стефаномъ Лазаревичемъ (см. выше, стр. 150).

ГЛАВА III.

Цамблакъ въ Россіи.—Время перваго и второго его пріѣзда въ предѣлы русско-литовскаго княжества. — Время и мѣсто написанія Слова похв. Кипріану; біографическій элементъ въ этомъ произведеніи. — Попытки юго-западныхъ областей отдѣлиться отъ Москвы въ церковномъ отношеніи.—Соборы русскихъ епископовъ, подготовившіе избраніе Цамблака въ кіевскіе митрополиты.—Вражда Григорія съ Фотіемъ.—Путешествіе Цамблака на Констанцскій соборъ.—Привѣтственныя рѣчи папѣ Мартину V и отцамъ собора. — Литературная и книжная дѣятельность Цамблака за этотъ періодъ.

Въ Россію Цамблакъ прибылъ не по своей волѣ. Онъ былъ вызванъ письмомъ своего дяди, престарѣлаго митр. Кипріана. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ самъ Григорій: „и мы того писаніемъ подвигшеся, тщахомся достигнути вашея (страны), яко да пастыря узримъ, о стадѣ пекущася“ [1]); такъ же понимаютъ эти слова и всѣ изслѣдователи. У насъ нѣтъ, конечно, положительныхъ данныхъ для

---

[1]) Слово похв. Кипріану, *Чтенія* 1872 г., кн. I, Смѣсь, стр. 25.

того, чтобы сомнѣваться въ правдивости этого извѣстія, но въ тоже время къ нему слѣдуетъ относиться возможно осторожнѣе. Дѣло въ томъ, что, кромѣ желанія почтить память почившаго святителя и прославить своего же близкаго родственника, у проповѣдника была и другая, вполнѣ опредѣленная и плохо скрытая цѣль: связать свое прибытіе въ Россію съ волей покойнаго митрополита, лица очень почтеннаго въ глазахъ слушателей. Мы уже видѣли раньше, что о дѣтствѣ панегириста мы знаемъ только изъ этого Слова (см. выше, стр. 17—30). При всей своей сдержанности и тактѣ, Цамблакъ рѣшился говорить о самомъ себѣ только въ этомъ Словѣ, изъ многочисленныхъ его произведеній единственномъ, дающемъ автобіографическій матерьялъ. Въ аналогичномъ по содержанію похвальномъ Словѣ Евѳимію Григорій ни одной фразой не обмолвился о себѣ, тогда какъ для этого были такіе же подходящіе случаи (см. выше, стр. 28). Вотъ почему весь автобіографическій элементъ въ Словѣ похвальномъ Кипріану можно объяснять довольно наивнымъ пріемомъ captatio benevolentiae. При первомъ знакомствѣ съ новой страной, гдѣ его могла ожидать митрополичья каѳедра, которую какъ-будто такъ опредѣленно ему предсказывалъ Кипріанъ (см. выше, стр. 29), проповѣднику казалось вполнѣ умѣстнымъ и даже необходимымъ сказать нѣчто благопріятное и о самомъ себѣ. Зачѣмъ же въ иномъ случаѣ русскимъ слушателямъ нужно было знать, что какой-то болгарскій іеромонахъ былъ соотечественникъ и родственникъ почившаго Кипріана, что Кипріанъ благословилъ отрока-Григорія въ Тырновѣ и предсказалъ ему „вся, хотящая намъ случитися?“

Вотъ почему мы рѣшаемся заподозрить реальное существованіе такого пригласительнаго письма, написаннаго Кипріаномъ, какъ думаютъ наши предшественники, незадолго до кончины съ цѣлью передать своему племяннику престолъ русской митрополіи. Во-первыхъ, въ разсматриваемомъ Словѣ некрологическая риторика направлена была въ пользу самого па-

негриста. Хвалить своего предшественника, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о личныхъ отношеніяхъ къ нему, всегда и всюду было обычнымъ пріемомъ во всякаго рода похвальныхъ и надгробныхъ Словахъ. Изъ литературы предшествующаго Цамблаку періода припомнимъ хотя-бы Житіе Григорія Синаита, въ которомъ патр. Каллистъ не разъ искусственно вводитъ цѣлые эпизоды или отдѣльныя фразы, характеризующія не только простое расположеніе къ нему основателя школы исихастовъ, но и указывающія на автора Житія, какъ на единственно достойнаго преемника всѣхъ тайнъ созерцательныхъ подвиговъ. Правда, далѣе Каллистъ восхваляетъ и другихъ учениковъ Григорія, но и въ этой части Житія можно видѣть косвенную похвалу по адресу автора, какъ лучшаго ученика покойнаго. Во-вторыхъ, едва-ли приглашеніе, о которомъ говоритъ Григорій, могло произойти такъ просто. Едва-ли замѣщеніе престола зависѣло отъ одного Кипріана. Наконецъ, могъ-ли Кипріанъ передать своему племяннику именно московскую каѳедру? Очень сомнительно, чтобы Москва согласилась имѣть у себя митрополитомъ человѣка, на котораго плохо смотрѣли въ Константинополѣ и который около пяти лѣтъ передъ тѣмъ такъ или иначе обманулъ патр. Матѳея. Если-же Кипріанъ думалъ о кіевской каѳедрѣ, то онъ не могъ игнорировать желаніе великаго князя литовскаго, настоящаго правителя юго-западной Руси. Однимъ словомъ, Кипріанъ ничего не могъ обѣщать Григорію, и приглашеніе пріѣхать едва-ли исходило только отъ его иниціативы.

Гораздо правильнѣе поставить въ связь пріѣздъ Цамблака въ Россію съ тѣми неоднократными попытками западнорусскихъ областей отдѣлиться отъ Москвы въ церковномъ отношеніи, о которыхъ мы имѣли уже случай упоминать (см. выше, стр. 67) и о которыхъ разскажемъ подробнѣе нѣсколько ниже. До своего пріѣзда Цамблакъ жилъ въ Молдавіи. Молдавскій господарь поддерживалъ дружескія отношенія съ Витовтомъ, признавалъ протекторатъ Ягелла, церков-

ную зависимость отъ польско-русскаго Галича, который въ это время, съ 1401 года, находился подъ вѣдѣніемъ того же Кипріана, какъ кіевскаго, галичскаго и всероссійскаго митрополита [1]), и т. д. Благодаря послѣднему обстоятельству, отправляясь въ западную Русь, Цамблакъ въ сущности не прерывалъ сношеній съ Молдавіей, которая всегда легко могла косвеннымъ образомъ очутиться подъ его же юрисдикціей, по полученіи имъ кіевской каѳедры. Далѣе, если прослѣдимъ, какимъ путемъ ѣхалъ Цамблакъ, то увидимъ, что выѣхавъ изъ Нямецкаго монастыря, онъ, по всей вѣроятности, чрезъ Сочаву направился къ столицѣ Литвы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ того же Слова. Григорій говоритъ, что вѣсть о кончинѣ Кипріана онъ получилъ на берегахъ Нѣмана; сравнивая свое горе съ страданіями еврейскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ и плакавшихъ „на рѣкахъ Вавилона", онъ продолжаетъ: „и на мнѣ бо сбысться, якоже и на онѣхъ. Идущу ми къ вамъ, якоже и доспѣвъ рѣки,—и тамо рѣка убо Геонъ бѣаше,

---

[1]) Приведемъ, напримѣръ, фразу изъ грамоты около 1405 года „agnovimus ad petitionem honorabilis in Domino Deo Kiprziano metropolitani Kioviensis et Haliciensis totiusque Russiae", Acta grodzkie i ziemskie, tom. VII, № 26, str. 50. А. Прохазка думаетъ даже, что Молдавія признала церковное подчиненіе и Цамблаку, когда послѣдній отдѣлился отъ Фотія т. е. послѣ 1415 года. Это слѣдуетъ, по мнѣнію историка, изъ того, что въ письмѣ къ папѣ Мартину V Ягелло называетъ Цамблака: „metropolita totius Russiae ac plage *orientalis*" (*A. Lewicki*, Codex epistolarum XV saeculi, tom. II, № 81, p. 99), а самъ Цамблакъ въ привѣтствіи тому же папѣ въ Констанцѣ (1418 г.) говоритъ о *двухъ* народахъ, желающихъ уніи съ Римомъ (*Finke*, Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanz-Koncils, p. 239: redeuntque iste *due* gentes etc.), *Przegląd powszechny*, 1896, Zeszyt VII, str. 334, nota 3. Далѣе Прохазка указываетъ на то, что время для возведенія Цамблака на каѳедру кіевской митрополіи оказалось благопріятно потому, что въ томъ же году молдавскій воевода Александръ, мужъ Витовтовой сестры Рынгатты, торжественно изъявилъ покорность королю въ Снятынѣ. Прибавимъ *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III, p. 118; *Picot et G. Rengesco*, Alexandre le Bon., pp. 13 — 14; *Gr. Tocilescu*, Manual de istoria românа p. 128; *Древности Слав. Ком.и. Моск. Археол. Общества.* т. II, 2, стр. 83 (въ поздней записи на Служебникѣ Цамблакъ также называетъ себя „митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Руси") и мн. др.

идѣже плѣненіи они, — рѣка же Немонъ бяше, притичющи Литвы, на нейже горькому намъ стрѣтшю возвѣщенію, — ниже плакати можахомъ“ [1]). Преосв. Мелхиседекъ первый высказалъ предположеніе, что въ это время Цамблакъ былъ въ Вильнѣ [2]), но въ произнесенномъ въ Москвѣ (?) Словѣ онъ не называетъ этотъ городъ прямо, по извѣстнымъ политическимъ соображеніямъ [3]). П. Соколовъ пытается даже „съ нѣкоторой точностью“ опредѣлить время прибытія его въ Литву: такъ-какъ извѣстіе о смерти Кипріана, послѣдовавшей 16 сентября 1406 года [4]), могло дойти до западныхъ границъ Литвы самое большее (?) черезъ двѣ (?) недѣли, то Цамблакъ вступилъ въ Литву приблизительно въ началѣ октября 1406 года (стр. 157). Но г. Соколовъ не обратилъ вниманія на то, что Григорій указываетъ не вообще на западныя границы Литвы, а на Нѣманъ. Во-вторыхъ, для такого вывода понадобилось странное предположеніе, будто „Цамблакъ достигъ этихъ границъ или одновременно (?) съ этой вѣстью или нѣсколькими днями позднѣе (?)“. Мы думаемъ, что дѣло произошло какъ разъ наоборотъ: Цамблакъ успѣлъ прожить въ Вильнѣ нѣкоторое время, познакомиться съ планами Витовта, желаніями духовенства и народа, и только вѣсть о кончинѣ Кипріана разрушила его намѣренія устроиться въ западно-русскихъ областяхъ.

---

[1]) *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн.*, 1872, кн. I, стр. 29.

[2]) По мнѣнію П. Сырку, „данныхъ для такого заключенія нѣтъ“ стр. 119. А. Горскій тоже не знаетъ, откуда былъ вызванъ Цамблакъ— изъ Тырнова (sic), Сочавы или Дечанскаго (sic) монастыря. Ему неизвѣстенъ былъ текстъ Слова похв. Евѳимію, на которое онъ возлагалъ большія надежды въ спорныхъ вопросахъ біографіи Цамблака, *Прибавленія къ твореніямъ свв. отецъ*, кн. XI, стр. 239—240.

[3]) Мы думаемъ, что такое предположеніе невѣрно. Нужно принять во вниманіе любовь оратора къ образнымъ, иносказательнымъ оборотамъ. Противопоставленіе вавилонскихъ плѣнниковъ, плакавшихъ у рѣки, и самого себя, не имѣвшаго силъ даже въ слезахъ дать исходъ горю, представляло хорошій матерьялъ для красивой и сильной антитезы. Кромѣ того, какъ увидимъ, Слово не могло быть произнесено въ Москвѣ.

[4]) Въ записи на Сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1470 года (л. 129), Кипріанъ † 15 сентября 6915 года. *Ученыя Записки II Отд. Имп. Акад. Наукъ*, т. V, 2, стр. 15—16.

Такимъ образомъ, ставя пріѣздъ Цамблака въ связь съ сепаратистическими стремленіями югозападной Руси, мы можемъ представить себѣ дѣло слѣдующимъ образомъ. Если даже не отвергать прямого участія Кипріана въ приглашеніи Григорія, то старикъ-митрополитъ, найдя возможнымъ и необходимымъ возстановить кіевскую митрополію, которой самъ правилъ такъ неудачно и неспокойно въ началѣ своей дѣятельности, могъ или самъ предложить своему племяннику пріѣхать въ Россію, или указать на него Витовту, но пріѣхать не въ Москву, которая къ этому времени всѣми силами противилась такому отдѣленію отъ нея русскихъ областей въ церковномъ смыслѣ,— а въ Вильну или Кіевъ. Пріѣздъ Цамблака легко могъ явиться результатомъ долговременнаго пребыванія Кипріана въ Литвѣ, незадолго до его кончины. Около двухъ лѣтъ (1404—1406) Кипріанъ провелъ въ визитаціяхъ русско-литовскихъ епархій и не только бесѣдовалъ съ Витовтомъ объ отдѣленіи, но и высказывалъ свое сочувствіе мысли Ягелла и литовскаго великаго князя относительно предполагавшейся уніи. Уже преосв. Мелхиседекъ обратилъ вниманіе на то, что, выборъ Кипріана, павшій именно на Цамблака, казался удачнымъ потому, что чужанинъ-Григорій не могъ мирволить московской политикѣ и скорѣе отстаивалъ бы интересы западно-русскихъ областей. Это случилось на самомъ дѣлѣ, но гораздо позднѣе, спустя восемь лѣтъ.

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что съ осени 1406 года Цамблакъ остался въ Россіи, и недоумѣваютъ только, почему не сохранилось никакихъ слѣдовъ его дѣятельности, ни административной, ни литературной. Въ самомъ дѣлѣ, до 1415 года, когда Цамблакъ былъ поставленъ на кіевскую митрополію, т. е. за періодъ около семи лѣтъ, извѣстно только небольшое по размѣрамъ надгробное Слово Кипріану, притомъ съ довольно страннымъ заглавіемъ, въ которомъ проповѣдникъ именуется игуменомъ таинственной Плинаирской обители. За все это время Цамблакъ едва-ли также былъ въ

Молдавіи. Если бы онъ на самомъ дѣлѣ остался въ Россіи, то Витовтъ просилъ-бы патріарха посвятить въ митрополиты для подчиненныхъ ему епархій скорѣе всего Цамблака, а не другое лицо, полоцкаго архіеп. Ѳеодосія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописей, грека. Слѣдующіе непосредственно за его пріѣздомъ годы, 1407—1408, были необыкновенно благопріятны для кандидатуры Григорія. Сейчасъ же послѣ смерти Кипріана начинается вражда великаго князя литовскаго съ московскимъ, результатомъ которой и было окончившееся неудачей посольство въ Константинополь для посвященія Ѳеодосія. Патріархъ не желалъ дѣлать непріятное Москвѣ, въ которой сильно нуждался,—и въ русскіе митрополиты былъ поставленъ Фотій. Насъ не должно удивлять, что Цамблакъ не фигурируетъ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Витовта, такъ-какъ въ это самое время онъ былъ въ Сербіи (см. выше, стр. 143).

Изъ Сербіи Цамблакъ вернулся въ Россію ко времени пребыванія въ Кіевѣ вновь назначеннаго митр. Фотія, проѣздомъ изъ Константинополя, которое продолжалось около полугода, втеченіе осени и зимы 1409—1410 года. Къ этому же времени мы относимъ произнесеніе Григоріемъ Слова похвальнаго Кипріану, которое извѣстно въ одномъ только спискѣ XVI вѣка, съ нѣсколько загадочнымъ надписаніемъ: „Григорїа мниха и презвитера, игоумена обители Плинаирьскїа“. Многихъ ученыхъ занимала эта таинственная обитель, не встрѣчающаяся ни у кого изъ старыхъ русскихъ или югославянскихъ писателей, ни въ одной грамотѣ, записи и т. д.; а изъ всѣхъ произведеній Цамблака, такъ надписывается лишь это Слово. Поэтому для разнообразныхъ предположеній ученыхъ представлялся полный просторъ.

Преосв. Макарій говоритъ объ игуменствѣ Цамблака „въ какой-то обители Плинаирской, неизвѣстно гдѣ находившейся“ (стр. 99). С. Шевыревъ понимаетъ это выраженіе въ смыслѣ иносказательномъ, къ сожалѣнію, никѣмъ не принятомъ и не объясненномъ, потому что, хотя Мелхиседекъ и повторяетъ

объясненіе Шевырева, видя въ спорномъ словѣ намекъ на „нѣчто не существующее въ атмосферѣ нашей планеты“, но прибавляетъ, что русскому профессору „пришлось довольствоваться“ (sic) такой этимологіей (стр. 12). П. Сырку думаетъ, что существовавшая въ дѣйствительности обитель Плинаирская, „вѣроятно, находилась въ западной Руси, гдѣ-нибудь близъ (?) границъ Литвы“ (стр. 119). П. Соколовъ также не рѣшается опредѣлить мѣстопребываніе и положеніе Цамблака за этотъ періодъ, хотя объ этомъ „можно было-бы догадаться изъ надписанія на (sic) его похвальномъ Словѣ Кипріану... Но что это такое за „обитель Планаирская“, трудно сказать: такой обители историки не знаютъ. Всего вѣроятнѣе думать, что здѣсь разумѣется не русская обитель, а какой-нибудь восточный монастырь, гдѣ Цамблакъ былъ игуменомъ когда-то прежде (?), хотя изъ другихъ источниковъ намъ объ этомъ неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, ни его предшествующая исторія, ни его послѣдующая карьера не позволяютъ допустить, чтобы Цамблакъ въ этотъ періодъ своей жизни оставался совершенно бездѣятельнымъ и безвѣстнымъ. Можно полагать, что прибывъ въ Литву [1]), Цамблакъ продолжалъ здѣсь проповѣдническую дѣятельность и вскорѣ выдвинулся на этомъ поприщѣ“ (стр. 158—159). Подъ „восточной обителью“ П. Соколовъ готовъ разумѣть Плинарійскій монастырь въ Константинополѣ, о которомъ упоминаютъ патріаршія грамоты XIV вѣка: *ἡ μονὴ τῆς ὑπεράγνου δεσποίνης καὶ θεομήτορος καί ἐπικεκλημένη τοῦ Πλυναρίου* или *ἡ μονὴ τῶν Πλυναρείων* [2]). „Весьма возможно, — продолжаетъ онъ, — что этотъ именно константинопольскій Плинарскій монастырь и есть обитель Плинаирская Цамблака. Можно допустить, что Цамблакъ, состоя въ Константинополѣ синкелломъ при патріархѣ, въ то-же время числился игуме-

---

[1]) Такое предположеніе должно было оправдать мнѣніе автора о пребываніи Цамблака въ Сербіи въ 1404—1406 годахъ: „для всего этого требовалось не менѣе (?) двухъ лѣтъ“, (стр. 70).

[2]) Acta Patriarchatus Constantinopolitani, tom. I, pp. 194—195, 423.

номъ этого монастыря [1]). Почему, прибывъ въ Россію, онъ назывался игуменомъ этой именно обители, а не игуменомъ Дечанскаго монастыря, которымъ онъ управлялъ непосредственно предъ тѣмъ, это можно объяснить нѣкоторыми личными разсчетами: титулъ игумена константинопольскаго монастыря, безъ сомнѣнія, имѣлъ для русскихъ больше значенія, чѣмъ титулъ игумена сербскаго монастыря". Тоже повторяетъ и Е. Голубинскій; онъ не сомнѣвается, что этотъ монастырь находился въ Греціи, и только переноситъ его почему-то въ окрестности Константинополя [2]). Польскій историкъ А. Прохазка думаетъ, что Цамблакъ жилъ въ это время въ кіевскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, найдя здѣсь пріютъ послѣ (?) паденія Тырнова [3]). Вѣроятно, его смутила одна фраза изъ дневника Филластры, который, описывая Констанцскій соборъ, говоритъ, что съ Цамблакомъ, прибыли священники „de ordine sancti Basilii". Наконецъ, нѣкоторое отдаленное сходство въ созвучіяхъ названій даетъ поводъ подъ Плинаирской обителью разумѣть извѣстный сербскій монастырь Плеанъ [4]) и т. д. Но мы глубоко сомнѣваемся, чтобы на основаніи заглавія Слова было-бы возможно говорить о реальномъ существованіи такой обители и объ игуменствѣ въ ней Григорія.

Зная склонность Цамблака къ иносказательному, которымъ проникнуты и буквально блещутъ всѣ его произведенія, что являлось результатомъ требованій школы того времени, мы должны искать тотъ же иносказательный смыслъ и въ названіи обители. Вотъ почему намъ представляется необыкновенно удачной догадка проф. С. Шевырева, высказанная еще въ пятидеся-

---

[1]) Допустить такое предположеніе не позволяетъ возрастъ Григорія, которому въ это время было немного больше 30 лѣтъ. Едва ли въ Константинополѣ, при скопленіи въ немъ чернаго духовенства, могъ быть такой молодой игуменъ.

[2]) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 375.

[3]) *Przegląd powszechny*, 1896, Zesz. VI, str. 334.

[4]) *А. Гильфердингъ*, Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи. Сочиненія, т. III, стр. 287, 318.

Приложеніе къ изслѣдованію А. И. Яцимирскаго „Григорій Цамблакъ".

Таблица V.

тавнаѣхомъвъннщетѣтолицѣ. ко
гдатебѣсіасътворнхомъ. понежере
сътворнтееднномоумалыихъ, мнѣсѧ
творнте. едаиевѣрнословo. ꙗкомн
лоуманнищавъзаемъдаетъбоу. нзрн
чноданое. ннчтожеиповъспоменжде
лодобродѣтелн, тъчїжесе. нбоможа
шерещи, прїндѣтебавенїн, ꙗкоцѣло
мждрънопожнете. ꙗкодвьствꙋвасте.
ꙗкоаггльскоежитїевъспрнасте. нж
оумлъчасїа. неꙗкопедоннапаматн
нжꙗковтораатакольбїꙋ. нжꙗкожесїа
ѿдеснжапоставнраднтлкольбїа. сн
ценшоуирадннеплодїаѿрннж. ѿ
стжпнтеѿмепереприкмтїнвътъ
мжкромѣшнжа. оуготованныждїа
волоунаггеломъего. тѣсорадн. по
нежевъзалкахъ, нинедастемнꙗстн. не
реꙗкосъблжднете. ꙗкопрѣлюбодѣн
ствꙋвасте. ꙗкооукрадюсте. ꙗколъ
жесвѣтелствꙋвасте. ꙗкокламтвопре
стжпннцнбыасте. злаоубовънестннж
сїа. нжнемлрдїамалѣншасѧтъ. по
чтожеѿгн, неннѣмъпжтемъпрнносн
шнпамать. несждаретрѣха, нжне
млрдїе. неѿсждаждасъгрѣшьшїнхъ,
нжнепокаавшїнсѧ. ѡнемлрдїнвасжда.
ꙗкоимащетолнконтакобоврагованїе
спсенїаматынa. въненжеочншаетсѧ
въсѣкосъгрѣшенїе. оумнчнжалънне

тыхъ годахъ, правда, какъ-то мимоходомъ, безъ всякихъ объясненій, а именно, что названіе „Плинаирскій“ происходитъ отъ словъ: πλὴν (внѣ) и ἀὴρ (воздухъ) [1]).

Такимъ образомъ, можно предполагать, что „внѣвоздушная“ обитель явилась въ заглавіи похвальнаго Слова по одному изъ слѣдующихъ побужденій:

I. Прежде всего, названіе Плинаирской обители слѣдуетъ поставить въ ближайшую связь съ такимъ же греческимъ по этимологіи, книжнымъ по заимствованію и столь же торжественнымъ по смыслу названіемъ „Пантократорова“ Нямецкаго монастыря въ Молдавіи, которымъ незадолго передъ этимъ Цамблакъ управлялъ.

II. Не хотѣлъ-ли проповѣдникъ противопоставить какую-то „надвоздушную, у всѣхъ на виду находящуюся, открытую“ обитель хорошо извѣстнымъ изъ предшествовавшаго періода болгарской агіографической литературы обителямъ, которыя существовали въ XIV вѣкѣ, — *Пароріи* или *Скрытной* пустыни преп. Григорія Синаита („Житіе“, патр. Каллиста: къ глꙋбочайшїи поустыни Парорецѣи, посрѣдѣ грькь и блъгарь, иже Пароріе зовомо есть), или же другой пустыни, находившейся на сосѣдней горѣ, куда удалился тотъ же исихастъ, — *Катакріомени* (Κατακρυπτομένη μονή), переданной въ Аѳонскомъ Патерикѣ словомъ „Скрытная“? Въ концѣ первой половины XIV вѣка царь Александръ воздвигъ здѣсь обитель, въ которой подвизались знаменитые предшественники Цамблака — Ѳеодосій и Евѳимій, быть можетъ, жилъ нѣкоторое время Кипріанъ [2]), и о которой не разъ говоритъ Цамблакъ въ Словѣ похвальномъ тырновскому патріарху: наслѣдова оумнаго житїа правило непрѣль-

---

[1]) Исторія русской словесности. М. 1858 г., ч. III, стр. 385

[2]) *П. Сырку*, Время и жизнь, стр. 3, 33, 105, 106, 108, 153, 166 и 252. Интересны объясненія, сдѣланныя о. Неофитомъ Рыльскимъ на поляхъ Житія Синаита: „*катакріомени*“ (гора) сице именуема, еже значитъ зело студена“; къ *Пароріе* (παρόριον) — „*пригоріе*“. *П. Сырку*, Очерки изъ литературныхъ сношеній, стр. CLXXII.

єтноє, иже Парашрєкыꙗ горы испытнымь разоума оуєтакомь и т. д. [1]). Противопоставленіе реально существовавшей *скрытой* (Катакріоменской) пустыни и воображаемой *открытой* (Плинаирской) обители не было простой антитезой, какъ внѣшнимъ пріемомъ рѣчи. Проповѣдникъ на самомъ дѣлѣ могъ противопоставить созерцательный идеалъ греко-болгарскихъ исихастовъ своимъ суетнымъ стремленіямъ: тѣ избѣгали мірскихъ интересовъ, удалялись въ пустыню, а онъ явился въ Россію смѣлымъ и упорнымъ искателемъ митрополичьей каѳедры и т. д.

III. Существуетъ остроумная догадка, будто свое названіе Катакріоменская обитель получила „вслѣдствіе отдаленности и дикости мѣста". Послѣднее вполнѣ справедливо, и Цамблакъ могъ дать совершенно противоположное по смыслу, *нарицательное* названіе „открытаго" одному изъ монастырей шумныхъ и людныхъ столицъ Молдавіи, Сербіи или юго-западной Россіи, гдѣ онъ временно жилъ, или незадолго передъ тѣмъ, или во время произнесенія Слова.

IV. Положеніе Цамблака было въ это время слишкомъ неопредѣленнымъ. Онъ не занималъ никакой должности, а являлся кандидатомъ съ очень сомнительными шансами на полученіе каѳедры. Если предшествующее его произведеніе, Житіе Стефана Дечанскаго, было написано имъ только какъ „*бывшимъ* игуменомъ *тояжде* обители", въ званіи столь же сомнительномъ и таинственномъ, то теперь тѣмъ болѣе умѣстнымъ казалось ему называть себя игуменомъ обители, находившейся „внѣ пространства". Наконецъ,

VI. Цамблакъ не могъ, не имѣлъ права и основаній ѣздить въ Константинополь и тамъ получить игуменство въ Плинарійскомъ монастырѣ, какъ думаетъ П. Соколовъ. Мы уже видѣли, что порученіе патр. Матѳея въ Молдавіи Цамблакъ не выполнилъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ начинается открытая вражда его съ Константинополемъ.

---

[1]) *E. Kałužniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur, 33, 63.

Такимъ образомъ, заглавіе Слова не даетъ никакихъ данныхъ для біографіи Цамблака. Напротивъ, принявъ наше толкованіе, можно думать, что проповѣдникъ намѣренно желалъ скрыть свое положеніе, мѣсто пребыванія и т. д.

Но изъ текста Слова видно, когда и отчасти гдѣ именно оно произнесено. Прежде всего замѣтимъ, что въ единственномъ спискѣ его, въ синодальномъ Сборникѣ XVI вѣка (№ 234), мы имѣемъ скорѣе всего копію съ послѣдней редакціи, переписанной и подписанной самимъ авторомъ въ то время, когда онъ жилъ на покоѣ въ Нямецкомъ монастырѣ. На это указываетъ сохраненная позднѣйшимъ переписчикомъ запись въ концѣ Слова: „написахъ Кипріану: О, Кипріане, по истинѣ еси свѣтило россійской земли! Григоріе Цамблакъ, *писавый* Слово сіе надгробное, *бывый* митрополитъ Кіеву и всеа дръжавы литовскыа“. Мы считаемъ очень цѣннымъ это соображеніе, такъ какъ такое именно происхожденіе копіи ручается за близость ея къ редакціи самого автора, а потому можно вполнѣ полагаться на отдѣльныя выраженія въ Словѣ. Говоря о любви слушателей къ покойному митрополиту, Григорій предполагаетъ, что это чувство будетъ продолжать жить въ паствѣ Кипріана и много лѣтъ спустя: „*не двоихъ или тріехъ годъ, иже преидоша*, но и простертію лѣтнему съпротяжется ваше ко отцю любленіе“ (стр. 26). Отсюда заключаемъ, что со времени кончины Кипріана (16 сентября 1406 г.) прошло „два-три года“, т. е. „немного времени“ въ сравненіи съ „простертіемъ лѣтнимъ“, такъ-сказать съ безконечнымъ“ періодомъ. Съ другой стороны, какъ мы указали раньше (стр. 28), Кипріанъ проѣзжалъ черезъ Тырновъ въ 1379 году, а отъ этого событія и до произнесенія Слова прошло, по словамъ автора, немного болѣе 30 лѣтъ: „суть бо оттоли до *тридесять и нѣгдѣ лѣтъ*, егда отъ насъ воздвигся“ (стр. 27). Слѣдовательно, появленіе Слова должно относиться ко времени вскорѣ послѣ 1408 сентябрьскаго года.

Что же произошло въ жизни русской церкви послѣ 1408

года и почему въ это именно время Цамблакъ нашелъ болѣе удобнымъ произнести Слово предъ паствой, хорошо знавшей святителя? Если онъ прибылъ на Русь первый разъ въ 1406 году, а каѳедру получилъ только въ 1415-мъ, то почему же подходящій поводъ для произнесенія Слова представился именно въ 1409—1410 году, а не въ иномъ? На этомъ вопросѣ не останавливался никто изъ нашихъ предшественниковъ, а вмѣсто того они посвящали цѣлыя страницы мало идущимъ къ дѣлу разсужденіямъ о томъ, что въ Литвѣ Цамблакъ продолжалъ (?) своею проповѣдническую дѣятельность и вскорѣ выдвинулся (?) на этомъ поприщѣ, что за это время онъ сильно стремился пріобрѣсти популярность въ Литвѣ, снискалъ расположеніе Витовта и т. д. (П. Соколовъ, стр. 158—159). Мы думаемъ, что нѣкоторыя разъясненія могутъ быть сдѣланы на основаніи слѣдующихъ фактовъ изъ жизни Григорія и изъ исторіи русской церкви.

Узнавъ о кончинѣ Кипріана, не рѣшаясь являться въ Москву изъ ненавистной ей Литвы, и прождавъ нѣкоторое время въ Вильнѣ, Цамблакъ ушелъ въ Сербію, откуда продолжалъ слѣдить за ходомъ событій въ церковной русской жизни. Вѣсть о поставленіи для Москвы Фотія въ Константинополѣ 1 сентября 1408 года не замедлила, вѣроятно, достичь и Сербіи. Какъ извѣстно, только черезъ годъ, въ самомъ началѣ осени септябрьскаго 1409 года, Фотій прибылъ въ Кіевъ и пробылъ тамъ до начала весны (конецъ марта) слѣдующаго года, когда отправился въ Москву. Къ этому времени явился въ Кіевъ и Цамблакъ, скорѣе всего съ цѣлью узнать мнѣніе новаго митрополита о возможномъ отдѣленіи западно-русской митрополіи, о своихъ шансахъ на полученіе каѳедры и т. д. Тогда-то ему и казалось удобнымъ произнести Слово, посвященное памяти его близкаго родственника, звавшаго его къ себѣ, повидимому, для передачи каѳедры. Мы отмѣтили выше, что Цамблакъ не могъ скрыть своего желанія связать память прославляемаго святителя съ своимъ

пріѣздомъ; а такъ-какъ Фотій являлся преемникомъ Кипріана, то завѣтъ послѣдняго долженъ былъ служить новому митрополиту почти закономъ. Видно, что уже тогда Цамблакъ, при содѣйствіи Витовта, выказалъ чѣмъ-нибудь свои притязанія на русскую митрополію, если не „всея Руси“ или московскую, то западную, кіевскую или „державы литовскія“, потому что въ извѣстной „Окружной грамотѣ“ 1415 года, Витовтъ обвиняетъ Фотія въ нарушеніи даннаго имъ при пріѣздѣ обѣщанія постоянно жить въ Кіевѣ, подъ каковымъ только условіемъ послѣдній и былъ признанъ со стороны литовскаго князя. Первое время Фотій исполнялъ свое обѣщаніе, и въ слѣдующіе годы, 1411 и 1412, посѣщалъ Кіевъ, правда, держа себя не по пастырски, на что̀ указываетъ та же „Окружная грамота“. Очень возможно, конечно, что эти посѣщенія дѣлались имъ отчасти съ цѣлью не раздражать Витовта, заставить его оставить мысль объ отдѣленіи митрополіи и дать понять Цамблаку, что всякія старанія его добиться каѳедры напрасны. Вотъ почему мы думаемъ, что похвальное Слово Кипріану произнесено въ концѣ 1409 или въ началѣ 1410 года, т. е. осенью-зимой 1409 сентябрьскаго года, скорѣе всего—въ присутствіи Фотія.

Переходимъ къ другому вопросу: гдѣ могло быть произнесено Слово? Прежніе изслѣдователи думали, что это было въ Москвѣ, такъ какъ „проповѣдникъ обращается къ паствѣ, хорошо знавшей покойнаго“ (Филаретъ, Исторія русск. церкви, 1862, кн. II, стр. 155; Мелхиседекъ, стр. 12; Сырку, стр. 119 и др.). На нашъ взглядъ, скорѣе можно говорить здѣсь о Кіевѣ, что̀ видно изъ слѣдующаго:

I. Въ Москвѣ Кипріанъ не пользовался такой же популярностью среди паствы и правителей, какъ въ юго-западной Руси. Лѣтописи говорятъ о дружбѣ его съ Витовтомъ и Ягелломъ. Слѣдовательно, путь для captatio benevolentiae при посредствѣ памяти о Кипріанѣ былъ бы для Цамблака не

совсѣмъ удаченъ въ Москвѣ. Кромѣ того, на Москву онъ не могъ разсчитывать. Напротивъ,

II. для западной Руси Кипріанъ являлся лицомъ болѣе близкимъ, болѣе своимъ. Во время продолжительныхъ посѣщеній Вильны и Литвы, въ 1396 и 1404—1406 годахъ, онъ выражалъ даже сочувствіе мысли Ягелла относительно уніи и т. д. (см. выше стр. 157). Проповѣдникъ соединяетъ свою печаль съ горемъ своихъ слушателей: „вамъ же и намъ отьца печали предложися трапеза, и питіе съ плачемъ растворися“ (стр. 26).

III. Если бы въ глазахъ Москвы могло имѣть значеніе родство проповѣдника съ почившимъ митрополитомъ и приглашеніе его послѣднимъ, то Цамблакъ, навѣрное, соединилъ бы себя съ Кипріаномъ и въ другомъ случаѣ, доказывая законность своего избранія и отдѣленія западно-русской митрополіи отъ московской. А въ „Окружномъ“ и „Оправдательномъ“ Посланіяхъ, предназначавшихся спеціально для Москвы и составленныхъ не безъ участія Григорія, имя Кипріана не упоминается ни разу.

IV. Въ припискѣ къ Слову Цамблакъ называетъ себя не обычнымъ именемъ „Григорій архіепископъ всея Россіи“, а страннымъ на первый взглядъ титуломъ „митрополитъ Кіеву и всея державы литовскія“, что̀ и на самомъ дѣлѣ было вѣрнѣе.

V. Въ текстѣ Слова есть намекъ на борьбу православныхъ съ литовцами-язычниками: „Гдѣ извѣстное душамъ кормило, имже возмущеніа языческаа безстрастно прехождаясте?“ (стр. 29). Вполнѣ естественно, что московская паства не знала подобныхъ „возмущеній языческихъ“, и упоминаніе о нихъ не имѣло бы значенія. Кромѣ того, Цамблакъ ничего не говоритъ о спеціально-московской дѣятельности Кипріана.

VI. Далѣе проповѣдникъ описываетъ скорбь паствы: „Егда бо возвѣстися блаженное оно преставленіе, не вси-ли московстіи путіе восплакашася?“ (стр. 29). Можно ли было говорить въ Москвѣ о „московскихъ-же путяхъ“? Плачъ же великорус-

ской паствы, когда-то не принявшей Кипріана и надругавшейся надъ нимъ, представлялся проповѣднику удачнымъ намекомъ на неблагодарность москвичей.

VII. Перечисляя добродѣтели Кипріана, онъ упоминаетъ также объ „Іововомъ терпѣніи" покойнаго: „вѣсте бо, возлюбленніи, колико бѣды подъятъ, иже каменное умягчило бься естество,—вся сладцѣ претерпѣ, да васъ не разлучится" (стр. 31). Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что втеченіе всего московскаго періода митрополичества Кипріана не произошло ни одного событія, которое угрожало бы ему разлукой съ паствой; въ то же время положеніе его въ юго-западной Руси было очень непрочнымъ, и Москва не скрывала своихъ намѣреній лишить Кипріана власти, чтó и случилось на самомъ дѣлѣ въ 70 годахъ XIV вѣка (см. ниже, стр. 170).

VIII. Прибытіе грека Фотія въ Кіевъ было встрѣчено Витовтомъ, князьями и духовенствомъ не особенно радушно, почему новому митрополиту понадобилось прожить здѣсь цѣлые полгода и дать обѣщаніе часто посѣщать западно-русскія епархіи. Іеромонахъ Григорій, славянинъ, человѣкъ книжный, сочувствовавшій отдѣленію и въ этомъ отношеніи казавшійся въ нѣкоторой степени преемникомъ Кипріана, могъ выиграть въ глазахъ кіевской знати, духовенства и паствы, напомнивъ имъ о своей близости къ Кипріану. Для Москвы это было бы по крайней мѣрѣ излишнимъ, такъ какъ прибытіе Фотія было желательно, повидимому, для всѣхъ.

Похвальное Слово сообщаетъ нѣкоторые историческіе факты. Между прочимъ, авторъ говоритъ здѣсь объ ограбленіи Кипріана, случившемся на пути его въ Константинополь. Обыкновенно думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ общеизвѣстномъ изгнаніи Кипріана какъ митрополита-литвина, изъ предѣловъ московскихъ въ іюнѣ 1378 года [1]). Но какъ мы указали раньше (стр. 28), подъ народомъ, жившимъ у Дуная, никоимъ образомъ нельзя

[1]) *A. Lewicki,* Sprawa unii, *Kwartalnik hist.,* 1897, zesz. VI, str. 316.

понимать московскихъ людей, дѣйствовавшихъ по распоряженію вел. кн. Димитрія.

Несмотря на то, что важнѣйшіе вопросы изъ исторіи русской церкви этого времени разработаны сравнительно хорошо [1]), тѣмъ не менѣе, большинство даже новѣйшихъ ученыхъ, писавшихъ о Цамблакѣ, смотрятъ на посвященіе его въ митрополиты кіевской Руси, какъ на фактъ единичный, и стараются объяснить это поставленіе исключительно политической программой Витовта, который, какъ ренегатъ, къ дѣламъ церковнымъ былъ въ сущности равнодушенъ и стоялъ скорѣе даже за прославославіе, видя въ немъ залогъ самостоятельности молодого литовско-русскаго княжества, чѣмъ за католичество, которое угрожало еще большей зависимостью отъ сосѣдней Польши. Эта ошибка нашихъ предшественниковъ становится тѣмъ непонятнѣе, что всѣ русскіе историки, начиная Карамзинымъ, Филаретомъ, Леонидомъ, Макаріемъ и кончая Е. Голубинскимъ, подробно говорятъ о совершенно аналогичныхъ сепаратистическихъ попыткахъ Литвы въ послѣдней четверти

---

[1]) Изъ литературы вопроса: *А. Горскій*, Митрополія кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ московской, *Прибавленія къ Твор. св. отецъ* 1854, кн. XIII; *Макарій*, Русская митрополія въ переходный періодъ, *Ученыя Записки II отд. Академіи Наукъ*, кн. VII, вып. I, стр. 50 и слѣд.; *Леонидъ*, Кипріанъ до восшествія на моск. митрополію, *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн.* 1867, кн. II, стр. 11—32; *И. Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб., ч. I, 1882: *Н. Тихомировъ*, Галицкая митрополія. Церковно-историч. изслѣдованіе. Спб., 1896; *A. Prochaska*, Dążenia do unii cerkiewnej za Jagiełły, *Przegląd powszechny*, 1896, zesz. VI—VII; критическая замѣтка по поводу послѣдней работы *A. Lewickiego*, Sprawa unii Kościelnej za Jagiełły, *Kwartalnik historyczny*, 1897, zesz. III; *Jan Fiałek*, Sredniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi i Litwie, *Kwartalnik hist.* 1896, zesz. III; *Его же*, Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od polowy XIV wieku", тамъ же, 1897, zesz. I, 1—63; критическая замѣтка на послѣднюю работу, написанную по поводу 300-лѣтія Брестской уніи, *F. Konecznego* въ журналѣ *Przegląd powszechny*, 1903, zesz. IV, str. 61—77 *Г. С. Терновскій*, О подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, *Архивъ юго-западной Россіи*, т. V, ч. I и замѣчанія на эту статью *Эйнгорна*, О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ М. 1899; общія „Исторіи русской церкви" и др.

XIV вѣка, благодаря чему почва для отдѣленія русско-литовской церкви отъ московской была настолько подготовлена, что поставленіе Григорія Цамблака является уже третьимъ по порядку случаемъ.

Недовольный мптр. Алексіемъ, король Казимиръ проситъ патріарха въ 1371 году посвятить Антонія въ галичскіе митрополиты, угрожая въ противномъ случаѣ крестить всѣхъ православныхъ въ латинскую вѣру (см. выше, стр. 17). Черезъ нѣсколько лѣтъ съ подобной просьбой объ учрежденіи особой каѳедры для Кіева и западной Руси обращается къ патр. Филоѳею Ольгердъ. Одновременно съ этимъ русско-литовскіе князья доставили патріарху вполнѣ справедливый извѣтъ на Алексія, который не посѣщалъ западныхъ епархій и принималъ у себя въ Москвѣ литовскихъ бѣглецовъ, цѣловавшихъ крестъ Ольгерду. Послѣ вторичной просьбы патріархъ посылаетъ своего апокрисіарія Кипріана для разслѣдованія дѣла и примиренія князей съ митрополитомъ (см. выше, стр. 43). Видно, въ Константинополѣ страшной показалась угроза литовскаго вел. князя, въ случаѣ отказа, взять для Литвы митрополита „отъ латинскаго костела“ (παρὰ τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας). Правда, относительно этого посольства мы имѣемъ совершенно противорѣчивыя и притомъ запоздалыя извѣстія, исходящія отъ лица двухъ преемниковъ Филоѳея.

Въ своемъ посланіи отъ 1380 года патр. Нилъ хвалитъ мптр. Алексія и обвиняетъ Кипріана въ томъ, что по прибытіи на Русь въ качествѣ посла онъ дѣлалъ попытки стать кіевскимъ митрополитомъ, для этого вошелъ въ сношенія съ литовскими князьями и составилъ ложный доносъ на Алексія, благодаря чему 2 декабря 1375 года условно „поставился на живого митрополита“. Возможно даже, что, найдя въ Литвѣ сочувствіе отдѣленію митрополіи, Кипріанъ убѣдилъ князей просить патріарха о поставленіи особаго митрополита. Въ то же время, въ посланіи патр. Антонія говорится совсѣмъ иное, а именно, подтверждается фактъ, что митр. Алексій втеченіе

19 лѣтъ правленія ни разу не посѣтилъ Литвы и вообще не заботился объ епархіяхъ и паствѣ западной Руси. Какъ бы то ни было, но интересно само по себѣ то, что въ послѣдней четверти XIV вѣка патріархъ уступаетъ просьбѣ литовскихъ князей и посвящаетъ Кипріана въ отдѣльные митрополиты Кіева, Галича и другихъ областей, забытыхъ Алексіемъ. Этотъ компромиссъ мотивировался тѣмъ, что по смерти этого святителя (февраль 1378 года), для сохраненія исконнаго порядка, Кипріанъ долженъ сдѣлаться митрополитомъ „всея Руси". Но когда онъ въ іюнѣ того же года прибылъ въ Москву, то былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму и выпровоженъ съ позоромъ и надругательствами. Здѣсь такъ боялись человѣка, „бывшаго въ Литвѣ", что даже патріархъ, императоръ и синодъ были названы „литвинами" [1]). Неудачна была и поѣздка его въ Константинополь въ 1379 году и вторичный пріѣздъ въ Москву въ 1381—82 году, пока борьба съ Пименомъ не была перенесена въ столицу Византіи, гдѣ въ концѣ концовъ Кипріанъ одолѣлъ своего противника и въ исходѣ 1387, а затѣмъ въ февралѣ 1389 года былъ поставленъ патр. Антоніемъ въ митрополиты Москвы, т. е. всероссійскіе.

Наконецъ, въ іюнѣ того же года Кипріанъ прибылъ въ Москву и, естественно, долженъ былъ стать на сторону ея собирательныхъ стремленій, по крайней мѣрѣ, въ формальныхъ отношеніяхъ. Выше мы указали на довольно частыя и продолжительныя посѣщенія Кипріаномъ западно-русскихъ епархій, его сочувствіе отдѣленію и даже уніи (стр. 157). Тѣмъ не менѣе, положеніе дѣлъ въ литовской Руси и ея церковныхъ интересовъ осталось не только въ прежнемъ состояніи, но еще болѣе осложнилось новыми политическими обстоятельствами, и настойчивыя требованія фактическаго отдѣленія

---

[1]) Современники называли Кипріана „литовскимъ приспѣшникомъ", *Православный Собесѣдникъ*, 1860, кн. II, стр. 97—99.

западной митрополіи отъ московской раздаются все чаще, притомъ въ болѣе энергичныхъ выраженіяхъ.

Точно такъ же смотрятъ на этотъ вопросъ и польскіе историки. Въ своей критической замѣткѣ „Стремленія къ церковной уніи при Ягелло“, А. Левицкій отмѣчаетъ нѣсколько двусмысленное положеніе Кипріана въ Москвѣ. По его мнѣнію, „выдвинутый великимъ княземъ литовскимъ изъ антагонизма къ Москвѣ, въ глазахъ послѣдней Кипріанъ сдѣлался врагомъ ея, представителемъ тѣхъ стремленій, которыя тамъ обсуждались какъ „*литовскія*“ (см. выше, стр. 170). Кромѣ того, во всемъ этомъ сказался еще антагонизмъ между восточной, московской Русью—и западной, литовской. Западная Русь не желала навязывать себѣ главу церкви отъ Москвы и страстно отстаивала свою церковную автономію, вызывая этимъ такой же страстный отпоръ и съ противной стороны. Если Ольгердъ имѣлъ ввиду соображенія исключительно политическія, то во всякомъ случаѣ въ планы его входило и то, что подвластные ему русскіе будутъ солидарны съ нимъ и не захотятъ имѣть никакого дѣла съ митрополитомъ, избраннымъ великимъ княземъ московскимъ: „Отчего ты ѣздилъ въ Царьградъ безъ нашего позволенія“?—говоритъ князь Владиміръ кіевскій московскому избраннику“.

Затѣмъ А. Левицкій припоминаетъ не разъ выставлявшуюся угрозу перейти въ латинство и всеобщее недовольство московскими централистическими стремленіями, примѣръ чему показалъ великій Новгородъ, который не замедлилъ повторить патріарху обѣщаніе стать „латинниками“, если онъ не отмѣнитъ церковный судъ изъ Москвы. Патріархи, въ особенности византійскіе императоры мирволили росту Москвы, противились сепаратистическимъ стремленіямъ Литвы и настаивали на единой митрополіи, причемъ патр. Нилъ вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ постановилъ, чтобы „митрополитомъ всея Руси“ титуловались только рекомендуемые Великой Русью. Если же, при Алексіи для Литвы и Малой Руси былъ назначенъ

особый митрополитъ, Кипріанъ, то это мотивировалось тѣми соображеніями, что столь великій народъ не можетъ остаться безъ архипастырскаго попеченія, такъ какъ иначе попадетъ въ худшую бѣду и, чего добраго, присоединится къ чужой церкви. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что все это дѣлалось ввидѣ исключенія, а послѣ смерти Алексія и на будущее время во всей Руси долженъ быть снова одинъ митрополитъ. Въ этомъ-то явномъ покровительствѣ патріарховъ Москвѣ и нежеланіи немосковскихъ русскихъ людей признать старшинство послѣдней въ церковныхъ дѣлахъ и крылась склонность къ „латинству", которымъ угрожали при каждомъ удобномъ случаѣ. Если припомнимъ также, что до 1391 года на червонной Руси былъ особый митр. Антоній, поставленный въ Галичъ, также исключительно изъ боязни „латинства", то мы должны во всякомъ случаѣ признать, что, когда настало время литовско-польской уніи, втянувшей эти земли въ кругъ интересовъ западной жизни, то почва для католицизма была уже подготовлена на Руси" (стр. 317—319).

Такимъ образомъ, поставленіе Кипріана было вторымъ уже случаемъ назначенія отдѣльнаго митрополита для юго-западной Руси. Мы не будемъ повторять хорошо извѣстныхъ эпизодовъ изъ исторіи личной вражды между Витовтомъ и Фотіемъ, котораго обвиняли въ ограбленіи церквей литовской Руси, въ собираніи неимовѣрныхъ пошлинъ и даней, взамѣнъ чего московскій владыка дарилъ забытыя русскія окраины однимъ лишь пренебреженіемъ. Все это постепенно пораждало то церковное „неустройство", которое угрожало, латинствомъ, этимъ единственнымъ, кажется, дѣйствительно страшнымъ пугаломъ для строгой ортодоксальности московскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Укажемъ только, что послѣ смерти Кипріана Витовтъ вторично обращался къ патр. Матѳею съ просьбой о рукоположеніи въ кіевскіе митрополиты того самаго полоцкаго епископа Ѳеодосія, который, по свидѣтельству

„оправдательнаго Посланія“ западно-русскихъ епископовъ и большинства лѣтописей, титуловался „архіепископомъ“ и предсѣдательствовалъ на соборѣ, избравшемъ Цамблака въ митрополиты въ 1415 году [1]). Очевидно, Ѳеодосій, какъ старшій по каѳедрѣ („архіепископъ“), возможно, и по возрасту, къ тому-же грекъ по происхожденію, имѣлъ бо́льшія права на полученіе кіевской митрополіи, чѣмъ остальные кандидаты.

Но въ Константинополѣ еще съ 1393 года ожидалъ этой митрополіи другой кандидатъ, морейскій грекъ Фотій, который давно былъ нареченъ въ русскіе митрополиты, и почти одновременно съ прибытіемъ Ѳеодосія былъ назначенъ на мѣсто Кипріана. Такимъ образомъ, Ѳеодосій возвратился безъ успѣха. Къ этому времени въ Кіевъ прибылъ и Цамблакъ, быть можетъ, въ надеждѣ на согласіе и содѣйствіе со стороны Фотія, котораго онъ, несомнѣнно, зналъ еще во время службы своей синкелломъ при патріархіи. Мы уже знаемъ, что и Цамблака ожидало здѣсь полное разочарованіе. А когда черезъ годъ по прибытіи въ Кіевъ Фотій уѣхалъ въ Москву,—неудовольствіе Витовта усилилось еще больше. Каноническія права на отдѣльнаго митрополита Литва имѣла еще потому, что къ этому времени она была государствомъ въ значительной степени самостоятельнымъ; въ повторительномъ посланіи къ патріарху Витовтъ между прочимъ пишетъ: „мы *обладаемъ* Кіевомъ, а потому нужно, чтобы митрополитъ жилъ у насъ и управлялъ дѣлами митрополіи, какъ *нашъ*“.

Какъ мы уже указали, посвященіе Цамблака въ кіевскіе митрополиты, при существованіи другого митрополита въ Москвѣ, было третьимъ по времени случаемъ, въ ряду иныхъ стремленій

---

[1]) Порядокъ епископовъ не одинаковъ во всѣхъ лѣтописяхъ, напр. въ I Новгородской, по списку Спб. Публ. Библіотеки, IV, № 217 (Толст. I, 188) читаемъ: „Исаія (Исаакій?) черниговскій, Ѳеодосій полоцкій, Діонисій луцкій, Герасимъ владимирскій, Харитонъ холмскій и Евѳимій туровскій“ (л. 129 об.) т. е. пропущены Геласій перемышльскій, Севастьянъ смоленскій, а по сравненію съ Никоновской,—Іоаннъ галицкій и Павелъ черниговскій (sic). *П. С. Р. Лѣт.* V, стр. 58.

литовской Руси къ автономіи. Кромѣ однѣхъ и тѣхъ же общихъ съ двумя предыдущими случаями причинъ и поводовъ, оно было связано слѣдующей характерной подробностью. Сначала Витовтъ какъ будто не хочетъ нарушать освященной временемъ традиціи, и Цамблакъ посылается въ Константинополь для полученія патріаршаго благословенія [1]). Очевидно, разрывъ съ духовной главой русской церкви могъ неблагопріятно отозваться на мнѣніи паствы о новомъ митрополитѣ, и только необыкновенно послѣдовательная настойчивость Витовта и умѣлая политика Цамблака, искушеннаго въ подобныхъ дѣлахъ, за время службы его въ патріаршей канцеляріи, и выставившаго всѣ данныя для оправданія каноничности своего поставленія соборомъ епископовъ,—только эти двѣ фатально соединенныя личности могли въ концѣ концовъ миновать и патріарха, не устрашиться Фотія, по понятію литовской паствы, изувѣра, а по аттестаціи польскихъ писателей, человѣка ординарнаго и жаднаго (Кревза), который ad majorem fidei gloriam поднялъ на ноги и самого патріарха и всю строго-православную Москву,—и избрать Цамблака епископскимъ соборомъ.

Общеизвѣстность фактовъ, а также ограниченные размѣры нашей работы не позволяютъ долго останавливаться на этомъ

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ фактъ поѣздки Цамблака въ Царьградъ. Но Нарбутъ, знавшій выписки изъ лѣтописи Даниловича, а также Карамзина, разсказываетъ о томъ, что посѣтивъ въ 1414 году нѣсколько пограничныхъ церквей въ литовской Руси, Фотій намѣре- . быть въ Гроднѣ съ цѣлью оправдаться предъ королемъ и великимъ княземъ, но по дорогѣ въ Кіевъ онъ повернулъ къ Москвѣ, и прибавляетъ: „Po czém wszystkie kreatury, z ramienia jego jeszcze będące w Litwie, usunięte zostały z miejsc swoich duchowieństwu; ano myśleć okaz wyborze oddzielnego metropolity. Wysłany został w tym celu do Carogrodu Grzegorz Camblak, prałat uczony w kościele greckim, rodem bulgarzyn, z prośbą od wielkiego xiążęcia litewskiego i duchowieństwa do cesarza i patryarchy, aby go poświęcili na metropolitę kijowskiego“, Dzieje narodu litewskiego przez *Theodora Narbutta.* Tom szósty. Wilno. 1839, str. 343--344. Затѣмъ онъ говоритъ о Новогрудскомъ соборѣ 1415 года и прибавляетъ, что Цамблакъ ѣздилъ въ Царьградъ „dla oddania uszanowania patryarsze“, str. 344.

замѣчательномъ избраніи, тѣмъ болѣе, повторяемъ, что этотъ отдѣлъ довольно хорошо разработанъ П. Соколовымъ [1]).

Мы видимъ, что въ началѣ 1414 года созванный Витовтомъ соборъ западно-русскихъ іерарховъ предъявляетъ къ Фотію тѣ же обвиненія, какія представлялись въ свое время и Кипріану,—пренебреженіе къ Кіеву, тяжкія пошлины, несправедливые поборы и великія дани, похожій на грабежъ переходъ въ Москву всякаго узорочья церковнаго и сосудовъ,—чѣмъ нарушается „старое устроеніе и умаляется честь великой церкви, что́ издавна старые князи учинили". Вслѣдствіе такого порядка стольная кіевская церковь безъ митрополита, по характерному выраженію густынской лѣтописи, „аки вдова осиротѣвшая, красоты своей лишена есть". Всѣ эти факты были выставлены литовскими іерархами въ видѣ главной причины для отдѣленія кіевской церкви отъ московской. Но это было только предлогомъ, въ сущности далеко даже не новымъ, а настоящія причины, какъ мы видимъ, крылись много глубже.

Ни одному изъ изслѣдователей не было извѣстно свидѣтельство Супрасльской лѣтописи, попавшее, между прочимъ, и въ извѣстныя выборки И. Даниловича, будто въ 1414 году Цамблакъ былъ въ Москвѣ. Подъ этимъ годомъ у послѣдняго находимъ такую фразу: „Tohda był Camulak na Moskwe. Tohoź lieta rodisia kniaziu velikomu syn Wasili [2]). Это извѣстіе стоитъ особнякомъ, и нигдѣ въ другихъ хроникахъ не встрѣчается. Если признавать самый фактъ поѣздки Цамблака въ Москву, то его слѣдуетъ относить приблизительно къ лѣту

---

[1]) См. выше, стр. 10. Намъ кажется только, что г. Соколовъ мало убѣдительно защищаетъ Фотія отъ обвиненій со стороны уніатскихъ писателей и отъ „мнимаго" обѣщанія Витовту жить въ Кіевѣ; неудачно подыскиваетъ онъ причины личнаго неудовольствія послѣдняго на Фотія, результатомъ чего было ограбленіе его въ Литвѣ въ 1414 году; напрасно видитъ въ Свидригайлѣ лицо, расположенное къ обряду русской церкви и т. д. стр. 162, 164, 166, 168, 170, 173.

[2]) Latopisiec Litwy i Kronika ruska *Ignacego Daniłowicza.* Wilno, 1827 г., стр. 236. Ср. въ изд. Археогр. коммиссіей Супрасльской Лѣтописи. *П. С. Р. Л.*, т. XVII, стр. 55.

указаннаго года. Въ началѣ этого года былъ созванъ первый съѣздъ литовскихъ епископовъ, которые подали Витовту жалобу на Фотія и выразили внушенное Витовтомъ пожеланіе имѣть отдѣльнаго митрополита, не называя еще Цамблака. Осенью того же года состоялся второй съѣздъ, гдѣ кандидатомъ предложенъ Цамблакъ и гдѣ написано было Посланіе противъ Фотія, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ; очень скоро послѣ этого [1]) Цамблакъ выѣхалъ въ Константинополь. Въ промежуткѣ между этими соборами Фотій пріѣзжалъ въ Литву, какъ извѣстно, былъ ограбленъ и съ позоромъ возвратился въ Москву. Приблизительно ко времени послѣ этого событія и можно относить поѣздку Цамблака въ Москву. Возможно даже, что Фотій въ ограбленіи обвинялъ косвеннымъ образомъ именно Цамблака, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ ѣздить въ Москву и снять съ себя подозрѣніе въ возводимомъ на него обвиненіи. Кромѣ того, онъ не потерялъ еще всякой надежды на то, что патріархъ согласится на поставленіе его въ митрополиты, и думалъ въ Москвѣ заручиться содѣйствіемъ Фотія, сохранявшаго самыя лучшія отношенія съ Константинополемъ, а также великаго князя, отъ котораго могъ зависѣть исходъ его избранія и хиротоніи. Интересно, между прочимъ, что русскія лѣтописи относятъ и первую поѣздку Цамблака въ Москву какъ разъ къ тому времени, когда Фотій временно находился въ юго-западныхъ епархіяхъ. Это было въ 1410—11 году. Не могъ-ли Григорій, оба раза воспользовавшись отсутствіемъ Фотія, интриговать противъ него

---

[1]) Хронологія этихъ событій нѣсколько странная. Въ Супрасльской лѣтописи извѣстіе о поѣздкѣ Цамблака въ Москву помѣщено *передъ* замѣткой о рожденіи Василья Васильевича, что имѣло мѣсто 1 марта 1415 (sic) года (*Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви, II, 2, стр. 364). Но если вѣрно показаніе Никоновской Лѣтописи, относящей поѣздку Цамблака въ Константинополь къ іюню 1414 года (тамъ же, стр. 377. Ср. ниже, стр. 177), то придется признать, что Цамблакъ ѣздилъ къ патріарху раньше его избранія, случившагося только осенью 1414 года. Кромѣ того, цѣль подобной поѣздки остается мало объяснимой.

въ Москвѣ, пуская въ ходъ тѣ же средства, какія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ практиковалъ въ византійской столицѣ? И только убѣдившись въ полномъ нежеланіи Фотія покровительствовать ему въ назначеніи, Цамблакъ рѣшилъ вернуться въ Литву и дѣйствовать самостоятельно, прикрываясь волей Витовта и властью епископскаго собора.

Осенью 1414 года Витовтъ созвалъ второй соборъ, который, минуя московскаго митрополита и патріарха, избралъ Цамблака. Вмѣстѣ съ княжескимъ посольствомъ и Цамблакъ отправился въ Константинополь [1]). Но вовремя увѣдомленный о такомъ выдающемся по своей смѣлости планѣ, Фотій успѣлъ предупредить литовское посольство и убѣдить патр. Евѳимія ни въ какомъ случаѣ не признавать и не благословлять Григорія. Его происки увѣнчались полнымъ успѣхомъ, литовскій кандидатъ былъ изверженъ синодомъ изъ сана и отлученъ. Историки думаютъ, что, живя въ византійской столицѣ, Цамблакъ пустилъ въ ходъ несовсѣмъ законныя средства, и въ извѣстной степени въ этомъ именно и видятъ причину его отлученія. Но согласиться съ этимъ не легко.

Если современники и выставляютъ намеки на какіе-то подкупы со стороны Цамблака, то не забудемъ, что эти слухи исходятъ отъ лица его враговъ. Гораздо проще видѣть во всей этой исторіи повтореніе совершенно аналогичнаго случая изъ недавняго для того времени прошлаго: стоитъ только замѣнить Кипріана—Цамблакомъ, Митяя—Фотіемъ, Филоѳея —Евѳиміемъ. Даже подробности однѣ и тѣ-же. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ напрасно доискиваться другихъ причинъ отлученія Цамблака помимо самихъ фактовъ, помимо одного собора, миновавшаго патріарха. Мы видѣли, какъ трудно было патріархіи уладить незадолго передъ этимъ церковныя несогласія съ болгарской, сербской и молдавской церквами, и интересно, что въ „оправдательномъ Посланіи“ литовскаго

[1]) Никоновская Лѣтопись относитъ эту поѣздку ко времени послѣ іюня 1414 года. *П. С. Р. Лѣт.* V, стр. 54.

духовенства находимъ ссылку какъ-разъ на обычай у сербовъ и болгаръ избирать митрополита соборомъ епископовъ [1]). Если не авторомъ этого интереснаго документа, и не иниціаторомъ даже всего собора, обставленнаго вполнѣ законными данными, то во всякомъ случаѣ душой всего этого движенія слѣдуетъ признать, конечно, самого Цамблака. Для патріархіи онъ былъ человѣкъ опасный. Едва-ли въ Константинополѣ успѣли забыть, какъ онъ выполнилъ патріаршее порученіе въ Молдавіи, въ совершенно аналогичномъ съ точки зрѣнія патріарха дѣлѣ. Слѣдовательно, въ глазахъ патріарха страшенъ былъ этотъ опытный книжникъ, смѣлый и энергичный монахъ, котораго незадолго передъ тѣмъ предшественникъ Евѳимія по престолу считалъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, человѣкомъ опытнымъ, тактичнымъ и честнѣйшимъ іеромонахомъ. Прибавимъ къ этому страхъ предъ надвигавшимся на восточное православіе католичествомъ, угрожавшимъ не только Византіи, но и Руси, страхъ предъ Москвой, которая не только не простила-бы патріархіи такого попущенія, и прекратила высылать богатую дань, но и навсегда похоронила бы надежду Византіи на помощь со стороны Москвы въ борьбѣ съ агарянами; наконецъ, Эмануилъ Палеологъ былъ связанъ родственными узами съ великокняжескимъ московскимъ дворомъ. Но этого мало: въ настоящее время сама Москва въ лицѣ Фотія опредѣленно требовала отлученія Цамблака. И вотъ, какъ только послѣдній былъ изверженъ изъ сана и отлученъ, Фотій спѣшитъ разослать окружное Посланіе, гдѣ къ извѣстнымъ намъ уже фактамъ дѣлаетъ интересное прибавленіе, будто въ Константинополѣ Цамблаку угрожала смертная казнь. Выдумка-ли это самого Фотія, невѣрно-ли переданный послами слухъ или отголосокъ дѣйствительной угрозы, пущенной по адресу опаснаго „авантюриста“,—судить трудно; но во всякомъ случаѣ оно очень характерно для отпошеній Фотія къ своему врагу.

---

[1]) Второй пунктъ доказательствъ. *Акты Западной Россіи*, т. I № 24, стр. 34.

И такъ, потерпѣвъ полную неудачу въ Константинополѣ, въ началѣ 1415 года Цамблакъ былъ въ Литвѣ. Возможно, что во всемъ этомъ Витовтъ винилъ одного Цамблака, на котораго и безъ того плохо смотрѣли въ патріархіи. Этимъ, по крайней мѣрѣ, можно объяснять то, что на соборѣ созванномъ изъ іерарховъ подчиненныхъ ему областей, не было уже рѣчи о Цамблакѣ. Русскіе епископы рѣшили просить у патріарха поставленія для литовской Руси хотя-бы грека, но „по правиламъ", т. е. съ благословенія вселеннаго патріарха, угрожая повторить извѣстный случай поставленія Климента Смолятича при Изяславѣ. Въ мартѣ 1415 года послы выѣхали изъ Литвы, а срокъ для возвращенія ихъ былъ назначенъ, сначала 20 іюля или же 15 августа, а затѣмъ отложенъ до половины ноября. Но неудача постигла и этотъ планъ Витовта, и до послѣдняго дня конечнаго срока о результатахъ посольства не было никакихъ извѣстій. По всей вѣроятности, за это время Цамблакъ успѣлъ убѣдить великаго князя въ возможности обойтись безъ согласія патріарха и довольствоваться для посвященія соборомъ русскихъ епископовъ, приведя для этого три доказательства: извѣстное I апостольское правило о поставленіи епископа [1]) двумя или тремя епископами [2]); случай поставленія Клима при Изяславѣ [3]); примѣры изъ

---

[1]) Въ „оправдательномъ Посланіи" вмѣсто послѣдняго слова читается „митрополита". *Акты Западной Россіи*, т. I, № 24, стр. 34.

[2]) Подобное доказательство приводилось не впервые. Въ 1147 году, по поводу предполагавшагося поставленія Климента Смолятича соборомъ, черниговскій еписк. Онуфрій говорилъ: „азъ свѣдѣ, яко достоить, съшедшеся епископомъ, митрополита поставити", *П. С. Р. Лѣт.*, VII, стр. 39; но другіе епископы возражали ему: „не есть того въ законѣ". Въ 1379 году извѣстный Михаилъ-Митяй отказался просить благословеніе у патріарха и указывалъ великому князю, что по апостольскимъ правиламъ 2 или 3 епископа могутъ поставлять епископа, а 5 или 6 епископовъ будетъ достаточно для поставленія его и въ митрополиты. И только суздальскому еписк. Діонисію удалось доказать предъ великимъ княземъ всю несостоятельность такого плана.

[3]) Подробнѣе объ этомъ у *Н. К. Никольскаго*, О литературныхъ трудахъ митр. Климента. Спб. 1892, стр. II—VII.

практики у южныхъ славянъ [1]) и, наконецъ, общую мысль объ одинаковой благодати, переданной апостолами всѣмъ епископамъ. Кромѣ этихъ четырехъ пунктовъ, въ окончательной редакціи Посланія прибавлено еще обвиненіе греческой свѣтской (sic) власти въ симоніи. И вотъ, не дожидаясь посольства, въ ноябрѣ 1415 года въ Новогрудкѣ литовскомъ созванъ былъ въ четвертый разъ соборъ изъ восьми епископовъ (см. выше стр. 173), архимандритовъ, игуменовъ, наконецъ, князей и бояръ. Предсѣдательствовалъ самъ Витовтъ. Въ засѣданіи, происходившемъ 15 ноября въ церкви Пречистой, Цамблакъ былъ посвященъ на кіевскую митрополію, а для оправданія такого рѣдкаго въ русской церковной практикѣ акта было написано извѣстное Посланіе. Направленное главнымъ образомъ противъ „*бывшаго* до сихъ поръ митрополита кіевскаго и всея Россіи Фотія“ и покровительствовавшаго ему Константинополя, снабженное вполнѣ законными ссылками, примѣромъ изъ русской исторіи и т. д., скрѣпленное подписями чернаго и бѣлаго духовенства, тщательно скрывавшими двухъ главныхъ виновниковъ этого избранія, Витовта и Цамблака,—это Посланіе возбудило бурю негодованія со стороны Фотія и не скрываемыя опасенія раскола въ лицахъ, причастныхъ или сочувствовавшихъ московской политикѣ. Въ началѣ 1416 года появляется новый актъ проклятія кіевскаго митрополита, цѣлый рядъ окружныхъ Посланій Фотія къ православнымъ псковичамъ и кіевлянамъ, предостерегающихъ послѣднихъ отъ общенія съ незаконно поставленнымъ, безъ благословенія патріарха и по волѣ князя-мірянина, митрополитомъ. Въ одномъ изъ Посланій совершившіе беззаконіе епископы называются гнусными, скверными, смрадными, окаянными, несвященными,

[1]) Въ послѣднемъ доказательствѣ очевидно участіе Цамблака, лучше другихъ знавшаго церковную практику у православныхъ славянъ сербовъ, (см. выше, стр. 67) и быть можетъ, у румынъ. Ср. слова Кантемира: „когда митрополитъ получитъ подтвержденіе отъ князя, то три епископа совершаютъ рукоположеніе и увѣдомляютъ патріарха письменно“. Описаніе Молдавіи. М. 1789, стр. 367.

помраченными, волками, а не пастырями, богоненавистными, безбожниками и предтечами Антихриста; въ другомъ повторяется обвиненіе Цамблака въ попыткахъ подкупить патріархію, въ третьемъ дѣлается осторожный намекъ на латинство. Одновременно съ этимъ Фотій шлетъ тревожное посланіе къ патріарху Евѳимію, умоляя поскорѣе уничтожить опасный расколъ въ церкви. Волей или неволей, но стоявшій на сторонѣ московскихъ интересовъ патріархъ снова извергаетъ Цамблака изъ іерейскаго сана, снова отлучаетъ его отъ церкви и предаетъ проклятію. Но этого мало. Очевидно, по просьбѣ Фотія, патріархъ требуетъ отъ Витовта изгнанія незаконнаго митрополита изъ страны. Въ мартѣ 1416 года умираетъ патр. Евѳимій, и преемникъ его Іосифъ II повторяетъ отлученіе и проклятіе, произнесенныя его предшественникомъ.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Цамблакъ занялъ каѳедру. Она досталась ему дорогой цѣной, и удержать ее за собой онъ могъ только на очень короткій срокъ, добровольно отказавшись отъ нея чрезъ четыре года и уйдя въ ту же Молдавію, къ которой относились первые шаги его самостоятельной дѣятельности.

О русскомъ періодѣ жизни Цамблака мы знаемъ немногое. Польскій хронистъ Гваньини говоритъ только, что Цамблакъ оставилъ Кіевъ и перенесъ каѳедру въ Вильно, хотя почему-то мало жилъ и въ ней: sedem suam Vilnae, quae est Lituaniae metropolis, habet, in basilica Divae Virginis, quae ruthenis *Precrista*, id est Castissima, dicitur; hic autem metropolita raro Vilnae commoratur [1]. Димитрій Ростовскій передаетъ, что въ Россіи (sic) написано Цамблакомъ Житіе (sic) Параскевы и установлено празднованіе памяти этой святой,

---

[1]) Res Polonicae, tom. II, p. 213. П. Соколовъ полагаетъ, что Цамблакъ не могъ жить въ Кіевѣ, опустошенномъ и сожженномъ Едигеемъ въ 1416 году, стр. 182.

[2]) Ср. *Евгеній*, Словарь писателей духовнаго чина, стр. 103. Въ Супрасльскомъ Помянникѣ XVII вѣка перечислены кіевскіе митрополиты: „Фотій 1407, Григорій (Цамблакъ) 1415, Исидоръ 1437, Григорій

14-го октября [2]). Гораздо больше мы знаемъ о литературной и полемической дѣятельности Цамблака, къ которой слѣдуетъ относить замѣчательную поѣздку его на Констанцскій соборъ.

Въ послѣдней главѣ мы остановимся болѣе подробно на тѣхъ преданіяхъ о Цамблакѣ, которыя жили въ Молдавіи и Россіи до XVIII вѣка. Изъ нихъ особую группу составляютъ русскія, точнѣе, московскія преданія, какъ мы думаемъ, церковно-административнаго происхожденія и назначенія, считавшія литовскаго митрополита уніатомъ, отступникомъ отъ православія, а потому исключеннымъ изъ списка и предававшимся проклятію не только въ недѣлю православія, но и въ болѣе важномъ актѣ—въ архіерейскомъ исповѣданіи вѣры. Съ другой стороны, отзывы, идущіе отъ лица современниковъ или позднихъ католическихъ писателей, настолько благопріятны для Цамблака, что мы на самомъ дѣлѣ должны предполагать какіе-то факты изъ его дѣятельности, послужившіе основаніемъ для московскихъ обвиненій его въ уніатствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда же они могли появиться?—Изъ нѣсколькихъ сочиненій Цамблака, даже раннихъ, относящихся къ періоду 1401—1406 гг., мы знаемъ нѣсколько экскурсовъ въ область полемики *противъ* латинянъ; есть также цѣлый обличительный и рѣзкій по тону трактатъ на ту же тему, единогласно приписываемый Григорію Цамблаку. Что же въ такомъ случаѣ дало поводъ московской церковной власти въ XVI вѣкѣ „отрицатися и проклинати Григоріева Цамблакова раздранія, якоже и есть проклято"?—Надо думать, что для Фотіевой вражды къ Цамблаку обильный матерьялъ далъ самый фактъ поѣздки послѣдняго на Констанцскій соборъ, гдѣ однако кіевскій митрополитъ не только не принялъ

1442 и т. д. *Ф. Н. Добрянскій*, Описаніе слав. рукописей Виленск. Публ. Библіотеки, стр. 181. Нѣкоторые историки относятъ начало управленія Цамблакомъ митрополіи къ 1416 году, напр., Макарій, 99; *Episk. Pelesch*, Geschichte der Union der ruthenischer Kirche; *Kulczinski*, Apendica ad Specimena Ecclesiae Ruthenicae и др. Ср. *A. Prochaska, Przegląd Powszechny*, 1896, Zesz. VII, str. 343.

уніи, но, кажется, даже отклонилъ и оффиціальный диспутъ на эту тему. Мы знаемъ, напримѣръ, что и Кипріанъ открыто высказывалъ Ягеллу свое сочувствіе уніи. Во время своихъ визитацій, живя въ 1396 году въ Вильнѣ, Кипріанъ рѣшилъ написать патріарху о созваніи собора въ Литвѣ, спеціально для соединенія церквей, но патріархъ Антоній IV сослался на тяжелыя времена для православной церкви и отклонилъ эту мысль. Мы знаемъ также, что одинъ изъ преемниковъ Антонія, Іосифъ II, былъ убѣжденный сторонникъ уніи, но проклятіямъ не подвергался. Даже больше того. Въ русскія лѣтописи подъ 1418 (sic) годомъ внесенъ необыкновенно характерный разсказъ съ чисто эпическимъ введеніемъ, который долженъ говорить скорѣе въ пользу строгаго православія Григорія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ мнимаго латинства. Суть разсказа заключается въ слѣдующемъ. Однажды Цамблакъ спрашиваетъ Витовта, почему онъ держится латинской вѣры, а не православной, „христіанской". Князь отвѣчаетъ, что, если Цамблакъ хочетъ видѣть его, Витовта, а также всѣхъ невѣрныхъ людей литовской земли въ православіи, то пусть онъ, Цамблакъ, идетъ въ Римъ и споритъ съ папой и его мудрецами о вѣрѣ. Переспоритъ онъ—всѣ подданные Витовта вмѣстѣ съ нимъ самимъ примутъ православіе; въ противномъ случаѣ— всѣмъ православнымъ грозитъ насильственный переходъ въ вѣру *нѣмецкую*. Тогда Цамблакъ поѣхалъ съ панами Витовта въ Римъ; въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ Римъ за-

[1]) „Сей зимы рече Григорьи митрополитъ, нарицаемый Цамбакъ (sic), князю Витовту: что ради ты, княже, самъ во вѣрѣ лядъской" и т. д. Рукопись Спб. Публ. Биб-ки Q. IV № 138 (Толст. II, № 52), л. 69; „Григорія Цамблакъ митрополитъ, по поставленіи своемъ, рече Витовту: чесо ради" и т. д. Той же библіотеки рукопись F. IV, № 217 (Толст. I, № 188), л. 129 об. Разсужденія П. Соколова о „задумавшемся надъ этимъ вопросомъ современникѣ" и побужденіяхъ послѣдняго „выдумать" разговоръ съ Витовтомъ (стр. 185)—совершенно излишни. Мы думаемъ, что у лѣтописца были подъ руками болѣе подробныя и болѣе достовѣрныя извѣстія о путешествіи литовскаго посольства въ Констанцъ, чѣмъ внесенныя имъ въ лѣтопись, а все это „наивное" предисловіе—не болѣе, какъ обычный

мѣненъ „римскимъ градомъ Константиномъ“ [1]). О результатахъ поѣздки наши лѣтописи не говорятъ ни слова. Поэтому нельзя думать, чтобы лѣтописецъ съ тайнымъ намѣреніемъ умолчалъ-бы о какой-нибудь измѣнѣ русскаго митрополита, еслибы Цамблакъ на самомъ дѣлѣ принялъ унію. Не умолчалъ-бы объ этомъ и злѣйшій врагъ Григорія, Фотій, разразившійся противъ своего непреклоннаго соперника рядомъ озлобленныхъ и не всегда справедливыхъ окружныхъ Посланій; наконецъ, внѣ всякаго сомнѣнія, объ уніатствѣ его упо-

литературный пріемъ. Можно даже думать, что однимъ изъ источниковъ лѣтописца было приписываемое Цамблаку „Слово, како держатъ вѣру *нѣмцы*“. На это указываетъ отчасти аналогичная судьба позднихъ редакцій другихъ полемическихъ противъ латинянъ трактатовъ Въ нашей статьѣ о „Словѣ Ѳеодосія о вѣрѣ варяжской, въ средне-болгарскомъ спискѣ“ мы доказали, что небольшой разсказъ-вступленіе къ Слову, какой находимъ въ третьей его редакціи, принадлежитъ редактору всего Печерскаго Патерика, и внесенъ онъ съ цѣлью связать это Слово съ другими повѣствованіями того же Патерика: „Пріиде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ къ св. отцу нашему Ѳеодосію, игумену печерскому, и рече ему: исповѣжь ми, отче, вѣру варяжскую, какова есть. Преподобный же отецъ нашъ Ѳеодосіе рече: послушай, боголюбивый княже“, и т. д.; затѣмъ слѣдуетъ самый трактатъ, передѣланный изъ первой редакціи. Даже заглавіе и начало второй редакціи напоминаетъ Посланіе митр. Никифора о латинянахъ: „Вопрошалъ еси былъ, благородный княже, како отвержени быша латина... и се, якоже обѣщався благородству твоему, повѣдаю ти и т. д. *А. И. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898 г. стр. 21—22. Такого же происхожденія, вѣроятно, и разсказъ лѣтописи о бесѣдѣ Цамблака съ Витовтомъ. Самое же „Слово, какъ держатъ вѣру нѣмцы“, въ ней опущено. О томъ же разсказѣ нашихъ лѣтописей говоритъ въ своей работѣ и А. Прохазка: „Prawda, że motiywy, dla ktorych Camblak udać się miał na sobor, były zupełnie innej natury, aniżeli je opisuje naiwny latopisiec, opowieść jego jednak stwierdza rzecz o przekonaniach Witolda, ktore co do cerkwi ruskiej i co do zamiarow wobec niej, były odmiennemi od zapatrywań krolewskich, co także na powodzenie sprawy niemalo wpłynęło“, *Przegląd powszechny*. 1896. Zesz. VI, str. 347. Намекъ на подобныя бесѣды не только съ Витовтомъ, но и Ягелломъ, находимъ въ привѣтственной Рѣчи Цамблака къ папѣ Мартину V, сохранившейся въ латинскомъ переводѣ: cum itaque ego, beatissime pater, dudum hanc sanctam unionem desiderarem, adii christianissimum dominum meum, dominum regem Polonie ac dominum ducem Wytoldum fratrem suum, devotissimos principes sacrorum pedum tuorum, apud quos contigit me eo tempore reperiri et ut plurimum conversari. *H. Finke*, Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konsstanzer Konzils. Padeborn, s. 239.

мянули бы папы Мартинъ V, Пій II, или Евгеній IV въ своихъ Посланіяхъ на Русь по поводу той же уніи, бывшей цѣлью болѣе поздняго, флорентійскаго собора, а также при спорахъ объ уніи въ XVI вѣкѣ. Но нигдѣ имя Цамблака не фигурируетъ.

У преосв. Мелхиседека и П. Соколова говорится объ этой поѣздкѣ очень мало, у П. Сырку ничего не сказано. Впрочемъ, это объясняется главнымъ образомъ пользованіемъ изъ вторыхъ рукъ или незнаніемъ тѣхъ западныхъ источниковъ, которые въ недавнее время собраны въ статьѣ А. Прохазки и въ критическихъ очеркахъ по поводу ея, А. Левицкаго. Поэтому мы не будемъ повторять того, что̀ сказано о констанцскомъ соборѣ у П. Соколова (стр. 186—192); укажемъ только, что̀ говорятъ польскіе историки и другіе собранные нами источники.

О началѣ констанцскаго собора и объ отношеніи къ нему Польши говоритъ Длугошъ въ одиннадцатой книгѣ своей Польской Исторіи [1]), подъ 1414 годомъ: „atque in hujusmodi Concilium Constantiense in Calendis Novembris initiandum, Nicolaum Gnesnensem archiepiscopum, Iohannem Wladislaviensem, Jacobum Ploczensem, Lyaskarium electum Posnaniensem

[1]) *Ioannis Dlugosz Senioris canonici Cracowiensis*, Opera omnia, cura *Alexandri Przezdziecki*, tomus XIII. Томъ IV, p. 178, 216—217. Ср. его показанія относительно представителей другихъ государствъ: „Sigismundus autem romanorum et Hungrariae rex praesentia sua illud et honestaturus et aucturus, in comitiva notabili et apparatu magnifico principum, baronum et praelatorum tam ecclesiasticorum quam saecularium, ex Hungaria in Rheni et Germaniae partes descendens, in Aquisgranum venit, ubi prima corona imperiali a Maguntinensi archiepiscopo, cum summa omnium principum Almanniae favore, accepta, in Constantiam divertit, et pro unienda ecclesia Dei indefesso studio laboravit usque ad plenariam illius consummationem“. Ib. p. 179. Подробнѣе объ этомъ въ спеціальной статьѣ о польскихъ гостяхъ на конст. соборѣ въ *Rozprawach Historycznych Crak. Academii*, XXXVII и въ нѣсколькихъ статьяхъ *ks. d-ra Iona Fialeka*, декана богословскаго факультета Львовскаго университета. Нарбутъ говоритъ о поѣздкѣ Цамблака въ Констанцъ со словъ *Кояловича* (Historia Lith. P. II, pp. 101—102 и Miscellanea, p. 45), Dzieje narodu litewskiego. Wilno. 1839, tom. VI, str. 344.

episcopos, Janussium de Thuliskowo castellanum Calissiensem, Zawissium nigrum de Garbow, milites pro suis factis procurandis et ambasiata solemni ituros, designavit“. Въ слѣдующихъ главахъ Длугошъ говоритъ объ отправленіи и прибытіи польскаго посольства въ Констанцъ и о важнѣйшихъ засѣданіяхъ собора, причемъ свѣдѣнія эти оканчиваются главой: „Legati ex Constantiensi Concilio redeuntes, a rege Wladislao obviam porodeunte honorifice excipiuntur“, помѣщенной подъ 1418 годомъ.

Современникъ Цамблака, другой послѣдователь Евѳиміевой реформы, Константинъ Костенчскій упоминаетъ о томъ же соборѣ въ краткой редакціи Житія Стефана Лазаревича; къ сожалѣнію, его разсказъ касается только первыхъ засѣданій, на которыхъ Цамблакъ не былъ: єгда и сьборь бысть западьныихь кралии и иныихь господь кь кралю оугрьскомоу, єже вь Коньстаньцию и Римь [2]) ити томоу на вьцареније надь всѣми сь деспоть Стефань свѣтлѣиши прѣдь вьсѣми и паче вьсѣхь видились бѣ. И азь далече видимь бѣше вьсакомоу и сьвѣти єго вьси вь мѣсто ставше не потькновени стоюше [3]). Если не ошибаемся, это единственное юго-славянское извѣстіе о соборѣ. Болѣе подробно говоритъ тотъ же писатель о Гусѣ, въ пространной редакціи того же Житія. Чрезвычайно характерны его слова о томъ „православіи“ величайшаго чеха и славянина, которое служило однимъ изъ сильныхъ аргументовъ у нашихъ славянофиловъ въ извѣстномъ вопросѣ: „оувѣдѣ ѿ сихь (іерусалимскихъ и синайскихъ иноковъ) православїа обрась, идѣже и грьчскаа писанїа навикь“ [4]).

---

[1]) Ср. извѣстіе Никоновской Лѣтописи подъ 1418 годомъ о возвращеніи Цамблака въ Литву, „бывъ въ Римѣ и Костянтиноградѣ“, П. С. Р. Лѣт., V, 71.

[2]) Ср. *В. Качановскій.* Исторія Сербіи. Ч. I. Кіевъ, 1899 г., стр. 64.

[3]) О текстахъ этой редакціи и отрывки изъ нея у *П. Сырку,* Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. CLI—CLIV. Мы находимъ справедливымъ предположеніе, что Константинъ сочувствовалъ уніатскимъ стремленіямъ византійцевъ своего времени и что эти стремленія пользовались симпатіями у нѣкоторыхъ балканскихъ славянъ. Это

Не будемъ, повторяемъ, касаться другихъ источниковъ и старыхъ изслѣдованій о констанцскомъ соборѣ [1]), потому что большинство ихъ извѣстно *А. Прохазкѣ*, автору обстоятельной статьи, написанной съ польской точки зрѣнія, „Dążenia do unii cerkiewney za Jagiełły“, przez *d-ra Antoniego Prochaskę* и помѣщенной въ двухъ книгахъ журнала *Przegląd powszechny* за 1896 годъ (Zeszyt VI, str. 329—352, Zesz. VII, str. 42—46). Свою статью историкъ начинаетъ заявленіемъ, что о прямомъ участіи польскихъ королей въ дѣлѣ уніи извѣстно въ сущности очень немногое, и всѣ свѣдѣнія заключаются главнымъ образомъ въ извѣстіи о посольствѣ митр. Григорія Цамблака къ папѣ Мартину V, при Ягеллѣ. Но что̀ дѣлалъ въ Констанцѣ Цамблакъ, какихъ ре-

---

еще больше соединяетъ Константина съ Цамблакомъ, имѣющихъ и безъ того много общихъ чертъ въ области книжной. Еслибы у насъ были болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Іеронима Пражскаго, то мы могли бы съ большей увѣренностью говорить о вѣроятномъ знакомствѣ этого сотрудника Гуса съ Цамблакомъ, ибо извѣстно, что Іеронимъ былъ въ литовской Руси какъ разъ въ то время, когда тамъ былъ и Цамблакъ. Зная принципіальную, по крайней мѣрѣ, склонность Цамблака къ западу, и интересъ Іеронима къ востоку, можно предполагать, что онъ не упустилъ бы случая познакомиться съ Іеронимомъ.

[1]) Укажемъ на болѣе выдающіяся изъ нихъ: *Wessenberg*, Die Grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrhunderts. Konstanz. 1845 Jahr., bd. II; *H. Finke*, Quellen und Forschungen zur Geschichte des Constanzer Concils Padeborn. 1889; *M. Kojalowicz*, Miscellanea rerum ad statum Ecclesiae Lithuanicae pertinentium. Wilnae, 1650 и др. Что же касается изданія относящихся къ данному вопросу актовъ, то польскіе критики не разъ обвиняли А. Прохазку въ томъ, что въ своихъ Codex'ахъ онъ часто выпускалъ документы, касающіеся церковныхъ дѣлъ Витовта. Между прочимъ, тотъ же ученый видитъ начало стремленій Польши къ уніи въ рѣчи краковскаго еписк. Выша, произнесенной въ 1401 году по поводу основанія богословскаго факультета при университетѣ въ Краковѣ, устроенномъ ad fidei catholicae propagacionem ejusdem studii Cracoviensis dilatationem et uberius incrementum neophitarumque praedictarum *gentium Lithuaniae, Rutheniae et Walachiae* (Cod. dipl. Univ. I, p, 38), *Przegląd powszechny*, 1896, VI, str. 333. Впрочемъ, можно сомнѣваться, идетъ-ли здѣсь рѣчь о массовыхъ обращеніяхъ сосѣднихъ народовъ или отдѣльныхъ случаяхъ. Для насъ интересно упоминаніе валашскихъ господарствъ (Валахіи и Молдавіи), внесенныхъ въ кругъ намѣчавшейся въ самомъ началѣ XV вѣка католической пропаганды.

зультатовъ достигло его посольство и кто былъ настоящимъ инициаторомъ этого посольства, —на всѣ эти вопросы трудно дать опредѣленный отвѣтъ, хотя многіе историки и выставляютъ Витовта, который дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ будто бы изъ видовъ политическихъ и при помощи уніи думалъ завладѣть восточной частью Руси, далеко за предѣлы Смоленска. Но въ послѣднее время, благодаря недавно открытымъ документамъ — *Левицкимъ* въ „Codex Epistolaris saeculi XV“ и *Г. Финке*, „Forschungen und Quellen“ etc.,— можно говорить о давнишнемъ желаніи литовскаго государства соединиться съ западной церковью, о пропагандѣ съ этой цѣлью въ Литвѣ, а отчасти и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли служить противодѣйствіемъ послѣдней. Затѣмъ Прохазка припоминаетъ отношеніе къ католичеству византійскихъ императоровъ, которые видѣли въ немъ послѣднее спасеніе отъ надвигавшагося съ востока грознаго турецкаго нашествія, и указываетъ на плачевное состояніе русской церкви въ Литвѣ, покинутой московскими митрополитами. Король Ягелло поставилъ своей цѣлью поднять ее изъ упадка. Разрывать для этого дружественныя отношенія съ Царьградомъ [2]) онъ не желалъ, а потому всячески содѣйствовалъ тому, чтобы Витовтъ первый сдѣлалъ шагъ къ отдѣленію литовской митрополіи отъ Москвы.

Первыми результатами этихъ мѣръ былъ хорошо извѣстный уже намъ соборъ русскихъ епископовъ въ Новогрудкѣ и посвященіе Цамблака. По мнѣнію Прохазки, уже въ этомъ одномъ видно „живое свидѣтельство королевской заботы о благѣ и возвышеніи церкви (стр. 338—339). Въ данномъ случаѣ король опирался на мужа, который не скрывалъ своего расположенія къ церковной реформѣ. Въ это какъ разъ время ученики благочестиваго патр. Евѳимія, послѣ паденія Тырнова, искали убѣжища у христіанскихъ правителей, при-

---

[2]) Іоаннъ Палеологъ былъ женатъ на внучкѣ Витовта, великой княгинѣ московской Аннѣ († 1417 г.), дочери Софьи Витовтовны.

нося съ собой болгарскія книги, и—что всего важнѣе—живое свидѣтельство о страшномъ упадкѣ восточной церкви и торжествѣ полумѣсяца. Среди другихъ монаховъ, въ базиліанскомъ кіевскомъ монастырѣ нашелъ себѣ пріютъ ученый болгаринъ, пресвитеръ Григорій Цамблакъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Евѳимія, авторъ Житія этого патріарха и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтель гибели болгарской національной церкви и очевидецъ штурма Тырнова, когда сынъ Баязета, Целеби, взявъ столицу, изгналъ священниковъ изъ храмовъ и установилъ „безстыдныхъ учителей“ [1]). На такого то мужа и рѣшили опереться Ягелло и Витовтъ въ дѣлѣ возстановленія церкви изъ упадка“. Затѣмъ Прохазка пересказываетъ хорошо намъ извѣстную исторію разрыва Витовта съ Фотіемъ и всѣ перипетіи этой борьбы, кончая Новогрудскимъ соборомъ 1415 года, ссылаясь на „Лѣтопись“ Даниловича, „Акты“ и „Архивъ“ Западной Россіи и т. д.

Въ то время, какъ Витовтъ думалъ извлечь изъ уніи выгоды въ смыслѣ политическомъ [2]), по мнѣнію изслѣдователя, Ягелло смотрѣлъ на нее исключительно съ точки зрѣнія религіозной: „его добрыя отношенія къ византійскому двору, охотно оказанная въ нуждѣ помощь, тяжелый, хотя и добровольный протекторатъ надъ Молдавіей, а затѣмъ и надъ Валахіей [3]), отдача Подоліи въ управленіе Витовту, неустанная и стойкая оборона Литвы и Руси отъ враговъ, уступки, жертвы и труды,—все это свидѣтельствовало о высшихъ цѣляхъ его для развитія вѣры и добраго христіанства“ (стр. 347).

---

1) Очевидно, Прохазка разумѣетъ здѣсь выраженіе въ похвальномъ Словѣ Цамблака: **и акїе ѿ цр҃кве ѿгонитсѧ їерей, прїемлѧть же сїѫ дѣлателе стоуда.** *E. Kałużniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur, s. 50.

2) А. Прохазка говоритъ о вѣротерпимости Витовта, равнодушнаго, какъ всѣ ренегаты, къ дѣламъ вѣры. А. Левицкій приводитъ нѣсколько возраженій на это, для существа дѣла, впрочемъ, не важныхъ, Sprawa unii kościelnej za Jagiełły, *Kwartalnik historyczny*, 1897, Zeszyt II, str. 330—331.

3) Очевидно, историкъ смѣшалъ болѣе позднюю вассальную зависимость Валахіи—при Раду Дракулѣ.

Дѣйствительно, въ письмѣ своемъ къ папѣ Мартину V отъ 1 января 1418 года Владиславъ Ягелло выражаетъ радость по поводу „окончанія схизмы“ и сообщаетъ о посылкѣ Цамблака: „Sed nec predicte gentis conversionem una cum fratre meo Alexandro alias Vitholdo magno duce Litthwaniae putavimus nobis sufficere ad meritum, nisi etiam terras amplissimas nostris dicionibus sub ritu Graecorum suppositas accuratissima diligentia ad gremium sanctae matris, a quo tam periculos diutissimeque oberraverunt, reduci quantum in nobis est curaremus. Propter quod ecce virum insignem moribus et scientia in Greco et Ruthenico linqwagiis et aliis juxta sui ritus decenciam virtutibus multipliciter preditum, Gregorium scilicet archipresulem seu metropolitum tocius Russie ac plage orientalis, ad tantum debitis mediis et manitis salubribus induximus, ut ipse meo fratrisque mei predicti subnixus auxilio ad sanctitatem vestram et ad prelibatum sacram synodum gressus veloces dirigit, tractaturus sinceriter oblaturusque modos et vias propicias, per quos et quas se cum suis reintergrare intendit unitati ecclesie. De cuius accessu et aliis, que apud eandem sanctitatem vestram gesturus est, oratores nostri, qui sanctitatis vestre assistunt conspectibus, quos super premissis loculencius informavimus, lacius eidem sanctitati vestre declarabunt. Quem quidem Gregorium, dum pedibus apostolicis se presentaverit, placeat et paternis favoribus et salutaribus attollere consiliis et demum in sinu sanctae Romane ecclesie paternaliter confovere“ [1]).

„Путешествіе извѣстнаго кардинала,—разсказываетъ далѣе польскій историкъ со словъ современника собора, — оказалось на самомъ дѣлѣ очень короткимъ, потому что пришли вѣсти о приближающемся къ Констанцу великомъ посольствѣ кіевскаго митрополита. Это было исполинское шествіе, въ сущности, пестрыхъ толпъ въ восточныхъ одеждахъ. Тор-

[1]) Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia. Tomus XII. W Krakowie. 1891, pp. 98—100.

жественный въѣздъ Григорія Цамблака въ Констанцъ имѣлъ мѣсто 19 февраля 1418 года [1]). Окруженный князьями русскими, татарами, валахами, девятью (шестью?) священниками изъ базиліанскаго монастыря, митрополитъ считалъ въ своей разноязычной свитѣ представителей городовъ Руси польской и литовской, начиная отъ Перемышля, Грудка и Львова, и кончая Кіевомъ, Вильной, Смоленскомъ и Стародубомъ; среди нихъ были послы изъ великаго Новгорода (Grocz Nefgafye), отъ бессарабскаго (sic) Мирчи, молдованъ, хана великой орды, а также отъ Селадина и иныхъ ордынцевъ, словомъ, около 300 особъ, — русскіе, волохи и татары [2]). Восточные уборы свиты, падающіе на плечи волосы и длинныя бороды монаховъ, даже ихъ тонзуры, а особенно ихъ живое желаніе соединиться со вселенской церковью, — возбудили всеобщее любопытство въ Констанцѣ. Самъ король Сигизмундъ, желая показать свое уваженіе возвращенію грековъ къ церкви, вышелъ навстрѣчу Цамблаку, въ сопровожденіи епископовъ и польскихъ пословъ, и съ великими почестями сопровождалъ все посольство до города, въ которомъ начали циркулировать преувеличенные вѣсти, будто новоприбывшій митрополитъ имѣлъ подъ собой 50 владыкъ и столько же каѳедральныхъ церквей. Торжественную аудіенцію въ главной консисторіи папа назначилъ на 25-е февраля, причемъ соблюдался порядокъ, точно росписанный кардиналомъ Филластрой.

[1]) По свидѣтельству Гардта, Григорій Цамблакъ (Zemblak) прибылъ въ Констанцъ 18 февраля 1418 года. *Hardt*, Concilium Constant. IV, p. 1511.

[2]) *Reichental*, op. cit., pp. 133, 136, 208. А. Прохазка приводитъ въ примѣчаніи выписки изъ нѣмецкой хроники, но переводитъ и объясняетъ ихъ не всегда вѣрно; напримѣръ: „von dem Küng von Arabia“ онъ передаетъ: Mircza z Bessarabii, *Przegląd powszechny*, str. 46, прим. 2. П. Соколовъ пользуется „Церковной исторіей“ Флери, который въ данномъ мѣстѣ ссылается на Дюпена, но ошибочно понимаетъ напечатанное курсивомъ выраженіе: Jl (Цамблакъ) étoit accompagné de plusieurs *princes Tartares* (sic)! „Подъ этими татарскими князьями нужно разумѣть, конечно, *литовскихъ бояръ*“) et de dix neuf èvêques du rit Grec“ стр. 186. О представителяхъ Молдавіи на Констанцкомъ соборѣ—въ серіи *E. Hurmukai*, „Documente“ e d. Academiei Romàne, vol. I, c. I, 2, № 409.

„На тронѣ сидѣлъ Мартинъ V in pontificibus, среди сонма кардиналовъ, и въ это время первымъ вошелъ въ залъ митрополитъ въ сопровожденіи гнѣзненскаго архіепископа Николая Тромбы, епископа полоцкаго, а также шести своихъ священниковъ, монаховъ базиліанскаго монастыря. Митрополитъ трижды преклонилъ колѣна предъ папой и сталъ на мѣстѣ, предназначенномъ для куріальныхъ адвокатовъ, па виду Мартина V. Затѣмъ выступилъ министръ Маврикій изъ Чехіи, магистръ богословія, и прочиталъ на латинскомъ переводѣ рѣчь Цамблака, удостовѣряющую желательность церковной уніи подъ главенствомъ всеобщаго римскаго костела, которая привела-бы къ счастливому единенію церквей въ лицѣ одного видимаго главы. Простотой, духомъ благочестія и въ то же время горячей жаждой уніи дышала рѣчь Цамблака. По краткомъ вступленіи, въ которомъ поздравлялъ Мартина V по случаю пріобрѣтенія имъ сана намѣстника Христова, митрополитъ прибавилъ, что въ земляхъ русскихъ подъ державой Ягелла настала невыразимая радость по поводу того, что осуществилось наконецъ, чего съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ жаждали въ глубинѣ души, а именно, единеніе церквей въ лицѣ одного несомнѣннаго главы ея; а за этимъ настало въ церкви и спокойствіе, которое съ той поры воцарилось на землѣ. Съ давнихъ поръ желая этой святой уніи, — гласила рѣчь Цамблака, — я обратился къ моему господину, польскому королю и брату его Витовту, самымъ ревностнымъ сыновьямъ вашего святѣйшества, и долго съ ними бесѣдовалъ. Своей набожностью и великой вѣрой они склонили меня къ тому, что я не только самъ заразился желаніемъ святого соединенія съ римскимъ костеломъ и святой вѣры, но и чтобы всѣми силами, со всяческой заботой и попеченіемъ старался-бы возбудить проповѣдями и увѣщаніями такое же стремленіе и въ довѣренныхъ моему попеченію овечкахъ. А когда среди русскихъ людей я встрѣтилъ сильныхъ приверженцевъ уніи, то обратился къ упомянутымъ наияснѣй-

игнѣжеонена́внетиѫа прохо́ди
тинаска́залахъ . данеѿчеловѣчена
говъѥсловесныихъестъство
оумиленѣ прѣлѫжѧтсѧ .
Єлмаженѣцїи въѻбѡихъсебеглада
хѫщѡкаамнѣвъпа́дати . сим
а҆зъвъсѣчьскысамовла́стнѣ
хо́дитивъзбра́нихъ . тѣхже
оубонастоателствоуѫщимь
любовнѣесвъспомѣнѫвъ .
ѻвогдаоубо тѣмь на врѣмѧ
сїн . ѻвогдаже ѻпътинь повелѣ
вати проходити . ѻбаче въсе
дръжѫщомоу иѡкрѣмлѣѫщо
моу въсадавъ . сластолюби
выноубо себе . илидроугаго є
дипоголюботанииникасвоего
погоублѣтиможетъ . ꙗрѡстны
иже ꙗковлъсꙑмпогажднвъ
сестадосъмѫти . имнѡгыдша
ѿескръбнивоуꙗзви . лютооубо
срїноеѳокомꙗрѡстїже съмѫтити .
порекшомоу стмоу . съмѫтиса
ѿꙗрѡсти ѻкомоѥ . лютѣйшеже

шимъ князьямъ съ просьбой позволить мнѣ прійти къ стопамъ вашего святѣйшества главнымъ образомъ съ цѣлью, воспользовавшись вмѣстѣ съ другими вѣрными святымъ спокойствіемъ церкви, усиленно просить ваше святѣйшество, въ лицѣ котораго Божьей волей, церковь достигла соединенія; благоволи, святѣйшій отецъ, приложить заботы и старанія для осуществленія единенія церкви восточной съ римскихъ костеломъ. Однако, ваше святѣйшество и раньше принесенія моей молящей просьбы много посвятили трудовъ для обращенія тѣхъ странъ, несмотря на то, что ваши мысли были заняты другими дѣлами великой важности, касающимися реформы костела. А подобно тому, какъ Спаситель міра передъ своими святѣйшими страданіями сочеталъ и соединилъ самое низменное съ самымъ высокимъ, природу людскую съ божьей, точно такъ же соблаговоли сдѣлать и ты, святѣйшій отче, сочетавъ народъ нашъ со святѣйшимъ римскимъ костеломъ; и пусть настанетъ возвращеніе этихъ двухъ славныхъ и великихъ народовъ — здѣсь рѣчь о русскихъ и валахахъ—къ прежнему благоволенію и любви, отъ которой они отпали по причинѣ столь продолжительной схизмы [1])

„Подтверждая просьбу, Цамблакъ сказалъ, что и византійскій императоръ и цареградскій патріархъ, а съ ними множество христіанскихъ народовъ востока желаютъ уніи, что̀ засвидѣтельствовалъ предъ папой и посолъ царя Эмануила; но что̀ всего важнѣе, король Ягелло и Витовтъ, правя надъ многочисленными приверженцами восточной церкви и радѣя о возвышеніи вѣры, посвятили много трудовъ и заботъ тому, чтобы живущіе въ отлученіи люди вернулись въ лоно костела. Отъ лица правителей Польши и Литвы Цамблакъ высказалъ пожеланіе, чтобы унія пришла къ осуществленію дорогой надлежащей, честной и обычной, а именно, на вселен-

---

[1]) „a qua benevelencia ob tam diuturnam scismam destitute sunt"... *Finke*, Forschungen zur Geschischte der Constanzer Concils 238—239; Cf. *A. Prochaska, Przegląd powszechny*, zesz. VII, str. 49.

скомъ соборѣ; и чтобы выбранные съ обѣихъ сторонъ достойные довѣрія мужи потолковали о дѣлахъ вѣры.

„Прося затѣмъ святѣйшаго отца не упускать даннаго удобнаго случая, Цамблакъ выразилъ твердую надежду, что Мартинъ V не допуститъ, чтобы такіе два народа жили въ отчужденіи отъ всеобщей вѣры, такъ какъ многіе предшественники его по престолу св. Петра жаждали выраженія такого именно стремленія, чего однако не достигли вслѣдствіе высшаго Божьяго опредѣленія. Соблаговоли, отче святой, — говорилъ Цамблакъ,—быть наслѣдникомъ Христова намѣстника, святого Петра, на престолѣ котораго возсѣдаешь, и святого Павла, святѣйшаго изъ мудрецовъ церкви и извѣстнаго дѣятеля на нивѣ обращенія людей къ вѣрѣ Христовой,—соблаговоли не откладывать дѣло первостепенной важности и немедленно выслать въ тѣ страны мужей, которые благочестивымъ обхожденіемъ съ народомъ русскимъ и живымъ примѣромъ благочестивой жизни привели-бы его къ святому соединенію, а пока Богъ да пошлетъ покой и милость отцу святому до окончанія дѣла“ [1]).

Папа отвѣчалъ, что и онъ желаетъ уніи, обѣщалъ подумать о возможныхъ способахъ для ея осуществленія и назначить срокъ для засѣданія по этому поводу [2]). Затѣмъ были прочитаны письма отъ Ягелла и Витовта, послѣ чего Цам-

---

[1]) *A. Prochaska*, op. cit, zesz. VII, str. 46—49. Mowa Camblaka,—заключаетъ польскій историкъ,—nosi na sobie piętno ducha czasu i konciliarnych tendencyi takiego Gersona i d'Ailly'ego, broniących słowem i pismem zdania wyźszości soboru i widzących w niej jedyny środek na wszystkie niedostatki tak kościoła, jak wogóle chrześcjańskiego świata (стр. 50). На это странное заключеніе совершенно справедливо возражаетъ А. Левицкій: неудача Цамблака объясняется не вліяніемъ идей Жерсона и д'Альи, а закрытіемъ собора, продолженіе котораго угрожало Мартину V утратой его престижа, власти, въ то же время единственнаго орудія уніи, *Kwartalnik historyczny*, 1897, Zesz. II, str. 333.

[2]) „Post illam cedulam lectam dominus papa respondit congratulans intencioni illius, et quod ad illum actum perficiendum et modum faciendi deliberaret et diem assignaret“, Дневникъ кардинала Филластры, изд. *H. Finke*, s. 240.

блакъ, а также его товарищи были допущены къ цѣлованію ногъ, рукъ и лица святого отца [3]).

Существуетъ другое произведеніе Цамблака, славянскій текстъ котораго сохранился въ одной только рукописи, Сборникѣ Виленской Публ. Библіотеки, XVI вѣка, № 105 (199) [1]). Ввиду того, что Слово представляетъ нѣкоторый автобіографическій интересъ, скажемъ о немъ подробнѣе. Ононоситъ слѣдующее заглавіе: Григориꙗ архиепископа киевъского и всеꙗ Роуси, Слово похвалное, иже оу Фролентїи и оу Костентїи соборꙋ, галатомъ, италомъ и римлꙗномъ и всѣ(мъ) галатомъ, и начинается словами „Како васъ въспрїимъ, ѡ дроузи владыкы и ѡтци и братиꙗ? Что васъ наречемъ? Комꙋ оуподобимъ васъ?“ и т. д. (л. 364). Это Слово не было извѣстно ни одному изъ нашихъ предшественниковъ, несмотря на то, что 1) книга Добрянскаго вышла въ 1882 году и 2) у многихъ изъ нихъ встрѣчаются ссылки на Финке, Вессенберга, Кояловича, Кульчицкаго и другихъ историковъ, упоминающихъ о двухъ рѣчахъ Цамблака (см. ниже, стр. 197). Очевидно, ссылки брались изъ вторыхъ рукъ. А. Прохазка и А. Левицкій также не знаютъ о существованіи Виленской рукописи, но первый изъ нихъ, говоря со словъ іезуита Кояловича о привѣтственной Рѣчи Цамблака на Констанцскомъ соборѣ, прибавляетъ: „однако это не исключаетъ существованія, кромѣ этой Рѣчи, сохраненной въ днев-

---

1) „Deinde idem Gregorius archiepiscopus fecit pape reverentiam et admissus ad osculum pedis manus et oris et ita sui socii“, ibid.

2) Рукопись принадлежала Супрасльскому монастырю и состоитъ изъ Словъ и Житій, въ порядкѣ сентябрьскаго года (вторая половина, начиная мартомъ и кончая августомъ). Среди статей Сборника находимъ три произведенія Григорія Цамблака—Слово на Рождество Іоанна Крестителя (л. 215 об.), похвальное прор. Иліи (л. 305 об.) и на Успеніе (л. 428), причемъ первыя два—безъ надписанія имени автора. Кромѣ того, въ Сборникѣ читаются слѣдующія русскія и славянскія статьи: Слово Иларіона о законѣ, Моисеемъ данномъ, Память св. Владимира, Похвальное Слово прор. Иліи, приписываемое Клименту Словѣнскому, Житіе Бориса и Глѣба и др. Описаніе рукописи у *Ф. Н. Добрянскаго*, стр. 221—228.

никѣ кардинала Филластры, еще *другого* Письма Цамблака, написаннаго къ *отцамъ собора*, въ Костанцѣ собравшимся" [2]).

По словамъ Ф. Н. Добрянскаго, на поляхъ, противъ заглавія статьи, „*древней* скорописью замѣчено: мнится, сіе Слово есть Исидора митрополита кіевскаго, бо бѣ на семь съборѣ во Флорентіи" (стр. 226). Къ какому времени относится эта замѣтка, намъ неизвѣстно. Но сдѣлана она во всякомъ случаѣ не раньше половины XVII вѣка, въ разгаръ латинской полемики въ западной Руси, и представляетъ собой догадку какого-нибудь книжника, знавшаго о путешествіи во Флоренцію Исидора, хотя-бы по „Палинодіи" Захарія Копыстенскаго [3]), или же какое-нибудь изъ „Оправдательныхъ Посланій" русскихъ епископовъ къ митрополиту Іонѣ, гдѣ не разъ упоминается дьяконъ Григорій, единомышленникъ Исидора, ставшій затѣмъ митрополитомъ и бывшій на Флорентійскомъ соборѣ, т. е. извѣстный Григорій Уніатъ.

Несомнѣнно, сравнительно поздняго происхожденія и заглавіе Слова. Кромѣ текстуальныхъ искаженій, это видно также по прибавленію словъ „у Фролентіи". Присутствіе Цамблака на костанцскомъ соборѣ не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстенъ текстъ другой привѣтственной Рѣчи его папѣ Мартину V, о которой сказано нѣсколько выше. Въ тоже время молдавскія лѣтописныя извѣстія и болѣе позднія преданія о путешествіи Цамблака во Флоренцію, какъ мы покажемъ въ слѣдующей главѣ нашей работы, также явились результатомъ смѣшенія Цамблака съ Григоріемъ Уніатомъ. Приписывать послѣднему все это Слово не представляется воз-

---

2) *A. Prochaska, Przegląd powszechny*, 1896, Zeszyt VII, str.

3) Напримѣръ, въ „Книгѣ о вѣрѣ православной" (Рукопись изъ собр. В. М. Ундольскаго, № 427, XVII вѣка, л. 221): *Глава 18*. „Ижъ зъѣздъ во Флоренціи грековъ зъ духовенствомъ влоскимъ соборомъ не станулъ и называтися не можетъ". *Нач.* „Оный въ Феррару и въ Флореньныи къ грековъ зъ латинниками зъѣздъ не толко абы повшехнымъ, абы помѣстнымъ соборомъ имѣлъ быти". Выписка изъ „Палинодіи", ч. II, разд. 13, арт. 1. См. славяно-русскія рукописи, стр. 312, и др.

можнымъ уже потому, что онъ не былъ архіепископомъ кіевскимъ *и всея Руси.* Точно также, нельзя приписать его Исидору, какъ думаетъ неизвѣстный русскій книжникъ XVII вѣка, потому что въ самомъ заглавіи находимъ имя автора — Григорій архіеп. кіевскій. Можно, впрочемъ, думать, что въ 1438 году Исидоръ воспользовался привѣтственнымъ Словомъ Цамблака, написаннымъ и произнесеннымъ въ Констанцѣ двадцать лѣтъ передъ флорентійскимъ соборомъ, и что память объ этомъ вторичномъ произнесеніи Слова сохранилась въ той самой прибавкѣ къ заглавію, которая одна въ сущности и можетъ насъ смущать.

Неизвѣстно также, на какомъ основаніи Е. Голубинскій задаетъ вопросъ: „не принадлежитъ ли спорное Слово, вмѣсто Григорія кіевскаго, загадочному Григорію митрополиту молдавскому? [1]). Въ 1434—35 годахъ послѣдній принялъ католичество, и также не разъ смѣшивался съ Цамблакомъ“. Но выбрасывать изъ заглавія слова „кіевскаго и всея Руси“ и „у Костентіи“, самыя важныя въ нашихъ глазахъ свидѣтельства, намъ представляется ни къ чему ненужнымъ и ни на чемъ неоснованнымъ исправленіемъ.

Такимъ образомъ, кромѣ перечисленныхъ выше соображеній, отвергающихъ принадлежность Слова Григорію Уніату, Исидору или Григорію молдавскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ намекающихъ на Григорія Цамблака, у насъ имѣются слѣдующія неоспоримыя данныя въ пользу мысли, что авторомъ „Слова похвальнаго отцамъ, собравшимся въ Констанцѣ“ могъ быть только Цамблакъ:

I. Въ своемъ классическомъ трудѣ „Miscellanea rerum, ad statum ecclesiae Lithuanicae pertinentium“ (Wilnae, 1650 an., p. 43), Кояловичъ прямо указываетъ на эту именно рѣчь; „de qua re (unionis universalis inter graecam et romanamque

---

[1]) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 387.

ecclesiam) scripsit idem Gregorius (Camblak) *ad patres Constantiae* generalis concilio tunc *praesentes*".

II. Такой же точный и правдивый авторъ извѣстной книги „Specimen Ecclesiae Ruthenicae" (изд. Мартынова, стр. 121), Игнатій Кульчицкій говоритъ еще опредѣленнѣе: „extat Gregorii, cognomento Cemivlaci, Epistola ad concilium Constantiense, in qua petit *patres congregatos,* ut Graecos unire Latinis studeant". Изъ этихъ словъ видно, что Кульчицкому былъ даже извѣстенъ какой-то текстъ спорнаго Слова и не указано только, на какомъ языкѣ онъ былъ написанъ [2]).

III. Несмотря на явныя искаженія текста, Слово можетъ быть безъ колебаній отнесено къ числу другихъ достовѣрныхъ произведеній Цамблака. Для этого у насъ есть очень много данныхъ, начиная обычнымъ у Григорія способомъ общаго построенія рѣчи и отдѣльныхъ фразъ, порядка словъ, новообразованій и т. д. и кончая излюбленными у него же такими стилистическими и художественными формами рѣчи, какъ частыя антитезы, повторенія, сравненія и уподобленія, переходы отъ одной части рѣчи къ другой, множество библейскихъ примѣровъ и цитатъ изъ ветхаго завѣта, наконецъ, такія выраженія, какъ „во вышній Іерусалимъ, во отечество наше древнее" (л. 364 об.), „съединеніемъ жилъ же и артирій.... надглавнаго мозга обдержаніемъ" (л. 366), „стада многоволна" (л. 365) и др., которыя намъ представлялось возможнымъ приводить въ видѣ примѣровъ стилистики Цамблака, на ряду съ отрывками изъ его достовѣрныхъ произведеній.

IV. Сходныя выраженія и обороты въ обѣихъ привѣтственныхъ Рѣчахъ, причемъ латинскій переводъ или, скорѣе,

---

[2]) Существуютъ нѣкоторые слѣды занятій Кульчицкаго въ Супрасльскомъ архивѣ. Въ такомъ случаѣ можно почти съ увѣренностью думать, что у него подъ руками былъ указанный выше Виленскій Сборникъ и что приписка о принадлежности Слова Исидору сдѣлана много позднѣе самой рукописи.

пересказъ стушевалъ многія черты оригинала, а также однѣ и тѣ же мысли [1]).

Что же касается принадлежности Цамблаку „Слова похвальнаго отцамъ“, какъ факта историческаго и біографическаго, то и въ этомъ пунктѣ едва-ли могутъ быть какія-нибудь недоразумѣнія. Изъ латинской привѣтственной Рѣчи Цамблака и дальнѣйшихъ событій Констанцскаго собора мы знаемъ, что онъ ничѣмъ не обнаружилъ склонности къ латинству, только выразилъ принципіальную готовность вести диспутъ о спорныхъ пунктахъ между восточной и латинской церквами, а на самомъ дѣлѣ не пожелалъ сдѣлать какой-либо уступки въ пользу послѣдней. Такимъ образомъ, настоящее „Похвальное Слово“, въ сравненіи съ сохранившейся въ латинскомъ переводѣ Рѣчью, намъ представляется даже болѣе нейтральнымъ, ничего не обѣщающимъ, простымъ актомъ дипломатическаго такта и вполнѣ умѣстнымъ для митрополита, приглашеннаго на грандіозный соборъ западной церкви. Изъ содержанія Слова мы увидимъ, что Цамблакъ очень умѣло обошелъ щекотливыя мѣста въ своей миссіи и нашелъ способъ, не навлекая на себя гнѣва пославшихъ его Витовта и Ягелла, въ то же время показать латинскому духовенству свое нѣсколько либеральное отношеніе къ разности между двумя исповѣданіями и все таки остаться вѣрнымъ православію.

Познакомимся съ содержаніемъ Слова. Оно начинается фразами, выражающими безсиліе автора въ достойной степени восхвалить владыкъ и отцовъ, собравшихся для такого великаго дѣла. Онъ не находитъ выраженій для того, чтобы достаточно справедливо ублажить добродѣтель присутствующихъ іерарховъ, и предоставляетъ это дѣло Спасителю, который

---

[1]) Конечно, латинская Рѣчь Цамблака при переводѣ ея была значительно измѣнена въ пользу „латинскихъ“ стремленій автора, что дало поводъ Филластрѣ говорить о русскомъ митрополитѣ, явившимся въ Констанцъ „ad procurandam unionem Grecorum et latinorum sub obedientia Romane ecclesie“, *H. Finke*. s. 238.

предупредилъ самого автора, назвавъ ихъ „свѣтомъ міра“ и „миротворцами“. „Если вы, — глаголю, — есте въистину непрелестніи наставници евангельскаго пути, вы есте блази и раби добріи и вѣрніи, иже талантъ умножившіе и множащіи, и о малѣ вѣрніи явльшіися, и чающе надъ многыми поставитися, и по малѣ отъ трудовъ покой пріемши,—въ радость Господа своего входите“. Затѣмъ Григорій называетъ ихъ искусными кормчими, ведущими корабль церковный, подверженный всякимъ вѣтрамъ, къ тихому пристанищу; солью міра, „вся словесная церковнаго устроенія слаждающей и не оставляющей въ согнитіе и расшествіе еретическыхъ умышленій расслаблятися“; премудрѣйшими и художнѣйшими врачами, охраняющими церковное тѣло отъ всяческаго недуга зломудренныхъ; церковными звѣздами, болѣе свѣтлыми и „дѣятельными“, чѣмъ звѣзды небесныя, указывающія путь лишь кораблямъ и путникамъ, ибо послѣднія приводятъ къ городамъ и мѣстамъ, а первыя—къ небу, въ вышній Іерусалимъ, во отечество наше древнее; зарей, имѣющей „дѣйство просвѣтительное“ и изсушающей мокроты невѣрія; наконецъ, добрыми строителями, всегда бдящими, добрыми пастырями, душу свою полагающими за овецъ. Онъ увѣренъ также, что и блаженные агнцы, ими пасомые, станутъ добровозрастными и многородными, многомлечными, многошерстными и благоздравственными, такъ какъ пасутся они на злачныхъ пастбищахъ и при исходящихъ чистыхъ водахъ, т. е. на высотѣ ученія пророческихъ и апостольскихъ книгъ.

Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе іерарховъ съ Моисеемъ, великимъ и боговидцемъ. Онъ провелъ своихъ людей „сѣнію и гаданіемъ креста немокрено“, боролся изъ-за нихъ съ фараономъ, а вы всегда съ самимъ дьяволомъ боретесь за людей, порученныхъ вамъ Христомъ, и ведете вы ихъ не отъ Египта въ Палестину, но отъ страстей къ лицу Божію; ваши пасомые не оглядываются назадъ, вспоминая свинныя мяса, но на небо смотрятъ и поютъ: „возведохъ очи мои въгоры“

и т. д.; они не вопіютъ къ Аарону убійственнымъ гласомъ, въ то время какъ Господь давалъ имъ законъ: „сотвори намъ боги, иже предъидутъ предъ нами!“, но вмѣстѣ съ Давидомъ восклицаютъ: „кто Богъ велій, яко Богъ нашъ“ и т. д. Далѣе проповѣдникъ готовъ блажить слова своихъ слушателей больше, чѣмъ трубы іерихонскихъ священниковъ, ибо отъ звука тѣхъ пали стѣны чувственныя, а отъ вашихъ словъ падутъ стѣны мысленныя, твердыня дьявола. Что ревность Финесса въ сравненіи съ вашей? Тотъ убилъ мерзкихъ людей, а вы самого врага прокололи копьемъ благоугоднаго смиренія, и вѣнецъ краснѣйшій возложили на церковь.

Во второй части Слова Григорій проситъ отцовъ собора, ради Св. Духа, въ нихъ дѣйствующаго, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы соединить разъединенныхъ и собрать ихъ во едино церковное тѣло, втеченіе многихъ лѣтъ дьявольской завистью разрозненное, помятуя, что истинный глава церкви— Христосъ. Какъ надглавный мозгъ соединяетъ всѣ жилы и артеріи и управляетъ движеніями всѣхъ членовъ человѣка, какъ существа живого, такъ должно быть и въ церкви, въ настоящее время раздѣленной двумя главами. Развѣ возможно говорить о христіанской церкви, не имѣющей Христова соединенія? Христосъ соединилъ насъ крещеніемъ, евангеліемъ, и на пути къ добровольнымъ страданіямъ молился о единеніи всѣхъ людей; въ настоящее же время общимъ у обѣихъ церквей остался только Христосъ,[1] главы же и мудрованія разныя; вѣра въ Троицу — общая, а исповѣданія не согласны. Теперь восточная церковь укоряетъ западную, западная—восточную, напоминая этимъ вражду іудеевъ и самарянъ, которыхъ пристыдилъ Александръ Македонскій, еллинъ, не знавшій о пророкахъ и апостолахъ; и сдѣлалъ онъ это на основаніи одного естественнаго и премудраго разсужденія. Явится ли кто-нибудь изъ іудеевъ, варваровъ или язычниковъ, кто сдѣлаетъ нѣчто подобное по отношенію къ намъ? Дерзну и я нѣчто малое сказать вамъ, — удостойте меня вашей ми-

лости—не съ цѣлью обличенія, но нудимый вашимъ желаніемъ, и не только къ вамъ, но и къ грекамъ: пусть не хвалится премудрый премудростью своей, сильный—силой своей, богатый — богатствомъ своимъ, какъ говоритъ пророкъ, но пусть хвалится о той истинѣ, какъ понимаетъ ее ап. Павелъ.

Этимъ оканчивается самое изложеніе и начинается заключительная часть Слова. Проповѣдникъ предлагаетъ господамъ и отцамъ сойтись и начать споръ съ „добрымъ истязаніемъ“: предлагать другъ другу вопросы по братски—а не по страсти, богоугодно—а не въ свою выгоду, истинно—не льстиво, смиренно—не гордостно, любомудренно — не любопрительно, по апостольски — не фарисейски; наконецъ, совѣтуетъ обращаться и къ книгамъ, оставленнымъ богомудрыми мужами; а Богъ, разорившій крестомъ вражду средостѣнія и соединившій горнее съ дольнимъ, да подвигнетъ обѣ страны въ собраніе для обновленія благочестиваго исповѣданія вѣры, въ которомъ не былъ бы нарушенъ ни одинъ изъ преданныхъ намъ святыми отцами догматовъ, и для соединенія церкви, пріобрѣтенной кровью добраго Пастыря.

Ни одна изъ этихъ рѣчей не имѣла практическаго значенія. Хотя Цамблакъ пробылъ въ Констанцѣ около двухъ мѣсяцевъ, но кромѣ описаннаго каноникомъ Рейхенталемъ торжественнаго въѣзда посольства 18 февраля 1418 года, пріема у папы, привѣтственной рѣчи, сохраненной въ латинскомъ переводѣ, и приведенныхъ выше писемъ, мы знаемъ объ этомъ пребываніи очень немногое. Изъ прусской хроники Линденблатта, заканчивающейся 1419 годомъ, мы узнаемъ еще, что дальше этой ничего не обѣщающей и въ сущности очень стереотипной рѣчи, Цамблакъ ничѣмъ не выказалъ свою склонность къ принятію уніи. Наоборотъ, когда польскихъ пословъ спросили, правда-ли, будто православные епископы и священники желаютъ „сдѣлаться христіанами“, какъ писалъ папѣ Витовтъ, то послѣдніе заявили, что прибыли они сюда только по требованію литовскаго князя, а покориться римскому

престолу они совсѣмъ не намѣрены. „Этимъ, заканчиваетъ Линденблаттъ, поляки были очень посрамлены и осмѣяны предъ всѣмъ соборомъ“ [1]). Рейхенталь сообщаетъ другое интересное наблюденіе. По его словамъ, православное духовенство не терпѣло въ Констанцѣ никакихъ принужденій и стѣсненій въ области обряда; здѣсь же православные священники отправляли церковныя службы по восточному обряду и соблюдали всѣ посты.

Въ лицевой рукописи, содержащей разсказъ Рейхенталя, находимъ нѣсколько рисунковъ, относящихся къ пребыванію Цамблака въ Констанцѣ:

1) Четыре дьякона (?) приготовляютъ престолъ, на которомъ уже расположены всѣ сосуды, необходимыя для литургіи (л. 120, по экземпляру Спб. Публ. Библ—ки); поздняя подпись на поляхъ: „Zubereitung des Altars für den griechischen Erzbischof“.

2) Цамблакъ совершаетъ литургію. Сцена представляетъ алтарь, гдѣ кромѣ митрополита находятся два иподьякона, священникъ и нѣсколько мірянъ въ чалмахъ (л. 120 об.).

3) Цамблакъ и три священника стоятъ на молитвѣ, за какой-то темно-красной перегородкой или на хорахъ храма. На первомъ планѣ — четыре фигуры въ восточныхъ одѣяніяхъ (л. 121); надпись: „Gottesdienst der Griechen“. Очевидно, рисовальщика смущалъ „Мирча изъ *Аравіи*“ (вм. „бас*арабскій* воевода“), почему онъ и насадилъ всюду въ такомъ обиліи восточныя фигуры.

4) Послѣ окончанія литургіи Цамблакъ раздаетъ духовенству просвиру. Два монаха стоятъ на колѣняхъ и ѣдятъ просвиру (л. 111 об.).

5) Группа молящихся православныхъ, повидимому, въ при-

---

[1]) Ср. у *митр. Евгенія*, Словарь писателей духовнаго чина. Изд. II, стр. 102; *Joh. Lindeblatt*'s Jahrbücher, herausg. Voigt und Schubert. Königsberg, 1823, s. 335; *A. Pichler*, Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident, bd. II. München, 1865, s. 49.

творѣ временнаго храма (л. 122). Подпись такая же, какъ и на 3 рисункѣ.

Такую же стойкость въ отношеніи къ православному обряду проявилъ кіевскій митрополитъ и въ Краковѣ, куда заѣзжалъ на обратномъ пути и гдѣ пробылъ съ 1-го по 5-е мая 1418 года. Въ извѣстномъ кодексѣ „Rachunki dworu Jagiełły i Jadwigi“ находимъ слѣдующую характерную подробность, которую въ началѣ XV вѣка сочли необходимымъ занести въ оффиціальную книгу: „Item secuntur distributa pro stacione metropoliti Kyoviensis, quando de Constanciensi concilio revenit, et primo feria quinta ipso die ascensionis ad prandium... ipsemet carnes non comedebat cum suis monachis“ [1]). Гдѣ именно помѣщался Цамблакъ со своей свитой въ Краковѣ, мы не знаемъ, но можемъ предположить, что это былъ скорѣе всего славянскій монастырь, который основанъ съ папскаго разрѣшенія Ягелломъ въ 1390 году и въ которомъ жили хорваты-глаголяши, явившіеся сюда изъ извѣстнаго Пражскаго славянскаго монастыря.

Вотъ почему намъ кажется, что А. Левицкій неправильно понимаетъ то мѣсто въ письмѣ къ франкфуртскому совѣту, гдѣ говорится, что какой-то „obirste bischof von Grecien“ подчинился папѣ. Прежніе историки думали, что здѣсь идетъ рѣчь о константинопольскомъ патріархѣ, а Левицкій пытается доказать, что подъ греческимъ епископомъ нужно разумѣть Григорія Цамблака [2]). Но допустить этого ни въ какомъ случаѣ нельзя. Мы очень хорошо знаемъ, что никакихъ переговоровъ объ уніи греки не вели на соборѣ. Дошедшіе до насъ документы — письма папы къ Іоанну Палеологу, сыну императора Эмануила, и герцога Филиппа де Троппи къ тому же лицу—извѣщаютъ только о благополучномъ при-

---

[1]) Monumenta medii aevi historica, tom. XV, pp. 520—521. *A. Lewicki Kwartalnik historyczny*, 1897, Zeszyt. II, str. 335, nota.

[2]) Ueber das staatsrechtliche Verhältniss Littauens zur Polen, *Altpreuss. Monatschrift*, bd. XXXI, Heft. I, s. 65.

бытіи въ Констанцъ греческихъ пословъ, которые были благосклонно выслушаны папой. Нужно было еще ровно 20 лѣтъ для того, чтобы православный патріархъ и императоръ могли подготовить почву для фиктивнаго по крайней мѣрѣ соединенія церквей, что случилось на флорентійскомъ соборѣ. Полная безуспѣшность въ этомъ смыслѣ констанцскаго собора очень хорошо видна изъ письма посла-депутата отъ вѣнскаго университета—о дальнѣйшихъ переговорахъ съ Цамблакомъ объ уніи: „Et in casu, quo forte iratus ipsorum imperator amore tyrrani die et inique exaccionis, quas dicitur exercere in ipsorum clerum reniteretur malivole, ipsi parati essent, se sibi opponere secundum dispositionem Romani pontificis et ejusdem concilii [1]).

А когда переговоры были перенесены изъ Констанца въ Царьградъ, дѣло пошло еще медленнѣе. Папа приготовилъ для Эмануила Палеолога девять положеній, касающихся окончательнаго заключенія уніи, чтобы въ такомъ видѣ предложить ихъ по крайней мѣрѣ въ византійской столицѣ. Около 1420 года съ этими положеніями посланъ былъ изъ куріи легатъ Антоній Мессано къ императору и патріарху. Папскій посолъ прибылъ въ Константинополь 10 сентября, но только 15 числа слѣдующаго мѣсяца, и то при содѣйствіи Іоанна Палеолога, могъ вручить императору текстъ положеній. Въ отвѣтъ на это, какъ извѣстно, Эмануилъ просилъ у папы помощи противъ турокъ. Нѣкоторые историки полагаютъ даже, что цѣлью поѣздки греческихъ пословъ въ Констанцъ было, главнымъ образомъ, сватовство незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшаго (1417) императора Іоанна. Дѣйствительно, папа видѣлъ въ этомъ бракѣ немалое пріобрѣтеніе и для своихъ цѣлей. Съ его согласія, Іоаннъ женился вскорѣ на дочери герцога монферратскаго, причемъ однимъ изъ условій было сохраненіе свободы религіи для католички.

---

[1]) *Archiv für Oesterreichische Geschichte,* tom. XV, Wien, 1868; Ср. *A. Prochaska*, op. cit., str. 52.

Заключая свою статью, Прохазка говоритъ, что папа ничего не успѣлъ сдѣлать потому, что при всемъ своемъ уваженіи къ примату и признаніи понтификата, Цамблакъ ограничился самыми общими фразами и даже склонилъ (?) поляковъ въ сторону православія. Тогда папа „хватается за кормило Петрова корабля, чтобы править имъ нераздѣльно“ (стр. 51). Но Прохазка напрасно ставитъ въ связь отказъ Цамблака отъ уніи съ духомъ времени, царившими тогда принципами аскетизма и строгости догмы, полагаемыхъ въ основаніе всякой религіи и т. д., и прибавляетъ, что „благочестивый митрополитъ еще не доросъ (sic) до исповѣданія той религіи, которой требовала унія. Напрасно также историкъ забываетъ, что едва-ли въ самомъ дѣлѣ удобно было толковать именно на Констанцскомъ соборѣ о присоединеніи православныхъ къ латинской церкви, для преобразованія которой собственно и созванъ былъ злополучный соборъ.

Какъ же въ такомъ случаѣ остается понимать роль Цамблака на этомъ соборѣ? Намъ извѣстенъ, повторяемъ, только фактъ присутствія на немъ русскаго митрополита, заявленіе его о готовности соединенія и предложеніе вести диспутъ о вѣрѣ. Но чѣмъ окончился бы послѣдній и могъ-ли Цамблакъ сдѣлать хотя-бы малѣйшую уступку въ пользу латинства,—въ этомъ слѣдуетъ сомнѣваться. Правда вся жизнь Цамблака проникнута ярко выраженной двойственностью, объ устойчивости его моральныхъ убѣжденій въ дѣлахъ чисто житейскихъ мы можемъ отозваться скорѣе отрицательно, но въ дѣлѣ уніи рѣчь шла о догматахъ вѣры, а мы знаемъ, какъ Цамблакъ относился даже къ обрядамъ своей церкви, живя въ Констанцѣ и Краковѣ. Кромѣ того, объ отношеніи его къ латинству мы имѣемъ какъ разъ противоположныя свидѣтельства. Если въ рѣчи къ папѣ онъ говоритъ о частыхъ бесѣдахъ своихъ съ „набожнымъ“ Витовтомъ, результатомъ чего было „зараженіе“ самого автора желаніемъ соединенія съ римскимъ костеломъ и принятія латинской вѣры, то русскія лѣтописи

говорятъ иное, что тотъ же Цамблакъ убѣждалъ Витовта принять православіе, а въ Констанцъ ѣздилъ спеціально для спора съ папой, имѣя конечной цѣлью привести къ тому же православію весь народъ литовскій. Если латинскіе писатели XVII вѣка не сомнѣвались въ католичествѣ Цамблака, то русскіе полемисты того же времени удачно доказывали всю несостоятельность такихъ выводовъ. Вполнѣ естественно, напрасно ожидать какихъ-нибудь свидѣтельствъ относительно интересующаго насъ вопроса, идущихъ отъ лица самого Цамблака; но смутныя обстоятельства послѣдняго года его митрополичества и принятіе за тѣмъ схимы, удалившей его отъ міра и всѣхъ его интересовъ, покрываютъ мракомъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи этого талантливаго человѣка, непонятаго современниками и послѣдующими поколѣніями.

Латинскіе историки, писавшіе послѣ Констанцскаго собора, имѣли, повидимому, нѣкоторое право считать Цамблака такъ или иначе „своимъ". Когда послѣ ухода Цамблака въ Молдавію кіевская митрополія осталась безъ митрополита и вновь соединилась съ московской, то Витовтъ и Ягелло не могли, конечно, считать Фотія лицомъ, сочувствующимъ ихъ церковнымъ стремленіямъ. Наоборотъ, они считали его убѣжденнымъ врагомъ уніи. Въ письмѣ къ папѣ Мартину, Ягелло выражаетъ надежду, что, быть можетъ, Господь дастъ ему другого дѣятеля вмѣсто покойнаго Григорія и подастъ помощь, подобно тому, какъ сдѣлалъ это Аврааму, протянувъ руку помощи въ лицѣ Исаака. Впрочемъ, Ягелло не надѣется скоро получить эту поддержку и все упованіе возлагаетъ на апостольскій престолъ [1]). Черезъ двадцать лѣтъ послѣ констанцскаго собора явился московскій митр. Исидоръ, подписавшій флорентійскую унію. Но мы хорошо знаемъ, подъ чьимъ вліяніемъ и въ угоду кому онъ сдѣлалъ это. Вотъ почему трудно было ожидать

---

[1]) *Przegląd powszechny*, 1897, zecz. VII, str. 64.

того же отъ Цамблака какъ русскаго митрополита, и польскимъ историкамъ приходится въ настоящее время только сожалѣть, что послѣднiй „не доросъ" до такого важнаго и благодѣтельнаго подвига.

Къ вопросу о мнимомъ католичествѣ Цамблака мы вернемся къ послѣдней главѣ нашей работы. Теперь укажемъ на тѣ сочиненiя, которыя были написаны имъ за тѣмъ этотъ перiодъ и которыя дали поводъ русскимъ лѣтописямъ считать его человѣкомъ „книжнымъ зѣло": „изученъ убо бѣ книжной мудрости всяцѣй изъ дѣтства, и много писанiя сотворивъ, остави"— аттестуетъ его редакторъ Воскресенскаго свода.

Кромѣ Слова похвальнаго Кипрiану, произнесеннаго въ Россiи въ 1409 сентябрьскомъ году, слѣдовательно, раньше посвященiя въ санъ митрополита, Цамблакомъ были написаны и произнесены здѣсь, (за исключенiемъ перваго) между весной 1416 и зимой 1417 года слѣдующiя произведенiя, озаглавленныя въ рукописяхъ „Григорiя архiепископа (или епископа) всероссiйскаго":

I. „Исповѣданiе вѣры", написанное Цамблакомъ къ дню его посвященiя и произнесенное имъ во время хиротонiи 15 ноября 1415 года. Въ половинѣ XVI вѣка внесено митр. Макарiемъ въ Минеи (августъ, л. 1506).

II. Слово въ недѣлю Вербную, представляющее переработку другого его Слова, „на Цвѣтоносiа праздникъ", написаннаго въ бытность Григорiя Нямецкимъ игуменомъ (см. выше, стр. 139). П. Сырку смѣшиваетъ оба эти слова не смотря на то, что первая редакцiя надписывается: „мниха, презвитера и игумена обитѣли Пантократоровы" (стр. 120).

III. Слово на Вознесенiе Господне.

IV. Слово на Преображенiе, 6 августа.

V. Слово на Успенiе, 15 августа.

VI. Слово на Воздвиженiе Креста, 14 сентября.

VII. Слово похвальное св. влмч. Димитрiю, 26 октября.

VIII. Слово похвальное Евѳимiю патр. Тырновскому. По-

лагаютъ, что поводомъ къ его написанію и произнесенію послужила вѣсть о смерти Евѳимія [1]); отсюда выводили, что послѣдняя имѣла мѣсто не позднѣе 1419—1420 года, какъ крайній годъ митрополитства Григорія. Правда, въ самомъ текстѣ Слова находимъ фразу: идеже и онь житїа имѣ конецъ (*E. Kałużniacki,* Aus der panegyr. Litteratur, 1901, ss. 66, 88), но мы предложили бы болѣе опредѣленный періодъ, возможный для кончины патріарха-изгнанника, а именно, между 1410 и 1417 годами. Въ Словѣ похвальномъ Кипріану Цамблакъ не упоминаетъ еще о смерти „своего же и великаго Евѳиміа, таковая кормленіа дръжаща“ (стр. 28), не называетъ его святымъ и т. д., въ то время какъ поводы къ этому были. Что Евѳимій умеръ сравнительно поздно и что къ такому же позднему времени относятся систематическіе труды его по исправленію текстовъ, показываетъ то, что и Кипріанъ не ввелъ въ Россіи ни одного изъ текстовъ евѳиміевской редакціи, и Григорій едва-ли успѣлъ что-нибудь сдѣлать по этой части. Старшія „внѣболгарскія“ исправленныя рукописи появились только въ началѣ 20 годовъ XV вѣка, въ Молдавіи.

Слѣдующія два произведенія Григорія относятся къ пребыванію его въ Констанцѣ:

IX. Привѣтственная Рѣчь папѣ Мартину V, произнесенная въ латинскомъ преводѣ въ Констанцѣ 25 февраля 1418 года. Славянскій оригиналъ до насъ не дошелъ.

X. Слово похвальное отцамъ, собравшимся на тотъ же соборъ, произнесенное, вѣроятно, въ латинскомъ переводѣ, въ послѣднихъ числахъ февраля 1418 года. Сохранилось въ славянскомъ оригиналѣ.

Кромѣ того, Цамблаку можно приписывать нѣсколько сомнительныхъ произведеній:

XI—XII. „Оправдательное Посланіе“ западно-русскихъ іерарховъ, написанное ко дню Новогрудскаго собора, и „Окруж-

---

[1]) *П. Сырку,* Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. XIII.

ная Грамота", составленная вскорѣ послѣ 15 ноября 1415 года. Въ обоихъ посланіяхъ рѣчь идетъ о фактахъ, ближе всего касающихся самого Цамблака, почему трудно думать, чтобы составленіе Посланій обошлось безъ его участія [1]).

XIII. „Слово како держатъ вѣру нѣмци", полемическій трактатъ противъ латинскихъ заблужденій, представляющій сухой перечень традиціонныхъ и иногда даже оскорбительныхъ пунктовъ этихъ заблужденій. Судя по ординарному и сжатому слогу „Слова" и отсутствію стильной руки Цамблака въ самомъ изложеніи, приписывать его Григорію представляется затруднительнымъ.

XIV. „Стихъ на цѣлованіе" празднику Успенія, надписываемый „твореніе киръ Григорія россійскаго. Цамблакъ" и представляющій наборъ отдѣльныхъ фразъ изъ Слова на Успеніе того же автора; но едва-ли передѣлка принадлежитъ Цамблаку и его времени.

Такъ какъ предполагалось, что „стихъ" предназначенъ былъ для пѣнія въ церкви, то Григорію стали приписывать не только какіе-то композиторскіе труды, но и систематическое введеніе въ Россіи болгарскаго напѣва [2]). Но никакихъ данныхъ для этого не приводилось. Прибавимъ, что мы нашли въ поморской „Нотной Азбукѣ" Румынской Академіи, 1828 года № 65, какую-то музыкальную фигуру, названную „Цамблачна". Несомнѣнно, это имѣетъ связь съ Григоріемъ.

П. Сырку полагаетъ, что литературная и книжная дѣятельность Цамблака въ Россіи не ограничилась перечисленными (всего 10 произведеній) трудами; „были, нужно полагать, и другія его произведенія, которыя или неизвѣстны, или

[1]) См. выше, стр. 178, 180. По словамъ Никоновской Лѣтописи, западно-русскіе епископы, „сѣдше съ Григорьемъ митрополитомъ, егоже сами поставиша, написаша *Оправдательное Слово* сице". *П. С. Р. Лѣт.*, V, стр. 59.

[2]) *В. Ундольскій*, *Чтенія въ Общ-вѣ исторіи и древн.*, 1846, кн. III, Отд. 3, стр. 4—6, переиздано *Макаріемъ*, И. Р. церкви, т. IV, стр. 371—374; Рукопись Казанскаго университета, № 65.

извѣстны не подъ его именемъ" (стр. 122). Но для такого предположенія у насъ нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ, хотя со времени появленія реферата г. Сырку прошло уже 20 лѣтъ.

Только-что мы упоминали, что можно было бы ожидать гораздо больше слѣдовъ книжныхъ трудовъ Григорія за время его жизни въ Россіи. Но намъ извѣстна только одна запись въ концѣ статьи: Оуставъ и чинъ бываемый на освященіе церкви новопоставленой, внесенной въ Архіерейскій Служебникъ, вмѣстѣ съ Требникомъ, принадлежавшій Нямецкому монастырю [1]). Запись эта представляетъ нѣсколько странный пересказъ какъ бы подлинной записи, сдѣланный румынскимъ книжникомъ въ половинѣ XVII вѣка: Сие освящение церкви писахъ азъ роукою моею смиренный Григорій Цамблака митрополитъ киевскій, галицкій и всеа Россіи, бывшаго прежде оучителя земли молдовлахискаа и игоуменъ святый великій монастырь Пантократоровъ, еже именоуется Намацъ, и бывшаго на осмомъ соборѣ на Флоренцыя. Вполнѣ ясно, что румынскій синтаксисъ сильно исказилъ первоначальный текстъ записи, а румынскія преданія о поѣздкѣ Цамблака во Флоренцію отразились и на содержаніи ея. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права отрицать всякое значеніе записи, хотя бы потому, что никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ подобная же копія русскаго инока Иларія съ очень сходной записью Кипріана: „*Сій* Служебникъ *преписахъ* отъ грецкихъ книгъ на русскій языкъ *рукою своею* Кипріанъ, *смиренный митрополитъ кыевъскы и всея Руси*" и т. д. [2]) Извѣстенъ также цѣлый рядъ другихъ рукописей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ книжной дѣятельности Кипріана (Слѣдованная Псалтырь, Лѣствица, Творенія Діонисія

[1]) *Древности.* Труды Слав. Комм. Моск. Археол. Общества, т. II, 2 стр. 86. Н. Петровскій совсѣмъ неосновательно иронизируетъ по поводу того, что г. Яцимирскій далъ точный текстъ апокрифическаго *автографа* Григорія Цамблака — приписки къ требнику *начала второй половины XVII в.*", „Къ хронологіи произведеній Гр. Цамблака", стр. 2 (курсивъ критика). Дѣло въ томъ, что мы и прежде ни однимъ словомъ не выдавали запись за автографъ, и теперь относимся къ этому осторожно.

[2]) Рукопись Моск. Синод. библіотеки № 344 (478), л. 72.

Ареопагита, быть можетъ, Требникъ и церковный Уставъ, какая-то каноническая книга, скорѣе Синтагма Властаря, чѣмъ Кормчая, и т. д.). Н. Глубоковскій думаетъ, что административныя дѣла и поѣздки по епархіи не позволяли Кипріану заниматься литературой [1]), чѣмъ и объясняется сравнительно небольшое количество его книжныхъ и авторскихъ трудовъ, несмотря на тридцатилѣтнее правленіе Кипріана. Поэтому можно думать, что и Григорій сдѣлалъ въ той же области немного больше того, что̀ мы знаемъ; тѣмъ болѣе, послѣдній управлялъ кіевской митрополіей очень недолго.

Опредѣляя время написанія литературныхъ произведеній Цамблака, мы относили ихъ къ 1416—1417 годамъ. Такой короткій періодъ мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) въ концѣ 1415 и началѣ слѣдующаго года новый митрополитъ не могъ произнести ни одного изъ перечисленныхъ Словъ, такъ-какъ ни одно изъ нихъ не посвящено церковнымъ событіямъ, празднуемымъ отъ 15 ноября и вплоть до мая (Вознесеніе); 2) въ февралѣ 1418 года Цамблакъ былъ уже въ Констанцѣ, и надо думать, что съ пріѣздомъ его въ Россію въ маѣ окончились всякія литературныя занятія, такъ какъ положеніе его, и безъ того непрочное, значительно ухудшилось вслѣдствіе участія на соборѣ: для Витовта и Ягелла онъ ничего не сдѣлалъ, а въ глазахъ своей православной паствы и Москвы сталъ вѣроотступникомъ. Можно предполагать, что перенесеніе каѳедры въ Вильно (см. выше, стр. 181) относится ко времени возвращенія изъ Констанца, а вскорѣ Цамблакъ совсѣмъ сходитъ со сцены русской церковной жизни: „умеръ“ *митрополитъ* Григорій для того, чтобы возродиться въ *схимникѣ* Гавріилѣ.

---

[1]) *Чтенія въ Обществѣ любит. духовн. просв.* 1892 г., кн. II, стр. 358—424.

ГЛАВА IV.

Цамблакъ въ схимѣ.—Русскія и западныя извѣстія о кончинѣ кіевскаго митрополита Цамблака. — Удаленіе Григорія въ Молдавію. — Вопросъ о митрополичествѣ Цамблака въ Сочавѣ и участіи его на Флорентійскомъ соборѣ.—Принятіе Григоріемъ схимы въ Нямецкомъ монастырѣ съ именемъ Гавріила.—Доказательство тожества Григорія и Гавріила Цамблаковъ.—Молдавскія извѣстія о поѣздкѣ Цамблака въ Константинополь и Охридъ, во время Флорентійскаго собора.—Отношеніе Молдавіи къ собору; греческіе іерархи-представители отъ молдавской церкви во Флоренціи.—Культурныя и каноническія сношенія молдавскихъ книжниковъ и іерарховъ съ Охридомъ и дошедшіе до насъ слѣды участія въ этомъ дѣлѣ Цамблака.—Предположеніе о времени смерти Гавріила.

Русскія лѣтописи повторяютъ одна за другой извѣстіе о кончинѣ Цамблака зимой 1419 мартовскаго или 1420 январскаго года. Опредѣляя точную хронологію помѣщенныхъ рядомъ съ этимъ извѣстіемъ событій, изслѣдователи приходятъ обыкновенно къ выводу, что Цамблакъ умеръ въ февралѣ 1420 года [1]) и, вѣроятно, сдѣлался жертвой „моровой язвы“, о которой говорятъ тѣ же лѣтописи подъ 1420—21 годомъ. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ почти спеціальныя монографіи о Цамблакѣ и общія русскія „Исторіи“, гражданскія и церковныя. Но если мы сдѣлаемъ сводъ отдѣльныхъ мнѣній, то картина получится довольно печальная. Общее впечатлѣніе таково, что ни точная дата смерти кіевскаго митрополита, ни мѣсто ея совсѣмъ не извѣстны.

Одни изъ изслѣдователей относятъ это событіе къ 1418 году, напримѣръ, архим. Леонидъ [2]), а В. Качановскій даже къ

[1]) Согласованіе показаній въ отдѣльныхъ сводахъ сдѣлано П. Соколовымъ стр. 193—194, прим. 2, причемъ изслѣдователь посвящаетъ много мѣста выясненію той ошибки Никоновской лѣтописи, по которой Цамблакъ умеръ зимой 1419 январскаго года, заявляя, что „Никоновская лѣтопись есть компиляція, въ которой не все списанное списано удачно“. Но послѣ цѣлаго ряда работъ акад. А. А. Шахматова, къ такимъ вопросамъ нужно подходить съ большей подготовкой, а выводы дѣлать болѣе осторожно.

[1]) Изъ исторіи юго-славянскаго монашества, стр. 35.

самому началу его, точнѣе, къ февралю: Григорій умеръ „въ пути (sic) на констанцскій соборъ, куда онъ посланъ былъ Витовтомъ“ [1]). Большинство изъ изслѣдователей — къ 1419 году, напримѣръ, митр. Макарій, архіеп. Филаретъ, С. Соловьевъ, А. Горскій, который связываетъ смерть Григорія съ моровымъ повѣтріемъ [2]), А. Левицкій (стр. 336); А. Саббатовскій относитъ почему-то къ сентябрю 1419 года, „когда Цамблакъ возвратился въ Литву“ (стр. 327), Н. Дурново — къ 14 октября того же года [3]), по всей вѣроятности, смѣшавъ предположеніе митр. Евгенія, будто Цамблакъ ввелъ почитаніе въ Россіи преп. Параскевы, празднуемой церковью 14 октября [4]), и т. д. Болѣе осторожный Е. Голубинскій — между концомъ 1419 и началомъ 1420 г. [5]), основываясь на показаніяхъ I новгородской лѣтописи, которая говоритъ о смерти Цамблака передъ событіями, имѣвшими мѣсто 25 февраля 1420 года, и т. д.

Наконецъ, немногіе изслѣдователи опредѣляютъ кончину Цамблака 1420 годомъ (ссылки у П. Соколова, стр. 193).

Въ то же время, нѣкоторыя западныя извѣстія, касающіяся мнимой смерти Цамблака, извѣстныя новѣйшимъ польскимъ изслѣдователямъ и оставшіяся неизвѣстными нашимъ и румынскимъ, относятъ это событіе къ болѣе позднимъ годамъ; хотя польскіе историки и знаютъ обычную дату нашихъ лѣтописей, но отдаютъ предпочтеніе другой датѣ смерти Цамблака, будто-

---

[1]) Исторія Сербіи, ч. I. Кіевъ, 1899, стр. 236. Впрочемъ, покойный славистъ не знаетъ времени окончанія этого собора, такъ-какъ принимаетъ дату „1419 или 1420 г.; а по свидѣтельству молдавскихъ лѣтописей (?),—около 1450 года, въ Молдавіи“, причемъ указываетъ на Мелхиседека, который на лѣтописи, конечно, не ссылается, потому что въ нихъ ничего не говорится о смерти Цамблака. О такихъ же „румынскихъ источникахъ“ (?) говоритъ Н. Дурново, *Русская Бесѣда*, 1895 г., кн. стр. 151.

[2]) Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ, XI, стр. 249.

[3]) *Русская Бесѣда*, 1895, кн. I, стр. 148.

[4]) Словарь писателей духовнаго чина, I, изд. 2, стр. 103.

[5]) Исторія русской церкви, ч. II, 2, стр. 383.

бы послѣдовавшей въ 1432 году [1]), основанной, по всей вѣроятности, на неправильно понятой или же невѣрно вычисленной цифрѣ времени правленія Цамблакомъ кіевской митрополіей, которую сообщаетъ Кульчицкій. Прохазка говоритъ, что вопросъ объ уніи возвратился къ прежнему положенію, когда умеръ ревностный сторонникъ ея—Цамблакъ [2]). Смерть послѣдняго была понята Ягелломъ какъ полное пораженіе его стремленій. Выражая сожалѣніе о смерти митрополита, въ своемъ письмѣ къ папѣ Мартину V, онъ прибавляетъ, между прочимъ, что желаемая унія, осуществленіе которой такъ возможно было при содѣйствіи горько оплакиваемаго богомольца т. е. Цамблака, теперь, со смертью его, снова стала дѣломъ, которое нужно начинать сначала. Приведемъ отрывокъ изъ этого письма: „Preterea pater beatissime cor meum multis exuberat tristitiis, quod ille Greg(orius) antistes Mac(ed)o, qui unionem ecclesiae orientalis tanto desiderio et ardore cordis promovebat, prout S. V. et omnibus patribus sacro Const. concilio presidentibus effectus et devocio ipsius potuit apparere (*рук.* asperare) ab hac luce est sublatus, et proh. dolor, iam illius sacre et desideratis sine unionis aditus, qui per ipsum faciliter pieri potuisset et effectus eius totaliter sperabatur in laborem convertetur. Attamon devotio mea non tepescet, quando incepto operi quanta in reduccione Grecorum ad sinium sanctae Romanae ecclesie et ad obedienciam S. V. usque quaque inherebit, confiso in omni potencia domini, quod loco istius Greg(orii) sublati de medio de alio tamquam Abraham patriarcha nostra de victima providebit“ [3]).

А. Прохазка не согласенъ съ показаніями русскихъ лѣтописей о смерти Цамблака въ 1419 году [4]) и думаетъ, что

---

[1]) Ссылки въ Wielka Encyklopedya powszechna ilustrowana. Zeszyt 80. Warszawa, 1893, str. 972.

[2]) *Przegląd powszechny*, 1896, zesz. 7, str. 59.

[3]) Liber cancellariae Stanislai Ciolek von d-r *I. Caro* in *Archiv für Oesterreichische Geschichte*, tom I, № 72, s. 132.

[4]) Онъ ссылается только на лѣтопись Аврамки *П. С. Р. Л.* т. XVI, стр. 171.

она послѣдовала около половины 1422 года, къ каковому времени должно относиться приведенное письмо Ягеллы. „Правда, — продолжаетъ онъ, — письмо не имѣетъ даты, но скоро въ отвѣтъ на него послѣдовала папская булла отъ 8 сентября 1422 года, а по этому можно заключить, что письмо Ягеллы должно быть послано въ іюлѣ того же года; отсюда слѣдуетъ, что смерть Цамблака имѣла мѣсто около того же времени“ [1]). Но въ данномъ случаѣ Прохазка ошибается, потому что въ указываемой имъ буллѣ папы Мартина къ кардиналу Брандѣ о назначеніи его епископомъ въ Польшѣ говорится только о дарованіи ему власти прощать еретиковъ и о смерти какого-то латинскаго епископа, а не о Цамблакѣ [2]). Другой историкъ, А. Левицкій, кажется, первый изъ ученыхъ, увидавшихъ въ упомянутомъ письмѣ извѣстіе о нашемъ Григоріи, несмотря на то, что ему извѣстны и русскія лѣтописи, все-таки находитъ возможнымъ заключать: „das kann nicht genau sein, denn sonst würde Iagello in dem Briefe an den Papst von 1420, wo er das Gregor Zemblak (sic) und seiner Betühungen gedenkt, von ihm als einem Verstorbenen gesprochen haben“ [3]). Далѣе А. Прохазка недоумѣваетъ: какъ могло случиться, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ XV вѣка въ Кіевѣ было два митрополита: одинъ—склонный къ уніи, дру-

[1]) *Przegląd powszechny,* 1896, zesz. 7, str. 59, nota 1.

[2]) *A. Lewicki,* Codex Epistolaris saeculi XV. Tomus II, in Monumenta medii aevi historica. tom. XII, № 117, p. 155. Тотъ же документъ у *Theiner'a,* Monumenta Polonica, tom. II, № 31.

[3]) *Archiv für Oesterreichische Geschichte,* Band. XLV, Wien. 1871, Docum. № LXXII. „1421 или 1422 года“, s. 449—451. Cf. *Dzialynski,* Lites et res gestae etc. vol. III, p. 219. Трудно, конечно, рѣшить о какомъ Григоріи идетъ рѣчь въ папскомъ письмѣ. Намъ извѣстно письмо Витовта къ папѣ Мартину V отъ 3 февраля 1418 года, гдѣ первый жалуется на архіеп. львовскаго Іоанна, который старается подчинить себѣ (laborat subicere) владимирскаго еписк. Григорія (dominum Gregorium episcopum Ladimirensem), а также проситъ не привлекать Григорія къ суду предъ римской куріей. *A. Lewicki,* Codex Epistolarum etc., № 89, p. 109. Возможно, что эти *два* Григорія и есть одно и то же лицо.

гой—противникъ ея [1]). Но это произошло, по всей вѣроятности, потому, что въ Супрасльской лѣтописи, а также въ лѣтописныхъ выборкахъ у И. Даниловича, подъ 1420 годомъ помѣщена замѣтка о посѣщеніи Фотіемъ литовской и польской Руси [2]); съ другой стороны, Прохазка считаетъ за достовѣрную дату смерти Цамблака не 1419—20, а 1422 годъ.

Въ своей критической статьѣ А. Левицкій также останавливается на этомъ недоумѣніи Прохазки, но приходитъ къ выводу, что *одна* изъ датъ должна быть невѣрной. Такъ какъ для второй изъ нихъ (1422) мы имѣемъ документальныя данныя—указанное выше письмо Ягеллы, то можно поставить только слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли булла Мартина V есть непосредственный отвѣтъ на сообщеніе Ягелла? Приходится согласиться, что, дѣйствительно, нельзя такъ именно смотрѣть на оба эти документа; правда, въ своемъ письмѣ, сообщая о смерти Цамблака, Ягелло проситъ папу даровать гнѣзненскому латинскому архіепископу власть прощать еретиковъ, а въ отвѣтной буллѣ какъ разъ говорится объ этомъ. Но въ то же время Прохазка не обратилъ вниманія, что папа ни словомъ не указываетъ на то, что дѣлаетъ это именно по просьбѣ Ягелла; наоборотъ, въ буллѣ папа говоритъ о дарованіи этой власти своему легату Брандѣ „по просьбѣ послѣдняго". Поэтому Левицкій допускаетъ, что Цамблакъ умеръ въ 1419 году, а отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ могъ послѣдовать отъ папы и черезъ три (?) года. „Нужны неоспоримыя доказательства,—заканчиваетъ критикъ, — чтобы принять такое аномальное явленіе, будто Ягелло и Витовтъ позволили

[1]) *Przegląd powszechny*, 1896, zecz. 7, str. 59.

[2]) Latopisiec Litwy i kronika ruska. W. Wilnie, 1827, str. 244. Фотій посѣтилъ, между прочими городами, Галичъ и Львовъ. По поводу мнимаго существованія двухъ митрополитовъ въ одной и той же области припомнимъ извѣстную статью (5 состава 21 глава) въ Синтагмѣ М. Властаря; въ рукописи Нямецкаго монастыря 1474 года № 601, о єпископїахъ митрополїамь бывающїимь, и ӕко не подобаеть въ єдїной єпархїи, двѣма быти митрополитѡма.

Фотію посѣтить митрополію Цамблака еще при жизни послѣдняго; тѣмъ болѣе, у насъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы византійскій императоръ требовалъ этого отъ Ягелла и Витовта“ [1]). Такимъ образомъ, изъ приведенной полемики можно сдѣлать тотъ лишь выводъ, что письмо Ягеллы о смерти Цамблака слѣдуетъ датировать скорѣе 1420 годомъ, къ которому относится также и лѣтописное извѣстіе о визитаціи Фотіемъ юго-западныхъ епархій.

Болѣе надежнымъ было бы показаніе могильной надписи, если бы она была извѣстна. Но мы не располагаемъ не только этимъ извѣстіемъ, но даже не знаемъ города, къ которому скорѣе можно было бы относить мнимое, повторяемъ, погребеніе Цамблака. Русскія лѣтописи говорятъ о смерти его въ Кіевѣ или вообще въ предѣлахъ кіевской митрополіи. Романскій еписк. Пахомій свидѣтельствуетъ въ началѣ XVIII вѣка, что онъ даже „цѣловалъ мощи (?) Цамблака“ въ одной изъ лаврскихъ пещеръ [2]); большинство изслѣдователей, начиная митр. Евгеніемъ,—въ Вильнѣ [3]); авторъ статьи „Возобновленіе церкви Успенія пречистыя Богородицы въ Вильнѣ“ указываетъ даже мѣсто погребенія — каѳедральную церковь [4]). По мнѣнію Н. Дурново, Цамблакъ умеръ въ Новогрудкѣ и погребенъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ, гдѣ похоронены многіе предшествующіе литовскіе митрополиты [5]). Сочавскій митр. Георгій говоритъ въ своемъ „Сказаніи“ (1723 г.) о смерти Цамблака въ Москвѣ [6]). Наконецъ, Архангелогородская лѣтопись переноситъ эту кончину въ Римъ (стр. 110), вѣроятно, связавъ ее съ поѣздкой кіевскаго митрополита въ „римскій

---

1) *Kwartalnik historyczny,* 1897, zesz. II, str. 336.

2) Приписка къ Сборникамъ Нямецкой библіотеки, № 106 и 20.

3) Описаніе кіево-софійскаго собора, стр. 104.

4) *Современный Листокъ,* 1865, № 76, стр. 5. Н. Петровскій приводитъ извѣстіе изъ книги П. Н. Батюшкова „Бѣлоруссія и Литва“ о позднѣйшихъ передѣлкахъ собора, во время которыхъ плита могла быть уничтожена, стр. 6.

5) *Русская Бесѣда,* 1895, кн. I, стр. 151.

6) Рукопись изъ собр. П. И. Щукина, № 463, л. 81 об.

градъ Константинъ". Такимъ образомъ, и этотъ вопросъ остается открытымъ.

Для насъ интересенъ самъ по себѣ тотъ уже фактъ, что смерть Цамблака, очень извѣстнаго историческаго дѣятеля и церковнаго писателя, датируется въ лѣтописи и въ документахъ разными годами, что писатели XVII вѣка относили ее къ болѣе позднему времени, а новѣйшіе историки не могутъ прійти къ единогласному выводу изъ всей этой массы источниковъ; уже одно это соображеніе заставляетъ насъ принять извѣстія румынской лѣтописи и вѣроятныя предположенія румынскихъ изслѣдователей о томъ, что Цамблакъ не умеръ въ 1419—20 году а оставивъ митрополію такъ страстно домогавшемуся ея, врагу своему Фотію, тайно ушелъ въ хорошо знакомую ему Молдавію. Къ сожалѣнію, ни Мелхиседекъ, ни позднѣйшіе ученые не постарались выяснить обстоятельствъ этого оригинальнаго поступка Цамблака, а мотивировали его лишь общими фразами вродѣ того, что положеніе Цамблака на Руси нельзя было считать завиднымъ и прочнымъ, такъ-какъ Фотій не упускалъ случаевъ выжить своего врага. Къ этому Мелхиседекъ прибавляетъ, что въ борьбѣ съ Москвой Витовту мало было имѣть отдѣльную митрополію, и теперь онъ уже задумалъ привлечь Цамблака вмѣстѣ съ его паствой къ католичеству; съ другой стороны, у Витовта былъ еще врагъ въ лицѣ католика Ягелла, во всякомъ случаѣ имѣвшаго права на протекторатъ надъ литовскимъ княжествомъ; поэтому, находясь между двухъ огней, онъ все же предпочелъ союзъ съ Москвой и такъ-сказать пожертвовалъ Цамблакомъ (стр. 17, 18). Къ такому же выводу вполнѣ самостоятельно пришелъ и А. Саббатовскій. „Когда остыла въ Витовтѣ вражда къ Москвѣ и все вниманіе его заняло отношеніе къ Польшѣ, въ то время онъ и не подумалъ объ избраніи новаго митрополита на мѣсто умершаго или удалившагося изъ Россіи въ Молдавію Григорія Цамблака. Напротивъ, прежде отвергнутый Витовтомъ, Фотій снова принялъ обѣ митрополіи подъ свою власть" (стр. 316).

Всѣ эти предположенія мы считаемъ правдоподобными по существу дѣла; припомнимъ также, что Цамблакъ не возвратился въ Константинополь, не сумѣвъ почему-то выполнить порученіе патр. Матѳея въ самомъ началѣ своей дѣятельности, и добровольно остался въ Молдавіи. Точно также, не имѣя возможности принять унію или примириться съ Фотіемъ и патріархіей, онъ рѣшилъ добровольно покинуть престолъ и оставить свое новое отечество Фотію, который не замедлилъ пріѣхать въ русско-литовскія области и примириться съ Витовтомъ, склонившимся уже въ пользу Москвы.

Но у насъ есть и прямыя указанія на добровольное оставленіе имъ каѳедры. Это—свидѣтельство Посланія нямецкаго игумена Ѳеодосія, записанное въ 30 годахъ XVI вѣка, гдѣ говорится о книжныхъ трудахъ Цамблака, который добри книгы написавъ, сладкими словесы поучаѧ въсѧ христїаны, и трꙋдъ къ трꙋдомь прѣлагаѧ, свѧтительскыи степень ѡставль [1]; во вторыхъ—замѣтка слуцкаго архимандрита Михаила Козачинскаго (XVIII в.), который говоритъ объ этомъ фактѣ еще опредѣленнѣе: „живъ еще будучи, по зависти, которую подвиглъ на него московскій митрополитъ Фотій, отъ престола архіерейскаго избѣже“ [2]). Распространяться о причинахъ такого оставленія каѳедры и даже бѣгства будетъ излишнимъ: это слишкомъ ясно изъ словъ Козачинскаго, распространенныхъ и нѣсколько лучше объясненныхъ Мелхиседекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставаться въ Россіи Цамблакъ не имѣлъ возможности. Поводомъ же къ бѣгству представилась его поѣздка въ Констанцъ, которой никто не могъ быть доволенъ. Поэтому мы считаемъ очень важнымъ извѣстіе, найденное нами въ одномъ лѣтописномъ сводѣ: „того жъ году митрополитъ богомерзскіи Цамблакъ пріиде изъ Рима въ Литву на Кіевъ, и тое жъ зимы въ Кіевѣ умре“ [3]).

---

[1]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, 1900, кн. IV, стр. 1239.

[2]) *Макарій*, Исторія русской церкви, т. IV, стр. 100—101.

[3]) Рукопись СПБ. Публ. Библіотеки, IV, № 217 (Толст. II, № 188,

Намъ кажется, что лѣтопись очень удачно сопоставляетъ эти два событія, почему мы считаемъ за вполнѣ достовѣрный фактъ уходъ „богомерзкаго“ Григорія зимой 1418—1419 сентябрьскаго, скорѣе же, въ концѣ 1418 январскаго года.

Прежде чѣмъ остановиться на всѣхъ подробностяхъ вторичнаго пребыванія Цамблака въ Молдавіи, укажемъ, что нашъ предшественникъ по этому предположенію, преосв. Мелхиседекъ, допустилъ два положенія, въ сущности уничтожающія всю цѣну этой смѣлой и правдоподобной теоріи: 1) удаленіе Григорія изъ Россіи не въ Молдавію, а въ Сербію, и 2) возвращеніе его въ Сочаву *послѣ* 1430 года, о чемъ мы имѣли уже случай не разъ говорить раньше (стр. 7, 44, 45, 143).

Румынскіе историки, писавшіе до Мелхиседека и послѣ него, дѣлали ошибку, видя бывшаго кіевскаго митрополита въ какомъ-то молдавскомъ митрополитѣ-грекѣ того-же приблизительно времени, по имени Григоріи. Мы уже говорили, что Мелхиседекъ относитъ вторичный приходъ Цамблака въ Молдавію къ 1431—32 годамъ, основываясь единственно на необъясненной имъ датѣ 1432 г., подъ которымъ лѣтопись Урѣке говоритъ о посольствѣ Цамблака въ Охридъ. Мелхиседекъ не могъ, очевидно, допустить, чтобы такой видный дѣятель, извѣстный русскій митрополитъ, притомъ талантливый книжникъ и ревнитель православія могъ жить въ Молдавіи только въ качествѣ простого схимника и писца; онъ выискиваетъ поэтому всѣ способы, чтобы доказать, что Цамблакъ былъ молдавскимъ митрополитомъ. Онъ не смущается даже тѣмъ, будто въ Житіи Іоанна Бѣлградскаго и въ другихъ произведеніяхъ этого же, по мнѣнію Мелхиседека, періода Цамблакъ называетъ себя не митрополитомъ, а „мнихомъ и пресвитеромъ великой молдовлахійской церкви“ или „пресвитеромъ и игуменомъ обители Пантократоровой“. Онъ объясняетъ

л. 129 об.) Передъ тѣмъ говорилось о событіяхъ 6926 года; послѣднее изъ нихъ—замужество дочери вел. кн. Василія Васильевича за А. И. Суздальскимъ зимой 1418 года.

это 1) тѣмъ глубокимъ смиреніемъ и аскетическимъ отреченіемъ, которыми проникнута вся жизнь и произведенія (?) Григорія, и 2) предположеніемъ, будто самый титулъ митрополита, жертвой котораго онъ недавно сдѣлался, казался ему несноснымъ, противнымъ (стр. 41). Но всѣ эти домыслы основаны, главнымъ образомъ, на другомъ ошибочномъ предположеніи, будто игуменомъ Нямецкаго монастыря Цамблакъ былъ въ 1440—1450 годахъ, а не въ 1403—1406 годахъ. Мнѣніе Мелхиседека было принято П. Сырку, который переноситъ только дату вступленія въ управленіе митрополіей съ 1432 на 1439 годъ, годъ окончанія Флорентійскаго собора, и видитъ въ Цамблакѣ „мѣстоблюстителя“, назначеннаго „до избранія новаго митрополита“ (стр. 139). Мнѣніе Мелхиседека повторяетъ историкъ А. Ксенополъ [1]) и другіе изслѣдователи.

Новѣйшіе историки румынской церкви развиваютъ и дополняютъ краткія и бездоказательныя предположенія Мелхиседека. Такъ, В. Предяну [1]) увѣренъ въ томъ, что митрополитъ Григорій, преемникъ Макарія, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ Цамблакомъ, тѣмъ самымъ, который прибылъ въ Молдавію въ 1401 году и оставался въ ней до 1407 года. „Правда,—говоритъ историкъ далѣе,—наши историческіе документы не называютъ Григорія Цамблака „молдавскимъ митрополитомъ“, но они не указываютъ для этого времени и другихъ также митрополитовъ въ Молдавіи. Со смерти Макарія (вскорѣ послѣ 1429 года) и вплоть до Θеоктиста II, списокъ митрополитовъ представляетъ большой пропускъ. Этотъ недостатокъ разрѣшается, впрочемъ, при помощи иностранныхъ изслѣдованій. Le Quien въ трудѣ своемъ „Oriens Christianus“ говоритъ, что въ то еще время, когда папа Евгеній IV былъ не въ ладахъ съ базельскимъ соборомъ относительно мѣста для предстоявшаго собора, онъ вошелъ въ переписку съ мно-

[1]) Istoria romȃnilor, vol. III, p. 183, vol. V, p. 223.

[1]) Exitența și organisațiunea ierarchiei bisericești la romȃni, Bucuresci. 1896, pp. 105—106.

гими лицами изъ православныхъ странъ, склоняя ихъ къ уніи съ Римомъ. Изъ этой переписки Le Quien упоминаетъ о переепискѣ съ митр. молдавскимъ Григоріемъ. Какъ извѣстно, базельскій соборъ начался въ 1431 году и продолжался много лѣтъ; но Шинкай указываетъ дату этого письма—1435 годъ, приводя вкратцѣ и содержаніе папскаго посланія. Изъ него видно, что въ 1435 году въ Молдавіи былъ какой-то митрополитъ Григорій, котораго папа зналъ лично, и будто онъ раньше обѣщалъ папѣ принять всѣ обычаи римской церкви и заставить свою паству сдѣлать то же самое. Эти извѣстія въ большинствѣ своемъ подходятъ къ Цамблаку". Отсюда г. Предяну выводитъ, что Григорій Цамблакъ правилъ сочавской митрополіей со смерти Макарія и до 1440 года, а раньше указаннаго года былъ извѣстенъ съ титуломъ игумена Пантократоровой обители. Съ этого времени и до 1450 года (?) онъ называется „монахомъ и игуменомъ Пантократоровой обители", но не переставая управлять молдавской митрополіей въ санѣ митрополита, а соперникъ Цамблака, митрополитъ-грекъ, назначенный молдо-влахійскимъ митрополитомъ отъ константинопольской патріархіи, былъ Даміанъ, и т. д. И этотъ историкъ, повторяемъ, введенъ былъ въ заблужденіе показаніями Нямецкаго Помянника; желая же согласовать свои даты съ мнѣніемъ Мелхиседека относительно времени митрополичества Цамблака въ Молдавіи, онъ ни словомъ не объясняетъ страннаго въ такомъ случаѣ сана Григорія: „мнихъ, *пресвитеръ*" и т. д., который нельзя было совмѣщать съ саномъ митрополита.

Тѣмъ не менѣе, многіе ученые продолжаютъ считать Цамблака молдавскимъ митрополитомъ, даже послѣ появленія въ 1892 году брошюры Георгія Арамы, профессора ясской духовной семинаріи имени Веніамина Костаки. Несмотря на то, что авторъ пользовался, по словамъ І. Калиндера, только общими курсами русской и румынской „Церковныхъ исторій", ему удалось доказать, что преосв. Мелхиседекъ смѣшиваетъ *трехъ*

современныхъ Цамблаку епископовъ, носившихъ имя Григорія [1]). Георгій Арама думаетъ, что Цамблакъ не былъ митрополитомъ Молдавіи ни до Флорентійскаго собора, ни послѣ него. Того Григорія, къ которому адресовано письмо папы Евгенія IV отъ 1435 года, Арама считаетъ католическимъ архіепископомъ, занимавшимъ каѳедру въ г. Серетѣ, гдѣ, какъ извѣстно, учреждена была каѳедра намѣстника папы еще въ концѣ XIV вѣка, а впослѣдствіи другая каѳедра существовала и въ г. Бакэу (р. 15). I. Григоріу возражаетъ Арамѣ и пытается доказать, что папа не могъ обращаться къ своему же подчиненному епископу латинскаго закона съ напоминаніемъ обѣщанія о принятіи латинства, и что адресатъ письма—настоящій православный митрополитъ Молдавіи. Въ то же время, если это былъ Григорій Цамблакъ, то изъ письма никоимъ образомъ не видно, чтобы онъ былъ уніатъ [2]). Очевидно, это возраженіе Григоріу стояло въ связи съ его общимъ взглядомъ на исторію молдавской церкви въ XV вѣкѣ. „Послѣ смерти митр. Макарія,—говоритъ онъ,—имѣвшей мѣсто въ 1431 или 1432 году, и до 1440, мы находимъ среди молдавскихъ митрополитовъ настоящее mixtum compositum. Какъ разъ къ этому времени относится Флорентійскій соборъ, и для участія на этомъ соборѣ каждый изъ историковъ выставляетъ „своего" митрополита. Главная причина этого скопленія митрополитовъ заключается въ томъ, что названный соборъ происходилъ въ то время, когда Молдавія была раздѣлена между двумя сыновьями Александра—Ильей, правившимъ „горней страной" съ сочавской митрополіей, и Стефаномъ, владѣвшимъ „дольней землей" [3]) съ романской митрополіей. Каждый изъ

---

[1]) Episcopulu Melchisedec, Discursu... de *Ioanu Kalinderu*. Bucuresci 1894, p. 41.

[2]) Iosif I Mușat, p. 48.

[3]) О значеніи этихъ административныхъ терминовъ говорится въ „Descriptio Moldaviae" Д. Кантемира, написанномъ около 1714 года: „Tota Moldavia tribus olim absolvebatur partibus, *inferiore, superiore* et Bassarabia, in quibus universim provinciae minores numerabantur viginti tres. Postea quam vero sequentibus temporibus Turcarum tyrannide oppressa esset, Bas-

этихъ двухъ митрополитовъ считался настоящимъ митрополитомъ Молдавіи и представителемъ этой церкви. Хотя ни одинъ изъ нихъ не принималъ участія въ соборѣ, тѣмъ не менѣе историки утверждаютъ противное, одни—относительно романскаго, другіе—сочавскаго, иные—относительно лицъ, выставленныхъ патр. константинопольскимъ. Такъ, логофетъ Стефанъ говоритъ, что на соборѣ участвовалъ митр. Іосифъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Григоріемъ Цамблакомъ [1]). Изъ соборныхъ актовъ мы узнаемъ, что молдавскій митрополитъ, бывшій во Флоренціи, назывался Даміаномъ и подписывался ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Μολδο-Βλαχίας καὶ τὸν τόπον ἐπέχων τοῦ Σεβαστίας Δαμιάνος ἀρκετὸς ἐπέγραψα; по свидѣтельству Vaillant'a, участвовалъ митр. Іосифъ Митрофанъ; Діонисій Фотино доказываетъ что на соборѣ дѣйствительно былъ Митрофанъ, подписавшій унію, но молдавскій господарь не пожелалъ пустить его въ страну. Около того же времени, или раньше, находимъ у Е. Голубинскаго какого-то молдавскаго митрополита съ именемъ Анѳима, грека по происхожденію; затѣмъ Давида, который, по мнѣнію Филарета Скрибана, не кто иной, какъ тотъ же Даміанъ, принявшій схиму съ этимъ именемъ, желая такимъ актомъ искупить свою вину, заключавшуюся въ признаніи и подписаніи уніи во Флоренціи. Наконецъ, въ лѣтописи Урѣке находимъ извѣстіе, что представителемъ отъ Молдавіи, посланнымъ во Флоренцію Александромъ Добрымъ, былъ Григорій Цамблакъ, который однако на соборъ не отправился. Опуская ошибки, содержащіяся въ лѣтописи относительно этого событія, а также изъ переписки, которую велъ съ нимъ папа Евгеній IV, мы узнаемъ (?), что Григорій Цамблакъ на

sarabia, Aroni principis perfidia, tradita Tigine cum duabus partibus, novemdecim tantum regiones, neque haec integrae, hodiernis principibus remanserunt". Изданіе Румынской Академіи 1872 г., стр. 10. Подробнѣе у *Septimiu Sever Secula*, Tzara de sus şi ţara de jos in principatele române. Studiu de geografie istorica, ed II. Bucuresci, 1898, pp. 1—16.

[1]) Прибавимъ, что то же самое говоритъ сочавскій митр. Георгій въ своемъ „Сказаніи о Нямецкой иконѣ", относимомъ къ 1723 году. См. выше, стр. 218, прим. 6.

самомъ дѣлѣ былъ митрополитомъ Молдавіи. Въ 1435 году папа обращается къ Григорію и напоминаетъ ему данное имъ обѣщаніе послѣдовать римскимъ церковнымъ обычаямъ вмѣстѣ со своей паствой". „Такимъ образомъ,—заканчиваетъ І. Григоріу,— въ 1430—1440 гг. находимъ семь лицъ [1]), носящихъ титулъ молдавскаго митрополита, хотя изъ нихъ, кажется, одинъ Даміанъ дѣйствительно участвовалъ въ засѣданіяхъ собора; однако на самомъ дѣлѣ и онъ не былъ митрополитомъ Молдавіи, а былъ назначенъ въ Константинополѣ спеціально для этого собора. Изъ числа всѣхъ семи только двое были законными митрополитами, а пятеро самозванцами. Изъ этихъ двухъ, Цамблакъ правилъ „дольней" митрополіей, куда былъ поставленъ послѣ смерти Макарія въ 1432 году, по всей вѣроятности, при содѣйствіи Александра Добраго, знавшаго его съ 1401 года. Романской митрополіей Цамблакъ привилъ до 1442 года, когда онъ умеръ(?), и преемникомъ его назначенъ былъ Каллистъ, а за нимъ Виссаріонъ" [2]).

И это предположеніе не можетъ имѣть никакого значенія, такъ-какъ трудно допустить, чтобы за десятилѣтнее правленіе Цамблака не сохранилось ни одного болѣе или менѣе достовѣрнаго свидѣтельства. Очевидно, изслѣдователь не могъ говорить противъ авторитетнаго мнѣнія Мелхиседека, и начало мнимаго митрополичества Григорія относитъ къ 1432 году только для того, чтобы оправдать 1) предположеніе Мелхиседека о пребываніи Григорія въ Сербіи въ 1420—1432 гг. и 2) дату охридскаго посольства у Урѣке, 1432 годъ. Что же касается года смерти Цамблака, то и онъ основанъ на недоразумѣніи, такъ-какъ къ 1444 году относится только

---

[1]) Къ семи именамъ можемъ прибавить еще митр. сочавскаго Іоакима (Ioachim Soczawiensis), изгнаннаго изъ страны (pulsus sede sua) вскорѣ послѣ 1439 года и принявшаго вмѣстѣ съ другими на томъ же соборѣ всѣ обычаи латинской церкви (sue doctrine secuti monita, recte fidei normam profitentur). Monumenta medii aevi historicae, res gestae Poloniae illustrantia. tom. XII, pp. 479—480.

[2]) Iosif I Mușat, pp. 46—47.

первое по времени упоминаніе о романскомъ митрополитѣ. Въ дарственной грамотѣ господаря Стефана отъ 30 сентября 1444 года впервые упоминается кьсеωсвѧщенный митрополить кvрь Калисть ромаксkїи [1]).

Итакъ, въ настоящее время очень немногіе могутъ видѣть въ этомъ загадочномъ митрополитѣ Цамблака. Е. Голубинскій относится къ предположенію Мелхиседека такъ же отрицательно, но прибавляетъ, что спорный митрополитъ былъ какой-то „ловкій самозванецъ, обманувшій румынъ, выдавъ себя за Григорія Цамблака (?), а потомъ и папу Евгенія IV“ [2]). Мы не можемъ признать такого самозванства, потому что 1) для молдованъ Цамблакъ былъ слишкомъ извѣстное лицо, а самый фактъ посольства его въ Охридъ въ 30 годахъ XV вѣка не подлежитъ сомнѣнію; 2) папа Евгеній, какъ мы видѣли раньше (стр. 215), получилъ отъ Ягелла извѣщеніе о кончинѣ Григорія, правда, на самомъ дѣлѣ, мнимой; наконецъ, 3) въ это самое время Цамблакъ находился въ Молдавіи, будучи схимникомъ Нямецкаго монастыря.

Такимъ образомъ, всѣ догадки румынскихъ ученыхъ не въ состояніи убѣдить насъ, что Цамблакъ былъ на каѳедрѣ митрополіи не только кіевской, но и сочавской. Тѣмъ не менѣе, это не исключаетъ другой мысли, болѣе простой и скорѣе допустимой, а именно, что Цамблакъ дѣйствительно жилъ въ Молдавіи послѣ 1420 года, но лишь какъ скромный схимникъ Нямецкаго монастыря.

Предположеніе о вторичномъ пребываніи Цамблака въ Молдавіи далеко не ново. Объ уходѣ его изъ Россіи говоритъ и преосв. Макарій [3]), и Н. Катаевъ [4]), и А. Саббатовскій, который думаетъ, что, удалившись изъ Россіи, Цамблакъ на-

1) Chronica Romanului, I, p. 112.

2) Исторія русской церкви, ч. II, 2, стр, 386.

3) Исторія русской церкви, т. IV, стр. 101.

4) Очеркъ исторіи русской церковной проповѣди. Одесса. 1883, изд. 2, стр. 79. Авторъ приводитъ чье-то мнѣніе, по которому Цамблакъ, родомъ сербъ (sic), жилъ въ Молдавіи еще 20 лѣтъ.

правился не прямо въ Молдавію, а сначала въ Галичъ, „который въ то самое время уступленъ былъ польскимъ королемъ молдавскому воеводѣ Иліи (стр. 327), и только послѣ назначенія Исидора перешелъ окончательно въ Молдавію, а для охраненія православія (?), въ 1439 году на всегда соединился съ болгарской патріархіей“. Но никто не могъ догадаться, что подъ извѣстнымъ писцомъ-схимникомъ Гавріиломъ, начавшимъ свою культурную работу какъ-разъ въ 20 годахъ XV вѣка, и кроется Григорій въ схимѣ.

Разсмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ факты и соображенія, которыя можно привести въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ мысли о тожествѣ Григорія и Гавріила. Подобные примѣры принятія схимы видными іерархами намъ извѣстны изъ исторіи византійской, русской, югославянской и румынскихъ церквей. То же самое можно сказать и относительно удаленія іерарховъ въ монастырь. Напримѣръ, Григорій Палама, встрѣченный враждебно солунской паствой, а также вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ и религіозныхъ причинъ, уходитъ на Аѳонъ въ 1347 году; патр. Филоѳей, не имѣя возможности оставаться нейтральнымъ между требованіями двухъ императоровъ—Іоанна Кантакузена и Палеолога, также удаляется на Аѳонъ. Почему русскія лѣтописи не отмѣтили ухода Григорія изъ Россіи, а говорятъ о его смерти, правда, какъ-то глухо и неодинаково,—въ этомъ кроется загадка. Возможно, впрочемъ, что самъ Цамблакъ считалъ для себя болѣе удобнымъ слухъ о своей смерти, который разомъ отрѣшилъ отъ него все его неудачное прошлое. Но совершенно скрыть свое мѣстопребываніе и дѣятельность ему все таки не удалось, и въ этомъ мы находимъ пріобрѣтеніе для исторіи славянской письменности.

Въ самомъ дѣлѣ. Непосредственно за общепринятой датой смерти Цамблака или его удаленія отъ митрополіи въ 1419—1420 году,—въ началѣ двадцатыхъ годовъ XV вѣка въ Нямецкомъ монастырѣ появляется дѣятельный и образо-

ванный переписчикъ книгъ, схимникъ Гавріилъ, который втеченіе тридцати лѣтъ неустанно работаетъ на книжномъ поприщѣ въ одномъ и томъ же монастырѣ, не занимаетъ никакихъ должностей, именуетъ себя монахомъ или же просто Гавріиломъ, не получаетъ, наконецъ, повышеній за весь этотъ періодъ времени и какъ будто съ намѣреніемъ скрываетъ свое происхожденіе, санъ и положеніе. Мы знаемъ хорошо, что книжные труды и образованіе цѣнились и на Руси, и въ славянскихъ земляхъ, и повсюду въ западной Европѣ. Мы знаемъ также, что большинство іерарховъ были въ то же время извѣстными церковными писателями, а многіе изъ нихъ занимались перепиской книгъ, что̀ являлось не только неизбѣжной школой въ юности, но и виднымъ подвигомъ въ старости. У насъ лично не остается никакихъ сомнѣній, что Гавріилъ, это—имя Григорія Цамблака въ схимѣ. Уже у перваго изъ изслѣдователей, спеціально занимавшихся Цамблакомъ, находимъ кое какіе намеки на возможность такого предположенія; но мысль о схимѣ Григорія, вѣроятно, и не являлась у Мелхиседека. Описывая ложное положеніе, въ которомъ очутился литовскій митрополитъ на Руси, онъ говоритъ: „Избранный вопреки желанію мѣстныхъ епископовъ, съ нарушеніемъ земскаго права, чужанинъ, осужденный митр. московскимъ и патр. цареградскимъ, имѣвшими сильныхъ покровителей въ лицѣ московскаго царя и византійскаго императора, черезъ четыре года чрезвычайно неспокойнаго архипастырскаго служенія въ Литвѣ Цамблакъ очутился въ тяжеломъ положеніи: отказаться ли ему самому отъ литовской митрополіи или быть отрѣшеннымъ отъ нея съ безчестіемъ... Повидимому, онъ выбралъ первое изъ двухъ; какъ человѣку ученому, нравственно устойчивому, съ сознаніемъ христіанской покорности, ему нечего было искать въ низкихъ сферахъ земной дипломатіи“! (стр. 18). Но и этого мало. Мелхиседекъ былъ даже на пути къ нашему предположенію.

„Замѣчательно,—говоритъ онъ,—что въ то время, какъ

всѣ Слова Цамблака, произнесенныя имъ въ бытность митр. литовскимъ, озаглавлены „Григорія еписк. или архіеп. россійскаго",—всѣ произведенія слѣдующаго(?) періода надписываются только „монаха, пресвитера или игумена". Это даетъ намъ понять, что архіепископская и митрополичья степень ему была такъ противна, что онъ не хотѣлъ и напоминать о ней, довольствуясь церковной степенью и достоинствомъ подчиненнаго" (стр. 19). Стоило сдѣлать только одинъ шагъ—и вся фигура Цамблака возросла бы до такой гигантской величины, что всякія обвиненія его со стороны старыхъ іерарховъ и новѣйшихъ писателей въ авантюрахъ, подкупахъ, латинствѣ, искательствѣ, вѣроломствѣ и т. д., все это померкло бы предъ образомъ величаво-спокойнаго и скромнаго труженика-писца, который свелъ всѣ счеты съ міромъ и его интересами, и отдался книжному дѣлу съ его свѣтлыми стремленіями. Насъ удивляетъ желаніе Мелхиседека видѣть въ какомъ-то уніатѣ-Григоріи нашего Цамблака еще потому, что въ другихъ трудахъ покойнаго изслѣдователя издано было очень много всякаго рода надписей и документовъ, объясняя которые, онъ не разъ говорилъ о посвященіи въ схиму и удаленіи на покой въ какую-нибудь обитель многихъ молдавскихъ іерарховъ въ XV—XVIII вв. Своимъ предположеніемъ о митрополитствѣ Цамблака онъ просто обезцѣнилъ всю вторую часть своей работы. Правда, у покойнаго изслѣдователя не было подъ руками ни одного изъ доказательствъ, отысканныхъ нами; но въ то же время онъ ни словомъ не отозвался о Гавріилѣ-переписчикѣ, хотя не разъ упоминалъ о переписанныхъ имъ сборникахъ (стр. 47), и не подозрѣвалъ, что подъ этимъ „современникомъ Цамблака" и кроется бывшій кіевскій митрополитъ.

Итакъ, Цамблаку вполнѣ естественно было удалиться въ Молдавію, въ тотъ самый Нямецкій Пантократоровъ монастырь, гдѣ онъ началъ свою проповѣдническую, писательскую и административную дѣятельность. Духовная связь съ

тѣмъ монастыремъ, откуда „происходили" іерархи, хорошо извѣстна намъ изъ многочисленныхъ молдавскихъ документовъ и дарственныхъ записей XV—XVII вв. Въ любомъ спискѣ XVII — XIX вв. митрополитовъ и епископовъ, кромѣ именъ ихъ, всегда отмѣчается и монастырь. Такого же происхожденія бывали и прозвища многихъ изъ нихъ, нераздѣльно связанныя съ именами [2]).

Тогда Цамблаку было около 56 лѣтъ. Мы можемъ представить себѣ угнетенное состояніе духа этого талантливаго неудачника. Цѣлый рядъ крупныхъ неудачъ, дорогой цѣной купленная русская каѳедра, вражда съ Фотіемъ и т. д.,—все это, вѣроятно, угомонило его мятежную натуру, и изъ смѣлаго „авантюриста" онъ превратился въ мирнаго писца, порвавшаго всякія связи съ прошлымъ и скрывшаго свое извѣстное имя и прежнее званіе въ скромномъ имени монаха Га-

[1]) Изъ многочисленныхъ примѣровъ, собранныхъ нами по надгробнымъ надписямъ и записямъ на рукописяхъ для одной изъ намѣченныхъ работъ, приведемъ слѣдующіе: нямецкій „происходникъ", „бывшій" еписк. романскій Павелъ, похороненъ въ томъ же монастырѣ; еписк. той же епархіи Феофанъ (Мелхиседекъ читаетъ невѣрно: Ѳеофилъ) и митр. сочавскій Варлаамъ, „бывшіе" митрополиты; еписк. Меѳодій, на могильной плитѣ котораго изображенъ схимническій аналавъ; Георгій и Ѳеодосій Барбовскій, похороненные въ монастырѣ Проботѣ, *Melchisedec*, Notițe istorice și archeologice, pp. 5, 6, 21, 65, 158; митр. Ѳеоктистъ, погребенный въ 1528 году въ Нямецкомъ монастырѣ „при конци великымъ и ангелскымъ образомъ прѣименовань бывь Ѳеодоръ", *I. Bogdan*, Cronicele moldovenesci, p. 154; бывшій романскій еписк. Евѳимій перемѣнилъ имя въ схимѣ и погребенъ въ монастырѣ Агапіи, *Melkisedec*, Chronica Romanului, I, p. 212. Митр. молдавскій Іаковъ въ схимѣ названъ Евѳиміемъ, *Revista p. istorie, archeologie* etc vol I, p. 253; еписк. радовскій Михаилъ въ схимѣ названъ схимонахомъ Миной, ib. p. 273. Преосв. Филаретъ Скрибанъ видитъ въ молдавскомъ митр. Давидѣ (1478 - 1509) извѣстнаго Даміана, который участвовалъ на Флорентійскомъ соборѣ, а затѣмъ „въ видѣ раскаянія принялъ схиму въ монастырѣ Мирѣ около Милкова, подъ именемъ Давида, и жилъ тамъ до 1478 года, когда Стефанъ Великій выпросилъ ему отъ вселенскаго патріарха прощеніе и разрѣшеніе". Istoria bisericeasca a Românilor. pp. 161—162. Но ввиду извѣстной статьи Синтагмы Властаря и нѣсколько растянутой хронологіи, мы не можемъ принять этого, правдоподобнаго по существу, предположенія. Припомнимъ также отношеніе къ своему монастырю еписк. могленскаго Иларіона, въ Житіи, написанномъ патр. Евѳиміемъ, и мн. др.

вріила. Подъ „монахомъ“ здѣсь слѣдуетъ разумѣть „великій ангельскій образъ“ или схиму. Въ быстричскомъ Помянникѣ Гавріилъ называется „старцемъ“, въ то время какъ остальные нямецко-быстричскіе игумены носятъ титулъ „архимандритовъ“, а въ дальнѣйшихъ поминаніяхъ къ имени Гавріила прибавлено только: „монаха-списателя“ [1]). Въ нямецкомъ Помянникѣ онъ также названъ „іеросхимонахомъ“, опять единственное званіе среди всѣхъ игуменовъ XV вѣка [2]). Почему Григорій остановился на имени Гавріила, видно изъ слѣдующаго: 1) оно начиналось той же буквой, что и монашеское [3]), и 2) было его мірскимъ именемъ, подъ которымъ Цамблакъ достовѣрно извѣстенъ какъ переписчикъ аѳонской рукописи 1389 года (см. выше, стр. 26 — 27). Ниже мы укажемъ, что сходство почерковъ этого Сборника и остальныхъ несомнѣнныхъ рукописей Гавріила заставляетъ думать, что оба эти Гавріила, „грѣшный“ и „монахъ“, были одно и тоже лицо. Первая рукопись была переписана имъ, когда ему было 25 лѣтъ, остальныя—старикомъ свыше 50 лѣтъ. Является поэтому вопросъ: почему мы не знаемъ рукописей, переписанныхъ тѣмъ же Гавріиломъ втеченіе первыхъ двухъ десятилѣтій XV вѣка? Въ спискѣ славянскихъ, точнѣе, болгарскихъ писцовъ конца XIV и первой половины XV вѣка мы знаемъ

---

[1]) Рукопись Academia Romāna XV в., № 79, лл. 5 об. и 6.

[2]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, № 39, л. 1.

[3]) Ср. имена первыхъ быстричскихъ игуменовъ: Доментіанъ—Діонисій, Григорій—Гавріилъ (Цамблакъ), Евѳимій—Евстафій; или другіе случаи, когда Григорій принималъ схимническое имя Гавріилъ, напр. *A. Xenopol,* Istoria românilor, vol. X, p. 234; *I. Bianu,* Catalogul manuscriptelor, fasc. III, p. 230; *Melchisedec,* O visita la câte-va monastiri etc., pp. 13, 36, 38, 37; *Л. Стојановић*, Стари српски записи и натписи, стр. 178. Можно указать также на автора русскаго Посланія о мономаховомъ вѣнцѣ: „Спиридонъ рекомый, Савва глаголемый“, послѣднее изъ именъ было схимническое; припомнимъ также споръ объ идентичности болгарскихъ писателей Константина и Климента, писца Константинопольской лѣствицы 1421 года „убогаго Евсевія — непотребнаго Евфрема“, архіеп. новгородскаго Гавріила—въ схимѣ Григорія, 1163 года; въ записи на Псалтири 1652 года: „іеромонахъ Кипріанъ, рекомый Кириллъ и старецъ отъ монастыря госпожи Елены“ (Рукопись Спб. Публ. Библ-ки, F, № 394.

только одного, этого именно Гавріила. Припомнимъ, что въ 1450 году ему было 86 лѣтъ. Что же дѣлалъ нямецкій Гавріилъ до 50 лѣтъ? Начиная съ 20 годовъ онъ переписываетъ цѣлый рядъ рукописей, почти каждый годъ отмѣченъ появленіемъ новой рукописи Гавріила. Откуда онъ прибылъ въ Нямецкій монастырь и чѣмъ занимался раньше? Вотъ вопросы, которые свободно разрѣшаются только въ томъ случаѣ, если допустить, что „іеромонахъ и митрополитъ Григорій“ принялъ схиму съ именемъ Гавріила, и что въ промежуткѣ между 1394 и 1419 годами „не было“ Гавріила, а былъ Григорій.

Кромѣ указанныхъ общихъ соображеній, у насъ есть нѣсколько прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ тожества Григорія и Гавріила:

I. Въ „Великомъ монастырскомъ Помянникѣ“ (Сфынтꙋл ши мареле Помѣнник [1]) и т. д.), составленномъ на румынскомъ языкѣ іером. Андроникомъ въ половинѣ прошлаго вѣка на основаніи документовъ монастырскаго архива, среди нямецкихъ игуменовъ Цамблакъ поставленъ на 4-мъ мѣстѣ, а непосредственно за нимъ слѣдуетъ Гавріилъ, не отдѣленный отъ него обычной датой начала игуменства. Такимъ образомъ, свѣдѣнія объ этихъ *двухъ* лицахъ, соединенныхъ въ одно уже внѣшнимъ образомъ, получили слѣдующую редакцію:

григорїе їеромонах цамблак. игꙋмен ꙟ анꙋл 1439: дꙋпъ де аꙋ венит де ла блестематꙋл собор дин флоренцїѧ. ши фїинд маре богослов, саꙋ ръдикат ла скаꙋнꙋл матрополїеі кїевꙋлꙋй.	Григорій іеромонахъ Цамблакъ, игуменъ. Въ 1439 году, послѣ возвращенія съ проклятаго собора во Флоренціи, и будучи великимъ богословомъ, взошелъ на каѳедру кіевской митрополіи.
гаврїил їеросхимонах. игꙋмен. кареле мꙋлте кърцй ꙟ лимба болгърѣскъ, ши славенѣскъ аꙋ скрис кꙋ	Гавріилъ іеросхимонахъ, игуменъ, который переписалъ своей рукой много книгъ на бол-

[1]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, № 39, л. 1.

лѫна са ꙟ анꙋл 1441, ши 1448. ши есте ꙟнгропат алътꙋрѣ кꙋ пъринтеле силꙋан ïгꙋменꙋл. ꙟ притворꙋл дин мижлок ал соборничещїй бисеричй.

гарскомъ и славянскомъ языкѣ, въ 1441 и 1448 годахъ. И похоренъ рядомъ съ отцомъ Силуаномъ игуменомъ въ среднемъ притворѣ соборной церкви.

Изъ приведеннаго выше списка первыхъ трехъ и слѣдующихъ послѣ Гавріила игуменовъ мы видѣли, что для каждаго изъ нихъ опредѣляется дата вступленія его въ управленіе монастыремъ, и для одного только Гавріила не дано никакой даты. Правда, и для Григорія дата эта оказывается совершенно невѣрной, но въ нашихъ глазахъ важно уже то, что Григорій какъ бы смѣшивается, отождествляется съ Гавріиломъ. Первый называется іеромонахомъ, второй — іеросхимонахомъ, чтó было и на самомъ дѣлѣ. Интересно также что въ краткихъ свѣдѣніяхъ Помянника о Григоріи, ничего не говорится о мѣстѣ его погребенія, а Гавріилъ оказывается похороненнымъ рядомъ съ Силуаномъ, который былъ игуменомъ во время вторичнаго пребыванія Цамблака въ монастырѣ, но скончался раньше послѣдняго. Наконецъ, Андроникъ счелъ нужнымъ упомянуть о книжныхъ трудахъ Гавріила, въ данномъ случаѣ столь характерныхъ для него.

II. Въ краткомъ спискѣ нямецкихъ игуменовъ, напечатанномъ тѣмъ же Андроникомъ на румынскомъ языкѣ въ приложеніи къ Часослову 1858 года (Скꙋртъ историїе пентрꙋ игꙋменїй ши стареції и т. д., стр. 1), находимъ такое же небезосновательное смѣшеніе. Игумены слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1392 — Софроній.

1393 — Пименъ.

1422 — Силуанъ.

1439 — Григорїи ꙟтѫю Цамблак, кареле ꙟ оурмъ аꙋ фост митрополит кїевꙋлꙋй ачеста ера маре богословъ, ши фоарте ꙟподобит

Григорій I Цамблакъ, который впослѣдствіи былъ кіевскимъ митрополитомъ. Онъ былъ великій богословъ и весь-

кȣ фапте бȣне, пентрȣ кареле ши скріе пѫринтеле Пахоміе епископȣл Романȣлȣй ꙟ врѡ кѫтева кѫрцй, кȣм кѫ лаȣ сѫрȣтат сфинтеле моаще ꙟ пещера кіевȣлȣй.

ма украшенъ добродѣтелями, о которыхъ и пишетъ отецъ Пахомій, романскій епископъ, въ нѣсколькихъ книгахъ, будто цѣловалъ его святыя мощи въ Кіевской пещерѣ.

Гавріил. Ачеста аȣ скрис мȣлте кѫрцй сѫрбещй кȣ аȣр фоарте фрȣмос дин каре ши астѫзй сѫ афлѫ нȣ пȣцине.

Гавріилъ. Этотъ написалъ много славянскихъ книгъ, съ золотомъ, красиво, изъ которыхъ и до нынѣ сохранилось не мало.

1452 — Симонъ, при которомъ въ 1463 году господарь Стефанъ (V Великій) обложилъ серебромъ главу Симеона Дивногорца (дела мȣнтеле минȣнат).

Смѣшеніе это очень характерно, а въ нашихъ глазахъ даже очень важно. Составитель „списка“ какъ будто не находитъ нужнымъ отдѣлять Григорія отъ Гавріила, и для второго не даетъ никакой даты, хотя ему извѣстны датированныя рукописи, переписанныя Гавріиломъ. Въ то же время, въ составленной тѣмъ же монахомъ „Исторіи“ своего монастыря (Історіѧ сфинтелѡр монастирй Нѣмцȣл ши Секȣл, адȣнат ꙟ скȣрт, ꙟ анȣл 1857 мартіе ꙟ 20 зиле, стр. 1) о Гавріилѣ, какъ игуменѣ, не говорится ничего. И эта поправка оказывается цѣнной, такъ какъ схимникъ не могъ исполнять никакихъ административныхъ обязанностей.

Ш. Въ быстричскомъ Помянникѣ, заведенномъ, какъ видно изъ предисловія, въ 1407 году, въ томъ самомъ году, когда монастыри Быстрица и Нямецъ были соединены вмѣстѣ въ экономическомъ и административномъ отношеніи, поминается и Григорій, но на второмъ мѣстѣ, не смотря на то, что игуменомъ онъ былъ раньше Доментіана. Это можно объяснить тѣмъ, что имя Гавріила, скончавшагося позднѣе, было *внесено* въ поминанія *послѣ* Доментіана. За именами нѣскол-

кихъ молдавскихъ митрополитовъ, въ Помянникѣ слѣдуетъ отдѣлъ: здѣ поминаетсѧ, архімадрити.

Помѣни гй архімандрита діωнисіа, сирѣч. доментіана, началника стѣи ѡбитѣли сеи.

старца гавріила сирѣч, григоріа.

архімандрита еустадіа, сирѣч еудиміа [1]) и т. д.

Изъ этихъ трехъ лицъ мы хорошо знаемъ перваго по мѣсту игумена монастырей Быстрицы и Нямца, попа Доментіана, предъ смертью принявшаго, очевидно, схиму съ именемъ Діонисія. Второй изъ нихъ и есть Цамблакъ. Онъ одинъ изъ всего списка не называется архимандритомъ, такъ какъ послѣдніе годы свои провелъ внѣ административныхъ обязанностей, простымъ „старцемъ". Третій игуменъ, Евѳимій, также извѣстный по документамъ только съ этимъ именемъ, принялъ схиму и назывался Евстафіемъ (см. выше, стр. 232).

IV. Въ Посланіи нямецкаго игумена Ѳеодосія (1531—1536 гг.), человѣка книжнаго и писателя, къ романскому епископу, вѣроятно, Макарію говорится о іеромонахѣ Іоилѣ, кандидатѣ на степень игумена Воронецкаго монастыря (ıако достоинь єсть да поставиши игоумень быти въ Воронецкіи мнастирь) [2]). Отзывъ Ѳеодосія очень благопріятенъ для кандидата; по его словамъ, Іоиль мѫжь чьстьнь и всѧкими оукрашень добродѣтельми, имый на лѣть, книгамь искоусень и въ писаніихъ отьчьскыхъ ѕѣло и вѣсть грьчскаго ıазыка, и добро прѣписоуеть книги многи. Затѣмъ слѣдуетъ перечень переписанныхъ Іоилемъ книгъ, числомъ 26-ть, и мѣстонахожденіе ихъ. Вообще кандидатъ оказывается достойнымъ игуменской степени монахомъ, и житїе провода праведно, кротко, съ оумиленїемь доушевнымь, по вьсѧ дьни прѣписоуѧ книгы. Здѣсь въ Посланіи слѣдуетъ чрезвычайно интересное для насъ сравненіе его съ Цамблакомъ:

---

[1]) Рукопись XV вѣка изъ библіотеки Academia Romàna въ Букурештѣ № 79, л. 5.

[2]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ.* т. V, кн. IV, стр. 1237—1239.

ыко (въ рукописи *аки*) нѣкъгда Гаврїиль Цамблакь, игꙋменъ ѿ нашь Нѣмецскїи монастирь, добри кънигы написавъ сладкими словесы поꙋчаа въсѧ христїаны, и трꙋдь къ трꙋдомь прѣлагаѧ, свѧтительскыи степень wставль, къ богꙋ ѿиде [2]). Со смерти Цамблака (вскорѣ послѣ 1450 года) и до времени появленія Посланія прошло около 80 лѣтъ, срокъ слишкомъ недолгій для того, чтобы живое преданіе о немъ существовало среди книжныхъ монаховъ Нямецкаго монастыря. Какъ извѣстно, въ 1534 году игуменъ Θеодосій, авторъ этого Посланія, передѣлалъ Житіе Іоанна Сочавскаго, написанное Цамблакомъ, и вполнѣ естественно, что возобновленная этимъ литературнымъ трудомъ память о церковномъ писателѣ и проповѣдникѣ, дѣйствовавшемъ въ томъ же монастырѣ, нашла себѣ выраженіе въ подходящемъ мѣстѣ Посланія; даже больше того, образъ подвижника, оставившаго святительскую степень и посвятившаго остатокъ тревожныхъ дней книжному дѣлу и аскетической жизни, служилъ идеаломъ и примѣромъ для образцоваго игумена одного изъ старѣйшихъ монастырей Молдавіи. Здѣсь Гавріилъ-переписчикъ названъ прямо Цамблакомъ, что находимъ и въ другихъ славянскихъ и румынскихъ свидѣтельствахъ, кончая XVIII вѣкомъ. Если насъ могутъ нѣсколько смущать слова „игуменъ Нямецкаго монастыря“, такъ-какъ Цамблакъ, какъ игуменъ, извѣстенъ только подъ именемъ Григорія, а не Гавріила, то можно предположить, что или Θеодосій не счелъ нужнымъ говорить о двухъ именахъ Цамблака, или же въ его представленіи оба образа слились въ одномъ лицѣ, и Гавріила онъ прямо называетъ Цамблакомъ.

---

[2]) Послѣднее выраженіе довольно обычно у писателей XIV вѣка въ Каллистовомъ житіи Θеодосія Тырновскаго: „труды къ трудамъ и пощеніе къ пощенію прилагаху“; у патр. Евθимія, въ житіи І. Рыльскаго: „прилагая труды къ трудомь и къ желаніу желаніе“ и т. д. *E. Kałużniacki*, Werke, 9; „труды къ трудомь и болѣзни къ болѣзнемь прилагая“, 12; „къ ревности паче ревность и къ усрьдію усрьдіе прилагая“, 20; въ житіи Параскевы: „труды къ трудомь и болѣзни къ болѣзнемь прилагающи“, 66 и мн. др.

V. Въ притворѣ главнаго Нямецкаго храма похорены первые игумены монастыря. Сохранилось нѣсколько плитъ, но надмогильной плиты Цамблака среди нихъ нѣтъ, такъ же какъ и остальныхъ игуменовъ XV вѣка. Но на стѣнахъ написаны имена похороненныхъ игуменовъ; по свидѣтельству нынѣшнихъ монаховъ, надписи помѣщены надъ мѣстами погребеній. До послѣдняго ремонта церкви на стѣнахъ сохранялись и и изображенія первыхъ игуменовъ, въ томъ числѣ и Цамблака, но въ настоящее время изображенія уничтожены и вмѣсто нихъ на прежнихъ мѣстахъ помѣщены однѣ надписи. Имя Цамблака находимъ рядомъ съ восточнымъ входомъ: прекꙋвїосꙋл пъринтеле ностръ Гаврїил Цамблакꙋ. т. е. „преподобный отецъ нашъ Гавріилъ Цамблакъ“.

Итакъ, у насъ еще одно свидѣтельство, называющее Гавріила Цамблакомъ. Можно-ли допустить, чтобы въ одномъ и томъ же монастырѣ, въ одно и то же почти время послѣдовательно жили два замѣчательные книжника, оба съ одной и той же фамиліей, и были бы на самомъ дѣлѣ двумя лицами? Отвѣтъ можетъ быть единственный, и въ Григоріи и Гавріилѣ приходится видѣть одно лицо.

VI. О существовавшемъ нѣкогда изображеніи упоминаетъ и Андроникъ въ „Исторіи Нямецкаго монастыря“, написанной имъ въ бытность новонямецкимъ архимандритомъ, на румынскомъ языкѣ: „Історїе де ла ꙟчепꙋтꙋл сфнтей монастирй Нѣмцꙋлуй, чеїй бѣкй; ши пѫнъ ла анꙋл 1779, адꙋнат ꙟнтрꙋ ачест кип; ши алкътꙋитъ, де їеросхимонахꙋл Андроник. Картѣ ꙟтѫю [1]).

О мѣстѣ погребенія Цамблака онъ говоритъ подробнѣе:

„сaꙋ ꙟгропат алътꙋрь лѫнгъ прѣкꙋвїѡсꙋл пъринтеле ностръ їеросхимонахꙋл ши старецꙋл Сїлꙋан; ꙟ притворꙋл чел ди мижлѡк, партѣ дрѣптъ, ꙟнаинтѣ їконей чеїй марй,

„похороненъ рядомъ около преподобнаго отца нашего іеросхимонаха и старца Силуана, въ среднемъ притворѣ соборной церкви, по правую сто-

[1]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, лл. 33 об. и 34.

а сфинтеѝ ши слъвитей ꙟнълцърїй Дм҃нȣлȣ нострȣ́ Ї҃ис Х҃с; оунде сѫнт доѡаъ пїетри, алътȣрѣ, пе мормѫнтȣриле лѡр. іаръ кипȣриле лѡр, сѫнт зȣгръвите, ꙟтрȣ ачелаш притвѡр, пе пърѣте; дȣпъ ȣши, прин карѣ есте ꙟтрарѣ, дин притворȣл чел мик: ꙟтрȣ ачел маре т. е.

рону, противъ большой иконы святого и славнаго Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, гдѣ находятся рядомъ двѣ каменныя плиты надъ могилами ихъ. А изображенія ихъ (т. е. Силуана и Гавріила) написаны въ томъ самомъ притворѣ на стѣнахъ за дверьми, ведущими изъ малаго притвора въ большой“.

VII. Извѣстный слуцкій архимандритъ и историкъ XVIII вѣка Михаилъ Казачинскій говоритъ, что Цамблакъ былъ на митрополичьей каѳедрѣ не 4 года, а 22, и прибавляетъ къ этому, что „живъ еще будучи, по зависти, которую подвигъ на него митрополитъ московскій Фотій, отъ престола архіерейскаго избѣже“ [1]). „Откуда почерпнулъ Казачинскій это свѣдѣніе, —спрашиваетъ П. Соколовъ,—мы знаемъ, но во всякомъ случаѣ оно не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Это извѣстіе принадлежитъ прошлому столѣтію, когда жилъ Казачинскій, и ранѣе *ни у кого* не встрѣчается. Нужно полагать, что слуцкій архимандритъ какимъ нибудь образомъ смѣшалъ Григорія Цамблака съ Григоріемъ Уніатомъ, который въ 1458 г. занялъ литовскую митрополію. Вѣроятно, не имѣя точныхъ хронологическихъ свѣдѣній, и все-таки зная, что въ Литвѣ, послѣ Флорентійскаго собора является митрополитомъ Григорій, Казачинскій счелъ его за одно лицо съ Цамблакомъ и объяснилъ его вторичное появленіе въ русской исторіи тѣмъ, что Цамблакъ вслѣдствіе гоненія Фотія куда-то бѣжалъ изъ Россіи, а потомъ (?) возвратился, сдѣланъ былъ снова (?) митрополитомъ и правилъ кіевской митрополіей всего 22 года“

[1]) *Надеждинъ*, Славянская надпись въ Килійской церкви св. Николая *Записки Одесск. Общества Ист. и Древн.* т. I, 296; *Макарій*, Исторія русской церкви, т. IV, стр. 100—101.

(стр. 196—197).—На это мы возразимъ, во первыхъ, что если необъяснимый срокъ правленія произошелъ вслѣдствіе смѣшенія Казачинскимъ Григорія Цамблака съ Григоріемъ Уніатомъ, то получилось бы не 22, а на цѣлыхъ двадцать лѣтъ больше. Во вторыхъ, тотъ же историкъ ничего не прибавляетъ о „вторичномъ“ приходѣ Цамблака, а говоритъ только объ его удаленіи отъ каѳедры, что̀ въ нашихъ глазахъ необыкновенно важно. Въ третьихъ, Казачинскій взялъ эти свѣдѣнія у доминиканца Клементія Ходкевича, изъ его книги „Dissertationes historicae criticae de Archiepiscopatu Metropolitano Kiewiensi et Heliciensi“, относящейся къ началу XVIII вѣка [1]), и напрасно русскій изслѣдователь недоумѣваетъ, откуда взялъ это Казачинскій. Поэтому мы думаемъ, что въ XVIII вѣкѣ въ западной Россіи или еще живо было преданіе объ уходѣ Цамблака изъ Кіева, или же у Ходкевича были подъ руками какіе-нибудь документы, записи и т. п.

VIII. Какъ увидимъ дальше, въ отрывочныхъ показаніяхъ молдавскихъ лѣтописцевъ о неудачномъ посольствѣ Цамблака на Флорентійскій соборъ и въ Константинополь и путешествіи его въ 1432 году въ Охридъ, откуда были приглашены въ Молдавію славянскіе священники и вывезены книги всего церковнаго обихода, въ этихъ извѣстіяхъ, которымъ большинство ученыхъ до сихъ поръ придавало мало значенія или оставляло безъ объясненій,—мы видимъ драгоцѣнныя показанія, заслуживающія полнаго довѣрія; даже не освѣщенные тѣми фактами, которые мы собрали изъ наблюденій надъ рукописями Гавріила, они прямо и опредѣленно говорятъ намъ о томъ, что Цамблакъ былъ въ Молдавіи въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка. Какъ нетрудно будетъ убѣдиться изъ дальнѣйшаго изложенія, ошибка русскихъ ученыхъ, занимавшихся Цамблакомъ, заключалась въ незнаніи ими молдавскихъ рукописей, а румынскихъ — въ желаніи видѣть Цамблака исключи-

[1]) Wielka Encyklopedya powszecha. Warszawa. 1893, Zeszyt 80, str. 973.

оуспѣвааше ннитсо. идньоужепрѣ
ісланѣашеся, ивъсѣмнѣхжоумі
рша. стго. ижеѡіѡаннѣбговъевангелиіпризвав,
жезлъижедръжашевъоустасвѣ
рꙋвъложь, ре. възмимагамоегоі
хапослѣдоуимн. змiижежбыл
стгожезла, послѣдовашестмꙋ
ꙗконѣкыимꙋгонимь. блаженомꙋ
женизшешоуѿцркві. ивесьдроумьо
шешоудажедотръга. жезлапозе
мливлѣкыи. ижеивъсепозорище
видѣвшезжебъзмiазлакраижезла
дрьжащасаивлѣкома, оужасни бѣ
сѣ. бѣшежезмiистрашенъвъз
ромь, з лактедлъжнипжимыи. и
приближьшоусеместмоусъѿгнапѣи
сърадѣ, рексъзмiю. възмаiхво
егожеазъменшiипроповѣдаж. пе
велѣвлатиивънитипосрѣдѣѿгнѣ.
страшныиопъзмiинасръбнивсе
беиsѣлѡпростерса, вражеебепо
срѣдѣсрадыѿгньныжпрѣвъсѣмн
исъгорѣ. ивъсихвалаашеиславаше
блаоужасаахжеса. ꙗкотаковагосвѣ
тилникасанiюдотворцапоказанма
въдниблаженааго. тогдацрьвел
миsѣлѡꙗкосвоегоѿцаблагодарсвиб.
идармипочьти. иѡбразълицаего

тельно на каѳедрѣ сочавской или романской митрополіи. Въ сообщеніи лѣтописи мы видимъ отголосокъ извѣстій о дѣйствительной поѣздкѣ Цамблака въ Охридъ съ каноническими, культурными и книжными цѣлями, а извѣстныя рукописи Гавріила подтверждаютъ лѣтописное извѣстіе въ значительной степени. Слѣдовательно, у лѣтописцевъ было какое нибудь точное свидѣтельство объ этомъ посольствѣ. Замѣтимъ пока, что во второй четверти XV вѣка молдавская церковь на самомъ дѣлѣ принимаетъ зависимость отъ Охрида, и это же время должно считаться, если не началомъ, то во всякомъ случаѣ развитіемъ славянской письменности въ Молдавіи. Съ другой стороны, мы не знаемъ другого дѣятеля, который могъ бы стоять во главѣ этой миссіи, кромѣ Цамблака. Въ нашихъ глазахъ важно также и то, что молдавская лѣтопись называетъ только *Цамблака* (см. ниже, стр. 263, 265), въ обоихъ случаяхъ не прибавляя къ нему спорнаго титула или сана (пресвитеръ, митрополитъ или схимникъ). Однимъ словомъ, въ извѣстіи лѣтописи нельзя заподозрить ни одного слова или выраженія.

IX. Одно изъ самыхъ важныхъ доказательствъ основано на данныхъ палеографическихъ. Если мы сравнимъ почеркъ Словъ Исаака Сирина, переписанныхъ *міряниномъ* Гавріиломъ въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ въ 1389 году, съ обычнымъ почеркомъ *монаха* Нямецкаго Гавріила, то найдемъ полное сходство. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности почерковъ намъ кажутся очень характерными; разница лишь въ твердости, выдержанности формъ, буквъ и очертаній. Первую рукопись Гавріилъ писалъ, когда ему было 25 лѣтъ, остальныя—уже старикомъ отъ 50 и до 86 лѣтъ. Нельзя принимать въ разсчетъ только тѣ рукописи монаха Гавріила, въ которыхъ обычный полууставъ переходитъ въ литургическій уставъ Молдавскаго письма; здѣсь скрадываются индивидуальныя черты и письмо становится очень устойчивымъ, одинаковымъ почти у всѣхъ молдавскихъ переписчиковъ XV — XVII вв. Скорописи міряница-Гавріила мы также не знаемъ; поэтому нельзя

привлекать къ сравненію и третій почеркъ монаха Гавріила. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ также почерка *іеромонаха* Цамблака. Будь у насъ подъ руками его автографъ, все дѣло разъяснилось бы очень скоро.

X. Какъ мы не разъ уже упоминали, внося въ свои рукописи произведенія Григоріа мниха, презвитера и игоумена wбитѣли Пантократоровы, Гавріилъ всегда отмѣчалъ киноварью, на поляхъ противъ заглавій фамилію автора: Цамблакъ. Мы знаемъ четыре Сборника съ такими статьями и такими приписками: 1438, 1441, 1448 и 1450 годовъ. Кромѣ того, во многихъ русскихъ спискахъ болѣе поздняго времени мы находимъ точно такія же помѣты [1]); на основаніи упомянутыхъ выше достовѣрныхъ рукописей Гавріила, можно думать, что русскіе списки съ подобными обозначеніями фамиліи восходятъ къ оригиналамъ того же Гавріила, до нашего времени не дошедшимъ. Укажемъ также на то, что Сказаніе о перенесеніи мощей Параскевы въ Сербію, составляющее продолженіе составленнаго Евѳиміемъ Житія этой святой, во всѣхъ почти рукописяхъ отдѣляется отъ самаго Житія словами: Цамблакъ, Цамблака, Цамблакобо и т. д., легко возводимыми къ подлиннымъ помѣтамъ Гавріила: цамблак. Конечно, изъ одного этого еще не слѣдуетъ, что авторъ этихъ замѣтокъ былъ въ одно и то же время и авторомъ произведеній; первый могъ быть, пожалуй, только современникомъ второго. Но имѣя ввиду 1) необыкновенную послѣдовательность и правильность въ обозначеніи фамиліи автора; 2) тотъ фактъ, что въ своихъ рукописяхъ Гавріилъ не приводитъ никакихъ подобныхъ же свѣдѣній о другихъ писателяхъ, напримѣръ о Кипріанѣ, авторѣ похв. Слова св. Варвару, патріархѣ Евѳиміи, о самомъ себѣ, какъ переводчикѣ (см. выше, стр. 139) и т. д.; наконецъ, 3) очень характерную аналогію изъ книжной практики того же XV вѣка,

---

[1]) Будутъ указаны въ предисловіи къ I изданію текстовъ произведеній Цамблака и другихъ славянскихъ писателей въ Молдавіи.

а именно изъ рукописей извѣстнаго Владислава Грамматика, который въ Панегирикахъ 1479 и 1483 годовъ сдѣлалъ киноварью помѣту граматиково въ началѣ имъ же составленнаго Прибавленія о перенесеніи мощей Іоанна Рыльскаго изъ Тырнова въ Рыльскій монастырь,—надо признать, что связь между писцомъ и самимъ авторомъ была слишкомъ близкая.

XI. Въ двухъ Сборникахъ, переписанныхъ Гавріиломъ въ 1441 и 1448 годахъ, мы встрѣчаемъ одно и то же Слово Григорія „въ недѣлю цвѣтоносную“ (см. выше стр. 139). Сравнивая оба текста, мы находимъ нѣсколько крупныхъ варіантовъ, падающихъ исключительно на долю исправленій стилистическихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—графическихъ, напримѣръ:

Текстъ 1441 года:	*Текстъ 1448 года:*
въ вчерашныи же ꙋбо дьнь	вчера оубо.
нѣтъ	иже арѡматы помазавшеи
нѣтъ	погребшеи
семꙋ и прѣмѫдрыи лоука	семꙋ подобно и прѣмѫдрыи лоука
не мнися о семь	не съмнися о семь
прѣдь богомъ	прѣдь господомь
народнаго хваленїа	нарѡднаго сего хваленїѧ
ѡсана сыноу...	ѡсанна въпїахѫ, осана сынꙋ...
дафненскыи аполѡнъ порѫгань бысть	орфеи смѣхꙋ прѣдань бысть
нѣтъ	и прѣжде закѡнныѫ оноѫ и
	ѡбразныѧ пасхы
павелъ пасха наша, за ны...	павел̾ пасха наша рє҃, за ны...
оучителю того наричеши	оучителѣ того наричеши
по еже много оплакаше безакѡнїа	по єже много оплакати безакѡнїа
и котораго ꙋчителѣ въселеныѫ;	и котораго сїи глаголи. не, павла
павла тарсѣнина...	ли прѣмѫдраго оучителѣ, въсе-
	леныѫ; павла тарсѣнина...
сꙑи і҃с пророкъ	сꙑи нѣ҃ і҃с пророкъ

Это Слово было написано Григоріемъ въ 1403—1406 го-

дахъ и дошло до насъ въ двухъ довольно раннихъ рукописяхъ одного и того же писца, работавшаго въ одномъ и томъ же монастырѣ,—1441 и 1448 годовъ. Кто же другой, какъ не самъ авторъ, могъ такъ смѣло редактировать произведеніе такого прекраснаго проповѣдника, такого образцоваго стилиста, какимъ былъ Цамблакъ? Не забудемъ, что между перепиской этихъ рукописей прошло всего семь лѣтъ, срокъ слишкомъ короткій и совершенно ничтожный для того, чтобы литературные вкусы и требованія могли измѣниться. Если спустя болѣе столѣтія митр. Макарій вносилъ въ свои Минеи произведенія Цамблака безъ всякихъ измѣненій,—въ то же время исправляя стиль очень многихъ другихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній, — то на какомъ основаніи Гавріилъ могъ такъ смѣло, повторяемъ, редактировать Слово игумена своего монастыря, написанное такъ недавно? Остается признать, что оба списка — автографы Григорія: переписчикъ своего собственнаго произведенія невольно дѣлается и редакторомъ.

XII. Гавріилъ, повидимому, перевелъ [1]) и внесъ въ переписанные имъ Сборники два патріаршихъ Посланія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ Григорію. Первое изъ нихъ — Посланіе патр. Матвѣя къ господарю Александру относительно посольства въ Молдавію съ „честнѣйшимъ въ священноиноцѣхъ и отцомъ духовнымъ и калогеромъ киръ Григоріемъ“ во главѣ, въ іюлѣ 1401 года. Оно было прислано съ Григоріемъ (см. выше, стр. 79, 82), а въ открытомъ нами окончаніи славянскаго перевода этого Посланія читается замѣтка, скопированная переписчикомъ-молдованомъ XVI вѣка съ недошедшей до насъ рукописи Гавріила второй четверти XV вѣка:

---

[1]) Несмотря на то, что въ припискахъ не говорится о переводѣ Гавріила, мы все-таки приписываемъ ему эту работу, такъ-какъ въ концѣ другихъ статей изъ Сборниковъ-автографовъ и позднихъ копій, какъ обѣ указанныя рукописи, нѣтъ подобныхъ замѣтокъ. Онѣ имѣютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если говорятъ косвенно о переводѣ Посланій Гавріиломъ.

въ л҃тѡ. ѕ҃цлд. гаврїиль ѿ нѣгде
сїе начръта въ сихъ медоточныхъ
книгахъ.

О второмъ изъ нихъ мы будемъ говорить подробнѣе въ концѣ настоящей главы, когда будетъ рѣчь о молдавскихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, касающихся посылки Цамблака на Флорентійскій соборъ. Это —соборное Посланіе восточныхъ патріарховъ къ православнымъ противъ флорентійской уніи и патр. константинопольскаго Митрофана, датированное 1443 годомъ. Въ концѣ открытаго нами славянскаго перевода по рукописи Молдавскаго письма 1629 года читается совершенно аналогичная по содержанію и происхожденію запись:

в л҃тѡ. ѕ҃цна. гаврїиль монахъ
ѿ нѣгде сїе начръта въ сихъ медо-
точныхъ книгахъ.

Почему же скромному писцу Гавріилу, стоявшему, повидимому, такъ далеко отъ интересовъ общественной жизни, понадобилось перевести и внести въ свои Сборники именно эти Посланія, изъ которыхъ первое имѣло ближайшее отношеніе къ личной жизни и карьерѣ Григорія, второе касалось его нѣсколько косвенно, а если принять за достовѣрное извѣстіе молдавской лѣтописи о посольствѣ его на Флорентійскій соборъ, то и непосредственно? Почему мы не знаемъ другой грамоты, переведенной тѣмъ же Гавріиломъ, кромѣ двухъ указанныхъ? Все это станетъ понятнымъ, если отождествить Григорія съ Гавріиломъ. Тогда вполнѣ объяснится интересъ его къ двумъ греческимъ Посланіямъ, переведеннымъ имъ по славянски. Наконецъ, одно выраженіе краткихъ замѣтокъ показываетъ, что монахъ Гавріилъ какъ будто скрывалъ мѣстонахожденіе своихъ оригиналовъ, быть можетъ, скрывалъ и назначеніе переводовъ. Въ обоихъ случаяхъ, онъ „начерталъ сіе ѿ нѣгде“. Подобныхъ выраженій мы не знаемъ изъ другихъ записей и надписей, предназначавшихся вообще для опредѣленныхъ сообщеній, а такое приблизительное указа-

ніе источника заставляетъ предполагать извѣстный умыселъ. Это выраженіе примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о неточныхъ данныхъ; приведемъ примѣры изъ Евѳимія и самого Цамблака: разсѣенна же мало нѣгде обрѣтше—Житіе Иларіона Могленскаго, *E. Kaluźniacki,* Werke, 28; поживь же нѣгде даже до ѻ҃ лѣть — Житіе Іоанна Рыльскаго, ib., 21; на тыс҄ѫща нѣгде лѣто или и множае прѣжде Христа бывь — Слово похв. влмч. Георгію, Сборникъ 1441 г.; и тако прѣбысть ѻ҃ и множае нѣгде лѣть — Мученіе Іоанна Новаго, Сборникъ 1438 года; соуть бо ѿтоли до тридесѧть и нѣгде лѣть — Слово похв. Кипріану, стр. 27 и др. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ Гавріилъ какъ-бы боялся соединить себя съ памятью о Григоріи и его интересахъ.

XIII. Даты рожденія Гавріила и Григорія совпадаютъ. Годъ рожденія перваго намъ извѣстенъ точно — 1364 годъ, такъ какъ въ 1450 году ему было 86 лѣтъ (оуже п҃ѕ тимь лѣтомь сыи). Годъ рожденія второго вычислялся только приблизительно; но если „отроческій возрастъ“ опредѣлить 15 годами, то получится тотъ же 1364 годъ (см. выше, стр. 25). Достовѣрно извѣстно, что Григорій родился въ Тырновѣ. Гавріилъ же, по принятому имъ и проведенному въ жизнь „тырновскому“ правописанію, также можетъ считаться уроженцемъ восточной Болгаріи. Трудно поэтому допустить, чтобы въ одномъ и томъ же году и въ одной приблизительно мѣстности родились *два* выдающихся книжныхъ дѣятеля, которыхъ и впослѣдствіи связывало такъ много общихъ чертъ.

XIV. У патр. Евѳимія было нѣсколько учениковъ, изъ которыхъ Григорій считается самымъ значительнымъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. Почему никто изъ остальныхъ учениковъ не сохранилъ въ переписанныхъ ими рукописяхъ столькихъ произведеній своего учителя, какъ Гавріилъ? До насъ дошло только два Сборника Гавріила, 1438 и 1441 годовъ, съ произведеніями Евѳимія, и послѣднихъ здѣсь находимъ

цѣлыхъ шесть [1]). Къ этому можно прибавить, что къ текстамъ Гавріила восходятъ и Панегирики Владислава Грамматика, дающіе лучшія и наиболѣе исправныя чтенія остальныхъ произведеній послѣдняго тырновскаго святителя. И такъ, мы знаемъ, съ одной стороны, что Цамблакъ былъ непосредственнымъ ученикомъ Евѳимія, составилъ похвальное ему Слово, добавленіе къ его Житію Параскевы, упоминаетъ о своемъ учителѣ въ словѣ надгробномъ Кипріану и т. д.; съ другой, что всѣ тексты произведеній Евѳимія, сохранившіеся въ рукописяхъ Гавріила, не только близки къ предполагаемой первоначальной редакціи Евѳиміевыхъ произведеній, но кромѣ того представляютъ списки съ необыкновенно послѣдовательнымъ правописаніемъ самого Евѳимія. Чьимъ же ученикомъ былъ въ такомъ случаѣ Гавріилъ? Мы знаемъ, что въ 1424—1450 годахъ, когда онъ переписывалъ свои рукописи въ Нямецкомъ монастырѣ, онъ находился въ возрастѣ 60—86 лѣтъ, слѣдовательно, по лѣтамъ могъ быть непосредственнымъ ученикомъ Евѳимія. Почему же мы не знаемъ о немъ того же до 60-ти-лѣтняго возраста? Едва-ли такой образованный и дѣятельный писецъ могъ начать свою книжную дѣятельность только по достиженіи 60-ти лѣтняго возраста (см. выше, стр. 241). Опять остается допустить, что оба послѣдователя и ученика Евѳимія, Григорій и Гавріилъ, были одно и то же лицо.

XV. Очень характерное наблюденіе, имѣющее связь съ только что приведенными, заключается въ слѣдующемъ. Почему исправленные согласно тырновской правописной реформѣ тексты оказываются не въ Болгаріи или Сербіи, а именно Молдавіи, даже больше того—въ Нямецкомъ монастырѣ, гдѣ работали и Григорій, какъ писатель, и Гавріилъ, какъ переписчикъ? Не забудемъ также, что изъ датированныхъ текстовъ тырновскаго извода—наиболѣе ранними являются рукописи Гавріила и что Соловецкій Служебникъ, въ которомъ П. Сырку

---

[1]) Рукописи Нямецкаго монастыря, №№ 20 и 106.

видитъ копію съ исправленнаго Евѳиміемъ перевода, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ подобныхъ же рукописей, оказываются молдавскаго происхожденія. Однимъ словомъ, и здѣсь нельзя обойти вопроса о тожествѣ Гавріила и Григорія Цамблака.

XVI. Въ рукописяхъ Гавріила мы находимъ нѣсколько произведеній, списанныхъ съ русскихъ списковъ. О нихъ мы будемъ говорить подробно въ нашей работѣ о славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи въ XIV—XVIII вв., а теперь укажемъ только два характерныя явленія. Гавріилъ внесъ въ свой Сборникъ, безъ даты, извѣстное произведеніе русской письменности стараго кіевскаго періода—„Слово игумена печерскаго Ѳеодосія къ князю Изяславу о латинахъ"—и приписываемую Пахомію Сербу „Повѣсть полезну о латинахъ" [1]). О сношеніяхъ Гавріила съ русскими книжками мы ничего не знаемъ, но Григорій, жившій, писавшій и переписывавшій рукописи въ Россіи, могъ вполнѣ свободно перенести въ Молдавію нѣкоторые памятники русской литературы и письменности. Съ другой стороны, мы знаемъ, что Пахомій внесъ цѣлый рядъ произведеній Григорія Цамблака въ свой Сборникъ, принадлежащій теперь Троице-Сергіевой лаврѣ; въ этой рукописи всѣ Слова Григорія не носятъ имени ихъ автора и, по всей вѣроятности, списаны съ черновыхъ автографовъ; кромѣ того, Пахомій пользовался произведеніями Цамблака, какъ литературнымъ источникомъ. Наконецъ, въ слѣдующей главѣ мы укажемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ тексты рукописей Гавріила обнаруживаютъ безусловное вліяніе русскаго оригинала. Такимъ образомъ, пребываніе Григорія въ предѣлахъ Россіи найдетъ отраженіе въ этихъ именно русскихъ чертахъ его рукописей, правда, незначительныхъ.

XVII. Что Григорій жилъ и послѣ оставленія кіевской

---

[1]) *А. И. Яцимирскій,* Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 1—27 и 29.

митрополіи, обрабатывая свои прежнія произведенія и внося ихъ въ свои Сборники, видно изъ того, что въ цѣломъ рядѣ заглавій достовѣрныхъ его произведеній находимъ прибавку „бывшаго", что̀, исходя отъ лица самого автора, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ перерабатывалъ ихъ послѣ уже оставленія должностей игумена и митрополита:

I. Житіе Стефана Дечанскаго: списано минихомь и презвитеромь, игоуменомь бывшїимь тоежде обители. Сборникъ Букур. Музея Древностей, № 162, л. 217.

II. Слово похв. Иліи: „игумена *бывшаго* обители Пантократоровы и презвитеромъ церкви молдовлахійскія". Поморская рукопись изъ собр. П. Д. Богданова. *И. Бычковъ*, Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей, вып. I, стр. 52.

III. Житіе Іоанна Бѣлградскаго: „списанное Григоріемъ монахомъ, игуменомъ обители Пантократоровы, иже *бѣ* пресвитеръ великія церкви молдовлахійскія". Въ русскихъ печатныхъ Четьи-Минеяхъ. *П. Сырку*, стр. 147.

IV. Слово похв. митр. Кипріану: „Григоріе Цамблакъ, *писавый* Слово сіе надгробное и *бывый* митрополитъ Кіеву и всеа дръжавы литовъскыа". *С. Шевыревъ*, Исторія русской словесности, ч. III, стр. 385.

V. Уставъ и чинъ на освященіе церкви:..' „*бывшаго* прежде учителя земли молдовлахийская и игуменъ святый великій монастырь Пантократоровъ.... и *бывшаго* на осмомъ соборѣ". *Древности Слав. Комм. Моск. Археолог. Общ-ва*, т. II, 2, стр. 86 (Ср. румынскій переводъ той же записи, тамъ же) и др.

Конечно, большая часть приведенныхъ случаевъ не можетъ служить доказательствомъ вполнѣ авторитетнымъ, такъ-какъ попадаются они въ рукописяхъ позднихъ; во всякомъ случаѣ фатальныя совпаденія заглавій въ нѣсколькихъ произведеніяхъ одного и того же писателя не могутъ остаться безъ иного объясненія, кромѣ предложеннаго нами. Если, внося въ свои рукописи произведенія писателей покойныхъ, писцы на-

зывали ихъ, „бывшими“, то почему же не всѣ заглавія имѣютъ подобныя прибавленія? Почему, напримѣръ, не называть бывшимъ патр. константинопольскимъ Іоанна Златоустаго, бывшимъ архіепископомъ селевкійскимъ Василія, бывшимъ епископомъ туровскимъ Кирилла, бывшимъ игуменомъ волоцкимъ Іосифа, бывшимъ митрополитомъ московскимъ Макарія, бывшимъ херсонскимъ Иннокентія и т. д.? Вотъ почему намъ кажется, что нѣкоторыя хронологическія данныя можно извлечь изъ такихъ заглавій, какъ напримѣръ:

1. „Житіе и жизнь преподобныя матери нашея Ѳеофано царицы, съписано Николаемъ діакономъ святѣишія Божія великыя цръкве святаго Лазаря, епископа *бывша* дринополска“ [1]).

2. Переводъ литургіи на сербскій языкъ. „сіе провѣде *прои* (πρῴι) проть Светіе Горы Гавріиль отъ грьчскые книгы на сръбски“.

3. „Сіа словеса въ кратцѣ избранна отъ книги Константина Философа Костенчскаго, *бывшаго* учителя сръбскаго [1]) и т. д. (*вар.* „учителя сръбскаго *бывшаго* при благочьстивѣмь деспоту Стефану“ [2]).

4. Житіе преп. Ѳеодора архим. Сикейскаго монастыря, „списано Георгіемъ ученикомъ его, пресвитеру и игумену того же *бывшу* монастыря“ (22 апрѣля), и др.

Приведемъ еще нѣсколько сербскихъ и молдавскихъ надписей и записей о лицахъ, не причастныхъ къ литературѣ; изъ нихъ видно, что рѣчь идетъ о живыхъ людяхъ, но въ моментъ составленія записи бывшихъ не у должности, лишенныхъ прежняго званія и т. д., напримѣръ: въ записи на Хиландарскомъ Толковомъ Апостолѣ 1513 года: при митрωполитѣ бѣлградскомь кѵрь *Маѯимѣ* б и в ш а г о деспота; около 1540 года, на Евангеліи 1514 года: сїе светое їеѵангелїе владике *Маѯима* б ы в-ш а г о деспота; Крушедольскаго монастыря, около 1696 года: [3])

---

[1]) Ркпсь Букур. Націон. Музея № 149 (367), л. 47.

[2]) ИзслѣдованІя по русскому языку, т. I, стр. 518 и 535.

[3]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи и натписи, стр. 128, 156 и 470.

сїа книга монастира Крѹшедола архиепископа Максима, бившаго деспота. Іωвана деспота; такія же—записи на пяти другихъ рукописяхъ того же монастыря [1]); или въ грамотѣ молдавскаго господаря Петра 1586 года: молебникѹ нашемѹ Никанωрѹ бившїи епископъ [2]); въ надписи на панагіи 1581 года: панагиарь сїи сътвори бывше Исаїа епископъ радовскыи [3]); въ надписи на могильной плитѣ начала 20 годовъ XVII вѣка: (сїи гробь) сътвори себѣ Павель епископь бывь рωманскїи [4]); подпись митр. сочавскаго Варлаама около 1657 года: бивь митрополить [5]) и мн. др. Слѣдовательно, называя себя „бывшимъ", Цамблакъ имѣлъ для этого вполнѣ реальное основаніе и совершенно опредѣленную цѣль.

XVIII. Какъ мы указали выше, послѣ оставленія митрополіи Цамблакъ называетъ себя только „монахомъ", и въ записяхъ на переписанныхъ имъ рукописяхъ не именуетъ себя не только митрополитомъ, но и даже и не „презвитеромъ" или „іеромонахомъ". Такой порядокъ находитъ полное оправданіе въ каноническихъ узаконеніяхъ восточной церкви. Напримѣръ, въ Синтагмѣ Матѳея Властаря, въ 29 главѣ V состава (Ἐκκλησία) находимъ статью: іако епископь, по иноцѣхь пострига, свѧщенства ѿпадаеть (фотїа, в҃). Приведемъ отрывки изъ этой статьи по рукописи Нямецкаго монастыря 1474 года № 60 (54): Второе правило, емѹже патрїархь Фωтїе началникь бѣ събора, не попѹщаеть архїереωмь, иноческое въздожившїимь одѣанїе, архїеренства пакы държатисѧ; покаанїе бо иночьское житїе ωбѣть и оумиленїа въсегдашнѣго пωдлогь. Иже оубо ω меншемь архїеренское величьство иночьскаго положьше смѣренїа и оучителскаго сана каащїихсѧ и оучимыхь чинь прѣдрасѫдивше, како оубо сѫть достоини къ ωномоу пакы възвратитисѧ, еже дѣлесы ѿвръгошасѧ? Нѫ ниже,

[1]) Тамъ же, №№ 2028—2032.

[2]) *Melchisedec*, Chronica Romanului, I, p. 217.

[3]) Оригиналъ—въ ризницѣ монастыря Агапіи въ Молдавіи.

[4]) Оригиналъ—въ притворѣ Вознесенскаго храма Нямецкаго монастыря.

[5]) Notiţe istorice, p. 21.

иже въ инѡчьскѫѧ ѡдеждꙋ одѣанныи архїереи, таже великыи ангелъскыи пѡдшедь ѡбразь, ктомꙋ сващенства дръжатисѧ можеть? Аще бо малыи ѡбразь, еже обрѫченїе съвръшеннаго есть, можеть оуставити, ракъше ѿѧти архїеренство, много же паче съвръшенное постриженїе. Се же сващенникѡмь не прѣпинаѫ бѫдеть, не бѡ оучителѣ мѣсто имать. Сего оубо ради и по постриженi сващенnодѣиствовати не възбранѣтисѧ, ꙗко правилоу мѣсто на сихь не имащꙋ. Этимъ правиломъ и объясняется, почему Григорій могъ называть себя только монахомъ. Такимъ образомъ, и эта кажущаяся на первый взглядъ непослѣдовательность не должна насъ смущать въ разсужденіяхъ о личности Гавріила.

XIX. Въ слѣдующей главѣ мы перечислимъ всѣ рукописи Гавріила, опредѣлимъ ихъ составъ, иногда редакціи статей и переводовъ и т. д. Болѣе всего странными могутъ показаться записи писца на датированныхъ рукописяхъ. Изъ нихъ видно, что Гавріилъ работалъ въ одномъ и томъ же Нямецкомъ монастырѣ втеченіе почти 30 лѣтъ, но во всѣхъ записяхъ называетъ себя только „монахомъ", другими словами, переписчикъ не былъ ни іеродіакономъ, ни іеромонахомъ и т. д. Трудно представить, чтобы такой образованный и искусный переписчикъ, обладавшій прекраснымъ почеркомъ, выдержаннымъ правописаніемъ, хорошо знакомый съ наличностью славянской переводной и отчасти оригинальной письменности, наконецъ, не только переписчикъ, но и умѣлый редакторъ книгъ и статей, чтобы такой удивительный книжникъ, какимъ представляется намъ этотъ таинственный монахъ Гавріилъ, не получалъ никакихъ повышеній за столь долгій періодъ времени, если бы въ немъ не скрывался прежній не менѣе извѣстный іерархъ и писатель. Вотъ, собственно говоря, путь, который и привелъ насъ къ мысли, что подъ именемъ Гавріила, съ одной стороны, кроется какое-нибудь очень хорошо извѣстное въ литературѣ лицо, съ другой, что это лицо или не нуждалось во всякаго рода повышеніяхъ, или же не могло ихъ получать. Все это становится вполнѣ возможнымъ только

въ томъ случаѣ, если предположимъ, что Гавріилъ, это—имя Григорія Цамблака въ схимѣ. Только схимникъ могъ называть себя просто „монахомъ“ и не получать никакихъ повышеній втеченіе 30 лѣтъ.

Итакъ, русскія лѣтописи говорятъ о смерти Цамблака, послѣслѣдовавшей около 1419 года, и естественно, съ этого времени ни разу не упоминаютъ о немъ, такъ какъ „митрополита кіевскаго и всея Руси Григорія“ на самомъ дѣлѣ болѣе не существовало. Въ то же время молдавскія лѣтописи и другіе источники говорятъ вполнѣ опредѣленно о томъ, что Цамблакъ жилъ въ Молдавіи и послѣ 1420 года, принимая участіе въ церковно-административной и культурно-книжной жизни этой страны. Кое-что мы уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія. Наша задача будетъ состоять въ провѣркѣ и подкрѣпленіи другими фактами этихъ извѣстій, относящихся къ разному времени и представляющихъ не одинаковую цѣнность.

Въ числѣ доказательствъ тожества Григорія Цамблака и писца Гавріила мы привели, напримѣръ, показаніе молдавской лѣтописи, которая съ именемъ Цамблака („митрополита“ или „монаха“, — этого не сказано) связываетъ неудавшееся (sic) путешествіе молдавскаго посольства на Флорентійскій соборъ, начало регулярныхъ каноническихъ и культурныхъ сношеній съ Охридомъ и вывозъ оттуда славянскихъ священниковъ вмѣстѣ съ необходимымъ подборомъ богослужебныхъ книгъ (см. ниже, стр. 265). Кромѣ лѣтописи, о томъ же путешествіи говорятъ отдѣльныя свидѣтельства, правда, нѣсколько темныя и какъ будто позднія, но во всякомъ случаѣ такія, которыя нельзя обойти молчаніемъ даже при всей наличности противорѣчій и сомнѣній въ нихъ. Это—запись на „Чинѣ освященія церкви“, нѣсколько замѣтокъ епископа Пахомія, „Сказаніе о Нямецкой иконѣ“, приписываемое митр. Георгію, наконецъ, нѣсколько правдоподобныхъ догадокъ ста-

рыхъ румынскихъ историковъ, и т. д. Интересно между прочимъ то, что новѣйшiе румынскiе ученые считаютъ наиболѣе достовѣрнымъ и важнымъ ту именно часть этихъ извѣстiй, которая намекаетъ на митрополитство Цамблака въ Молдавiи. (см. выше. стр. 221—227), и наоборотъ, меньшую цѣну придаютъ болѣе достовѣрному извѣстiю о путешествiи его во Флоренцiю или Константинополь, наконецъ, оставляютъ безъ всякихъ комментарiй культурныя сношенiя съ Охридомъ,— фактъ наиболѣе интересный, важный и безусловно достовѣрный.

Прежде чѣмъ привести эти свидѣтельства, освѣтить ихъ данными, добытыми изъ рукописей Гаврiила, опредѣлить источники ихъ и т. д., познакомимся съ тѣмъ, что́ говорятъ о Флорентiйскомъ соборѣ и участiи (sic) на немъ Цамблака румынскiе историки. Преосв. Мелхиседекъ, широко пользуясь „Исторiей русской церкви“ Филарета, начинаетъ новую главу предположенiемъ, что румыны и православные славяне плохо смотрѣли на задачи предстоявшаго собора. Достаточно указать хотя бы на то, что туда не были посланы представители ни отъ Валахiи, ни отъ Охрида, ни отъ Сербiи. Если изъ Россiи былъ посланъ извѣстный грекъ Исидоръ, то это было сдѣлано только по настоянiю византiйскаго императора и подъ тѣмъ условiемъ, что русскiй посолъ не приметъ ни одного изъ западныхъ обычаевъ (стр. 31). Такой же взглядъ на затѣи западниковъ, думаетъ румынскiй ученый, существовалъ, конечно, и въ Молдавiи. Поэтому, когда послѣ смерти митр. Макарiя, послѣдовавшей около 1431 года, патрiархъ назначилъ для Молдавiи кого-то изъ грековъ, а страна предложила хорошо знакомаго ей Цамблака (?), который стоялъ во главѣ молдавскаго посольства въ Константинополь, тогда именно и оказалось очень удобнымъ порвать старую связь съ Константинопольской патрiархiей, тѣмъ болѣе, что въ византiйской столицѣ Цамблакъ пользовался, должно быть, далеко не лестной репутацiей. Одновременно съ этимъ были возобновлены (sic) сно-

шенія съ архіепископіей Охридской (стр. 34). Но для того, чтобы доказать, что прекращеніе зависимости отъ Константинополя стояло въ связи именно съ флорентійскимъ соборомъ, въ которомъ Молдавія участія не принимала (стр. 35),— Мелхиседекъ можетъ привести одно только Посланіе патр. Парѳенія къ молдавскому господарю Василію Лупу, относящееся къ концу первой половины XVII вѣка. Дѣйствительно, въ этомъ интересномъ документѣ, сохраненномъ въ „Описаніи Молдавіи“ Димитрія Кантемира, говорится о подчиненіи молдавской церкви Константинополю, продолжавшемся вплоть до флорентійскаго собора [1]). Но одного этого факта слишкомъ мало, такъ какъ съ другой стороны мы имѣемъ свидѣтельства о подчиненіи той же церкви и Охриду въ XV—XVII вв.

---

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу Кантемиръ: „Но какъ Василій, Албанецъ принялъ владѣніе и старался дѣла, пришедшія въ безпорядокъ какъ отъ нераченія его предковъ, такъ и отъ внутреннихъ замѣшательствъ, поправить, то писалъ къ нему Парѳеній, тогдашній константинопольскій патріархъ, письмо таковаго содержанія: „объявляемъ и извѣщаемъ твоему высочеству, что *прежде* всего *молдавская церковь поддана была восточной*, яко истинной и благопріятной матери всѣхъ христіанъ, *и* что *ея митрополиты, равно какъ всѣ прочіе, отъ всеобщаго* (т. е. вселенскаго) *константинопольскаго престола постановленіе принимали.* Она пребывала нѣсколько сотъ лѣтъ въ семъ послушаніи, *поколь при владѣніи Іоанна Палеолога лжепатріархъ Митрофанъ заключенія флорентинскаго собора подписалъ* и самымъ тѣмъ первый и всеобщій константинопольскій престолъ всѣмъ любителямъ истинныя вѣры подозрительнымъ учинилъ. Но какъ по сихъ замѣшательствахъ орудія и зачинщики сей злой болѣзни вскорѣ низринуты, и святая церковь Божія, яко невѣста непорочнаго Агнца, въ прежній покой и древнюю знаменитость возстановлена, также и всѣ поводы къ подозрѣнію зла отняты, то кажется всеконечно соблазнительно и непристойно молдавской церкви, коя всегда содержима была за избраннѣйшій членъ всеобщей церкви, благословеніе принимать не отъ первенствующаго, но отъ нижняго престола; для чего наше смиреніе и весь святый соборъ всеподанно молитъ вашего высочества, да благоволиши сообщить толь преимущественный членъ церкви обратно къ престолу достойнѣйшему и повелиши, чтобы митрополитъ молдовлахійскій по древнему обыкновенію требовалъ посвященія своего отъ нашего всеобщаго и патріаршаго престола, которое, конечно, будетъ въ честь Божію и славу нашей матери, всеобщей церкви, а намъ причиною вѣчной радости“.

Затѣмъ Кантемиръ говоритъ объ ясскомъ соборѣ „противъ иконоборцевъ и прочихъ тогдашнихъ еретиковъ“; опредѣленіемъ этого собора,

Затѣмъ Мелхиседекъ говоритъ объ участіи на этомъ соборѣ Цамблака (?), а за нимъ то же самое повторяютъ почти всѣ румынскіе историки, кончая авторами популярныхъ книгъ и статей по исторіи румынской церкви и учебниковъ. Провѣривъ тѣ же самыя данныя, которыми пользуется Мелхиседекъ, русскіе изслѣдователи приходятъ къ иному выводу (П. Сырку, стр. 130—137, П. Соколовъ, стр. 197—199), съ чѣмъ мы вполнѣ согласны. Въ самомъ дѣлѣ, внимательное изученіе тѣхъ же документовъ, которые были извѣстны и Мелхиседеку, показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ такое же простое смѣшеніе Григорія Цамблака съ извѣстнымъ Григоріемъ Уніатомъ и какимъ то молдавскимъ митрополитомъ Григоріемъ, какое предполагали и раньше, при изученіи „Слова похвальнаго отцамъ, собравшимся въ Констанцѣ" (см. выше стр. 196). Для этого смѣшенія прежде всего могло послужить письмо папы Евгенія IV, написанное передъ базельскимъ соборомъ къ молдовлахійскому митр. Григорію; въ письмѣ папа спрашиваетъ мнѣніе Григорія относительно болѣе удобнаго мѣста для предстоящаго собора [1]). Оно написано въ мартѣ 1435 года; между прочимъ, папа говоритъ, что

скрѣпленнымъ подписями всѣхъ патріарховъ, въ томъ числѣ и охридскаго, рѣшено было посвящать молдавскихъ митрополитовъ тремя мѣстными епископами и посылать объ этомъ патріарху лишь письменное увѣдомленіе. „Описаніе Молдавіи" въ перев. *В. Левшина* М. 1789, стр. 364—365. Новое изданіе Румынской Академіи „Descrierea Moldovei" etc. Bucur. 1875, pp. 159—160. Объ этомъ же сообщеніи Кантемира см. *Melchisedec*, Notițe istorice și archeologice, pp. 218, 227. См. грамоту вселенскаго патр. Іоанникія отъ 1652 года, касающуюся „прискорбнаго положенія софійской митрополіи въ Болгаріи, къ молдавлахійскому (sic) воеводѣ Василію Матвѣю (sic)", напечатанную Ламбросомъ въ „Описаніи рукописей на о-вѣ Андросѣ". *Византійскій Временникъ* 1899 г., т. VI, 1—2, стр. 272; должно быть, „къ молдавскому и валашскому воеводамъ Василію Лупу и Матвѣю Басарабу".

[1]) Это посланіе, изданное у *Rainald'a*, Annales ecclesiastici, an. 1435, № 27, vol IX, p. 227 и *Theiner'a*, Monumenta slavorum meridionalium, vol. I. p. 374, было извѣстно многимъ западнымъ историкамъ—*Pichler'y*, Geschichte der Kirchlichen Trennung, vol. I, p. 385, *Le Qien'y*, Oriens Hristianus. Parisiis, 1740, vol. I. p. 1252; румынскому хронисту-историку

знаетъ Григорія лично, напоминаетъ о данномъ ему, папѣ, Григоріемъ обѣщаніи принять всѣ обычаи римскаго костела, содѣйствовать признанію ихъ греками и внесенію въ символъ вѣры восточной церкви прибавки объ исхожденіи св. Духа „и отъ Сына“, наконецъ, уполномочиваетъ адресата идти съ съ проповѣдью къ валахамъ, болгарамъ и молдованамъ въ Венгріи, для обращенія этихъ странъ къ римской церкви (valachos, vulgaros et moldovachos in regno seu confinibus Hungariae in praesentiarum existentes, qui tuo suasu et hortatione, sive alias sponte ad nostram et dictae Romanae ecclesian unitatem venire voluerint).

Эти извѣстія, по мнѣнію Мелхиседека, какъ нельзя больше подходятъ именно къ Цамблаку (стр. 37), для чего изслѣдователь подбираетъ факты, могущіе оправдать его выводъ. Еще до вступленія на папскій престолъ, думаетъ румынскій историкъ, Евгеній принималъ участіе въ засѣданіяхъ Констанцскаго собора и считался ревностнымъ сторонникомъ уніи. Если же на этомъ соборѣ и не было публичныхъ, оффиціальныхъ преній по вопросу о соединеніи церквей, то Евгенію ничто не мѣшало „частнымъ образомъ“ толковать съ Григоріемъ о тѣхъ или иныхъ способахъ церковнаго соединенія. Узнавъ благопріятный взглядъ послѣдняго на унію, Евгеній, по всей вѣроятности, отложилъ осуществленіе ея на будущее время, и теперь, предъ предполагавшимся Флорентійскимъ соборомъ, эти, въ сущности только благопріятные отзывы Цамблака о единеніи съ западной церковью, могли превратиться въ устахъ ревностнаго поборника единенія въ данное Григоріемъ клятвенное обѣщаніе: „novissime te,—пишетъ Евгеній,— qui retroactis temporibus ipsius Romanae ecclesiae ritum in cunctis articulis

Г. Шинкаю, vol. I, p. 395; *A. D. Xenopol'y*, Istoria românilor etc., vol. III, p. 183; *С. Палаузову*, Румынскія господарства, *Отечественныя Записки*, 1858 г., т. CXX, отд. I. стр. 548—549; *Арсенію*, Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 225—226, 336; *Духовный Вѣстникъ*, 1864 г., кн. VIII, стр. 514, общія „Исторіи румынской церкви“ и др.

expresse professus et per schismatis unctionem, quam ad praesentiam nostram veniens *devote suscepisti,* in nostra et dictae Romanae ecclesiae obedientia confirmatus existis, benignius complesi sumus.

Что разумѣть подъ этимъ Григоріемъ нельзя нашего Цамблака,—очевидно: 1) мы знаемъ двѣ необыкновенно осторожныя Рѣчи послѣдняго къ Констанцскому собору, гдѣ никакихъ обѣщаній не давалось; наоборотъ, Цамблакъ остался вѣренъ православію даже въ мелочахъ (см. выше, стр. 204); 2) адресатъ письма былъ у папы въ Римѣ раньше 1435 года, чего о Цамблакѣ сказать нельзя; наконецъ, 3) тому же Григорію и въ то же время дана была salvus conductus, гдѣ находимъ слѣдующую фразу: spiritus sanctus lumine illuminatus, veritatem catholicae fidei cognoscens, ad nostram et ecclesiae Romanae unitatem et obedientiam redactus est. Вотъ почему приходится полагать, что въ приведенныхъ письмахъ идетъ рѣчь или о какомъ-нибудь митрополитѣ-грекѣ, вновь назначенномъ въ Константинополѣ не столько для самой Молдавіи, сколько спеціально для предстоявшаго собора, для котораго греки хотѣли собрать побольше представителей, нисколько не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, или же о какомъ-то миссіонерѣ въ Венгрію. П. Сырку думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о посылкѣ агентовъ въ Валахію, Молдавію и Болгарію (стр. 131), но это не вѣрно. Скорѣе всего здѣсь говорится о Трансильваніи, гдѣ въ XV вѣкѣ дѣйствительно жили всѣ эти народы. Это видно изъ буквальнаго смысла фразы: valachos, vulgaros et moldov(l)achos in regno seu confinibus Hunguriae in praesentiarum existentes.

Но такъ-какъ объ этомъ митрополитѣ Григоріи ничего не говорится въ соборныхъ актахъ, то историки дѣлаютъ обыкновенно предположеніе о его смерти, послѣдовавшей ранѣе 1439 года, причемъ Мелхиседекъ раздѣляетъ двухъ этихъ Григоріевъ—адресата папскаго письма 1435 года предъявителя охранной грамоты. По его мнѣнію, послѣдній Гри-

горій могъ быть извѣстный и въ русской церкви Григорій Уніатъ, дѣйствительно бывшій на соборѣ и впослѣдствіи бѣжавшій изъ Москвы въ Римъ вмѣстѣ съ Исидоромъ. Уже по этой мелочи изъ изслѣдованія Мелхиседека видно, что отъ его выводовъ нельзя ожидать многаго. Ему ничего не стоитъ разрѣшить любое сомнѣніе признаніемъ упомянутыхъ данныхъ за относящіяся къ двумъ разнымъ лицамъ, и „остаться при убѣжденіи, что посланіе папы Евгенія IV адресовано въ 1435 году митр. Григорію Цамблаку, который послѣ кончины митр. Макарія правилъ (?) сочавской митрополіей“ (стр. 38).

Наконецъ, если бы Цамблакъ въ самомъ дѣлѣ былъ на Флорентійскомъ соборѣ, то мы навѣрное имѣли бы его подписи на актахъ или же упоминаніе о немъ у кого-нибудь изъ историковъ-современниковъ собора [1]). Почему же мы располагаемъ и тѣмъ и другимъ относительно грека Даміана, назначеннаго патріархомъ незадолго до собора, по нѣкоторымъ даннымъ, 27 ноября 1437 года, спеціально для пропаганды уніи въ Молдавіи, но послѣднею не принятомъ и даже изгнанномъ? Его подпись читается на актѣ послѣдняго засѣданія, на третьемъ мѣстѣ отъ конца, среди представителей греческаго клира: ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Μολδοβλαχίας καὶ τῶν τόπων ἐπέχων τοῦ Σεβαστίας Δαμιάνος ἀρκετὸς ἐπέγραφα. О немъ же говорится въ „Повѣсти объ осьмомъ соборѣ“, приписываемой Симеону Суздальцу: „а отъ волошскіа земля воеводы митрополитъ на имя Деміаносъ, а посолъ на имя Николае“ [2]). Надо думать, что авторъ русской „Повѣсти“ навѣрное упомянулъ бы о бывшемъ кіевскомъ митрополитѣ, еслибы Цамблакъ дѣйствительно присутствовалъ па соборѣ.

Къ сожалѣнію, это извѣстіе русскаго путешественника

[1]) Въ актахъ Констанцскаго собора не могло быть подписи Цамблака потому, что съ его пріѣзда (конецъ февраля 1418 года) прекратились общія засѣданія, а вскорѣ папа, императоръ и короли покинули городъ.

[2]) Текстъ изданъ у *А. С. Павлова* въ „Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. Спб. 1878, и отдѣльно, „Критическіе опыты“ и т. д., стр. 199.

осталось неизвѣстнымъ предшествующимъ изслѣдователямъ о Цамблакѣ. Можно съ полной увѣренностью полагать, что воеводскій посолъ Николай и есть тотъ самый Нягое, который подписалъ протоколъ засѣданія, происходившаго 2 іюля 1439 года, гдѣ подпись его помѣщена между другими свѣтскими депутатами и передается въ книгѣ *Syropulo* „Vera historia unionis non verae inter graecos et latinos“: ὕστερος ὁ Νεάγωγις, ὡς ἀπὸ τοῦ βοεβόδα τῆς Μολδο-Βλαχίας. Правда, тотъ же участникъ собора и его историкъ называетъ посла Нягоя, по всей вѣроятности, одного изъ представителей старинной валашской фамиліи, изъ которой происходили извѣстные господари XVI вѣка,—священникомъ. Онъ разсказываетъ, что въ 1436 году, т. е. за два года до начала собора, митр. Даміанъ пріѣзжалъ въ Молдавію по порученію Іоанна Палеолога съ цѣлью пропагандировать предстоявшее соединеніе и вербовать сторонниковъ уніи. Но, какъ думаетъ Мелхиседекъ, въ силу причинъ политическихъ, междоусобій между братьями-господарями, отчасти въ силу извѣстнаго равнодушія румынъ къ дѣламъ религіи, миссія Даміана успѣха не имѣла, и отправляясь обратно въ Константинополь, онъ могъ взять съ собой лишь священника Нягоя и какого-то протопопа (καὶ πρέσβις Νεαγώγις καὶ ὁ πρωτοπάπας), вѣроятно Константина, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Но Мелхиседекъ, видно, смѣшалъ и этихъ двухъ лицъ, и называетъ Нягоя „протопопомъ“. Поэтому скорѣе было можно признать, что Симеонъ Суздалецъ говоритъ здѣсь о Николаѣ Нягоѣ, а ошибка Мелхиседека объясняется плохимъ чтеніемъ латинскаго текста у Сиропула, гдѣ приведенная выше греческая фраза читается такъ: (Damianus rediit Constantinopolim), habens in commitatu Neagogum [et] protopappam (тамъ же). Также ошибается Мелхиседекъ, утверждая, будто этотъ посолъ совсѣмъ не присутствовалъ на Флорентійскомъ соборѣ, а на бывшемъ за тѣмъ константинопольскомъ контръ-соборѣ 1450 года о немъ не было и рѣчи.

Изъ другихъ лицъ, бывшихъ представителями отъ Молдавіи на соборѣ, назовемъ протопопа Константина, подписавшаго по гречески протоколы засѣданій отъ 5 и 6 іюля 1839 года: πρωτοπάπας Κωνσταντίνος καὶ τοποτηρητὴς Μολδοβλαχίας. Но такъ какъ эта подпись осталась Мелхиседеку неизвѣстной, а пользовался онъ только историческимъ трудомъ Гардвина, гдѣ приводится латинская подпись въ такомъ видѣ: archipresbyter Constantinus et vicarius Muldo-Vlachensis supscripsit, вмѣстѣ съ сообщеніемъ, что помѣщена она среди подписей латинскихъ епископовъ и священниковъ,—то мы можемъ думать, что здѣсь разумѣется какой-нибудь vicarius apostolicus, начальникъ католической миссіи въ Молдавіи, на что̀ отчасти намекаетъ и Мелхиседекъ: „искаженное произношеніе названія страны, m*u*ldoblahensis, — говоритъ онъ, — показываетъ, что Константинъ былъ чуждъ румынской націи и языка; а также санъ архипресвитера—латинскій. У румынъ употреблялся титулъ протопопъ, protoparas, по латыни и по гречески“ (стр. 38). Но, какъ указалъ П. Сырку, въ греческой подписи Константинъ названъ какъ разъ протопопомъ, а изъ приведенной имъ же другой латинской подписи по парижскому изданію 1648 года актовъ собора (Constantinus primus presbyter vicarius Moldoblachiae supscripsi),—видно, что по всей вѣроятности, Гардвинъ пользовался латинскими текстами въ редакціи неисправной (стр. 35). Изъ дальнѣйшей исторіи флорентійскаго собора мы знаемъ, что, когда въ 1450 году въ Константинополѣ созванъ былъ соборъ, окончательно осудившій флорентійскую унію и всѣхъ ея поборниковъ, то и Даміанъ, продолжавшій именоваться митрополитомъ молдовлахійскимъ, поручилъ митр. никомидійскому Макарію присоединить его имя къ подписямъ другихъ представителей на соборѣ, и поэтому на актѣ послѣдняго, къ подписи Макарія находимъ прибавленіе: ἔχον καὶ τὸν λόγον τοῦ Δαμιάνου Μολδοβλαχίας [1]). Такимъ образомъ, можно

[1]) *Leonis Allatii.* De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua concensione, libri tres. 1648, Libr. III, p. 1387.

сдѣлать только тотъ выводъ, что на Флорентійскомъ соборѣ представителемъ Молдавіи былъ одинъ Даміанъ. Предполагаютъ также, что изъ православныхъ іерарховъ на соборѣ былъ еще валашскій митрополитъ Митрофанъ [1]), но присутствіе послѣдняго нельзя доказать, и возможно, что здѣсь мы имѣемъ обычное смѣшеніе какого-то константинопольскаго ставленника отъ имени Валахіи съ извѣстнымъ „латиномудрствующимъ" патріархомъ Митрофаномъ, противъ котораго въ 1443 году была написана окружная грамота восточныхъ патріарховъ [2]).

Думаютъ также, что Даміанъ не возвратился въ Молдавію. По крайней мѣрѣ Димитрій Кантемиръ сообщаетъ, что подписавшій унію молдавскій митрополитъ не осмѣлился вернуться, и затѣмъ разсказываетъ о посвященіи въ молдавскіе митрополиты архидьякона Марка Ефесскаго, родомъ болгарина, по всей вѣроятности, того Θеоктиста, о которомъ мы хорошо знаемъ изъ лѣтописей, грамотъ и многочисленныхъ славянскихъ записей XV вѣка.

Итакъ, у насъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь достовѣрнаго свидѣтельства объ участіи Цамблака на флорентійскомъ соборѣ. На какомъ же основаніи въ такомъ случаѣ румынскіе книжники и историки говорятъ объ этомъ участіи, внося въ біографію Цамблака, и безъ того достаточно темную, такой важный фактъ? Оказывается, что румынскія лѣтописи, говоря о флорентійскомъ соборѣ, упоминаютъ и Цамблака. Приведемъ эти извѣстія:

I. Въ самой старой молдавской лѣтописи, Урѣке, въ V главѣ, о флорентійскомъ соборѣ говорится слѣдующее: „Въ 6940 *(1432)* году, въ дни этого Александра воеводы, былъ большой соборъ во Флоренціи для соединенія восточной церкви съ западной, (раздѣлившихся) вслѣдствіе многихъ недоразумѣ-

---

1) *I. D. Petrescu,* Mitropoliile țarei; *V. Predeanu,* Existența și organisațiunea, p. 113.

2) Подробнѣе о грамотѣ, извѣстной и въ славянскомъ переводѣ, будетъ сказано нѣсколько ниже и упоминалось раньше (см. стр. 245),

ній и споровъ относительно главныхъ (истинъ) вѣры. На этомъ соборѣ былъ самъ патріархъ цареградскій и императоръ Іоаннъ Палеологъ, со многими епископами и митрополитами. Также и отъ нашей земли былъ посланъ Григорій Цамбликъ (sic), а отъ западной — самъ папа Христофоръ съ кардиналами и съ архіепископами изъ многихъ мѣстъ, и съ множествомъ монаховъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, читается этотъ отрывокъ въ тѣхъ спискахъ, которые были извѣстны издателямъ ея [1]), и въ такомъ видѣ онъ внесенъ въ изслѣдованіе Мелхиседека. Мы видимъ прежде всего, что невѣрно передаваемой здѣсь фамиліей Цамблака нѣкоторые изслѣдователи объясняли порчу во время Урѣке, т. е. въ началѣ XVII вѣка, самого преданія (sic) о Цамблакѣ.

II. Но обратившись къ одной изъ случайно попавшихся рукописей, изъ Библіотеки Academia Româna въ Букурештѣ, № 53, содержащихъ туже лѣтопись съ прибавленіями другихъ молдавскихъ хронистовъ [2]), мы нашли спорное чтеніе фамиліи вполнѣ правильнымъ.

---

[1]) *E. Picot*, Chronique de Moldavie par Gr. Urechi. Paris. 1876. pp. 42—44, *M. Cogalniceanu*, Cronicele sau Letopisițele țarei Moldovei, vol. I, p. 106. *Melchisedec*, op. cit., p. 30. *A. D. Xenopol*, Istoria românilor etc., III, p. 183.

[2]) Объ этихъ хронистахъ мы знаемъ слѣдующее. Евстратій Логоѳетъ родился въ концѣ XVI вѣка, умеръ между 1646 и 1650 гг.; его дополненія и примѣчанія къ лѣтописи Урѣке сдѣланы ранѣе 1618 года. Симеонъ Даскалъ „т. е. дьякъ, граматикъ" писалъ въ 1618—1620 гг.: Димитрій Кантемиръ, писавшій около 1714 года, называетъ его *унгуряномъ*, т. е. румыномъ изъ Венгріи. Мисаилъ Калугеръ т. е. „Монахъ", по всей вѣроятности, дѣлалъ свои добавленія и замѣчанія послѣ 1620 и раньше 1650 года, такъ какъ Миронъ Костинъ его совсѣмъ не знаетъ. *Ar. Densușianu*, Istoria limbei și literaturei, ed. 2, pp. 215—216. Впрочемъ, всѣ эти вопросы пока еще мало разработаны въ румынской наукѣ. Во всякомъ случаѣ можно думать, что прибавленіе къ лѣтописи Урѣке, помѣщенное ниже во 2 абзацѣ, принадлежитъ Костину *А. И. Яцимирскій*. Сказаніе вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ. Спб. 1901 г., стр. 5, прим. 12. Въ „Каталогѣ" И. Біану рукопись названа „хронографомъ" Некульчи, что́ далеко не правдоподобно, такъ-какъ рукопись относится ко второй половинѣ XVII вѣка, а Некульча писалъ въ концѣ первой половины XVIII вѣка, послѣ возвращенія изъ Россіи, куда онъ уѣзжалъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Кантемиромъ.

Приведемъ румынскій текстъ по этой рукописи (л. 48) съ русскимъ переводомъ [1]):

пентрȣ аль ѡптȣлѣ съборъ де ла флоренцїѧ. капь. а҃ї.

а҃. ꙟ зилеле ачестȣи алеѯандрȣ вѡдъ чел маре с аȣ фъкȣт ал ѡптȣлѣ събѡр. ꙟн флоренцїѧ ꙟн анȣл ҂ѕ҃ц҃м: ла кареле събѡр. мȣлцимѣ де преѡци с аȣ адȣнат. фїинд ши патрїархȣл де царьград ши палеѡлѡг ꙟнпъратȣл греческȣ. пентрȣ мъдȣлъриле бисѣричїи а лѣджїи с аȣ стрънсȣ ши пентрȣ пȣрчедерѣ дх҃ȣлȣи сфн҃т. фъкъндȣсъ маре приче къ бисѣрика апȣсȣлȣи. аратъ кȣм. дх҃ȣл сфн҃т пȣрчѣде ши де ла фиюл. каре лȣкрȣ н аȣ примит бесѣрика ръсъритȣлȣи. кȣ маркѡ митрѡпѡлитȣл де єфес. кареле єра єпитрѡп. ла тотъ събѡрȣл. ка съ факъ дѡаѡ ꙟнчепътȣри. дȣмнезеиреи. де ла кара събѡр немикъ нȣ с аȣ алес. че маи маре ꙟнпърекаре с аȣ фъкȣт ши скъпарѣ ꙟнпъръцїини ръсъритȣлȣи. ши бисѣричий ръсъритȣлȣи. ши приче.

О восьмомъ соборѣ во Флоренціи. Глава 11.

„Въ дни этого Александра воеводы Великаго, былъ восьмой соборъ во Флоренціи въ 6940 (1432) году, и на него собралось множество священниковъ, въ присутствіи цареградскаго патріарха и греческаго императора Палеолога, (для совѣщанія) относительно церковнаго соединенія и относительно исхожденія Св. Духа. Вслѣдствіе происходившихъ большихъ распрей, такъ какъ западная церковь доказываетъ, будто Св. Духъ исходитъ и отъ Сына, каковаго ученія не приняла церковь восточная, вмѣстѣ съ митрополитомъ ефесскимъ Маркомъ, бывшимъ епитропомъ всего собора, чтобы сдѣлать два начала божества, то изъ этого собора ничего не вышло, только большія пререканія и потери для восточной имперіи и восточной церкви да распри.

---

[1]) Общія свѣдѣнія о соборѣ молдавскій хронистъ могъ взять изъ русскихъ хронографовъ, извѣстныхъ и въ румынскомъ переводѣ XVII вѣка, напримѣръ, въ изданномъ у *A. Densușianu:* лл. 308—327: „Aicea scriem pentru Ioan Paleolog, cum au luat imparațiia Tzarigradului și pentru al optuela sabor“, *Revista critica-literara,* an. IV, № 11—12, p. 305.

в҃. Тримис аꙋ ши алеѯандрꙋ вѡдъ. кꙋ вѡѫ бѡꙗрилор ши а църъи сѡл пре григѡрїе цамблак. ла цариград. ши н аꙋ афлат ничи пре ꙟнпъратꙋл. ничи пре патрїархꙋл ла цариград. де чеи сѡлии лꙋи алеѯандрꙋ вѡдъ. а съ ꙟнтѡарче кꙋ немикъ ли саꙋ пъръꙋт а фи. лꙋкрꙋ фъръ де кале. че с аꙋ дꙋс сѡлии ла ѡхрида. ши акѡлѡ ш аꙋ дат сѡлиѧ. ла архїепископꙋл де ла ѡхрида. къ ера тримис пентрꙋ ꙟнвъцътꙋра лѣджии ши де акѡлѡ аꙋ лꙋат прещи ши кърци сирбещи де тѡатꙋ ѡръндꙋꙗла бисѣричїи.

2. Послалъ и Александръ воевода, съ изволенія бояръ и страны, посла Григорія Цамблака въ Царьградъ. И не нашелъ онъ въ Царьградѣ ни императора, ни патріарха. Поэтому посламъ Александра воеводы показалось неудобнымъ (досл. непутевымъ) вернуться безъ результатовъ, а потому послы отправились въ Охридъ и тамъ получили аудіенцію у охридскаго архіепископа, такъ-какъ посланъ былъ (Цамблакъ) относительно поученія вѣры. И взяли оттуда священниковъ и славянскія книги всего церковнаго устроенія (обихода)“,

III. Въ своей „Хроникѣ земли молдавской и валашской“, написанной въ 1684 году на польскомъ языкѣ, въ главѣ „O religiey“, Миронъ Костинъ указываетъ болѣе опредѣленно на связь между началомъ славянской культуры въ Молдавіи и флорентійской уніей: „Religią ritus graeci wzieli obie te ziemie pod samy czas, kiedy cesarz Paleolog z patriarchą kostantynopolskim byli ni personis na Florendzkim synodzie. Aczkolwiek mieszkańcy tych ziem iuz pół chrzescianami byli, nauczeni od węgrow y od zerbow, sławianskiego narodu, swieżych na ten czas chrzescian; aby iednak iuz swoich władykow mieli, posłow do patryarchi kostantynopolskiego wysłali za Alexandra hospodara, ktoreho Alexandrem Starym zowią; nie zastawszy tedy patryarchi kostantinopolskiego na stolicy iego, do Och(r)ydy miasta serbskiego do metropolity stolicy tamtey, ktora po patryarchach pierwsza iest, iechali y od tey sakrę wzieli. Y

trwała ta ziemia pod posłuszenstwem teyze stolicy do niedawnych czasow, az do Raduła hospodara za krolewstwa w Polsce Zygmunta krola; po Chocinskiey pierwszey Radul hospodar pod posłuszenstwo patryarchow kostantynopolskich duchowienstwo tey ziemie oddał. Z Serwiey tedy ta ziemia z sakrą razem y litery y język serbski tu do ziemie wniosła" [1]).

Правда, здѣсь Костинъ не называетъ имени Цамблака, но это насъ не должно смущать. Дѣло въ томъ, что свою „хронику" онъ писалъ по памяти, находясь въ добровольномъ изгнаніи въ Польшѣ, скорѣе всего, въ Дашовѣ; поэтому Костинъ ни разу почти не приводитъ датъ, а говоря иногда о самыхъ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, онъ рѣдко называетъ собственныя имена и т. д. Эта „хроника", изложенная въ формѣ письма къ какому-то корунному конюшему Собѣсскаго, покровителю бѣглаго молдавскаго великаго логофета, предназначалась для *общаго* знакомства польскаго вельможи съ придунайскими княжествами. Этимъ и объясняется отсутствіе имени Цамблака въ приведенномъ отрывкѣ.

IV. Наконецъ, въ 3 пѣснѣ своей стихотворной поэмы, написанной въ томъ же году на польскомъ языкѣ, посвященной Яну Собѣсскому и извѣстной намъ въ румынскомъ переводѣ, Костинъ говоритъ о соборѣ нѣсколько подробнѣе; онъ дѣлаетъ нѣкоторыя объясненія, аналогичныя толкованіямъ преосв. Мелхиседека, настаивавшаго на достовѣрности даты 1432 года: „Онъ поднялъ, — говоритъ Костинъ объ Александрѣ Добромъ, — молдавскую господарскую власть на высокую степень, и особенно желая организовать національное духовенство, послалъ съ этой цѣлью пословъ въ Константинополь. Такъ какъ въ то время императоръ Палеологъ былъ на Флорентійскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ, то послы донесли объ этомъ Александру воеводѣ, прося разрѣшить вопросъ: ожидать-ли имъ въ Констан-

[1]) Рукопись Спб. Публ. Библіотеки F. IV, № 23, изъ собранія Залусскаго. *I. Bogdan*, Cronice inedite, pp. 171—172, 141—144, 146, 149—150.

тинополѣ или отправиться въ Италію, во Флоренцію. Господарь созвалъ своихъ великихъ бояръ и получилъ ихъ согласіе послать выбранныхъ отъ страны для посвященія въ Охридѣ, городѣ болгарскомъ, славномъ преимуществами, пожалованными императоромъ византійскимъ Юстиніаномъ, происходившимъ изъ этихъ мѣстъ и сдѣлавшимъ своего епископа вторымъ послѣ патріарха лицомъ и самымъ главнымъ изъ всѣхъ архіепископовъ, такъ что до сихъ поръ Охридскій (архіепископъ) остается главой всѣхъ сербскихъ архіереевъ. Прибывъ туда, посланные Александра воеводы получили хиротонію вмѣстѣ съ употребленіемъ славянскаго языка и въ церкви, и въ государственныхъ актахъ. Тогда же (?) введенъ былъ и господарскій титулъ: „господарь и воевода земли молдавской отъ планины до моря“ [1]).

И въ этомъ разсказѣ также не находимъ имени Цамблака, опущеннаго, повидимому, по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ предыдущемъ отрывкѣ.

Всѣ четыре извѣстія принадлежатъ XVII вѣку, хотя основаны, повидимому, на болѣе раннихъ свидѣтельствахъ. Ошибка нѣкоторыхъ изъ нихъ заключается въ томъ, что они связываютъ съ именемъ Цамблака и флорентійскій соборъ. Это невѣрно еще потому, что въ древнѣйшей молдавской лѣтописи, написанной на славянскомъ языкѣ, редактированной въ монастырѣ Путнѣ въ самомъ началѣ XVI вѣкѣ и переписанной въ монастырѣ Слатинѣ въ 1554 — 1561 гг., имя Цамблака вовсе не упоминается; а именно,

V. Въ Путнянской хроникѣ, представляющей сводъ погодныхъ краткихъ записей лѣтописнаго характера, объ этомъ соборѣ находимъ слѣдующее извѣстіе, не внесенное подъ опредѣленный годъ: При немь сънидє царь гръчьскыи и патріархь цароградскыи и много множьство митрополить на съборъ къ Флоренціи

---

1) *Archiva istorica a României* de *B. Hâjdeu*, № 2, p. 159; Operele complete ale lui Miron Costin, изд. Румынской Академіи подъ ред. V. A. *Urechia*, vol. II.

оу папы старагѡ Рима и прѣлъщени быша отъ латинь и мнѕи отъ нихь прїидоша съ постриженами брадами. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ другое извѣстіе, также имѣющее связь съ путешествіемъ Цамблака въ Охридъ: При немь же освятися кѵрь Ѳеоктисть на митрополїтство патрїархомь Никодимомь србьскымь [1]).

Несмотря на краткость и почти стереотипность этой замѣтки, несмотря на то, что всѣ ея выраженія сильно отдаютъ книжнымъ вліяніемъ и кажутся фразами, выхваченными изъ какого-нибудь полемическаго противъ латинянъ трактата, въ ней слѣдуетъ признать отголосокъ дѣйствительныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Молдавіи послѣ собора. Подтвержденіе какихъ-то воспоминаній о духовныхъ лицахъ, возвратившихся въ Молдавію „съ постриженными брадами", можно видѣть въ томъ же митр. Даміанѣ, не принятомъ страной, а также въ сочавскомъ еписк. Іокимѣ. Послѣдняго также не знаютъ прежніе изслѣдователи. Въ письмѣ къ папѣ, написаномъ изъ Сандомира 16 апрѣля *послѣ* 1439 года, неизвѣстное лицо рекомендуетъ папѣ и кардиналамъ изгнаннаго изъ Молдавіи епископа, принявшаго на флорентійскомъ соборѣ всѣ обычаи церкви западной, въ томъ числѣ, вѣроятно, и „постриженіе брады". Приведемъ отрывокъ изъ этого интереснаго документа, „Pulsus sede sua hic pater venerandus dominus Ioachim Soczawiensis episcopus ex Moldawia conferre se ad vestre sanctitatis presenciam constituit, una cum hiis, qui sue doctrine secuti monita, recte fidei normam protitentur. Intelligens enim ipse dominus Ioachim orientalem ecclesiam pluribus collidi erroribus et sequi velle inpersticiosa dogmata, longo iam tempore in cordibus simplicium et qui secundum carnem sapiunt

---

[1]) *J. Bogdam*, Cronicele moldovenesci, p. 144. Въ польско-молдавской лѣтописи Николая Бжескаго, 1566 года, перваго изъ этихъ извѣстій не находимъ совсѣмъ, а о второмъ говорится въ болѣе общихъ выраженіяхъ; „Potym poczęli być władykowie i metropolitowie od patriarchy Nicodema ziemi serbskiey za krola Jurga Despota", тамъ же, стр. 174. Въ петербургской копіи читается: „Przi tim" *J. Bogdan*, Cronice inedite, p. 121, что, пожалуй, вѣрнѣе. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже.

nutrita, non minus animose, quam constanter populos sue gubernacioni commissos ad viam Katolice puritatis perlicere conatus est, declarans eos de necessitate salutis in unione Florencie inter Latinam et Grecam ecclesiam in sinodo icumenica conventa debere permanere et unicum tribunal recognoscere successoris Petri et Ihesu Christi [1]).

Кромѣ того, извѣстія этой краткой славянской лѣтописи, несомнѣнно, были подъ руками у Урѣке. II. Богданъ [1]) пытается даже сопоставить отдѣльныя два выраженія, что̀ едва-ли, впрочемъ, возможно, такъ какъ они слишкомъ далеки другъ отъ друга; но не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что Урѣке пользовался лѣтописью довольно свободно, относя то или иное событіе подъ разные годы. Мы увидимъ дальше, какъ онъ понялъ выраженіе „za krola Jurga despota“ и почему перенесъ событіе изъ половины XV вѣка къ концу XIV. То же самое онъ сдѣлалъ и съ извѣстіемъ о Флорентійскомъ соборѣ, пріурочивъ его къ правленію Александра Добраго, съ которымъ скорѣе всего можно было связать такое важное событіе въ церковной жизни Молдавіи и при которомъ дѣйствовалъ Цамблакъ. Быть можетъ, онъ руководствовался даже тѣми же приблизительно соображеніями, какія заставили сдѣлать тоже самое и Мелхиседека, которому были извѣстны только два первыя изъ приведенныхъ выше извѣстій, и то по чужимъ изданіямъ. Мелхиседекъ говоритъ, что переговоры о соборѣ начались съ 1431 года и длились до 1437-го, и что папа Евгеній IV, несомнѣнно, обращался ко всѣмъ православнымъ правителямъ, стараясь ихъ привлечь къ уніи; но съ цѣлью оправдать странную на первый взглядъ дату 1432 года [3]),

---

[1]) Monumenta medii aevi historica, Res gestae Poloniae illustrantia, Tomus XII. W Krakowie. 1891, pp. 479 — 480. Здѣсь приведено два акта одинаковаго содержанія. Первый безъ нихъ безъ означенія года и мѣста; второй данъ въ Сандомирѣ 16 апрѣля (послѣ 1439 года).

[2]) Cronicele moldovenesci, p. 249.

[3]) Что 1432 годъ имѣлъ какое- то значеніе въ жизни Цамблака, видно, напримѣръ, изъ показаній старыхъ польскихъ историковъ, ко-

онъ дѣлаетъ предположеніе, что въ Молдавіи узнали объ этомъ соборѣ не изъ Рима, а чрезъ Константинополь, и что только тогда господарь Александръ рѣшилъ послать молдавское посольство съ Цамблакомъ во главѣ. Но такъ какъ Мелхиседеку пришлось доказывать, что это посольство было отправлено предъ самой смертью Александра, то онъ вводитъ сюда слѣдующія соображенія. Прежде всего онъ припоминаетъ хорошо извѣстный намъ разладъ между молдавской церковью и патріархіей во время митрополита Іосифа. Но, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ патріархъ призналъ молдавскаго митрополита, и дѣло на время уладилось. Послѣ смерти Іосифа, имѣвшей мѣсто около 1416 года, страна выбрала Макарія; по предположенію Мелхиседека, повторилась прежняя исторія: патріархъ Евѳимій отказался признать новаго митрополита, по всей вѣроятности, имѣя ввиду поставить кого-нибудь изъ греческихъ епископовъ. Поэтому Макарій былъ признанъ только преемникомъ Евѳимія, Іосифомъ II. Время правленія Макарія Мелхиседекъ датируетъ 1430—1431 (sic) годами [1]. Такой короткій промежутокъ, всего около года, понадобился изслѣдователю опять-таки для оправданія непонятной даты 1432 года, въ угоду которой онъ готовъ построить самую невѣроятную теорію. Для этого Мелхиседеку пришлось предположить, что Макарій умеръ въ самомъ концѣ правленія господаря Александра, а потому Александръ призвалъ Цамблака изъ Сербіи (sic), назначилъ его молдавскимъ митрополитомъ (?) и послалъ въ Константинополь для утвержденія (?), а кстати и для совѣщаній по поводу ожидавшагося собора. „Но лаконизмъ молдавской лѣтописи оставляетъ очень много вопросовъ

торые датируютъ этимъ годомъ смерть Цамблака. Cf. Wielka Encyklopedya powszechna ilustrowana. Zeszyt 80. Warszawa, 1893, str. 972. Ср. высказанное выше предположеніе о пропущенныхъ въ записи 1634 года цифрахъ десятковъ и единицъ для даты XV вѣка (стр. 121).

[1]) Мелхиседекъ ссылается только на надпись на воздухѣ, сдѣланномъ—въ 1429 году въ Константинополѣ для сочавской митрополіи. Объ остальныхъ датахъ см. выше, стр. 104, прим. 1.

неразрѣшенными,—продолжаетъ Мелхиседекъ.— Если въ Константинополѣ не было ни патріарха, ни императора, то развѣ послы не могли обождать ихъ возвращенія? Неужели никто не былъ оставленъ замѣстителемъ ихъ для управленія свѣтскими и церковными дѣлами? Развѣ не было тамъ императорскихъ министровъ, синода и другихъ чиновниковъ патріархіи, которые могли бы принять посольство? Какіе мотивы заставили молдавское посольство предпринять долгое путешествіе въ Охридъ, чтобы добиться тамъ результатовъ, не достигнутыхъ въ Константинополѣ“? И всѣ эти недоумѣнія, какъ думаетъ изслѣдователь, легко и просто разрѣшаются и объясняются исключительно византійской политикой того времени; затѣмъ онъ говоритъ о ней, слишкомъ подробно и далеко нескладно.

Вотъ планъ его разсужденій. Византія не надѣялась собственными силами противостоять туркамъ и ждала помощи единственно отъ правителей единовѣрныхъ земель. Агентами для этого служили ей тѣ митрополиты-греки, которыхъ патріархи навязывали православнымъ странамъ. Характеренъ примѣръ назначенія въ 1431 году грека Исидора на мѣсто почившаго Фотія, помимо русскаго избранника, митр. Іоны. И не даромъ этотъ самый Исидоръ оказался врагомъ православія и послушнымъ орудіемъ византійской политики. Впрочемъ, это былъ послѣдній случай назначенія митрополита изъ Константинополя. Такимъ образомъ, осторожно дѣйствуя при посредствѣ подчиненія этихъ странъ только въ церковномъ отношеніи, греки добилась того, что сначала румынско-болгарская имперія, а затѣмъ Сербія, придунайскія княжества, наконецъ и Россія признавали нѣкоторое каноническое подчиненіе Константинополю.

То же самое, что произошло въ Россіи съ назначеніемъ Исидора, по мнѣнію Мелхиседека, случилось и въ Молдавіи въ концѣ правленія господаря Александра (стр. 30 — 34). П. Сырку не приводитъ вышеизложенныхъ разсужденій румынскаго историка, и ограничивается замѣчаніемъ, что „Гри-

горій (sic) Урѣки, очевидно, слѣдуя преданію, смѣшалъ и констанцскій соборъ, на которомъ былъ Цамблакъ, съ флорентійскимъ, и Григорія Цамблака съ митр. молдавскимъ Григоріемъ, который дѣйствительно (?) былъ у папы предъ соборомъ“ (стр. 130). П. Соколовъ поступаетъ еще рѣшительнѣе; онъ просто не придаетъ этимъ извѣстіямъ никакого значенія, потому что они, такъ „противорѣчивы и полны хронологическихъ ошибокъ, что въ нихъ трудно разобраться... Извѣстія, въ такой степени перепутывающія лица и событія, не могутъ имѣть никакой достовѣрности“; впрочемъ, Соколовъ принимаетъ догадку П. Сырку (стр. 198).

Итакъ, кромѣ упоминанія имени Цамблака, большое затрудненіе представляетъ еще и хронологическая неточность у Урѣке. Мы видѣли, къ какимъ ухищреніямъ понадобилось прибѣгнуть Мелхиседеку для того, чтобы оправдать дату посольства. Все это было сдѣлано почти напрасно, такъ какъ изслѣдователю скорѣе нужно было-бы обратить вниманіе на возможные источники для лѣтописи Урѣке. Если обратимся къ славяно-молдавской лѣтописи, къ „Сказанію вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ“, составляющему первую, анонимную, часть Путнянской хроники, то увидимъ, что краткая замѣтка о флорентійскомъ соборѣ также ошибочно внесена подъ правленіе господаря Александра, но не Стараго или Добраго, какъ у Урѣке, а второго по порядку, воеводы Александра, сына Иліи и внука перваго, лица ничѣмъ не замѣчательнаго, и правившаго, какъ думаетъ А. Д. Ксенополъ, два раза, оба раза совмѣстно съ Петромъ III, въ 1448—1449 и 1451—1455 гг. [1]). Прежде всего замѣтимъ, что по свидѣтельству болѣе подробной, такъ-называемой Быстричской лѣтописи, онъ назывался Олехномъ, родился въ 1438 году и умеръ въ Бѣлгородѣ-Аккерманѣ въ 1455 году [2]). Итакъ, насъ не должно

---

[1]) Istoria românilor, vol. III. pp. 129—130, 311.

[2]) *I. Bogdan*, Cronice inedite, pp. 35, 37, 66.

удивлять, почему редакторъ Быстричской лѣтописи внесъ это извѣстіе въ правленіе Александра Молодого:

1) ему извѣстенъ былъ годъ окончанія и главныхъ засѣданій флорентійскаго собора, т. е. обычная дата 1439 г.;

2) если сложить годы правленія всѣхъ предшествовавшихъ Александру Молодому (по списку этой лѣтописи), господарей (94) и прибавить къ указанной той же лѣтописью датѣ основанія молдавской земли (1359), то получимъ 1453 годъ; а такъ какъ Нямецкая рукопись относитъ къ 1453 году посвященіе Ѳеоктиста [1]), о которомъ говорится въ Быстричской лѣтописи непосредственно за Флорентійскимъ соборомъ (см. выше, стр. 268), то редакторъ лѣтописи, повидимому, знавшій подобную приписку, и помѣстилъ интересующій насъ разсказъ въ правленіе Александра Молодого.

Возвращаемся къ Урѣке. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы узнаемъ, что посвященіе Ѳеоктиста онъ относитъ къ самому концу XIV вѣка, не понявъ одного выраженія въ славянской лѣтописи монаха Азарія. Во вторыхъ, Урѣке относитъ кончину Александра Добраго ко времени болѣе позднему, чѣмъ 1432 годъ, быть можетъ, пользуясь Быстричской лѣтописью, которая говоритъ объ этомъ подъ 1 января 1434 года. Такимъ образомъ, по его разсказу, Александръ могъ вполнѣ свободно послать бояръ и Цамблака въ 1432 году. Относить же это важное событіе къ правленію Александра Молодого онъ не находилъ возможнымъ, такъ какъ, повторяемъ, послѣдній господарь ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Кромѣ молдавскихъ лѣтописей, о поѣздкѣ Цамблака во Флоренцію говорятъ и другіе молдавскіе же источники поздняго времени:

I. Запись XVII вѣка на архіерейскомъ Служебникѣ Ново-Нямецкаго монастыря, № 8 (23) 8: и бывшаго на ѡсмѡмъ съборѣ на флоренцыѧ (л. 104 об.).

[1]) Приписки въ Нямецкомъ Сборникѣ 1557 года № 72, л. 225 об.

II. Запись еписк романскаго Пахомія на румынскомъ языкѣ, начала XVIII вѣка: „который... (Цамблакъ) былъ также и на восьмомъ соборѣ“. Рукопись Нямецкаго монастыря, № 20, на переплетѣ.

III. Сказаніе митр. Георгія (1723 г.): „преосвященный митрополитъ Іосифъ, который былъ на восьмомъ соборѣ съ отцомъ іеромонахомъ Григоріемъ Цамблакомъ, великимъ богословомъ“. Рукопись изъ собр. П. И. Щукина № 463, л. 81 об.

IV. Великій Помянникъ Нямецкаго монастыря, составленный на румынскомъ языкѣ архим. Андроникомъ въ половинѣ XIX вѣка: „въ 1439 году, послѣ возвращенія съ проклятаго собора во Флоренціи, и будучи великимъ богословомъ, взошелъ на каѳедру кіевской митрополіи“. Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, № 39, л. 1.

Не трудно убѣдиться, что всѣ эти записи восходятъ къ одному источнику, который въ свою очередь основанъ на смѣшеніи Григорія Цамблака съ тѣмъ „чернецомъ“ Григоріемъ Уніатомъ, ученикомъ Исидора, который, по нѣкоторымъ Сказаніямъ о Феррарѣ и Флорентійскомъ соборѣ, былъ на этомъ соборѣ и впослѣдствіи назначенъ литовскимъ (sic) митрополитомъ, иными словами, занялъ каѳедру Цамблака, а по другимъ памятникамъ, предавался проклятіямъ вмѣстѣ съ Цамблакомъ и т. д., т. е. основанъ на самомъ простомъ смѣшеніи двухъ Григоріевъ (ср. выше, стр. 196). Поэтому эти свидѣтельства не имѣютъ историческаго значенія и займутъ мѣсто въ послѣдней главѣ нашей работы, гдѣ мы будемъ говорить о живыхъ преданіяхъ о Цамблакѣ.

Но у насъ есть свидѣтельство, что Цамблакъ и въ схимѣ слѣдилъ за уніатскимъ движеніемъ Византіи, и когда въ 1443 году появилось извѣстное окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ противъ Флорентійскаго собора и свергнутаго патріарха Митрофана, то скромный писецъ не замедлилъ перевести это Посланіе на славянскій языкъ.

Славянскій переводъ Посланія, съ замѣткой о переводѣ его монахомъ Гавріиломъ въ 1443 году, найденъ нами въ трехъ рукописяхъ:

I. Сборникъ Молдавскаго письма 1629 года изъ собранія покойнаго свящ. о. Ѳеофила Гепецкаго въ Бессарабіи [1]). Въ концѣ Посланія читается приведенная выше (стр. 245) копія съ записи Гавріила о переводѣ его въ 1443 году. Въ другихъ двухъ рукописяхъ, въ которыхъ читается то же Посланіе, этой записи нѣтъ.

II. Бисериканскій Сборникъ, переписанный въ Нямецкомъ монастырѣ іеродіакономъ Никодимомъ въ 1512 году [2]).

III. Нямецкій Сборникъ съ такимъ же точно содержаніемъ и, несомнѣнно, представляющій точную копію съ предыдущей рукописи, сдѣланную въ 1557 году [3]) нямецкимъ же іеродіакономъ Иларіономъ, № 72, л. 228 об.

Ввиду того, что Посланіе имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Цамблаку, и славянскій текстъ его до сихъ поръ не изданъ, припомнимъ нѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія и вызвавшія этотъ замѣчательный актъ.

Какъ извѣстно, соборное опредѣленіе о соединеніи восточной и западной церквей было обнародовано во Флоренціи 5 іюля 1439 года и являлось результатомъ ферраро-флорентійскаго собора. Но надежды папы Евгенія IV не оправдались: греки этого опредѣленія не приняли и соединенія не признали. На помощь папѣ явился самъ императоръ; по его настоянію,

---

[1]) Краткія свѣдѣнія о рукописи и запись писца изданы у *А. И. Яцимирскаго.* Изъ славянскихъ рукописей, стр. 69—70.

[2]) Рукопись Академіи Наукъ, инв. кат. № 23. Описаніе у *А. И. Яцимирскаго.* Изъ славянскихъ рукописей, стр. 85—91.

[3]) Упоминая о константинопольскомъ соборѣ антиуніистовъ (стр. 40), Мелхиседекъ не указываетъ ни на Алляція, который подробно говоритъ объ этомъ соборѣ, ни на извѣстный ему по Нямецкому Сборнику 1557 года славянскій текстъ соборнаго постановленія православныхъ патріарховъ. Catalogul de cartile serbesci și rusesci etc., *Revista pentru istorie, archeologie* etc., an. II, vol. I. p. 140. Очевидно, историкъ не зналъ о связи между Посланіемъ и соборомъ.

на патріаршій престолъ былъ возведенъ Митрофанъ, бывшій предъ тѣмъ митрополитомъ кизичскимъ (ex metropolia Cysiceno), убѣжденный сторонникъ этой уніи (латиномѫдрънꙑи). Какъ и слѣдовало ожидать, Митрофанъ прибѣгъ къ мѣрамъ самымъ крайнимъ и дѣйствовалъ очень смѣло: епископовъ, не принимавшихъ соединенія, отрѣшалъ отъ должностей и и на ихъ мѣста назначалъ лицъ послушныхъ себѣ, завѣдомо преданныхъ уніи и западной церкви. Но и эти мѣры, всегда самовластныя, а иногда и жестокія (вѣрныѧ прѣтѧ, гонѧ, мѫчѧ, запрѣщаѧ, невѣрныихъ же и зълословныихъ призываѧ), успѣха не имѣли: и духовенство, и народъ чуждались соединенія и оставались послушными восточной церкви. Болѣе всѣхъ негодовали на Митрофана три патріарха—Филоѳей александрійскій, Дороѳей антіохійскій и Іоакимъ іерусалимскій. Они собрали совѣтъ, предали анаѳемѣ патріарха Митрофана и всѣхъ избранныхъ имъ іерарховъ, и уполномочили Арсенія митр. Кесаріи каппадокійской отъ лица ихъ совѣта проповѣдывать противъ уніи вообще и противъ Митрофана въ частности, — твердо убѣждая паству оставаться вѣрной православію. Они написали также и императору Іоанну Палеологу и убѣждали его образумиться, въ противномъ случаѣ, угрожая ему запрещеніемъ причащаться [1]).

Греческій текстъ Посланія изданъ у Алляція (стр. 939—941) вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ; но въ славянскомъ переводѣ находимъ заглавіе [2]), котораго нѣтъ въ изданіи XVII в.: Да вѣсте вси православніи христіани сіе настоѧщее писаніе, еже зрите. Прѣписаса ѿ чьстнаго и свѧтаго писаніа свѧтыихъ тріехъ патріархъ, иже въ Сиріи, и едины сроки приложеніа или ѿѧтіѧ не имать въ себѣ, ниже рѣчи. Затѣмъ слѣдуетъ самое изложеніе.

---

[1]) *Leonis Allatii.* De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua concensione, libri tres. An. 1648, libr. III, Cap. IV, pp. 939—947.

[2]) Посланіе начинается словами: Τῶν πατριαρχῶν τῆς Συρίας. ἐπειδὴ ἧκε καὶ ὁ πανιερώτατος μητροπολίτης, ἐνταῦθα τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Καισαρείας Καππαδοκείας etc. *Allatii*, p. 939.

Кесарійскій митрополитъ прибылъ въ Палестину съ цѣлью поклониться гробу Господню, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить христіанамъ о соблазнахъ, совершающихся въ Царьградѣ послѣ латинскаго Флорентійскаго собора, гдѣ было принято ученіе, ꙗко и ѿ Сына исходить божествьныи Доухь, и ѡпрѣснокь простивше намь жрѣтися, и поминати сихь ради папѫ, еще же и инаа, елика извънь правиль безаконїа сѫть ихь. Въ это время престолъ вселенской патріархіи „разбойнически исхити“ Митрофанъ, который именуется въ Посланіи „Митрофоносомъ“ т. е. „матереубійцей“ [1]). Въ результатѣ его „латиномудреной“ дѣятельности, почти всѣ архіерейскіе престолы были заняты сторонниками уніи, а вѣрнымъ христіанамъ приходилось очень тяжело. Тогда поборники православія возстали, не тръпѧ зрѣти цръкви Христовѣ измѣненїе и пагоубѫ инославныихь въ прьвои и здравствоуѭщиои, и рѣшили изгнать латинствующихъ іерарховъ. Состоявшимся постановленіемъ восточныхъ патріарховъ было опредѣлено повсюду „проповѣдывать благочестіе“, не стидѣщися въ истинѣ лица царѣ или патрїарха, иже не право мѫдръствоуѭщаaго или дѣѫщаaго, ни богата властелина, или приλꙋчшася человѣка, нѫ дрьзновенїемь вѣры и православїа съдръжа, безъ страха и безъ съмнѣнїа по заповѣди имѣти томꙋ свободѫ, ѿнинѣ, благочьстїа ради, ѡбличити, запрѣтити, и исправити, иже не правѣ мѫдръствоуѭщїихь въ всѣкомь мѣстѣ, въ немже, аще възможеть прїити, ѿ самѣхь насъ прїемь ѡбласть, данныѧ ради намъ благодѣти и силы свѧтаго Доуха.

Выше мы предполагали, что Гавріилъ, повидимому, самъ перевелъ это Посланіе ѿ нѣгде и внесъ въ свою „медоточную книгу“ въ 1443 году (стр. 244), т. е. въ томъ же году, когда написано было соборное постановленіе трехъ патріарховъ (въ апрѣлѣ). Существованіе этого перевода показываетъ,

---

[1]) Подобную игру словъ можемъ указать въ Посланіи неизвѣстнаго лица, написанномъ также послѣ флорентійскаго собора, гдѣ *патріархъ* называется *фатріархомъ* (Описаніе слав. рукоп. Моск. Синод. Библіотеки, ч. II, 3, стр. 829), вѣроятно, въ смыслѣ „козненачальника, заговорщика“ и т. д., такъ какъ φατρία—„козни, заговоръ“.

что Цамблакъ былъ противникомъ уніи, и по всей вѣроятности, настаивалъ на изгнаніи изъ Молдавіи архіереевъ, явившихся сюда „съ постриженными брадами“.

Это предположеніе подкрѣпляется слѣдующими данными. Хотя Алляцій говоритъ, что „эти письма синода не всякому доступны“, и не указываетъ, въ какія именно страны они были посланы, но намъ кажется, что въ числѣ послѣднихъ была и Молдавія, такъ-какъ нѣсколько представителей отъ нея присутствовало на Флорентійскомъ соборѣ (см. выше стр. 225). Кромѣ того, извѣстный митр. Исидоръ, на возвратномъ пути изъ Италіи, разсылалъ изъ Будина воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „вы, христоименитые греки и всѣ, принадлежащіе къ святой константинопольской церкви, русь, сербы, *валахи* и другіе, примите это святое соединеніе“ [1]), а преосв. Мелхиседекъ, неизвѣстно на чемъ основываясь, указываетъ даже какіе-то „историческіе славянскіе источники“, которые „говорятъ намъ, что въ Молдавіи происходилъ въ это время синодъ противъ Флорентійскаго и другихъ, касавшихся послѣдняго“ (стр. 40). Такимъ образомъ, переводъ Посланія могъ имѣть и практическое значеніе.

Итакъ, Цамблакъ не былъ и не могъ быть во Флоренціи, и въ этомъ отношеніи Урѣке не правъ. Для насъ гораздо важнѣе прибавленіе, принадлежащее его толкователямъ. Путешествіе Цамблака въ Охридъ съ административно-каноническими и культурно-книжными цѣлями представляется настолько реальнымъ и яснымъ, что не будь даже этого драгоцѣннаго извѣстія, мы всетаки сдѣлали бы предложеніе о несомнѣнности подобнаго факта. Что хронисты говорятъ объ этой поѣздкѣ на основаніи какихъ-то болѣе точныхъ свидѣтельствъ и что сами они придавали извѣстію большое значеніе, видно уже изъ того, что о немъ говоритъ и Костинъ въ двухъ своихъ „Исторіяхъ“ Молдавіи, съ которыми мы уже познакомились (стр. 265—267).

---

[1]) *Макарій*, Исторія русской церкви, т. V, стр. 373.

Изъ этихъ лѣтописныхъ отрывковъ видно, что ко второй четверти XV вѣка лѣтописи относятъ слѣдующія важныя событія въ жизни молдавской церкви: 1) нормировку канонической зависимости Молдавіи отъ Охрида; 2) вывозъ оттуда же славянъ-священниковъ и славянскихъ книгъ, давшихъ какъ-бы оффиціальную санкцію всей ранней и поздней славянской культурѣ Молдавіи; кромѣ того, 3) оба эти факта связаны съ именемъ Цамблака.

Какъ же объяснить себѣ то, что Мелхиседекъ посвящаетъ этимъ вопросамъ гораздо менѣе одной страницы? Мы думаемъ, что причины заключались въ слѣдующемъ: 1) Мелхиседекъ, какъ и многіе позднѣйшіе румынскіе ученые, былъ убѣжденъ, что первыя каноническія сношенія съ Охридомъ начались не въ XV, а въ концѣ XIV вѣка; слѣдовательно, роль Цамблака получала второстепенное значеніе; 2) онъ не сумѣлъ угадать истиннаго смысла краткой, чисто-лѣтописной замѣтки, а въ книжной дѣятельности Цамблака не нашелъ никакихъ слѣдовъ сношеній съ сербскимъ Охридомъ. При этомъ Мелхиседекъ, со свойственной ему рѣшительностью, дѣлаетъ нѣсколько ошибочныхъ выводовъ: 1) по его мнѣнію, охридскій архіепископъ призналъ Цамблака молдавскимъ митрополитомъ (sic), а 2) приглашенные послѣднимъ въ Молдавію священники были такіе же „румыны, изучившіе сербскую (*т. е.* славянскую) грамоту, какъ и самъ Цамблакъ; ибо какъ они могли бы обращаться съ народомъ, который должны были духовно пасти, если-бы не знали по румынски?“ спрашиваетъ историкъ (стр. 35). Въ обоихъ случаяхъ изслѣдователь не правъ. О мнимомъ митрополитствѣ Цамблака сказано нами раньше (см. стр. 221—227), а вывозъ какихъ-то румынскихъ священниковъ изъ Охрида могъ существовать только въ тенденціозно настроенной фантазіи ученаго-патріота.

Взглядъ преосв. Мелхиседека стоитъ въ сущности не одиноко. Въ „Сказаніи о Нямецкой иконѣ“ митр. сочавскаго Георгія (1723 г.), а также въ соборномъ постановленіи со-

чавскаго митр. Іакова и другихъ молдавскихъ іерарховъ (1 января 1752 г.), законная зависимость Молдавіи отъ Охрида представлена исключительно какъ противовѣсъ давнишнимъ греческимъ притязаніямъ на молдавскую церковь. Съ другой стороны, Дмитрій Кантемиръ ставитъ эту же зависимость въ связь съ результатами Флорентійскаго собора и какихъ-то даже латинскихъ притязаній на молдавскую культуру. „Посвященіе молдавскихъ митрополитовъ отъ самаго учрежденія сего престола до временъ флорентійскаго собора происходило рукою патріарха цареградскаго,—говоритъ онъ,—а тогда, какъ митрополитъ, бывъ человѣкъ своенравный и въ святомъ писаніи мало знающій (homo simplex et divinis scripturis parum exercitatus), для обѣщанной ему почести седьмого стула и прочей предложенной чести отъ папы противу воли посланнаго съ нимъ посла отъ Александра Добраго, князя молдавскаго,—всѣ ложныя и обманчивыя заключенія собора подписалъ и по разъѣздѣ собора въ Молдавію возвратиться не осмѣлился, (in Moldaviam redire non auderet), то Марко, епископъ ефесскій архидіакона своего, родомъ булгарца, по смиренію и правовѣрію своему весьма славнаго мужа, далъ Молдавіи въ митрополиты; и какъ константинопольскій патріархъ присталъ къ сторонѣ противной, приказалъ ему подтвержденіе на оное брать отъ патріарха охридскаго. Съ того времени должны были митрополиты молдавскіе до начала прошедшаго вѣка посвященіе свое брать отъ патріарха охридскаго“ [1]). То же повторяютъ и остальные историки молдавской церкви, кончая самыми новѣйшими трудами. Если и въ „Сказаніи“ Георгія, и у Кантемира не всѣ подробности можно принять за вполнѣ достовѣрныя, то во всякомъ случаѣ интересенъ уже тотъ выводъ, что и въ этихъ двухъ памятникахъ зависимость отъ Охрида трактуется какъ прямое послѣдствіе Флорентійскаго собора.

Обращаемся къ разбору приведенныхъ выше лѣтописныхъ

[1]) Описаніе Молдавіи. М. 1789. Переводъ *В. Левшина*, стр. 363; Notiţe istorice şi archeologice, p. 218.

отрывковъ. Прежде всего является вопросъ: почему лѣтопись не говоритъ просто о поѣздкѣ молдавской депутаціи въ Охридъ, а заставляетъ ее сначала заѣхать въ Константинополь? Что эта миссія снабжена была чрезвычайно важными полномочіями и не была простой посылкой какого-то вновь избраннаго молдавскаго іерарха для хиротоніи, видно изъ того, что 1) миссія нашла возможнымъ прервать прежнія сношенія съ вселенскимъ патріархомъ, получивъ благословеніе отъ охридскаго, и 2) привезти въ Молдавію славянскихъ священниковъ и книги, положившія основаніе славянской письменности, опять, повидимому, вмѣсто какой-то прежней (по Кантемиру—латинской). Если обращеніе къ Охриду вызвано было только отсутствіемъ въ Константинополѣ свѣтскихъ и духовныхъ властей и являлось чѣмъ-то случайнымъ, даже неожиданнымъ, то для какихъ въ такомъ случаѣ цѣлей Молдавія нашла необходимымъ отправить посольство въ византійскую столицу?

Во первыхъ, можно предположить, что у молдавскаго лѣтописца были подъ руками какія-то самыя отдаленныя извѣстія о поѣздкѣ Цамблака въ Констанцъ. Что малоизвѣстный городъ на Рейнѣ можно было смѣшать съ болѣе популярнымъ Константинополемъ,—фактъ вполнѣ допустимый. Для этого укажемъ слѣдующіе три случая изъ разныхъ областей:

1) въ IV Новгородской лѣтописи, по Синодальному списку, подъ 1418 годомъ находимъ извѣстіе о возвращеніи Цамблака въ Литву (съ констанцскаго собора) изъ „Рима и Костянтинограда", а въ Академическомъ и Строевскомъ спискахъ—изъ „римскаго града Костантина" [1]);

2) въ одной краткой исторической замѣткѣ XVII вѣка о реформатскомъ движеніи на Западѣ (Гусѣ, Виклефѣ и Лютерѣ) читаемъ: „тойже Гоусъ сожженъ бысть во Царѣградѣ" [2]);

3) въ своей статьѣ о Цамблакѣ [3]) А. Саббатовскій назы-

---

[1]) *П. С. Р. Лѣт.*, т. IV, стр. 118, примѣчанія.

[2]) Сборникъ XVII вѣка изъ собр. П. И. Щукина № 244, л. 66 об.

[3]) *Литовскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1884, № 38, стр. 326.

ваетъ Констанцъ, также по ошибкѣ, Константинополемъ, преосв. Филаретъ говоритъ о „Костницкомъ (sic) соборѣ“ [1]), Дурново помѣщаетъ Констанцъ въ Италію [2]) и т. д. Слѣдовательно, для книжниковъ XVII вѣка подобное незнаніе является вполнѣ извинительнымъ, а съ точки зрѣнія нашихъ цѣлей— объяснимымъ и естественнымъ.

Во вторыхъ, можно допустить, что хронистъ намѣренно подчеркнулъ связь между происшедшей перемѣной въ зависимости молдавской церкви, и невозможностью продолжать сношенія съ Константинополемъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда писалъ Костинъ, лучшіе и передовые румыны тяготились греческимъ вліяніемъ и нерѣдко указывали отрицательныя стороны въ управленіи господарей-фанаріотовъ. Въ этомъ именно смыслѣ былъ построенъ и весь разсказъ объ автокефальности Молдавской церкви въ „Сказаніи“ митр. Георгія (1723 г.), приведенный выше отрывокъ изъ „Описанія“ Кантемира (1714 г.) и соборный актъ митр. Іакова (1752 г.).

Въ третьихъ, возможно, что по возвращеніи въ Молдавію Цамблакъ на самомъ дѣлѣ долженъ былъ оправдать такую важную перемѣну въ церковной жизни, и для этого представить правительству докладную записку, или въ формѣ посланія къ господарю, или оправдательной грамоты къ вселенскому патріарху, который, естественно, не могъ обойти молчаніемъ потерю одной изъ видныхъ церквей, до того времени ему подчиненной. Здѣсь Цамблакъ и могъ сослаться на „случайное“ отсутствіе властей въ Константинополѣ. Такого документа до насъ не дошло, хотя о „неправославіи“ вселенскаго патріарха вполнѣ опредѣленно говоритъ приведенное выше (стр. 376) Посланіе 1443 года.

Наконецъ, Цамблакъ долженъ былъ упомянуть о своей неудачѣ въ Константинополѣ даже въ томъ случаѣ, если онъ ѣздилъ туда нарочно въ такое время, когда завѣдомо не разсчи-

[1]) Обзоръ духовной литературы, стр. 103 и 104.

[2]) *Русская Бесѣда*, 1895, кн. I, стр. 150.

тывалъ найти въ столицѣ ни патріарха, ни императора. Если въ послѣднемъ нашемъ предположеніи видѣть дѣйствительный фактъ, то онъ имѣлъ-бы мѣсто въ промежуткѣ между ноябремъ 1437 года и іюлемъ 1439, когда представители высшей духовной и свѣтской власти были уже въ Италіи. Но мы все-таки болѣе склонны видѣть здѣсь чисто-литературную фикцію, а неудача въ Константинополѣ могла служить скорѣе поводомъ къ разрыву съ нимъ, но не причиной, такъ-какъ для зависимости Молдавіи отъ Охрида всегда существовали вполнѣ законныя основанія [1]). Поэтому переходимъ къ разбору историческихъ и каноническихъ свидѣтельствъ по данному вопросу.

До самаго послѣдняго времени въ румынской исторіографіи упорно держится старое мнѣніе, основанное на ошибкѣ Урѣке, — о началѣ сношеній Охрида съ Молдавіей еще въ XIV вѣкѣ. Обращаясь къ этой лѣтописи, мы дѣйствительно находимъ извѣстіе, что въ правленіе воеводы Юги, въ которомъ всѣ историки видятъ извѣстнаго господаря Юрія Коріатовича, правившаго въ 1374—1375 годахъ, молдавскій митрополитъ Ѳеоктистъ былъ посвященъ охридскимъ архіепископомъ; а у одного изъ продолжателей Урѣке, Евстратія Логофета, это же извѣстіе помѣщено въ разсказъ о правленіи Александра II, внука Александра Добраго, при этомъ, въ нѣсколько иной редакціи: „въ одномъ сербскомъ (*т. е.* славянскомъ) Лѣтописцѣ монаха Азарія, — говоритъ Евстратій, — напи-

---

[1]) Внимательное наше отношеніе къ свидѣтельству молдавской лѣтописи не можетъ вызвать удивленія, такъ какъ вь послѣднее время, въ особенности послѣ опубликованія славяно-молдавскихъ лѣтописей въ изданіяхъ I. Богдана, многія извѣстія Урѣке и Костина, которымъ раньше ученые не придавали никакого почти значенія, теперь нашли себѣ или подтвержденіе, или же объясненіе. Таково, напримѣръ, извѣстіе перваго изъ нихъ о посвященіи Ѳеоктиста сербскимъ архіепископомъ при воеводѣ Югѣ, къ чему мы и переходимъ. Можно поэтому думать, что впослѣдствіи отыщутся прямыя свидѣтельства, касающіяся и молдавской миссіи въ Охридъ съ Цамблакомъ во главѣ.

сано, что въ дни этого господаря Александра посвященъ пресвященный киръ Ѳеокстистъ Никодимомъ изъ сербской земли, въ дни благочестиваго князя Георгія деспота“ [1]). Тѣмъ не менѣе, никто изъ прежнихъ румынскихъ историковъ не обратилъ вниманіе на это именно исправленіе Евстратія, и всѣ продолжали говорить, что сношенія съ Охридомъ существовали еще въ началѣ послѣдней четверти XIV вѣка [2]).

Что же это за славянская лѣтопись монаха Азарія, до насъ, повидимому, не дошедшая и видѣнная молдавскимъ хронистомъ въ первой половинѣ XVII вѣка? Можно съ полной увѣренностью полагать, что Евстратій видѣлъ какой-нибудь иной списокъ, но той самой славяно-молдавской краткой хроники, которая составляетъ первую часть обширной Почаевской лѣтописи и въ наукѣ извѣстна подъ именемъ Путнянской. Это извѣстіе читается въ ней такъ: при немь же освѧтисѧ кvрь Ѳеоктисть на митрополїтство патрїархомь Никодимомь срьбскымь [3]). Но въ польско-молдавской лѣтописи Бжецкаго, переведенной въ Яссахъ въ 1566 году, оно находится въ такой какъ разъ формѣ, какую можемъ предполагать у Азарія: „Potem (*вар.*

---

[1]) *M. Cogalniceanu,* Letopisițele țarei Moldovei, vol. I, p. 147.

[2]) *A. D. Xenopol,* Istoria românilor, vol. III, p. 106. Тамъ же—ни къ чему не нужныя соображенія о православіи Юрія, основаніи митрополіи и т. д.; vol. VI, p. 267; *Melchisedec,* Chronica Romanului, vol. I, p. 42; *Gheorghe Sinkai,* Chronica românilor, vol. I, p. 371; *А. Шагуна,* Історіа бисеричеі ортодоксе. Сибіу. 1860 an., т. I, стр. 21; *С. Палаузовъ,* Румынскія господарства. Спб. 1859 г., стр. 69 относитъ это посвященіе ко времени около 1400 года; *Е. Голубинскій,* Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 363; *Filaret Scriban,* Istoria bisericeasca a românilor etc., p. 160; *Л. Милетичъ* и *Д. Агура* повторяютъ то же самое со словъ Ксенопола въ статьѣ „Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска писменость“, *Сборникъ за народни умотворения* и т. д. кн. IX, стр. 268; *Г. Баласчевъ,* Нови извѣстия за черковното вѣдомство на видинската епархия, *Сборникъ,* кн. XVIII, стр. 132 и слѣд.; *George Chirica,* Cercetari istorice asupra legislației bisericei Române din secul al XVII și XVIII, pag. 28: *V. Predeanu,* Existența și organisațiunea etc., p. 102: *Колокольцевъ* говоритъ со словъ Е. Голубинскаго, что въ 1389—1394 гг. Валахія находилась подъ властью Охрида, а съ 1396 года снова подчинена Константинополю. Устройство управленія румынской правосл. церкви. Казань, 1897, стр. 7 и др.

[3]) *I. Bogdan,* Cronicele moldovenesci, p. 144.

Przi tym) poczeli byc wladykowie i metropolitowie od patryarhcy Nicodema ziemi serbskiey za krola Jurga Despota“ [1]).

Можно поэтому думать, что и у Урѣке было подъ руками подобное извѣстіе какого-то недошедшаго до насъ списка славянской лѣтописи; но онъ легко могъ принять слова „za krola Iurja despota“ за намекъ на молдавскаго воеводу Юрія Коріатовича, и посвященіе Өеоктиста помѣстить въ правленіе послѣдняго. Что такое смѣшеніе было вполнѣ возможнымъ, показываетъ нѣкоторая неустойчивость въ титулатурѣ молдавскихъ правителей, которые называются, то воеводами и господарями (грамоты, лѣтописи, записи и т. д.), то царями (лѣтописи на славянскомъ языкѣ, Макарія и Евѳимія, богослужебныя книги и т. д.) и князьями (нѣкоторыя записи, титулъ господарскихъ женъ „княгиня“ и т. д.), наконецъ, деспотами. Мы видимъ, напримѣръ, что въ одной, по всей вѣроятности, копіи съ сербской рукописи, праздничной Минеѣ Молдавскаго письма XVI—XVII вѣка, среди тропарей и стихиръ читаются молитвы о здравіи особъ господарскаго дома, причемъ заглавія переведены на соотвѣтствующія румынскія понятія: за здравїе деспотоу—прентроу сънѫтате доамнилѡръ; (л. 229); за здравїе матери деспотоу — прентроу сънѫтате маичи а лоуи водѫ (л. 230); за здравїе господжи —прентроу сънѫтате доамнѣеи (л. 231) и т. д. [2]). Что Урѣке пользовался скорѣе всего недошедшей до насъ средне-болгарской лѣтописью, условно называемой Путнянской II и сохранившейся только въ польскомъ переводѣ Бжецкаго, показываютъ также копіи записей современниковъ, сдѣланныя на одной изъ Нямецкихъ рукописей, средне-болгарскомъ же Сборникѣ 1557 года. Въ припискахъ этихъ говорится, что въ 1453 году „былъ“ архіепископъ Іѡсифѫ ѿ нѣмечьскаго монастирѣ, при благочьстивѣмь воеводѣ Алеѯандрѣ. Вслѣдъ за этимъ идетъ извѣстіе, касающееся Өеоктиста:

---

[1]) Тамъ же, стр. 174; Cronice inedite, p. 121.

[2]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 46 (103).

И потомь, вь дьни Алеѯандрела сына Иліаша воеводї благословися прѣѡсвѧщенныи митрополить кvрь Ѳеѡктистъ Старыи ѿ архїепископа срьбскаго кvрь Никѡдима; наконецъ — о смерти Ѳеоктиста въ 1477 году [1]).

Прежде всего установимъ время правленія лицъ, упоминаемыхъ въ записяхъ и лѣтописи:

I. Сербскій деспотъ Юрій Бранковичъ правилъ въ 1427—1457 гг.

II. Молдавскій господарь Александрелъ—въ 1448—49 и 1451—1455 гг.

III. Патріархъ Никодимъ упоминается въ записяхъ на рукописяхъ слѣдующихъ годовъ:—1446, 1451, 1452 и 1453; онъ носитъ обыкновенно титулъ—„патріархъ срблемъ и Поморію и по инимъ странамъ“ или же „архіепископъ срьбскыи“ [2]). Кромѣ того, его имя упоминается въ надписи о построеніи Охридскаго храма въ 1452 году, „въ дни архіепископа Никодима“ [3]), и быть можетъ, въ записи на Прологѣ 1476 года [4]).

IV. Митрополитъ Ѳеоктистъ Старый посвященъ послѣ 1453 года, жилъ до конца 1477. Такъ-какъ въ записи Нямецкой рукописи посвященіе его не датировано опредѣленнымъ годомъ, то румынскіе историки относятъ это событіе къ разному времени. Мелхиседекъ—къ 1451, причемъ дѣлаетъ совершенно неудачное предположеніе, будто около этого времени каѳедра охридской архіепископіи была свободна (?) и ее временно (sic) занималъ ипекскій патріархъ Никодимъ [5]); I. Богданъ—къ 1453, [6]); К. Ербичяну—1454, повидимому, гада-

---

[1]) Рукопись того же монастыря инв. кат. № 72, л. 225 об.

[2]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи и натписи. Б. 1902, стр. 90, 92, 93 и 94.

[3]) *В. Григоровичъ*, Очеркъ путешествія по европейской Турціи. М. 1877, стр. 107.

[4]) *Извѣстія Русск. археол. института въ Константинополѣ*, т. IV кн. 3, стр. 139.

[5]) Chronica Romanului, vol. I, pp. 57, 110.

[6]) Cronicele moldovenesci, p. 250.

тельно [1]); Е. Пико думаетъ, что до 13 іюня 1456 года Ѳеоктистъ былъ романскимъ (?) митрополитомъ, а сочавскимъ сдѣлался только съ 1457 года, послѣ смерти Виссаріона, о которой сообщаетъ охридскому патріарху Дороѳею въ апрѣлѣ этого года господарь Стефанъ [2]), и т. д. Однимъ словомъ, несмотря на то, что въ изданныхъ Ульяницкимъ и Калужняцкимъ грамотахъ имя Ѳеоктиста упоминается довольно часто, свѣдѣнія о его жизни до сихъ поръ никѣмъ не собраны и нерѣдко онъ смѣшивается съ игуменомъ Побратскаго монастыря. Достовѣрно извѣстна дата его смерти—18 ноября 1477 [3]).

Такимъ образомъ, все это заставляетъ отнести хиротонію Ѳеоктиста ко времени вскорѣ послѣ 1453 года, хотя нельзя думать, чтобы посвященіе это было бы первымъ актомъ въ каноническихъ сношеніяхъ Молдавіи съ Охридомъ. Мы не можемъ игнорировать дату „благословенія“ какого-то молдавскаго митрополита охридскимъ патріархомъ, 1432 годъ; во вторыхъ, въ 1453 году Цамблакъ едва ли былъ живъ. Поэтому остается думать, что нямецкая запись говоритъ не о первомъ посвященіи, а объ одномъ изъ послѣдующихъ.

Перейдемъ къ Цамблаку и выяснимъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія канонической. Имѣлъ-ли онъ какія-нибудь основанія для того, чтобы узаконить посвященіе молдавскихъ іерарховъ

---

1) Istoria mitropoliei, p. LVI.

2) Chronique de Moldavie, pp. 93, 109.

3) Надпись на могильной плитѣ въ монастырѣ Путнѣ въ Буковинѣ и запись на Сборникѣ Нямецкаго монастыря 1557 года, л. 225 об. Кромѣ этого Ѳеоктиста, именуемаго „Старымъ“, извѣстно еще два молдавскихъ митрополита съ тѣмъ же именемъ: Ѳеоктистъ II, правившій съ 1490 года, и Ѳеоктистъ III, 1508—1528 гг., *I. Bogdan,* Cronicele moldovenesci, p. 252. *Revista p istorie, archeologie* etc., vol. I, pp. 253, 278—279; *Melchisedec,* O visita la câte va monastiri si biserici din Bucovina, pp. 9, 13, 46; *Analele Academiei Române,* vol. X, p. 193; *V. A. Urechia,* Noţiuni dupre manuscrise veche, p. 15. *A. D. Xenopol,* Istoria românilor etc. vol. III, p. 133, vol. IV, p. 202; *Melchisedec,* Chronica Romanului, vol. I, pp. 114, 220, 159: *В. М. Ундольскій,* Славяно-русскія рукописи, стр. 105; *А. И. Яцимирскій,* Славянскія рукописи Нямецкаго монастыря, стр. 11, 14, 21, 25 и мн. др.

отъ охридскаго патріарха? Отвѣчая на это, мы будемъ слѣдовать тому пути, который приводитъ къ первоисточникамъ и въ послѣдовательныхъ ссылкахъ не разъ упомянутаго „Сказанія о Нямецкой иконѣ“, приписываемаго митрополиту Георгію. Говоря о зависимости Молдавіи отъ Охрида, онъ ссылается на опредѣленное мѣсто (листъ 403) „Великихъ Правилъ“. Обращаемся къ послѣднимъ, которыя оказываются Кормчей, напечатанной въ Тырговищѣ въ 1652 году, по повелѣнію валашскаго господаря Матвѣя Басараба, и здѣсь находимъ въ свою очередь ссылку на Синтагму Властаря; источникъ соотвѣтствующей статьи этого номоканона — извѣстная новелла Юстиніана, которую, очевидно, и имѣлъ ввиду молдавскій хронистъ, говоря о зависимости Молдавіи отъ первой Юстиніаны (см. выше, стр. 267). Надо думать, что и Цамблаку извѣстенъ былъ этотъ каноническій сводъ, скорѣе всего даже въ славянскомъ переводѣ, появившемся въ первое же десятилѣтіе послѣ составленія греческой Синтагмы въ 1335 году [1]). Въ Нямецкой библіотекѣ есть списокъ Синтагмы, сдѣланный въ 1474 году іеромонахомъ Гервасіемъ, со всѣми признаками Евѳиміевой правопис-

---

1) Т. Флоринскій относитъ переводъ къ 1335—1348 годамъ, „Памятники законодательной дѣятельности Стефана Душана“, стр. 308, 320; *K. Jireček*, Das Gesetzbuch des serbischen Caren Stephan Dušan, *Archiv für slav. Philologie*, XXX, s. 157. *Н. Ильинскій*, Синтагма Матѳея Властаря. М. 1892 г. Ср. рец. *Н. Заозерскаго* въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* 1893 г., III, іюль, стр. 155—161. Очень возможно, что одни изъ первыхъ славянскихъ списковъ появились именно въ Охридѣ; припомнимъ, что въ сводѣ Властаря есть спеціальная статья, подтверждающая автокефальность первой Юстиніаны и подробно перечисляющая подвластныя ей епархіи. Можно даже думать, что и самый переводъ сдѣланъ былъ въ Охридѣ. В. Григоровичъ открылъ списокъ, сдѣланный при архіепископѣ первой Юстиніаны Дороѳеѣ для великой церкви св. Климента въ Охридѣ, *Т. Флоринскій*, Памятники, стр. 258 и 320 относятъ списокъ къ XV вѣку, въ то время, какъ всѣ данныя рукописи говорятъ о XVI вѣкѣ. Она хранится при той же церкви св. Климента; въ концѣ рукописи — запись о смерти архіеп. Прохора въ 1550 году. *Извѣстія русск. археол. инст. въ Конст.* т. IV, вып. 3, 1899 г., стр. 140 тамъ же указаны и греческіе списки, стр. 133, 135—136. См. также въ Отчетѣ о командировкѣ болгарскихъ ученыхъ. Тѣ же *Извѣстія* и т. д., т. VI, вып. 2—3, стр. 466 и др.

іѡ

ницѣ его глаще . равві , ꙗждь .
онъ же рече имъ . азъ брашно има
мь ꙗсти . егоже вы не вѣсте .
глаахѫ же оученици его къ себѣ .
еда кто принесе емоу ꙗсти ;
гла имъ іс . мое брашно есть ,
да сътворѫ волѫ пославшаго
мѧ . и съвръшѫ дѣло его . не вы
ли глете . ꙗко еще четыри мци
сѫть . и жѧтва прійдеть ;
се глѫ вамь . възведѣте очи ва
ши . и видите нивы , ꙗко пла
вы сѫть къ жѧтвѣ оуже . и жѧ
нжи , мъздѫ приемлеть . и съ
бираеть плодъ въ живожитъ вѣ
чныи . да и сѣаи въкоупѣ радоуетсѧ
и жѫнжи . о семь бо слово есть
истинное . ꙗко инъ есть сѣаи ,
и инъ есть жѫнжи . азъ посла
хъ вы жѧти , идеже вы не троу
дисте сѧ . и іни троудишѧ сѧ ,

ной школы, восходящими къ несомнѣннымъ текстамъ Гавріила. Хотя автографъ послѣдняго до насъ не дошелъ, но намъ извѣстны слѣдующіе датированные списки Синтагмы Молдавскаго происхожденія XV—XVI вѣковъ:

I. Нямецкая рукопись 1474 года, переписанная для того же монастыря іеромонахомъ Гервасіемъ. Описаніе рукописи, сравненіе съ самымъ старымъ греческимъ текстомъ 1342 года Моск. Синод. Библ-ки и параллельное изданіе латино-славянскаго словаря—въ нашей работѣ, *А. И. Яцимирскій*. Славянскія рукописи Нямецкаго мон—ря въ Молдавіи, *Древности Слав. Комм.* т. II, 2, стр. 42—44.

II. Хоповская рукопись 1495 года, переписанная грамматикомъ Даміаномъ для Николаевской церкви въ Яссахъ по повелѣнію господаря Стефана Великаго, извѣстная уже I. Шафарику (по старшинству списокъ четвертый), *Т. Флоринскій*, Памятники, и т. д. стр. 307.

III. Львовская рукопись 1556—1560 гг., переписанная и вновь редактированная романскимъ митр. Макаріемъ, извѣстнымъ продолжателемъ славяно-молдавской лѣтописи въ Почаевскомъ сборникѣ. Какъ извѣстно, въ переводѣ XIV вѣка статьи Синтагмы оставались подъ тѣми же „составами“, какіе читались въ греческомъ текстѣ. Такой слишкомъ точный переводъ оказывался очень неудобнымъ для справокъ: напримѣръ, отдѣлъ „о отврьгшихсѧ“ нужно было искать подъ литерой А, такъ-какъ въ греческомъ онъ носилъ заглавіе περὶ τῶν ἀρνησομένων; отдѣлъ о свѧтомь кр҃щенїи—подъ лит. В, греч. περὶ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος; о брачныхь степенѣхь соотвѣтствовалъ составу Г περὶ τῶν τοῦ γάμου βαθμῶν; статья о бѣсноужщїихсѧ оказалась подъ буквой Δ— περί δαιμονόντων; о церковномъ устройствѣ приходилось искать подъ Е и т. д. Такой порядокъ признанъ былъ неудобнымъ, и московскій царь Іоаннъ Васильевичъ обратился къ молдавскому господарю Александру Лопушняну въ 1556 году съ просьбой розыскать такую редакцію, гдѣ заглавіямъ статей соотвѣтствовали бы славянскія

буквы. Господарь поручилъ это дѣло романскому еписк. Макарію, бывшему игумену Нямецкаго мон-ря, человѣку книжному и прекрасному стилисту. И царь оубо Iѡ Алеѯандрь, господинь вьсеи земли молдавьскои,—читаемъ мы въ послѣсловіи,—оле благости твоеѫ, Господи, велемѫдрьнѣ и съмысльнѣ, вьскорѣ ꙗко пріемь, абіе призвана сътвори мене, смѣренаго и послѣднѣго вь епископѣхь Макаріа романскаго, изволеніемь иже вь нась лоучшиньствоужщаго митрополита кирь Григоріа, да, ꙗже приснопамѧтьнымь достоблаженнымь, глаголѧ, свѧщеннымь Матдїомь сьчинена и сьложена Правила по грчьскихь сьставѣхь и ськрывшеесѧ, вь ѧзыкь вьпадь бльгарскый и семоу сьрѡднымь, подобнѣ и мы, нарѫчно, по нашей силѣ, сътворити и подобнымь подобнаа присьвькоуплѣти, по иже вь нась боуквѣхь, сирѣчь, сьставѣхь, благополоучнѣ такожде сьставлѣти, обещнѣ сѫдивше. И намь тѧготѫ сїѫ вьзложити сьмотриша, ꙗко да отсѫдоу прочее вьзрокь лѣности прочитати прѣдлагаѫщимь отѧти, и не ктомꙋ непщевати вины прѣсыщенїю многословїа. И бѫди оубо [вѣдомо], ꙗко.... вь тысѫщи лѣть седмо соугоубнѣй и шесть пакы десѧторо соугоубнѣй и четверо ношенїи проҳождааше мирь, егда сїи сьмотрисѧ [1]). Черезъ четыре года рукопись была готова и, повидимому, отправлена по назначенію (Iѡ Алеѯандрь воевода.... благопроизволиҳь господство ми нашимь благимь произволенїемь, чистимь и свѣтлимь срьдцемь, и послаҳомь сїѧ книгѫ, рекомаа Правила великаа свѧтиҳь отець вьселенскиҳь, православномꙋ кнѧзꙋ и великомоу царю вьсеѧ великїѧ Рꙋсїа Иваноу Василїевичꙋ вь лѣто ҂зд, сентеврїѧ ӏ҃и), но застряла гдѣ-то въ Галиціи, и только въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка открыта проф. черновицкаго университета Е. Калужняцкимъ [2]).

---

[1]) Такой описательный способъ датировки очень обыченъ у митр. Макарія, прекраснаго, нѣсколько напыщеннаго писателя, отчасти подражавшаго Цамблаку. И. Богданъ отмѣтилъ нѣсколько подобныхъ выраженій въ изданной имъ хроникѣ Макарія, но на приведенный нами примѣръ не указываетъ, Cronicele moldovenesci, p. 88.

[2]) „Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ письма и языка, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ“, *Труды Археолог. Съѣзда въ Кіевѣ*, т. II, стр. 258—259, 309.

IV. Путнянская пергаменная рукопись 1578 года, переписанная для романской митрополіи еписк. Евстратіемъ, а затѣмъ подаренная имъ же монастырю Путнѣ, причемъ жертвователь далъ митрополіи взамѣнъ этой—другой списокъ [1]).

Не датированныхъ списковъ Синтагмы румынскаго происхожденія, начала XV — конца XVII вв., намъ извѣстно болѣе двадцати.

Такимъ образомъ, если въ XV вѣкѣ Синтагма Властаря считалась въ Молдавіи кодексомъ оффиціальнымъ [2]), то естественно, что къ ней именно и обратился Цамблакъ, разрѣшая вопросъ о зависимости молдавской церкви отъ Охрида. Приведемъ соотвѣтствующую статью изъ Нямецкой рукописи 1474 года № 60 (5 состава II глава), озаглавленную: **ѡ охридскѡмь иже и блъгарьскы нарицаетса купрскомь же и иверскомь. Не подлежѫщiаа же патрiархꙋ коемꙋ, блъгарскаа есть цръковь, рекше ѡхридскаа, аже почьте царь iоустинiань. ıакоже ѿ хотащѫа са рещи напрѣдь, новыа его, познанно бѫдеть. купрьскаа, ıiѫ же и третiи съборь и шестыи, почтоша ıакоже по малѣ избѣстно**

[1]) Записи изданы у *episc. Melchisedec'a*, O visita la câte-va monastiri etc. in Bucovina, *Revista p. istorie* etc., vol. I, p. 269. Хотя Мелхиседекъ и не называетъ рукопись Синтагмой, но объ этомъ можно догадываться по традиціонному названію въ записи: „Правила Великія". Ср. въ приведенной выше записи митр. Макарія ств. 290.

[2]) Интересно, между прочимъ, что той-же статьей Синтагмы въ Молдавіи пользовались не только въ первой половинѣ XV вѣка (Посольство Цамблака), XVIII („Сказаніе" митр. Георгія 1723 г. и соборный актъ 1752 г.), но и въ половинѣ XIX. Когда румынскій господарь Александръ Куза обратился въ Синодъ, съ запросомъ относительно правъ румынской церкви па автокефальность, то А. Горскій составилъ по этому поводу докладъ, гдѣ писалъ слѣдующее: „Князь приводитъ 131 новеллу Юстиніана, въ которой перечислены епископы, подчиненные константинопольскому епископу (sic), и заключаетъ: „отсутствіе Дакіи траянской или заальпійской (нынѣшней Румыніи) не явно-ли доказываетъ, что съ того времени эта область оставалась независимой". На это Св. Синодъ отвѣчалъ: „не очень ясно, отчего произошелъ и что значитъ пропускъ одного имени. Но надобно замѣтить слова: *съ того времени*. Они показываютъ, что до сего времени Румынія зависѣла отъ константинопольскаго патріарха". *В. Колокольцевъ*, Устройство управленія и т. д. Казань, 1897. стр. 48—50. Въ латинскихъ и греческихъ текстахъ 11 новеллы Юстиніана

речетсѧ. иверскаа, аже почьте расѫжденїе иже въ антиохїи събора. пѡдлежѫщїѫѧ прьвѣе томоу. сихь бо архїереѧ ѿ своихь єпископь хиротонисовати ѡбыкошѧ.

На поляхъ: з а́ к о н и. Сто и тридесѧтаа же їѹстинїа (sic) новаа, повелѣваемь рече, по свѧтыихь съборь прѣдѣлѣхь свѧтѣишаго стараго рима папѫ. прьваго быти вьсѣхь свѧщенникь. блаженнѣишаго же єпископа кѡнстантїнѣ града, новаго рима. вторыи чинь имѣти, по апостолскомь прѣстолѣ стараго рима. ѿ иныихь иже вьсѣхь прѣдпочитатисѧ. блаженнѣишаго же архїепископа прьвыѧ їоустинїанїѫ. нашего ѿчьства имѣти присно пѡдь собоѫ єпископы єпархїи, дакїѫ. медитеранїѫ, и дакронїѫ. рипинсїѫ. єпревалїѫ. и карданїѫ. и мисїѫ горнѫѧ, и ѿ того тѣмь хиротонисатисѧ. томоу же ѿ своего събора хиротонисѹемоу быти. и въ тѣхь пѡдлежѧщїихь томоу єпархїахь. мѣсто ѕъдрьжати емѹ апостолскаго прѣстола. по оуставленныихь ѿ свѧтаго папы вїгилїа.

На основанiи приведенной выше статьи Синтагмы и указанныхъ въ примѣчанiи первоисточниковъ, охридскiе патрiархи имѣли полное право титуловаться въ XV вѣкѣ „блаженнѣйшими архiепископами первой Юстинiаны и всѣмъ болгаромъ и сербомъ и д а к i й с к и х ъ з е м е л ь обладателями“ [1]).

Что подъ дакiйскими землями могли разумѣть только Мол-

---

[1]) *Чтенiя Общ-ва исторiи и древностей.* М. 1866, кн. IV, стр. 56. Леонидъ думаетъ даже, что Молдавiя и Валахiя возникли въ XIII и XIV вв. при непосредственномъ участiи (?) охридской епископiи, тамъ же, стр. 58.

Въ Novella XI de privilegiis archiepiscopi Justinianae Primae соотвѣтствующее мѣсто читается такъ:

non solum metropolita, sed etiam archiepiscopus fiat et ceterae provinciae sub ejus sint auctoritatem, id est tamipsa Mediteranea Dacia, quam Dacia Ripensis, nec non Mysia secunda, et Dardania, et Praevalitana provincia et secunda Macedonia...	οὐ μόνον μητροπολίτης, καὶ ὑπέρτατος ἀρχιερεὺς ὀνομαζέσθω, τοίνυν αἱ περιεχόμεναι τῆς αὐτῆς γῆς ἐπαρχίαι ὑπὸ τὴν αὐτοῦ ἔστωσαν εξουσίαν δηλονότι τοσοῦτόν γε ἡ μεσόγειος Δακία, ὅσον γε καὶ ἡ ὄχθειος Δακία, ἡ δευτέρα Μυσία, ἡ Δαρδανία, ἥ τε Πρεβαλιτάνα ἐπαρχία, σύν τε τῆ Μακεδονία...

Σ τ α υ ρ ά κ η Β έ ϋ Ἀ ρ ι σ τ ά ρ χ η, Ἰουστινιανοῦ Νεαρὰ ιά, Извѣстiя русскаго археол. института въ Константинополѣ. Софiя, 1901, т. III, вып. 2—3, стр. 237—252.

давію и Валахію, показываютъ слѣдующіе, напримѣръ, факты XV—XIX вв.:

I. Въ Посланіи молдавскаго господаря Стефана Великаго къ архіеп. охридскому Дороѳею въ апрѣлѣ 1456 года: вьсѣмь бльгарωмь и срьблюмь и землемь дакїискымь ωбладателю и т. д. [1]).

II. Въ объясненіяхъ, сдѣланныхъ на послѣднемъ листѣ Стружскаго списка Синтагмы Властаря 1590 года [2]), читаемь слѣдующій переводъ книжной административно-географической номенклатуры XIV вѣка на современныя писцу понятія:

Текстъ Синтагмы (л. 176 об.):

отъ иныхь иже (*д. б.* же) въсѣхь прѣдпочитатисе блаженнѣйшаго архіепископа прьвые Іоустиніаніе нашего отчьства имѣти присно подь собою епископы епархіи: Дакіе, Медитераніе и Дакроніе, Рипиніе и Прѣваліе и Карданіе и Мисіе горнее и отъ того тѣхь хиротонисоватисе, томуже отъ

Приписка писца (об. посл. л.):

О охридскомъ престолѣ, иже и блъгарскыи наречетсе, блаженнѣйшаго архіепископа прьвіе Іоустиніаніе, нашего отечьства, имѣти присно подь собою епископы епархіи: Д а к і и с и р ѣ ч ь У г р о в л а х і а, Медитераніе сирѣчь Угръскаа земля, и Дакроніе, сирѣчь сръбскаа земля до западнаго моря...

---

[1]) Славянскій текстъ напечатанъ Невоструевымъ въ статьѣ „Прилози к историjи српске и бугарске jерархиjе“ въ *Гласникѣ*, кн. VII 1855 г., стр. 170 - 180, и перепечатанъ въ *Чтеніяхъ Моск. Общ-ва Ист. и Древн.* 1866 г., кн. IV, отд. III, стр 56—57. Румынскій переводъ, съ замѣчаніями о трудности пути въ Охридъ, какъ объясненіе, почему молдавскіе іерархи не ѣздили туда лично, а довольствовались письменнымъ благословеніемъ, у *episc. Melchisedec*'a, Chronica Romanului, vol. I, pp. 115—117. *В. Колокольцевъ* почему-то называетъ молдавскаго митрополита угровлахійскимъ (sic), Устройство управленія румынской прав. церквей, стр. 7. Архіепископъ Дороѳей упоминается въ записи 1466 года на отрывкѣ Румянцевскаго Музея: „повелѣніемь иже въ тогдашнее врѣме сущаго въ Охрідѣ блаженаго архіепископа бльгарьскаго кирь Дороѳеа“ (№ 1707).

[2]) *Л. Стоjановић*, Стари српски записи и натписи, стр. 240 — 241, У *В. Макушева* послѣднее мѣсто приводится нѣсколько иначе: „(Р)ипиніе и Прѣваліе сирѣчь сръпскаа земля до Солуна, еже глаголетсе Македоніа и Карданіе“ и т. д. „О нѣкоторыхъ рукописяхъ Народн. Библіотеки въ Бѣлградѣ, *Русскій Филол. Вѣстникъ*, 1882 г., кн. I, стр. 13.

своего сьбора хиротонисоуемоу быти, и въ тѣхь подлежещіихь томоу епархіахь мѣсто сьдрьжати емоу апостольскаго прѣстола, по оуставленныхь отъ светаго папы Василіа и т. д.

...Рипиніа и Прѣваліе, сирѣчь отъ Доунава до Солуна, еже глаголетсе Македоніа и Карданіе и Мисіе горнее, сирѣчь отъ Охрида даже до Авлона и даже до Коринѳа.

III. Въ Послѣсловіи игумена валашскаго Долгопольскаго монастыря іером. Мелхиседека, къ славянскому Анѳологію, изданному тамъ же въ 1643 году, господарь Матвѣй Басарабъ называется „пресвѣтлымъ пачальникомъ и воеводой земель сихъ дакійскихъ“ [1]).

IV. Въ указѣ валашскаго господаря Суцу отъ 1819 года: Ἐπειδὴ ὁ θεοφιλέστατος ἐπίσκοπος Μπουζαίου κύριος Κωνστάντινος ἔδωκε ἐγγράφως πρὸς τὸν κυριάρχην τῆς κατὰ τὴν Δακίαν ἐκκλησίας [2]) и мн. др.

Такимъ образомъ, зависимость Молдавіи отъ Охрида покоилась на вполнѣ оффиціальныхъ кононическихъ данныхъ. Если припомнимъ отпошеніе Цамблака къ константинопольской патріархіи, давнишнія стремленія молдавской церкви къ церковной самостоятельности, всеобщія сомнѣнія въ православіи Царьграда во время флорентійской уніи, законное право Молдавіи, какъ господарства самостоятельнаго, на независимость и въ церковномъ отношеніи, роль охридскаго патріарха на извѣстномъ соборѣ въ Скоплѣ 1347 года и т. д., то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, почему данный моментъ — тридцатые годы XV вѣка—былъ вполнѣ удобнымъ для того, чтобы разъ на всегда порвать сношенія съ Константинополемъ и

---

1) Предисловіе воспроизведено у *I. Bianu și N. Hodoș*, Bibliografia românească veche, fasc. II, p. 133, см. въ нашей рецензіи, *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ*, т. V, кн. 2, стр. 665, 688—698, гдѣ указана литература предмета.

2) *Biserica Ortodoxa Româna*, an. VIII, 1884, № 3, p. 166. Разсказывая о посольствѣ валашскаго господаря Мирчи 1421 года, Халкокондила называетъ его ὁ τῶν Δακῶν ἡγεμών, *I. Bogdan*, Luptele românilor cu turcii. Buc. 1898, p. 87.

завязать ихъ съ Охридомъ, который обладалъ такими-же преимуществами (προνόμια) и во всякомъ случаѣ не могъ быть такъ же страшенъ послѣдствіями церковной зависимости для Молдавіи, какъ Царьградъ [1]).

Теперь для насъ ясно, почему зависимость Молдавіи отъ Охрида имѣла вполнѣ законное право, и почему во второй четверти XV вѣка она была проведена въ жизнь. Слѣды этого акта сохранились въ слѣдующемъ:

I. Въ быстричскомъ Помянникѣ, заведенномъ въ 1407 году, поминаются молдавскіе іерархи, а изъ другихъ православныхъ архіереевъ — только охридскіе. Замѣчательно, между прочимъ, что о вселенскихъ патріархахъ не говорится ни слова, что̀ отчасти напоминаетъ уничтоженіе подобныхъ по-

---

[1]) Изъ литературы, касающейся Охридской патріархіи, ея автокефальности и сношеній съ Молдавіей: *A. D. Xenopol*, Istoria românilor etc. ed. populara, vol. II, p. 108 — разсказъ Паисія изъ его „Цароставника“ о Ѳеофилактѣ Охридскомъ, pp. 111—112 — комментаріи *I. Bogdan*'a. изъ статьи его въ *Convorbire Literare*, XXIII, 295, о томъ, что подъ юрисдикціей Охрида, при имп. Василіи II Болгаробойцѣ, въ 1019 г. были валахи всей Болгаріи; pp. 113, 198—причины, почему въ древней Болгаріи такъ часто мѣнялись патріаршія резиденціи; vol. III, p. 101 — о посвященіи митр. Ѳеоктиста при Югѣ молдавскомъ, по Урѣке; vol. IV, p. 123—о посвященіи митрополитовъ при Стефанѣ Великомъ изъ Охрида; vol. II, p. 92—о подчиненіи архіепископіи I Юстаніаны обоихъ береговъ Дуная, по IX новеллѣ; *Melchisedec*, Notițe istorice și archeologice, p. 218—о зависимости молд. церкви отъ Охрида, p. 227—тотъ же вопросъ на ясскомъ соборѣ въ 1641 году; *А(рхим.) Л(еонидъ)*, Архіепископія первой Юстиніяны Охридская и ея просвѣтительное вліяніе на южныхъ славянъ болгаръ и сербовъ. *Чтенія въ Общ-вѣ Исторіи и Древностей*, 1866 г., кн. IV, стр. 1—75; *В. Г. Васильевскій* въ рецензіи на изслѣдованіе *Ѳ. И. Успенскаго* полемизируетъ съ послѣднимъ по вопросу о посвященіи Ѳеофиланта константиноп. патріархомъ и указываетъ на особое положеніе Охрида. „Послѣ покоренія Болгаріи Василіемъ II дѣло измѣнилось въ томъ смыслѣ, что, хотя автокефальность и не была отмѣнена, но выборъ архіепископовъ перешелъ къ царю, который назначалъ почти всегда грековъ; поставленіе же или посвященіе, надо думать, совершалось по старинному обычаю не патріархомъ, а мѣстнымъ митрополитомъ“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1879 г., кн. 7. стр. 151; по мнѣнію акад. И. В. Ягича, всѣ славянскія имена въ Justiniani vita представляютъ изъ себя не что иное, какъ позднюю (XVI—XVII вѣка) фабрикацію, вышедшую изъ панславистской школы рагузодалматинскихъ ученыхъ, *В. Васильевъ*, О славянскомъ

минаній и въ болгарскомъ Служникѣ XIV вѣка, приписываемомъ патр. Евѳимію. Въ Помянникѣ монастыря Быстрицы находимъ особый отдѣлъ: зде поминаютса архїепископы прьвыя Іоустиніаніа, иже есть Охридь, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ: помѣни, Господи, доуша раба своего архїепископа Прохора, за-

происхожденіи Юстиніана, *Византійскій Временникъ*, т. I, вып. 3—4, стр. 492; *М. Ивановъ*, Двѣ думи за първа Юстиниана. Варна 1897, рецензія въ *Византійскомъ Временникѣ*, т. VII, 1—2, стр. 268—272, гдѣ авторъ доказываетъ, что Охридъ никогда не былъ престоломъ Юстиніановой архіепископіи, такъ какъ св. Климентъ, первый архіеп. болгарскій, именуется охридскимъ, величскимъ и бѣлицкимъ, но не архіеп. первой Юстиніаны; Δ ή μ ι τ ζ α, Τὰ περὶ τῆς αὐτοκεφάλου ἀρχιεπισκοπῆς τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς Ἀχρίδος καὶ Βουλγαρίας. Ἐν Κονσταντινουπόλει; *А. Пападопуло-Керамевсъ*, Изъ исторіи охридской и ипекской патріархіи, *Византійскій Временникъ*, т. III, вып. I, стр. 118—120 — грамота конст. патр. Іереміи къ архіеп. охридскому Прохору по поводу отказа послѣдняго подчиниться ипекскому архіеп. 1530 г.; также у Δ ή μ ι τ ζ α, Τὰ κατὰ ἀρχιεπισκοπάς Ἀχρίδων καὶ Πεκίου. Ἐν Κονσταντινουπόλει. 1869. Изслѣдованіе о границахъ ипекскаго патріархата въ *Гласник*ѣ, кн. VIII; Запись ркпси XVI вѣка: „кнеза Димитріа, иконома светіе и велиціи црькве пръвіе Іустиніаніе", *П. Сырку*, Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. XXII; *И. С. Пальмовъ*, Новыя данныя къ исторіи охридской архіепископіи XVI, XVII и XVIII вв. *Славянское Обозрѣніе*, годъ II, Спб. 1894 г., стр. 195—236. Ср. Рецензію въ *Византійскомъ Временникѣ*, т. II, вып. 3, стр. 470 — 471; объ Охридѣ въ турецкій періодъ и вопросъ объ автокефальности охридской патріархіи у *Г. Баласчева*, Изданията, прѣписитѣ и значението на кодекса отъ Охридската архиепископия за нейната история, *Периодическо Списание*, 1899 г., годъ XI; въ своемъ Отчетѣ о поѣздкѣ въ Македонію *Г. Баласчевъ* опровергаетъ прежнее мнѣніе о зависимости въ XIV вѣкѣ видинской и софійской митрополіи, то есть области царя Срацимира, отъ константинопольской патріархіи и ссылается на Посланіе, которое подтверждаетъ зависимость указанныхъ областей отъ охридскаго архіепископа, *Извѣстія русскаго археол. института въ Конст.* т. VI, вып. 2—3, стр. 460; статья того же автора, Нови извѣстия за черковното вѣдомство на видинската и софийската епархия, *Сборникъ за народни умотворения*, кн. XVIII, стр. 132—170; Ср. нашу рецензію въ *Византійскомъ Временникѣ*, 1902 г., кн. 3—4. Изъ многихъ другихъ данныхъ, подтверждающихъ это предположеніе, укажемъ надпись 1378 года въ Охридѣ, гдѣ упоминается архіепископъ I Юстиніаны καὶ πάσης Βουλγαρίας κυρ Γρηγόριος; *Бранислав Нушић*, Крај обала Охридског језера. Београд. 1894. Ср. *Византійскій Временникъ*, т. I, вып. 3—4, стр. 762—766; *Извѣстія русск. археол. Института въ Константинополѣ*, т. II, стр. 77; *Revista pentru istorie, archeologie* etc., vol. II, pp. 117—121, 192, *H. Gelzer*, Der Patriarchat von Achrida. Leipzig, 1902, и мн. др.

тѣмъ приписано: митрополита Никанора, еще позднѣе: єпископа Ісаїа [1]).

II. Въ апрѣлѣ 1456 года господарь Стефанъ проситъ архіепископа охридскаго Дороѳея посвятить романскаго епископа вмѣсто умершаго Виссаріона. *Melchisedec*, Chronica Romanului, vol. I, pp. 115—117.

III. Въ концѣ первой половины XV вѣка охридскимъ патріархомъ посвященъ молдавскій митр. Іосифъ Старый, о чемъ, кромѣ указанныхъ выше (стр. 286) данныхъ, имѣемъ современныя записи на Нямецкой рукописи, которая даже по составу статей, несомнѣнно, подходитъ ко времени вторичнаго пребыванія въ монастырѣ Цамблака, а также—замѣтки въ анонимныхъ молдавскихъ лѣтописяхъ:

1) при немъ же (т. е. при Александрѣ сынѣ Иліи) ѡсвѧтисѧ кѵрь Ѳеоктисть на митрополїтство патрїархомь Никодимомь срьбскымь (Путнянская лѣтопись).

2) Potym poczęli byc vladykowie i metropolitowie od patriarchy Nicodema ziemi serbskiey za krola Iurga Despota (Молдаво-польская лѣтопись 1566 года).

3) И потомь въ дьни Алезандрела сына Иліаша воеводї благословисѧ прѣосвѧщенныи митрополить кѵрь Ѳеоктисть Старыи ѿ архїепископа кѵрь Никодима (Сборникъ 1557 года).

IV. Составленіе вновь или, по крайней мѣрѣ, передѣлка какого-то стараго Житія св. Варвара Пелагонскаго, сдѣланное Кипріаномъ въ Молдавіи, въ 1435 году. Если припомнимъ, что въ половинѣ XIV вѣка въ числѣ пунктовъ, выставленныхъ константинопольскимъ патріархомъ противъ тырновскаго духовенства, было употребленіе послѣднимъ мира отъ мощей этого именно святого [2]), а также, что разладъ между указанными церквами, какъ мы указали раньше (стр. 64), во многихъ чертахъ напоминаетъ разрывъ Молдавіи съ Константи-

[1]) Рукопись библіотеки Academia Română, № 79, л. 15.

[2]) Въ грамотѣ Каллиста: καὶ χριόμενοι ἀντὶ τοῦ ἁγίου τούτου μύρου τῶν λειψάνων τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Δημητρίου ἢ τοῦ ἁγίου Βαρβάρου, Acta patriarchatus Const., tom. I, p. 440.

нополемъ, то мы не сдѣлаемъ большой ошибки, поставивъ въ связь составленіе новаго пространнаго и литературно написаннаго Житія св. Варвара съ употребленіемъ мира отъ его мощей и въ молдавской церкви, со времени путешествія Цамблака въ Охридъ, вмѣсто получавшагося ранѣе, по всей вѣроятности, изъ Константинополя. Издавая текстъ этого Житія, мы имѣли подъ руками три списка, и всѣ они оказались Молдавскаго происхожденія, не смотря на то, что Житіе написано вполнѣ литературно и занимательно: одинъ въ Сборникѣ Гавріила 1448 года, другой въ Сборникѣ Румынской Академіи № 75, переписанномъ имъ же, и третій въ Сборникѣ Нямецкаго монастыря XVI вѣка, № 88 [2]). Не является-ли, такимъ образомъ, составленіе или переработка этого Житія, сдѣланная какъ разъ вскорѣ послѣ путешествія Цамблака въ Охридъ, вѣроятнымъ отголоскомъ установившейся съ этого времени практики относительно мира отъ мощей охридскаго святого?

V. Слѣды сербскаго оригинала нѣкоторыхъ рукописей самого Гавріила или же бывшихъ у него подъ руками, напримѣръ:

1) Сборникъ Академіи Наукъ (по инвентарю нашего собранія № 18), переписанный Гавріиломъ гдѣ-то, повидимому, въ дорогѣ, такъ-такъ рукопись производитъ впечатлѣніе черновой: a) разгонистая и небрежная скоропись: b) пропущенныя и перечеркнутыя страницы, c) отсутствіе надстрочныхъ знаковъ и удареній, d) сокращенныя заглавія, которыя получили должный видъ только въ бѣловыхъ копіяхъ Гавріила [черновой—на пасхѫ и на ѡпожденїе л. 75, бѣловой—въ свѧтѫѧ и великѫѧ недѣлѧ пасхы, на свѧтое въскрьсенїе Господа и Бога и Спаса нашего Їсоуса Христа и на ѡпожденїе; черновой — григорїа богослова, л. 170 об., бѣловой—иже въ свѧтыхъ ѿца нашего архїепископа Константина града Григорїа Богослова и т. д.], e) неказистый общій видъ рукописи, блѣдныя чернила разныхъ то-

---

[2]) Изъ славянскихъ рукописей, М. 1898, стр. 34—55, 156 158.

новъ, плохая бумага и т. п., f) отсутствіе послѣдовательности въ графикѣ, напр. употребленіе з съ перекладиной вмѣсто обычнаго у Гавріила ѕ, разныя формы м и т. д., g) черты живого говора, въ остальныхъ рукописяхъ Гавріила незамѣтныя, напр., 1 лицо единств. ч. грѧдѫмъ л. 49, такой выговоръ, какъ констандина града л. 170 об. андиохїѧ л. 144, еретигъ л. 447 и др. наконецъ, h) невыдержанность тырновскаго правописанія и слѣды сербскаго оригинала. Въ особенности это замѣтно въ послѣднихъ статьяхъ Сборника, когда переписчикъ усталъ или спѣшилъ, и естественно, меньше заботился объ однообразіи правописанія. Поэтому послѣ такихъ типичныхъ примѣровъ, какъ мѫж страстныѫ надеждѧ л. 165; ѡвчѧ выражѫщее л. 421: въ прьвѫѧ недѣлѧ, л. 37; прѣмѫдрѫстврѹемь л. 129; възврaщѫѧсѧ л. 171, пишѫтсѧ л. 456 и т. п., у того же писца и въ той же рукописи встрѣчаются написанія вродѣ естрова, прѣстѹпающе, плачѥ въздизаемы, црковь гню, рѣкы кръвныѥ, не хотѥщи прїєти, л. 419, рядомъ опять съ такими, какъ благодѣтїѫ, вждѫщиихь, л. 420 и др. Особенно характерно для нашихъ наблюденій начало Толкованія Іоанна Златоустаго на одно евангельское чтеніе (Лука, 17-я недѣля, л. 414). Въ первыхъ семи строкахъ сербизмовъ не находимъ: оужасаѫсѧ и чюждѫсѧ, нѫ лѫкава, оустыдѣшѧ (строка 7-я), но начиная съ непосредственно слѣдующей, идутъ самыя яркія сербскія особенности: распешѥ стр. 8, оужасошесе, стр. 9, и такіе примѣры встрѣчаются уже сплошь почти до конца рукописи, причемъ болгаризмы попадаются все рѣже.

2) Лѣствица Іоанна Синайскаго, XIV вѣка, изъ Сахарнянскаго монастыря, служившая оригиналомъ для Гавріила, переписавшаго въ 1446 году другую рукопись съ вполнѣ послѣдовательнымъ тырновскимъ правописаніемъ [1]). Всѣ тетради рукописи XIV вѣка перемѣчены рукой Гавріила; имъ же сдѣланъ счетъ листамъ, составляющимъ каждое отдѣльное По-

---

[1]) Рукопись Нямецкаго мон-ря № 76 (94).

ученіе Лѣствицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его же рукой сдѣланы исправленія, напримѣръ, зѣло переправлено на ѕѣло и т. п. Приводя общія свѣдѣнія о Сахарнянской рукописи [1]), мы уже отмѣтили характерную смѣсь сербскаго правописанія (напр. ѡкрещемь, хранещіа, не пріетень, начетокь) съ болгарскимъ (тежкѫѫ пѫчинѹ прѣплѫти, вь ѡкрьгнѣи прѣмѫдрости, застѫпникомь, вьзмагаѫщимь, мѫкамь, ѫтробѣ, ѡсѫждение). Въ XVII вѣкѣ Лѣствица была уже въ Нямцѣ, и мы думаемъ, что привезена она изъ Охрида самимъ Гавріиломъ.

Является вопросъ, почему Гавріилъ воспользовался такими именно рукописями, носящими явныя сербскія черты, и гдѣ онъ могъ ихъ достать? Что это произошло не въ Сербіи, видно изъ того, что въ послѣднемъ случаѣ оригиналы были бы ресавскаго извода, извѣстнаго намъ очень хорошо [2]). Въ Болгаріи же рукописей съ подобнымъ правописаніемъ не было, во всякомъ случаѣ онѣ составляли-бы явленіе исключительное для второй четверти XV вѣка. Аѳонъ и Константинополь къ этому времени знали исправные тексты, притомъ послѣдній, съ русскими чертами [3]). Остается поэтому одинъ Охридъ, гдѣ въ XIV—XV вв. болгарская стихія удивительнымъ образомъ уживалась съ сербской, и обѣ указанныя рукописи, намъ кажется, можно считать типичными охридскими „смѣшанными" текстами.

VI. Кромѣ того, память о культурныхъ сношеніяхъ молдавскихъ книжниковъ съ Охридомъ сохранилась еще въ той редакціи Четвероевангелій, въ которыхъ первое изъ Предисловій приписывается Ѳеофилакту архіепископу о х р и д с к о м у, а не „болгарскому", какъ въ большинствѣ списковъ. Ниже мы приведемъ перечень извѣстныхъ намъ рукописей этой именно

---

[1]) Мелкіе тексты и замѣтки. I—XX, стр. 67—71.

[2]) Напримѣръ, Лѣствица, вновь исправленная и переписанная деспотомъ Стефаномъ въ 1421 году.

[3]) Напримѣръ, Лѣствицы, сохранившія въ копіяхъ запись убогаго Евсевія—непотребнаго Ефрема.

редакціи, причемъ замѣчательно, что всѣ онѣ переписаны въ предѣлахъ Молдавіи и этимъ выдаютъ молдавское происхожденіе необычнаго заглавія Предисловія.

Къ XV вѣку относится 3 списка:

1) Единовѣрческой церкви въ Елисаветградѣ [1]).

2) Румынской Академіи, № 11.

3) Ново-Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи № 13 (66).

Къ XVI вѣку—13, изъ нихъ 5 датированныхъ:

4) Вѣнской придворной библ-ки, 1502 года, *I. Bogdan,* Câte-va manuscripte slavo-române, p. 5.

5) Софійской синодальной библ-ки, до 1519 года, № 15. *Спростановъ,* Описъ, стр. 30—31.

6) Нямецкаго мон-ря, 1553 года, № 11.

7) Букурештскаго Музея древностей, 1552 — 1561 гг., № 14 (319).

8) Того же музея, 1573 года, № 12.

9) Того же музея, первой половины XVI в. № 13 (66), л. 7.

10) Того же музея № 23 (1179).

11) Того же музея № 35 (1142), л. 8.

12) Того же музея, конца XVI в. № 24 (1154), л. 4.

13) Общ-ва Любит. Древн. Письм. *Хр. Лопаревъ,* Описаніе, ч. II, стр. 254.

14) Моск. Синодальной библ-ки, Описаніе, ч. I, стр. 124.

15) Той же библ-ки, Описаніе, ч. I, стр. 127.

16) Печатное Евангеліе, по нашему мнѣнію, валашской печати, *И. Каратаевъ,* Описаніе слав.-русск. книгъ, стр. 109.

Къ XVII вѣку—3 рукописи:

---

[1]) Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ П. Сырку и Н. Покровскаго, что миніатюры Елизаветградскаго Евангелія имѣютъ много схожихъ чертъ съ Лондонскимъ (Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 434 и 602), тѣмъ не менѣе мы не можемъ относить самую рукопись къ второй половинѣ XIV вѣка и приписывать его работѣ „того же писца и художника“, такъ какъ Елизаветградская рукопись написана типичнымъ Молдавскимъ письмомъ не раньше начала XV вѣка. Ссылки же на составъ Мѣсяцеслова и упоминаніе въ немъ сербскихъ святыхъ XIII вѣка никакого отношенія къ хронологія рукописи не имѣютъ.

17) Букурештскаго музея древностей, 1635 г. № 25 (289), л. 10.

18) Того же музея, 1641 года, № 26 (1196), л. 4.

19) Софійской синодальной библ-ки, № 19. *Спространовъ*, Описъ, стр. 35, и др.

Почему не извѣстны списки съ такимъ же предисловіемъ и такой же редакціи—болгарскаго, сербскаго или русскаго происхожденія, притомъ времени болѣе ранняго, чѣмъ начало XV вѣка? Мы не можемъ дать прямого отвѣта, но фактъ на лицо, и мы склонны поставить его въ связь съ сношеніями Молдавіи съ Охридомъ.

VII. Что въ 30 годахъ XV вѣка были какія-то сношенія молдавскихъ книжниковъ съ болгарскими, показываетъ составъ рукописей, переписанныхъ Гавріиломъ въ это и послѣдующее время. Къ 1438 и 1441 годамъ относятся его лучшіе по содержанію Сборники, содержащіе шесть произведеній Евѳимія Тырновскаго. Если послѣдній умеръ ранѣе 1418 года, то почему же ни въ одной изъ рукописей Гавріила, написанныхъ до 1438 года, не было произведеній его учителя? Припомнимъ, что Урѣке и Костинъ относятъ поѣздку Цамблака въ Охридъ къ 1432 году. Возможно поэтому, что въ Охридѣ или въ Македоніи, на мѣстѣ изгнанія и кончины Евѳимія, куда Цамблакъ могъ заѣхать на пути изъ Константинополя въ Охридъ, онъ собралъ труды своего учителя и оставилъ намъ ихъ въ своихъ копіяхъ. Къ этому же времени можно относить „приведеніе" въ Молдавію Ловчанскаго Сборника средины XIV вѣка, о которомъ мы говорили выше (стр. 121). Во всякомъ случаѣ характерно то, что Гавріилъ, человѣкъ старый и опытный книжникъ, которому въ 1432 году было 68 лѣтъ, съ этого именно года начинаетъ переписывать наиболѣе интересныя изъ своихъ рукописей. До этого времени онъ переписалъ только два Евангелія и Слова Григорія Богослова, а послѣ 1432 года — шесть Сборниковъ разнообразнаго содержанія, Маргаритъ, Лѣствицу, „Преполовеніе", Творенія Василія Великаго и почти полный кругъ

служебныхъ Миней съ необыкновенно полнымъ составомъ службъ святымъ и проложныхъ Житій [1]).

Къ этому можно прибавить, что культурныя сношенія румынскихъ книжниковъ съ Охридомъ не прерывались до XVII вѣка. Можно указать на славянскую Псалтырь, изданную въ валашскомъ монастырѣ Говорѣ въ 1638—1641 гг. іеромонахомъ Стефаномъ Охридскимъ. Имъ же былина печатаны и „Правила“ на румынскомъ языкѣ, въ 1640 году [2]).

Итакъ, поѣздка Цамблака въ Охридъ, быть можетъ, и въ другія мѣстности славянскаго юга оживила письменность въ Молдавіи, обогативъ ее списками новыхъ произведеній. Другихъ событій изъ жизни его въ Нямецкомъ монастырѣ мы не знаемъ, и думаемъ даже, что едва-ли она отличалась разнообразіемъ. Послѣдняя по времени рукопись Гавріила была переписана въ 1450 году, когда ему было 86 лѣтъ. Рукописи его послѣ этого года до насъ не дошли, и мы полагаемъ, что вскорѣ послѣ 1450 года Гавріилъ умеръ. Для этого у насъ имѣются слѣдующія еще соображенія.

На двухъ богослужебныхъ рукописяхъ Гавріила находимъ замѣтки, написанныя иной рукой, о томъ, что онѣ были „послѣдованы“ въ такомъ-то году: на ноябрьской Минеѣ 1448 года—замѣтка 1462 года (рукопись Ново-Нямецкаго монастыря № 12—25); на мартовской Минеѣ 1447 года—киноварная замѣтка 1462 года (рукопись Нямецкаго монастыря № 52—77). Спеціально книжный терминъ послѣдовати, извѣстный только изъ югославянскихъ записей [3]), означаетъ „приводить въ по-

[1]) Недатированныя рукописи Гавріила нельзя, конечно, принимать во вниманіе, хотя два Сборника этого писца слѣдуетъ относить также къ 40 годамъ: полемическій противъ латинянъ и Румынской Академіи № 75. Подробнѣе объ этихъ и другихъ рукописяхъ Гавріила—въ слѣдующей главѣ.

[2]) *А. И. Яцимирскій*, Славянскія печатныя изданія румынскихъ типографій, *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.*, т. V, кн. 2, стр. 660.

[3]) Въ „Матерьялахъ“ *И. Срезневскаго* такого значенія нѣтъ, столб. 1244. А. И. Соболевскій полагаетъ, что „послѣдовать“ не означаетъ-ли „прочитать“. Переводная литература московской Руси, Спб. 1903, стр. 25.

рядокъ, исправлять, дѣлать годнымъ для чтенія въ церкви, переписки" и т. д. Приведемъ два случая изъ сербскихъ записей: изъ єднога изкода писахь, а изъ дрѹгога послѣдовахь — Шестодневъ Іоанна Златоустаго 1458 года, Хиландарской лавры, № 182 [1]); и много пакы искахь дроугїи изводь послѣдовати, нь не обрѣтесе—Исторія Іосифа Флавія 1585 года [2]). Слѣдовательно, переписанныя въ 1447 и 1448 году Минеи Гавріилъ не могъ „послѣдовать" самъ, и послѣ смерти его трудъ остался въ тетрадяхъ, которыя были переплетены и „послѣдованы" какимъ-нибудь другимъ книжникомъ въ 1462 году.

Во вторыхъ, въ записи на Сборникѣ 1450 года свою рукопись онъ называетъ почему-то „частью": комать. Опять и этотъ терминъ, не исключительно книжный, но обычный въ сербскихъ рукописяхъ [3]) XIV—XVII вв., наводитъ на мысль, что переписанная имъ въ 1450 году „часть" рукописи была второй или послѣдней частью какой-нибудь болѣе ранней рукописи. Ввиду того, что форматъ и письмо Сборника 1448 года вполнѣ подходятъ къ формату и почерку Сборника 1450 года, можно думать, что оба они составляли извѣстную серію, и переписавъ послѣднюю его часть, Гавріилъ нашелъ нужнымъ упомянуть объ окончаніи своей работы, ссылаясь на преклонный возрастъ (см. выше, стр. 25).

Конечно, изъ того только, что мы не знаемъ рукописей Гавріила, переписанныхъ имъ послѣ 1450 года, нельзя еще выводить о его кончинѣ, послѣдовавшей вскорѣ послѣ этого года. Онъ могъ только прекратить свои книжныя занятія, хотя почеркъ послѣдней его рукописи такой же твердый и увѣренный, какъ и раннихъ. Кромѣ того, до насъ могли не дойти

---

[1]) *Sava*, Rukopisi, str. 47.

[2]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи, стр. 233.

[3]) Тамъ же, стр. 19, 56, 65, 89, 209, 303, 431, *Ю. Венелинъ*, Влахо-болгарскія грамоты, стр. 69—70; *Melchisedec*, Chronica Romanului, vol. I, p. 256 и др.

болѣе позднія его рукописи. Наконецъ, 86-лѣтній возрастъ Гавріила вовсе еще не исключаетъ того, что онъ могъ жить и послѣ этого года. Мы знаемъ очень старыхъ югославянскихъ писцовъ и писателей: писцу Пантелеймоновскаго Евангелія 1313 года было лѣть 120 паче болѥ [1]), Евѳимій Тырновскій умеръ также 80-лѣтнимъ старикомъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, скорѣе всего можно думать, что въ началѣ 50 годовъ XV вѣка мятежный духъ нашего странника и неудачника нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе. Нямецкія лѣтописцы указываютъ даже мѣсто погребенія Цамблака (см. выше стр. 234, 238) и относятъ смерть его къ 1452 году, съ чѣмъ приходится въ общемъ согласиться.

Преосв. Нарцисъ Крецулеску связываетъ съ именемъ Цамблака приходъ въ Молдавію партіи гуситовъ, покинувшихъ родину во второй четверти XV вѣка и нашедшихъ пріютъ въ молдавской странѣ, гдѣ послѣдователи великаго чеха были приняты Цамблакомъ, который познакомился съ гуситскимъ ученіемъ еще на Констанцкомъ соборѣ и, повидимому, сочувствовалъ этому движенію. Предположеніе румынскаго историка, нигдѣ пока не напечатанное, находитъ нѣкоторое оправданіе въ показаніяхъ старыхъ молдавскихъ хронистовъ, которые приписываютъ тѣмъ же выходцамъ даже основаніе извѣстнаго города Хуши (Huşi) на Прутѣ, въ округѣ Фальчіу. Подробное изложеніе и провѣрка этихъ данныхъ сдѣлана преосв. Мелхиседекомъ еще въ 1869 году [2]), но намъ кажется, можетъ быть принята съ большимъ трудомъ. Выше (стр. 187) мы высказали предположеніе о вѣроятномъ знакомствѣ Цамблака съ Іеронимомъ Пражскимъ, когда послѣдній посѣтилъ Литву и западную Русь (Витебскъ и Псковъ) [3]). Но изъ этого одного нельзя еще выводить о какомъ-то покровительствѣ со стороны

[1]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи, № 44.

[2]) Chronica Huşilor şi a episcopiei etc. Prefaţa

[3]) Подробнѣе у *Ю. Анненкова*, „Гуситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ“, *Странникъ*, 1878, Мартъ.

православнаго схимника-Цамблака, оказанномъ братьямъ чешской общины. Скорѣе всего, самое названіе молдавскаго города— иного происхожденія, такъ-какъ въ Румыніи существуетъ нѣсколько мѣстностей того же корня: Husniţa, Husnicioara, Husţiu, Guşaţi Guşatei, Guşoieni Guşoiu и т. п. [1]).

ГЛАВА V.

Начало славянской письменности въ Молдавіи и значеніе писца Гавріила.—Преданія о существованіи у румынъ латинской азбуки и письменности до половины XV вѣка и изгнаніи ея послѣ Флорентійскаго собора.—Намеки на участіе въ этомъ дѣлѣ Цамблака.—Мнѣніе румынскихъ ученыхъ о латинскомъ характерѣ древне-румынской образованности.—Основныя черты старой культуры Валахіи и Молдавіи; живопись, архитектура и славянская литература.—Свѣдѣнія о памятникахъ славянской письменности у валаховъ раньше XV вѣка, и у молдованъ въ началѣ того же столѣтія.—Рукописи Гавріила: Св. Писаніе, богослуженіе, святоотеческія произведенія и сборники разнообразнаго содержанія.—Почерки Гавріила; вопросъ о началѣ „Молдавскаго“ письма и орнаментики рукописей.—Правописаніе Гавріила, какъ отраженіе Евѳиміевой реформы.—Важнѣйшія правила относительно постановки спорныхъ буквъ, знаковъ и удареній.—Характеристика правописанія Гавріила сравнительно съ сербской реформой Константина Костенчскаго. — Тырновскіе изводы въ Молдавіи и ресавскіе въ Валахіи; память о Гавріилѣ, какъ писцѣ, въ началѣ XVII вѣка.—Наличность памятниковъ оригинальной и переводной славянской литературы въ Нямецкомъ монастырѣ въ половинѣ XV вѣка.—Рукописи Гавріила, какъ автобіографическій матерьялъ.—Начало лѣтописныхъ работъ въ Молдавіи и отношеніе Гавріила къ молдавской исторіографіи.

Въ заключительной главѣ своего „Сказанія о письменахъ“ Константинъ высказываетъ пожеланіе, чтобы славянскія книги въ Сербіи снова стали-бы „цѣлыми“ и были-бы переданы сербскими ревнителями просвѣщенія потомству во всей догматической и графической чистотѣ, подобно тому, какъ это сдѣлали и трьновьстїи, иминже даже до дньсь, аще и царствїе разорисе, просвѣщаютсе окрьстнїи царїе же и землїе [2]). Объясняя это мѣсто, И. Ягичъ очень удачно предполаетъ, что „въ послѣднихъ

[1]) *D. Frunḑescu*, Dicţionar topografîcu, pp. 228, 238.
[2]) Изслѣдованія по русск. языку. I, стр. 487.

словахъ Константина сдѣланъ намекъ на переходъ болгарской литературной дѣятельности, которая во второй половинѣ XIV столѣтія была еще сосредоточена въ Тырновѣ, —въ теченіе XV столѣтія дальше на сѣверъ, по ту сторону Дуная, въ Молдавію, и еще дальше на сѣверъ, въ Россію“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли Константинъ разумѣть здѣсь какія нибудь иныя „окрестныя“ земли, кромѣ румынскихъ господарствъ, если, по его мнѣнію, „всѣ писанія растлѣнны не токмо въ странѣ единой (Сербіи), по въ Романіи до Марицы, и до Бѣлграда и Солуна“? Какія иныя страны онъ могъ назвать „скиѳскими“, говоря въ другомъ мѣстѣ своего „Обличенія“ о просвѣщеніи ихъ „великимъ художникомъ словенскихъ письменъ“ Евѳиміемъ, при посредствѣ, конечно, учениковъ послѣдняго? Наконецъ, онъ еще разъ указываетъ на то, что „письменъ свѣтила угосоша, наченъ отъ Марицы до Солуна и Бѣлграда“. Такимъ образомъ, въ число земель съ погибшими и въ конецъ растлѣнными письменами имъ не включены одни придунайскія господарства. Если трудъ Константина написанъ вскорѣ послѣ 1423 года, какъ думаютъ на основаніи упоминанія архіеп. Исидора, какъ покойнаго, то по свѣдѣніямъ сербскаго грамматика, въ это самое время молодое поколѣніе тырновцевъ уже просвѣщало Молдавію.

Если же обратимся къ первымъ годамъ существованія славянской письменности въ Молдавіи, то найдемъ, что на основаніи фактовъ документальныхъ, точнѣе, датированныхъ рукописей, исторію этой письменности можно начинать какъ разъ съ двадцатыхъ годовъ XV вѣка, когда въ Молдавію вторично явился бывшій кіевскій митрополитъ Григорій, какъ мы предполагаемъ, принявшій схиму съ именемъ Гавріила, и работавшій здѣсь на книжномъ поприщѣ въ 1424—1450 годахъ. Какъ увидимъ дальше, болѣе раннихъ рукописей Молдавскаго происхожденія мы не знаемъ, а первая по времени

[1]) Тамъ же, стр. 517. Относительно Россіи можетъ быть поставленъ вопросъ.

рукопись Гавріила относится только къ 1424 году. Такимъ образомъ, хронологическое совпаденіе можно объяснять не одной случайностью. Поэтому, имѣя съ одной стороны ясный намекъ Константина, съ другой—вполнѣ опредѣленное свидѣтельство въ указанной рукописи Гавріила, мы можемъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію вопроса о той роли Цамблака въ дѣлѣ распространенія славянской письменности среди молдованъ, которую ему приписываютъ молдавскія лѣтописи и нѣкоторые поздніе писатели.

Въ предыдущей главѣ мы старались оправдать молдавскія извѣстія о каноническихъ сношеніяхъ Молдавіи съ Охридомъ, начавшихся не раньше 30 годовъ XV вѣка; теперь перейдемъ къ выясненію культурной стороны тѣхъ же извѣстій. Мы видѣли, что Урѣке какъ-будто не знаетъ объ оффиціальномъ молдавскомъ посольствѣ въ Охридъ (стр. 263), и только его продолжатели и Костинъ въ своей румынской Лѣтописи упоминаютъ о приглашеніи этимъ посольствомъ славянскихъ священниковъ изъ Охрида и вывозѣ оттуда книгъ „всего церковнаго обихода“ (стр. 265). Во главѣ посольства стоялъ какой-то Цамблакъ. Въ двухъ другихъ своихъ хроникахъ, написанныхъ по памяти на польскомъ языкѣ, Костинъ не называетъ Цамблака, но опять связываетъ начало славянской письменности въ Молдавіи съ охридской миссіей: z Serwiey tedy ta ziemia z sacrą razem y ięzyk serbski tu do ziemie wniosła, или въ другой хроникѣ-поэмѣ: „прибывъ туда, посланные Александра воеводы получили хиротонію вмѣстѣ съ употребленіемъ славянскаго языка и въ церкви, и въ государственныхъ актахъ“.

Очевидно, Костинъ чего-то не досказалъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Цамблакъ нашелъ нужнымъ привезти православныхъ священниковъ и славянскія книги, то до этого времени въ Молдавіи не было ни того, ни другого. Съ другой стороны, трудно было допустить, чтобы вся страна не знала никакой религіи и обходилась безъ всякой письменности до 30 годовъ

XV вѣка. Поэтому краткость разсказа Костина предоставляла послѣдующимъ историкамъ полный просторъ для всякаго рода толкованій. Ихъ занималъ вполнѣ естественный вопросъ: что же было въ Молдавіи раньше охридской миссіи? И мы не должны удивляться, что всего черезъ 25 лѣтъ послѣ Костина, „молдавскій Константинъ Порфирородный", ех-господарь Димитрій Кантемиръ, категорически заявляетъ въ своемъ „Описаніи Молдавіи" (1714), что „до флорентійскаго собора у молдованъ, по примѣру остальныхъ народовъ, языкъ которыхъ происходитъ отъ римскаго, были въ употребленіи *латинскія буквы*. Но послѣ того, какъ на этомъ соборѣ митрополитъ молдавскій перешелъ на сторону латинянъ, то пріемникъ его, дьяконъ Марка Ефесскаго, по имени Өеоктистъ, родомъ болгаринъ, съ цѣлью искоренить изъ молдавской церкви латинскую закваску (latinorum fermenta) и не давать случая юношамъ читать латинскія заблужденія (мудрствованія), убѣдилъ Александра Добраго издать приказъ объ изгнаніи изъ своей страны не только тѣхъ, кто держался чуждыхъ православной вѣрѣ убѣжденій, но и самихъ латинскихъ буквъ, а вмѣсто нихъ ввести *славянскія*. И этимъ величайшимъ пагубнымъ рвеніемъ онъ первый ввелъ невѣжество, среди котораго находится Молдавія по настоящее время" [1]).

Тенденціозность приведеннаго отрывка очевидна: молдоване—народъ романскаго происхожденія, долгое время писали латинской азбукой, стояли на извѣстной степени культуры и т. д., съ другой стороны—митрополитъ-болгаринъ, боясь латинской „прелести", изгоняетъ изъ страны латинствующихъ, и съ господарскаго разрѣшенія вводитъ славянскія буквы. Въ особенности характерно заключеніе Кантемира, гдѣ рвеніе Өеоктиста названо пагубнымъ, а результаты его — невѣжествомъ. Но, въ то время какъ румынскіе историки относятся съ извѣстнымъ довѣріемъ къ разсказу своего господаря, сла-

---

1) Descriptio Moldaviae, ed. Academiei Române, Bucuresci, 1872, p. 152; Scrisoare Moldovei, pp. 294—295.

висты сомнѣваются въ правдивости его. Н. Надеждинъ указываетъ на хронологическую неточность Кантемира, такъ-какъ Александръ Добрый умеръ въ 1432 году; слѣдовательно, въ посольствѣ участвовалъ „не Цамблакъ, а какой-нибудь грекъ“ (?) [1]. П. Сырку высказываетъ въ основѣ очень вѣрный, но нѣсколько смѣлый взглядъ на вышеприведенное свидѣтельство: „Кантемиръ, которому, благодаря его положенію, доступны были многіе документы и библіотеки во время составленія его „Хроники молдаво-валашской“, „Описанія Молдавіи“ и другихъ произведеній, заимствовалъ приведенныя выше извѣстія изъ какой-нибудь хроники начала (?) XVI вѣка, составленной въ Трансильваніи, правда, на основаніи историческихъ данныхъ (?), но съ явно-тенденціознымъ римско-католическимъ или уніатскимъ направленіемъ или, по крайней мѣрѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдняго“ (стр. 140—141). Мы склонны сомнѣватся въ существованіи подобной Хроники, и думаемъ, что Кантемиръ пользовался одной изъ польскихъ хроникъ Костина, написанныхъ спеціально для короля и какого-то знатнаго сановника, католиковъ, въ которыхъ авторъ хроники, живя въ Польшѣ въ изгнаніи, повидимому, нуждался. Поэтому въ глазахъ католиковъ недосказанность Костина могла быть истолкована въ такомъ же смыслѣ, какъ и у Кантемира. Очевидно, П. Сырку не зналъ прямыхъ источниковъ Кантемира. Прибавимъ также, что домыслы румынскихъ историковъ проникли и въ старинныя изданія для народа. Въ книгѣ, напечатанной славянскимъ шрифтомъ Календарѹ, ешезат пе шеапте планете (Букурештъ, 1861), среди краткихъ полулѣтописныхъ извѣ-

[1] *Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей*, т. I, стр. 296—297. Впрочемъ, доказательства, приводимыя изслѣдователемъ, нѣсколько наивны: „въ такомъ случаѣ, разсказъ о введеніи Самвлакомъ славянскихъ книгъ въ Молдавіи есть не что иное, какъ сказка, выдуманная національнымъ самолюбіемъ румуновъ. Славянскій языкъ былъ просто въ обитаемой ими нынѣ странѣ издревле туземный (?). Это доказываютъ имена древнѣйшихъ ихъ воеводъ, которыя суть чисто славянскія, и другіе неоспоримые документы“ (стр. 298). Какъ увидимъ дальше, Мелхиседекъ развилъ послѣднія слова Надеждина (см. ниже, стр. 321).

стій читаемъ „де кжндѫ лепѫдат ромѫнїй слокеле латинещи — 362“ (стр. 5) *т. е.* „съ тѣхъ поръ, какъ румыны оставили латинскія буквы, (прошло) 362 года“, слѣдовательно, событіе отнесено почему-то къ 1499 (sic) году.

Мнѣніе Кантемира не стоитъ одиноко. Какъ ни странно, но подобную же мысль высказываетъ и Паисій Самоковскій въ своей „Исторіи словѣноболгарской“, написанной до 1762 года. Измѣнены только историческіе факты, и „изгнаніе“ латинскихъ буквъ отнесено къ болѣе раннему времени. По словамъ Паисія [1]), основатель второго болгарскаго царства императоръ Асѣнь (1186—1197) пригласилъ изъ Охрида извѣстнаго церковнаго писателя архіеп. Θеофилакта (повидимому, автора Толкованій на Евангелія) и сдѣлалъ его тырновскимъ (sic) патріархомъ, а затѣмъ, по побужденію (?) послѣдняго, перешелъ Дунай, занялъ области, составляющія въ настоящее время Валахію и Молдавію, и заставилъ влаховъ, читавшихъ до того времени на латинскомъ языкѣ, отступить отъ римской церкви и читать на языкѣ болгарскомъ. Откуда Паисій могъ заимствовать подобныя свѣдѣнія? Какъ увидимъ дальше, нѣкоторые румынскіе историки увѣрены, что и Паисію были извѣстны какіе-то недошедшіе до насъ источники. Но по нашему мнѣнію, Паисій пользовался скорѣе всего „Славянской Исторіей“ Георгія Бранковича, доведенной до 1686 года. Подъ 873 годомъ бывшій деспотъ помѣщаетъ слѣдующее извѣстіе: „6381. Послѣ того, какъ всѣ болгаре приняли святое и православное крещеніе, они прогнали отъ себя всѣхъ латинскихъ священниковъ и перешли въ греческую вѣру; великій патріархъ ихъ живетъ въ настоящее время въ Царьградѣ“ [2]). А такъ-какъ Паисій зналъ объ участіи румынъ

---

[1]) Будапештское изданіе 1844 года. Румынскій переводъ въ „Uricariu“ de *Codrescu*, t. III, p. 105—109.

[2]) Извѣстенъ румынскій переводъ этой „Исторіи“, *Revista critica-literara*, an. I, № 8—9, p. 372, что заставило А. Денсушяну даже причислить Бранковича къ числу румынскихъ (!) хронистовъ, Istoria limbei și literaturei, ed. II, p. 225.

въ образованіи второй болгарской имперіи и о болгарскихъ завоеваніяхъ на сѣверѣ отъ Дуная, то весь его разсказъ легко могъ принять подобную окраску; съ другой стороны, хронологическіе вопросы оставлены были безъ вниманія. Припомнимъ, напримѣръ, что онъ считалъ патр. Евѳимія тырновскаго ученикомъ того же архіеп. Ѳеофилакта. Наконецъ, Паисій могъ смѣшать Ѳеоктиста съ Ѳеофилактомъ. Какъ-бы то ни было, но въ нашихъ глазахъ очень цѣнной представляется догадка П. Сырку о трансильванскомъ источникѣ подобнаго толкованія у Кантемира: Георгій писалъ въ Австріи, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него въ Австріи же собиралъ матерьялы и Паисій [1]). Тѣмъ не менѣе, сообщеніе Паисія нашло себѣ объясненіе такого же точно направленія, въ какомъ толковалось оно Кантемиромъ. Извѣстный патріотъ и писатель молдавскій Георгій Асаки говоритъ, будто благочестивый императоръ Іоаннъ Асѣнь, основатель второго болгаро-румынскаго царства, въ 1195 году явился къ румынамъ, жившимъ на сѣверъ отъ Дуная, и покоривъ ихъ, выгналъ изъ страны латинскихъ миссіонеровъ; а чтобы навсегда преградить имъ путь въ эту страну, онъ запретилъ румынамъ читать латинскія книги подъ угрозой лишенья (отрѣзанья) языка, если онъ найдетъ кого-нибудь за чтеніемъ книгъ на латинскомъ языкѣ [2]). Это извѣстіе, льстящее національному самолюбію румынъ, очень занимало румынскихъ историковъ, а Ааронъ Денсушяну пытается доказать, если не достовѣрность, то по крайней мѣрѣ правдоподобность извѣстія. „Болгарскій хронистъ (sic),—говоритъ онъ,—ссылается на какія-то древнія рукописныя книги. Существовали-ли такія книги? Что заключалось въ нихъ на самомъ дѣлѣ и гдѣ онѣ теперь? — Вотъ вопросы, на которые не находимъ отвѣта, но съ которыми по существу согласны преданія у Кантемира и Игнатія Луки“.

---

[1]) *Archiv für slav. Philologie*, bd. XXII, 2—3, Смѣсь.
[2]) Calendarul pentru romȃni. Anul de la Hristos 1868, p. 6.

Далѣе румынскій филологъ предполагаетъ, что такія книги дѣйствительно существовали, но были уничтожены въ концѣ XIII вѣка (?), когда снова возгорѣлся вопросъ о соединеніи восточной церкви съ западной; при этомъ г. Денсушяну ссылается на извѣстные факты уничтоженія славянскихъ рукописей греками и турками въ Болгаріи, а отсюда уже дѣлаетъ заключеніе, что „и болгарское духовенство, въ свою очередь, практиковало подобный же способъ гдѣ только могло“ [1]). Еще болѣе характернымъ оказывается мнѣніе El. Regnault'а, который смѣшиваетъ посольство Цамблака въ Охридъ съ другими фактами, и въ концѣ концовъ у него получилась такая амальгама: „Долгое время эти двѣ страны (Валахія и Молдавія) держались греческаго обряда и латинскаго православія; простой народъ держался перваго, господари и бояре тяготѣли къ Риму. Въ 1440 году архіепископъ и митрополитъ молдавскій Григорій Цамбликъ (sic), рѣшаетъ вопросъ въ пользу схизмы, приказываетъ сжечь всѣ латинскія книги и перевести библію, а также литургическія книги кирилловскими буквами; и литургію начали служить на славянскомъ языкѣ, котораго ни народъ, ни священники не понимали“ [2]).

Такимъ образомъ, въ глазахъ многихъ историковъ Цамблакъ является не столько мирнымъ насадителемъ славянской культуры въ Молдавіи, сколько гонителемъ культуры латинской. Что первое вполнѣ справедливо, это мы увидимъ по нѣсколькимъ слѣдующимъ страницамъ; что же касается второго, то оно являлось неизбѣжнымъ выводомъ изъ перваго и стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ румынскихъ ученыхъ на „славянское вліяніе“, которое въ большинствѣ книгъ по исторіи румынскаго языка помѣщается въ отдѣлъ „вліяній пассивныхъ“, какъ напримѣръ у А. Денсушяну. „Одной изъ

---

[1]) Istoria limbei și literaturei române, ed. 2, pp. 78—79.

[2]) Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855, p. 47.

самыхъ пагубныхъ случайностей для языка, культуры и даже для сохраненія римскаго элемента, было соприкосновеніе румынъ со славянами и введеніе славянскаго языка въ церковь и государство", — говоритъ онъ. Единственнымъ спасеніемъ въ данномъ случаѣ оказалась сравнительно поздняя эпоха этихъ заимствованій. Вслѣдствіе того, что знакомство румынъ со славянами относится къ VI вѣку [1]), когда румынскій языкъ былъ вполнѣ уже сформированъ, — вліяніе славянскаго языка не коснулось уже строя, а только лексическаго состава румынскаго языка, оставивъ въ немъ множество славянскихъ словъ [2]). Что же касается разсказа Кантемира о латинской азбукѣ, вытѣсненной славянскими книгами, то г. Денсушяну рѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя единственнымъ изъ доказательствъ, о которомъ можно говорить, служитъ латинская терминологія, касающаяся „письма и книги", напримѣръ: scriu, или архаич. scriptu, scrisoare, scriitor, scriptura (намъ кажется, что дѣло не обошлось безъ вліянія термина sânta scriptura, см. выше стр. 56), pèna—перо (г. Денсушяну забылъ, что это же слово служитъ и для опредѣленія „перьевъ птицъ"), calamariu (мы думаемъ, что не отъ calamus, а отъ καλάμινος), carte, hârtie (скорѣе отъ χαρτίον или же отъ χαρτία), foie (несомнѣнно, отъ folium; но и „листья" въ ботаническомъ значеніи называются тѣмъ же словомъ). Такимъ образомъ, остается ссылка г. Денсушяну на condeiu—перо, которымъ румынки и въ настоящее время

---

[1]) Мы думаемъ, что VI вѣкъ—слишкомъ поздняя дата, такъ какъ послѣднія изысканія Л. Нидерле какъ-бы оправдываютъ старое, совсѣмъ почти отвергнутое извѣстіе первоначальной кіевской лѣтописи о раннихъ славянскихъ поселеніяхъ на Дунаѣ и притѣсненіяхъ славянъ со стороны „волоховъ".

[2]) Istoria limbei şi literaturei romăne, ed. 2, p. 75. Размѣры нашей работы не позволяютъ останавливаться болѣе подробно на этомъ вопросѣ. Укажемъ только, что сынъ Аарона, Овидъ Денсушяну, одинъ изъ немногихъ румынскихъ лингвистовъ смотритъ на славянское вліяніе безпристрастно, Histoire de la langue roumaine, Paris, 1901—1902.

выцарапываютъ узоры на писанкахъ [1]). Румынскій филологъ увѣренъ, что это—остатокъ римской старины, то самое орудіе, которымъ писали на Tabulae ceratae, найденныхъ, между прочимъ, и въ предѣлахъ трояновой Дакіи вмѣстѣ съ древнимъ металлическимъ перомъ и относящихся къ 139—167 гг. по Р. Хр. Но извѣстно, что codicilla cerata употреблялись не у однихъ римлянъ, а „восковой“ способъ приготовленія писанокъ извѣстенъ, кажется, всѣмъ славянамъ. Такимъ образомъ, остается предполагать, что латинская письменность или совсѣмъ не была извѣстна румынамъ или же, во всякомъ случаѣ, не процвѣтала у пастуховъ-валаховъ, какими румыны были до XIII вѣка. Въ противовѣсъ краткому списку у г. Денсушяну, приведемъ нѣкоторыя слова изъ школьно-книжной терминологіи у румынъ несомнѣнно-славянскаго происхожденія, сохранившіяся отчасти и въ живомъ языкѣ: Апо́стол, бесяʹдъ—бесѣда, буʹкиле—буквы, букоа́внъ—азбука, букова́р—букварь, бъде́ніе—бдѣніе, вяʹк—вѣкъ, да́скал—дьякъ, грама́тик, Златоуʹст—книга І. Зл., за́пис—приписка, Ивангéліе, изво̀д, искъл̀и—подписать (отъ изкалити), испиʹсок—документъ, испитиʹре—экзаменъ, каза́ніе—проповѣдь, ко́ндика—собраніе актовъ, лят—годъ, въ смыслѣ „даты“, чаще въляʹтул (въ лѣто), летопиʹсъц, нъук—неукъ, обеде́ніе—обѣдня, Октóих, панафиʹдъ—панихида, печéтя—печать, писа́піиле—надписи старыя, повéстя—разсказъ, пофтор̀и, пра́зник, пръзну̀и прилéж—прилежный, предослóвіе, проповеду̀и прочита́ніе, Тиʹпик, Тріо́д, тълмъч̀и—переводить, тылк, тылкова́ніе, тылку̀и, утрéніе, цыркóвник, Часослòв, черпяʹлъ—чернила, чет̀и—читать и т. д.

[1]) Денсушяну—ссылается на книгу *I. F. Neigebauer*'а, Daciens aus den Ueberresten des dacischen Alterthums etc. Kronnstadt. 1851, который говоритъ объ этомъ болѣе подробно. „Noch leben in Verespatek Menschen, welche sie (die Tafel) damals, als sie in einem alten trocknen Bergwerk gefunden ward, gesehen haben. Man hat dabei zugleich einen Griffel zum Schreiben gefunden, den die Walachen *conde* (sic) nannten, weil sie sich eines ähnlichen bedienen, den sie warm machen, um mit Wachs ihre Ostereier zu beschreiben“, s. 187.

Едва-ли также какое-нибудь значеніе имѣетъ ссылка г. Денсушяну на латинскія подписи трехъ епископовъ Дакіи на постановленіяхъ Сардикійскаго собора 347 года и нѣсколькихъ балканскихъ іерарховъ на соборѣ Халкедонскомъ въ 451 году. Отношеніе ихъ къ румынамъ и ко всему вопросу— самое отдаленное; кромѣ того, интересно знать, на какомъ иномъ языкѣ, думаетъ румынскій филологъ, могли подписаться епископы бывшихъ римскихъ провинцій въ IV—V вѣкѣ. Затѣмъ у него слѣдуютъ еще болѣе фантастическія доказательства, основанныя на показаніяхъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей— Іеронима, Августина, Григорія Великаго, — что для распространенія христіанства проповѣдь велась обыкновенно на языкѣ вульгарномъ, народномъ (rustico sermone, lingua rustica romana) и что этотъ принципъ распространялся не только на живое поученіе, но также и на наиболѣе существенныя службы, на Символъ Вѣры, Молитву Господню и т. д. [1]). Соглашаясь съ этимъ, тѣмъ не менѣе мы не видимъ никакого отношенія всего этого къ вопросу о существованіи у румынъ латинской азбуки до флорентійскаго собора. Наконецъ, въ народной румынской поэзіи, въ нѣсколькихъ эпическихъ пѣсняхъ, г. Денсушяну нашелъ упоминанія какихъ-то „латинскихъ буквъ“ или „знаковъ“ (semne latinesci) и „латинской азбуки, грамоты“ (cartea latineasca). Но на основаніи нашихъ собственныхъ записей, сдѣланныхъ въ Румыніи, мы можемъ утверждать что въ тѣхъ же самыхъ пѣсняхъ упоминаются не латинскія, а *славянскія* надписи: „cu slovele slavenesci, purtând semne slovinesci“, „scie cartea slavoneasca“, или же „româneasca“ и т. д. Поэтому изданные Александри и Теодореску пѣсни [2]) представляются намъ наивной латинизаціей.

---

[1]) Istoria limbei și literaturei, pp. 98—99.

[2]) Напримѣръ, у В. Александри читается такое мѣсто: „покрыли ихъ шелковой матеріей, отнесли въ церковь, положили въ два гроба,— гробы прекрасные, царскіе, съ латинскими знаками“, Poesiei populare, p. 21; у Фундеску - „есть у насъ и фирманъ съ печатями отъ царя; кто

Никакого значенія не имѣютъ также ссылки г. Денсушяну на латинскія надписи на монетахъ валашскихъ и молдавскихъ господарей, начиная съ конца XIV вѣка, и подписи нѣкоторыхъ господарей и логофетовъ въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ-какъ отрицать знаніе латинскаго языка наиболѣе образованными румынскими сановниками никто, конечно, не станетъ; монетчики были главнымъ образомъ иностранцы, а деньги предназначались для транзитной торговли. Наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка появляются спорадически и печатныя румынскія изданія латинскими буквами.

Тѣмъ же вопросамъ А. Денсушяну посвятилъ спеціальную статью, „Языкъ (религіознаго) культа у румынъ въ до-славянскую эпоху“ [1]). Авторъ повторяетъ сказанное имъ въ „Исторіи румынскаго языка и литературы“ и подкрѣпляетъ довольно слабыми доказательствами свою прежнюю мысль, будто языкомъ культа обитателей траяновой Дакіи могъ быть только латинскій (стр. 6), а послѣ оставленія римскихъ провинцій Авреліаномъ въ 274 году, народъ мало по малу забывалъ оффиціально-церковныя латинскіе термины и сохранялъ только вульгарныя названія (стр. 10). Затѣмъ г. Денсушяну предлагаетъ слѣдующія альтернативы:

1) „Въ до-славянскую эпоху не было румынскихъ богослужебныхъ книгъ, что̀ находитъ себѣ подкрѣпленіе еще въ томъ, что всѣ извѣстныя до сихъ поръ такія книги не даютъ никакихъ слѣдовъ своего существованія и въ эпоху до-славянскую, а напротивъ, не оставляютъ сомнѣній, что переведены онѣ какъ разъ въ указанную эпоху. Одна только Шкеянская Псалтырь представляетъ элементы, существовавшіе въ до-

знаетъ латинскую грамоту—пусть прійдетъ и читаетъ“, Basme, oraţii, ed. III, p. 147; у Теодореску: „вотъ латинская книга, стойте: ее вамъ прочтутъ,“... „позовите священника, потому что онъ знаетъ по латыни“, Poesii populare, p. 171 и др. Объясняя пѣсню „Inelul şi Naframa“, Александри говоритъ: „то-есть надписи латинскими буквами, что́ бываетъ обыкновенно (!!) на саркофагахъ“ (?). Autori români. Bucuresci, 94, p. 51.

[1]). *Revista critica-literara*, an. V, 1897, № 1, pp. 1—14.

славянскую эпоху и исчезнувшіе втеченіе ея, а именно, до начала печатанія церковныхъ книгъ. При всемъ томъ, всѣ эти элементы настолько незначительны, что не могутъ служить достаточными доказательствами. Съ другой стороны, предъ нами на лицо фактъ сохраненія латинскихъ словъ, относящихся къ номенклатурѣ „письма“ (ср. выше, стр. 314). Изъ этого слѣдуетъ, что „практика писанія“ никогда не забывалась румынскимъ народомъ. Отсюда—выводъ: румыны писали на своемъ языкѣ, хотя и очень мало, и, конечно, только книги, касающіяся религіи.

2) „Но если и существовали такія книги, то онѣ предназначались только для самыхъ существенныхъ нуждъ, а затѣмъ исчезли, или въ славянскую эпоху, или же, скорѣе всего, послѣ того, какъ начали переводить церковныя книги на румынскій языкъ. Относительно исчезновенія болѣе древнихъ книгъ существуетъ, если не вполнѣ неопровержимое историческое свидѣтельство, то во всякомъ случаѣ нѣчто большее, чѣмъ преданіе, будто болгары, при введеніи славянскаго языка въ церковь, сожгли и уничтожили всѣ церковныя книги.

3) „Оффиціальнымъ церковнымъ языкомъ у румынъ по эту сторону Дуная въ до-славянскую эпоху былъ языкъ латинскій, а живой народный языкъ употреблялся (?) только въ актахъ, относившихся непосредственно къ народу, напримѣръ, при крещеніи, бракѣ, поминкахъ, молитвахъ и въ первоначальномъ ученіи вѣры, точно такъ же, какъ это явствуетъ изъ славянской эпохи, когда, паряду съ оффиціально-церковнымъ языкомъ и книгами, существовали и румынскіе переводы“ [1]).

Вполнѣ естественно, вмѣстѣ съ Денсушяну, задать вопросъ: „чѣмъ же можно объяснить такое легкое введеніе въ церковь славянскаго языка у румынъ румыно-болгарскаго цар-

[1]) Кромѣ того, г. Денсушяну думаетъ, что неграмотное населеніе, не знавшее по латыни и по славянски, „само (?) создало повседневныя (sic) молитвы“ (стр. 12), причемъ ссылается на „Poesii populare“ de *G. Teodorescu*, pp. 188—189. Обращаясь къ цитованной книгѣ, мы нахо-

ства и траяновой Дакіи, а съ другой стороны, введеніе греческаго языка у остальныхъ румынъ, оставшихся подъ властью грековъ?". Ввиду того, что никакихъ доказательствъ не имѣется, повидимому, и не можетъ быть, то г. Денсушяну пытается объяснить сообщеніе Паисія Самоковскаго, но не ad-literam. Прежде всего онъ думаетъ, что румыны имперіи византійской и румыно-болгарскаго царства составляли военный элементъ. Въ то время, какъ они сражались за грековъ и за болгаръ и проводили все время на поляхъ сраженій, сами греки и болгаре, вмѣстѣ съ монахами, священниками и чиновниками, вѣдали внутреннія дѣла, церковныя, литературныя и экономическія, и во всемъ этомъ они соблюдали, конечно, свои интересы. Румыны же, занятые войной, относились къ религіознымъ вопросамъ довольно безразлично, латинскій языкъ сталъ постепенно забываться, а болгарскій былъ имъ непонятенъ. Этимъ только и можно объяснить введеніе славянскаго языка въ церковь безъ всякаго протеста со стороны румынъ. Что же касается румынъ траяновой Дакіи, то не слѣдуетъ забывать, что всѣ соборы и синоды всѣми средствами боролись противъ всякаго рода остатковъ и слѣдовъ языческой религіи съ ея праздниками, обычаями и жертвоприношеніями, а начиная съ Константина Великаго, и византійскіе императоры издавали законы, запрещавшіе языческія вѣрованія подъ страхомъ конфискаціи имущества, изгнанія и казни, а также разрушая храмы и алтари; не смотря на всѣ эти мѣры, у румынъ придунайскихъ провинцій сохранился цѣлый циклъ такихъ повѣрій, праздниковъ и божествъ римскаго языческаго происхожденія, какихъ не знаютъ ни другіе

димъ здѣсь двѣ полныя *апокрифическія* молитвы св. Никитѣ объ изгнаніи дьявола и четыре варьянта изъ нея же, принятыя г. Теодореску за самостоятельныя „дѣтскія молитвы ангелу-хранителю". Такимъ образомъ, становится непонятнымъ, почему популярныя легенды о св. Никитѣ, распространившіяся изъ письменности до мѣдныхъ крестовъ, иконъ и народныхъ пѣсенъ, приняты г. Денсушяну за „созданіе" румынскаго народа.

романскіе народы, ни греки. Это можно объяснить тѣмъ, что на румынъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, не распространялись мѣропріятія византійскихъ императоровъ втеченіе всего періода переселенія народовъ, такъ-какъ ни церковь у румынъ не находилась подъ властью восточной церкви, ни государственная администрація (стр. 12—14).

Другое объясненіе того же явленія, но имѣющее ввиду болѣе позднее время, принадлежитъ публицисту и экономисту, члену бессарабской ученой архивной коммиссіи Д. Д. Суручану, который, „на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи документовъ, возбудилъ вопросъ о стародавнемъ общинномъ устройствѣ у бессарабскихъ резешей и высказалъ убѣжденіе, что резеши—коренные (?) жители страны, лишь временно скрывавшіеся въ дремучихъ кодрахъ (лѣсахъ) въ эпоху великаго переселенія народовъ (!!). Избѣгая вооруженныхъ столкновеній съ дикими ордами, резеши жили въ лѣсахъ маленькими общинами и потому долго не проявляли никакого культурнаго прогресса. Вотъ почему, съ прекращеніемъ движенія дикихъ народовъ, болгарская письменность и самый языкъ, безъ всякихъ столкновеній революціоннаго характера, проникли въ канцеляріи и храмы румынъ; отсталость заставила послѣднихъ перенять многое у сосѣдей въ совершенно готовомъ видѣ, безъ попытокъ преобразовать и приспособить перенятое къ національнымъ особенностямъ“ [1]).

[1]) *Труды Бессар. губ. ученой архивн. Комм.*, т. I Кишиневъ, 1900. Протоколы, стр. 387. Согласиться съ первымъ мнѣніемъ референта нельзя, такъ какъ происхожденіе резешей т. е. однодворцевъ), какъ правового института, относится къ болѣе позднему времени. Д. Суручану осталась неизвѣстной книга румынскаго лингвиста *A. I. Philippide*, „Замѣтки о соціальномъ положеніи румынскаго народа въ прошломъ“. Iassy, 1881. Первая часть ея посвящена характеристикѣ народнаго взгляда на собственность и семью по пѣснямъ, преимущественно гайдуцкимъ. Здѣсь авторъ рисуетъ, хорошо извѣстную разбойничьей поэзіи и другихъ народовъ, высокую соціальную миссію, которую народъ приписываетъ своимъ защитникамъ-гайдукамъ. Вторая часть работы посвящена разбору цѣлаго ряда юридическихъ документовъ XV—XVI вв. А. Филипиди разсматриваетъ прежде всего свидѣтельства старыхъ румынскихъ истори-

Итакъ, попытки румынскихъ ученыхъ доказать существованіе у румынъ латинскихъ книгъ и азбуки до посольства Цамблака въ Охридъ, оказываются малоубѣдительными. Они напрасно игнорировали славянскія грамоты конца XIV вѣка, вышедшія изъ воеводскихъ канцелярій Валахіи и Молдавіи. Если не ошибаемся, первый, кто основательно разрушилъ оригинальное мнѣніе Д. Кантемира, былъ преосв. Мелхиседекъ. Въ приложеніи къ изданной имъ въ 1869 году „Исторіи города Хушь и хушской епископіи“, онъ выставилъ слѣдующія положенія, подкрѣпивъ ихъ вѣскими доводами:

1) „Кантемиръ ошибается, связывая это нововведеніе съ дѣятельностью Александра Добраго, котораго уже не было въ живыхъ во время засѣданій флорентійскаго собора; кромѣ того, исторія не знаетъ митр. Ѳеоктиста, какъ современника Александра.

2) „Не справедливо и то, будто славянская письменность впервые введена въ Молдавіи послѣ флорентійскаго собора, ввидѣ какой-то предупредительной мѣры противъ латинства, и что до того времени въ Молдавіи употреблялась латинская азбука и письменность, потому-что а) не найдено ни одного документа, изъ котораго видно было бы, что молдоване писали на родномъ языкѣ и латинскими буквами ранѣе упомянутаго собора, т. е. до 1440 года; б) напротивъ, памятники славянской литературы существовали въ Молдавіи значительно раньше флорентійскаго собора; они служатъ доказательствомъ того, что не только въ началѣ XV вѣка, при Александрѣ Добромъ,

---

ковъ, изъ которыхъ нѣкоторые утверждали, что до прихода въ Молдавію Драгоша изъ Марамуреша, страна не была заселена, и первый же господарь награждалъ новыхъ переселенцевъ свободной землей. Другіе ученые, напримѣръ, Balcescu, думали, что Драгошъ нашелъ въ Молдавіи старое населенія; а для раздачи земельныхъ участковъ своимъ воинамъ въ награду за вѣрную службу, господари должны были покупать землю у собственниковъ. Филиппиди придерживается перваго мнѣнія, соглашаясь, однако, съ своими предшественниками въ томъ, что только часть земли, дѣйствительно, принадлежала старому населенію господарства, Incercare asupra starei sociale a poporului român, pp. 44 passim.

но и въ XIV вѣкѣ славянская письменность господствовала такъ же, какъ и въ послѣдующее время".

Затѣмъ историкъ приводитъ славянскіе тексты нигдѣ не напечатанныхъ грамотъ или же только ссылается на факты, извѣстные по другимъ изданіямъ, начиная съ 1392 года, „то есть за 48 лѣтъ до флорентійскаго собора", и кончая XVII вѣкомъ [1]).

Впрочемъ, такой способъ доказательства Мелхиседека въ настоящее время кажется нѣсколько наивнымъ, такъ-какъ едва-ли кто-нибудь станетъ спорить относительно славянскаго облика всей старой культуры. Какъ извѣстно, придунайскія княжества, Валахія и Молдавія, раскинувшіяся отъ снѣговыхъ Карпатъ до дунайскихъ водъ, о своей исторической жизни заявили въ концѣ XIII вѣка, а на аренѣ всеобщей исторіи появляются какъ разъ въ то время, когда на косовской равнинѣ пали послѣдніе защитники самостоятельныхъ славянскихъ державъ. Подъ начальствомъ престарѣлаго Лазаря соединились союзныя войска сербовъ, боснійцевъ, болгаръ, албанцевъ, валаховъ, посланныхъ господаремъ Мирчей, и молдованъ господаря Петра Мушата. Впослѣдствіи и оба румынскія княжества подпали подъ турецкое владычество. Правда, тяготѣвшее надъ Молдавіей и Валахіей владычество турокъ не оказало такого же вліянія на внутреннюю жизнь румынскаго народа, какъ это было въ сосѣднихъ славянскихъ областяхъ, въ особенности въ Болгаріи. Ихъ господари были полновластными правителями во всемъ, что̀ касалось внутреннихъ вопросовъ; во внѣшнихъ же дѣлахъ они не имѣли права поступать самостоятельно безъ вѣдома султана; кромѣ того, должны были выплачивать нѣкоторую дань. Впрочемъ, первое далеко не всегда исполнялось. Такимъ образомъ, мусульманское иго очень мало препятствовало свободному развитію культурной румынской жизни, и славяно-румынская литература и искусство

---

[1]) Chronica Huşilor şi a episcopiei cu asemenea numire etc. Bucuresci, an. 1869. Apendice, pp. 1—98.

могли безъ всякихъ препятствій процвѣтать и спокойно развиваться подъ защитой надежныхъ каменныхъ стѣнъ, которыми окружены были старинные православные монастыри,— эти лучшіе разсадники средневѣкового просвѣщенія и дѣятельные поборники православія. О необыкновенномъ развитіи монастырской жизни мы говорили раньше (стр. 58—59); въ большинствѣ румынскихъ монастырей монахи считались сотнями, потому-что до половины XIX вѣка ряды ихъ постоянно заполнялись вдовыми священниками, которые обязательно должны были принимать постриженіе. Тоже можно сказать и о количествѣ обителей. „Ни одна страна не располагала такимъ большимъ числомъ монастырей, скитовъ и церквей, какъ Румынія,—говоритъ извѣстный статистикъ Д. Фрунзеску [1]).— Это служитъ свидѣтельствомъ непоколебимой вѣры нашихъ предковъ въ Бога и живого расположенія ихъ къ благотворенію: многія церкви основаны господарями и начальниками румынскихъ войскъ, послѣ побѣдъ надъ врагами страны [2]). Куда ни обратишь взоръ, всюду увидишь монастырь, скитъ или церковь, основанную и одаренную этими праведниками". Къ этому можно прибавить, что въ живомъ румынскомъ языкѣ слово mŏnăstirea означаетъ не только монастырь, но и всякій каменный храмъ, и что въ началѣ 70 годовъ прошлаго столѣтія общее число церквей въ Румыніи доходило до семи тысячъ,—цифра необыкновенно высокая для небольшого государства.

Вполнѣ понятно поэтому, что литература и искусство у румынъ отличались преимущественно духовнымъ направленіемъ и были славянскими не только по формѣ, но и по духу. Подробный экскурсъ въ область старинной румынской культуры

---

1) Dicționaru topograficu și statisticu. Bucur. 1872, p. XVII.

2) Дѣйствительно, въ славяно-молдавскихъ лѣтописяхъ, ктиторскихъ записяхъ и надписяхъ въ церквахъ, выраженія „възвратисѧ ѿ разбоя и създа церковь сїѫ" сдѣлались почти стереотипомъ въ извѣстіяхъ о храмахъ, основанныхъ Стефаномъ V Великимъ, отчасти, и другими господарями.

не входитъ въ наши ближайшія задачи; тѣмъ не менѣе, мы считаемъ интереснымъ привести выдержки изъ публичной лекціи на эту тему проф. И. Богдана, прочитанной въ Букурештскомъ Атенеѣ въ январѣ 1898 года [1]). Но ввиду краткости лекціи, которая должна была обнять всѣ стороны культуры, мы сдѣлаемъ нѣкоторыя добавленія въ примѣчаніяхъ:

„Подобно всѣмъ правленіямъ румынской жизни въ прошломъ, и искусство носило вполнѣ религіозный характеръ: оно предназначалось для служенія религіи. Въ этомъ отношеніи румынскія земли ничѣмъ не отличались отъ задунайскихъ странъ, Болгаріи, Сербіи и византійской имперіи. Православно-восточная церковь совершенно исключила изъ церковной орнаментики рельефныя изображенія человѣческихъ фигуръ, и это было сдѣлано съ цѣлью сохранить ученіе Христа во всей чистотѣ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о какой-то скульптурѣ, существовавшей на востокѣ и у насъ, а только объ архитектурѣ и церковной живописи, въ которыхъ господствовалъ византійскій стиль, перенесенный къ намъ изъ Болгаріи въ періодъ второй имперіи и затѣмъ прочно установившійся, благодаря продолжительному вліянію Аѳона.

„Живопись нашла себѣ примѣненіе въ двухъ отрасляхъ: украшеніи храмовъ снаружи и внутри, и иллюстраціи рукописей. Для первой цѣли служили изображенія святыхъ и сцены изъ ихъ жизни, заполнявшія собой не только иконостасы, абсиды и своды, но и всѣ внутреннія стѣны наиболѣе богатыхъ церквей; поэтому взору богомольца представлялся весь новый и ветхій завѣтъ, сгруппированный традиціоннымъ способомъ.

„Восточная церковь не представляла живописцу много свободы [2]). На востокѣ, особенно въ трехъ главныхъ центрахъ—

---

[1]) Luptele romînilor cu turcii pana-la Mihai-Viteazul. Cultura veche romîna. Doua conferinţe de *I. Bogdan*. Bucureşti, 1898, pp. 41—84.

[2]) Послѣднее справедливо только какъ общее правило. Авторъ упустилъ изъ виду, что румынскій художникъ не всегда могъ строго слѣдовать тѣмъ образцамъ, которые давались ему заказчиками или же рекомендовались его византійскими учителями. Окружающая жизнь съ ея

Константинополѣ, Александріи и Антіохіи—были установлены опредѣленныя правила, по которымъ художникъ долженъ былъ трактовать извѣстный религіозный сюжетъ. Богъ-Отецъ, Іисусъ Христосъ, Марія и всѣ святые, каждый отличался опредѣленнымъ типомъ; точно такъ же были фиксированы сцены изъ но-

---

характерными явленіями невольно переносилась на штукатурку, и въ нашихъ глазахъ такія исключенія имѣютъ неоцѣнимое значеніе. Возьмемъ для примѣра описаніе фресокъ въ одной каменной церкви, основанной молдавскимъ господаремъ Стефаномъ Великимъ въ XV вѣкѣ. Алеппскій дьяконъ Павелъ, посѣтившій Молдавію въ половинѣ XVII вѣка, подробно описываетъ стѣнныя росписи Васлуйскаго храма: „здѣсь, въ Васлуѣ,—говоритъ онъ,—имѣются дворцы, бани и загородныя дачи, также обширная, высокая, величественная церковь съ очень возвышеннымъ куполомъ, окруженная аркадами и сводами, на которыхъ находятся изображенія и иконы всѣхъ святыхъ. Надъ вратами церкви, во всю стѣну сверху до низу, нарисованъ Страшный Судъ, съ золотомъ и лазурью, гдѣ представленъ Моисей, ведущій къ Господу Анну, Каіафу и другихъ іудеевъ съ отталкивающей наружностью. Позади нихъ—другая толпа, состоящая изъ турокъ въ бѣлыхъ шаляхъ и чалмахъ, въ широкихъ, развивающихся зеленыхъ кафтанахъ, съ висящими позади длинными рукавами, въ „харимахъ" или праздничныхъ платьяхъ изъ желтой шерсти. Ихъ сопровождаютъ дервиши. Позади и среди нихъ черти, которые ихъ подталкиваютъ и дразнятъ. Во главѣ ихъ идетъ самъ сатана въ шапкѣ, а одинъ изъ злыхъ чертей карабкается ему на плечи и срываетъ съ него шапку". Очевидно, художникъ не могъ равнодушно пропустить удобнаго, по его мнѣнію, случая, чтобы хоть этимъ, въ сущности очень наивнымъ, способомъ не выразить своей ненависти къ тѣмъ туркамъ, иго которыхъ тяготѣло надъ Придунайскими странами втеченіе четырехъ столѣтій. Припомнимъ также, что изображеніе извѣстныхъ лицъ среди грѣшниковъ въ аду вообще практиковалось въ средніе вѣка. На воротахъ Нямецкаго монастыря написаны сцены изъ „Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ", изъ синайскаго и палестинскаго Патериковъ; въ ясской церкви Трехъ святителей—такая же толпа турокъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, въ чалмахъ и шапкахъ, группы звѣрей, птицъ, гадовъ и растеній—на стихъ „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа"; группы танцующихъ, играющихъ и поющихъ юношей и дѣвъ—на стихъ „Хвалите Господа во святыхъ Его, хвалите Его въ тимпанѣ, въ псалтири"...; стѣны митрополичьей церкви Тырговища, по словамъ того же арабскаго туриста, росписаны „чудесными изображеніями тварей земныхъ и морскихъ, также изображеніями Іерусалима и его монастырей, всей горы Божіей Синайской и Аѳонской, съ 24 монастырями и моремъ"; наконецъ, въ другой валашской церкви Павелъ отмѣтилъ композицію, иллюстрирующую стихъ „О тебѣ радуется", сцену „какъ ангелъ учитъ Адама копать землю желѣзной лопатой" и т. д. *Искусство и художественная промышленность*, 1901, № 5, стр. 148—151.

ваго и ветхаго завѣта. Застылость формъ, отсутствіе выраженія въ лицахъ, которыя должны были символизировать постоянное страданіе и сокрушеніе о грѣховности міра, устойчивость въ группировкѣ фигуръ на сценахъ, — всѣ эти отличительныя черты поздняго византійскаго искусства перешли и къ намъ. Но, кажется, нашимъ предкамъ не очень нравились длинныя и болѣзненныя лица византійскихъ святыхъ; у насъ онѣ были нѣсколько круглѣе, полнѣе, веселѣе [1]). Мы не хотимъ отсюда дѣлать выводъ о какой то оригинальности, такъ какъ духъ церковности не допускалъ этого. Правила для церковной живописи были установлены въ XII вѣкѣ Эммануиломъ Панселиномъ, по нимъ въ XVI вѣкѣ аѳонскій монахъ Діонисій составилъ полное руководство по живописи, оставшееся для востока неоспоримымъ авторитетомъ и до нашихъ дней. Произведенія нашей старой живописи слѣдуютъ правиламъ этого именно руководства, а также живописи, произведенной на основаніи его же на Аѳонѣ; и это замѣчается не только въ области сюжетовъ, но и самыхъ мельчайшихъ техническихъ деталей [2]). Эта православная традиція имѣла дурныя послѣдствія для простонародной живописи: старые портреты господарей и другихъ ктиторовъ церкви обезличены аскетической

---

[1]) Можно было бы сказать, что происходила „національзація святыхъ", что замѣчается и въ московскомъ письмѣ, сравнительно съ новгородскимъ.

[2]) Затѣмъ г. Богданъ говоритъ о фрескахъ Успенскаго собора въ Москвѣ, сохранившаго древнюю византійскую (?) живопись во всей ея неприкосновенности (?), но своимъ внутреннимъ видомъ не уступающаго румынскимъ церквамъ второй руки, р. 63. Характерная черта румынскихъ храмовъ—многочисленныя стѣнныя росписи, покрывающія стѣны храмовъ не только внутри, но и снаружи, такъ что издали его можно принять, какъ удачно выражается одинъ нѣмецкій туристъ, — за ярко раскрашенный сундукъ. И въ самомъ дѣлѣ: румынскіе живописцы не оставляли ни одного свободнаго мѣста на стѣнѣ, потолкѣ, окнахъ, дверяхъ и т. д., гдѣ только можно было изобразить ликъ святого, событіе изъ библейской исторіи, наконецъ, орнаментъ. Но наружныя изображенія были въ большинствѣ случаевъ, такъ сказать, полу-свѣтскаго содержанія. Излюбленными темами для нихъ служили византійскія апокрифическія сказанія, разныя повѣсти, изображенія святыхъ мѣстъ, притчи

тенденціей художниковъ [1]), а на пейзажъ они не обращаютъ никакого вниманія [2]); перспектива также очень примитивна".

„Но если фрески не отличаются красотой или особенной оригинальностью, то мы знаемъ другой родъ живописи—миніатюры рукописей, которыя достигли у насъ высокой степени совершенства. Подъ миніатюрами мы понимаемъ не только изображенія евангелистовъ и святыхъ въ Евангеліяхъ и дру-

---

изъ патериковъ, портреты почившихъ румынскихъ іерарховъ, игуменовъ и воеводъ, принимавшихъ участіе въ построеніи или украшеніи данной обители. Промежутки между картинами заполнялись цвѣточными или просто ковровыми орнаментами, причемъ, цвѣты, листья и вѣтви стилизовались. Геометрическіе узоры стоятъ на второмъ планѣ.

[1]) Портреты господарей съ ихъ семьями обыкновенно изображались на той стѣнѣ храма, которая находится противъ иконостаса. Господари рисовались всегда во весь ростъ, нѣсколько больше натуральной величины, въ парадной византійской царской одеждѣ, гдѣ дорогія красныя или зеленыя матеріи чередовались съ шитыми золотомъ украшеніями и крупными камнями. Господарь стоитъ по правую сторону, его княгиня—по лѣвую, дѣти группируются между ними. Они поддерживаютъ модель храма, а свободной рукой показываютъ на него, этимъ какъ-бы желая сказать, что на ихъ средства, или при ихъ содѣйствіи построены прибѣжища для молитвы. Конечно, для археологіи весьма интересны и одежды господарской семьи, формы короны на головѣ, иногда оружіе и мелкіе аксессуары, но драгоцѣннѣе всего — изображенія храмовъ. Это—точнѣйшія копіи съ настоящаго храма, и того именно, въ которомъ находится самое изображеніе. Такимъ образомъ, если-бы формы куполовъ зданія, пристройки, окна или двери, окраска и т. д. со временемъ были измѣнены сравнительно съ первоначальнымъ видомъ, то по фрескамъ можно безошибочно судить о томъ, какимъ храмъ вышелъ изъ рукъ первыхъ архитекторовъ и живописцевъ. Большинство портретовъ господарей производитъ впечатлѣніе писанныхъ съ натуры или по памяти, причемъ индивидуальныя черты въ общемъ сохраняются. *Искусство и художественная промышленность*, 1901, № 5, стр. 148.

[2]) По мнѣнію Р. Мутера, животное царство и пейзажъ были „обезгрѣшены" для живописи только послѣ проповѣди Франциска Ассизскаго и Сузо. Исторія живописи. Спб. 1901, стр. 7, 8, 13, 15. Къ этому можно прибавить, что и византійскій мистицизмъ возбудилъ интересъ къ пейзажу. Въ автобіографіи Паисія Величковскаго (1794), воскресившаго въ Молдавіи греко-болгарской мистицизмъ XIV вѣка, очень часто и съ необыкновенной любовью описывается природа, перспектива лѣса, лунныя ночи, веселыя лужайки и т. д. Рукопись Спб. Академіи Наукъ, инв. кат. № 58.

гихъ богослужебныхъ книгахъ, но и всякіе орнаменты рукописей, каковы заставки и начальныя буквы" [1]).

Къ этимъ общимъ наблюденіямъ проф. Богдана мы можемъ прибавить слѣдующіе факты:

I. Въ XVI вѣкѣ въ Молдавіи существовалъ цехъ живописцевъ, писавшихъ иконы, а также миніатюры и за-

[1]) Cultura veche, pp. 61—64. Объ украшеніяхъ рукописей Молдавскаго происхожоенія подробнѣе скажемъ нѣсколько ниже. Въ болѣе старыхъ молдавскихъ рукописяхъ, преимущественно XV вѣка, находимъ такъ называемый тератологическій или звѣриный орнаментъ. Заставки состоятъ изъ разныхъ чудовищныхъ звѣрей, фантастически переплетенныхъ между собой хитрой вязью, сплетенныхъ жгутами, рѣшетками и, главнымъ образомъ, змѣями. Типичный орнаментъ тератологическаго рисунка изъ гарпій, василисковъ, драконовъ, грифовъ, химеръ, аспидовъ и другихъ фантастическихъ гадовъ, представляетъ собой прямоугольникъ, въ срединѣ котораго стоятъ лицомъ одинъ къ другому два звѣря, похожіе на реальныхъ львовъ: лишь огромные языки, сильно стилизованные и нѣсколько разъ загнутые, придаютъ звѣрямъ сверхъестественный видъ. Переднія ихъ лапы покоятся на одной изъ перекладинъ всей заставки, а заднія лапы и хвостъ, переплетаясь съ другими частями орнамента, составляютъ пестрый и оригинальный рисунокъ, запутанный ремнями и такими же чудовищными птицами, змѣиными хвостами, хаотическими извитіями и узлами. „Главный эффектъ, — говоритъ Ѳ. Буслаевъ,—разсчитанъ въ немъ не столько на затѣйливость отдѣльныхъ фигуръ животныхъ и людей, сколько на хитросплетенные узлы и перевивки ремней, въ которыхъ онѣ путаются и затягиваются. Эти отдѣльныя фигуры буквъ, съ одной стороны, представляютъ грубую передѣлку и очевидное искаженіе изображеній животныхъ натуралистическаго византійскаго стиля, а съ другой — безконечный рядъ смѣлыхъ попытокъ, при технической неумѣлости, создать нѣчто новое и необычайное, согласно безотчетнымъ привычкамъ, воспитаннымъ мѣстными условіями быта". Впрочемъ, Молдавскіе орнаменты этого стиля едва-ли имѣютъ что-нибудь оригинальное, точно такъ же, какъ и древнѣйшія болгарскія заставки или начальныя буквы, скопированныя съ какихъ-нибудь восточныхъ образцовъ. „Въ тѣ далекія времена,—продолжаетъ тотъ же ученый,—писаніе было дѣло великое, относиться къ нему слегка и какъ-нибудь было немыслимо, и ни одному славянскому писцу не пришло бы на умъ и не поднялась бы у него рука осквернить это святое дѣло какой-либо прикрасой изъ источника нечистаго. Если онъ и выводилъ въ своихъ орнаментахъ драконовъ, змѣй и разныхъ чудовищъ, то, не мудрствуя лукаво, дѣлалъ это не по собственному измышленію, а пользовался уже готовымъ преданіемъ, освященнымъ для него книгой, съ которой списывалъ, или по которой учился, и привыкалъ изображать такія фигуры". *Журн. Мин. Нар. Просв.* т. CCXXXIII, 1884 г., май, ч. II, стр. 61.

ставки на рукописяхъ. Объ этомъ мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе. Въ Четвероевангеліи 1570 года, съ изображеніями Евангелистовъ въ краскахъ и орнаментальными заставками изъ обычныхъ плетеній, хранящемся въ Сочавской митрополіи, читается слѣдующее интересное послѣсловіе: исписася и ѡковася сїи тетроевангель добримь помысломь и ѡусрдїемь къ Богꙋ, братство зꙋграфское, и ꙗко приготовишѫся, ѡни начашѫ прѣрѣковатися: нѣцїи ѿ нихь хотѣхѫ дати его до нѣкои црькве, а дрꙋѕїи хотѣахѫ его въздати до инѣхь црьквахь; занеже бѣхꙋ таковое прѣрѣкованїе междꙋ нихь, ꙗко нѣцїи ѿ зꙋграви не дадошѫ въ пѡмѡщь ницїа ꙋ весь тетрѡевангель; а кыи его сътворишѫ, они такѡ съвѣтовашѫся, ꙗко да его дадѣть въ новѣи митрѡпѡлїе Соучавѣ, ꙗкоже ѥсть и данна, идеже есть и храмь свѧтаго и славнаго великомѫченика и побѣдонѡсца Христова Георгїа и Іѡанна Новаго... а кто въсхѡщеть ѿ нась ѿ зꙋгравь ѡнакѡ прѣвратити и раздрꙋшити сїе наше даанїе и токмежѫ..., слѣдуютъ обычныя проклятія [1]).

II. Преосв. Нарцисъ Крецулеску говорилъ намъ, что при собираніи свѣдѣній по исторіи румынскихъ монастырей, ему встрѣтилось извѣстіе о существованіи въ Молдавіи въ XVI вѣкѣ странствующихъ живописцевъ, которые украшали уже готовыя рукописи миніатюрами и заставками, если въ монастырѣ не находилось искуснаго мастера. Вотъ почему, по его мнѣнію, иногда мы встрѣчаемъ рукописи съ оставленными для заставокъ свободными мѣстами и недорисованными [2]).

III. Въ валашскомъ монастырѣ Буня (jud. Dâmbovița) существовала школа иконописи, въ которой учителями были румыны. Въ началѣ XVIII вѣка однимъ изъ препода-

---

[1]) Эта запись переведена на румынскій языкъ учеными *B. Hâjdeu* и *A. Papadopol-Calimach*, причемъ они неодинаково понимали слова „братство зуграфское"; второй изъ историковъ переводилъ *братья* т. е. монахи аѳонскаго Зографскаго (sic) монастыря. *I. Bianu*, Relațiune asupra calatoriei in Galiția etc., *Analele Academiei Române*, vol VIII, 1, Anexa la pag. 10, pp. 27—28.

[2]) Славянскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 290—291.

вателей, дьякомъ Раду „зуграфомъ“, былъ составленъ Подлинникъ, сохранившійся до нашего времени [1]). Если не ошибаемся, художникъ перерисовывалъ изображенія съ румынскихъ иконъ, фресокъ, нѣкоторыхъ русскихъ иконъ и нѣмецкихъ изданій.

„Если между нашей церковной живописью и византійской не замѣчается никакой почти существенной разницы, то въ области архитектуры отмѣчены нѣкоторыя особенности, которыя показываютъ, что наши мастера, иностранные или же доморощенные, не только во всемъ копировали византійскій стиль, но дѣлали попытки—и это имъ удавалось съ полнымъ пониманіемъ дѣла и большимъ вкусомъ — примѣнять принципы южнаго архитектурнаго искусства къ спеціальнымъ потребностямъ сѣвера. Въ общемъ, архитектура нашихъ церквей заимствована съ Аѳона; громадное вліяніе этого религіознаго центра востока на румынскія земли должно было отразиться и на способахъ постройки церквей. Общепризнанъ и тотъ фактъ, что многіе церкви и монастыри Молдавіи и Валахіи, въ особенности болѣе красивые изъ нихъ, были построены аѳонскими мастерами. Впрочемъ, существуетъ разница между архитектурой византійско-румынской и чисто-византійской. Въ то время, какъ византійскія церкви въ большинствѣ случаевъ имѣютъ квадратную форму,—всѣ византійско-румынскія построены въ видѣ удлиненнаго прямоугольника; въ то время, какъ первыя имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколько придѣловъ,—въ нашихъ церквахъ только одинъ придѣлъ, который всегда имѣетъ вполнѣ опредѣленную длину, такъ-какъ основанія свода опираются на главныя стѣны, а также опредѣленную вышину, такъ-какъ при высокомъ куполѣ церковь была бы темной. На востокѣ мы также не находимъ большихъ церквей; за исключеніемъ такихъ храмовъ, какъ Святая Софія въ Константинополѣ, восточныя церкви невелики, обыкно-

---

[1]) Рукопись Букур. Націон. Музея, на 83 листахъ.

венно строются безъ башенъ, съ единственнымъ куполомъ посрединѣ и алтаремъ, отдѣленнымъ отъ храма иконостасомъ съ тремя дверями. Таковъ въ основныхъ чертахъ и типъ нашихъ церквей: съ однимъ престоломъ, который на восточной сторонѣ заканчивается продолговатой абсидой, круглой внутри, снаружи закругленной, въ формѣ сегмента или многогранной, и съ двумя другими абсидами такой же формы—съ востока и запада; съ однимъ притворомъ для женщинъ—почти такой же величины, какъ и весь храмъ,—а часто съ крытой галлереей, которая состоитъ или изъ колоннадъ или изъ глухихъ стѣнъ съ окнами. Эти три составныя части церкви расположены по одному направленію, имѣютъ видъ квадратовъ и придаютъ ей форму продолговатаго прямоугольника. Особенности, замѣчаемыя въ той или иной церкви, весьма незначительны.

„Оригинальность византійско-румынской техники заключается, по мнѣнію одного ученаго архитектора [1]), главнымъ образомъ, въ системѣ сводовъ, которые опираются одинъ на другой совершенно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ ассирійскихъ, армянскихъ и арабскихъ постройкахъ, хотя бы взять для примѣра своды Кордовскаго собора,—въ системѣ, примѣнявшейся у насъ съ цѣлью уменьшить чрезмѣрную тяжесть сводовъ, которая ложится на стѣны церкви. При такомъ условіи, рѣдко требуются наружные столбы въ роли подпорокъ для свода. Замѣчается также нѣкоторая оригинальность и въ устройствѣ куполовъ и башенъ: они дѣлаются нѣсколько выше и въ общемъ производятъ болѣе граціозное впечатлѣніе, чѣмъ византійскіе. Кромѣ этого, оригинальность румынскаго стиля заключается въ смѣшеніи стилей византійскаго и готическаго, который занесенъ былъ сюда изъ за карпатскихъ горъ, изъ Трансильваніи и Венгріи мастерами-каменотесами саксонцами. Готическія формы, которыя такъ великолѣпно гармонируютъ

---

[1]) Очевидно, г. Богданъ имѣетъ ввиду или извѣстную книгу *H. Brockhaus*'a, Die Kunst in den Athosklöstern, Leipzig, 1891, или, скорѣе, *A. Romstorfer*'a, Die moldauisch-byzantinische Baukunst, Wien, 1896.

съ румыно-византійскими, мы находимъ главнымъ образомъ въ устройствѣ дверей и оконъ. Двери и окна, а также нѣкоторыя другія детали вродѣ капителей, фризовъ, глухихъ оконъ и колоннадъ снаружи абсидъ и самихъ храмовъ, наконецъ, карнизовъ или поясовъ, идущихъ горизонтально посреди стѣнъ церкви,—даютъ право говорить о собственно-румынскомъ стилѣ, развившемся, правда, изъ византійскаго, но осложнившемся впослѣдствіи также и изъ чуждыхъ элементовъ; этотъ стиль можно назвать византійско-румынскимъ или, принимая во вниманіе то обстоятельство, что онъ проявился преимущественно въ Молдавіи,—византійско-молдавскимъ.

„Въ Валахіи замѣчательны только двѣ старинныя церкви, а именно, въ городахъ Арджешѣ и Тырговищѣ. Ихъ планы, длинныя каменныя ограды вокругъ, балконы съ колодцами, жгутообразные карнизы, идущіе вдоль стѣнъ, узкія и высокія вверху закругленныя окна, низкіе купола и другія отличія въ деталяхъ,—все это доказываетъ, что онѣ были построены какимъ-нибудь мастеромъ - художникомъ съ Аѳона [1]. И это не удивительно, если припомнить, что одна изъ этихъ церквей была начата, а другая окончена однимъ и тѣмъ же господаремъ (Нягоемъ Басарабомъ), который всю свою жизнь считался самымъ горячимъ почитателемъ Святой Горы.

„Орнаментика нашихъ церквей также показываетъ намъ,

---

[1] Въ болѣе древнюю пору это были греки, позднѣе — поляки и нѣмцы. Очень жаль, что г. Богданъ не обратилъ вниманіе на сходство архитектуры въ Валахіи и въ Сербіи и не указалъ на итальянскихъ мастеровъ, приглашенныхъ въ румынскія земли. Мы обладаемъ интереснымъ документомъ 1560 года изъ венеціанскаго архива. Дожъ извѣщаетъ молдавскаго господаря Александра Лопушняно, что исполнитъ его просьбу, пришлетъ ему изъ Италіи зодчихъ и живописцевъ для постройки какого-то храма: quibis significas te pro sacris aedibus ad Dei optimi Maximi cultum istic ornandis summopere optare, ut aliqui ex pictoribus, aliisque artificibus nostris ad opera huiusmodi conficienda idoneis... Какой именно храмъ былъ выстроенъ или возобновленъ этими мастерами, пока не выяснено: но можно надѣяться, что при болѣе тщательной разработкѣ археологическихъ вопросовъ, это можно будетъ вполнѣ точно установить. *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. II, p. 141.

что мастера обладали изящнымъ вкусомъ; въ особенности это замѣтно въ незначительныхъ на видъ мелочахъ. Этотъ вкусъ мастеровъ проявляется въ массѣ декоративныхъ деталей церковнаго зодчества, — въ иконостасѣ, господарскихъ и епископскихъ креслахъ, стасидіяхъ для монаховъ, вырѣзанныхъ изъ дерева или слоновой кости иконкахъ, крестахъ, диптихахъ и триптихахъ,—однимъ словомъ, во всѣхъ мелкихъ предметахъ культа, сдѣланныхъ изъ дерева, слоновой кости, золота, или серебра. Византійское искусство достигло въ этихъ издѣліяхъ своего высшаго совершенства.

„Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о нашемъ доморощенномъ свѣтскомъ зодчествѣ въ стародавнія времена. Господарскіе дворцы и палаты бояръ безслѣдно исчезли съ лица земли. Впрочемъ, каменныя постройки были рѣдки, большинство же населенія жило въ то время въ землянкахъ или въ деревянныхъ домахъ“ [1]).

Затѣмъ Богданъ переходитъ къ обозрѣнію старой литературы въ Румыніи. Хотя онъ говоритъ обыкновенно слишкомъ общими фразами, тѣмъ не менѣе даетъ довольно вѣрную картину. Прежде всего указывается главное отличіе старой литературы отъ новой, заключающееся въ языкѣ: „произведенія первой написаны на языкѣ, котораго въ настоящее время никто не понимаетъ, и котораго никогда не понимала народная масса, потому-что онъ былъ языкомъ книжнымъ, языкомъ классовъ образованныхъ; это былъ древне-болгарскій или старо-церковно-славянскій языкъ, введенный у румынъ очень давно, задолго еще до основанія господарствъ, сначала въ церкви, а затѣмъ въ повседневныхъ дѣлахъ и государственныхъ актахъ; причина этого введенія заключалась въ зависимости румынъ отъ первой болгарской имперіи и въ тѣсныхъ политическихъ сношеніяхъ ихъ со второй имперіей, продолжавшихся до конца XIV вѣка. Отсюда естественно вытекало вліяніе болгаръ и на литературу у ру-

1) Cultura veche română, pp. 65—69.

мынъ, сначала на церковную, а затѣмъ и народную. Такимъ образомъ, византійская по содержанію, болгарская по формѣ, она была чужда румынамъ и по духу, и по внѣшности. Произведенія литературы продолжали существовать у румынъ въ той же формѣ, въ которой были переняты, и читались высшими классами до тѣхъ поръ, пока знаніе болгарскаго языка не сдѣлалось настолько рѣдкимъ, что румыны нашли необходимымъ замѣнять ихъ произведеніями на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ начались переводы съ болгарскаго на румынскій, которые широко распространялись въ народѣ, охотно читались изъ поколѣнія въ поколѣніе и оставили глубокіе слѣды, замѣтные и въ наше время. Не будь послѣдняго, изученіе старой болгарской литературы не представляло бы для румынъ особаго интереса [1]).

Далѣе лекторъ переходитъ къ характеристикѣ древней литературы, составъ которой отличался прежде всего религіознымъ направленіемъ и строгой догматичностью, и затѣмъ перечисляетъ наиболѣе популярныя изъ старыхъ рукописей. „Научное значеніе этихъ книгъ равно почти нулю,—заключаетъ г. Богданъ. —Интереса къ знанію не существовало. И если изрѣдка и давались объясненія явленіямъ природы, то это дѣлалось самымъ наивнымъ способомъ: все объяснялось божественной волей. Кромѣ этихъ особенностей въ содержаніи, стиль старыхъ книгъ тяжелъ, теменъ, загроможденъ мелочами и реторическими отступленіями. Попадаются цѣлые листы, не понятные безъ ихъ греческихъ оригиналовъ. Поэтому они читались механически и оставались непонятыми. Эти чисто-религіозныя и догматическія книги могли удовлетворять только монаховъ, священниковъ и наиболѣе благочестивыхъ изъ міранъ. Но тѣ, кто не полу-

[1]) Подробнѣе о славянскомъ языкѣ въ церкви и непониманіи его румынами см. у *A. D. Xenopol'*а, Istoria românilor, vol. V, pp. 191, 222, vol. VII, pp. 62, 93, 117, 192, 202, 235; *I. Bogdan*, Cronice inedite, p. 190; *Melchisedec*, Grigorie Tamblac, pp. 52—56; *B. Hâjdeu* Carţi românesce veche, Bucur. 1879; *Ar. Densuşianu*, Istoria limbei şi literaturei ed. 2, p. 75—80 и мн. др.

чилъ строго-религіознаго воспитанія, какъ напримѣръ дѣти бояръ, и для кого сухіе богословскіе аргументы представляли второстепенный интересъ, должны были искать произведеній литературы, которыя могли бы хоть отчасти удовлетворить запросы фантазіи и чувства не религіозныя". Этимъ объясняется, почему апокрифы получили у румынъ такое широкое распространеніе, и г. Богданъ не напрасно такъ подробно останавливается на тѣхъ „ложныхъ книгахъ", которыя извѣстны въ книгахъ румынскаго происхожденія, на славянскомъ и румынскомъ языкахъ. Отъ апокрифовъ онъ переходитъ къ общему обозрѣнію романовъ и повѣстей восточнаго происхожденія (Александрія, Варлаамъ и Іоасаѳъ, Стефанитъ и Ихнилатъ), всемірныхъ хроникъ и спеціально-румынскихъ лѣтописей, сочиненій по философіи, естественной исторіи, и подробно останавливается на составѣ одного Сборника Молдавскаго письма XVII вѣка, очень близкаго по содержанію къ извѣстному Московскому синодальному Сборнику болгарскаго царя Александра[1]).

„Но ничто не можетъ представить болѣе вѣрной картины литературныхъ вкусовъ нашихъ предковъ,—говоритъ румынскій профессоръ,—какъ оригинальное произведеніе одного изъ наиболѣе образованныхъ валашскихъ господарей, Нягоя Басараба. Въ концѣ своего правленія онъ написалъ „Поученіе къ сыну Ѳеодосію", на славянскомъ языкѣ, употреблявшемся тогда исключительно въ литературѣ, впослѣдствіи переведенное и по румынски. Болгарскій подлинникъ недавно найденъ въ Софійской Національной библіотекѣ [2]). Изъ этого оригинальнаго труда Нягоя Басараба мы узнаемъ, что̀ читалось въ его время съ охотой, изъ чего люди черпали нравственные устои и какая жизнь была въ ихъ глазахъ идеаломъ. Прежде всего Нягое реко-

[1]) Богданъ имѣетъ ввиду Тульчанскій сборникъ, содержащій изданную имъ такъ-называемую Быстричскую славяно-молдавскую лѣтопись.

[2]) Проф. П. А. Лавровымъ, *Чтенія Общества Исторіи и Древностей*, 1896. Ср. нашу замѣтку въ ясскомъ журналѣ *Revista critica-literara* an. IV, № 7—8, p. 216.

мендуетъ своему сыну непоколебимую вѣру въ Бога и соблюденіе всѣхъ заповѣдей: только при этомъ условіи силы его будутъ крѣпнуть и жизнь будетъ чиста. Въ видѣ доказательствъ онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ ветхозавѣтной „Книги Царствъ“, показывая, напримѣръ, какъ Илія былъ наказанъ Богомъ за то, что не воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, какъ премудрый Соломонъ потерялъ расположеніе къ нему Бога за женолюбіе и идолопоклонство и т. д. За этимъ слѣдуетъ панегирикъ Константину Великому, почитателю Св. Креста, многія притчи изъ „Варлаама и Іоасаѳа“, который, кажется, особенно нравился Нягою и на примѣрѣ котораго онъ хотѣлъ показать сыну, что человѣкъ не долженъ придавать значенія земнымъ дѣламъ въ жизни, а главное вниманіе обязанъ обращать на дѣла духовныя, искать не того, что̀ блеститъ снаружи, а хорошаго по содержанію, не чревоугодничать, не заботиться о такомъ благѣ, котораго невозможно достичь безъ того, чтобы не потерять спокойствіе духа, однимъ словомъ, матеріальныя пріобрѣтенія и друзей не предпочитать христіанскимъ добродѣтелямъ. Эти принципы великолѣпно выражены въ притчѣ о человѣкѣ, имѣвшемъ трехъ друзей, изъ которыхъ тотъ, который считался лучшимъ, впослѣдствіи оказался худшимъ, и наоборотъ. Объясненія притчи таковы: первый другъ—имѣніе и богатство, золото и серебро, изъ-за которыхъ человѣкъ несетъ столько заботъ и подвергается несчастіямъ, а въ смертный часъ, изъ этого добра ничего не беретъ съ собой. Второй другъ—жена, дѣти, братья и родственники, для которыхъ человѣкъ дѣлаетъ въ жизни все, но въ часъ смерти они провожаютъ его только до могилы и возращаются затѣмъ домой, къ заботамъ объ имуществѣ. Третій и настоящій другъ никогда не оставляетъ человѣка, это—вѣра, любовь, надежда, милостыня, правда, человѣколюбіе, чистота, молитва и другія добродѣтели, которыя вмѣстѣ съ нами переходятъ къ Богу. Этотъ другъ—лучшій и мудрѣйшій. Только послѣ пересказа подобныхъ притчъ и совѣтовъ, а также снова внушивъ любовь,

в нє ст͠го по͠.

грїгѡріа мниха и презвитера, и
гумена ѡбители пантократоро
вы. бєсѣда о м͠лтвѣ и п. и о нищих.
рєчєна жє бысть, въ вторѫ н͠лю ст͠го
поста. бл͠ви ѿче :-
ъмимошешѫ оубо прѣлаѡ по
стѣ мало побєсѣдовахомь ва
шєи любви, єгда и бжтвныи пособно
влєнїи празновахомь праздникъ
чтныих вїкѡнь въздрѫжєнїа.
и доволно вамь свънасладихо
мсѧ. показахомь бо, ꙗко по
кѹпно и слъзи, принєсааѫтѣна
кзгѹ, и блгоговѣино творѧ.
нашє ѹжє въ житїи сємь прѣбыва
нїє. нинѣ жє, принєсидико снѣєа
и жє о м͠лтвѣ и нигєсѣдѣ, єликодх͠ъ
стыи повєлить. и покажємь ꙗко и
постѹ и м͠лтвѣ и слъзамь, и прочїи
добродѣтєлємь, та єсть съвръшєнїє.
и гѡнинє днпотаколю гѣзнобѹ, ꙗ
кожє м͠лтвами. понєжє и самыма
стивїєнимь нарицаєтсѧ. тѣмжє и
ѹчагалашє. бдѧтє м͠лтвы.
ꙗко съчнъ вашъ н͠бныи м͠лтва єсть.
съзижи и бъ м͠лтвы призыва

страхъ божій и почитаніе иконъ, Нягое даетъ совѣты сыну, какъ обращаться съ боярами, принимать иностранныхъ пословъ, сражаться на войнѣ, творить судъ надъ подданными, освобождаться отъ злобы и ненависти и т. д. Источники, которыми пользовался Нягое для своихъ поученій, были Библія, святые отцы, церковные писатели, Варлаамъ и Іоасаѳъ, Физіологъ и Палея“ [1]).

Такимъ образомъ, г. Богданъ имѣетъ ввиду сравнительно поздній періодъ славянской письменности въ Румыніи и не касается начала ея, вопроса болѣе для насъ интереснаго, такъ-какъ мы уже видѣли, что молдавскіе лѣтописцы связываютъ начало этой письменности съ именемъ Цамблака (см. выше, стр. 265, 313), а слова Константина Костенчскаго, приведенные въ началѣ главы, показываютъ, что хронологическій вопросъ основанъ на какихъ-то фактахъ. Мы нашли возможнымъ подкрѣпить новыми данными первую часть молдавскаго извѣстія о результатахъ посольства въ Охридъ (вопросъ каноническій). Можно думать, что и вторая часть его (начало славянской письменности), получившая въ послѣдующія вѣка такое странное толкованіе (существованіе латинской азбуки), не останется безъ объясненій. Вотъ когда на сцену слѣдуетъ снова выставить писца Гавріила, рукописи котораго относятся какъ разъ ко второй четверти XV вѣка и могутъ съ полнымъ правомъ считаться первыми по времени датированными памятниками Молдавскаго письма.

Въ самомъ дѣлѣ. Раньше 1424 года, въ которомъ впервые появляется писецъ Гавріилъ, мы не знаемъ ни одной рукописи, переписанной въ Молдавіи [2]). Правда, нѣсколько очень ста-

[1]) Cultura veche romȃna, pp. 69—82. Къ числу литературныхъ источниковъ у Нягоя прибавимъ Евѳимія Тырновскаго, Цамблака, Кирилла Александрійскаго и другихъ отцовъ церкви.

[2]) Рукописи XIV и самаго начала XV вѣка, сохранившіяся въ монастыряхъ Молдавіи и Валахіи, оказываются преимущественно аѳонскаго происхожденія. Въ особенности ясно это изъ состава Нямецкой библіотеки, древнѣйшія рукописи которой привезены въ XVII и XVIII вв. изъ Ксенофа, св. Павла и другихъ монастырей Аѳона.

рыхъ рукописей съ сербскимъ, средне-болгарскимъ или южно-русскимъ правописаніемъ считаются рукописями, такъ или иначе, румынскаго происхожденія, по опредѣленныхъ свѣдѣній мы все-таки не имѣемъ. Укажемъ на слѣдующіе факты:

I. Отрывки изъ сербской богослужебной рукописи собр. П. И. Щукина XII—XIII вѣка, *А. И. Яцимирскій*, Мелкіе тексты и замѣтки, XXXVI: „правописаніе ихъ болгарское, но языкъ далеко не правильный, что̀ заставляетъ предполагать, что рукопись была переписана въ мѣстности, населенной православными румынами", стр. 130.

II. Отрывки изъ богослужебной рукописи начала XIII в. сербскаго письма, на переплетѣ Нямецкаго Ветхаго Завѣта № 1 (81). *А. Яцимирскій*, Мелкіе тексты и замѣтки, XVI: „мы склонны видѣть въ Нямецкихъ отрывкахъ рукопись, переписанную гдѣ нибудь въ земляхъ съ валашскимъ населеніемъ", стр. 51.

III. Евангеліе XIII вѣка Софійской Народной библ-ки, № 194. По мнѣнію *А. И. Соболевскаго*, переписано „въ какомъ-нибудъ болгарскомъ поселеніи въ Молдавіи или Буковинѣ", *Чтенія въ Общ-вѣ Нестора Лѣтописца*, т. XII, стр. 3—11.

IV. Евсевіево Евангеліе 1282 года Румянцевскаго музея № 3168, пріобрѣтенное отъ Шараги. По мнѣнію того-же академика, переписано „въ той части Галиціи, гдѣ румынскія поселенія сходились съ болгарскими" (тамъ же).

V. Евангеліе XIII вѣка съ южно-русскимъ правописаніемъ, Румынской Академіи № 4. *А. Яцимирскій*, Славянскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 88—91.

VI. Евангеліе XIV вѣка типичнаго Новгородскаго письма той же библ-ки № 5. въ началѣ XVII вѣка (1613 г.) уже бывшее въ предѣлахъ Молдавіи, тамъ-же, стр. 91—95.

VII. Апостолъ XIII вѣка южно-русскаго и средне-болгарскаго письма, той же библ-ки № 20, тамъ же, стр. 119—122.

VIII. Кирилловская часть Реймскаго Евангелія, по мнѣнію

нѣкоторыхъ филологовъ, написана валахомъ (другіе прибавляютъ, что оригиналомъ (?) была Молдавская рукопись), *B. Hăjdĕu*, Cărţile poporane, Bucureşcĭ, 1879; *Tribuna* изд. въ Сибіу (августъ 1899 г.); *Universul* изд. въ Букурештѣ (1899 г., № 250).

IX. Евангеліе, переписанное валашскимъ попомъ Никодимомъ Тисманскимъ „въ угорской землѣ“, на самомъ дѣлѣ, на границѣ съ Валахіей, въ 1405 году. Ркпсь Букур. Націон. Музея, № 7.

X. Елисаветградское лицевое Евангеліе начала XV вѣка, представляющее, быть можетъ, копію съ извѣстной лондонской рукописи болгарскаго царя Александра и ошибочно относимое къ XIV вѣку. *П. Сырку*, Время и жизнь Евѳимія стр. 436 [1]).

Въ то же время, большинство перечисленныхъ рукописей относятся скорѣе къ славянской письменности Валахіи, чѣмъ Молдавіи, не говоря уже о томъ, едва-ли случайномъ фактѣ, что и первая рукопись съ датой (Евангеліе Никодима 1405 года) появляется въ Валахіи. Если къ этому прибавимъ, что первыя по времени валашскія грамоты на нѣсколько десятилѣтій старше первыхъ молдавскихъ, что въ началѣ 20 годовъ XV вѣка въ Валахіи работаетъ на литературномъ поприщѣ монахъ Филоѳей, бывшій великій логофетъ господаря Мирчи Великаго и т. д., то должны будемъ признать бóльшую древность за славянской культурой въ Валахіи сравнительно съ Молдавіей. Такая запоздалость послѣдней объясняется двумя причинами:

1) Валахія основана раньше Молдавіи почти на цѣлое столѣтіе и составилась изъ двухъ, сначала независимыхъ, а затѣмъ подчиненныхъ православнымъ болгарскимъ имперіямъ, воеводствъ: Басарабовъ—на правомъ берегу Олта, и Негровъ-румынъ—на лѣвомъ. Соединенныя въ началѣ XIII вѣка, валашскія воеводства въ 1242—1247 гг. подпадаютъ подъ сю-

---

1) Намъ кажется, что болѣе правъ *Н. Покровскій*, датирующій рукопись *XIV*—XV вв. (Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. XXII—XXIII), потому что архіеп. Ѳеофилактъ именуется „охридскимъ“ (см. выше, стр. 301).

зеренитетъ Венгріи, но въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка считаются снова независимыми и

2) втеченіе XIV вѣка продолжаютъ культурныя сношенія съ сосѣдней православной Болгаріей. Мы знаемъ, напримѣръ, что къ Ѳеодосію Тырновскому приходили валашскіе монахи (оугры и влахи), ставшіе его учениками; монахъ Фудулъ, приходившій въ Парорію къ Григорію Синаиту, былъ, повидимому, также валахъ; другой Фудулъ (по румынски fudul— гордый, надменный, заносчивый), сообщникъ Пирона и сторонникъ акиндиновой и варлаамовой ереси, о которомъ говоритъ и Цамблакъ въ Словѣ похв. Евѳимію, явился несомнѣнно изъ Валахіи; преп. Евѳимій пишетъ каноническія посланія, относящіяся къ области церковной дисциплины, угровлахійскому митр. Анѳиму (см. выше, стр. 59) и іеромонаху валашской Тисманы преп. Никодиму; въ валашскихъ монастыряхъ сохранились списки сочиненій Григорія Синаита съ оригинальными записями о кончинѣ и значеніи послѣдняго для болгаръ и сербовъ, принесенныя сюда, по всей вѣроятности, румынами-учениками его [1]); Срацимиръ даетъ грамоту брашовскимъ (трансильванскимъ) румынамъ на свободную торговлю въ Видинѣ, въ 80 годахъ XIV вѣка; тотъ-же правитель западной Болгаріи былъ женатъ на дочери валашскаго господаря

[1]) *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей*, 1860, кн. I, Отд. 3, стр. 7; *Помяловскій*, Житіе Григорія Синаита, стр. 90; *П. Сырку*, Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 62, 398, 487; того же вопроса г. Сырку касается въ „Очеркахъ изъ литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ“, гдѣ онъ говоритъ о культурныхъ сношеніяхъ болгаръ съ румынами, напримѣръ, что ученики Евѳимія переселились въ румынскіе предѣлы (стр. LXXV), что Константиновъ способъ обученія долго держался у румынъ (стр. CXI), что сношенія болгаръ съ южно-руссами шло черезъ румынскія земли (стр. CXXII) и т. д. Къ этому прибавимъ, что послѣ 1393 года болгарскіе книжники въ большомъ числѣ удалились въ Валахію, пришли сюда съ рукописями и положили основаніе многихъ монастырей и скитовъ (впрочемъ, то же самое было и въ Молдавіи, см. стр. 113); *E. Kaluźniacki*, Aus der penegyrischen Litteratur, Wien, 1901; *I. Bogdan*, *Archiv für slavische Philologie*, bd. XVII, s. 546 passim. Прибавимъ, что господарь Нягое въ своемъ „Поученіи“ пользуется однимъ Словомъ патр. Евѳимія, и мн. др.

Александра Басараба, Аннѣ; наконецъ, валашская церковь признавала зависимость отъ Константинополя (см. выше стр. 67), благодаря чему имѣла больше поводовъ къ сношеніямъ съ Болгаріей, чѣмъ молдавская, зависѣвшая отъ русскаго Галича. Однимъ словомъ, валашская культура, какъ было указано еще въ 60 годахъ акад. В. И. Ламанскимъ, въ сущности мало отличалась отъ болгарской [1]), отчасти отъ сербской.

Совсѣмъ не то представляла собой Молдавія, государство молодое, съ слабой организаціей, основанное только въ началѣ второй половины XIV вѣка явившимися изъ Марамуреша Драгошемъ, Сасомъ и Богданомъ и на первыхъ же порахъ принужденное бороться съ сильнѣйшимъ правителемъ во всей Европѣ того времени, королемъ венгерскимъ Людовикомъ I, а послѣ смерти послѣдняго (1382) признававшее вассальную зависимость отъ католической Польши. Кромѣ того, сравнительно съ валахами, молдоване всегда были менѣе энергичными и предпріимчивыми, болѣе мягкими и неподвижными. Только въ первой четверти XV вѣка Молдавія достигаетъ извѣстнаго

---

[1]) О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ и т. д., стр. 117. Болгарскія рукописи привозились въ румынскія земли, напримѣръ, извѣстный Видинскій сборникъ, по мнѣнію П. Сырку, написанный румынскимъ книжникомъ, прибывшимъ изъ Валахіи вмѣстѣ съ царицей Анной; аскетическій сербскій Сборникъ XIV вѣка въ собр. А. Гильфердинга, № 30, принадлежавшій въ XVI вѣкѣ „проигумену", несомнѣнно, одного изъ молдавсхихъ монастырей и сдѣланный со списка болгарскаго (Время и жизнь, стр. 449, 491); лондонскій Апостолъ, переписанный монахомъ Венедиктомъ, какъ думаетъ тотъ же ученый, „въ румынскихъ земляхъ" въ 1516 году, съ болгарской же рукописи эпохи царя Александра, при игуменѣ Симонѣ и проигуменѣ Георгіи (стр. 437); софійское Евангеліе съ Апостоломъ-апракосъ XVII вѣка тырновскаго извода, переписанное, „опять гдѣ-нибудь вь румынскихъ предѣлахъ и потомъ перенесенное въ западную Болгарію" (Изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. CCXXXII); Евангеліе конца XV вѣка той же библіотеки, купленное въ Валахіи (стр. CCXXXI); наконецъ, черезъ Валахію проникаютъ въ болгарскія рукописи и руссизмы (стр. CCXXXI). Культурныя сношенія Валахіи съ Болгаріей продолжались и въ болѣе позднее время (*A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. VII, pp. 57, 109—110), до 70 годовъ прошлаго столѣтія, когда въ Букурештѣ основаны были болгарскіе революціонные комитеты, издавались эмигрантами газеты, журналы, книги, листки и т. д.

роста и значенія въ политическомъ отношеніи. Молдавскія лѣтописи приписываютъ господарю Александру цѣлый рядъ нововведеній, начиная съ административныхъ и кончая культурными (см. выше, стр. 77). То же самое можно сказать и о состояніи славянской письменности въ Молдавіи.

Если мы знаемъ нѣсколько грамотъ молдавскихъ господарей конца XIV вѣка, то рукописей того же времени не извѣстно ни одной. Такая хронологическая послѣдовательность —явленіе самое обычное: дѣловые документы всегда и у всѣхъ народовъ появляются раньше, чѣмъ книги богослужебныя или литературнаго содержанія; даже внѣшнія особенности документовъ (письмо, матерьялъ, способы лѣтоисчисленія, форматъ, правописаніе и т. д.) опережаютъ рукописи почти на цѣлое столѣтіе. Поэтому не удивительно, что славянскія книги молдавскаго происхожденія еще не существовали въ XIV и даже въ началѣ XV вѣка, и первой датированной рукописью этой именно серіи приходится считать Слова Григорія Богослова 1424 года.

Правда, у насъ есть какіе-то неясные намеки на болѣе старыя рукописи, но древность ихъ оказывается такъ или иначе сомнительной. Изъ собранныхъ нами датированныхъ памятниковъ молдавскаго происхожденія, ко времени раньше указаннаго года могли бы относиться только слѣдующіе два:

I. Быстричскій Помянникъ, заведенный въ 1407 году, при основаніи монастыря [1]). Но самая рукопись—не раньше половины XV вѣка, такъ-какъ одинаковымъ почеркомъ написаны въ ней всѣ поминанія лицъ, жившихъ до этого времени, а 1407 годъ оказывается датой основанія монастыря господаремъ Александромъ (см. выше, стр. 125), но не дошедшаго до насъ списка Помянника.

II. Отрывокъ изъ рукописи, содержащей какія-то молитвы, акаѳистъ и замѣтку объ одномъ обычаѣ монастырской жизни.

---

[1]) Рукопись библіотеки Academia Romana, № 79.

По словамъ I. Григоріу, видѣвшаго румынскій переводъ съ этой рукописи, сдѣланный преосв. Нарцисомъ Крецулеску, которому будто-бы принадлежалъ и пергаменный оригиналъ, рукопись (замѣтка?) датирована 29 іюня 1409 года. Гдѣ находится она въ настоящее время,—Нарцисъ не знаетъ, такъ-какъ получивъ ее отъ свящ. Георгія изъ Баіи, онъ отдалъ покойному преосв. Филарету Скрибану, автору „Исторіи румынской церкви", въ то время профессору Ясской семинаріи, но обратно не получилъ. Существованіе рукописи 1409 года намъ представляется подозрительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, не извѣстно, о какомъ именно монастырѣ здѣсь идетъ рѣчь и почему непремѣнно о молдавскомъ, хотя въ быстричскомъ Помянникѣ, заведенномъ въ 1407 году, среди первыхъ по времени монаховъ названнаго монастыря, а также Нямецкаго, соединеннаго съ послѣднимъ, упоминается имя монаха далмата (л. 8).

Такимъ образомъ, если не принимать въ разсчетъ рукописей Гавріила, переписанныхъ въ Нямецкомъ монастырѣ въ 1424—1450 гг., то наиболѣе старой рукописью Нямецкаго монастыря будетъ Сборникъ 1452 года, о которомъ мы знаемъ по точной копіи, сдѣланной въ половинѣ XVI вѣка (до 1552 года) писцомъ Евлогіемъ [2]), который приводитъ и запись оригинала. Кромѣ

---

[1]) Приведемъ текстъ этой замѣтки въ переводѣ съ румынскаго: „и вотъ, что же можетъ быть теперь лучше и прекраснѣе, какъ жить братьямъ вмѣстѣ, ибо въ этомъ обѣщана Богомъ вѣчная жизнь, какъ сказалъ святой пророкъ царь Давидъ. Вотъ и я, смиренный и многогрѣшный рабъ Божій *Далматъ монахъ*, послѣ службы моей на братской кухнѣ нашей церкви (sic), сдѣлался, волей Божьей, и священникомъ. Рѣшилъ я записать здѣсь и о добромъ обычаѣ, заимствованномъ отъ стариковъ, при нашей святой молитвѣ. Что это за святой и божественный обычай! Когда встаемъ изъ-за стола, то старики становятся въ рядъ по старшинству, а поваръ проситъ прощенія за всѣ грѣхи и цѣлуетъ руки въ знакъ прощенія у всѣхъ священниковъ и послушниковъ. Такимъ же образомъ испрашивается прощеніе и въ церкви, и у всѣхъ женщинъ. А кто не явится къ святой молитвѣ просить прощенія, на того священникъ налагаетъ наказаніе—*диба*". Iosif I Mușat, p. 104.

[2]) Копія не отнесена къ опредѣленному году, но приблизительную датировку можно сдѣлать на основаніи того, что тому же Евлогію принадлежатъ двѣ рукописи: изъ собр. А. С. Уварова 1552 года . (*Леонидъ*,

Житія Василія Новаго и другихъ греческихъ святыхъ, въ Сборникѣ читаются два произведенія Цамблака съ обычными приписками противъ заглавій: цамблакъ. Изъ Житія Василія мы привели небольшой отрывокъ для образца перевода, сравнительно съ средне-болгарской Нямецкой рукописью начала XV вѣка, № 62 [1]); теперь можемъ прибавить, что такой же переводъ читается и въ сербской рукописи начала XV вѣка того же собранія № 66, тетрадь 5. Приведемъ запись Евлогія:

изволеніемъ ѿца и съпоспѣшеніемь сына и съвръшеніемъ свѧтаго доуха. Іѡ Алеѯандръ воевода, божїею милостїю господаръ земли молдавскои сынь Илїа воевода. даде и исписа сїа книга, рекомаа Василїи Нови, рѫкоѫ монаха Дѡродеа, и даде ѥѫ въ цръковь Нѣмечьскїи монастирь, идеже ѥсть храмь свѧтаго Възнесенїа господа бога и спаса нашего іоуса христа, въ лѣто ҂ѕц҃з. тако бѣ оу изводъ, ѿ негоже прѣписахомь. Помѣни, господи, Ѥулогїа, начрътавшаго книгѫ сїѫ.

Такимъ образомъ, оригиналъ рукописи Гепецкаго написанъ былъ въ правленіе господаря Александрела или Олехны, сына Иліи и внука Александра Добраго, правившаго два раза совмѣстно съ братомъ своимъ Петромъ III (1448 — 1449 и 1451—1455; по А. Ксенополу, см. выше, стр. 272), и рукописи Гавріила все-таки остается считать первыми датированными книгами Молдавскаго происхожденія. Поэтому познакомимся съ ними болѣе подробно [2]).

Систематическое Описаніе, II, стр. 8) и Нямецкаго монастыря 1555 года (*Древности Слав. Комм.*, II, 2, стр. 16). Но въ послѣдней рукописи писецъ называетъ себя „священникомъ“ т. е. іеромонахомъ, а въ Сборникѣ Гепецкаго просто „монахомъ“. Слѣдовательно, эта рукопись была переписана раньше 1552 года.

[1]) *Древности Слав. Комм.*, т. II, 2, стр. 45, гдѣ благодаря опечаткѣ рукопись Гепецкаго отнесена къ 1402 году, стр. 44. Рукопись въ листъ, на 116 листахъ.

[2]) Большинство рукописей Гавріила принадлежитъ Нямецкому монастырю, гдѣ онѣ и были переписаны. При первомъ нашемъ знакомствѣ съ нямецкой библіотекой, была установлена принадлежность Гавріилу очень немногихъ изъ рукописей, не сохранившихъ его записи. Но внимательное изученіе его почерковъ, при вторичномъ посѣщеніи Нямца, привело насъ къ убѣжденію, что перу Гавріила можно приписывать гораздо

I. Ветхій Завѣтъ: Пятокнижіе Моисея, Книга Іисуса Навина, Судей израильскихъ, Руѳь и четыре книги Царствъ [1]), Рукопись можно относить приблизительно, къ концу 20 годовъ XV вѣка. Четкій, нѣсколько мелкій полууставъ, характерный для остальныхъ рукописей Гавріила того же времени, по 32 строки на страницѣ. На корешкѣ рукописи — румынская помѣта XVII вѣка: библие парте ā. Поэтому можно предполагать, что въ прежнее время въ Нямецкой библіотекѣ существовали и слѣдующія за первой части В. Завѣта, переписанныя тѣмъ же писцомъ, такъ-такъ въ другихъ рукописяхъ того же содержанія нѣтъ книгъ, соотвѣтствующихъ 2 и 3 частямъ полной „Библіи" [2]). Въ то же время, какъ-бы продолженіе рукописи Гавріила, составляетъ Ветхій Завѣтъ нямецкаго писца іером. Гервасія, переписанный въ 1474 году и представляющій не только всѣ особенности тырновскихъ текстовъ, но и графики, обычной у Гавріила [3]). Поэтому можно думать, что рукопись Гервасія была скопирована съ недошедшей до насъ книги Гавріила. Кромѣ того, къ переводу рукописи Гавріила восходятъ всѣ извѣстные намъ молдавскіе списки ветхозавѣтныхъ книгъ,

---

больше книгъ. Поэтому всѣ свѣдѣнія, приведенныя нами въ *Древностяхъ Слав. Коммиссіи* относительно многихъ рукописей XV вѣка, и въ книгѣ „Изъ славянскихъ рукописей" (стр. 31—33) о спискахъ Гавріила, слѣдуетъ исправить согласно настоящей работѣ.

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 2 (11), въ листъ, на 38 тетрадяхъ, по 16 листовъ каждая; бумажные знаки—перчатка со звѣздой и башня съ тремя зубцами.

[2]) Мы говоримъ о двухъ рукописяхъ: № 1 (81), XV вѣка, съ ресавскимъ правописаніемъ, содержитъ книги Іосіи, Іоиля, Аммоса, Авдія, Іоны, Михея, Наума, Аввакума, Софоніи, Аггея, Захаріи, Малахіи, Исаіи, Ізекіиля, Іереміи и Даніила; № 3 (96), начала XVI вѣка, русскаго письма, содержитъ книги: Паралипоменонъ, Ездры, Нееміи, Товіи, Юдиѳь, Премудрость Соломона, Маккавеевъ и Іереміи—въ переводѣ доминиканца Веніамина или его школы.

[3]) Рукопись изъ собр. П. И. Щукина, поступившая отъ свящ. Генецкаго, содержитъ книги пророковъ Іереміи, Іоиля, Аммоса, Авдія, Іоны, Михея, Наума, Аввакума, Іезекіиля, Исаіи, Захаріи, Притчи Соломона, Пѣснь Пѣсней, Премудрость Іисуса сына Сирахова и Іова, съ предисловіями Ѳеодорита еписк. Кирскаго, Епифанія еписк. Кипрскаго и Полихрона. *А. И. Яцимирскій*, Изъ слав. рукописей, стр. 65.

напр. Румянцевскаго музея, переписанный быстричскимъ монахомъ Іоанномъ въ 1537 году [1]), Букурештскій XVI вѣка [2]) и др.; съ другой стороны, переводъ книги Четырехцарствія (Тетровасиліо) обнаруживаетъ нѣкоторое близкое сходство съ извѣстной ресавской рукописью 1418 года изъ одесскаго собранія В. И. Григоровича.

II. Четвероевангеліе 1429 года [3]). Крупный полууставъ Молдавскаго литургическаго письма. Кромѣ евангельскихъ чтеній, оглавленій и Θеофилактовыхъ предисловій, въ концѣ рукописи прибавлены:

1) сказаніе прѣемлѧщее вьсего лѣта число еуангельское и еуангелистωмь прѣѧтіе, ѿкѫдоу начинаѫть и до где стаѫть.

2) съборникъ съ богомъ ві҃-мъ мѣсѧцемь, показоуѧ главѫ коемоуждо еуангелїю изьбраннымь свѧтымь и праздникωмь владычнымь, т. е. Мѣсяцесловъ [4]).

3) четыре справочныя статьи: а) евангелія на всякую потребу, б) какъ находить повседневныя евангелія, в) указатель „гласовъ" и воскресныхъ евангелій, и г) прокимны воскресны на утрени.

Изъ записи, повторяющейся въ концѣ всѣхъ четырехъ Евангелій (лл. 85 об., 141 об., 231 об. и 312 об.), видно, что рукопись написана въ дни Іω Александра воеводы, господаря всей молдовлахійской земли и госпожи его Марины [5]), еже она желанїемь въжделѣвши любви христовѣхь слωвесь рачителница, потъщаѕ сѧ даде и съписа сїи тетроеуангелъ, и что окончена была

---

[1]) *А. Востоковъ*, Описаніе, стр. 33—34.

[2]) Рукопись Націон. Муз. Древн. № 1141. Въ самомъ началѣ XVII вѣка она была отдана ясскимъ питаремъ Димитріемъ монастырю Быстрицѣ въ Молдавіи.

[3]) Рукопись Бодлейской библіотеки въ Оксфордѣ, (Отд. греч. каноническихъ книгъ № 122), въ листъ, на бѣломъ пергаментѣ, 312 листовъ, съ изображеніями евангелистовъ, заставками, инициалами, золотыми и киноварными заглавіями.

[4]) Изъ славянскихъ святыхъ указаны только Савва и Симеонъ сербскіе, какъ и въ Елисаветградскомъ Евангеліи (см. выше, стр. 301).

[5]) О Маринѣ см. выше, стр. 102 и 104.

переписка 13 марта 1429 года, ржкож гаврїила монаха сына оурикова, иже и исписавь вь нѣмечкомь монастири. Впослѣдствіи на широкихъ поляхъ былъ приписанъ греческій текстъ полнаго Евангелія, благодаря чему нѣкоторые ученые называли рукопись греко-славянской [1]).

III. Четвероевангеліе 1436 года [2]). Какъ и въ предыдущей рукописи, почеркъ Гавріила является со всѣми характерными чертами вполнѣ выработаннаго Молдавскаго литургическаго письма, которое нѣкоторыми русскими палеографами по праву называется условно даже „уставомъ“. Но запись его въ самомъ концѣ рукописи писана той же своеобразной индивидуальной скорописью, какую находимъ въ отрывкѣ изъ Евангелія и трехъ Сборникахъ его, 1448, около 1448, 1450 гг. и др. По составу своему нямецкая рукопись вполнѣ похожа на оксфордскую. Какъ видно изъ записи, Евангеліе переписано для Нямецкаго монастыря ржкож гаврїила монаха сына оурикова, при игумени силуанѣ, начата 6 апрѣля (1435 года) и окончена вь второе лѣто, 3 февраля 1436 года. Впослѣдствіи книга была переплетена на средства Лацка паркалаба (хотинскаго?).

IV. Четвероевангеліе конца сороковыхъ годовъ XV вѣка,

---

[1]) Если не ошибаемся, первое указаніе на оксфордскую рукопись сдѣлано было П. Соларичемъ въ 1810 году, Pominak knižeskij, str. 33—34; затѣмъ Добровскимъ и Шафарикомъ, Geschichte der. südslav. Literatur, 33—34; *Θ. И. Успенскій*, О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ и т. д. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1878 г., кн. XI, ч. CC, отд. II, стр. 90; *И. И. Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXX, стр. 559—560; *Pumn*, Priviri repede asupra propietaței monastirilor din Bucovina, p. 26; *Melchisedec*, Grigorie Tzamblac etc., p. 51; *В. А. Ульяницкій*, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи и т. д. М. 1887, стр. 26; *А. И. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей, стр. 156; *П. Сырку*, Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ, *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. VII, кн. IV, стр. 325—337.

[2]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 5 (92), въ листъ, на бѣломъ пергаменѣ, около 300 листовъ, съ заставками изъ переплетающихся круговъ Молдавскаго типа, инціалами, золотыми и киноварными заглавіями.

около 1448—1450 гг. [1]). Округлый полууставъ, переходящій въ скоропись, типичный почеркъ Гавріила, о которомъ упомянуто при описаніи предыдущей рукописи. Сохранилось заглавіе статьи: сказанїе прѣемлѧщее всего лѣта число еуангелское и еуангелистѡмь прѣѧтїе, ѿкѫдꙋ начинаѫть и до гдѣ стаѫть, причемъ указанія оканчиваются Цвѣтной недѣлей.

V. Четвероевангеліе 30 или 40 годовъ XV вѣка [2]). Четкій полууставъ Гавріила, по 20 строкъ на страницѣ, напоминающій письмо нямецкой рукописи № 76. Составъ Евангелія обычный. Во второй половинѣ XVII вѣка на рукописи сдѣланы приписки нямецкимъ іеродьякономъ Никандромъ.

По правописанію и переводу перечисленныя Евангелія сходны между собой не только текстуально, но и графически. Кромѣ того, переводъ ихъ, сравнительно съ средне-болгарскими рукописями XIV вѣка, значительно поновленъ и исправленъ, причемъ очевидна также близкая зависимость его отъ текстовъ Толковыхъ Евангелій архіеп. болгарскаго Ѳеофилакта. Для этихъ цѣлей мы послѣдовательно сравнили недатированный текстъ Гавріила № 6 (41) съ тремя списками Толковыхъ Евангелій Ѳеофилакта, сохранившихся въ Нямецкомъ же монастырѣ (№№ 20, 21 и 22), и пришли къ выводу, что разночтенія падаютъ на самыя незначительныя черты, напримѣръ:

Сербскій текстъ нач. XV в. № 20 (82):	*Рукопись Гавріила (Ев. Марка):*
Изьшьдше скоро ѿ гроба сь страхомь и радостїю великою, текоше вьзвѣсти(ти) оученикѡмь	Изшедше скоро ѿ гроба съ страхѡмь и радостїѫ велїеѫ, текостѣ възвѣстити и оученикѡмь

---

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 7 (по инвентарю не значится), въ четвертку; отрывокъ на одномъ листѣ, содержащій указанія евангельскихъ чтеній; другой листокъ изъ той же рукописи принадлежитъ Спб. Публ. Библіотекѣ. Изъ славянскихъ рукописей, стр. 156.

[2]) Рукопись того же монастыря № 6 (41), въ листъ, около 275 листовъ. Начало рукописи (первое предисловіе Ѳеофилакта, оглавленіе и первыя 15 зачалъ Евангелія отъ Матѳея) утрачено.

юго. ꙗкоже идесте възвѣстити оученикшмь юго и се Ісоус срѣте ю. глаголю, радоуитѣсе. оны же пристоупльше, юстѣсе по нозѣ юго и поклонистѣсе юмоу. тогда глагола имь Ісоус. не боитѣте. идѣте възвѣстите братіи моюи да идоуть вꙿ Галілею и тоу ме видеть. Идоущема же има, се нѣціи ѿ коустодіе пришьдше вь градь, възвѣстише архіерешмь вса бывшаа. и сьбравшесе старци сьвѣть сьтвориⷲе, сребрьникы доволны даше воиншмь. глаголюще. рьцѣте ꙗко оученици юго нощию пришьдьше оукрадоше и, намь спещимь.

его. ꙗкоже идѣте вꙿзвѣстити оученикшмь его. и се Ісоус срѣте ꙗ, глаголѧ. радоуитѣсѧ. онѣ же пристѫпльше, ѧтѣсѧ за нѡѕѣ его и поклонистѣсѧ емоу. тогда глагола имь Ісоус. не бѡитѣсѧ идѣтѣ вꙿзвѣститѣ брати моеи. да идѫть вꙿ Галилеѫ и тоу мѧ видѧть. идѫщема же има, се нѣціи ѿ коустодіѫ пришедше вꙿ градь, вꙿзвѣстиша архіерешмь вꙿсѣ бывшаа. и сꙿбравше сꙿ старци. сꙿвѣть же сꙿтворше, сребрьникы довѡлны дашѧ воиншмь. глаголѧще, рꙿцѣте, ꙗко оученици его нощіѫ пришедше. оукрадшша его, намь спѧщимь.

Тырновскій текстъ второй половины XV вѣка, №21 (47):

И рече имь. шедше вꙿ весь мꙋрь прѡповѣдаите еvангеліе вꙿсеи твари. иже вѣрѫ иметь и крꙿститсѧ спасень бѫдеть. а иже вѣры не иметь осѫждень бѫдеть. знаменіа же вѣровавшимь послѣдствоуѫтꙿ си. именемь (моимь) бѣсы ижденѫть. и ѫзыки вꙿзглаголѧть новы. и вꙿ рѫкахь змїѧ вꙿзмоуть. аще и сꙿмрꙿтное что испїѫть, не врѣдить ихь. на недѫжныѫ рѫкы вꙿзложѧть и здрави бѫдѫть. Господь же оубо по глаголанїю его кꙿ нимь. вꙿзнесесѧ на небо и сѣде одеснѫѧ Бога. они же шедше проповѣдаше

Рукопись Гавріила (Ев. Марка):

И рече имь. шедше вꙿ мирь весь, проповѣдите еvангеліе вꙿсеи твари. иже вѣрѫ иметь и крꙿститсѧ спасень бѫдеть. а иже не имать вѣры, ѡсѫждень бѫдеть. знаменїа же вѣровавшїимь сїа послѣдоуѫть. именемь моимь бѣсы иждենѫть, ѧзыкы вꙿзглаголѧть нѡвы. змїѧ вꙿзмѫть. аще и смрꙿтно что испиѫть. не врѣдить ихь. на недѫжныѧ рѫкы вꙿзложѧть, и здрави бѫдѫть. Господь же оубо по глаголанїю его кꙿ нимь. вꙿзнесесѧ на небо. и сѣде ѡдеснѫѧ Бога. они же изшедше проповѣдашѧ

въсжд8. Господ8 поспѣшеств8жщ8 и слов8 8тврьждажщ8. послѣдств8(ж)щїими знаменми.

въсждоу, Господоу поспѣшьствоужщоу и слово оутврьждажщоу. послѣдствоужщими знаменми.

Ресавскій текстъ XV вѣка № 22 (17):

Соущ8 же поздѣ въ тъи дьнь въ єдиноу ѿ соуботь, и дверемь затвореномь, идеже бѣхоу 8ченици събрани страха ради їоудеиска. прїиде Ісоус и ста посрѣде ихь. и глагола имь, мирь вамь. и се рекь, показа имь роуцѣ (и нѡѕѣ) и ребра своа. възрадоваше же се оученици видѣвше Господа. рече же имь Ісоус пакы, мирь вамь. ꙗкоже посла ме ѿьць и азь посилаю вась и се рекь доун8, и глагола имь. прїимѣте доухь светыи. имже ѿпоустите грѣхы, ѿпоустетсе имь. имже дрьжите, дрьжетсе.

Рукопись Гавріила (Ев. Іоанна):

Сѫщоу же поздѣ въ тъи дьнь въ єдинѫ ѿ сѫбѡть. и дверемь затвореномь. идеже бѣхѫ оученици єго събрани страха ради їоудеиска прїиде Ісоус. и ста посрѣдѣ ихь. и глагола имь мирь вамь. и се рекь, показа имь рѫцѣ, и нѡѕѣ, и ребра своа. възрадѡвашѧ же сѧ оученици видѣвше Господа. рече же имь Ісоус пакы. мирь вамь. ꙗкоже посла мѧ ѿьць. и азъ посилаѫ васъ. и се рекь, доунѫ. и глагола имь. прїимѣте доухь свѧтъ. имже ѿпоустите грѣхы, ѿпоустѧтсѧ имь. и имже дрьжите дрьжѧтсѧ.

VI. Апостолъ 30 годовъ XV вѣка [1]). Отъ рукописи Гавріила сохранилась только часть, отъ 126 зачала Посланія къ коринѳянамъ и кончая Посланіемъ къ ефесянамъ, а начало и конецъ Апостола приписаны, вѣроятно, вмѣсто утраченныхъ или пришедшихъ въ негодность тетрадей,—въ началѣ XVII вѣка [2]), попомъ Фолтей или іеродьякономъ Панкратіемъ.

VII. Архіерейскій Требникъ [3]), приписываемый въ записи

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 17 (42), въ листъ, по 28 строкъ на страницѣ.

[2]) Второе письмо рѣзко отличается во всѣхъ отношеніяхъ отъ руки Гавріила. Это—крупный Молдавскій литургическій полууставъ, по 20 строкъ на страницѣ, съ нѣкоторыми фигурными буквами, напр. ф.

[3]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи, № 8 (23), въ листъ, на 153 листахъ.

„Григорію Цамблаку, митрополиту кіевскому, галичскому и всея Руси“, представляется намъ нѣсколько сомнительнымъ (см. выше, стр. 211), хотя дошедшая до насъ поздняя и неточная копія съ записи Цамблака никоимъ образомъ не можетъ быть названа поддѣльной. Если предположенія наши окажутся вѣрными, то недошедшую подлинную рукопись его можно будетъ относить къ 1415 — 1417 годамъ. Поэтому, для полноты списка рукописей Гавріила, мы упомянемъ и объ архіерейскомъ Требникѣ, сохранившемся въ копіи начала второй половины XVII вѣка [1]). Полууставъ Южно-Русскаго письма, трехъ почерковъ разныхъ рукъ, но одного времени.

По составу своему Требникъ очень напоминаетъ рукопись Моск. Синод. Библіотеки, № 370 [2]), переписанную приблизительно въ одно и то же время съ Ново-Нямецкой (1665 годъ) и въ предѣлахъ той же черниговской епархіи (по благословенію Лазаря Барановича). Если же припомнимъ обстоятельства, сопровождавшія появленіе Требника въ Нямецкомъ монастырѣ [3]), то у насъ не останется никакихъ сомнѣній въ одинаковомъ происхожденіи обѣихъ рукописей и зависимости русскихъ переводовъ отъ греческаго текста, изданнаго Габертомъ 'Αρχιερα-τικον sive Liber pontificialis ecclesiae Graecae. Parisiis, 1643.

---

[1]) Въ чинѣ на поставленіе дьякона есть нѣкоторыя указанія на хронологію: на ектеньяхъ поминается епископъ мстиславскій Меѳодій Филимоновичъ (лл. 28, 30 об., 35, 35 об., 36 и 40), который правилъ въ 1661—1666 годахъ. *П. Строевъ*, Списки іерарховъ, стр. 493. Въ томъ же чинѣ на великой ектеніи внизу листа, скорописью начала XVIII вѣка, приписано: „о преосвященномъ архіепископѣ нашемъ Пахоміи“ и т. д. (л. 30 об.), очевидно, о епископѣ романскомъ Пахоміи, правившемъ въ 1707—1714 годахъ; до этого онъ былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря (1702—1706 гг.). Въ 1711 году онъ основалъ скитъ „Проковулъ“, въ 1717 году вторично ушелъ въ Кіевъ и принесъ въ лавру частицу мощей св. Стефана Первомученика, а въ 1794 Пахомій умеръ. *А. И. Яцимирскій*, Шесть статей по слав. и русск. письменности. М. 1901, стр. 14—20.

[2]) Описаніе, ч. III, стр. 119—121.

[3]) Переписанный въ предѣлахъ черниговской епархіи, этотъ Требникъ былъ пріобрѣтенъ епископомъ романскимъ Пахоміемъ, въ бытность его Нямецкимъ игуменомъ, когда онъ, услыхавъ о проповѣдяхъ Димитрія Ростовскаго, въ 1704 году отправился въ Россію. Въ Черниговѣ онъ

Составъ Требника: л. 1. чинъ благословити клирика сирѣчь причетника; л. 6 об. чинъ благословити дверника церковного; л. 9 об. рѹкоположеніе или благословеніе ѥзаркисты или заклинателѧ; л. 15 л. об. чинъ рѹкоположеніѧ свѣщеносца; л. 18 об. ѹставъ поставленіѧ четца и пѣвца; л. 22 об. ѹставъ бываемый на поставленіе подіакона; л. 28 ѹставъ бываемый на поставленіе диакона; л. 34 об. чинъ поставленіѧ во презвитеры; л. 49 молитвы вечерніи—числомъ 8; л. 54 молитвы ѹтренѧѧ — числомъ 12; л. 63 над растворенїемъ и ѡсвѧщенїемъ свѧтаго великаго мира; л. 65 ѡсвѧщеніе антиминсовъ; л. 70 ѹставъ и чинъ бываамый на ѡсвѧщеніе церкви новопоставленой [1]. Въ концѣ статьи—киноварная запись, полууставомъ, повидимому, писца всей рукописи (л. 104 об.):

Сие ѡсвѧщеніе церкви писалъ азъ рѹкѡю моею смиренный григѡрій цамблака (sic) митрополитъ киевскій галицкій и всеа рѡссіи,

---

бесѣдовалъ со святителемъ и получилъ отъ него автографъ, хранящійся въ настоящее время въ Покровскомъ скитѣ (Описанъ нами, Шесть статей и т. д. М. 1901, стр. 14—20). Здѣсь же Пахомій, повидимому, и заказалъ копію съ Требника, принадлежавшаго черниговскому каѳедральному собору. Можно указать еще, что упомянутая нами синодальная рукопись также принадлежала Димитрію Ростовскому (Описаніе, ч. III, стр. 112). О томъ, что въ 1707—1714 годахъ эта рукопись была уже въ Молдавіи, свидѣтельствуетъ приписка въ „Чинѣ на посвященіе дьякона". Въ 1747 году рукопись принадлежала Нямецкому монастырю и находилась здѣсь до 1860 года, въ 1854 году ее видалъ П. Саковичъ (*Русскій Инвалидъ*, 1854, № 288), а въ 1857 году запись списалъ архим. Андроникъ. Въ 1860 году рукопись перевезена въ с. Кицканы въ Бессарабіи, гдѣ впослѣдствіи основанъ Ново-Нямецкій монастырь (*Кишин. Епарх. Вѣд.* 1880 г., № 19). Около 1880 года Мелхиседекъ, начавъ занятія Цамблакомъ, просилъ Андроника сообщить ему свѣдѣнія объ этой рукописи. Посылая копію съ нея, Андроникъ приводитъ ее по своимъ замѣткамъ, но умалчиваетъ о томъ, что рукопись тогда уже находилась въ библіотекѣ Ново-Нямецкаго монастыря, и высказываетъ предположенія о возможности пропажи этой рукописи, подтверждая его ссылками на извѣстные ему факты покупки у старообрядцевъ рукописей, принадлежавшихъ раньше Нямецкому монастырю (*Revista*, 1884, p. 46, nota 1). Въ 1880 году рукопись была вкратцѣ описана свящ. М. Ганницкимъ, и въ томъ же году это описаніе помѣщено въ *Кишиневскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* № 21, стр. 1056—1059.

[1]) На ектеніяхъ этого чина, переводъ (?) котораго приписывается Цамблаку, упоминается „благовѣрный царь нашъ" (л. 87 об. и 89 об.), причемъ на поляхъ приписано: „и о великомъ князѣ".

бывшаго прежде оучителя земли молдовлахискаа (sic) и игꙋменъ свя-тый великїй монастырь Пантократорѡвъ, еже именꙋется Намацъ, и бывшаго на осмомъ совѡрѣ на (sic) Флѡренцыя.

Въ концѣ молитвъ утреннихъ, на свободномъ листѣ помѣщенъ переводъ этой же записи на румынскій языкъ: „Эта святая книга принадлежитъ святому Нямецкому монастырю, писана отцомъ Григоріемъ Цамблакомъ, кіевскимъ митрополитомъ, который былъ и игуменомъ въ этомъ святомъ Нямецкомъ монастырѣ и учителемъ (даскалъ) Молдавіи. А кто возьметъ ее или украдетъ ее изъ святого монастыря безъ вѣдома игумена, тотъ да будетъ оставленъ пречистой Матерью на страшномъ судѣ. Лѣта 7255 (1747) февраля 5 дня“.

л. 105. Ꙋставъ и чинъ бываемый о позыбленїи святыя трапезы; л. 109 молитвы прощалныи (т. е. разрѣшительныя) на всякꙋ клятвоу и ѿлꙋченїе надъ оумершимъ, чтомы ѿ архиерея; л. 213 благословенїе епископа (начало службы утрачено); л. 147 в недѣлю а҃ святаго великаго поста заповѣдь православїю; л. 149. Псалмы на разныя посвященія; л. 152 (Изверженіе) изъ священства законопрестꙋпнаго и непокоривагo священника [1]).

VIII. Октоихъ 40 годовъ XV вѣка [2]). Четкій полууставъ руки Гавріила, въ толстыхъ очеркахъ, по 29 строкъ на страницѣ. Рукопись составляетъ первую половину Октоиха, гласы 1—4. Въ половинѣ XVII вѣка на переплетѣ рукописи сдѣлана приписка нямецкимъ дьякономъ Симономъ.

IX. Октоихъ 40 годовъ XV вѣка [3]). Четкій полууставъ того же писца, въ толстыхъ очеркахъ, по 29 строкъ на страницѣ. Рукопись составляетъ вторую половину Октоиха, гласы 5—8. Въ половинѣ XVII вѣка рукопись куплена тѣмъ же іереемъ Филимономъ изъ села Виндеони, для котораго приписаны были и недостающія части Апостола № VI.

[1]) Издано нами въ „Мелкихъ текстахъ и замѣткахъ“, XV.

[2]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 33 (13), въ листъ; бумажный знакъ—вѣсы въ кружкѣ.

[3]) Рукопись того же монастыря № 35 (7), въ листъ; бумажные знаки—вѣсы въ кружкѣ и ножницы.

X. Октоихъ 40 годовъ XV вѣка [1]). Красивый, четкій полууставъ руки Гавріила, по 24 строки на страницѣ. Рукопись составляетъ вторую половину Октоиха, гласы 5—8.

XI. Минея служебная на октябрь, сороковыхъ годовъ XV вѣка (1445—1448 гг.) [2]). Полууставъ руки Гавріила, въ нѣсколько толстыхъ очеркахъ, по 28 строкъ на страницѣ. Приписанныя въ концѣ рукописи службы, восполняющія, повидимому, пропуски основного текста, сдѣланы обычнымъ почеркомъ Гавріила. Его же рукой сдѣланъ счетъ тетрадямъ. Подъ 14 числомъ помѣщено проложное Житіе: въ тъжде дьнь свѧтыѧ преподобныѧ параскевїѧ. (*Нач.* Сїа свѧтаа преподобнаа параскеви бысть ѿ веси епивате наричемѣ, ѿ града каликратїѧ, дъщи благовѣрноу родителю, ни числомь богати, ни ѡбласти имѣѫщихь, ниже пакы нищетоѧ стражд︮ѫщихь...), оканчивающееся извѣстіемъ о перенесеніи мощей ея въ Тырновъ. Въ концѣ рукописи—запись XVII вѣка о переплетеніи книги въ Нямецкомъ монастырѣ на средства монаха Іоанникія.

XII. Минея служебная на ноябрь, 1448 года [3]). Полууставъ обычный, по 30 строкъ на страницѣ. Запись писца: гаврїиль исписа сїи мѣсѧць въ лѣто ҂ѕцнз л҃ д(екемврїа). Подъ ней—запись иной рукой, о „послѣдованіи“ Минеи въ 1462 году.

XIII. Минея служебная на декабрь, сороковыхъ годовъ XV вѣка (1445 — 1448) [4]). Полууставъ нѣсколько болѣе толстый, чѣмъ обычный почеркъ Гавріила, по 28 строкъ на страницѣ. Техника небольшой заставки такая же, какъ и въ остальныхъ Минеяхъ того же писца.

XIV. Минея служебная на февраль, 1445 года [5]). Полу-

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 34 (9), въ листъ; бумажный знакъ—вѣсы въ кружкѣ.

[2]) Рукопись того же монастыря № 49 (70), въ листъ.

[3]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи № 12 (9) 25; въ четвертку, на 288 листахъ.

[4]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 50 (24), въ листъ; водяные знаки—ножницы и др.

[5]) Рукопись того же монастыря, № 51 (87), въ листъ; бумажные знаки—ножницы и др.

уставъ, по 30 строкъ на страницѣ. Небрежно писанная заставка изъ круговъ, киноварью и красками, сдѣлана рукой Гавріила. Въ концѣ рукописи — его же киноварная замѣтка относительно празднованія памяти Варвара Мироточца 29 февраля: вѣдомо єсть, ꙗко єгда имать феврꙋаріє к҃д дьнїи, тогда бываєть памѧть свѧтаго касїана римлѣнина и свѧтаго варвара мѵроточца. Запись писца: гаврїиль исписа сїѫ книгѫ въ лѣто ҂ѕ҃ц҃нг.

XV. Минея служебная на мартъ, 1447 года [1]). Полууставъ, по 28 строкъ на страницѣ. Въ началѣ рукописи — краткій прологъ о мѣсѧци мартѣ. Запись писца: гаврїиль исписа сьи комать минеа въ лѣто ҂ѕ҃ц҃нє. Подъ ней — киноварная запись иной рукой, о „послѣдованіи“ Минеи въ 1462 году.

XVI. Минея служебная на май, сороковыхъ годовъ XV вѣка (1445—1448) [2]). Полууставъ нѣсколько широкій и въ болѣе толстыхъ линіяхъ, чѣмъ обыкновенное письмо Гавріила. Въ концѣ — запись полууставомъ, сдѣланная писцомъ, дописавшимъ послѣднія тетради: „слава съвръшителю Богоу въ вѣки, аминь“ .

Составъ Миней, принадлежащихъ Гавріилу, отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ рукописей XIV и начала XV вѣка, что̀ даетъ нѣкоторое право видѣть въ работѣ Гавріила не только механическую переписку, но и редактированіе богослужебныхъ книгъ. Особенности эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Проложныя статьи всегда положены вслѣдъ за службами соотвѣтствующимъ святымъ, а не отдѣльно, какъ въ большинствѣ Молдавскихъ рукописей XV—XVII вв.

2) Въ Минеяхъ нѣтъ службъ славянскимъ или русскимъ святымъ. Въ этомъ отношеніи рукописи Гавріила даже поражаютъ своей сухостью и такъ-сказать каноничностью, съ ви-

---

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 52 (77), въ листъ; бумажные знаки—ножницы и др.

[2]) Рукопись того же монастыря, № 54 (26), въ листъ; водяной знакъ—ножницы.

зантійской точки зрѣнія. Если мы и находимъ проложное Житіе Параскевы, то это все-таки не должно ослаблять вывода, такъ-какъ оно встрѣчается и въ греческихъ рукописяхъ; Кромѣ того, Параскева считается славянской святой только по мѣсту нахожденія мощей.

3) Въ то же время, на каждое число внесено такъ много греческихъ святыхъ,—причемъ службы имъ и „прологи“ выписаны изъ разныхъ рукописей, — что рукописи Гавріила могутъ считаться необыкновенно полными. Кромѣ того, не всѣ Минеи его хорошо редактированы, благодаря чему имена однихъ и тѣхъ же святыхъ иногда повторяются, если въ оригиналѣ они были помѣщены вмѣстѣ съ другими. Такъ, напримѣръ, на 5-е ноября мы находимъ краткія памяти слѣдующихъ святыхъ: св. мчч. Гелактіона и Епистиміи, апп. Патрова, Ермалина, Гайя и Филолога (изъ числа 70-ти), мч. Домнпка, Дороѳея пресвитера, свв. Евтихія и Картерія, оудесемь таиныимь ѿрѣзанимь скончашаса, свв. Ѳеодима, Ѳеофила и Тимоѳея, св. Памфила, преп. Григорія архіеп. александрійскаго—15 именъ; или на 24-е того же мѣсяца: св. мч. Екатерины, мч. Меркурія, Василисы царицы Максентія царя, Порфирія Стратилата съ 2 воипами, преп. Каріона, Ермогена списк. акраганскаго, мчч. Филумена и Христофора, мчч. Прокопія и Христофора, мч. Ѳеодора антіохійскаго — 11 именъ, пзъ которыхъ трое —чтимые святые. Можно думать, что редакторская техника Гавріила была такая же, какъ и въ двухъ хиландарскихъ рукописяхъ: Панегирикъ на декабрь, 1625 года, былъ собранъ „отъ седмь и осмь книгъ старихъ“, а на январь, 1622 года,—„оть осмь комады“ [1]). Впослѣдствіи эти сборные оригиналы были переписаны однимъ писцомъ [2]).

---

[1]) *Sava,* Rukopisi, str. 64.

[2]) По всей вѣроятности, многія Минеи Гавріила до насъ не дошли, такъ какъ богослужебныя рукописи вообще скорѣе другихъ дѣлались негодными къ употребленію. Надо думать, что Гавріиломъ былъ изготовленъ „полный обиходъ“ мѣсячныхъ Миней (см. выше, стр. 265).

XVII. Слова Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, 1424 года [1]). Полууставъ красивый, четкій, по 26 строкъ на страницѣ. Порядокъ 16 Словъ обычный; послѣднее изъ нихъ: ѡ ѡци (sic) млъчащоу ꙗзвы ради града. Тотъ же переводъ и составъ находимъ въ двухъ сербскихъ рукописяхъ нямецкой библіотеки, обѣ аѳонскаго происхожденія: 1) начала XV вѣка, № 74 (29), въ XVI — XVII вв. принадлежала монастырю Ксенофу, и 2) начала XV вѣка, № 75 (12), переписана, повидимому, въ мон-рѣ св. Павла [2]). Въ концѣ рукописи — запись писца: въ лѣто ꙁ҃ц҃лв. гаврїилъ мѡнахь исписа сїѫ кнїгѫ.

XVIII. Маргаритъ Іоанна Златоустаго, 1443 года [3]). Крупный красивый полууставъ, по 30 строкъ на страницѣ. Послѣднее Слово озаглавлено: о покаанїи и оумилени и ꙗко скорь богъ въ спасенїе и късень на мѫченїе.

Нетрудно даже догадаться, что текстъ Маргарита долженъ сходиться съ переводомъ извѣстнаго ученика преп. Ѳеодосія Тырновскаго — іеромонаха Калифаревскаго монастыря Діонисія, который, по словамъ патр. Каллиста, имѣꙗше и дарь ѿ бога ѿ еллинскїи на словенскїи прѣводити ѧзыкъ ѕѣло хитростнѣ же и чюднѣ, и называется въ обычныхъ приписках въ концѣ книги — „честнымъ и изряднымъ по истинѣ во отцехъ, дивнымъ киръ Діонисіемъ“ [4]). Для сравненія текстовъ приведемъ неболь-

---

[1]) Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, № 14 (14) 22, въ листъ.

[2]) Такое предположеніе мы основываемъ на сходствѣ почерка данной рукописи съ 5 тетрадью нямецкаго же Сборника № 66, *Древности Слав. Комм.*, т. II, 2, стр. 47—48.

[3]) Рукопись Нямецкаго монастыря, внесенная въ инвентарь подъ разными номерами, (№№ 89 и 63), вслѣдствіе чего и нами описана отдѣльно, №№ 67 и 68; но при внимательномъ изученіи оказалось, что 2 отдѣльные листа съ записью писца и окончаніемъ Слова „о покаяніи и умиленіи“ принадлежатъ всей рукописи: тотъ же почеркъ, водяной знакъ (ножницы), форматъ, число строкъ и т. д.

[4]) Объ извѣстныхъ спискахъ Діонисіева перевода и библіографическія указанія у *П. Сырку*, Время и жизнь Евѳимія патр. Тырновскаго, стр. 248, 475 и 477; Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр.

шой отрывокъ изъ восьмого Слова „о созданіи Адамовѣ“ по Сборнику Нямецкаго монастыря XV вѣка № 89 (66), гдѣ находимъ и приписку о переводѣ Діонисія, воспроизведенную, между прочимъ, и Владиславомъ Грамматикомъ:

Сербскій Сборникъ XV вѣка:

Добри трьпѣнїа трȣды. и добрѣишїи плодь, иже трȣдомь послѣдȣѥи. добрїихь бо трȣдовь, и плодь прѣхвальнь. трȣди бо раждають добродѣтели. трȣдомь достоить постноѥ ѡбѣтованыѥ. трȣди исправлꙗѥтсе, свѣтлоѥ моученикь боиньство. трȣдомь ȣбо въходимь вьси вь царство небесноѥ. начехомь ȣбо нинѣ свещенныихь трȣдовь, добродѣтельнȣю недѣлю. въ нѥиже сьвтитсе благочьстїа свѣть (л. 89).

Рукопись Гавріила:

Дѡбри тръпѣнїа троуди. и добрѣиши плодъ иже троудомь послѣдоуѧи добрыихь бѡ троудѡвь, и плодь прѣхвалень. троуды бѡ раждѫть добродѣтѣли. троудомь достоить постное обѣтованїе, троуды исправлѣетсѧ, свѣтлое мѫченикь боинство. трȣдомь оубѡ въсходимь въси въ царство небесное. начѧхомъ оубо нинѣ свѧщенныхь троудѡвь, добродѣтѣлнѫѧ недѣлѧ. въ неиже съвтитсѧ благочьстїа свѣть....

Такой же переводъ находимъ и въ Сборникахъ СПБ. Публ. Библ-ки XIV вѣка [1]), рукописи Гавріила 1450 года, многихъ русскихъ и всѣхъ молдавскихъ рукописяхъ XV—XVI вв. Въ концѣ—запись писца: гаврїилъ исписа сїи маргарить въ лѣто ѕ҃цна.

Всѣ извѣстные намъ молдавскіе списки Маргарита не только по переводу, но и по правописанію, восходятъ къ текстамъ Гавріила. Въ описаніи рукописей Нямецкаго монастыря (стр. 49) мы привели выписку изъ молдавской рукописи 1481 года собранія П. И. Щукина, причемъ убѣдились,

---

CLXIII—CLXIV; *А. Теодоровъ,* Българска литература. Пловдивъ. 1896, стр. 129, 136 и 138. О старшихъ русскихъ спискихъ у *А. И. Соболевскаго,* Переводная литература московской Руси, Спб. 1903, стр. 21.

[1]) Толст. № 59, л. 293. Въ „Отчетѣ“ *К. Радченка* приводится отрывокъ изъ того же Слова объ Адамѣ, стр. 95.

что переводъ тотъ же. Теперь приведемъ параллельно отрывки изъ 2-го Слова тогожде кꙿ Юдеѡмь о тꙿжбахь пасхы ихꙿ, еже речено быстъ въ антїѡхїи въ велицѣи цркви, по рукописи Гавріила и по русскому списку Моск. Синод. Библ-ки, 1499 года, № 126 [1])

Рукопись Гавріила [2]):

Пакы страстнїи [1]) въсѣхь человѣкъ ѡкааннѣишїи [2]), хѡтать постити сѧ жидѡве. и пакы оутврꙿдитисѧ христовꙋ стадоу нѫждно есть елма и пастырїе [3]), дондеже оубо ничтоже забавлѣеть [4]) имь ѕвѣрь. подь дꙋбомь или тисож [5]) себѣ поврꙿгше [6]), трꙿстїѫ свирѧть ѡставлꙿше [7]) на власти въсѣцѣи ѡвцѧ пастисѧ [8]). вънегда же вльцѡмь нахожденїе ѡщоутать бывшее, въскорѣ трꙿсть поврꙿгше пращѫ въсхыщаѫть [9]). и свирѣль [10]) ѡставльше, дрꙿкѡлми [11]) и каменїемь себе вꙿзѡрꙿжаѫтꙿ. и прѣдь стадомь ставше и велми оужаснѣ въскликнѫвше, гласомь множицеѫ [12]) прѣжде връженїа ѕвѣрѣ ѿгнаша. сице [13]) оубо и мы въ прѣдниxь днехь [14]). ıакоже въ трѣвницѣ нѣкоемь книжнихь повѣстехь игрꙿѫще, ни единого же коснѫхсѧ подвижна [15]) слова. никтоже бѡ бѣ забавлѣан [16]).

Синодальная рукопись:

Пакы страстнїи, и всѣхꙿ человѣкꙿ ѡкааннѣиши. хотатꙿ поститисѧ жидове. и пакы оутвердитисѧ христовꙋ стадꙋ нꙋждно есть. елма и пастырїе, дондеже оубо ничтоже забавлѧетꙿ имꙿ ѕвѣрь. подꙿ дꙋбомꙿ или тисою себе поврꙿгше. тростїю свирѧють, ѡставлеше на власти всѧцеи ѡвцѧ пастисѧ. внегда же волкомꙿ нахождьнїе ѡщꙋтатꙿ бывшее. въскорѣ трость поврꙿгше пращю въсхыщаютꙿ. и свирѣль ѡставльше. дреколми и каменїемꙿ себе вꙿзѡрꙋжаютꙿ. и предꙿ стадомь ставше и велми и оужаснѣ въскликнꙋвше. гласомꙿ множицею преже вржениїа ѕвѣри ѿгнавше. сице оубо и мы въ предниxꙿ днехꙿ ıакоже въ травьници нѣкоемꙿ книжныхꙿ повѣстехꙿ играюще, ни единого же коснꙋхомсѧ подвижнаго слова. никтоже бо бѣ намꙿ забавлѧан...

---

[1]) Описаніе, Отд. II, 2, стр. 126.

[2]) Приведемъ интересныя разночтенія изъ чудовского Златоструя юго-славянскаго письма № 131: [1]) окаяніи, [2]) грѣшьнѣшии, [3]) пастоуси, [4]) пакости дѣеть, [5]) тополію, [6]) възлегше, [7]) отпуштьше, [8]) жировятъ, [9]) въземлютъ, [10]) пиштали, [11]) палицами, [12]) многашти, [13]) такожде, [14]) годины, [15]) ратнааго, [16]) пакости творяштааго, тамъ же, стр. 126.

XIX. Постническія Слова Василія Великаго, 1444 года [1]). При сравненіи статьи ѡ постничьствѣ, како подобаеть оукрашенꙋ быти инокꙋ, по рукописи 1444 года, съ сербскимъ Сборникомъ Ново-Нямецкаго мон-ря начала XV вѣка, № 21 (20) 5, переписаннымъ извѣстнымъ аѳонскимъ писцомъ Давидомъ [2]), находимъ тотъ же переводъ. Такое же наблюденіе можно сдѣлать и изъ сравненія его съ другой рукописью ново-нямецкой библіотеки, конца XIV вѣка, монаха Іоанна, повидимому, аѳонца-серба, сходной съ Хиландарской рукописью XV--XVI вѣка [3]). Запись писца: гаврїилъ исписа сїѫ книгѫ въ лѣто ѕ҃ц҃нв [4]).

XX. Аскетическія Слова Исаака Сирина, 1389 года [5]). По словамъ архим. Леонида, рукопись писана „полууставомъ на хлопчаткѣ“ [6]), но послѣднее невѣрно, такъ-какъ бумага имѣетъ филигрань. До сихъ поръ рукопись эта считалась сербской, надо думать, потому, что въ лаврѣ св. Аѳанасія, гдѣ она была переписана въ 1389 году, въ концѣ XIV вѣка жили главнымъ образомъ сербскіе монахи. Но достаточно привести нѣсколько строкъ изъ нея, чтобы убѣдиться въ ошибочности такого взгляда; цитируемъ начало рукописи Публ.

---

[1]) Рукопись изъ собр. А. И. Хлудова, № 8. *А. Поповъ*, Первое прибавленіе къ каталогу и т. д. М. 1875, стр. 11; *Н. Лихачевъ*, Палеографическое значеніе бумажныхъ знаковъ, I, стр. 102, гдѣ указано 7 филиграней, между ними—два варіанта ножницъ.

[2]) Имя его помѣщено въ тайнописной записи: ѕдцкѕь. Въ XV вѣкѣ рукопись принадлежала монастырю св. Павла. *Древности*, II, 2, стр. 97.

[3]) *Леонидъ*, Славяно-сербскія книгохранилища, стр. 46.

[4]) Акад. А. И. Соболевскій совершенно справедливо называетъ этотъ списокъ „молдавскимъ“, Юго-славянское вліяніе и т. д. Ср. Переводная литература, стр. 15.

[5]) Рукопись Оптиной пустыни, въ четвертку, пріобрѣтена архим. Леонидомъ въ Палестинѣ, должно быть, въ лаврѣ св. Саввы Освященнаго. Отрывокъ изъ нея взятъ преосв. Порфиріемъ и принадлежитъ Спб. Публ. Библіотекѣ, Q. I, № 903, на 5 листахъ; замѣтка жертвователя: „Изъ библіотеки лавры Саввы Освященнаго, что близъ Іерусалима. Сей отрывокъ взятъ изъ книги, содержащей творенія Исаака Сирина, а книга эта написана была въ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго въ 1389 году“.

[6]) Кипріанъ до восшествія на моск. митрополію, стр. 21.

Библ-ки, изъ Бесѣды 56, которой начинается отрывокъ: ѿ кого, нъ въсѣмь подажи дѣвстьвникь ѥ҄, не иже тѣло свое съхранивыи ѿ съчетаніа, нескврънно, нъ стыдаѩсѧ ѿ себе, егда на единѣ бѫдеть. аще любиши цѣломѫдріе, ѿжени скврънныѧ помыслы, въ поученіи чьтеніа и протѧженныѧ млтвы..., и нѣсколько примѣровъ: прошахѫ, притрѫгошѫ, ѡбрѣменѣахѫ, сѫдѣлашѫ, дѹшеѫ, волеѫ, въ истинѫ. Можно сказать развѣ то, что на правописаніи первой по времени изъ дошедшихъ до насъ рукописей Гавріила еще не замѣтно той послѣдовательности тырновской школы, которая проведена систематически въ остальныхъ его рукописяхъ. Въ концѣ рукописи — запись: сіа книга медоточнаа иже въ свѧтыхъ ѿьца нашего исаака написа сѧ въ горѣ адоньсцѣи, въ свѧтѣи и и велицѣи лаврѣ преподобнаго и богоноснаго ѿьца нашего аданасіа, желаніемь и троудомь и ексодомь грѣшнаго гавріила въ лѣто ҂ѕѿч҃з.

Объ этой рукописи мы имѣли уже случай говорить раньше (стр. 27, 33). Почеркъ ея отличается не только основными чертами обычнаго полуустава Гавріила, но и нѣкоторыми индивидуальными особенностями [1]), и въ настоящее время у насъ не остается сомнѣній въ принадлежности рукописи рукѣ того же нямецкаго монаха Гавріила.

Леонидъ почему-то думаетъ, что „Поученія эти были *переведены* (?) съ греческаго на славянскій языкъ въ лаврѣ св. Аѳанасія“ Гавріиломъ въ томъ же 1389 году, „а слѣдовательно, вскорѣ по переложеніи этихъ поученій на греческій языкъ съ сирскаго“ (стр. 22). Но это невѣрно, такъ-какъ въ рукописи Гавріила находимъ тотъ самый переводъ, который въ старшихъ болгарскихъ спискахъ приписывается Закхею Вагилу, напр. въ рукописи Нямецкаго мон-ря № 72 (65) XIV вѣка: нинѣ же закхеѡмь вагилѡмь изъ грьчьскыхъ на блъгаръскаа (изложено [2]). Позднѣе и Леониду сталъ извѣстенъ переводъ Зак-

[1]) К. Радченко говоритъ, между прочимъ, что почеркъ Лѣствицы, переписанной до 1356 года, „напоминаетъ (sic) почеркъ отрывка изъ Исаака Сирина 1389 года“, Отчетъ, стр. 95. На самомъ дѣлѣ сравниваемыя рукописи ничего общаго не имѣютъ въ палеографическомъ отношеніи.

[2]) Подробнѣе въ *Древностяхъ*, II, 2, стр. 51.

хея [1]), но прежней своей ошибки онъ почему-то не исправилъ. Переводъ послѣдняго нѣсколько подновленъ у Гавріила, и намъ кажется, что эту работу можно приписать тому старцу Іоанну, который въ той же лаврѣ Аѳанасія, во второй половинѣ XIV вѣка „прѣложилъ съ греческаго на болгарскій“ рядъ богослужебныхъ книгъ и святоотеческихъ твореній, среди которыхъ упоминается и „книга Исаака“, очевидно, Сирина [2]). Съ этимъ же переводомъ сходенъ списокъ Троице-Сергіевой лавры 1381 года, № 172.

XXI. Лѣствица Іоанна Синайскаго, 1446 года [3]). Четкій крупный полууставъ, по 24 строки на страницѣ. Лѣствица оканчивается „Словомъ къ пастырю“; обычнаго Словаря въ рукописи нѣтъ. Запись писца: гаврїилъ написа сїи лѣствичникъ въ лѣто ѕ҃цнд. Для сравненія языка перевода выписано 5-е Слово „о покаяніи“ изъ двухъ другихъ списковъ Нямецкой библ-ки: 1) сербскаго XV вѣка № 77 (49), и 2) сербскаго, переходящаго къ концу рукописи въ средне-болгарское, XV—XVI вѣка № 78 (95), причемъ оказалось полное сходство. Переводъ, сохранившійся въ рукописи Гавріила, былъ положенъ въ основу тѣхъ сербскихъ списковъ, которые появились въ Сербіи послѣ исправленія Лѣствицы при Юріи Бранковичѣ аѳонцами. Съ другой стороны, переводъ Гавріиловой рукописи восходитъ

---

1) Систем. описаніе слав.-русск. рукописей гр. А. С. Уварова, ч. I, стр. 168. Ср. въ Описаніи рукописей В. М. Ундольскаго, стр. 168 и др.

2) См. запись на синайскомъ Октоихѣ, описанномъ у *Порфирія*, Первое путешествіе, стр. 215—216, извѣстную и Леониду. П. Сырку относитъ дѣятельность этого книжника къ болѣе позднему времени, считаетъ его однимъ изъ сподвижниковъ или современниковъ Евѳимія, а списки его пріурочиваетъ даже къ послѣ-евѳиміевскому времени, Время и жизнь, стр. 457. Но это невѣрно, такъ какъ въ рукописяхъ Іоанна можно видѣть скорѣе тотъ „правый святогорскій изводъ“, который считался образцовымъ въ XIV вѣкѣ, чѣмъ „болгарскую редакцію довольно хорошо выдержаннаго тырновскаго извода“. Кромѣ того, П. Сырку не знаетъ указанной рукописи Исаака Сирина, и вмѣсто нея цитируетъ двѣ русскія рукописи, „содержащія много болгарскихъ особенностей“, 1416 и 1420 гг., тамъ же, стр. 478.

3) Рукопись Нямецкаго монастыря № 76 (94), въ листъ; бумажный знакъ—ножницы. Начало (первыя три Слова и начало 4-го) утрачено.

къ тому тексту, который, по предположенію П. Сырку [1]), былъ сдѣланъ во второй половинѣ XIV вѣка и извѣстенъ только по одному списку изъ Гильфердинговскаго собранія XIV вѣка, № 48. „Первая статья въ рукописи,—говоритъ П. Сырку,— списана монахомъ Даніиломъ, но вся-ли рукопись имъ написана, трудно сказать“, такъ-какъ въ указанной рукописи, дѣйствительно, вслѣдъ за заглавіемъ Житія Іоанна синайскаго игумена, находимъ замѣтку: сꙁписа... тїе се ѿ данїила инока смѣренннаго. Но, какъ мы указали раньше (стр. 299), въ настоящее время извѣстна полная рукопись того же „іеромонаха“ Даніила, въ концѣ которой сохранилась полная запись писца: Сиѭ лѣстьвицѭ писа иеромонахь даниль. ємоуже земла мати, гробь же домь и чрьвие лоубимы гостие. молѭ ви шьтци и братиꙗ исправлѣꙗщи чьтете моихь грѣшныхь рѫкь сиꙗзи словеса. аще и бѫдѫ сьгрѣшиль вь моемь грѣшнѣмь и хоудемь разꙋмѣ, а ви исправите и простите ме грѣшника, а вась господь да прости вꙁ си вѣкь и вь бѫ(дѫ)щи, аминь [2]).

XXII. Сборникъ, названный въ современной же надписи по обрѣзу ея „Прѣполовеніемъ“, 30 годовъ XV вѣка [3]). Полууставъ четкій, красивый, по 25 строкъ на страницѣ. Запись писца—безъ даты (л. 266): гаврїила монаха. Въ началѣ рукописи—замѣтка еписк. романскаго Пахомія на румынскомъ языкѣ: „эта книга пречудна и дорога великимъ поученіемъ“. Начинается Сборникъ Словомъ Іоанна Златоустаго о разслабленномъ, произнесеннымъ въ среду средопятидесятой недѣли; затѣмъ слѣдуютъ его же Слова на преполовеніе, на вознесеніе, на пятидесятницу, о Св. Духѣ и о всѣхъ святыхъ. Кромѣ его Словъ, здѣсь помѣщены произведенія Прокла константинопольскаго, Аѳанасія александрійскаго, Василія Великаго,

---

1) Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 474, 494.

2) Мелкіе тексты и замѣтки, XX. Прибавимъ, что какой-то Даніилъ упоминается въ записяхъ XIV вѣка. *Л. Стојановић*, Стари српски записи, стр. 57, 58, 70.

3) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 83 (85), въ листъ.

Георгія Кессаріи каппадокійской, Арсенія мниха пресвитера и игумена, Петра антіохійскаго, Льва царя о Христѣ царѣ вѣчномъ и Ефрема Сирина. По составу статей и отчасти по переводу, Сборникъ Гавріила похожъ на другую рукопись нямецкой библіотеки № 86 (79), Торжественникъ XV вѣка сербскаго письма, гдѣ съ листа 408 начинаются выборки изъ „Пятидесятницы", и на другой сборникъ „Пятидесятницу" молдавскаго же происхожденія, изъ собр. гр. А. С. Уварова [1]). Послѣднее Слово—Ефрема Сирина „о всѣхъ святыхъ".

XXIII. Сборникъ Словъ и Поученій, начала 30 годовъ XV вѣка, около 1432 года [2]). Разгонистый, некрасивый, небрежный полууставъ, очень часто сбивающійся на скоропись Гавріила. О самой рукописи нами сказано выше (стр. 298—299). Правда, почерки Сборника не всегда похожи на обычное письмо Гавріила, въ особенности первые 12 листовъ, а также лл. 201—216; наконецъ, попадаются страницы какъ-будто написанныя другимъ лицомъ. Нѣкоторое сомнѣніе могла бы возбудить даже форма буквы *м*; въ Сборникѣ она угловата, а въ несомнѣнныхъ Гавріиловыхъ рукописяхъ — съ округлой соединительной линіей. Но въ тѣхъ мѣстахъ рукописи, гдѣ почеркъ становится разгонистѣе, а слѣдовательно и крупнѣе, напримѣръ, по 19 строкъ на страницѣ, какъ на листахъ 168 об., 169 об. и 167,—тамъ буква *м* настолько похожа на обычную скоропись Гавріила, что по формѣ одной этой буквы можно было-бы признать весь Сборникъ работой нашего писца. Такимъ образомъ, всѣ затрудненія объясняются тѣмъ, что мы не знаемъ другихъ черновыхъ рукописей Гавріила.

Составъ Сборника: 1 л. Первые два Слова (лл. 1 и 13), съ утраченными начальными листами и заглавіями.

л. 37. грїгорїа нѵсскаго на благовѣщенїе и на арианы. На поляхъ: г҃.

---

[1]) *Леонидъ*, Систематическое Описаніе, I, стр. 424.

[2]) Рукопись Спб. Академіи Наукъ, по инв. кат. № 18, въ четвертку, на 461 листѣ.

Нач. въ прьвжѫ недѣлѫ, православнѫѧ сїа цркъвь...

л. 49. курїла алеѯандръскаго слово на праздникь цвѣтоносни. На поляхъ: д҃.

Нач. Царьское вѣрни днесь пришествїе празнѫѭще, боголѣпо царѣ срѧщамъ...

л. 67 об. Прѣдисловїе пасцѣ слово е҃.

Нач. потрѣбно бо есть и се, да некогда нѣцїи долꙋ плѣжѫщіеи...

л. 75. григорїа богослова на пасхѫ (на поляхъ внизу: и на опожденїе слово) ѕ҃.

Нач. Въскръсенїа дьнь и начѧло десны и прославимсѧ...

л. 77 об. Часть заглавія обрѣзана (должно быть „Слово на святую пасху); григорїа богослова з҃.

Нач. На стражи моеи станѫ, рече чюдныи аввакꙋмь....

л. 100. въ вел(икѫѭ) сѫб(отѫ) и на пасхѫ їѡанна дамаскїна и҃.

Нач. Кто възглаголеть силы господнѧ. ꙋслышаны сътворить...

л. 121. грїгорїа богослова въ новѫѭ недѣлѭ по пасцѣ д҃.

Нач. Поновленїа чьтѣте, ветхыи законь...

л. 129. грїгорїа богослова на н҃-цѫ, слово г҃.

Нач. О празницѣ кратко да любопрѣмѫдръствꙋемь...

л. 144. петра презвїтера андїохїѧ на н҃-цѫ. аі҃.

л. 155. григорїа богослова о маккавеѡхь, слово ві҃.

л. 171. о мѫченицѣ кипрїанѣ, ѿ села възвращаѭсѧ по единомь памати дьнѣ. григорїа богословa. слово гі҃.

Послѣднія четыре слова заглавія перечеркнуты рукой писца, и вмѣсто нихъ, внизу на поляхъ предыдущаго листа написано: иже въ свѧтыхь ѡтьца нашего архиепископа костандина града григорїа богослова.

л. 187. въ нед(ѣлѭ) прѣдь рож(дество) христово. свѧтыхь ѡтьць о словесехь и о схранители (sic) їꙋлїанѣ. д҃. Внизу на поляхъ: григорїа богослова.

л. 201. грїгорїа богослова. Заглавіе Слова тщательно выскоблено; на поляхъ вверху: на богоявленїа еі҃ (ошибка; должно быть „на Рождество Христово“).

Нач. Христос раждается прославите...

л. 217. Начало Слова утрачено, вмѣстѣ съ заглавіемъ. Должно быть: „Григорія Богослова на святое Крещеніе" (въ рукописяхъ—„на просвѣщеніе". *Нач.* Пакы Іисусъ мой и пакы таинство...).

л. 267. тогожде григоріа богослова о святѣмь афанасіи слово похвално. ні. Внизу на поляхъ: мѣсяца маиа в. се же іанварія. ні.

л. 403 об. тогожде о григори братѣ василіевѣ и т. д. ді.

л. 414. златооустово. Замѣтка чернилами: въ нед(ѣлю) зі ѿ лоуки еуангеліа въ еже „изми мя господи".

л. 421. тогожде о пришествіи рн епископь. Вверху на поляхъ: григоріа богослова. ка; внизу: съборное слово. ген(варіа) ке.

л. 447. исправлени мало вькратцѣ о вѣрѣ. и о низложени еретигъ и кыи ѿ еретигъ и ѿкждоу явися. сълоучи бо ся ѿ дьнеи нѣкыхъ недѣлскыхъ събраніоу семоу быти и глаголатися о сихь. слово кв.

л. 455. Заглавіе написано инымъ почеркомъ: курилла алеѯандрьскаго—О вѣрѣ христіанской.

л. 456. повѣданіе вькратцѣ. како и коего ради дѣла ѿлоучишжся ѿ насъ латине. и извръжени быша ѿ прьвѣнства своего, и ѿ книгъ помѣнныихь. идеже пишжтся православніи патріарси. глава н.

XXIV. Сборникъ Житій, 1438 года [1]). Судя по изданному черезъ кальку факсимиле первой страницы Сборника, письмо его скорѣе приближается къ индивидуальной скорописи Гавріила. По словамъ Мелхиседека, Сборникъ содержитъ „19 Житій разныхъ святыхъ, чтимыхъ церковью и написанныхъ разными авторами, среди которыхъ 6 написаны патр. тырновскимъ Евѳиміемъ" [2]). Перечисленіе послѣднихъ находимъ въ книгѣ проф. Е. Калужняцкаго: 1) Житіе Іоанна Рыльскаго, въ сокращенной редакціи первоначальнаго вида, 2) Житіе Иларіона Могленскаго, 3) Похвальное Слово Михаилу изъ Потуки, 4) Похвальное Слова Іоанну еписк. Полиботскому и 5) По-

---

[1]) Рукопись Нямецкаго монастыря № 106, въ четвертку; бумажные знаки—ножницы и высокая корона съ крестомъ.

[2]) *Revista p. istorie, archeologie* etc. an. II, vol. I, p. 143.

хвальное Слово св. влмч. Недѣлѣ [1]); очевидно, преосв. Мелхиседекъ ошибся и упоминаетъ какое-то лишнее Слово Евѳимія. Въ концѣ Сборника читается Житіе Іоанна Сочавскаго, о которомъ мы не разъ уже упоминали; противъ заглавія Житія рукой писца на поляхъ сдѣлана приписка: цамблакъ. Въ инвентарномъ Каталогѣ нямецкихъ рукописей Мелхиседекъ приводитъ румынскую запись начала XVIII вѣка еписк. романскаго Пахомія, о которой будетъ сказано въ VI главѣ нашей работы. Мелхиседекомъ воспроизведена запись писца: въ лѣто ҂ѕ҃ц҃мз, мѣсяца сеп(темвріа) к҃г, съвръши гавріилъ сіи съборникъ, но въ „Каталогѣ“ того же изслѣдователя говорится объ окончаніи Гавріиломъ Сборника „23 сентября 6946 (1437) года“, что ввело въ ошибку и насъ, и въ студенческой работѣ „Изъ славянскихъ рукописей“ (М. 1898 г., стр. 31) мы датировали рукопись тѣмъ же 1437 годомъ. Неизвѣстно также, почему Е. Калужняцкій относитъ Сборникъ къ 1439 году, такъ-какъ въ записи показанъ сентябрь мѣсяцъ.

XXV. Сборникъ Житій и Словъ, 1441 года [2]). Палеографическія особенности рукописи остались намъ неизвѣстны, такъ-какъ оба Сборника до сихъ поръ не возвращены нямецкой библіотекѣ, и приходится довольствоваться „Каталогомъ“ Мелхиседека. По его словамъ, Сборникъ содержитъ „Житіе преп. Григорія еписк. Омиритскаго изъ града Тафарона, написанное епископомъ Негранскимъ. Оно занимаетъ половину книги. Затѣмъ слѣдуютъ Слова и Житія святыхъ, среди которыхъ—Житіе преп. матери нашей Филоѳеи, написанное патр. Тырновскимъ Евѳиміемъ“ [3]). Кромѣ этого, Мелхиседекъ приводитъ румынскую запись еписк. романскаго Пахомія, начала

[1]) *E. Kałużniacki*, Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1373—1393). Wien. 1901, s. CVIII—CXI.

[2]) Рукопись Нямецкаго монастыря, № 20, въ четвертку.

[3]) *Revista p. istorie, archeologie* etc., an. II, vol. I, p. 131. Е. Калужняцкій, издавшій Житіе преп. Филоѳеи по настоящей рукописи, не сообщаетъ о ней никакихъ свѣдѣній, Werke des Patr. Euthymius. Wien. 1901, s. CVIII.

XVIII вѣка, изъ которой видно также, что въ Сборникѣ содержатся еще слѣдующія произведенія: Житіе Павла Ѳивейскаго, Слова Цамблака о влмч. Георгіи и въ недѣлю Цвѣтную, — и переводъ славянской записи 1582 года о поновленіи рукописи монахомъ Михаиломъ за 6 злотыхъ (sic) и 6 аспръ. Въ концѣ рукописи — запись писца: гаврїилъ исписа сїи сборникъ въ лѣто ҂ѕ҃цмд.

XXVI. Сборникъ историческаго и апокрифическаго содержанія, 1447 года [1]). Полууставъ обычный въ рукописяхъ Гавріила [2]). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Сборникѣ помѣщены въ „Отчетѣ“ К. Радченка, который, впрочемъ, даетъ нѣсколько неясное представленіе о первой статьѣ рукописи. „Большая часть Сборника,—говоритъ онъ,—занята повѣствованіемъ о семи вселенскихъ соборахъ. Это повѣствованіе буквально совпадаетъ съ такимъ же повѣствованіемъ, внесеннымъ въ „Сказаніе вькратцѣ лѣтомь сѫщимь ѿ адама по (sic) нынѣшнѣго врѣмене родомь“, помѣщенномъ въ извѣстной Почаевской рукописи и изданномъ Богданомъ [3]). Авторъ „Сказанія“ не сумѣлъ даже согласовать хронологическія даты повѣствованія о вселенскихъ соборахъ съ датами Сказанія. Сказаніе встрѣчается и въ сербскихъ спискахъ, но по словамъ Богдана, Почаевскій списокъ не обнаруживаетъ сербскаго оригинала“ [4]). Такъ какъ Румянцевскій отрывокъ содержитъ только 10 листовъ, то о цѣлой рукописи можно составить самое приблизительное представленіе. Въ рукописи Гавріила, и въ Почаевскомъ Сборникѣ содержатся однѣ и тѣ же статьи: 1) „Сказаніе вкратцѣ лѣтомь сущимь отъ Адама“ и 2) ѿ прѣмѫдрости соломѡнѣ, како ѩсти

---

[1]) Рукопись Румянцевскаго музея, № 923, въ листъ.

[2]) Отчетъ Моск. Рум. и Публ. Музеевъ за 1867—69 гг. М. 1871, стр. 25.

[3]) *Archiv für slavische Philologie,* bd. XIII, h. IV, ss. 502—525.

[4]) Отчетъ о занятіяхъ рукописями. К. 1898, стр. 56. Послѣднее замѣчаніе не имѣетъ значенія, потому что подъ руками такого опытнаго книжника, какимъ былъ Гавріилъ, всѣ сербскія черты обыкновенно стушевывались. Ср. Религіозное и литературное движеніе, стр. 330.

въ вся мѣсяца [1]); кромѣ того, въ Сборникѣ Гавріила читается замѣтка 3) чинъ выбаемыи праздновати святыя избранныя праздники. А такъ-какъ первыя двѣ статьи сходны съ Почаевской рукописью и текстуально, то можно предположить, что большинство недошедшихъ до насъ статей изъ Сборника Гавріила 1447 года совпадало съ Почаевской рукописью половины XVI вѣка. Въ концѣ отрывка — запись писца: гавріилъ исписа сїѫ книгѫ въ лѣто ѕ҃ц҃не.

XXVII. Сборникъ разнообразнаго содержанія, 1448 года [2]). Круглый полууставъ-скоропись, по 20 строкъ на страницѣ [3]); бумажный знакъ у Н. Лихачева, табл. CIX, № 653.

Составъ Сборника: л. 1. повѣсть содръжѫщии о святыхъ и чьстныхъ иконахъ, и какѡ и которыѫ ради вины прѣять съвръшати въ пръвѫя недѣля святыхъ пость святаа и съборнаа цръкви память православїа.

Нач. Идѡльстѣи тьмѣ ѿгнанѣ бывши и православїю по въсѫдꙋ въсїавшꙋ...

л. 23. грїгѡрїа миниха и презвитера, игꙋмена ѡбитѣли пантѡкраторѡвы, бесѣда о постѣ и слъзахъ и т. д. На поляхъ рукой, писца: цамблакъ.

Нач. Понеже ѹбо многымь благѡмь ходатаиствъвень...

л. 30. Его же, бесѣда о милостыни и о нищихъ и т. д. На поляхъ: цамблакъ.

Нач. Въ мимошедшѫя ѹбо недѣля о постѣ мало побесѣдовахомь...

л. 34. Василія архіеп. Селевкійскаго, о четвородьневнѣмь лазарѣ.

Нач. Цръковь позорище ангелѡмь и человѣкомь обще нарекь...

---

1) Недостающее заглавіе выписываемъ по изданію *I. Bogdan*'a, Cronicele moldovenesci, p. 10.

2) Рукопись Академіи Наукъ, по инв. кат. № 19, 4°, на 478 листахъ.

3) Краткія свѣдѣнія о рукописи и ея содержаніи сообщены раньше, *А. И. Яцимирскій*, „Изъ славянскихъ рукописей“ М. 1898, стр. 34—35, но подробное описаніе Сборника пока не напечатано.

л. 39. грїгѡрїа мниха и презвитера, игꙋмена обитѣли пантѡкраторовы. слово на свѣтлыи цвѣтоносїа праздникъ и т. д. На поляхъ: цамблакъ.

Нач. Вчера оубо любимици въ виданїѫ слышахѡмь пришедша...

л. 48. об. Поздняя запись: гаврїилъ исписа сїѫ книгѫ в лѣто ҂ѕцнѕ [1]).

л. 49. об. Іоанна Златоустаго, слово похвално на вьсѣхь сватыхь.

Нач. Ѿнелиже свѧщенное тръжьство пандесѧтницы съвръшихѡмь...

л. 54. лъва царѣ. о христѣ цари вѣчнѣмъ и т. д.

Нач. Пръвѣе сватаго доуха празноваашеса прихѡдь, оуже словоу иже на небеса...

л. 73. Филоѳея патр. Константинопольскаго, слово о вьсѣхь сватыхь и т. д.

Нач. И еже словеси оубѡ инако ꙗже сватыхь коегождо...

л. 122. Іоанна Златоустаго, слово егда вънѣ Ѿ цръкве обрѣтает са еѵтрѡпї ѡтврьжень быть, и о еже „прѣдста царица одеснѫа тебе въ ризахь позлащенахъ“.

Нач. Сладостень оубо цвѣтникь ран, много же сладостнѣе книжное прочитанїе...

л. 154. житїе и жизнь преподобнаго ѡца нашего варвара мѵрѡточца, подвизавшаго са въ пелагѡнстѣи гѡрѣ Ѿвьдꙋ и како пришедша въ тыа страны [2]).

Нач. Добро и благословно еже Ѿ подвига и добрѡдѣтели сватыхь начати...

л. 176 об. повѣсть чюднаа и ѕѣлѡ полезнаа, о покаани и воздвижени еже къ господꙋ, бывшее Ѿ нѣкотораго строителѣ сирѣчь икѡнома именемь деѡфила.

Нач. Бысть по времени ономъ прѣжде даже не быти нахождение безбѡжныимь и скврьныимь персѣнѡмь...

---

[1]) Одинъ изъ интересныхъ примѣровъ переписки подлинной записи читателемъ поздняго времени. Подлинную запись Гавріила см. на л. 478.

[2]) Издано нами, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 34—55.

л. 191 об. видѣнїе исаїѧ пророка [1]).

Нач. Въ двоенадесятое лѣто, царствꙋющꙋ езекїи царю їꙋдеѧ...

л. 200 об. пророка данїила, прозрѣнїе о послѣднихъ врѣмени, и о антїхрїстѣ.

Нач. Тако глаголеть господь вседръжитель ѡ горе тебѣ земле...

л. 204 об. мѫченїе святаго мѫченика христофора ѿ псогла.

Нач. О семь прѣславномь мѫченицѣ глаголет ся нѣкое чюдно и прѣславно...

л. 207. мѫченїе святыѧ великомѫченицѧ ирины [2]).

Нач. Та бѣше дъщи единородна ликинїа василиска...

л. 211. обрѣтенїе нерѫкотвореннааго и прѣчьстнааго ѡбраза, иже въ камꙋлїанѣхь съписань. иже въ святыхь ѿцемь нашимъ григорїемь епископомь нискымь.

Нач. Господь нашь їсоус христос праведныи истинныи богъ...

л. 214 об. повѣсть о нерѫкотворенѣмь ѡбразѣ господа и бога и спаса нашего їсоуса христа.

Нач. Рече нѣкто ѿ прѣвыныхь еклисїастикъ живописець сыи...

л. 215. мѫченїе святыхь и славныхь з҃ отрокь иже въ ефесѣ.

Нач. Сїи святїи бѣхѫ при декїи цари и врѣмя ѡбрѣтше и и съвѣщавше ся...

л. 219. об. о блаженѣмь епископѣ нонѣ.

Нач. Отьць їаковь повѣда намь. сѫщꙋ ми рече и еще дїаконꙋ...

л. 232. житїе и жизнь пресвятыѧ матере нашѧ марїѧ египтѣнына [3]).

Нач. Таинѫ царскѫя добро есть таити, дѣла же господнѣ проповѣдовати...

л. 270 об. ѿ житїа святаго їоанна милостиваго архїепископа александрїискаго.

---

1) Въ Успенскомъ Сборникѣ читается иная редакція „Видѣнія Исаіи", „Мученія Христофора" и „Мученія Ирины", *Чтенія Общества Исторіи и Древн.*, 1899, кн. 2, стр. *рко, рлз* и *чз*.

2) По этому списку издано нами въ „Мелкихъ текстахъ и замѣткахъ", XXIX.

3) Отсюда идетъ счетъ листамъ рукописи по тетрадямъ; цифры проставлены слѣва, внизу на поляхъ.

Нач. По лѣтѣ же нѣкоемь повѣдаша емꙋ, како юноша въсхыти инокына...

л. 273 об. тогожде їѡ(анна), о ѡтьци виталїи, иже блꙋдница спасшомоу.

Нач. Старець же нѣкыи ѿ великыихъ ѿьцъ, емꙋже имѧ виталїе лѣтѡмь сыи ѯ-мь...

л. 282 об. ѡ отроковици, гꙋбленои ѿ матере еѧ.

Нач. Повѣда намь ѿьць їѡаннь, ꙗко идохѡмь нѣкогда, аз же и софронїе...

л. 288. об. о женѣ ꙋбїени ѿ мꙋжа еѧ.

Нач. Нѣкто инокь повѣда намь, ꙗко въ кѵпрьскомъ ѡстровѣ...

За тѣмъ слѣдуетъ пять небольшихъ Повѣстей безъ заглавій, повидимому, изъ „Луга Духовнаго“: О юношѣ, ограбившемъ мертвую дѣвицу (л. 289 об.); О монахѣ, отрекшемся отъ Бога и впослѣдствіи покаявшемся (л. 293 об.); О женщинѣ, позволившей монаху согрѣшить съ ней (л. 295); Разсказъ Анастасія патр. антіохійскаго о монахѣ, впадшемъ въ блудъ (л. 295 об.); Объ одномъ изъ Ѳивейскихъ старцевъ, соблазняемомъ четырьмя дьяволами (л. 297).

л. 298 об. о женѣ обрѣтенѣи въ ѡстровѣ съ сыномь еѧ.

Нач. Блаженыи по истинѣ вь свѧтыихь ѿьць марко, въставивыи монастирь...

л. 303. о инокыни обрѣтеннои въ поустыни їѡрданьстѣи.

Нач. Нѣкыи ѿ великыихь и богоносныихь ѿьць сила именемь...

л. 311. Изъ Повѣсти о преп. Ѳеоктистѣ „отъ града миѳимійскаго“ (безъ заглавія).

л. 313 об. въспоминанїе преподобныѧ ѳеѡдоры иже ѿ кесариды.

Нач. Та преподобнаа постисѧ въ обитѣли свѧтыѧ анны...

л. 315 об. въспоминанїе о преподобнѣи анꙋсы, дъщере копрѡнима царѣ.

Нач. Сїа много ѿтьцемь понꙋждена бѣше съпрѧщисѧ...

л. 316 об. о павлѣ прѣпростѣмь и о послоушанїи его.

Нач. Иже въ свѧтыхь ѿьць нашь павель нареченныи прѣпростыи...

л. 320 об. о томжде павлѣ прѣпростѣмь.

Нач. Повѣда намь блаженыи павель прѣпростыи, ıако имѣахѹ прѣжде ѹченика...

л. 322. о томжде.

Нач. Блаженыи ѿць павель прѣпростыи ѹченикъ ѡтьца антѡніа...

л. 324. Повѣсть о Павлѣ новинникѣ (изъ Пролога, 7 декабря).

Нач. Повѣда намь ѿць силѹанъ глагола...

л. 326. о прѣподобнѣмь єфрѡсинѣ.

Нач. Сꙁи иже въ свѧтыхъ ѿць наше єфросинь...

л. 238. о ѡтьци пинѹфіи.

Нач. Иного же нѣкоего ѿ ѿцъ видѣхомь...

л. 330 об. поѹченіе.

Нач. Вѣси ли брате, колико дьніи прѣдь браты...

л. 338. О согрѣшившемъ монахѣ, прощенномъ по молитвѣ братіи.

Нач. Сеи дрѹгжа повѣсть сказа намь...

л. 340. повѣсть о ѿьци кѡпріи.

Нач. Сꙁи преподобныи ѿцъ нашь кѡпріи рождень бысть на гноищи, внѣ обитѣли...

л. 341 об. О старцѣ Павлѣ и приходившемъ къ нему львѣ.

Нач. Нѣкто ѿ ѿць исповѣда намь...

л. 342 об. О старцѣ Сергіи и приходившемъ къ нему львѣ.

Нач. Повѣда намь и се о ѡтьци сергіи...

л. 143. О старцѣ Пименѣ и согрѣвавшемъ его леопардѣ.

Нач. Повѣда намь и се ѿцъ савватіе...

л. 343 об. о преподобнѣмь ѡтьци нашемь герасимѣ емѹже послѹжи звѣрь.

Нач. Великаа слава постникѡмь...

л. 345 об. ѿ старечскаго. О игуменѣ, не принявшемъ Христа.

Нач. Бѣше нѣкто ѡбщиа житіа началникь...

л. 345 об. О старцѣ и царѣ Ѳеодосіи.

Нач. Старець сѣдѣше въ пѹстыни, прѣбык же...

л. 351. повѣсть о петрѣ мытари.

Нач. Имѣахъ рече нѣкоего отрочища слꙋжѫща въ моемь келарїи...

л. 357. анастасїа синаискаго.

Нач. Аще ли же хощеши и инѫ повѣсть тебѣ сповѣмь. много прѣславнѣише, ѫже клымь (sic) съписатель о їwаннѣ рече...

л. 364. О разбойникѣ, задумавшемъ напасть на монастырь.

Нач. Въ единомь мѣстѣ естъ страны антїwхїискыѫ...

л. 367. О юношѣ и константинопольскомъ волхвѣ.

Нач. Слышахомь и се нѣкыꙗ повѣдаѫщѫ...

л. 370. повѣсть нѣкоего їwанна юношѫ ѕѣло полезна.

Нач. Бысть нѣкои мѫжь въ дьни кwнстантїна...

л. 373 об. О смерти праведника и грѣшника.

Нач. Братъ нѣкои въпроси старца...

л. 375. О кончинѣ неправеднаго богача.

Нач. Тъижде старець повѣда намь...

л. 376. ѿ бесѣды свꙗтаго григwрїа двоеслова о отрочищи, иже на бога хоулившa.

Нач. Въси бо кръщенїи младеньци и въ томь младенечьствѣ оумираѫщеи...

л. 377 об. повѣсть видѣнїꙋ кwзмы мниха страшна ѕѣлw полезна.

Нач. Въ г҃і тое лѣто царьства рwмана гръчьскаго...

л. 385. Разсказъ Макарія Египетскаго о поминовеніи умершихъ и разлученіи души отъ тѣла.

Нач. Ѿьца макарїа алеѯандрїискаго оученикь повѣда намь...

л. 391. житїе и жизнь преподобнаго отьца нашего макарїа римлѣнина, иже обрѣтень бысть три пъприща ѿ раꙗ.

Нач. Молим сꙗ оубw мы грѣшнїи и недостоиныи инwци...

л. 407. повѣсть о сѫдѣании свꙗтыхъ апостоль андреа и матдеа и кwлика пострадашꙗ въ градѣ человѣкоꙗдець и како спасени бышꙗ.

Нач. Вь дьни оны апостоли бѣхѫ събрани къ іcoycoy...

л. 427 об. повѣсть афрwдитїана персѣнина съписана ѿ фїлїппа презвитера. сиггела бывшаго великааго їwанна златоꙋстааго. о рождьствѣ христовѣ и о звѣздѣ. и о поклоненїи влъхвомь, иже ѿ персиды.

Нач. Ѿ персиды оувѣдѣ сѧ христос ѿ начала...

л. 436. Аѳанасія Александрійскаго, слово на рождество...

Нач. Начало радости и веселіа доуховнаго...

л. 444 об. повѣсть о иверѣхь како пріидоша въ благоразоуміе.

Нач. Въ дьни иже въ свѧтыхь великааго константіна правого...

л. 447. повѣсть о бѫдѫщимь сѫдѣ, и о земныихь мѫкахь.

Нач. Свѧтыи свѧщенномѫченикъ патрикіе глаголеть ꙗко двѣ мѣстѣ...

л. 448 об. слово полезно о иноческомь житіи иже на земли.

Нач. Слышите отьци и братіа колико почьтень бысть иночьскыи чинь...

л. 450 об. О бѣсѣ, попавшемъ въ чашу.

Нач. Повѣда намь авва піѡръ, ꙗко сѫщоу ми юноу...

л. 459 об. О святыхъ, носящихъ имя Іоанна.

Нач. Понеже въ книзѣ нарицаемои лѣствици...

л. 460 об. что есть ѡбразы иночьскаго жительства.

Нач. Постриженіе оубо... (части листа не достаетъ).

л. 461 об. григоріа синаитьскаго, сказаніе о раискомь бытіи.

Нач. Раи соугоуба есть чювествьныи и мысльныи...

л. 464. Его же, о самовластіи нашемь.

Нач. Богъ человѣка самовластна създа...

л. 464 об. о коегождо свѧщенноначальствомь нареченіи и чинѣ.

Нач. Ꙗкоже оубо по ангельскомоу...

л. 465 об. о црьковнѣмь свѧщенноначальствіи.

Нач. Црьковное же свѧщенноначальство...

л. 466 об. что сѫть ѡбразы црьковнаго и свѧщенноначалнаго оустроеніа.

Нач. Понеже чины ѡвѣхь ѡбразни сѫть...

л. 468 об. оуставы боговидѣтелніи.

Нач. Чаша есть, ѫже кромѣ болѣзни съмртныѫ...

л. 469 об. тогожде главизны о сънныихь искоушеніихь.

Нач. Въпросъ. колижди истицателныи грѣхь бываеть...

л. 470. о еже како подобаеть въздимати милостынѧ безмлъвникоу.

Нач. Иже на единѣ сѣдѧи и ꙗдыи...

л. 470 об. тогожде. о доушевнѣмь тричастїи.

Нач. Доуша раздѣлѣетсѧ...

л. 473. въпрѡси и ѿвѣти свѧтыхь ѿьцъ.

Нач. Въпрѡсъ. како подобаеть инокꙋ быти въ келїи...

Запись писца, скорописью—внизу, на листѣ 478:

† гаврїил҃ испиа сїѫ книгѫ в лѣт ҂ѕцнѕ.

Запись еписк. Пахомія романскаго, молдавской скорописью начала XVIII вѣка (л. 478 об.):

сь щие къ ачасть карте есте фѡрте де фѡлѡсъ: кꙋ ѫвъцетꙋри де трѣбъ, *т. е.*

„Да будетъ вѣдомо, что эта книга весьма полезна своими дѣльными поученіями (на потребу)“.

Запись славянская, скорописью 1615 года:

василїе дїакь въ мѣсѧць ѻктоврїе въ кд дьнь в лѣто зркд.

XXVIII. Сборникъ полемическій противъ латинянъ, конца сороковыхъ годовъ XV вѣка (1448—1450 гг.) [1]). Округлый полууставъ, переходящій въ скоропись, болѣе мелкій, чѣмъ въ предыдущей рукописи, по 26 строкъ на страницѣ [2]).

Составъ Сборника: „Исповѣданіе вѣры“, „О еже каковѣмъ подобаетъ быти христіаномъ“, и выписки догматическаго содержанія, Исповѣданіе папы римскаго „како и во что вѣруетъ и держитъ самъ папа и фременуріи его и прочіи вси латини“, Св. Максима—„Изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ“ и „О двою совершенною естеству Господа нашего Іисуса Христа“, Повѣсть Никифора Ликійскаго о вечеряхъ Христовыхъ, Никиты Никейскаго о безквасной службѣ, Петра Антіохійскаго о вечерѣ Христовой, Никона—о латинскихъ опрѣснокахъ, Слово Θеодосія Печерскаго къ кн. Изяславу о латинахъ, „Повѣсть полезна о латинахъ, Никиты Стиθата — Слово къ латинамъ объ опрѣснокахъ, о фрязехъ и прочихъ латинахъ, „Посланіе

---

[1]) Рукопись Академіи Наукъ, инв. кат. № 20, въ четвертку, на 189 листахъ.

[2]) Подробное описаніе рукописи см. въ книгѣ, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898 г., стр. 28—30.

Доминика архіеп. венетійскаго, еже посла къ святому Петру превысокаго престола, иже въ Антіохійской церкви, о ереси своей и опрѣсноку“ и Правила свв. апостоловъ, въ трехъ отдѣлахъ [1]).

Реальное назначеніе этихъ статей могло быть вызвано тѣми отголосками движенія „латиномудрствующихъ“, которыя явились въ Молдавіи послѣ флорентійскаго собора (см. выше, стр. 278).

XXIX. Сборникъ аскетическій, конца первой половины XV вѣка (послѣ 1435 года) [2]). Небрежный полууставъ трехъ почерковъ руки Гавріила, по 27 строкъ на страницѣ. Терминомъ post quo служитъ Житіе Варвара Охридскаго, составленное Купріаномъ въ 1435 году (см. выше, стр. 297) и помѣщенное въ Сборникѣ на первомъ мѣстѣ среди крупныхъ статей. По содержанію своему, академическая рукопись представляетъ типичный „аскетическій“ Сборникъ, съ повѣстями разныхъ анахоретовъ и отцовъ, мелкими выписками, вопросами и отвѣтами о постнической жизни, взятыми изъ Патериковъ и т. д. Большинство незначительныхъ по размѣрамъ статей — безъ заглавій; отмѣтимъ „Повѣсть“ отца Исаіи, Отрывокъ изъ Житія св. Пахомія, Поученіе Симеона Новаго Богослова къ новоначальнымъ инокамъ, извѣстное Слово Макарія Великаго (*Нач.* Хотѧи пристѫпити къ господѹ...). Остальныя мелкія выписки сгруппированы по содержанію: о смиреномудріи, объ умиленіи, о любви, о неимущихъ любви, о долготерпѣніи, о гнѣвѣ, о кротости, о лукавствѣ, о послушаніи, о непокорствѣ, о зависти и т. д. Въ XVII вѣкѣ рукопись принадлежала молдавскому монастырю Побратѣ, въ которомъ былъ посвященъ извѣстный писатель XVII вѣка Досиѳей, впослѣдствіи митрополитъ сочавскій.

[1]) Подобнаго же состава Сборникъ XVII вѣка Моск. Духовн. Академіи. „Опись“ іером. Іосифа. М. 1882, стр. 198—200.

[2]) Рукопись Румынской Академіи, № 75, въ листъ; бумажный знакъ — ножницы.

XXX. Сборникъ 1450 года [1]). Округлый полууставъ, переходящій въ скоропись, по 20 строкъ на страницѣ. Кромѣ Маргарита Іоанна Златоустаго и Житія Іоанна Новаго, содержитъ нѣсколько Поученій свв. отцовъ и торжественныхъ Словъ на праздники. Въ концѣ рукописи — запись писца: гаврїилъ исписа сїи комать книгы въ лѣто ѕ҃ц҃нд, скончахь мѣсяца дек(емврїа) е҃ дьни, оуже п҃ѕ-тимь лѣтωмь сѫи [2]).

Кромѣ перечисленныхъ 30 рукописей, Гавріиломъ были переписаны, несомнѣнно, и другія. О нихъ мы можемъ догадываться по нѣкоторымъ вѣроятнымъ копіямъ, которыя были сдѣланы въ XVI и XVII вв. съ Сборниковъ, по составу своему очень напоминающихъ рукописи Гавріила. Такъ, напримѣръ, 1) въ двухъ позднихъ Сборникахъ сохранились переводы Гавріила, сдѣланные въ 1426 и 1443 годахъ (см. выше, стр. 245 и 277), вмѣстѣ съ очень исправными текстами произведеній Цамблака, причемъ оригиналовъ мы не знаемъ; 2) въ нѣсколькихъ виленскихъ Сборникахъ, рукописи Гепецкаго и другихъ читаются какъ-разъ тѣ Слова того же автора, которыхъ нѣтъ въ перечисленныхъ рукописяхъ Гавріила, а близость виленскихъ Сборниковъ къ Гавріиловымъ видна изъ обычныхъ замѣтокъ противъ заглавій: цамблакъ; наконецъ, 3) если Гавріилъ переписалъ въ разные годы 4 списка Евангелій, то такое же приблизительно количество мы можемъ предполагать и относительно другихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что 4) подборы мѣсяч-

---

[1]) Рукопись бывшаго нашего собранія, инв. кат. № 96, въ четвертку; бумажный знакъ—ножницы.

[2]) Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 156. Не извѣстно, была ли подъ руками у Мелхиседека настоящая запись. Правда, онъ не знаетъ опредѣленнаго возраста Гавріила и только называетъ его современникомъ Цамблака, но въ одной фразѣ у Мелхиседека находимъ намекъ на эту именно рукопись, а именно, покойный ученый говоритъ, что Гавріилъ работалъ на книжномъ поприщѣ съ 1429 по 1450 годъ (стр. 51). Вполнѣ естественно, конечно, было отнести начало книжной дѣятельности Гавріила къ 1429 году, такъ какъ Мелхиседекъ зналъ только оксфордскую рукопись, и не зналъ Ново-Нямецкой, 1424 года. Въ то же время, самая поздняя изъ извѣстныхъ ему рукописей относилась къ 1447 году. Вотъ почему очень загадочной является у него крайній терминъ, 1450 годъ.

ныхъ Миней являются далеко не полными (нѣтъ на мѣсяцы: сентябрь, январь, апрѣль, іюнь, іюль и августъ), и т. д.

Кромѣ нашихъ замѣтокъ въ книгѣ „Изъ славянскихъ рукописей", о Гавріилѣ, какъ писцѣ, въ ученой литературѣ существуетъ очень мало свѣдѣній. Ѳ. И. Успенскій могъ сказать только, что Гавріилъ былъ славянинъ, въ чемъ никто не сомнѣвается, и предполагаетъ, что Гавріилъ пришелъ въ Молдавію изъ Сербіи уже взрослымъ человѣкомъ [1]). П. Сырку думаетъ, что Гавріилъ „до нѣкоторой степени зналъ и ресавскій изводъ или, по крайней мѣрѣ, сербскую редакцію", но такое заключеніе дѣлаетъ на основаніи только именъ двухъ сербскихъ святыхъ, встрѣчающихся въ мѣсяцесловѣ Оксфордскаго Евангелія [2]). Но авторъ, очевидно, забылъ, что и въ Елисаветградскомъ Евангеліи, которое онъ считаетъ копіей съ рукописи царя Іоанна Александра и относитъ къ XIV вѣку, внесены памяти тѣхъ же сербскихъ святыхъ (Саввы и Симеона), а другихъ славянскихъ святыхъ совсѣмъ не имѣется [3]). За тѣмъ слѣдуютъ разсужденія общаго характера: „Гавріилъ для своего времени былъ однимъ изъ высокообразованныхъ людей, начитанный, по крайней мѣрѣ, въ духовной литературѣ, и пользовался (?) среди знатоковъ послѣдней извѣстностью и хорошимъ именемъ. Быть можетъ, и то обстоятельство, что господарша (sic) заказала ему свой текстъ Евангелія, служитъ тому однимъ изъ лучшихъ доказательствъ". Кромѣ того, П. Сырку напечаталъ два отрывка изъ Евангелія отъ Матѳея, вмѣстѣ съ греческими евангельскими приписками, сдѣланными въ неизвѣстное время на широкихъ поляхъ рукописи.

Этого, конечно, слишкомъ мало, и мы находимъ вполнѣ умѣстнымъ сказать о Гавріилѣ болѣе подробно, воспользовавшись свѣдѣніями всѣхъ тридцати принадлежащихъ ему

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, XI, Отд. 2, стр. 93.

[2]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. VII, кн. IV, стр. 331.

[3]) Время и жизнь патр. Евѳимія, стр. 434.

рукописей, такъ какъ намъ кажется, что изученіе перечисленныхъ рукописей можетъ дать матерьялъ для 1) палеографическихъ наблюденій (происхожденіе такъ-называемаго Молдавскаго письма) и 2) грамматически-графическихъ (правописная реформа Евѳимія); затѣмъ, для 3) библіографіи (наличность произведеній славянской литературы въ передовомъ молдавскомъ Нямецкомъ монастырѣ во второй четверти XV вѣка) и, наконецъ 4) для біографіи необыкновенно дѣятельнаго и просвѣщеннаго писца-редактора Гавріила.

Прежде всего, не всѣ рукописи Гавріила написаны одинаковымъ почеркомъ. Не смотря на то, что принадлежность ихъ Гавріилу не подлежитъ сомнѣнію, что около половины ихъ— съ записями и датами, что Гавріилъ работалъ въ преклонномъ возрастѣ, когда почеркъ долженъ былъ установиться, притомъ въ одномъ и томъ же монастырѣ и т. д., тѣмъ не менѣе, переписанныя имъ рукописи можно раздѣлить по характеру почерка на слѣдующіе отдѣлы:

I. Индивидуальная скоропись греческаго типа, точнѣе, округлый полууставъ, переходящій въ скоропись, съ очень характерными формами буквъ ε, к, г, χ, ч, м ь, ѵ, а и др. Этимъ почеркомъ переписаны 6 отдѣльныхъ рукописей (№ № IV, XXIII, XXIV, XXVII, XXVIII и XXX) и всѣ записи на датированныхъ цѣлыхъ рукописяхъ [1]).

II. Крупный или мелкій, четкій и красивый полууставъ типичнаго Молдавскаго письма. Въ рукописяхъ „выходныхъ“, т. е. роскошныхъ Евангеліяхъ большого формата, онъ заслуживаетъ скорѣе названія литургическаго письма, даже устава, если послѣдній терминъ понимать условно (№№ II и III); въ остальныхъ рукописяхъ полууставъ является болѣе простымъ, ординарнымъ, хотя и здѣсь каждая буква выводится какъ-бы самостоятельно, и на форму ея, размѣры мало вліяютъ

---

[1]) Надо думать, что, если бы сохранилась подпись Григорія на одномъ изъ актовъ его времени, то она была бы написана этимъ именно почеркомъ.

сосѣднія буквы, т. е. удерживается принципъ „уставного“ письма.

III. Такой же полууставъ, но нѣсколько широкій, съ болѣе низкими буквами и въ болѣе толстыхъ линіяхъ, въ извѣстной степени сохраняющій индивидуальныя черты перваго почерка. Этимъ письмомъ написано 7 рукописей (№№ V, VIII, IX, XI, XIII, XVI, XXI).

Раньше мы уже упоминали о томъ, что рукописи Гавріила слѣдуетъ считать первыми по времени книгами, появившимися въ предѣлахъ Молдавіи (стр. 307). Но уже въ старшей изъ нихъ, въ Словахъ Григорія Богослова 1424 года, находимъ вполнѣ выработанный и со всѣми типическими особенностями тотъ полууставъ, который позднѣе сталъ извѣстенъ подъ названіемъ „Молдавскаго письма“ и который сохранялся у молдавскихъ, а также у валашскихъ писцовъ до самаго начала XVIII вѣка. Мы имѣли уже случай указывать на необыкновенную устойчивость Молдавскаго письма, дѣлавшую возможными ошибки палеографовъ, принимавшихъ рукописи конца XVII вѣка за XV вѣкъ [1]) и т. п. Является интересный вопросъ: откуда появилось это письмо и почему оно получило распространеніе только у румынъ? Мы думаемъ, что родиной его слѣдуетъ считать Аѳонъ, отчасти Константинополь, быть можетъ, и Болгарію времени Евѳимія, которая въ этомъ отношеніи сама не представляла чего нибудь оригинальнаго сравнительно съ Аѳономъ, гдѣ проходили книжную школу сами болгарскіе писцы и писатели. Относительно Болгаріи мы дѣлаемъ такую оговорку на томъ основаніи, что рукописей, переписанныхъ въ ея предѣлахъ въ интересующій насъ періодъ (приблизительно, послѣдняя четверть XIV вѣка) мы не знаемъ. Но намъ извѣстны многія рукописи этого именно времени аѳонскаго и константинопольскаго происхожденія. Въ

[1]) Мелкіе тексты и замѣтки, XXVII, гдѣ рѣчь шла о Параклитикѣ 1709 года, писанномъ такимъ же великолѣпнымъ полууставомъ, какъ многія рукописи XV вѣка. Ср. выше, стр. 137, прим. 1.

нихъ мы можемъ видѣть нѣкоторыя только черты, легшія въ основу письма Молдавскаго типа, но специально-молдавскія особенности развились изъ первыхъ совершенно самостоятельно. Стоитъ сравнить первыя со вторыми, и на первый взглядъ молдавскія рукописи произведутъ впечатлѣніе очень древнихъ уставныхъ списковъ, вродѣ Новгородскихъ Евангелій съ Остромировымъ во главѣ, Изборниковъ Святослава, Псалтыри 1296 года, нѣкоторыхъ Стихирарей и т. п. Конечно, это впечатлѣніе окажется обманчивымъ и объяснится, съ одной стороны, нѣкоторымъ убожествомъ и неестетичностью старшаго полуустава югославянскихъ рукописей XIV вѣка, съ другой—богатствомъ и изяществомъ молдавскихъ. Послѣднюю особенность мы можемъ объяснить двумя причинами—экономической и расовой.

О первой изъ нихъ мы не будемъ распространяться. Вполнѣ естественно, что въ такой богатой странѣ, какой была Молдавія съ начала XV вѣка и до времени господарей-фанаріотовъ, и въ такихъ богатѣйшихъ монастыряхъ, которые къ половинѣ прошлаго столѣтія владѣли чуть не третью всей территоріи румынскихъ княжествъ,—роскошныя рукописи были не рѣдкость. Прочность матерьяла, хорошаго пергамента и итальянской плотной бумаги, чернилъ, золота, красокъ и даже переплетовъ, тщательность самой работы писцовъ и великолѣпная сохранность большинства рукописей, — все это возможно было только въ богатой странѣ и въ монастыряхъ, располагавшихъ своими собственными средствами и пожертвованными, нѣсколькими писцами, не обремененными работой и заботами по хозяйству, наконецъ, большимъ количествомъ готовыхъ уже рукописей, благодаря чему послѣднія не такъ скоро приходили въ негодность отъ употребленія въ церкви.

О второй причинѣ, названной нами „расовой", слѣдуетъ сказать подробнѣе. Не забудемъ, что румыны—народъ романскаго происхожденія, а это именно и повліяло на природный вкусъ румынъ, на инстинктивную потребность всей націи къ

изящному, на умѣнье выполнять красиво и тонко всякія подѣлки художественной промышленности, начиная съ неподражаемыхъ по техникѣ и рисунку молдавскихъ ковровъ деревенскихъ мастерицъ и кончая изящными деревянными ложками „лингурарей". Припомнимъ все, что̀ сказано раньше объ основныхъ чертахъ стариннаго румынскаго искусства, сошлемся на факты и наблюденія, приведенныя нами въ одной статьѣ о простонародномъ современномъ искусствѣ у румынъ [1]), — и намъ станетъ понятнымъ, почему румынскій поэтъ В. Александри также обратилъ вниманіе на національный элементъ въ искусствѣ [2]). Особенно яркимъ станетъ это наблюденіе при сравненіи съ книгами болгаръ и даже сербовъ. Мы знаемъ, напримѣръ, нѣсколько рукописей сербскаго происхожденія начала XV вѣка. Письмо ихъ крупное, красивое и болѣе, чѣмъ дру-

---

[1]) *Искусство и художественная промышленность*, 1901, № 10.

[1]) Свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ, покойный Василій Александри формулировалъ въ письмѣ къ ректору кишиневской духовной семинаріи о. Михаилу Ганницкому. Приведемъ изъ него выдержки въ переводѣ съ румынскаго. „Каждый знаетъ, конечно, что народъ румынскій вѣками переносилъ иго невѣрныхъ. Оно пріучило его къ мученіямъ, къ безконечному терпѣнію и — страшно сказать! — къ рабству... Вполнѣ естественно можно было ожидать, что и въ произведеніяхъ народнаго творчества, и въ памятникахъ искусства будутъ преобладать мрачныя черты, невольное чувство гнета, мистика и вообще пессимизмъ. Да, это было-бы такъ естественно и, прежде всего, логически возможно! Но на самомъ дѣлѣ мы находимъ въ этой области совсѣмъ иное. Послушайте звучныя мелодіи нашихъ пѣсенъ, — въ нихъ вы найдете развѣ ту лишь тоску, которая такъ далека отъ суроваго отчаянія. Взгляните на узоры тканей простонароднаго происхожденія, напримѣръ, нашихъ знаменитыхъ ковровъ,—въ нихъ вы встрѣтите разнообразную пестроту, смѣсь свѣтлыхъ и мягкихъ тоновъ. Эти сочетанія красокъ способны вызвать спокойное расположеніе духа, даже больше—въ нихъ выражается нѣкоторая психологія народа: въ нихъ замѣтна надежда на лучшее будущее. И рядомъ съ ними вы увидите мрачныя и мутныя краски западныхъ образцовъ, гдѣ опять преобладаютъ неизбѣжная мистика и даже пессимизмъ. Это два совершенно противоположные типа въ искусствѣ. Изъ одной и той же природы, въ которой находится такое множество тоновъ, германскій народъ выбираетъ тона мутные, пасмурные, старается соединить ихъ въ такихъ контрастахъ, которые своими комбинаціями усиливали-бы мрачное впечатлѣніе. Совсѣмъ иначе поступа-

гихъ книгъ, подходитъ къ Молдавскому; но все таки онѣ много уступаютъ послѣднимъ въ смыслѣ художественности. Сербія этого времени также была богата, деспотъ Стефанъ не жалѣлъ средствъ на книжное дѣло, призывалъ работниковъ съ Аѳона и т. д., но вышедшимъ изъ подъ ихъ пера рукописямъ далеко до Молдавскихъ. Послѣднія имѣли вліяніе и на русское письмо. Мы говоримъ о русскихъ, точнѣе, московскихъ рукописяхъ начала XVI вѣка, форма буквъ которыхъ послужила даже образцомъ для первыхъ московскихъ типографскихъ матрицъ. И Москва къ этому времени стояла сравнительно высоко въ экономическомъ отношеніи, ея книги рѣзко отличаются отъ болѣе старыхъ или позднихъ книгъ своею роскошью, тщательностью орнамента, четкостью буквъ и т. д. Но едва-ли кто-нибудь станетъ спорить, что и въ этихъ рукопи-

---

етъ румынскій простонародный художникъ. Онъ не передѣлываетъ на свой ладъ тѣ сочетанія, какія даетъ ему неподдѣльная природа, и свое настроеніе какъ-бы воплощаетъ въ яркихъ и ясныхъ цвѣтахъ жизненной и животворящей природы. Отъ произведеній народной индустріи перейду теперь къ памятникамъ румынской архитектуры. Лично я того мнѣнія, что чего-нибудь оригинальнаго въ этой области у насъ не было; впрочемъ, народный характеръ гораздо охотнѣе уживался подъ круглыми и низкими византійскими арками, гдѣ больше свѣта, торжественнаго величія и царственной простоты, чѣмъ подъ заостренными и пересѣкающимися готическими сводами, гдѣ все полно таинственнаго мрака, гдѣ страшная мистика прямо граничитъ съ могильнымъ served мракомъ... Откуда-же, спросите вы, явилась у румынъ такая ясность въ подборѣ и распредѣленіи красокъ въ произведеніяхъ народнаго искусства? Чѣмъ объяснить такой, такъ сказать, оптимизмъ въ румынскомъ рисункѣ, если прошлое народа было такъ горько, такъ трагично?... Да, все это справедливо; но не слѣдуетъ забывать, что, несмотря на всѣ мученія румынъ, ихъ народный духъ былъ всегда силенъ и крѣпокъ. Онъ всегда двигалъ ихъ впередъ, и подъ его всемогущимъ вліяніемъ воспитывалось племя, становилось все выносливѣе, и внѣшнія вліянія оставались какъ-бы въ сторонѣ отъ народной психологіи. Вотъ почему румынка предпочитаетъ свѣтлые тона темнымъ, игривыя сочетанія — гармоничнымъ, и ясная, веселая пестрота румынскаго ковра мнѣ больше говоритъ о характерѣ моего народа, чѣмъ скучные трактаты о томъ же предметѣ историковъ и политиковъ. Да,—еще разъ скажу я, — что далеко не ничтоженъ тотъ народъ, который создаетъ такія красивыя ткани съ такими великолѣпными и разнообразными узорами", тамъ же, стр. LXVI.

писанныѧ въ всѧ ереси. и въсѧ скверны
и. и въсѣ канни исправлена а и дѣла. и вѣ
ра зловѣрна. и злочестіе их:
Слово ѿца нашего Ѳеѡсіа, печерскаго
игꙋмена. къ Изаславꙋ кнѧзꙋ, ѡ латинѣ-
Азъ Ѳеѡсіи, хꙋдыи мних. рабъ стыѧ трцѧ,
ѿца и сна и стго дха. въ честнѣ житіа
и въ православнѣи вѣрѣ рожен. и въспи
тан въ добрѣ законѣ, и православнѣ.
ѿ ѹцемꙋ и мтри христіаннꙋ. ѿ них же
наказастамасѧ ѹтномꙋ и пра
вовѣрномꙋ законꙋ жити. а не послѣ
довати помраченном, и злосмрадном
вѣрѣ латинстѣи. ни приимати са
кънних. ни обычаи их недръжати. ни
жѣ комканіа их приимати са. ни въ
сѧкого ѹченіа их не послꙋшати. и ѿ въ
сѣкых правовѣрных блюсти са. и своих дщер
вьдати за них, не посагати са съ
ними. ни же своа спи къ дꙋщерем их
нестн имати са. ни въ єдином дѣлѣ пем
мь тин єдиного приѡбщеніа съ ними.
ни братити са, ни кꙋмити са. ни
поклонити са, ими, ни же цѣловати
его. и въ єдиностъ сѧдѣни мѣсти, ни
пити съ ними. ни чѧше єдиного.

сяхъ нѣтъ той, повторяемъ, стихійной художественности, какая съ перваго взгляда отличаетъ Молдавскія изъ сотенъ рукописей того же времени.

Такимъ образомъ, остается только такое объясненіе, которое предложено нами. Вопросъ о національности въ искусствѣ вообще разработанъ настолько хорошо, что мы считаемъ лишнимъ всякія ссылки на авторитеты. Новымъ въ нашемъ взглядѣ является развѣ то, что мы примѣнили тотъ же принципъ къ новой области, а дальнѣйшее освѣщеніе его предоставляемъ будущимъ изслѣдователямъ.

Въ самой тѣсной связи съ изяществомъ Молдавскаго письма, несомнѣнно, стоитъ и выдающаяся красота молдавскаго орнамента въ рукописяхъ, а затѣмъ—въ старопечатныхъ книгахъ. Конечно, въ области искусства болѣе всего примѣнима пословица о „товарищахъ" и личномъ „вкусѣ", но мы думаемъ, что едва-ли кто-нибудь станетъ отрицать особенную прелесть гармоничныхъ сочетаній линій и тоновъ молдавскихъ заставокъ и инипіаловъ, сравнительно не только съ болгарскими и сербскими, но и русскими. Интересно также, что какъ-разъ съ 20 годовъ XV вѣка въ рукописяхъ Молдавскаго происхожденія появляется необыкновенно роскошный орнаментъ изъ плетеній, сначала простыхъ, затѣмъ—необыкновенно затѣйливыхъ, покрытыхъ золотомъ по изящно выведеннымъ киноварью контурамъ. Здѣсь животное царство тератологическаго орнамента замѣнено уже растительнымъ, или въ большинствѣ случаевъ — геометрическими фигурами, разными узлами и плетеніями, нисколько не претендующими на какое-нибудь подобіе въ мірѣ дѣйствительномъ. Самый простой орнаментъ молдаво-валашскаго стиля состоитъ изъ трехъ круговъ, центры которыхъ расположены по одной линіи, а окружность каждаго круга пересѣкаетъ сосѣднюю приблизительно на длинѣ радіуса. Въ каждомъ изъ круговъ помѣщено еще по одному кругу, причемъ мѣстахъ въ четырехъ та двойная линія, которая образуетъ кругъ, переплетается съ линіями сосѣдняго концентрическаго круга, и

такимъ образомъ, завязываетъ начало сложнаго узора. Такія простыя украшенія находимъ въ рукописяхъ Гавріила, за исключеніемъ двухъ его роскошныхъ Евангелій. Если къ этому прибавимъ нѣсколько прямыхъ линій, пересѣкающихъ круги крестообразно, то получимъ всю первоначальную схему самаго простого молдаво-валашскаго орнамента. Такія заставки сначала выводились одной киноварью, и только впослѣдствіи пространство между плетеніями стали заливать однимъ какимъ-нибудь сплошнымъ грязноватымъ тономъ.

Но одновременно съ увеличеніемъ числа круговъ и съ превращеніемъ крестовъ въ восьмигранныя фигуры, заставки стали писаться густымъ твореннымъ золотомъ, которое и до настоящаго времени сохраняетъ свой необыкновенно живой металлическій блескъ; кромѣ того, и тона дѣлаются уже ярче, краски кладутся гуще, промежутки между главными линіями заливаются не сплошь, а оставляются бѣлыя точки въ хаотическомъ безпорядкѣ, которыя на общемъ пестромъ коврѣ заставки даютъ необыкновенно эффектное впечатлѣніе. Если прибавить къ этому, что особенно роскошныя рукописи, съ художественными заставками и начальными буквами, писались на гладкомъ и хорошо полированномъ бѣломъ пергаментѣ, то нечего удивляться, что славяно-румынскія рукописи XV вѣка производятъ иной разъ впечатлѣніе какъ будто недавно написанныхъ. Во второй половинѣ XV вѣка и въ началѣ XVI молдавскій стиль господствуетъ и въ русскихъ рукописяхъ; но здѣсь выходитъ все какъ-то крикливо и аляповато, и русскимъ орнаментамъ-подражаніямъ очень далеко до ихъ образцовъ, до тѣхъ роскошныхъ рукописей молдавскаго письма, въ свое время пожертвованныхъ господарями или іерархами въ древніе монастыри, которыя украшаютъ теперь лучшія рукописныя библіотеки Европы [1]).

[1]) Прекрасные образцы такихъ орнаментовъ можно видѣть въ изданіи В. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ“, СПБ., 1884 г., таблицы 34—38.

Впослѣдствіи молдавскій орнаментъ настолько разросся и сталъ настолько затѣйливъ, что разобраться въ сложной системѣ двойныхъ плетеній нѣтъ, кажется, никакой возможности. Къ сожалѣнію, онъ существовалъ только до конца XVII вѣка, и вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ, вытѣсненнымъ изъ румынскихъ церквей греческимъ и роднымъ языкомъ румынъ, бывшимъ до того времени въ загонѣ,—исчезъ навсегда, уступивъ мѣсто цвѣточному орнаменту стиля Возрожденія, долго еще державшемуся въ печатныхъ румынскихъ книгахъ. Здѣсь дѣло не обошлось безъ итальянскаго вліянія, русскаго, отчасти нѣмецкаго. За исключеніемъ нѣсколькихъ краткихъ, дѣльныхъ замѣчаній въ „Палеографіи“ акад. А. И. Соболевскаго, никто до сихъ поръ не интересовался спеціально исторіей молдавскаго орнамента и вполнѣ умѣстно замѣчаніе Ѳ. Буслаева, что молдаво-влахійская орнаментація, „не восходя ранѣе XV вѣка, *вдругъ* проявляется въ своемъ высшемъ развитіи изящнаго стиля, какъ-бы составляя позднѣйшій періодъ, предшествіе которому надобно искать въ письменности болгарской и сербской“ [1]). Но такая преемственность, намъ представляется, существовала лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и это „необъяснимое“ молдавскаго письма и орнамента остается объяснять вліяніемъ романской національности.

Только съ XVIII вѣка появляются заставки и другія украшенія собственно уже румынскаго стиля, представляющія, конечно, паденіе прежнихъ роскошныхъ славяно-румынскихъ орнаментовъ. Такія заставки небрежно рисуются киноварью и черной краской, которыя идутъ и въ самый текстъ. Плетенія дѣ-

[1]) Характерной особенностью разсматриваемыхъ нами орнаментовъ служитъ также слѣдующая черта. Довольно узкими плетеніями, какъ-бы рамкой, украшаются дарственныя, запродажныя и другія записи на рукописяхъ, причемъ внизу такой рамки иногда изображается рука, которая какъ-бы поддерживаетъ всю рамку. Въ изображеніяхъ руки можно видѣть отчасти и аллегорическій смыслъ, а именно, что изложенный въ записи завѣтъ жертвователя долженъ строго выполняться, словно его продолжаетъ держать десница благотворителя *А. И. Яцимирскій*, Славянскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 377—378.

лаются односложнѣе и проще, напоминая самыя нехитрыя узкія и бѣдныя по живописи заставки въ древнѣйшихъ болгарскихъ и греческихъ рукописяхъ. Такія украшенія обыкновенно дѣлаются на рукописяхъ съ румынскимъ текстомъ, и серьезнаго значенія для исторіи румынскаго искусства не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что это начинается вмѣстѣ съ окончательнымъ паденіемъ славянскаго вліянія.

Конечно, изъ этого не слѣдуетъ еще выводъ о румынскомъ происхожденіи Гавріила: на немъ инстинктивнымъ путемъ могла только отразиться стихія того народа, среди котораго и для котораго онъ работалъ; тѣмъ не менѣе, и эту черту нельзя забывать при сужденіи о его національности.

Переходя къ вопросу о правописаніи Гавріила, прежде всего оговоримся, что раздѣленіе фонетическихъ значеній его правописанія отъ чисто-графическихъ не входитъ въ наши задачи, тѣмъ болѣе, что требованія внѣшняго единства и „цѣлости" изводовъ въ концѣ концовъ убивали, конечно, всякіе почти слѣды живого произношенія. Поэтому-то для исторіи болгарскаго языка „тырновскія" рукописи имѣютъ мало значенія: если мы прослѣдимъ источники, которыми вообще пользуются лингвисты для болгарскаго языка, то найдемъ, что на XV и XVI вѣка падаетъ какъ-бы исключеніе, т. е. для языка оказываются интересными или древнія рукописи до XIV вѣка, или такъ-называемыя „ново болгарскія", появляющіяся въ концѣ XVII вѣка; а въ „правильныхъ" текстахъ XV—XVII вѣковъ языкъ подведенъ подъ такія ординарныя, мало типичныя условія, что онъ кажется даже какимъ-то дѣланнымъ, мертвымъ, условнымъ и совершенно не интереснымъ для сужденія о живомъ произношеніи. Если припомнимъ, что тырновскій изводъ преобладаетъ почти въ одной Молдавіи, то такая устойчивость, лингвистическая каноничность, такъ-сказать, ортодоксальность румынскихъ по происхожденію рукописей, замѣчаемая на пространствѣ цѣлыхъ трехъ вѣковъ (XV—XVII) найдетъ себѣ объясненіе. Дѣло въ томъ, что славян-

скій языкъ для румынъ былъ мертвымъ, той же латынью, которая существовала у западныхъ славянъ. Возьмемъ для примѣра практику суда и исповѣди. Показанія свидѣтелей, истца, отвѣтчика, пренія сторонъ, даже резолюція во время засѣданія — все это велось на понятномъ народу румынскомъ языкѣ; но самый юридическій актъ, рѣшеніе судьи и экспертиза документовъ формулировались на книжномъ, славянскомъ. Духовникъ спрашивалъ исповѣдника по румынски, на томъ же языкѣ получалъ отъ него и отвѣты, но разрѣшительную молитву читалъ по „сербски", т. е. на книжномъ языкѣ. Какъ мы упоминали уже, устойчивость языка и правописанія румынскихъ рукописей находилась въ связи съ устойчивостью и узко-палеографической. Иначе, впрочемъ, не могло быть, и въ концѣ XVII вѣка румыны почти цѣликомъ передали славянамъ все то, что получили отъ болгаръ въ началѣ XV. Чуждые славянской стихіи, румынскіе книжники не могли внести что-нибудь новое, оживляющее въ эволюцію языка и письма.

Поэтому, говоря о рукописяхъ Гавріила, т. е. о текстахъ второй четверти XV вѣка, мы имѣемъ дѣло въ сущности и съ болѣе поздними молдавскими рукописями. Всякаго рода морфологическія, синтаксическія и лексическія особенности остаются въ нихъ незыблемыми, не говоря уже о графикѣ, и ревнитель старой „цѣлости" болгарскихъ текстовъ, философъ Константинъ, навѣрное, былъ-бы доволенъ молдавскими рукописями, чуждыми „тяжкослышательства" и жившими втеченіе трехъ столѣтій какъ-бы „въ дому владыки".

Итакъ, на основаніи рукописей Гавріила мы попытаемся составить тотъ „типикъ" или „малое изъявленіе" для тырновскихъ текстовъ, которое до насъ не дошло, если даже когда-нибудь и существовало [1]).

[1]) Какъ мы замѣтили и раньше, тексты Гавріила отличаются почти классической правильностью; явныя описки и невольныя отступленія встрѣчаются очень рѣдко. Поэтому, а также, имѣя въ виду дать только „типикъ" правильнаго правописанія, мы не принимаемъ во вниманіе всякаго рода случайныхъ отступленій, для нашихъ цѣлей не интересныхъ.

Знаки препинанія у Гавріила не представляютъ чего-нибудь особеннаго сравнительно со многими старыми славянскими рукописями, конечно, болѣе исправными и близкими къ греческой графикѣ, и въ то же время почти соотвѣтствуютъ правиламъ Константина: черная точка, большая и малая, — для раздѣленія главныхъ движеній мысли; красная—для отдѣловъ, передъ „красной“ строкой, т. е. киноварной буквой слѣдующей фразы; запятая — съ самымъ обычнымъ назначеніемъ; точка съ запятой—знакъ вопроса; киноварныя запятыя на поляхъ—при цитатахъ изъ Св. Писанія; ∞ или : ⁜ — въ окончаніяхъ произведеній, заглавій, иногда отдѣловъ.

Знаки надстрочные, „силы“ и „знаменія“, за исключеніемъ удареній, о которыхъ скажемъ особо, были слѣдующіе: придыханія легкое (по терминологіи Константина, звательцо) и густое (дасіа), камора (периспомени), ковычка (◡), „звательцо“ съ „оксіей“ (исо), паерокъ (ерокъ), „звательцо“ съ покрытіемъ („апострофъ“—всегда надъ междометіемъ ѽ), наконецъ, титла и взметы, которыми Гавріилъ не злоупотребляетъ такъ же, какъ сербскій грамматикъ.

На первомъ мѣстѣ среди „погибшихъ звательныхъ“, т. е. гласныхъ, у Константина стоитъ ѡ—„главное письме“. Гавріилъ слѣдовалъ такимъ правиламъ:

1) въ междометіи [1]) при обращеніи ѡ їгемѡнѣ! и восклицаніи ѡ безоуровства!, но предлогъ о пишется омикрономъ — о житїи;

2) въ большинствѣ случаевъ въ началѣ словъ: существительныхъ— ѡбразь, ѡдѣанїе, ѡдежда, ѡгнь, ѡпашь, ѡргань, ѡдробе; прилагательныхъ — ѡбщїи, ѡрателныи, ѡкобань, ѡвчїи, ѡбилно, глаголовъ—ѡблагати, ѡбоучати, ѡбрадовати, ѡмыти и др.

Исключенія составляютъ немногія слова, которыя пишутся широкимъ или очнымъ *о*: око и очи, глагольные префиксы:

---

[1]) У Константина—„удивительно“, „молительно“ и „поносительно“.

облагати, обрѣтати, обѣщати, обноцебати, оставити; мѣстоименія и нарѣчія: онъ, объ, обаче, онамо, обогда.

3) множественныя формы а) существительныхъ α) въ корняхъ: бωги, бωзи, благобωканіа, двωрѣхъ, бωрдоуны, дωмы, законни, закωры, идωлы, изωбрѣтателіе, красωты, кωпіа, кωсти, мωщи, нωги, нωктма, разбωйники, рωдителіе, скωты, слωвесы, храбрωванїи, и β) окончаніяхъ: богωвъ, вѣкωвъ, прѣддверїωмъ, таинствωмъ, сапокωмъ, цвѣтωмъ, колѣнωма; б) прилагательныхъ α) въ корняхъ: вωлоуами жилами, гωлжбины, и β) окончаніяхъ: желѣзнωма, и в) глаголовъ α) въ корняхъ: кωснжша, прихωдать, принωсать, вѣрωвавшаа, изнемωгше, слωмиша, мωгжщіи, плωвацие, и β) окончаніи 1 лица множ. ч.: вьмѣнихωмъ, нарицахωмъ.

4) всѣ слова, производныя отъ мнωгъ, напр. мнωзи, мнωжае, мнωжицеж, мнωжество, оумнωжити и т. д.

5) имена а) собственныя мужскія, преимущественно иностранныя: Апωллоновъ, Геωргіе, Дїωклитїанъ, Ирωдъ, Іωсифъ, Іωанъ, Кωнстантїнъ, Мωуси, Ѳеωдосїе, Ѳωма, и в) географическія: Пелагωнъ, Сωчава.

6) греческія слова: икωномъ, дїакωнъ, игемωнъ, мνрω, ѱалωмскыи, идωлскыи, мωнастиръ, митрωполїа, сїωнъ.

7) въ первомъ слогѣ нѣкоторыхъ существительныхъ: а) односложныхъ: двωръ, рωдъ (но родимыи, рожденъ, родити и т. д.), кωнь, стωлъ, б) двусложныхъ: лωвецъ, кωрабль, гωре, гωра, в) многосложныхъ: кωварство.

8) во 2 слогѣ нѣкоторыхъ существительныхъ: нарωдъ, закωнъ, позωрище, сапωгъ, прѣстωлъ, юрωсть. Послѣднія два правила проводятся не всегда послѣдовательно, почему мы не можемъ отождествлять ихъ съ словами „собирательнаго значенія“ [1]); наконецъ,

9) нѣкоторые союзы и нарѣчія: кω, икω (но всегда оуко), ѕѣлω.

Согласно правилу Константина, ї можетъ быть „начи-

[1]) *И. Ягичъ*, Разсужденія старины и т. д. *Изслѣдованія*, I, стр. 496.

нательнымъ" и „свершительнымъ", хотя и „не въ конецъ", подобно ꙇ, т. е. можетъ стоять только въ предпослѣднемъ слогѣ, другими словами, является „покорительнымъ". Изъ рукописей Гавріила выводимъ слѣдующія правила для *i*:

1) въ собственныхъ греческихъ именахъ: антїхрїсть, фїлїппь, грїгорїе, їсаакъ, кѡнстантїнь, ѡхрїдь, и

2) передъ гласными: їѡсифь, дїѡклантїань, їаковь, блъхвованїа, гаврїилъ, ѡбцїи, царїе, копїе, геѡргїе.

Относительно ѵ можно вывести слѣдующія правила: оно употребляется на мѣстѣ греческаго υ:

1) въ собственныхъ именахъ: еѵтрѡпїе, мѡѵси, ассѵрїа; и

2) въ „высокихъ" греческихъ словахъ: мѵро, мѵроточити, кѵрь, дѵмїамь, еѵангелїе.

Говоря о ꙗ, Константинъ указываетъ на то, что у сербовъ оно употребляется чаще, чѣмъ у болгаръ, и приводитъ „сербскіе" примѣры твоꙗ, моꙗ, своꙗ и пр. У Гавріила въ этихъ случаяхъ іотація отсутствуетъ, а также и въ началѣ словъ: аблъко [1]).

Накопецъ, наблюденія надъ послѣдними изъ „невѣдомыхъ", по терминологіи Константина, гласныхъ—слѣдующія: 1) болѣе широкое є употребляется въ началѣ словъ въ видѣ графическаго пріема, притомъ не всегда последовательно; 2) ѥ совсѣмъ не встрѣчается, а 3) ю не вызываетъ на объясненія, и ни одинъ изъ собранныхъ нами примѣровъ не могъ бы повести за собой не только „злобу съ развращеніемъ", но— простой „лжи", по поводу которыхъ съ такой ревностью говоритъ сербскій грамматикъ; подобно замѣнамъ ꙗ чрезъ а, и сочетанія *гласный* + *у* обыкновенно не сопровождаются іотаціей, а изъ небныхъ фрикативныхъ пишется только послѣ ч: чюдо, чюксетъкный, къ драчю.

Въ своемъ мѣстѣ будетъ указано, что іотація не выражается при буквахъ ѫ и ѧ; выше указано отсутствіе ѥ. Изъ осталь-

[1]) См. ниже въ отдѣлѣ іотаціи, стр. 393.

ныхъ гласныхъ, которыя могутъ сопровождаться іотаціей. У Гавріила употребляются:

1) ꙗ только въ началѣ основъ: ꙗко, ꙗблѣтисѧ, ꙗсти, ꙗздити, ꙗдрила, ꙗзка; въ срединѣ же словъ послѣдовательно проведено а) ѧ послѣ гласныхъ: настоѧтель, искꙋшенїѧ, моѧ, своѧ, постоѧл ки, сїѧ, ѡдѣанїѧ, ꙋдаа, поѧше, покаѧнїе, покоѧ, смїѧше, непщоуѧхꙋ; и б) ѣ послѣ согласныхъ α) *л*: оуталѣеть, молѣше, въселѣеть; β) группы *губной* + *л*: славлѣемь, ꙗблѣеть, оусꙋгꙋблѣевати, люблѣхꙋ, не кораблѣ, римлѣнинь; γ) *р*: творѣахꙋ, поощрѣеть, мирѣнинь; δ) *н*: кланѣти, испланѣти, съ рабынѣами, ѡсквръненѣѧ; ε) *с* въ одномъ мѣстоименіи вин. мн. ср. р. всѣ, всѣкꙑи, всѣко; η) *п*: спѣше отъ спати. и

2) ю также въ началѣ словъ: юнныи, югъ; въ срединѣ же послѣ гласныхъ послѣдовательно приведено ꙋ: писанїꙋ, вьздѣанїꙋ; о случаяхъ послѣ согласныхъ см. выше, стр. 392.

Переходимъ къ разряду „погибшихъ“ согласныхъ.

Константинъ вполнѣ правильно раздѣляетъ значеніе з и ѕ на примѣрахъ, но объясняетъ разницу между ними очень наивно: первая изъ буквъ оказывается „господствующей“, а вторая употребляется только въ „отлученіяхъ“. Гавріилъ почти всегда различаетъ звуковое сочетаніе *dz*, возникшее изъ *g*, и такіе примѣры, какъ кнѧѕь, ѕвѣзда, ншѕѣ, мншѕи, съѕиждитель и т. п., у него можно прослѣдить довольно правильно.

Не наводятъ на какія-нибудь сомнѣнія и буквы ѱ и ѯ, которыя Константинъ рекомендуетъ употреблять въ „еврейскихъ (sic) глаголахъ“. Гавріилъ ставитъ ихъ въ словахъ иностранныхъ и, кажется, въ единственномъ словѣ ѱи (canes). Сюда же болѣе правильно было бы причислить „погибшую“ ѳ, которую нямецкій писецъ употребляетъ очень послѣдовательно, также въ словахъ иностранныхъ; смѣшенія съ т, какъ и слѣдовало ожидать, мы не находимъ. Такъ же правильно онъ различаетъ и и ы, которыя смѣшивались у сербовъ.

Употребленіе глухихъ подчинено строгой системѣ: въ срединѣ словъ преобладаетъ ъ, въ концѣ — ь. Изученіе рукописей

Гавріила привело насъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно употребленія перваго изъ нихъ внутри словъ:

I. Въ сочетаніи съ плавными: влъкь, влъна, глътати, лъгати, млъба, плъкь, плъть, слъза, хлъмь; бръзыи, дръжава, искрънїи, мръзкїи, пръвыи, скврънa, цръкви, чрънь.

II. Въ коренныхъ слогахъ замѣчаются обычныя группы съ глухимъ: *вън* —вънѣ, вънѫтрънын; *вьс*—вьсего, вьсѣкыи, вьсєдоушныи; *дъщ* — дъщерe; *зъп* — въз҃ъпити; *къз* — къзнь; *лъв* — лъвиныи (но львь); *пъщ*—непъщевати; *ръв* — ръвенїe; *ръц*—ръцѣмь; *тък*—потъкнѫти; *тъм*—тъма; *тъп*—врътъпь; *тъщ*—потъщати; *чьт* — чьтеть и др.

III. Въ суффиксахъ замѣчаются слѣдующія группы съ глухими: *въш*—оумысливъшїи; *трън* —вънѫтрънын; *ств* —божествъныи, ходатаиствъныи, нечювествъныи, оубїиствъныи, доблествъныи, ıавествъныи, *ьств*—мѫжьство; *ьск*—человѣчьскыи, вьсѣчьскыи, разбоиничьскыи; *ьш*—посвѣщьшїи, съкроушьшїи и др.

IV. Въ префиксахъ въ положеніи въ открытомъ и закрытомъ слогѣ: 1) *въ* послѣдовательно: вънити, въпрашати, вькоупѣ; 2) *съ* непослѣдовательно: съмръть, създати, сълїанно, съвъкоупити, но свидѣтельствовати, сказати, снити, скончати, скровищe, створѫ.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ преобладаетъ ь, который

I. замѣняется знакомъ ъ:

1) послѣдовательно—въ а) односложныхъ и двусложныхъ предлогахъ и б) нѣкоторыхъ словахъ: азъ, богъ, естъ, вънѫтръ, и

2) непослѣдовательно—въ большинствѣ случаевъ, которые мы не можемъ подвести подъ опредѣленное правило; или

II. совсѣмъ опускается:

1) въ предлогахъ а) из, без, главнымъ образомъ, при ассимиляціи звонкаго предъ глухимъ слѣдующаго слова: ис кипариса, ис темницы, бес сѣмене; б) в, к, с, относящихся къ мѣстоименіямъ односложнымъ и двусложнымъ и в) ѿ, конечно, при графическомъ сліяніи обѣихъ буквъ;

2) передъ энклитическими а) частицами же, би, бо, ли и б) мѣстоименіями ми, мѧ, ти, сѧ и т. д.;

3) въ словахъ Іс, Хс;

4) въ префиксахъ без, вѫз, из, раз безъ отношенія къ ассимиляціи: безмлѫвно—бесчислени, вѫздати—вѫспонте, изгнати—истѣкати, разбивати—расоужденіе, а также въ префиксахъ над под, прѣд, об.

Въ срединѣ словъ глухой ѫ подвергается слѣдующимъ измѣненіямъ:

I. Замѣняется ь-мъ

1) послѣдовательно только послѣ шипящихъ чьсть, благочьстивыи, нечьстіе, сѫщьство, чьтати, посвѣщьшіи, сѫкроушьшіи, трѫжьство, человѣчьскіи, и

2) непослѣдовательно послѣ другихъ согласныхъ, что особенно видно изъ двухъ списковъ „Слова на Цвѣтоносіе", 1441 и 1448 гг.: мльніамь—млѫніамь, льва—лѫвиныи, льстца—лѫстца, зьміа—зѫміа, теньвь—тенѫвь и др.

II. Въ рѣдкихъ случаяхъ вокализуется

1) въ закрытомъ слогѣ: любовь, црѫковь, когда, тогда, токмо, весь, днесь, праведныи, сѫовещіникь, нечестивыи, темница, и

2) въ суффиксахъ ьнь, ьць, напримѣръ, блажень, ловець.

Надо замѣтить, что конечный ѫ предлоговъ, находясь предъ группой согласныхъ слѣдующаго слова, никогда не вокализуется, напр. кѫ мнѣ, вѫнже, сѫ множ.

Окончательно „погибшей" у сербовъ буквѣ ѣ Константинъ долженъ былъ посвятить немало мѣста въ своемъ „Сказаніи", и всѣ его усилія направлены къ уясненію звуковой природы, „како подобаетъ самыи глаголь *рещи*, идѣже ѣ обрѣщетсе". Онъ сознаетъ, что правильнаго произношенія этого звука (ја) трудно будетъ требовать отъ учениковъ, а потому соглашается на правильность употребленія его хотя-бы на письмѣ. П. Сырку думаетъ почему-то, что „этого различія не зналъ и Евѳимій; иначе Константинъ не преминулъ бы (?) указать на него" [1]). Но тексты Гавріила убѣждаютъ насъ въ томъ, что ѣ никогда

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1886, іюнь, стр. 331.

не смѣшивается у него съ є, благодаря тому, конечно, что произношеніе ея у тырновцевъ находилось въ зависимости отъ говоровъ восточной Болгаріи. Поэтому ѣ

I. употребляется правильно

1) въ корняхъ: бѣгати, бѣда, врѣмѧ, вѣнець, вѣра, вѣтръ, грѣшныи, ѕвѣзда, измѣнити, мѣсто, оцѣстити, побѣда, послѣднїи, свѣдѣтельство, сѣмѧ, трѣба, оутѣшати, хлѣбь, человѣкъ;

2) префиксахъ: прѣд, прѣ, напр. прѣдлежати, прѣдпочитати, прѣшествїе, прѣбыванїе, прѣвъзлюбленїи;

3) склоненіи — дат. и мѣстн. ед. и имен.-вин. дв. чч. основъ на *а*, мѣстн. ед. и мн. основъ на *о*, имен.-вин. дв. ч. основъ на *s*, *t*, *o* и извѣстныхъ формахъ мѣстоименныхъ склоненій;

4) спряженіи—повелит., двойств. формы и т. д.,

II. замѣняетъ ꙗ (ja) въ корняхъ и окончаніяхъ послѣ звуковъ и группъ, перечисленныхъ въ отдѣлѣ относительно іотаціи (см. стр. 393), и

III. никогда не смѣшивается съ ѧ. Такіе же примѣры, какъ въсѣдь на ѡслѧ (Сборникъ 1441 г.) и въсѣдь на ѡслѣ (Сборникъ 1448 г.) можно объяснять не фонетически такъ-какъ въсѣсти––глаголъ движенія.

Переходя къ юсамъ, слѣдуетъ замѣтить, что носовое произношеніе ихъ было совершенно утрачено. Правда, во всѣхъ почти рукописяхъ Гавріила, на ряду съ обыкновеннымъ написаніемъ слова пѧдесѧтница, встрѣчаются формы съ согласнымъ, напримѣръ: пѧндесѧтницѫ Сборн. Акад. Наукъ, № 18, л. 144 и 147; сѫботѫ пѧндесѧтн.ѫа Минея-Май № 54 (26); пѧндесѧтницѫ Сборн. Преполовеніе, лл. 48, 49 об., 196 об., 223 и 231; тръжьство пѧндесѧтницы Сборникъ 1448 г., л. 50 об. и др. Тѣмъ не менѣе, эти факты не могутъ говорить о природѣ звука, такъ-какъ, встрѣчаясь въ рукописяхъ очень часто, напр. въ сербскомъ Сборникѣ XV вѣка Нямецкой библ-ки № 90—на светоую пендесетницꙋ, лл. 333, 344 об., 354; бѣл-

градскомъ Евангеліи — пендикостиѫ, л. 201 [1]); русскомъ сборникѣ XVI вѣка Моск. Духовн. Акад. № 113 — въ суботу пянтикостную, л. 302 и мн. др., они служатъ скорѣе отголоскомъ греческаго вліянія. Поэтому, намъ кажется, въ значительной степени излишни примѣры, приводимые на сохраненіе носового призвука, такъ-какъ на подобные церковные термины могло вліять греческое названіе праздника или служебной книги „Пендекостаре“ или „Пентикостарь“, цѣликомъ перенесенное въ славянскую терминологію.

Если же юсы у Гавріила не смѣшиваются па письмѣ съ другими буквами, то и это не можетъ служить доказательствомъ соотвѣтствія юсовъ-звуковъ живому произношенію перепесчика, такъ-какъ 1) отсутствіе іотаціи при нихъ, 2) взаимное смѣшеніе и 3) графическое употребленіе ихъ скорѣе говорятъ о необыкновенно точныхъ правилахъ, выработанныхъ для графики, а не о выговорѣ. Можно думать, что въ началѣ XV вѣка выговоръ юсовъ приближался къ глухимъ, такъ какъ въ болѣе позднихъ румынскихъ текстахъ, написанныхъ или напечатанныхъ кирилловскимъ шрифтомъ, ѫ служитъ для выраженія звука *ы* (â), ъ — *э* (ă), а ѧ не различается отъ ѣ — *я* (еа).

Итакъ, юсъ широкій употребляется правильно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ корняхъ этимологически: бѫдь, бѫдеши, глѫбина, голѫби, лѫкавыи, мѫдръ, мѫжь, вельмѫжь, мѫжьство, мѫжати, мѫка, мѫчитель, нѫдиши, недѫгь, неоумѫчень, понѫждати, порѫчити, пѫдиши, пѫть, пѫчина, разлѫчиши, расѫжденіе, рѫка, сѫдіи, сѫдище, смѫтиши, сѫсѣдь, сѫщьство, сѫкатыи, фрѫгь, ѹѫдожніи, ѿбѫдоу, ѿтѫдоу, ѿстѫпиши.

2) въ склоненіи а) вин.-женск. ед. ч. основъ на *а*: владыкѫ, жертвѫ, вѣрѫ, противѫ, вьистинѫ, вьнезаапѫ, кожіѫ, низлагаемѫ, и мѣстоименій моѫ, твоѫ, сіѫ; б) твор. ед. того же

---

[1]) *В. Ламанскій*, О нѣкоторыхъ слав. рукописяхъ, стр. 5, 19.

склоненія: тъмоѫ, чьстїѫ, тъчїѫ, єдинѫщи, въсѣкоѫ, великоѫ, и мѣстоименій мноѫ, нашеѫ, вьсеѫ, твоеѫ.

3) въ спряженіи а) 1 лицо ед. ч. наст. вр. чаѫ, поѫ, искоушѫ, могѫ, страждѫ, пожрѫ, послоужѫ, рекѫ; б) 3 лицо множ. ч. наст. вр.: въметаѫть, ѡглашаѫть, сѫть, възмогѫть, мироуѫть и в) преходящаго: биахѫ, жителствоваахѫ, въпїахѫ, метаахѫ, творѣахѫ; г) причастія наст. дѣйств: бїѫщь, крыѫщь, глаголѫщь, милоуѫщь, настоѫщь, страждѫщь, текѫщь.

Юсъ узкій употребляется правильно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) этимологически въ корняхъ: грѧдеши, съвѧзати, изрѧдныи, изѧщныи, изчѧдїе, кнѧѕь, начѧлникь, слѧкь, протѧгнѫти, чѧсто, ѧзыкь, ѡбрѧщеши и др.;

2) въ склоненіи: а) род. ед. основъ на *ja*: ѡдеждѧ, грѣховныѧ, прьвыѧ, мыслъныѧ, латинскыѧ, вьсеѧ; б) вин. множ. тѣхъ же основъ: ѡдеждѧ, благочьстивыѧ, свѧтыѧ, послѣднѧѧ, ѡставшѧѧ, своѧ, тыѧ, вьсѧ, сїѧ, ѧже; в) вин. ед. личныхъ мѣстоименій мѧ, сѧ, тѧ;

3) въ спряженіи а) 3 л. мн. наст. молѧть, вѣдѧть, хранѧть, ꙗдѧть, и б) аориста въмѣнишѧ, молѣшѧ, произыдѡшѧ, съдробишѧ; в) причастія наст. дѣйств. влаѧ, влачѧ, прѣдстоѧ, хранѧ, хотѧ, молѧщь, казнѧщь, належѧщь, пловѧщь.

Приведенные ниже примѣры не могутъ говорить о какой-то „взаимной“ мѣнѣ юсовъ, такъ какъ эти процессы подчинены неодинаковымъ законамъ:

I. На мѣстѣ узкаго носоваго является широкій въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ корняхъ послѣ слитнаго согласнаго *ч* и шипящихъ: чѫсто, причѫстникъ, жѫжда, и

2) окончаніяхъ а) склоненія — род. ед. основъ на *ja* α) существ. ѿ индїѫ, нє темницѫ, вьсеѫ молдовлахїѫ, β) прилагат. неполезныѫ и благонарочитыѫ вѣры, сьсѣкоѫ скврьны и γ) мѣстоим. моеѫ, еѫ, тоѫ, сеѫ, оноѫ, своеѫ, нашеѫ; б) спряженія α) причастій дѣйств. наст. послѣ губного: тръпѫ, и β) 3 л. мн. наст.

основъ на согласную: дрѫжѫть, слоужѫть, ıадѫть на ряду съ ıадать.

II. На мѣстѣ широкаго носового является узкій въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ корняхъ въ началѣ словъ вмѣсто этимологическаго ѫ послѣ *j*: ѧдоль, ѧзскїи, ѧрщдство, ѧтроба, благоѫханїе, вънѧтрьныи, и

2) въ окончаніяхъ а) склоненія α) вин. ед. жен. р. основъ на *а*: волѧ твоѫ, всѧ вселенѫѧ, коуплѧ доволнѫ, въ нѧ, одеждѧ своѫ, и β) твор. ед. того же склоненія: мощїѧ; б) спряженія— 1 л. ед. ч. послѣ *л̑*, *р̑*, *н̑*, *губного + л* или смягченнаго непосредственно: благодарѧ, вълѣнѧ, молѧ, мнѧ, поклонѧ, славлѧ, ıавлѧ, хвалѧ.

III. Послѣ первоначально твердыхъ сосласныхъ смѣшенія не встрѣчаются.

IV. Графическій пріемъ, а не фонетическую замѣну, можно видѣть въ такихъ послѣдовательно приведенныхъ формахъ, какъ 1) вин. ед. женск. р. сложныхъ прилагательныхъ: чьстнѫѧ главѫ, морскѫѧ пѫчинѫ, сребровиднѫѧ стрѣлѫ, належащїѫѧ вѣрѫ и 2) вин. множ. того же склоненія: ногы походившѫѧ.

Случаи непосредственнаго смягченія губныхъ встрѣчаются рѣдко: ловѣхѫ, земьдѣлци, на ряду съ погоублѧ, поставлень, сподоблѣеть; неорганическое *л* эпентетическое встрѣчается чуть не единственный разъ: дръзновленныимь словомь (Слово похв. Георгію).

Изъ нѣкоторыхъ особенностей, сближающихъ письмо съ произношеніемъ, отмѣтимъ слѣдующія:

1) конечный звонкій предлоговъ иногда ассимилируется начальному глухому слѣдующаго слова. Примѣры см. выше, стр. 394).

2) группа *здн* упрощается выпускомъ мгновеннаго звонкаго зубного: празникь, празновати [1]).

---

[1]) П. Сырку видитъ въ этомъ „румынское (?) произношеніе“, *Извѣстія*, VII, кн. IV, стр. 329, но подобный порядокъ обыченъ и во всѣхъ почти средне-болгарскихъ текстахъ, начиная съ Охридскаго Апостола.

3) согласно греческому произношенію, обычны сочетанія: пандократоровь, андїохїа, кандило, тумбань, ламбада, презвитерь, змурно.

4) живой выговоръ можно наблюдать въ такихъ написаніяхъ, какъ еретигь, ѡца, ѡци, ѡшествїе, ѡшедшїи, чловѣколюбїе и др.

Отдѣлъ удареній—наиболѣе сложный и интересный. Изъ собранныхъ нами примѣровъ извлекаемъ слѣдующій „типикъ":

I. Греческія слова стремятся сохранить свое удареніе: игéмонь, аспи́день, ми́гдаль, кáстань, змiáрагдь, ѿ є̓́гупта, ѡхрíдь, ѡхрíскїи, вин. пелагóнѫ, индíа, перси́да, вiѡ́спорь, род. трапезóнтеа, асурíа, митрѡ́поль, род. пéтра, климéнтѣ, род. мн. жи́дѡвь, жен. алéзандра.

II. На первомъ слогѣ находимъ удареніе въ именахъ

1) муж. р. — двусложныхъ: нáродь, зáконь, и трехсложныхъ: сѫ́щьство;

2) жен. р.—двусложныхъ: врáда, глáва, зáрѧ, зéмлѧ, хвáла, и трехсложныхъ: пéщера, пóбѣда, пóтрѣба, свóбода, трáпеза и

3) прилагательныхъ—двусложныхъ: бóлныи, втóрыи, дéсныи, жи́выи, ми́рскїи, мóрскїи, хꙋ́дыи и трехсложныхъ: свóбодныи.

III. Мѣсто ударенія удерживается въ косвенныхъ падежахъ и множ. числѣ, т. е. остается неподвижнымъ: род. врáга, жéзла, пѫ́тѣ, кóнѣ, зéмлѧ, любви, ти́шины, нáготы; дат. грѣ́хоу, пóстоу, ѿгню, зéмлѣ, чи́стотѣ, пóхвалѣ, чи́слоу, тѣ́леси и т. д.; имен. множ. ч. сáды, хлѫ́ми, врáчеве, зéмли, пóхвалы; род. плóдѡвь, грѣ́хѡвь, зóреи, сꙋ́еть, чю́десь, оу́стнами и т. д.

IV. Въ словахъ сложныхъ съ предлогами удареніе всегда находится на предлогахъ: вѫ́стокь, оу́ставь, при́ходь, сѫ́мысль. Этому правилу подчиняются и образованныя отъ нихъ прилагательныя.

V. Удареніе переносится на предлогъ съ слѣдующаго двусложнаго управляемаго слова: вѫ́ домь, вѫ́ мори, вѫ́ мирѣ, вѫ́ мори, нá небо, нá земли, пó земли, пó сꙋ́еи зéмли, пó тенкоу, пó морю, (и по мóрю), при́ мори, ѿ́ морѣ, ѿ́ части. Изрѣдка этому правилу подчиняются и отрицанія: нé пiюуи, нé пiревааха.

VI. Ударенія на суффиксахъ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: *инь*—вои́нь, *іи*—сѫді́и, *атель*—слыша́тель, *итель*—строи́тель, *анинь*—христіа́нинь, *аніе*—помаза́ніє, исповѣда́ніє, *ость*—хитро́сть, ꙗро́сть, свѧто́сть, *іе*—житі́є, копі́є (сюда же относится люді́є и др.).

VII. Слѣдующіе суффиксы не имѣютъ удареній: *ель*—жи́тель, *ѣнинь*—єгꙋ́птѣнинь, ри́млѣнинь, *ина*—ти́шина, пѫ́чина, оудав-лє́нина, ла́тина, *ота* и *ета*:—на́гота, ра́бота, сꙋ́ета, *о* и *е*—чи́сло, ли́цє, *ище*—жи́лищє, наконецъ, ѧ, *ство*, *ило*.

VIII. Колебаніе въ мѣстѣ ударенія замѣчается относительно суффиксовъ: *ець*, *инь*, *икь*, *ица*, *арь* и др.

IX. Удареніе остается на корняхъ въ глаголахъ

1) первообразныхъ: неопр. бы́вати, до́влѣти, мо́щи, ка́сати, ко́снѫти, лъ́гати, ми́ровати; наст. вр. по́ѫ, ре́кѫ, мо́гѫ, ре́чеши, хва́лиши, хо́диши, да́єть, і̏деть, цѣ́лить и т. д.; прич. наст. дѣйств. ле́жѧ, ло́вѧ, скръ́бѧ, ка́знѧщь, тво́рѧщь, пло́вѧщь, смѣ́рѣѫщь, мѵрѡ́саѫщь и страд. вла́чимь, но́симь, зо́вомь, хра́нимь; прич. прош. дѣйств. свѧ́завь, лю́бивь, ры́кнѫвь и страд. ро́ждень, ве́день, ме́тень и др., а также

2) сложныхъ съ предлогами: неопр. възда́вати, въпа́днѫти, въспа́лѣти, извлѣ́щи, искоу́сити, нано́сити, насла́дити, обла́чити, обрѣ́тати, огла́сити, оклеве́тати, послоу́жити, понѫ́ждати, привѧ́зати, приве́сти, подви́ѕати, подпа́дати, прѣдле́жати, прѣдпочь́тати, съпрѣбы́вати, съти́цати, оусла́ждати, оута́ити; наст. вр. пода́ѫ, прино́шаѫ, ѿстѫ́пиши, ѿпоу́щаєши, ожи́даєть, поѡ́щрѣєть и т. д.; прич. наст. дѣйств. въхо́дѧ, оуничи́жаѧ, прѣмѣ́нѣваѧ, оута́лѣѫщь, прости́раѫщь, нале́жѫщь и страд. заба́влѣємь, нари́цаємь; прич. прош. дѣйств. съмѫ́тивь, оумо́ливь, ѿло́живь и страд. облѣ́чень, разрѣ́шень, съдро́блень.

X. Суффиксы *ва* первообразныхъ и производныхъ глаголовъ всегда съ удареніемъ: вѣрова́ти, мѫдръствова́ти, позоръствоу́ѫщь, жителствоу́ѫщь, обрадова́нь.

XI. Удареніе на основѣ сохраняется въ 1) преходящемъ: въсти́цаахь, въноу́шааше, назнамена́вааше, оутѣ́шаахѡмь, призы́ваасте, ме́таахѫ, тво́рѣахѫ, би́ахѫ и 2) аористѣ: ска́захь, ѿлꙋ́чихь, ѡбрѣ-

тохь, вкмѣнихь, показа, извѣсти, обложи, слъ́учи, покры, възведе, изнесе, почьте, оустръмихшмь, обѣщахшмь, насадисте, обѣщасте. прїидшша, съдробиша, пристоиша, изнемогшша, но побѣда, вѣрова, разоумѣ, прїиде, прилѣпи сѧ, почюди сѧ.

XII. Повелительныя формы основъ на согласную имѣютъ ударенія на окончаніяхъ: бѫди, въсни, исплъни, нѣси, прославі, стани, свободи, твори, да дръжимсѧ.

XIII. На послѣднемъ слогѣ имѣютъ ударенія нарѣчія и союзы: добрѣ, лютѣ, посредѣ, зимѣ, ниже, ıакоже, прѣжде, обогда, ради, пакы, ѿсѫдꙋ, повъсѫдꙋ, противѫ, ибѡ.

XIV. На первомъ слогѣ удареніе находимъ въ мѣстоименныхъ формахъ: тебѣ, тебе, себе, немоу, того, томоу, сицего, иныи; на второмъ — твоего, оного, моемоу, самомоу, въсемоу, никомоу, ѡнѣхь, ѡнѣмь, онои, она и др.

XV. Окончанія сравнительныхъ формъ прилагательныхъ являются всегда съ удареніемъ: любезнѣишїи, новѣи.

XVI. Когда составныя части сложнаго слова ясно опредѣляются въ сознаніи говорящаго, то слова имѣютъ два ударенія: прѣтръпѣти, въсесилнїи, архїмандрить.

Кромѣ 1) оксіи для начала и средины словъ, и 2) варіи для конца словъ и фразъ, у Гавріила употребляется еще 3) апострофъ, исключительно надъ междометіемъ въ обращеніи и при восклицаніи ѿ, и 4) кендема, какъ можно было замѣтить, находящаяся на а) словахъ, означающихъ парные или два предмета два, двѣ, двѣма, рѫцѣ, рѫкꙋ, а послѣднее правило распространилось и на трі, трїсвѧтаа; б) краткихъ нарѣчіяхъ и частицахъ: нѫ, аще лі, здѣ, тꙋ, сѐ; в) мѣстоименныхъ формахъ: ѡнї, тѧ, тыѧ, твоа, своа, твоѧ, своѧ, г) изрѣдка на глагольныхъ формахъ мнѧ, вѣ, наконецъ д) на отдѣльныхъ словахъ злаа, вѣнцы, пѫстрыи, которыя трудно подвести подъ общее правило.

Итакъ, на основаніи рукописей Гавріила мы составили краткое руководство, но не грамматическое, а скорѣе палеографическое. Повидимому, самъ Гавріилъ относился къ своимъ текстамъ болѣе сознательно лишь послѣ удаленія изъ Рос-

сіи, такъ какъ переписанная имъ въ юности рукопись 1389 года не даетъ еще той стройной послѣдовательности и можетъ быть отнесена скорѣе къ „правымъ святогорскимъ изводамъ", чѣмъ къ серіи настоящихъ „тырновскихъ" рукописей. Припомнимъ, что онъ работалъ въ лаврѣ Аѳанасія, занимавшей одно изъ видныхъ мѣстъ среди аѳонскихъ обителей благодаря книжнымъ трудамъ ея иноковъ. Поэтому намъ кажется, что 1) исправленіе болгарскихъ книгъ Евѳиміемъ должно относиться къ сравнительно позднему времени, скорѣе всего къ періоду его изгнанія, такъ такъ иначе сохранились бы болѣе ранніе рукописи съ „тырновскимъ" текстомъ; 2) роль Евѳимія во всемъ этомъ дѣлѣ была нѣсколько преувеличена его учениками — Григоріемъ Цамблакомъ и Константиномъ Костенчскимъ,—такъ какъ сравненіе его правописанія съ обыкновенными „средне-болгарскими" текстами XIII—XIV вв. показываетъ, что Евѳимій не былъ иниціаторомъ чего нибудь новаго, а только систематизировалъ правописаніе послѣднихъ текстовъ, сдѣлалъ ихъ болѣе однообразными, причемъ не обошелся безъ вліянія „правыхъ" аѳонскихъ изводовъ.

Итакъ, Гавріилъ оказался первымъ по времени послѣдователемъ правописной реформы патр. Евѳимія. Переходя къ этому вопросу, мы должны оговориться, что не будемъ касаться реформы самого Евѳимія, такъ-какъ научная разработка ея давно обѣщана П. Сырку, въ I томѣ многотомной его серіи. Для нашихъ цѣлей болѣе интересенъ другой послѣдователь правописной реформы Евѳимія — Константинъ Костенчскій, авторъ хорошо извѣстнаго по работѣ акад. И. Ягича „Сказанія о письменахъ славянскихъ" [1]).

Практическіе результаты дѣятельности Константина извѣстны хорошо. Такъ-называемые ресавскіе изводы, которыми дорожили

[1]) Повторяемъ здѣсь, съ нѣкоторыми дополненіями, сказанное нами въ рецензіи на книгу П. Сырку, „Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ. Спб. 1901". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, іюль, стр. 2492—54.

въ XVI и XVII вѣкахъ и которые тщательно копировались безъ всякихъ почти измѣненій сербскими, болгарскими и валашскими переписчиками,—эти изводы получили такое распространеніе въ указанные выше вѣка, что почти всѣ рукописи съ сербскимъ правописаніемъ, которыя намъ приходилось имѣть подъ руками въ румынскихъ библіотекахъ, могутъ считаться копіями съ тѣхъ текстовъ, которые были правлены и редактированы по правиламъ самого Константина его литературно-графическими послѣдователями. Выводы г. Сырку въ этой части работы въ большинствѣ случаевъ справедливы. Но изслѣдователь напрасно не привлекъ къ дѣлу рукописей Гавріила Цамблака или его времени. Правда, самъ авторъ какъ бы соглашается, что „собственно *первымъ дѣятелемъ* изъ болгаръ у сербовъ былъ Григорій Цамблакъ, который пробылъ тамъ, по всей вѣроятности, съ 1403 или 1404 по 1406 годъ, но значеніе его въ распространеніи сербской (?) редакціи у болгаръ *незамѣтно*" (стр. 03—04), другими словами, мнѣніе о значеніи рукописей Гавріила высказывается впервые не нами.

Ошибка г. Сырку заключалась въ томъ, что онъ надѣялся найти какія-то сербскія (sic) рукописи Цамблака. Поэтому мы не только не можемъ согласиться съ этимъ, но напротивъ, считаемъ Цамблака трезвымъ и дѣятельнымъ проводителемъ въ въ жизнь правописанія, но не ресавскаго, а тырновскаго, т. е. предложеннаго его непосредственнымъ учителемъ. Если Константинъ былъ исключительно теоретикъ, если мы не знаемъ ни одной переписанной имъ рукописи или редактированнаго имъ текста, если полемическимъ тономъ своего строго-догматическаго „Сказанія" и пунктуальными до скрупулезности чисто-графическими правилами онъ вооружилъ противъ себя сербскихъ книжниковъ и, во всякомъ случаѣ, не пользовался популярностью, несмотря на расположеніе къ нему просвѣщеннаго деспота,—то Цамблакъ представляется намъ полной противоположностью сербскому реформатору. Если даже не принимать во вниманіе извѣстнаго отрывка въ его Словѣ

похвальномъ патріарху Евѳимію о „развращенныхъ“ спискахъ славянскихъ книгъ въ Болгаріи до Евѳимія и о дѣятельности послѣдняго въ области „прѣписанія божественныхъ книгъ отъ елладскаго языка на болгарскій“ [1]), то Цамблака можно назвать реформаторомъ исключительно практикомъ.

Изъ предыдущей главы мы уже знаемъ, что добровольно оставивъ митрополичью каѳедру юго-западной Руси, Григорій удаляется въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ XV вѣка въ Нямецкій монастырь, принимаетъ здѣсь схиму, и втеченіе трехъ десятилѣтій переписываетъ рядъ рукописей, начиная книгами ветхаго завѣта и кончая оригинальными произведеніями болгарской и русской литературы; рукописи-автографы замѣчательнаго церковнаго писателя и опытнаго книжника можно назвать первыми по времени и достоинству текстами, въ которыхъ правописная реформа Евѳимія проведена въ жизнь съ необыкновенной послѣдовательностью и, вѣроятно, точностью. Цамблакъ не былъ такъ строго пунктуаленъ, мелочно придирчивъ, жестоко требователенъ и наивно простъ въ своей теоріи о правописаніи, какимъ представляется намъ Константинъ. Цамблакъ былъ человѣкъ дѣла, и около 30 его рукописей [2]) даютъ намъ болѣе вѣрное представленіе о требованіяхъ правописанія самого Евѳимія, чѣмъ растянутый и почти неисполнимый во всѣхъ деталяхъ трактатъ грекомана и схоластика Константина.

О переводахъ Евѳимія Цамблакъ говоритъ въ Словѣ похвальномъ своему учителю [3]). Онъ указываетъ прежде всего

---

[1]) *E. Kaluźniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven ss. 40, 76.

[2]) Около двадцати рукописей Гавріила, датированныхъ разными годами второй четверти XV вѣка, было указано въ нашей студенческой работѣ, Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898, стр. 31—33.

[3]) Евѳимій называется здѣсь „таиникъ недоумѣнныхъ таинствъ и съпричастникъ славы апостольскыя и великыя оноя жрътвы священникъ и учитель истины оноя“... *E. Kaluźniacki*, Aus der panegyr. Litteratur, 28.

на „первыхъ преводителей“, которые или не знали въ совершенствѣ „греческаго языка и ученія“, или же находились подъ вліяніемъ „дебелости“ своего языка, почему „изданныя“ ими книги оказались не только вредными и противными догматамъ, но повлекли за собой настоящія ереси. Явился Евѳимій, и сталъ работать надъ исправленіемъ этихъ книгъ. Константинъ упоминаетъ какое то составленное Евѳиміемъ „утвержденіе“, подъ которымъ ученые склонны видѣть грамматическое руководство, одобренное самимъ царемъ. Конечно, у насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ для того, чтобы не вѣрить въ существованіе такого руководства; но съ другой стороны, подобный намекъ имѣлъ въ глазахъ Константина большое значеніе, потому-что онъ самъ написалъ „Обличеніе“, которымъ нажилъ себѣ враговъ, и разсчитывалъ на одобреніе своего трактата „о письменахъ“, и даже какъ-будто узаконеніе его правилъ, со стороны деспота. Поэтому примѣръ болгарскаго царя, покровительствовавшаго культурнымъ начинаніямъ патріарха, долженъ былъ, по мнѣнію автора, побудить Стефана сдѣлать то же самое и съ трудомъ Константина. Эти соображенія ослабляютъ до нѣкоторой степени свидѣтельство послѣдняго относительно существованія „Утвержденія“ Евѳимія.

Въ этомъ отношеніи Евѳимій представляется намъ скорѣе реформаторомъ-практикомъ, чѣмъ догматикомъ-теоретикомъ. Не даромъ Цамблакъ, говоря объ исправленіи Евѳиміемъ старыхъ славянскихъ переводовъ, припоминаетъ столь излюбленнаго и нашими книжниками Птоломея, по приказанію котораго были переведены ветхозавѣтныя книги на греческій языкъ, и восклицаетъ: „Кто бо видѣль би, рьци ми, толико испытно прѣязыкствовань и тльковань еврейскы языкь на нашь и завѣть пророкы, якоже нынѣ, мужемь вѣдѣтелемь закона, оскудѣвшимь, ово убо урокомь житіа, овоже и частыми плѣнеми и запаленми, усрѣтшими языкь онь и паче же по крьстѣ, егда и конець прьвяша, яже разореніа и опустѣніа и храму и жительству..., якоже оплакуеть иже тѣхь бѣды, по тьнку

списуя Іосиппъ“? [1]). Вполнѣ естественно, что Евѳимій работалъ не одинъ. Но помощниковъ его и непосредственныхъ учениковъ-переписчиковъ мы не знаемъ, за исключеніемъ Григорія-Гавріила. Никакихъ свѣдѣній не сохранилось объ ученикѣ евѳиміевой школы „нѣкоемъ“ Андроникѣ изъ „романійской области“, знавшемъ „дивнаго въ словѣ“ Евфимія, повидимому, во время изгнанія послѣдняго. Константинъ называетъ Андроника своимъ руководителемъ, а послѣдній считалъ себя ученикомъ болгарскаго патріарха только „въ малѣ“. Несомнѣнно одно: Андроникъ былъ во всякомъ случаѣ „тырновистъ“, и честь пересажденія „тырновскихъ“ правилъ на сербскую почву всецѣло принадлежитъ Костенчскому „философу“. Въ его „Сказаніи“ есть намекъ на то, что „тырновисты“, жившіе въ Сербіи, не сообщали сербскимъ книжникамъ своихъ знаній. Не намекаетъ ли Константинъ на Цамблака, дѣйствительно жившаго незадолго передъ тѣмъ въ Сербіи и не оставившаго никакихъ слѣдовъ своей книжной дѣятельности? Дѣло въ томъ, что единственный „достовѣрный“ по имени „тырновистъ“, Андроникъ, не могъ скрывать своихъ знаній, такъ-какъ онъ цѣликомъ передалъ ихъ своему ученику. Но другихъ сколько нибудь видныхъ книжныхъ дѣятелей-болгаръ, кромѣ Гавріила, мы не знаемъ за все это время. Выше мы предположили, что положеніе Цамблака въ Сербіи было не особенно прочно, и по всей вѣроятности, онъ оказался въ оппозиціи по отношенію къ начинаніямъ Константина (см. стр. 152). Съ другой стороны, не отъ него-ли узналъ Константинъ, какъ „влашкыимь ѩзыкомь право рещи бъ?“ Опять, повторяемъ, намъ не извѣстны другіе книжники изъ румынскихъ земель, бывшіе въ это же время въ Сербіи, а о пребываніи въ ней Цамблака не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

---

1) Слово похв. Евѳимію, стр. 42—43. Очевидно, подъ Іосипомъ разумѣется Іосифъ Флавій, на котораго Цамблакъ ссылается и въ разсказѣ о войнѣ Ирода съ Аретомъ (sic) Аравляниномъ, „Слово на Усѣкновеніе главы І. Предтечи“, Сборникъ XV в. собр. В. М. Ундольскаго, № 1299, л. 73 об.

Итакъ, правописные проекты Константина, разсчитанные на Сербію, окончились неудачей. Старикъ-Кипріанъ не могъ заняться исправленіемъ рукописей въ предѣлахъ Россіи. Занятый дѣлами по управленію обширной епархіей, кромѣ того— „бывшій въ Литвѣ“, а потому человѣкъ опасный для православія Москвы, быть можетъ, знавшій русскій языкъ далеко не совершенно [1]),—Кипріанъ не оставилъ слѣдовъ примѣненія къ русскимъ текстамъ „тырновскихъ“ правилъ. Надо думать, что по тѣмъ же причинамъ и Цамблакъ не имѣлъ возможности сдѣлать въ Россіи нѣчто подобное, если даже онъ и успѣлъ къ тому времени ознакомиться со всѣми подробностями тырновской правописной школы. Дѣйствительно, Россія представляла далеко не благопріятную почву для подобныхъ начинаній, изъ за которыхъ не трудно было возгорѣться и настоящему расколу. На нѣчто подобное намекаетъ и П. Сырку. Объясняя неудачу Константина, онъ думаетъ, что „деспотъ, хорошо знавшій и понимавшій сербовъ, не рѣшался на этотъ шагъ, будучи увѣренъ, что эта мѣра можетъ вызвать въ народѣ (?) сильное негодованіе“ и т. д. [2]). Но согласиться съ послѣдними словами довольно трудно. Скорѣе же Константину приходилось считаться съ сербской письменностью предшествующаго періода, и онъ не могъ пересадить болгарское правописаніе на сербскую почву та̀къ, какъ ему того хотѣлось.

Въ этомъ отношеніи Гавріилъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: онъ работалъ въ Молдавіи, въ странѣ,

---

[1]) Мы имѣемъ ввиду отзывъ извѣстнаго ученика Максима Грека, Нила Курлятева, который, не особенно стѣсняясь, говоритъ, будто „митрополитъ Кипріанъ по гречьски гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же; аще съ ними единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, а въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся. И онъ мнился, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ: въ рѣчахъ и словѣхъ все по сербски написалъ“, *Филаретъ*, Обзоръ духовной литературы, изд. 3, стр. 88.

[2]) Изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. CXLIV.

гдѣ до начала XV вѣка славянская письменность была во всякомъ случаѣ мало развита. При содѣйствіи болгарскихъ монаховъ, явившихся въ эту свободную землю послѣ паденія Тырнова, при равнодушіи мѣстнаго населенія и духовенства къ вопросамъ языка и литературы, онъ могъ насаждать славянскую письменность въ широкихъ размѣрахъ. Наконецъ мы знаемъ, что супруга господаря Марина сама заказала Гавріилу великолѣпное выходное Евангеліе на пергаментѣ, которое было переписано въ 1429 году, и въ спискѣ датированныхъ рукописей Гавріила занимаетъ второе по порядку мѣсто. Этотъ фактъ косвеннымъ образомъ доказываетъ то, что и правитель Молдавіи ничего не имѣлъ противъ тырновскаго правописанія. Кромѣ того, нужно считаться съ болѣе терпимымъ общимъ взглядомъ Гавріила, чѣмъ Константина, на тексты „старыхъ издателей“ и на требованія новой школы. Цамблакъ не особенно, повидимому, уважалъ авторитетъ греческихъ Эротиматъ, и лингвистическая сторона у него не была такъ же подавлена чисто внѣшней, графической, какъ у его сербскаго сотоварища. Къ сожалѣнію, въ упомянутой работѣ г. Сырку не задумывается надъ вопросомъ, что̀ именно въ „Сказаніи“ можетъ принадлежать Евѳимію и что̀ придумано самимъ Константиномъ. Въ этомъ отношеніи громадный интересъ представляютъ тексты, переписанные Гавріиломъ. Тщательное сравненіе ихъ съ соотвѣтствующими по содержанію ресавскими текстами [1]) покажетъ, въ какой степени сохраненъ у Константина Евѳиміевскій элементъ. Вотъ почему для выясненія всѣхъ пунктовъ Евѳиміевой реформы непремѣнно нужно привлечь и рукописи Гавріила. Только послѣ примиренія его разумныхъ исправленій съ курьезно-мелочными нововведеніями Константина, можно будетъ говорить о текстахъ, такъ или иначе близкихъ къ самому Евѳимію. Если по нѣсколькимъ позднимъ рукописямъ ресавскаго извода,

[1]) Какъ увидимъ ниже, подобную работу дѣлали монахи Нямецкаго монастыря въ началѣ XVII вѣка, но исключительно съ практическими цѣлями (см. стр. 411—414).

тремъ сборникамъ Владислава и тексту Житія св. Николая Софійскаго, г. Сырку можетъ говорить объ отраженіи въ нихъ реформъ Константина и Евѳимія, то безъ автографовъ Гавріила, относящихся ко второй четверти XV вѣка, повторяемъ, обойтись нельзя.

П. Сырку сопоставилъ внѣшнія данныя нѣсколькихъ рукописныхъ „Описаній" [1]) относительно редакцій книгъ и пришелъ къ выводу о преобладаніи ресавскихъ текстовъ въ западной Болгаріи. Но для нашихъ цѣлей болѣе интересна письменность восточной Болгаріи и Молдавіи, гдѣ циркулировали исключительно тырновскіе тексты, и только въ рѣдкихъ случаяхъ болгарскіе книжники обращались къ ресавскимъ оригиналамъ, пользуясь ими для исправленія первыхъ. Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ, напримѣръ, въ записи попа Матвѣя изъ тырновскаго округа, на Службѣ влмч. Георгію, переписанной для Зографскаго монастыря въ 1644 году [2]). Писецъ обра-

---

[1]) Намъ представляется очень важнымъ вопросъ: можно ли говорить о соотношеніи между собой тырновскихъ и ресавскихъ изводовъ на основаніи рукописей только двухъ болгарскихъ библіотекъ—Синодальной и Народной. Прежде всего не забудемъ, что происхожденіе этихъ собраній отчасти носитъ случайный характеръ, отчасти принадлежитъ позднему времени. Опять, намъ кажется, нельзя обойтись безъ рукописей румынскихъ библіотекъ, въ которыхъ особенно многочисленны списки св. Писанія, рукописи богослужебныя и переводы свято-отеческихъ твореній. Самъ изслѣдователь не разъ отмѣчаетъ безусловно румынское происхожденіе той или иной рукописи, ея оригинала или же писца и т. д. (стр. CCCXXVI—CCXXVII, CCXXXI, CCXXXII, CCXXXVII, CCXLVII, CCLIII, CCLIV, CCLXXVII и др.), и намъ кажется, что списокъ этотъ можно значительно увеличить. Достаточно привести слѣдующія цифры изъ статистики тѣхъ рукописныхъ собраній, которыя нами описаны въ Румыніи: въ монастырѣ Агапіи — 1 сербская рукопись, въ Румынской Академіи — 4, Національномъ Музеѣ Древностей въ Букурештѣ—50, въ Нямецкомъ монастырѣ—22 и т. д. Среди нихъ попадается много рукописей, переписанныхъ въ Сербіи и въ западной Болгаріи, но большинство изъ нихъ—валашскаго происхожденія, ресавскаго извода—ближайшія копіи съ болгарскихъ и сербскихъ. Кромѣ того, можно было бы привлечь и сербскія рукописи XV—XVII вѣковъ русскихъ библіотекъ. Ср. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, Іюль, стр. 252—253.

[2]) Издана П. Сырку въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886, кн. VI, стр. 334.

щается къ „чтущимъ и прѣписущимъ“ съ такой просьбой: „аще что и обрѣщетсе погрѣшено, и вы принесѣте трьновскы изводъ и ресавскы, и съгледаите добре, и тогда исправлѣите“. Отъ подобныхъ просьбъ было недалеко и до исполненія ихъ, и мы видимъ, что нямецкіе книжники такими исправленіями занимались. Объ этомъ у насъ есть необыкновенно интересное свидѣтельство, относящееся къ началу XVII вѣка и подтверждающее мысль объ участіи Гавріила въ распространеніи и утвержденіи реформы Евѳимія въ Молдавіи.

Въ рукописи Національной Софійской Библ-ки первой половины XVII вѣка № 80 читается извѣстная статья: Сїа словеса, вькратцѣ избранна ѿ книги Константина Философа и оучителя срьбскаго, бывшаго при благочьстивѣмь деспотꙋ Стефанꙋ сыноу свꙗтаго кнꙗѕа Лазара [1]), въ сербской редакціи, представляющая нѣкоторыя разночтенія сравнительно съ болгарскимъ текстомъ того же грамматическаго извлеченія изъ трактата Константина Костенчскаго о письменахъ. Въ концѣ статьи читается интересное Посланіе, цѣликомъ напечатанное И. В. Ягичемъ, къ сожалѣнію, оставленное безъ всякихъ объясненій [2]). Въ немъ идетъ рѣчь о какомъ-то переписчикѣ книгъ Гавріилѣ, который называется „старцемъ“, „мужемъ совершеннымъ въ писаніяхъ“, по нашему мнѣнію, о Гавріилѣ Цамблакѣ. Авторъ Посланія скрылъ свое имя въ нѣсколько неясной криптографической подписи дгь ч<з>елзлзцѣшев ѕвь<д>или<е>ь зцвзлцве квѡд, которую мы исправляемъ буквами, заключенными въ скобки, и читаемъ такъ: азь многогрѣшни диаконь Григорие писа. Адресовано оно духовнику и брату, повидимому, какому-то *Іакову* (тьзоименитѡмꙋ ѡномоу.... оумꙋ, зрещомоу Бога, ѡномоу оузрѣвшомоу Бога на врьсѣ лѣствици) и служитъ отвѣтомъ на вторичное посланіе адресата, который и раньше писалъ Григорію относительно „добраго и послѣдованнаго

---

1) Выписываемъ заглавіе по изданію И. Ягича, такъ какъ въ Софійской рукописи начало утрачено. Разсужденія старины, стр. 535.

2) Тамъ же, стр. 1020—1021 (по I тому „Изслѣдованій“).

извода“ Акаѳиста Іоанну Крестителю. Что же касается тырновскаго Евангелія, о которомъ Григорій писалъ попу, *Ѳеодору* (дароу Божїю тьзоименитѡмꙋ), то оно ему кажется теперь плохимъ (мнить ми се опаршевь изводь быти), почему въ концѣ концовъ пришлось обратиться къ прежнему изводу, такъ-какъ Григорію трудно было привыкнуть читать рукопись, понеже въ ресавскыхь нѣсть тако, ꙗкоже и самь вѣси. Тѣмъ не менѣе, братъ Іаковъ не долженъ удивляться разности въ двухъ рукописяхъ—тырновской и ресавской,—потому что мнѡго разьньствїе имоуть междоу срьбли и бльгари, ꙗкоже книгы; сїе оучеть ме срьбскаа рѣчь, ꙗкоже би рещи, покьсно и испльнително ходить, бльгарскаа же острѣише, ꙗкоже на грьчьскꙋю приликовать.

Это даетъ поводъ Григорію сказать нѣсколько подробнѣе объ этой разницѣ, причемъ онъ обѣщаетъ говорить не отъ себя (ничтоже ѿ себе вьносимь), нь ꙗкоже старьць нась наоучи, — сице творимь. Для этого онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: беретъ старцеву книгу (Евангеліе) отъ Іоанна, и послѣдовательно сравнивая ее съ ресавскимъ текстомъ, находитъ различіе вь малѣ по силахь ѿ трьновскыхь книгь, изъ которыхъ и выписываетъ отдѣльные примѣры. Дойдя до „оксіи“, онъ говоритъ, что она не вьводить вьнꙋтрь, нь изгонить вьнь, понѥже остра есть, ꙗкоже и мы тамо вьобразихѡмь, мнить ми се, ѿ Гаврїила писца вьзьмше... Григорій опять не рѣшается высказывать самостоятельное сужденіе (и о семь не сꙋждꙋ) относительно болѣе правильной графики, потому-что упомянутый Гавріилъ моужь сьврьшень есть биль вь писаниxь. Затѣмъ онъ переходитъ къ „варіи“, которая болѣе свойствена „нашему“, т. е. сербскому, языку, и сообщаетъ о „новыхъ“ книгахъ какого-то старца, который „полагалъ“ въ нихъ такія же „силы“, какія и онъ, Григорій, хочетъ примѣнить къ своимъ копіямъ: самь бо ми исповѣда: „обрѣтохь нѣкогда книгꙋ добрꙋ трьновьскꙋ“, и рече: „азь ѿ тые книгы изьоучихь вѣлегы и ерые. Ѡбаче ѡнь (Гавріиль?) вѣдовь быль есть и сице и онако, и нѣсть вь нѥмь порока о семь“—и сїа до зде.

Впрочемъ, этимъ не ограничились работы старца по сличенію ресавскихъ текстовъ съ тырновскими. Однажды онъ взялъ книгу „философову“ (т. е. Константиновой редакціи) и прочиталъ ее, а затѣмъ обратился къ „цѣлой“ тырновской книгѣ и рѣшилъ написать книжицꙋ ꙋчительнꙋ, повидимому, такое же руководство по грамматикѣ и ороографіи тырновскихъ текстовъ, какое Константинъ сдѣлалъ для ресавскихъ. По томꙋ словеси и мы обрѣтохωмь книгꙋ сїю,—продолжаетъ Григорій,—иже прѣжде недовѣдомаа намь о силахь раздрѣшающи, ꙗкоже би рѣщи фїлософωви соуть оученици. Такимъ образомъ, изъ Посланія дьякона Григорія видно, что учитель его, „старецъ“, ссылался на „безпорочныя“ тырновскія рукописи писца Гавріила, и путемъ сличенія ихъ съ ресавскими составилъ руководство по тырновскому правописанію, благодаря чему авторъ Посланія и рѣшаетъ назвать его ученикомъ Гавріила.

Какъ мы уже указали, издатель не касается разбора „Посланія“ и прибавляетъ только, что „эта рукопись принадлежитъ къ позднѣйшимъ сербскимъ, бывшимъ въ то время въ ходу также въ предѣлахъ Болгаріи“ (стр. 1021). Согласиться съ послѣднимъ выводомъ мы не можемъ, такъ-какъ всѣ данныя указываютъ на Молдавію, точнѣе, на Нямецкій монастырь. Въ концѣ одного изъ Евангелій этого монастыря, XV вѣка, тырновской редакціи, № 9(5), скорописью начала XVII вѣка сдѣлана запись на румынскомъ языкѣ [1]) тѣмъ же криптографическимъ ключемъ [2]), что̀ и въ Софійскомъ Сборникѣ: † иҳ зцвфлцви. дз ωпцкω. дчиωѱ гдквω, *т. е.* єꙋ гри(г)орие. ам скрис чест запис (Я Григорій написалъ эту запись). Тожество

[1]) *Древности. Труды Слав. Комм.*, т. II, 2, стр. 11.

[2]) Ср. у *А. И. Соболевскаго* во II курсѣ „Славяно-русской Палеографіи“, стр. 56. Но въ обѣихъ записяхъ совершенно оригинальныя значенія имѣютъ двѣ буквы (въ первой—*ч* вм. ѯ = *м*, во второй—*ф* вм. *з* = *г*), необычныя въ обыкновенномъ ключѣ; что эти два отличія имѣютъ нѣчто общее, показываетъ хотя бы то, что въ томъ же ключѣ *ч* замѣняетъ *ф* и наоборотъ.

дьякона Григорія, автора Посланія, и Григорія, сдѣлавшаго запись на Нямецкой рукописи, обнаруживается кромѣ того и сходствомъ почерковъ. Съ другой стороны, подъ писцомъ Гавріиломъ, „мужемъ совершеннымъ въ писаніяхъ“, авторитетнымъ для сужденія о „безпорочныхъ“ тырновскихъ изводахъ, переписавшимъ когда-то Четвероевангеліе (см. выше, стр. 346—350), и т. д. можно разумѣть только Гавріила Цамблака. По крайней мѣрѣ мы не можемъ указать другого извѣстнаго писца, который въ данномъ случаѣ подходилъ бы скорѣе, чѣмъ нямецкій схимникъ. Въ нямецкой библіотекѣ попадаются и ресавскія рукописи, хотя тырновскія доминируютъ [1]). Поэтому нямецкому дьякону Григорію лучше другихъ возможно было имѣть подъ руками тырновскія книги старца Гавріила и сравнивать съ ними ресавскія.

Какъ мы упоминали раньше, по сохранившимся рукописямъ Гавріила можно составить также представленіе о кругѣ интересовъ его самого и о наличности произведеній славянской письменности въ Молдавіи во второй четверти XV вѣка.

Во первыхъ, мы имѣемъ нѣсколько библейскихъ книгъ (I), четыре списка Четвероевангелія (II—V) и Апостолъ (VI); Псалтири же, какъ болѣе употребительныя книги въ церкви, въ келіи, при разныхъ требахъ, а главное, при обученіи чтенію и письму, не дошли до насъ, и были уничтожены, по всей вѣроятности, вслѣдствіе своей негодности.

На второмъ мѣстѣ стоятъ книги богослужебныя: Октоихи (VIII—X), служебныя Минеи съ проложными статьями (XI—XVI) и архіерейскій Требникъ (VII). Что въ числѣ первыхъ по времени рукописей Молдавскаго происхожденія, т. е. среди книгъ Гавріила, былъ и „Служебникъ“ Евѳиміевскаго типа, доказываютъ болѣе позднія, исключительно молдавскія рукописи, сохранившія текстъ Евѳимія почти безъ всякихъ измѣненій.

---

[1]) При 63 болгарскихъ рукописяхъ, находимъ 22 сербскія и 19 русскихъ, въ числѣ послѣднихъ—нѣсколько позднихъ.

А такъ-какъ мы не знаемъ иныхъ путей въ раннихъ культурныхъ сношеніяхъ Молдавіи съ Болгаріей, кромѣ дѣятельности Гавріила, то послѣднее предположеніе едва-ли будетъ мало вѣроятнымъ.

Третій отдѣлъ составятъ Творенія святыхъ отцовъ — отдѣльными книгами и въ Сборникахъ: Арсенія мниха и игумена, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Георгія пресв. Кесарійскаго, Григорія Двоеслова, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Григорія Синаита, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Іоанна Синайскаго, Исаака Сирина, Кирилла Александрійскаго, Льва Царя, Максима Исповѣдника, Макарія Великаго, Никиты Ираклійскаго, Никиты Стиѳата, Никифора Никейскаго, Петра Антіохійскаго, Прокла Константинопольскаго, Симеона Новаго Богослова, Филоѳея Константинопольскаго и др. Если мы сравнимъ этотъ списокъ церковныхъ писателей съ перечнемъ авторовъ, особенно рекомендуемыхъ Григоріемъ Синаитомъ [1]) и вновь переведенныхъ или только исправленныхъ въ XIV вѣкѣ, то найдемъ, что въ общихъ чертахъ составъ рукописей Гавріила примыкаетъ къ болгарской письменности предшествующаго періода. Съ другой стороны, рукописями Гавріила удобно было воспользоваться Паисію Величковскому, который въ послѣдней четверти XVIII вѣка воскресилъ въ томъ же Нямецкомъ монастырѣ аѳонскую созерцательную жизнь и книжную дѣятельность XIV вѣка. И мы видимъ, что на многихъ книгахъ Гавріила Паисій дѣлалъ помѣтки, справляясь съ ними при своихъ новыхъ переводахъ съ греческаго.

Четвертая группа, Житія святыхъ, представлена рядомъ проложныхъ статей, отрывками изъ Житій аскетовъ, нѣсколькими цѣльными Житіями, напр. Григорія Омиритскаго (XXVI), Маріи Египетской (XXVII), Павла Ѳивейскаго (XXVI), На-

[1]) *П. Сырку*, Время и жизнь Евѳимія, стр. 223 — 224. Ссылки на „Добротолюбіе" Величковскаго.

хомія Пустынника (XXIX), наконецъ, апокрифическими, перечисленными нѣсколько ниже (стр. 418).

Статей каноническаго и догматическаго содержанія также немного: „Святыхъ и прославныхъ апостолъ Правила“ въ трехъ отдѣлахъ, изъ которыхъ въ первомъ — 84 главы (первая—„о поставленіи епископовъ“, послѣдняя—„о карающихъ князя или царя“); во второмъ — 26, изъ постановленій перваго вселенскаго собора; въ третьемъ—84 главы, изъ „Правилъ“ Василія Великаго. Къ этому отдѣлу тѣсно примыкаетъ рядъ статей догматическаго содержанія—о Божьемъ существѣ, о св. Троицѣ, о христіанскихъ догматахъ, обрядахъ, „о томъ, еже каковѣмъ быти подобаетъ христіаномъ“ и др. [1]).

Болѣе полный отдѣлъ — полемическій, главнымъ образомъ, трактаты противъ латинянъ. Статьи этого содержанія хорошо представлены въ спеціально-полемическомъ Сборникѣ

---

[1]) О нѣкоторыхъ отдѣлахъ Нямецкой библіотеки половины XV вѣка судить очень трудно, такъ какъ большая часть славянскихъ рукописей, почти всѣ румынскія и иностранныя погибли во время памятнаго пожара 1862 года (см. выше, стр. 121). Въ XVII вѣкѣ неизвѣстный нямецкій книжникъ сдѣлалъ помѣты на переплетахъ большинства рукописей; судя по нѣкоторымъ изъ нихъ, въ монастырской библіотекѣ было гораздо больше рукописей: иногда рукопись имъ отмѣчена какъ I или II томы извѣстной серіи, а теперь осталось только по одному тому, и т. п. Въ VII томѣ своей рукописной „Исторіи Нямецкаго монастыря“, Андроникъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о прежнемъ составѣ библіотеки: „всѣ четыре части Филокаліи, переведенныя впослѣдствіи и Паисіемъ Величковскимъ и переписанныя даскаломъ Исаакомъ схимникомъ, Творенія Симеона Новаго Богослова, Исидора Полуисіотскаго, Нила Сорскаго, Никиты Стиѳата, Евстратія Аргентія, монашескія запрещенія Василія Великаго, Іоанна Златоустаго о дѣвствѣ, наконецъ, около одной тысячи рукописей на молдавскомъ, еллинскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, арабскомъ, турецкомъ, сирійскомъ, болгарскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ“ (Рукопись Ново-Нямецкаго монастыря, л. 275). Преосв. Нарцисъ Крецулеску, будучи еще ученикомъ духовнаго училища (въ 1856—1861 гг.), помѣщавшагося въ то время въ Нямецкомъ монастырѣ, видѣлъ въ пиргѣ (башнѣ) рукописи на восточныхъ языкахъ, греческихъ и латинскихъ классиковъ. Эти рукописи, по объясненію преподавателей Нямецкаго училища, принесли съ собой греки послѣ паденія Константинополя, явившіеся въ Молдавію, Славянскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 609.

(№ XXVIII), гдѣ находимъ рядъ выписокъ изъ книгъ каноническихъ, твореній свв. отцовъ и Патериковъ, анонимную статью „како подобаетъ причащатися божественныхъ таинъ", о безквасной службѣ и о опрѣснокахъ латинской церкви, трактаты и Посланія Никиты хартофилака и протосинкела Никейской церкви, Петра патр. антіохійскаго, отца Никона, Никиты Стиѳата; Ѳеодосія Печерскаго къ кн. Изяславу о латинахъ; Посланіе восточныхъ патріарховъ противъ „латиномудрствующаго" патр. Митрофана, 1443 года (копія XVII вѣка); Исповѣданіе папы римскаго, „како и во что вѣруетъ и держитъ непреложно самъ папа и фременуріи его" и т. д. съ „Отвѣтомъ" на это „Исповѣданіе", патр. Гермогена; „Писаніе" Доминика архіеп. венеціанскаго къ Петру патр. антіохійскому о своей ереси, съ „Отвѣтомъ" адресата; Повѣсть полезна о латинахъ, како отлучишася отъ грекъ"; „О фрязяхъ и прочихъ латинахъ"; „Повѣданіе вкратцѣ, како и коего ради дѣла отлучишася отъ насъ латине и извержени быша отъ первенства своего и отъ книгъ помянныхъ, идеже пишутся православніи патріарси" и др.

Такой же сравнительно богатый отдѣлъ — статьи аскетическаго содержанія, хорошо представленныя въ двухъ Сборникахъ, Румынской Академіи (XXIX) и 1448 года (XXVII), гдѣ собрана масса небольшихъ по размѣрамъ статей-поученій и выписокъ-житій разныхъ восточныхъ аскетовъ. Многія изъ нихъ, взятыя изъ „Луга Духовнаго", оставлены въ рукописи безъ заглавій такъ же, какъ и анонимныя поученія на темы объ истинномъ иноческомъ житіи. Изъ болѣе крупныхъ статей можно отмѣтить слѣдующія поученія и повѣсти: о блаженномъ еписк. Нонѣ; объ Іоаннѣ Милостивомъ; отцѣ Виталіи, спасшемъ блудницу; отроковицѣ, погубленной ея матерью; о женѣ, убіенной ея мужемъ; о женщинѣ, обрѣтенной на островѣ; инокинѣ, обрѣтенной въ пустынѣ Іорданской; о постникѣ Ѳеодорѣ; о препростомъ Павлѣ, Петрѣ Мытарѣ, объ Анастасіи Синайскомъ, объ отрокѣ, хулившемъ Христа;

Повѣсть отца Исаіи; Житіе преп. Пахомія Пустынножителя; Поученіе Симеона Новаго Богослова новоначальнымъ мнихамъ; Слово Макарія Великаго къ мниху „хотящему приступить къ Богу;“ О бѣсѣ, упавшемъ въ чашу; О разбойникѣ, задумавшемъ напасть на монастырь; О юношѣ и константинопольскомъ волхвѣ; О кончинѣ неправеднаго богача; О старцѣ Сергіи и львѣ, О старцѣ Пименѣ и леопардѣ; О старцѣ Герасимѣ и „звѣрѣ“ (львѣ) и т. п.

Восьмой отдѣлъ—апокрифы, легенды и эсхатологическія статьи, напримѣръ, Видѣніе Исаіи пророка, „Прозрѣніе о послѣднихъ времени“ пророка Даніила, Житіе Макарія Римлянина, Дѣяніе апп. Андрея и Матѳея у человѣкоядцевъ, Мученіе Христофора отъ Псогла, Мученіе Ирины, Мученіе семи отроковъ Ефесскихъ, Повѣсть Афродитіана, Повѣсть Патрикія о будущемъ судѣ и земныхъ мукахъ, Повѣсть о покаяніи строителя Ѳеофила, Видѣніе Козьмы мниха, Обрѣтеніе нерукотвореннаго образа, написаннаго въ Камуліанахъ, Повѣсть о нерукотворенномъ образѣ, Совѣты относительно пищи—„отъ премудрости Соломоня, како ясти въ вся мѣсяця“ и мелкія статьи въ Сборникахъ разнообразнаго содержанія. Обиліе апокрифическихъ статей, внесенныхъ рядомъ съ каноническими, насъ не должно удивлять, такъ-какъ такой же порядокъ замѣчается у Евѳимія, Владислава Грамматика, въ Сборникахъ, заказанныхъ царемъ Александромъ, у аѳонскихъ книжниковъ, въ Минеяхъ Макарія, Словахъ самого Цамблака и т. д.

Спеціально историческихъ статей въ рукописяхъ Гавріила очень немного, такъ-какъ онѣ могутъ быть отнесены скорѣе къ разряду полемическихъ. Тѣмъ не менѣе, отмѣтимъ Посланіе вселенскаго патр. Матѳея къ господарю молдавскому Александру, Посланіе православныхъ патріарховъ противъ флорентійской уніи (копіи XVI и XVII вв.), „Повѣсть о святыхъ и честныхъ иконахъ—въ недѣлю православія“, Повѣсть объ иверахъ, „како пріидоша въ благоразуміе“, Сказаніе о

семи вселенскихъ соборахъ, „Исправленіе мало вкратцѣ о вѣрѣ и о низложеніи еретикъ, откуду явися“ и т. д.

Самыя цѣнныя произведенія—оригинальныя. На первомъ мѣстѣ—Житія и Слова патр. Евѳимія: Житіе преп. Филоѳеи, Іоанна Рыльскаго, Иларіона Могленскаго и похвальныя Слова влмч. Недѣлѣ, Михаилу изъ Потука и Іоанну Поливотскому; послѣднее изъ нихъ извѣстно только по Сборнику Гавріила 1438 года. За тѣмъ слѣдуетъ Житіе Варвара Пелагонскаго, составленное Купріаномъ въ 1435 году, Слово Ѳеодосія печерскаго игумена къ Изяславу князю о латинахъ, приписываемая Пахомію Сербу „Повѣсть полезна о латинахъ, како отлучишася отъ грекъ“; въ томъ числѣ произведенія Григорія Цамблака—Слово похвальное влмч. Георгію, Бесѣда о постѣ и слезахъ, Бесѣда о милостынѣ и о нищихъ, Слово на цвѣтоносный праздникъ и Житіе Іоанна Бѣлградскаго.

Наконецъ, какъ фактъ біографическій, рукописи Гавріила говорятъ о немъ, какъ о хорошемъ коллекціонерѣ и необыкновенно дѣятельномъ писцѣ и переводчикѣ. Описывая его книги, мы не разъ приходили къ выводу, что та или иная рукопись Гавріила несомнѣнно существовала, и только не дошла до насъ, или же пока не опредѣлена въ другихъ библіотекахъ. Прежде всего странно, конечно, что первая изъ тѣхъ, которыя были переписаны имъ во время схимы, оказывается Словами Григорія Богослова, памятникомъ менѣе важнымъ въ монастырскомъ обиходѣ, чѣмъ книги Св. Писанія или богослужебныя. Кромѣ того, трудно думать, чтобы въ періодъ между 1420 и 1424 годами Гавріилъ ничего не писалъ, въ 20 и 30 годахъ работалъ сравнительно медленно, и только подъ конецъ своей жизни сталъ писать съ какой-то непонятной быстротой, почти ежегодно выпуская по объемистой книгѣ. Что же касается періода между 1389 и 1424 годами, отъ котораго до насъ не дошло ни одной рукописи, если не считать Архіерейскаго Требника съ странной записью-копіей, то мы все-таки предполагаемъ, что Григорій пи-

салъ и втеченіе этихъ годовъ, но рукописи его по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ до насъ не дошли. Возможно, что это объясняется тревожными обстоятельствами его жизни.

Располагая рукописи Гавріила въ хронологическомъ порядкѣ, мы получаемъ слѣдующую канву для его біографіи [1]):

1424. Слова Григорія Богослова.
*1426. Сборникъ съ Посланіемъ патр. Матѳея.
1429. Оксфордское Евангеліе.
142*4*.—142*9*. Ветхій Завѣтъ.
143*2*. Академическій Сборникъ № 18.
1436. Нямецкое Евангеліе.
1438. Нямецкій Сборникъ № 108.
14*30*-е годы. Нямецкій Апостолъ № 17.
„ „ Сборникъ „Преполовеніе“ № 83.
„ „ Сборникъ Румынской Академіи № 75 (послѣ 1435 года).
14*30* или 14*40* годы. Нямецкое Евангеліе № 6.
1441. Нямецкій Сборникъ № 20.
1443. Маргаритъ Іоанна Златоустаго.
1444. Слова Василія Великаго.
*1443. Сборникъ съ Посланіемъ восточныхъ патріарховъ.
1445. Минея на февраль.
14*40* годы. Три нямецкихъ Октоиха, №№ 33, 34 и 35.
1446. Лѣствица Іоанна Синайскаго.
1447. Минея на мартъ.
1447. Румянцевскій Сборникъ № 923.
144*5*—144*8*. Минеи на май, октябрь и декабрь.
1448. Минея на ноябрь.
1448. Академическій Сборникъ № 19.
144*8*—14*50*. Нямецкое Евангеліе № 7.
„ „ Академическій Сборникъ № 20.
1450. Вторая часть того же или иного Сборника.

---

[1]) Подробнѣе см. въ концѣ VI главы.

Итакъ, Гавріилъ любилъ книжные труды на дѣлѣ такъ же, какъ Григорій—въ теоріи, и разсказъ послѣдняго о систематическихъ переводахъ Евѳимія, упоминанія о „трости книжника-скорописца“ [1]) и т. д., намъ представляется, не были простымъ риторическимъ пріемомъ у Цамблака.

Въ первой главѣ нашей работы мы предположили, что живымъ примѣромъ для молодого Гавріила могъ служить тотъ Іоаннъ, старецъ аѳонской лавры св. Аѳанасія, трудами и „изложеніемъ“ котораго во второй половинѣ XIV вѣка былъ переведенъ, и написанъ рядъ книгъ св. Писанія, богослужебныхъ, произведеній святоотеческой и житійной литературы (см. выше, стр. 30). Такимъ же дѣятельнымъ писцомъ былъ, повидимому, и патр. Евѳимій, во второй половинѣ XV вѣка — Владиславъ Грамматикъ и другіе. Изъ сербскихъ книжниковъ мы знаемъ, напримѣръ, Радина, который, кромѣ Евангелія, переписалъ около 1300 года для попа Загорянина и другія книги, изъ которыхъ упоминается Тріодь, Праксъ (Апостолъ) и Псалтырь [2]); запись Устава 1404—1427 гг. аѳонскаго монастыря св. Павла сохранила свѣдѣнія о переписанныхъ однимъ и тѣмъ же писцомъ книгахъ, по повелѣнію воеводы Родослава: „исписахь 8 книгь у Бѣлграду, наипрьво Типикь свегодишни и петь мѣсяць Минеа, у всако 8 комать, и 2 комата Панагирика... и исписахь му Сьборникь овьи“; писецъ Евангелія изъ собр. А. Гильфердинга около 1428 года говоритъ, что деспотъ далъ ему для переписки слѣдующія книги: „Судіе, Левитико, Второза-

---

[1]) Напримѣръ, „который бо языкь, блъгарскому съгласень вѣщанію, тоговаа съписаніа не пріять, тоговаа ученіа, тоговы труды и поты, яко вьмѣсто ногу кь обхожденіу проповѣди евангелскыя имѣти руку и вьмѣсто мрѣжей апостолскыхь трьсть, и симь извлачити оть невѣждьства глубины спасаемыя“? Слово похв. Евѳимію, стр. 49; „Отсѣче града Дамаскова начяльникъ, иже отъ того же града, богослову (Іоанну Дамаскину) руку, но та отсѣкшіася трость бысть книжника скорописца духа“, Слово похв. отцамъ, въ постѣ просіявшимъ, Рукопись Троице-Сергіевой лавры, XV в., № 753, л. 483 об., и др.

[2]) *Л. Стојановић*, Стари српски записи, стр. 34.

коніе, Моисеискые книгы петь и Зонара“ [1]) и др. Гораздо больше плодовитыхъ писцовъ мы знаемъ среди русскихъ и румынъ. Такимъ же былъ, напримѣръ, Захарія, переписавшій въ 1296 году Псалтырь для княгини Маріи и имѣвшій „издѣтьска обычая, много написавъ богословіа святыхъ книгъ“, митр. Кипріанъ, его другъ Аѳанасій Высоцкій, Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, который говорилъ, что его „пріемлетъ печаль“, если онъ не пишетъ, Амфилохій, присоединившій къ обычной просьбѣ о снисхожденіи въ нѣкоторомъ родѣ похвалу своей дѣятельности, такъ-какъ онъ „не сію точію едину, но и въ прочихъ кромѣ сія шестерыхъ книгахъ, въ нихже наше грубое потружденіе“ (Слова Исаака Сирина XVI в. Моск. Син. Библ-ки), волоколамскій старецъ Фотій, переписывавшій книги даже „въ хлѣбнѣ ходя“, тѣмъ не менѣе оставившій „много евангеліевъ и псалтырь, и четіихъ“; наконецъ, такими же усердными работниками были большинство писцовъ Троице-Сергіевскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Волоколамскаго, Соловецкаго и другихъ сѣверно-русскихъ монастырей. О румынскихъ писцахъ мы будемъ говорить подробнѣе въ другой работѣ. Теперь укажемъ только, что въ Нямцѣ, Быстрицѣ и Путнѣ, кромѣ Гавріила, работали монахъ Іоаннъ, іеродьяконъ Ѳеодоръ, іеродьяконъ Палладій, іеромонахъ Евлогій, попъ Мануилъ изъ Сочавы, грамматики Мардарій, Эммануилъ, Раду [2]), дьяки Драгомиръ, Димитрій Бѣлинскій, Максимъ Лашковичъ, около 10 рукописей котораго сохранилось въ одной только библіотекѣ Румынской Академіи, и много другихъ. Впрочемъ, это вполнѣ понятно: не могъ же писецъ по профессіи ограничиться перепиской двухъ - трехъ книгъ. Въ быстричскомъ Помянникѣ XV вѣка, среди поминаній монаховъ, находимъ трехъ лицъ, при именахъ которыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 244, 250.

[2]) Около 1574 года Раду переписалъ „мнози книги светыи божестьвніи, глаголеміи Тетроеуангелы и светые Псалтиры, и Пендекостаре, и Минѣе, и Охфътаикы, и Тріодере, и Метафрасти, и Правили, и Разумничи, и светыхь Апостолы. Мнози же писахь, мали и велици, и принекохь въ глубины светого писаніе“, *П. Сырку,* Очерки, стр. CCXXV.

отмѣчено ихъ занятіе: Ѳурика и сына его монаха Гаврїила ѕхписателѣ; їеродїакѡнь Ѳеодорь, исѕписатель, на поляхъ: нѣмець; їеродїакѡнь Паладїє исѕписатель, на поляхъ: ѿ п8тна [1]).

Что переписка казалась для Гавріила дѣломъ самымъ обычнымъ, показываютъ также необыкновенно краткія записи его. Кромѣ своего имени, иногда сана и года, онъ ничего не отмѣчалъ на своихъ рукописяхъ. Только на двухъ книгахъ имъ указанъ монастырь, въ которомъ и для котораго онъ работалъ [2]). Очевидно, послѣднее не казалось необходимостью, такъ какъ, при очень дѣятельной перепискѣ, обстоятельства, сопровождавшія его работу, были извѣстны для всѣхъ. Вполнѣ естественно, что торжественныя и длинныя послѣсловія были умѣстны только въ тѣхъ случаяхъ, когда появленіе новой рукописи являлось событіемъ, т. е. было случаемъ болѣе или менѣе рѣдкимъ. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ интересной аналогіей изъ практики русскихъ писцовъ очень стараго времени. Рукописи съ такими помѣтами, какъ „Путата псалъ“, „Угриньць псалъ“ и т. п. обыкновенно принято приписывать работѣ наемныхъ писцовъ-ремесленниковъ, профессіоналовъ, притомъ — мірянъ. Мы думаемъ, что это мнѣніе ошибочно. Подобныя краткія записи мы знаемъ на нѣкоторыхъ аѳонскихъ рукописяхъ опредѣленнаго типа, троице-сергіевскихъ, волоколамскихъ, наконецъ, учениковъ Паисія Величковскаго, и во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло переписки стояло высоко, было сильно развито, вырабатывались школы письма, затѣвались грандіозныя предпріятія въ книжной области и т. д., однимъ словомъ, когда важно было знать только имя писца, а не его душевное настроеніе, житейскія подробности, обстоятельства и цѣли переписки и т. д. Вотъ почему можно думать, что указанныя выше стереотипныя помѣты „дѣлового“ характера принадлежатъ не ремесленникамъ, а просто плодовитымъ

---

[1]) Рукопись библіотеки Academia Romana, № 79, лл. 6, 10 об. и 11.

[2]) Пергаменныя Евангелія, писанныя имъ по заказу, а потому потребовавшія болѣе пространныхъ послѣсловій, см. №№ II и III.

писцамъ, принадлежавшимъ извѣстной школѣ, опредѣленному центру книжнаго дѣла. Если къ такимъ центрамъ нельзя причислить Нямецкій монастырь второй половины XV вѣка, такъ какъ мы не знаемъ другихъ писцовъ этого времени кромѣ Гавріила, то краткость его записей можно объяснять вліяніемъ аѳонской школы или, быть можетъ, желаніемъ „бывшаго" митрополита скрыть свое положеніе.

Такъ же кратко помѣчены и его переводы двухъ Посланій, сдѣланные съ греческаго. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что Гавріилъ хорошо зналъ и греческій языкъ, которому выучился во время пребыванія на Аѳонѣ, при службѣ въ патріархіи, быть[1] можетъ, еще въ Тырновѣ. Кромѣ того, онъ не былъ только переписчикомъ; всѣ свои тексты Гавріилъ выправлялъ примѣнительно къ требованіямъ Евѳимія, а нерѣдко и редактировалъ, исполняя это дѣло очень умѣло, свѣряясь съ греческимъ оригиналомъ, но въ тоже время сохраняя характерныя черты повѣствованій и стиль авторовъ. Кромѣ книжныхъ трудовъ въ узкомъ значеніи слова Гавріилъ занимался, повидимому, и исторіей Молдавіи.

Изслѣдуя первую, анонимную краткую лѣтопись извѣстнаго Почаевскаго Сборника XVI вѣка и названную изслѣдователемъ Путнянской, такъ какъ, по предположенію изслѣдователя, она составлена была въ монастырѣ Путнѣ, г. Богданъ осторожно дѣлаетъ выводъ, что „хроника написана въ одномъ изъ древнихъ молдавскихъ монастырей, нѣсколькими монахами и въ разное время. Во всякомъ случаѣ двѣ части можно выдѣлить и приписать ихъ двумъ различнымъ авторамъ: первая—отъ начала и до Александра Добраго, вторая—отъ Александра до Петра Аарона. Въ первой части перечисляются господари отъ Драгоша до Юги одинъ за другимъ, съ указаніемъ только продолжительности правленія каждаго и родственныхъ отношеній къ предшественнику... Эта часть могла быть составлена въ правленіе Александра Добраго, при которомъ, кажется, начинаются первыя попытки національной исторіографіи. Въ такомъ

случаѣ это совпало бы—что въ сущности такъ вѣроятно и естественно—съ основаніемъ такихъ главныхъ монастырей на сѣверѣ Молдавіи какъ Нямецъ, Быстрица и Молдавица“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только взглянуть на текстъ этой первоначальной лѣтописи, и онъ произведетъ впечатлѣніе краткаго каталога, стереотипнаго перечня однихъ почти именъ, напримѣръ:

И господствова Богданъ воевода д҃ лѣта и оумрѣть.

Сынъ его Лацко воевода господствова и҃ лѣть и оумрѣть.

Петръ воевода сынъ Моушатинъ ѕ҃і и оумрѣть.

Братъ его Романъ воевода г҃ лѣта, и т. д.

Черезъ четыре года г. Богданъ открылъ тульчанскій Сборникъ, содержащій краткую славяно-молдавскую лѣтопись иной редакціи, названную издателемъ Быстричской. По мнѣнію издателя, „начало молдавской исторіографіи совпадаетъ съ временемъ основанія монастыря Быстрицы въ Молдавіи, при Александрѣ Добромъ. До Александра, въ Молдавіи не было лѣтописи, несмотря на то, что существовалъ Нямецкій монастырь, основанный лѣтъ на двадцать ранѣе Быстричскаго [2]) и соединенный съ нимъ подъ властью одного игумена, при первомъ молдавскомъ митрополитѣ Іосифѣ, въ 1407 году. Въ 1407 же году заведенъ и Помянникъ; въ томъ же году, по всей вѣроятности, началось также составленіе Быстричской лѣтописи. Этимъ и объясняется, что о господаряхъ эпохи 1359—1399 гг. ничего не знаютъ и не сообщаютъ, кромѣ однихъ именъ, ни быстричская, ни остальныя хроники. Ибо, если бы въ Нямецкомъ монастырѣ велась какая-нибудь хроника ранѣе Александра Добраго, то почему же я не нашелъ въ ней хотя бы самыхъ краткихъ извѣстій о воеводѣ Петрѣ Мушатѣ подъ 1379—1389 гг., который дарилъ монастырю помѣстья и потому считается истиннымъ основателемъ монастыря [3])? Вотъ еще

[1]) *I. Bogdan*, Cronicele moldovenesci p. 25.

[2]) Какъ нами доказано раньше (стр. 113 — 129), мнѣніе Богдана основано на ошибкахъ его предшественниковъ.

[3]) Очевидно, румынскій историкъ не считаетъ даты этихъ грамотъ поддѣльными. Ср. наши замѣчанія на стр. 123—124.

другой мотивъ, кромѣ вышеизложенныхъ, который заставляетъ насъ думать, что древнѣйшая хроника Молдавіи, сохраненная въ тульчанскомъ Сборникѣ, не могла быть составлена въ иномъ монастырѣ, кромѣ Быстричскаго“ [1]).

Этотъ взглядъ г. Богдана представляется намъ вполнѣ правдоподобнымъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему ни въ одной другой изъ дошедшихъ до насъ молдавскихъ лѣтописей мы не находимъ какихъ-нибудь подробностей о времени правленія Александра Добраго, и только одна быстричская сообщаетъ нѣчто совершенно новое, не извѣстное по другимъ источникамъ. Обѣ путнянскія лѣтописи (славянская и польско-молдавская), а также нямецкая, говорятъ только то, что въ лѣто ҂ѕцз (6907—1399) наста на господство Алеѯандръ воевода и господствова лв҃ лѣта и осмь мѣсяць и оумрѣть [2]); а быстричская точно указываетъ дни восшествія на престолъ Александра, его смерти, рожденія сыновей его Иліи, Стефана и Петра, а затѣмъ довольно подробно говоритъ объ этихъ трехъ лицахъ, опредѣляя также не только числа и мѣсяцы, но и дни недѣли такихъ незначительныхъ событій, какъ бракъ, рожденіе сыновей, маловажныхъ сраженій, самыхъ обычныхъ событій изъ исторіи распри между братьями и внуками Александра, и т. д. Если же мы примемъ во вниманіе, что третья бо́льшая по размѣрамъ часть той же лѣтописи можетъ быть названа хронологической исторіей царствованія господаря Стефана V Великаго, то опредѣляя первоначальныя редакціи всей хроники, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если три эти части раздѣлимъ слѣдующимъ образомъ:

I. Краткое, вполнѣ стереотипное извѣстіе о началѣ „молдавской земли“ и голый перечень однихъ именъ воеводъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, съ указаніемъ продолжительности правленія каждаго изъ нихъ.

---

[1]) *I. Bogdan*, Cronice inedite, pp. 32—33.

[2]) Ср. *А. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей, стр. 82.

Ни одному изъ румынскихъ историковъ не были извѣстны записи [1]), которыя можно считать первоисточникомъ этой части хроники, какъ напримѣръ, слѣдующая:

при драгшѧ. воевода и гва. в лѣт
† са воево. д. лѣт. † богда. д лѣт. лац
† пѫтрѫ. ѕ. лѣт † рома. г лѣт. † стефа.
† юга. в лѣт † алиѯадра. лв. лѣт † илѣшѫ
† щефа. е. лѣт † рома а лѣт † пѫтра. а лѣт
в мци, алиѯа. а лѣт † богда † в лѣт

Далѣе эти извѣстія повторяются въ такихъ варіантахъ:

† при драгош воевода. гпква к лѣт. и приид.
са воевода. и гпждан д лѣт. потом ст
бодан воевода в мци. али д лѣт

Можно думать, что составитель лѣтописи нашелъ подобныя записи, конечно, на болѣе старой рукописи, чѣмъ музейная.

II. Вторая часть хроники отдѣлена отъ первой даже въ самой рукописи слѣдующимъ заглавіемъ: молдавстии царіе. Она начинается точнымъ указаніемъ дня воцаренія Александра (23 апрѣля 1399 года) и оканчивается извѣстіемъ 1450 года объ отсѣченіи главы Богдана воеводы Петромъ Аарономъ, или же слѣдующимъ по мѣсту событіемъ—о побѣдѣ того же Петра надъ Александреломъ и смерти послѣдняго въ Бѣлгородѣ въ 1455 году [2]). Впрочемъ, намъ кажется, что разсказъ объ этомъ именно событіи могъ быть внесенъ неизвѣстнымъ редакторомъ изъ предшествующихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ подъ двадцатыми и тридцатыми годами второй же части хроники, гдѣ говорится о бракѣ господаря Иліи и рожденіи сыновей его Романа и Александра: Ѡлехно же родіса въ лѣто ѕцмѕ (6946—

[1]) Найдены нами въ концѣ богослужебнаго Сборника начала XVII вѣка Букур. Націон. Музея, № 123 (1162); писанъ небрежнымъ полууставомъ Молдавскаго письма, на 109 листахъ. Записи читаются на 100 листѣ. О порядкѣ первыхъ воеводъ см. *I. Bogdan*, Cronicele moldovenesci, pp. 108, 224, 247; *A. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III, p. 33; *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. V, p. 292 и др.

[2]) *Analele Academiei Române*, vol. X, p. 214.

1438) августа ӡі, и умрѣть у Бѣлоградѣ въ лѣто ҂ѕцӡг (6963—1455); тогда же и сталь Петръ воевода, нареченнїи Ароwнь, господаремь у Мохили. Дѣйствительно, о событіи 1455 года подъ соотвѣтствующимъ годомъ говорится не многимъ подробнѣе, а сущность дѣла остается та же: въ лѣто ҂ѕцѯг мартїа ке высть развои у Мохили съ Алеѯандрелом, и възможе Аронь на Алеѯандрела, и побѣже до Бѣлому граду, и тамо скончася. Во всякомъ случаѣ, это не измѣняетъ сущности дѣла: послѣдняя прибавка могла быть сдѣлана и другимъ лицомъ.

III. Послѣдняя часть ея посвящена исторіи правленія Стефана V Великаго.

Кому же можно приписывать составленіе второй части быстричской лѣтописи? У насъ есть одно косвенное указаніе, пренебрегать которымъ во всякомъ случаѣ не приходится, такъ какъ всякое новое предположеніе въ такомъ темномъ вопросѣ драгоцѣнно уже само по себѣ. А именно, въ концѣ Маргарита, переписаннаго Гавріиломъ въ 1443 году, находимъ запись скорописью, настолько похожей на почеркъ Гавріила, что если на самомъ дѣлѣ она не принадлежитъ ему, то скопирована съ его подлинной записи кѣмъ-нибудь впослѣдствіи, причемъ писецъ подражалъ почерку послѣдняго. Этимъ только и остается объяснять, при всемъ сходствѣ въ очертаніи буквъ, нѣсколько неувѣренную руку писца записи[1]):

Въ лѣто ҂ѕцне (6955—1447) мѣсяца іулїа въ ґі дьнь wсѣчеся глава Стефана воеводѫ господарѣ землѧ молдавскыѫ, сына Алеѯандра воеводѫ, wт Романа воеводѫ, сына Илїѫ воеводѫ. И погребень бысть въ Нѣмецкомь монастирю тогожде лѣта мѣсяца їоулїа въ ѕі дьнь [2]).

---

[1]) Аналогичный случай нами указанъ относительно копіи съ записи Гавріила на Сборникѣ 1448 года (см. выше, стр. 370).

[2]) Въ описаніи Нямецкихъ рукописей мы сравнили это извѣстіе съ разсказомъ лѣтописца Урѣке, привели указанія на румынскихъ историковъ и часть сохранившейся надписи на надгробной плитѣ Стефана, *Древности*, II, 2, стр. 48—49. Прибавимъ ссылки: *Melchisedec*, Notițe istorice, p. 8; *Analele Academiei Române*, vol. X, p. 214; Visita la câte-va mona-

Такимъ образомъ, мы имѣемъ вполнѣ достовѣрный фактъ: Гавріилъ записалъ на одной изъ переписанныхъ имъ рукописей событіе изъ молдавской исторіи, имѣвшее мѣсто въ 1447 году и косвенно касавшееся Нямецкаго монастыря, такъ какъ Стефанъ былъ однимъ изъ благотворителей монастыря и въ главномъ храмѣ его похороненъ. Подобныя современныя же записи существовали и относительно другихъ событій. Такъ, на оберткѣ одного изъ Евангелій XV вѣка, въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка (до 1512 года) сдѣлана слѣдующая замѣтка [1]: въ лѣто ҂ѕѵка (6921—1413) алеѯандръ воевода молдавскаго ста на господство и господствова лѣть л҃в и мѣсаци и҃ [2]. Прибавимъ къ этому записи о молдавскихъ іерархахъ, приведенныя раньше (стр. 285, 297), и мы располагаемъ нѣсколькими свидѣтельствами о лѣтописныхъ работахъ нямецкихъ монаховъ. Записи эти сдѣланы до 1450 года — и вторая часть лѣтописи оканчивается 1450 годомъ. Проф. Точилеску доказалъ, что тульчанская лѣтопись не могла быть составлена въ Быстрицѣ, такъ-какъ въ ней допущено нѣсколько ошибокъ, необъяснимыхъ для быстричскаго монаха, который могъ бы справиться съ надгробными надписями и т. д. [3]. Поэтому остается приписывать ее какому-нибудь нямецкому монаху. А такъ какъ Гавріилъ сдѣлалъ указанную запись на Маргаритѣ, во второй же четверти XV вѣка въ Нямцѣ не было другого книжника, которому можно было бы приписать составленіе лѣтописи, то остается думать, что начало молдавской исторіографіи было положено Гавріиломъ.

știri și biserici, pp. 76—77; *I. Bogdan*, Cronicele moldovenesci, p. 144, 189, 248, 253, Cronice inedite, pp. 36; *A. Xenopol*, Istoria românilor, vol. III. pp. 125—118; vol. IV, p. 67, vol. V, p. 154; *Melchisedec*, Chronica Romanului, vol. I, pp. 132—136, 143.

[1] Рукопись Нямецкаго монастыря № 9 (5).

[2] Той же рукой сдѣлана запись о взятіи султаномъ Баязетомъ Киліи и Бѣлграда въ 1481 году, *А. Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей, стр. 80.

[3] Raport etc. *Analele* tom. XVIII, pp. 4—5.

Это указываетъ прежде всего на то, что многія области культурныхъ начинаній въ Молдавіи приходится связывать съ загадочнымъ Гавріиломъ.

ГЛАВА VI.

Цамблакъ въ преданіи историческомъ.—Печальная память о Цамблакѣ какъ вѣроотступникѣ, въ московской Руси. — Лестные отзывы о немъ католическихъ писателей. — Вопросъ объ уніатствѣ Цамблака въ XVII вѣкѣ и у новѣйшихъ историковъ. — Молдавскія преданія о Цамблакѣ, какъ образцовомъ нямецкомъ игуменѣ и трудолюбивомъ писцѣ, святомъ подвижникѣ и аскетѣ.—Легенды о Цамблакѣ, записанныя монахами Нямецкаго монастыря XIX вѣка.—Вопросъ о румынскихъ проповѣдяхъ Цамблака. —Цамблакъ въ преданіи литературномъ: первыя собранія его проповѣдей, и оцѣнка ихъ старыми писателями. — Литературная судьба одного изъ Житій, написанныхъ Григоріемъ.
Хронологическая канва для біографіи Цамблака.

Послѣднюю главу нашей работы посвятимъ историческимъ преданіямъ о Цамблакѣ, которыя должны нѣсколько дополнить параллельнывй отдѣлъ этой части нашего труда, посвященный литературнымъ преданіямъ о томъ же писателѣ. Мелхиседеку извѣстна была только запись на Служебникѣ и двѣ замѣтки еписк. Пахомія на нѣсколькихъ нямецкихъ рукописяхъ; остальные факты, приводимые въ настоящей главѣ, собраны нами самостоятельно. Какъ нетрудно убѣдиться, всѣ преданія о Цамблакѣ, какъ историческомъ дѣятелѣ начала XV вѣка, для насъ имѣютъ значеніе не только какъ болѣе или менѣе надежный историческій и біографическій матерьялъ; они важны главнымъ образомъ для характеристики тѣхъ взглядовъ и мнѣній, которыми пользовалась его память въ то или иное время, въ той или иной мѣстности, и т. д. Отсутствіе, напримѣръ, всякихъ преданій о немъ въ Сербіи, о чемъ мы говорили въ первой главѣ (стр. 45, 150), показываетъ только, что онъ жилъ въ Сербіи очень короткое время и едва-ли былъ игуменомъ въ Дечанахъ; и наобо-

ротъ, одно только обиліе молдавскихъ преданій само уже по себѣ еще разъ подтверждаетъ нашу мысль о долговременномъ и двукратномъ его пребываніи въ Молдавіи.

Итакъ, въ преданіи историческомъ Цамблакъ является личностью какъ-бы раздвоенной; но опредѣлить эти области раздвоенія очень нетрудно. Благопріятное мнѣніе о немъ, засвидѣтельствованное въ первой половинѣ XVI вѣка и живущее среди нямецкихъ монаховъ почти до нашего времени, находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ сужденіяхъ о немъ уніатскихъ и католическихъ писателей западной Руси, считавшихъ Цамблака какъ-бы своимъ. Въ нихъ онъ является благочестивымъ аскетомъ, великимъ богословомъ и учителемъ земли молдавской, уничтожившимъ неудобную и тяжелую зависимость молдавской церкви отъ Константинополя, дѣятельнымъ книжникомъ и т. д. Отзывы о его учености въ счетъ не идутъ, такъ-какъ и русскія лѣтописи говорятъ съ большой похвалой о немъ, какъ о писателѣ. Съ другой стороны, неблагопріятныя мнѣнія о Цамблакѣ находимъ среди сравнительно позднихъ молдавскихъ писателей и румынскихъ ученыхъ, которые видѣли въ немъ узурпатора дорогой для нихъ римской культуры и насадителя взамѣнъ ея славянской.

Такое же отрицательное мнѣніе, основанное главнымъ образомъ на неосновательныхъ представленіяхъ о какой-то близости Цамблака къ католичеству, идетъ изъ другого источника, отъ лица ревнителей старой спеціально-русской православной догмы и благочестія центральной Руси, и въ сущности восходитъ къ той враждѣ, которую московская свѣтская и церковная централизація вызвала и въ другихъ русскихъ областяхъ. Эта серія преданій отмѣчена яркими штрихами личной Фотіевой мести, запечатлѣна московскими и константинопольскими отлученіями и проклятіями. Даже самое имя Цамблака было окружено въ Москвѣ ореоломъ какой-то измѣны православію въ пользу латинской уніи и т. д. Еще митр. Евгеній отмѣтилъ, что въ старинномъ московскомъ

чиноположеніи въ недѣлю православія, имя Цамблака провозглашалось вмѣстѣ съ проклинаемымъ Исидоромъ и его сподвижниками—Григоріемъ Уніатомъ и Спиридономъ [1]).

Правда, К. Никольскій говоритъ, что анаѳематствованіе Цамблака не было внесено въ „Чинъ православія“ [2]), но изслѣдователь, по всей вѣроятности, имѣетъ ввиду вопросъ узко-каническій, а не случайную практику. Дѣло въ томъ, что если отлученіе Цамблака и не было внесено въ оффиціальный „Чинъ“ XVII вѣка, то отдѣльные факты были вполнѣ возможны, напримѣръ, въ XVI вѣкѣ, когда западная пропаганда особенно усиливалась. Во всякомъ случаѣ, историческія и каноническія основанія для такого порядка находились. Мы знаемъ, напримѣръ, статью „о митрополитахъ“, внесенную въ видѣ прибавленія къ Стихирарю второй половины XV вѣка [3]), гдѣ перечислены русскіе митрополиты, начиная съ Михаила и кончая Геронтіемъ († 1489), причемъ въ самомъ началѣ ея вполнѣ опредѣленно говорится, что „митрополити русскыя земля, отнелиже крестися святый великій князь Владиміръ, елицы митрополити отъ тогда и до нынѣшняго времени правиша соборную великую Божію церковь рускую, развѣе Пимена, и Діонисіа, и Григоріа Цамблака, и Герасима, и Исидора, и Григоріа ученика его, сіе“... (слѣдуютъ имена). Въ Требникѣ смоленской епархіи начала XVI вѣка (послѣ 1518 года) читаемъ: „а се соуть митрополити, ихже не хотятъ праздновати: Пимина, и Діонисіа, и Григоріа Цамблака, и Герасима, и Сидора“ [4]). Даже въ болѣе важномъ актѣ, въ „Посланіи епископа нареченнаго на митрополію ко всѣмъ епископомъ о поставленіи митрополичи“, читаемъ та-

[1]) Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина, 2 изд., стр. 101—102.

[2]) Анаѳематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Спб. 1879, стр. 273.

[3]) Рукопись Троице-Сергіевой лавры, № 408 (1345), л. 357 об.

[4]) Рукопись Моск. Синод. Библіотеки № 377 (по „Описанію“), л. 226 об.

СКАЗАНІЕ ПРѢЕМЛЮЩЕЕ ВЪ
сего лѣта число еv̑лское · и еv̑-
листо ѿ прѣ апліе · ѿ кждуначи-
наютъ · и когда ѣстаютъ :—
Вѣдомо да е̑ ꙗко чьтетсѧ раѡ
іѡанна стго еv̑лія, въ нелѣ
сѣмй · сътинаемы ѿ великыѧ
недѣлѧ пасхы · развѣ нѣкои тро дни:—
Ѿ матѳа же стое еv̑ліе чьтетсѧ
ѿ пнѣ по н̃дѣци иже ѥ̑ стго дха
до па повъздвиженіи крта · обходит
же сѧ, въ седмица зі · иже убо аі
имаѡ матѳа на въ сѣдь сътомое
еv̑ліе · ѿ седмицж же ві, еже ѿ
марка еv̑ліе въ патк днечьтетса.
ві же и не, паки матѳа чьтетсѧ до
кончины зі седмица · и убо зі се-
мица, сѧ ки не тпь с лоима · за
еже мало лщи чьтетсѧ зі седмй
цѧ матѳѳовы и ꙗже бѫдеть въ на
тръ пасха · а̑ще бо въ пт паха

кой намекъ на Григорія, подъ которымъ въ XVI вѣкѣ и позднѣе могли видѣть Цамблака: „а къ митрополиту Григорію, или кто будетъ иный митрополитъ поставленъ отъ латынъ, не приступати ми къ нему, ни пріопщеніа, ни созиданіа ми съ нимъ не имѣти никакова“ [1]). Наконецъ, въ архіерейской присягѣ, или по старинной терминологіи, „Исповѣданіи“, XVI вѣка, очевидно, имѣющемъ ближайшее отношеніе къ только-что указанному „Посланію“, приводилась такая формула: „отрицаюся и проклинаю Григоріева Цамблака раздранія, якоже и есть проклято; такоже отрицаюся Исидорова къ нему пріобщенія“ [2]).

Мы не будемъ приводить другихъ подобныхъ же фактовъ, такъ-какъ они далеко не единичны. Укажемъ только, что въ XVII вѣка, въ извѣстной грамотѣ московскаго патріарха послу, отправленному въ Константинополь относительно подчиненія кіевской митрополіи Москвѣ, Цамблакъ прямо называется уніатомъ [3]).

Но что всѣ эти страшныя, во всякомъ случаѣ не русскія по духу и по своей ужасающей формѣ, традиціи покоились не на фактахъ, а на какой-то фатальной ошибкѣ, показываетъ уже то, что Фотій, непримиримый врагъ и соперникъ Цамблака, не могшій простить послѣднему его удачи въ дѣлѣ раздѣленія митрополіи и произносившій проклятія одно за другимъ, то самостоятельно, то заставлявшій дѣлать это же самое патріарха,—что тотъ же Фотій ни однимъ словомъ не обвиняетъ Цамблака въ католичествѣ, въ склонности къ уніи и т. п. Только въ болѣе позднѣе время, когда западная Русь дѣйствительно была въ опасности предъ надвигавшимся съ запада католичествомъ, когда наконецъ самый Кіевъ былъ заподо-

---

[1]) Мы думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Григоріи Уніатѣ. Минеи митр. Макарія, Августъ, л. 1508 об.

[2]) Рукопись Волоколамскаго монастыря, № 286. Ср. *Макарій, Извѣстія* т. VI, стр. 99.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. V, стр. 127.

зрѣнъ въ потерѣ прежняго православія, только тогда могли образоваться эти несправедливые упреки по адресу мнимаго католичества Цамблака. Мы видѣли уже изъ разсказа о русскомъ посольствѣ въ Констанцъ, что Цамблакъ въ сущности былъ очень далекъ отъ уніи (см. выше, стр. 202 — 207). Реабилитація Григорія въ этой области идетъ медленными шагами. Правда П. Соколовъ говоритъ, что Цамблакъ не сдѣлался измѣнникомъ православія, что „историкъ долженъ снять обвиненіе, возведенное на него потомствомъ въ уніатствѣ“ (стр. 196); но эта уступка какъ-то не вяжется съ характеристикой, помѣщенной тѣмъ же авторомъ всего на предыдущей страницѣ, такъ-какъ отъ „авантюриста, для котораго поговорка, ubi bene — ibi patria, служитъ руководящимъ принципомъ“, нельзя было бы ожидать чего-нибудь устойчиваго и въ догматическихъ вопросахъ. Такое же косвенное обвиненіе Цамблака въ католичествѣ сквозитъ въ защитѣ другого историка, Е. Голубинскаго. Изслѣдователь согласенъ съ тѣмъ, что „не имѣя никакихъ свидѣтельствъ, чтобы Григорій склонялся къ уніи съ папой, и имѣя положительное свидѣтельство, что онъ рѣшительно отказался отъ нея, мы не сомнѣваемся въ его твердой преданности православію. Но то обстоятельство, что въ одномъ изъ своихъ Словъ онъ сильно возстаетъ противъ латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ и что каталогъ или списокъ латинскихъ заблужденій, усвояемый надписаніемъ митрополиту Григорію, по всей вѣроятности, принадлежитъ ему,—само по себѣ не служило-бы доказательствомъ, что онъ пребылъ твердымъ въ православіи до конца. Сегодня онъ могъ писать противъ латинянъ, а завтра предаться имъ: это явленіе нисколько не невозможное“ [1]). Другими словами, и въ новѣйшемъ изслѣдованіи нравственный обликъ Цамблака рисуется очень низкимъ.

Вполнѣ естественно было-бы ожидать, что старые католи-

---

[1]) Исторія русской церкви, II, 2, стр. 386.

ческіе писатели причислять Цамблака къ своей партіи, пользуясь тѣми самыми, повторяемъ, намъ неизвѣстными данными, которыя легли въ основаніе московскихъ обвиненій по адресу того же дѣятеля. Но ожиданія наши не оправдываются: о Цамблакѣ не было рѣчи ни на флорентійской, ни на люблинской уніи, а изъ всѣхъ польскихъ полемистовъ, католичество русскаго митрополита пытается доказать одинъ Кревза. Несмотря на то, что историческія лица у него перепутаны, а событія искажены, авторъ „Обороны Уніи", съ которой должны были считаться южно-русскіе писатели XVII вѣка, говоритъ объ этомъ какъ-то глухо и неопредѣленно: Цамблакъ „и Евѳимій, патріархъ тырновскій, болгаринъ, котораго тотъ же митрополитъ Григорій много восхваляетъ въ своемъ Словѣ, *писали* на Констанцскій соборъ нѣмецкій и *просили* ихъ, чтобы они подумали о съѣздѣ, на которомъ *могла-бы* совершиться унія церкви греческой и римской" [1]). Деликатность этихъ выраженій показываетъ, что Кревза далеко не былъ увѣренъ въ существованіи какихъ-нибудь болѣе опредѣленныхъ свидѣтельствъ уніатства Григорія. Не даромъ же онъ для подтвержденія своей мысли могъ сослаться единственно только на „Похвальное Слово апп. Петру и Павлу", въ которомъ ап. Петръ называется *первоверховнымъ* [2]). Не знаемъ, былъ ли это очень тонко расчитанный полемическій пріемъ Кревзы, или же онъ на самомъ дѣлѣ не зналъ, что у любого отца церкви подобное выраженіе попадается сплошь да рядомъ, но во всякомъ случаѣ это оказалось настолько слабымъ пунктомъ обвиненія, что Захарію Копыстенскому ничего не стоило опровергнуть его и доказать, въ какомъ смыслѣ Цамблакъ назвалъ ап. Петра первоверховнымъ.

Прежде всего укажемъ извѣстные намъ подобные же случаи изъ другихъ проповѣдей Цамблака, византійскихъ и славянскихъ писателей, надписей и т. д.

---

1) Русская Историч. Библіотека, т. IV, ст. 233.

2) Тамъ же, ст. 170, 265—266.

I. Такой эпитетъ ап. Петра находимъ не только въ одномъ указанномъ Кревзой Словѣ Цамблака, но и въ другихъ, например: „блаженному (т. е. мч. Харитону) же узы спадааху, якоже съ връховнаго Петра“, „Петръ връховный апостоломъ“, Слово похв. отцамъ, въ посту просіявшимъ [1]); „слыши, что глаголеть Господь къ верховному апостоломь Петру“, Слово о божественныхъ тайнахъ [2]); „и верховному паче и теплѣйшому отвергъшуся“, Слово въ вел. Пятокъ [3]); „Петру поревновавь, апостольскому връху“, Слово похв. Евѳимію (стр. 29); „поемлеть тріехъ сихъ: Петра убо, яко апостоломъ верховнаго и камень вѣры и основаніе церковное, ейже врата адова не удолѣти хотяху, и паче въсѣхъ топлѣйша суща“; „връховнѣйшій и топлый Петръ“, Слово на Преображеніе [4]); „Петра, воеводу богоизбраннаго оному полку, самую главу апостоломъ“‘ „и понеже убо верховныи Петръ доволно утверди“, „о, блаженная двоице и апостоломъ връховная“, „Петръ и Павелъ, Троици служебная двоица избранная, лику апостолскому верховніи“, Петръ твердый основанія церковнаго камень, Петръ топлѣйшій во апостолѣхъ“, Слово похв. апп. Петру и Павлу [5]); наконецъ, въ латинской Рѣчи къ папѣ Мартину V на Констанцскомъ соборѣ, Цамблакъ называетъ папу „наслѣдникомъ Христова намѣстника святого Петра, на престолѣ котораго папа возсѣдаетъ, и святого Павла, святѣйшаго изъ мудрецовъ церкви и извѣстнаго дѣятеля на нивѣ обращенія людей къ вѣрѣ Христовой“ [6]).

II. Греческія Житія и похвальныя Слова: τῶν ἁγίων ἐνδόξων καὶ πανευφήμων ἀποστόλων καὶ πρωτοκορυφαίων Πέτρου καὶ Παύλου — моученіе светыхъ и славныхъ врьховныхъ апостоль.

---

[1]) Рукопись Троице-Сергіевой лавры, № 573, лл. 473 об. и 492 об.

[2]) Рукопись той же библіотеки, № 753, л. 433 об.

[3]) Рукопись Моск. Синод. Библіотеки, № 384, л. 99.

[4]) Рукопись Троице-Сергіевой лавры, № 758, лл. 304 и 308 об.

[5]) Рукопись Моск. Синод. Библіотеки № 384, лл. 135, 147 об., 150 об., л. 129 и об.

[6]) *H. Finke*, Forschungen zur Geschichte etc., s. 240.

петра и павла. *Нач.* И вь хоудожьствоуь, не тьчію изъ начела отце [1]); Іоанна Златоустаго—поуьвала светыимь врьховныимь апостоломь петроу и павлоу. *Нач.* Небесе и земле реть виждеу настоещаго тржьства [2]); дѣаніе и мжченіе свѧтыихь славныихь и врьховныхь и вьсеувалныихь апостоль петра и павла. *Нач.* Бысть по ѿшествіи свѧтаго апостола павла... [3]); страсть свѧтаго апостола петра врьховнаго. *Нач.* Петрь свѧтыи и великыи христовь апостоль бѣ ѿ града видсаиды... [4]) и др.

III. Въ сербскихъ и молдавскихъ надписяхъ и грамотахъ: и светыхь врьховниихь апостоль—богдашичская церковь около Котора, 1269 года; и славнаго врьховнаго апостола христова прьвозванаго андреа—одна изъ церквей около Скопля, 1389 года [5]); вь имѣ славныхь и вьсеувалныхь врьховныхь апостоль петра и павла—епископская церковь въ Хушахъ, 1495 года [6]); и ѿ свѧтыхь ві апостоль верховнихь петра и павла — грамота господаря Стефана Великаго [7]); hramul sfinților verchovnici apostoli Petru și Pavel—румынская грамота 1661 года [8]), и др.

IV. Въ произведеніяхъ Евѳимія Тырновскаго: „въ име светаго и врьховнаго апостоломь Петра въздвиже црьковь“, Похв. Слово Константину и Еленѣ. Werke, 133; „къ симь же и монастырь въздвиже инокомь въ имя святыхь и вьсехвалныхь врьховныхь апостолъ“, Похв. Слово Іоанну Поливотскому, 198; „и се суще и въ ангелѣхь зримо, врьховному въ апостолѣхь глаголющу“, Первое Посланіе къ Никодиму, 215;

---

[1]) Рукописи Нямецкаго монастыря № 87, л. 374, № 90, л. 428 об; Моск. духовн. Акад. № 144, л. 251, № 219, л. 12; Панегирикъ Владислава Грамматика 1479 года, л. 95. *В. Васильевскій*, Синодальный кодексъ Метафраста, стр. 52.

[2]) Рукописи Нямецкаго монастыря № 87, л. 367 об., № 90, л. 438.

[3]) Рукописи Моск. Духовн. Акад. № 144, л. 265 об., № 219, л. 45.

[4]) Рукопись той же библіотеки, № 229, л. 417 об.

[5]) *Л. Стојановић*. Стари српски записи, стр. 11, 53.

[6]) *Melchisedec*, Notițe istorice, p. 140.

[7]) Его же, Chronica Romanului, I, p. 148.

[8]) Notițe istorice, p. 163. Другіе примѣры—въ Magnum Etymologium Romaniae, col. 1344.

„Богови приближишися и часто тому бесѣдуеши, и верховнаго сладкіи онъ провѣщаетъ гласъ: Господи, добро намъ здѣ быти“, Посланіе къ Кипріану, *Леонидъ*, Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію, стр. 18, и др.

Такимъ образомъ, названіе ап. Петра „верховнымъ“ оказывается обычнымъ не у одного Цамблака и не можетъ говорить о католичествѣ послѣдняго. Иное дѣло—рѣчь о „ключахъ“ Петра, напримѣръ, въ извѣстной статьѣ сербскихъ Кормчихъ, взятой, какъ думаетъ Н. Суворовъ, изъ латинскаго Пенитенціала и неизвѣстной на греческомъ языкѣ—„чинь рекше молитва на оцѣщенью“, гдѣ читается: „иже ключя царствья твоего Петроу верьховномоу апостолоу поручивь“ и т. д. [1]). Но такихъ выраженій мы не находимъ у Цамблака.

Такъ же неудачны были обвиненія Цамблака въ прибавкѣ слова „истиннаго“ къ ученію о св. Духѣ, и архіеп. Филарету не стоило труда сослаться на „ту же рукопись [2]) гдѣ помѣщено упомянутое Слово („како держатъ вѣру нѣмцы“), гдѣ въ толкованіи молитвы „Господи Іисусе“, читаются слова символа: „и въ Духа святаго Господа животворящаго“ [3]).

Но и тѣ изъ западныхъ писателей, которые не касались догматическаго вопроса, характеризуютъ Цамблака съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ своемъ историческомъ изслѣдованіи, написанномъ съ католической точки зрѣнія „Specimen ecclesiae Ruthenicae“ Кульчинскій отзывается о Цамблакѣ съ похвалой: „Григорій I, по прозванію Цамблакъ, по націи

---

1) Слѣды западно-католич. права въ памятникахъ древняго русскаго права, стр. 168. О чествованіяхъ ап. Петра въ Болгаріи „въ духѣ западной церкви“ и о приведенной выше молитвѣ у П. *Сырку*, Время и жизнь Евѳимія, стр. 343—346. Припомнимъ также, что одно выраженіе въ переведенномъ Караджичемъ Новомъ Завѣтѣ дало поводъ кувеждинскому архим. Никанору Груичу усмотрѣть не только „опасное“ мѣсто въ Посланіи ап. Петра (гл. V, ст. 1), гдѣ ап. Петръ называется не „старцемъ“, а „старѣйшиной апостоловъ“, но и слѣды латинской пропаганды, какія-то австро-венгерскія козни Копытаря и т. п.

2) Моск. Синод. Библіотеки № 330, Описаніе, ч. III, 2, стр. 743 и 732.

3) Обзоръ духовной литературы, стр. 104.

болгаринъ, поставленный новогрудскимъ соборомъ на мѣсто Фотія, вознаградилъ потери, сдѣланныя его неумѣлымъ предшественникомъ на кіевскомъ престолѣ; ибо будучи человѣкомъ ученымъ, мудрымъ и благочестивымъ, онъ всѣми силами содѣйствовалъ святой уніи съ римской церковью“[1]). Въ такомъ же духѣ говоритъ о Цамблакѣ польскій историкъ Niesiecki; по его словамъ, „cała Ruś była Cambłakowi powolna i wszyscy w niej episkopowie“ и т. д. Не будемъ приводить отзывовъ извѣстнаго доминиканца Клементія Ходкевича изъ его „Dissertationes hist. criticae de Archiepiskopatu Metropolitano Kieviensi et Halicensi“, написанныхъ въ началѣ XVIII вѣка, потому-что этимъ самымъ сочиненіемъ пользовались Кульчинскій и базиліанецъ Jgnacy Stebelski († 1790) въ своемъ трудѣ „Przydatki do chronologii“ и т. д. Послѣдній, между прочимъ, сообщаетъ интересный фактъ, будто владыка смоленскій Герасимъ былъ избранъ Свидригайломъ, какъ противникъ Цамблака, въ 1432—33 году [2]). Въ такомъ же точно свѣтѣ личность Цамблака является и въ любомъ изслѣдованіи новѣйшихъ польскихъ историковъ. Къ вопросу о католичествѣ русскаго митрополита они подходятъ необыкновенно осторожно. Мы видѣли, напримѣръ, мнѣніе о немъ Антонія Прохазки; тоже приблизительно говоритъ Левицкій, Бартошевичъ [3]) и другіе.

---

[1]) *А. Поповъ,* Обзоръ древне-русскихъ полемич. противъ латинянъ сочиненій. М. 1875 г., стр. 316—317, примѣчаніе.

[2]) Приведенные выше отрывки собраны въ статьѣ *I. Bartoszewicza,* помѣщенной въ изданіи „Encyklopedya Orgelbranda“ Ср. Wielka Encyklopedya powszechna ilustrowana. Zeszyt 80. Warszawa 1893, стр. 972—973.

[3]) „Camblak żarliwym był wyznawcą obrządku wschodniego, a lubo pragnął zjednoczenia obu kościołow i jeździł do Rzymu, do Konstantynopula i na sobór Konstancyeński, to jednakże nie myślał wcale poddawać się ślepo Rzymowi i na soborze żądał dysputy religijnej. Hiektórzy utrzymują, że przez ambicyę dla pozyskania sławy, starał się zaprowadzić unię religijną, o co go i Karamzin posądza, pisząc, iż miano go powszechnie za „papistę“ i stąd wyklinano w cerkwiach moskiewskich; Focyusz wszakże, choć buł jego antagonista, nigdy mu zdrady wiary nie wyrzucał“. Wielka Encyklopedya powszechna ilustrowana. Zeszyt 80. Warszawa. 1893, etc. 973. Ср. *Н. Карамзинъ,* Исторія государства Росс., т. V, Спб., 1830 г., стр. 266.

Защищая „православіе“ Цамблака, Копыстенскій говоритъ даже, будто константинопольскій патріархъ сначала, правда, отказалъ Григорію въ благословеніи, но затѣмъ, уступая обстоятельствамъ, благословилъ его на митрополію Малой Руси [1]. Очень возможно, что Захарій не могъ и представить себѣ иначе весь вопросъ о поставленіи Григорія соборомъ русскихъ епископовъ. Наконецъ, изъ предыдущаго изложенія, главнымъ образомъ, изъ III главы нашей работы было видно, какъ смотрятъ на дѣятельность Цамблака новѣйшіе польскіе историки: ихъ мнѣніе представляетъ полную противоположность характеристикѣ Цамблака у большинства русскихъ историковъ.

Такого же характера и молдавскія преданія о Цамблакѣ. Память о первомъ игуменѣ Нямца никогда не умирала среди нямецкихъ монаховъ, и мы имѣемъ возможность сказать нѣсколько словъ о живыхъ преданіяхъ, послѣдовательно, XVI, XVII, XVIII и XIX вв. На первомъ мѣстѣ стоитъ не разъ упоминавшееся раньше Посланіе игумена Ѳеодосія, правившаго Нямецкимъ монастыремъ въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка,— памятникъ драгоцѣнный въ литературномъ, историческомъ и культурномъ отношеніяхъ. Если припомнимъ, что игуменъ Ѳеодосій написалъ въ 1534 году Слово похвальное Іоанну Сочавскому, службу и проложное Житіе этого святого, широко воспользовавшись Цамблаковымъ „Мученіемъ“, что въ своемъ краткомъ Житіи онъ приводитъ нѣкоторыя новыя историческія данныя, напримѣръ, называетъ имя Анны жены Александра Добраго, и что со смерти Цамблака прошло въ то время около 80 лѣтъ, то для насъ является необыкновенно цѣннымъ сравненіе кандидата для постановленія въ игумены Варонецкаго монастыря іером. Іоиля съ Цамблакомъ, который могъ служить примѣромъ для монаховъ, „житїє проводѧ праведно, кротко, сь оумиленїємь доушевнымь, по вьсѧ дьни прѣписоуѧ книги“; слѣдующая фраза еще лучше характеризуетъ Цам-

[1] „Палинодія“, изд. въ Русской Историч. Библіотекѣ, ст. 1029; А. Саббатовскій, стр. 326.

блака. Θеодосій говоритъ объ Іоилѣ: „аки нѣкъгда Гаврїиль Цамблакъ, игумень ѿ нашь Нѣмецкїи монастирь, добри книгы написавъ, сладкими словесы поучаа вьсѧ христїаны, и трꙋдъ къ трꙋдомь прѣлагаа, свѧтительскыи степень ѡставль, къ Богꙋ ѿиде“. Эта краткая, почти стереотипная похвала трудолюбивому переписчику и автору „сладкихъ поученій“ служитъ лучшимъ памятникомъ Цамблаку, мѣсто могилы котораго въ настоящее время забыто нямецкими игуменами, его прямыми преемниками.

Особая группа живыхъ преданій о Цамблакѣ относится къ началу XVIII вѣка, когда игуменомъ Нямца былъ Пахомій, впослѣдствіи епископъ романскій. При всей своей наивности, нѣкоторой неправдоподобности, при явномъ смѣшеніи цѣлаго ряда понятій, перепутавшихся въ представленіи благочестиваго аскета и ревнителя монашескаго просвѣщенія, эти записи Пахомія являются, конечно, не историческими свидѣтельствами, но все же очень цѣнными обрывками какихъ-то неясныхъ живыхъ преданій о Цамблакѣ. Мы знаемъ нѣсколько рукописей, на которыхъ Пахомій оставилъ свои записи. Во первыхъ, на нямецкомъ Сборникѣ Гавріила 1441 года. Въ концѣ рукописи на оберткѣ читается слѣдующая румынская замѣтка: „Въ этой книгѣ (находится) и Житіе св. Павла Θивейскаго и многихъ другихъ святыхъ, весьма душеполезныя, и два „Казанія“ чрезвычайной пользы. Одно — о св. влмч. Георгіи, другое—въ недѣлю Цвѣтную, написанныя и сдѣланныя (фъкꙋте) святымъ Григоріемъ Цамблакомъ, который былъ здѣсь, въ Нямецкомъ монастырѣ, игуменомъ, былъ также и на восьмомъ соборѣ, а впослѣдствіи—кіевскимъ митрополитомъ; святыя мощи его я цѣловалъ въ пещерѣ“. На другомъ Сборникѣ, переписанномъ тѣмъ же Гавріиломъ въ 1438 году, также на оберткѣ, еписк. Пахомій помѣстилъ приписку на румынскомъ языкѣ: „Здѣсь находится и Мученіе святого Іоанна Новаго, написанное святымъ Григоріемъ Цамблакомъ, бывшимъ сначала даскаломъ въ Молдавіи и игуменомъ здѣсь въ Нямцѣ, а затѣмъ—митрополитомъ въ Кіевѣ; тамъ я цѣловалъ

святыя его мощи". Такимъ образомъ, Пахомій допустилъ слѣдующія ошибки, которыя, намъ кажется, всегда можно такъ или иначе объяснить:

I. Неправильное представленіе о хронологіи въ смѣнѣ главнѣйшихъ событій изъ біографіи Цамблака. По догадкамъ Пахомія, разнообразныя іерархическія ступени Григорія можно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) „даскальство" его въ Молдавіи, 2) игуменство въ Нямцѣ, 3) путешествіе во Флоренцію и 4) митрополичество въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, невѣрнымъ оказывается только третій пунктъ. Но въ данномъ случаѣ Пахомій полагался, повидимому, на запись архіерейскаго Служебника, которая исходитъ какъ-бы отъ лица самого митрополита Григорія, говорившаго о своемъ пребываніи на соборѣ въ прошедшемъ времени (см. выше, стр. 353). Если же романскій епископъ считалъ запись автографомъ Цамблака, то едва-ли могъ что-нибудь измѣнять въ ней.

II. Невѣрное представленіе о канонизаціи Григорія. Впрочемъ, насъ не должно смущать названіе Цамблака *святымъ*. Уже согласно допущенной Пахоміемъ хронологіи, Цамблакъ долженъ былъ умереть скорѣе всего въ санѣ митрополита, т. е. въ Кіевѣ. Превращеніе же историческаго лица въ святого не представлялось чѣмъ-нибудь страннымъ. Извѣстный церковный писатель, о произведеніяхъ котораго отзывались съ обычными похвалами даже русскія лѣтописи, легко могъ превратиться въ „преподобнаго отца нашего" и т. д., что мы и находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Если припомнимъ нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни самого Пахомія, то намъ не покажется страннымъ, что поклонникъ кіевскихъ пещеръ или довѣрчиво отнесся къ разсказамъ монаховъ, или же самъ искалъ Цамблака среди трехъ извѣстныхъ кіевскихъ святыхъ съ именемъ Григорія [1]).

[1]) А именно: 1) Григорій чудотворецъ, жившій въ XI вѣкѣ (около 1064 года), 2) Григорій живописецъ и 3) другой Григорій чудотворецъ, время жизни которыхъ совсѣмъ не извѣстно. Указатель святыни и т. д.

Разбирая ошибки этихъ записей, Мелхиседекъ говоритъ, что „все это является результатомъ ослабленія традиціи о Цамблакѣ, обнаруживаетъ отсутствіе опредѣленныхъ извѣстій и восполненіе ихъ при помощи фантазіи“ (стр. 64). Но такая аттестація намъ представляется несправедливой, потому-что румынскій изслѣдователь ни словомъ не объяснилъ тѣхъ соображеній, которыя могли побудить Пахомія сдѣлать подобныя ошибки. Все это намъ будетъ ясно, если мы припомнимъ совершенно аналогичный фактъ. А именно, въ началѣ нашего Сборника, содержащаго „Хожденіе архіеп. Антонія въ Царьградъ“, на внутренней сторонѣ переплета скорописью начала XVIII вѣка сдѣлана небольшая запись Пахомія на румынскомъ языкѣ: „О, Боже, да будетъ велика милость Твоя, что я смиренный архіепископъ города Романа, Пахомій, *цѣловалъ* въ Радоуцахъ *святыя мощи* великаго святителя Леонтія, который три раза былъ у Святого Гроба и много лѣтъ въ Царьградѣ, и котораго выкупилъ *святой и преподобный* Антоній митрополитъ кіевскій отъ турецкаго императора“. Въ свое время мы уже объяснили, на чемъ основанъ цѣлый рядъ ошибокъ и смѣшеній лицъ, которыя въ этой записи прежде всего бросаются въ глаза; для нихъ можно найти причины. Какъ извѣстно, архіеп. Пахомій романскій былъ вполнѣ просвѣщенный и весьма любознательный человѣкъ. На многихъ славянскихъ рукописяхъ, иногда весьма старыхъ, напримѣръ, на Лѣствицѣ XIV вѣка Сахарняпскаго монастыря въ Бессарабіи, на Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасаѳѣ XIV вѣка библ-ки Нямецкаго монастыря № 61, Сборникахъ XV вѣка № 83 и 88 той же библіотеки, Сборникѣ Гавріила 1448 года и многихъ другихъ,—Пахомій дѣ-

---

Кіевъ. 1850 г., стр. 40, 65. Revista, p. 64. „Скорѣе всего,—говоритъ Мелхиседекъ,—изъ любви къ памяти Цамблака, Пахомій повѣрилъ, что послѣдній и кроется подъ именемъ „третьяго“ Григорія чудотворца, который не былъ пріуроченъ къ какой-нибудь опредѣленной странѣ или мѣстности, никто не зналъ его біографіи, ни времени жизни“ (стр. 64).

лалъ надписи на румынскомъ языкѣ, большей частью относящіяся къ тѣмъ произведеніямъ, которыя онъ читалъ, иногда замѣчая о томъ, что̀ ему особенно понравилось, о количествѣ чудесъ и мудрыхъ изреченій въ книгѣ, о трудности пониманія старыхъ рукописей и т. п. Такія записи онъ дѣлалъ на всѣхъ книгахъ, бывшихъ у него подъ руками. Несомнѣнно, онъ прочиталъ Хожденіе Антонія по нашей рукописи, и его поразило больше всего извѣстіе автора о какомъ-то Леонтіи; поэтому на рукописи онъ сдѣлалъ надпись только объ этомъ. Мы опредѣлили ошибки его записи [1]). Во-первыхъ, онъ говоритъ, что Леонтій „много лѣтъ былъ въ Царьградѣ". Это слѣдуетъ понимать такъ: Пахомій хотѣлъ отмѣтить, что Леонтій послѣ смерти пролежалъ много лѣтъ въ Царьградѣ до выкупа мощей его Антоніемъ. Далѣе, Антоній, очевидно, авторъ Хожденія, названъ *святымъ и митрополитомъ кіевскимъ*: съ одной стороны, это—смѣшеніе съ св. Антоніемъ кіевопечерскимъ, о которомъ Пахомій хорошо зналъ, съ другой, слово *митрополитъ* оставлено было изъ заглавія Хожденія. Такія же точно смѣшенія имѣли мѣсто, очевидно, и въ двухъ разсматриваемыхъ нами записяхъ о Цамблакѣ [2]).

Къ этой же группѣ преданій тѣсно примыкаютъ тѣ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о Цамблакѣ, которыми начинается „Сказаніе о Нямецкой иконѣ", приписываемое митр. Георгію (1723 г.). Преосв. Мелхиседекъ видитъ въ немъ отголосокъ живого преданія о Цамблакѣ и отмѣчаетъ только „историческія" (sic) неточности въ немъ (стр. 63). Съ этимъ соглашается и П. Сырку, по мнѣнію котораго, запись въ концѣ „Чина освященія церкви" не имѣла бы значенія, еслибы

---

[1]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ*, т. IV, кн. I, стр. 246—247.

[2]) Къ сожалѣнію, въ Описаніи путешествія Пахомія въ Россію, сохранившемся въ румынской рукописи изъ собранія о. Ѳеофила Гепецкаго въ Бессарабіи, или ничего не говорится о Цамблакѣ, или же мы пропустили это мѣсто, выписавъ нѣсколько отрывковъ, относящихся только къ интерессовавшимъ насъ въ то именно время вопросамъ.

стояла одиноко; „но видно,—продолжаетъ критикъ,—что это преданіе шло отчасти изъ живого историческаго факта, потому что оно повторяется еще и въ XVIII вѣкѣ, повидимому, независимо (?) отъ вышеприведеннаго. Унгровлахійскій (sic) митр. Григорій (sic) свое Сказаніе о Нямецкой иконѣ Б. М. начинаетъ такъ: Даемъ знать, что по обычаю земли молдавской случилось здѣсь его высочество, господарь Александръ воевода, и преосвященный митр. Іосифъ, который былъ на восьмомъ соборѣ съ отцомъ іером. Георгіемъ Цамблакомъ, великимъ богословомъ, скончавшимся въ Москвѣ и пр. Ясно, что въ этомъ страшно запутанномъ и затемненномъ преданіи митр. Іосифъ смѣшанъ съ Даміаномъ, Григорій обращенъ въ Георгія, и умираетъ онъ въ Москвѣ потому, что былъ въ Россіи митр. кіевскимъ“ (стр. 143). Но въ данномъ случаѣ П. Сырку отчасти былъ введенъ въ заблужденіе благодаря лишь опечаткѣ или въ книгѣ „Чудеса Б. Матери“, изданной на румынскомъ языкѣ въ Нямецкомъ мон-рѣ въ 1847 году (стр. 148), или же, скорѣе, у Мелхиседека (стр. 63); называя Григорія Георгіемъ, онъ и самъ впадаетъ въ ошибку, называя Георгія митр. унгровлахійскимъ. Но слѣдуетъ думать, что свѣдѣнія о путешествіи Цамблака во Флоренцію взяты авторомъ Сказанія какъ разъ изъ той же записи на архіерейскомъ Требникѣ; такимъ образомъ, она оказывается прямымъ источникомъ извѣстія, а не „независимымъ“ отъ послѣдней.

Послѣднюю группу преданій о Цамблакѣ въ Нямецкомъ монастырѣ составляютъ факты, имѣвшіе мѣсто въ половинѣ XIX вѣка. Прежде всего замѣтимъ, что разсказъ объ автокефальности молдавской церкви, записанный П. Саковичемъ въ томъ же монастырѣ въ 1854 году и помѣщенный въ *Русскомъ Инвалидѣ* за тотъ же годъ (№ 288, отд. отт., стр. 9), является не живымъ „преданіемъ“, какъ думаетъ П. Сырку (стр. 140), которому осталось неизвѣстнымъ содержаніе всего „Сказанія митр. Георгія“, а обнаруживаетъ книжное происхожденіе, идущее какъ разъ изъ упомянутаго источника.

Чрезвычайно интересныя преданія о Цамблакѣ, мятежный духъ котораго будто-бы являлся мистически настроеннымъ обитателямъ Нямецкаго монастыря въ недавнее еще время, настолько характерны для вопроса о переживаніи старыхъ формъ аскетической жизни, что мы разскажемъ о нихъ подробнѣе. О первомъ изъ видѣній говоритъ покойный архим. Андроникъ. То была необыкновенно тяжелая и очень мрачная эпоха въ жизни румынской церкви вообще, въ частности монастырей, когда румынское правительство съ господаремъ Григоріемъ Гикой (1849—1856) во главѣ рѣшило секвестровать богатыя владѣнія Нямецкаго монастыря, и подъ предлогомъ, будто въ немъ скрываются русскіе шпіоны, низложило старца Наѳанаила, назначило временно управляющимъ монастыремъ приверженца реформъ архим. Антонія Думбраву, запечатало монастырскій архивъ, библіотеку, многія келіи, приставило жандармовъ; всѣ эти мѣры должны были подготовить введеніе католической уніи „въ мертвое учрежденіе православной церкви, для оживленія религіознаго духа народа“, что и было намѣчено въ политической программѣ преемника Гики—Александра Кузы, въ январѣ 1859 года.

Братія не хотѣла принимать новаго старца, незнакомаго съ киновіальнымъ уставомъ Паисія Величковскаго и глумившагося надъ завѣтами этого великаго старца. Во главѣ оппозиціи стоялъ и Андроникъ. Конечно, борьба монаховъ съ правительственной партіей была неравная, и смѣлому защитнику древняго аскетизма пришлось вынести немало оскорбленій, какъ отъ властей, такъ въ особенности отъ своихъ же монаховъ, или не понимавшихъ всѣхъ послѣдствій реформы, или же состоявшихъ тайными агентами правительства. Видѣніе произошло 7-го марта 1858 года, въ ночь на пятницу. „Послѣ обычныхъ молитвъ, — пишетъ Андроникъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ,—я прилегъ немного отдохнуть. Вдругъ мнѣ представилось, что я отдѣлился отъ тѣла и вообще отъ сего суетнаго міра, и кто-то меня носитъ по

прекраснымъ, счастливымъ мѣстамъ и все показываетъ. Затѣмъ ввелъ онъ меня въ прекрасную комнату, устроенную какъ бы изъ кристалла, украшенную различными цвѣтами и драгоцѣнными камнями. Посреди этой комнаты находился столъ, на которомъ были разложены разнообразныя яства; возлѣ стола на стулѣ сидѣлъ одинъ благочестивый старецъ въ монашескомъ одѣяніи; отъ него, какъ отъ солнца, свѣтлые лучи разливались во всѣ стороны. Какой радостью и весельемъ дышало здѣсь! Чудное пѣніе раздавалось со всѣхъ сторонъ!... Ставши въ углу возлѣ дверей, я восхищался неизреченной небесной славой, открытой мнѣ, благодаря Бога, что онъ меня избавилъ отъ суеты міра сего. Я ужасно сожалѣлъ о людяхъ, которые не имѣютъ понятія объ этихъ небесныхъ благахъ. Несчастный! Я думалъ, что и на самомъ дѣлѣ разлучился навсегда съ тѣломъ. Въ это время обратился ко мнѣ тотъ самый святой старикъ съ слѣдующими словами: „неужели ты думаешь, что навсегда уже разлучился съ міромъ? Скоро вы будете претерпѣвать страшныя бѣдствія, о которыхъ вы и не думаете. Вы будете бѣжать... Но имѣйте твердую вѣру въ Бога, который съ вами всегда есть и будетъ, если только будете беречься и исполнять монашескіе обѣты и свято-отеческія преданія. Ты взятъ сюда только для того, чтобы видѣть все это; а теперь возвращайся и возвѣсти обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ братіямъ своимъ“. Сказавши это, онъ началъ удаляться. Я осмѣлился спросить объ его имени. Онъ сейчасъ же отвѣтилъ: „я—Гавріилъ, написавшій эту книгу, которая у тебя на столѣ, въ келіи“. Послѣ этого я проснулся. Дѣйствительно, на столѣ была раскрыта книга, написанная святымъ старцемъ Гавріиломъ въ лѣто ѕџнѕ“ [1]). Эта самая книга—хорошо извѣстный Сборникъ съ произведеніями Цамблака и имъ же самимъ переписанный въ 1448 году (см. выше, стр. 369—376).

---

[1]) *А. Г. Стадницкій*, Архим. Андроникъ, Кишиневъ, 1895, стр. 15.

Такими же мрачными тонами отдаетъ другое преданіе, внесенное въ автобіографію преосв. Нарциса, живущаго теперь на покоѣ около Нямецкаго монастыря. Оно переноситъ насъ въ міръ средневѣковыхъ сказаній, и богатствомъ своего сверхъестественнаго элемента, цѣльностью колорита и внѣшней красотой можетъ поспорить съ любой легендой, которыя обыкновенно приводятся въ доказательство жизненности бродячихъ сюжетовъ.

Это случилось лѣтомъ 1864 года. Въ то время Нарцисъ былъ въ санѣ дьякона, занимался въ нямецкомъ архивѣ, дѣлалъ выписки изъ монастырскихъ документовъ и переводилъ на румынскій языкъ нѣкоторыя записи на славянскихъ рукописяхъ [1]). Было около полудня. Какъ разъ онъ читалъ извѣстную историческую запись 1447 года о томъ, что Романъ воевода отрѣзалъ голову дяди своего Стефана воеводы, который былъ похороненъ въ Нямецкомъ монастырѣ [2]). Запись эта читается въ концѣ Маргарита, переписаннаго въ 1443 году монахомъ Гавріиломъ. „Я заинтересовался, — разсказываетъ преосв. Нарцисъ,—личностью этого образованнаго монаха и тщательно сравнивалъ почеркъ его рукописей со скорописью исторической записи для того, чтобы опредѣлить, не имъ ли она и сдѣлана. Воображеніе перенесло меня въ половину XV вѣка, когда въ нашемъ монастырѣ жили истинные аскеты, ревнители первохристіанскаго благочестія и образованные труженники, оставившіе по себѣ неумирающіе плоды книжныхъ трудовъ. Вдругъ въ это самое время я ясно услыхалъ, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то мѣрно читаетъ „Отче нашъ“ по славянски. Я пошелъ по направленію, откуда доносились слова Господней молитвы, но чтеніе прекратилось,

[1]) Ср. Planul unei lucrari asupra monastirilor țarei de *archir. Narcis Krețulescu Botoșeneanul*, *Archiva Societaței științ și liter. din Iași*, 1895 an., pp. 437—442. О Цамблакѣ Нарцисъ говоритъ въ I томѣ „Исторіи Нямецкаго монастыря“, пока не напечатанной, но особаго значенія его работа не имѣетъ, такъ какъ основана на изслѣдованіи Мелхиседека.

[2]) Объ этой записи, составленной Гавріиломъ, см. выше, стр. 428.

и я никого не увидалъ. Затѣмъ это повторилось еще нѣсколько разъ. Я сталъ вслушиваться въ текстъ молитвы и скоро замѣтилъ, что ни языкъ, ни произношеніе не похожи на обычный церковный языкъ русскихъ печатныхъ книгъ [1]). Тогда я досталъ одно изъ старыхъ рукописныхъ Евангелій, лежавшихъ здѣсь же на полкѣ, отыскалъ то мѣсто изъ Евангелія, гдѣ читается славянское „Отче нашъ", и убѣдился, что кто-то читаетъ по старо-болгарски (sic). Страннымъ показалось только то, что прочитавъ одинъ разъ, невѣдомый чтецъ останавливается и затѣмъ начинаетъ чтеніе снова. Вечеромъ я разсказалъ объ этомъ одному старому схимнику, жившему въ Покровскомъ скитѣ, о. Филоѳею, и онъ на другой день пошелъ со мной вмѣстѣ въ библіотеку. Чтеніе таинственнаго монаха началось сейчасъ же, какъ я раскрылъ славянскій Маргаритъ. Пораженный видѣніемъ, мудрый и святой по жизни старецъ Филоѳей, сказалъ: „Очевидно, это душа какого-нибудь монаха изъ нашей братіи, который служилъ литургію и не могъ ее окончить вслѣдствіе смерти или нападенія непріятеля, разрушенія храма и т. п. обстоятельствъ. Надо, когда онъ окончитъ молитву, сказать по славянски же: „Яко Твое есть царство и сила и слава..., аминь!" Помолившись Богу о душѣ, не успокоившейся въ селеніи праведныхъ, о. Филоѳей сталъ поджидать новаго чтенія, и вслѣдъ за словами „но избави насъ отъ непріязни", произнесъ вышеуказанный возгласъ. Къ удивленію нашему, чтеніе не прекратилось. Мы сообщили объ этомъ другимъ монахамъ, и они рѣшили, что „Отче нашъ" читаетъ, по всей вѣроятности, епископъ, и „аминь" можетъ произнести за него только архіерей. Вскорѣ объ этомъ совсѣмъ позабыли. Уже послѣ 1887 года, когда я былъ въ епископскомъ санѣ и снова перешелъ

---

1) Незадолго до этого времени въ Нямцѣ служили по славянски и по молдавски, пользуясь русскими синодальными изданіями. Въ 1864 году, надо полагать, славянскій языкъ былъ уже изгнанъ изъ всѣхъ церквей Румыніи.

на покой въ Нямецкій монастырь, чтобы заниматься стариной, то при первомъ посѣщеніи архива сотворилъ молитву и произнесъ: „Ты, читавшій двадцать лѣтъ тому назадъ по славянски „Отче нашъ...“, явись ко мнѣ, и я прекращу твои муки!“ Чтеніе началось сейчасъ же, я вòвремя сказалъ „аминь“, и странное видѣніе прекратилось навсегда“.

Мы не будемъ входить въ разборъ этого разсказа-легенды, если не ошибаемся, имѣющей какую-то связь съ очень распространенными на западѣ преданіями „о неоконченной литургіи“. Для насъ важно то, что она пріурочена къ Цамблаку, а не къ кому-нибудь иному изъ молдавскихъ іерарховъ или нямецкихъ монаховъ. Въ нашихъ глазахъ разсказъ важенъ, какъ живое преданіе о живомъ лицѣ. Иначе не стали бы такъ живо интересоваться Цамблакомъ и другіе румынскіе ученые, которые нашли возможнымъ проводить въ его лицѣ свои патріотическія тенденціи. Мы говоримъ о мнѣніи Мелхиседека, будто свои поученія Цамблакъ произносилъ въ Сочавѣ на румынскомъ языкѣ (стр. 6). Этотъ взглядъ болѣе подробно развиваетъ, повторяя въ сущности слова Мелхиседека, проф. новой румынской исторіи Букурештскаго университета V. A Urechia, который въ своей „Исторіи румынской литературы“ говоритъ, что Цамблакъ произнесъ много проповѣдей на румынскомъ языкѣ въ церкви сочавской митрополіи, „но такъ какъ языкъ этотъ былъ тогда далеко не книжный, и не письменный, то онъ не могъ сохранить всѣ проповѣди, почему, за малымъ исключеніемъ (?), Слова и Проповѣди Григорія на румынскомъ языкѣ исчезли. Незначительное количество, сохранившихся до нынѣ (?) молдавскихъ проповѣдей Григорія, переведено (?) имъ самимъ для передачи ихъ потомству на славянскій языкъ, потому что славянскій языкъ имѣлъ литературу и былъ книжнымъ языкомъ у румынскихъ книжниковъ, какъ церковнымъ, такъ и гражданскимъ. Всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго времени Словъ митр. Григорія на румынскомъ языкѣ восемь. Что всѣ эти Слова произнесены на

румынскомъ, а не на славянскомъ языкѣ, котораго не (?) знали молдоване, свидѣтельствуетъ самъ проповѣдникъ, когда говоритъ о любви, съ которой народъ слушалъ проповѣдника" и т. д. [1]). Мелхиседеку возражалъ П. Сырку (стр. 118), А. Ксенополъ [2]), Л. Милетичъ [3]) и другіе, приводя общія мѣста о славянскомъ характерѣ старой румынской культуры, съ чѣмъ мы принуждены вполнѣ согласиться.

Впрочемъ, всѣ эти предположенія цѣнны въ нашихъ глазахъ тѣмъ, что указываютъ, повторяемъ, на живучесть литературнаго преданія о Цамблакѣ, какъ о талантливомъ и выдающемся проповѣдникѣ. Не только румыны и русскіе, но и сербы съ болгарами считаютъ Григорія своимъ писателемъ, посвящая разбору его произведеній цѣлыя страницы въ общихъ „Исторіяхъ" литературъ и даже въ учебникахъ. Въ послѣднемъ отношеніи память о Цамблакѣ не омрачена, кажется, ни одной отрицательной чертой; наоборотъ, на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ никто не отказываетъ Цамблаку въ литературномъ достоинствѣ всѣхъ его произведеній, и это даетъ намъ право сказать нѣсколько словъ по поводу памяти о Цамблакѣ, какъ о писателѣ. Здѣсь мы разумѣемъ не только упомянутые раньше (стр. 208) отзывы о немъ старыхъ книжниковъ, но и позднѣйшія передѣлки произведеній Цамблака, собираніе въ системѣ его Словъ и Поученій и т. д.

Во первыхъ, библіографію его произведеній можно начинать въ сущности съ самого же автора, потому-что принявшій схиму съ именемъ Гавріила и жившій на покоѣ въ Нямецкомъ монастырѣ, Цамблакъ внесъ нѣсколько своихъ произведеній въ Сборники, переписанные имъ въ 1438, 1441 и 1448 и 1450 годахъ. Кромѣ этихъ четырехъ рукописей, на-

---

[1]) *V. A. Urechia*, Istoria litteraturei Romàne, Bucuresci, 1884, pp. 62—63, Ср. *Русская Бесѣда*, 95, кн. I. стр. 149.

[2]) Istoria romànilor, vol. V, p. 224.

[3]) Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска письменость, *Сборникъ за народни умотворения* и т. д., кн. IX, стр. 270.

вѣрное, существовали или даже существуютъ и другіе списки произведеній Григорія, переписанные около того же времени. Дѣло въ томъ, что не каждый писатель находилъ нужнымъ или же не каждый имѣлъ возможность переписывать и приводить въ порядокъ собственные труды. Если мы на время отдѣлимъ Гавріила отъ Григорія, то получимъ такую картину: опытный писецъ вноситъ въ свои рукописи нѣсколько произведеній писателя, жившаго незадолго до его времени, кое-что исправляетъ въ его работахъ (см. выше, стр. 243—244), приписываетъ на поляхъ фамилію автора (стр. 242) и т. д., однимъ словомъ, поступаетъ съ ними почти такъ же, какъ и съ произведеніями другого виднаго болгарскаго писателя, патріарха Евѳимія. Поэтому, разъ мы можемъ отдѣлить работу автора отъ работы переписчика-редактора, то мы должны поставить Гавріила во главѣ лицъ, занимавшихся, интересовавшихся проповѣдями Цамблака и цѣнившихъ ихъ.

Непосредственно за Гавріиломъ поставимъ Пахомія Серба, который собралъ цѣлый рядъ Словъ Цамблака и переписалъ ихъ въ отдѣльной тетради, сохранившейся въ извѣстномъ Сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры № 753. Интересно, между прочимъ, что всѣ Слова Цамблака, расположенныя здѣсь уже въ порядкѣ сентябрьскаго года, оставлены безъ обычнаго указанія имени ихъ автора въ заглавіяхъ, въ то время какъ Гавріилъ не только выписывалъ полный титулъ проповѣдника, но отмѣчалъ на поляхъ и фамилію его. Этотъ фактъ мы можемъ объяснить скорѣе всего тѣмъ, что Пахомій имѣлъ подъ руками произведенія Цамблака или при жизни послѣдняго, или же переписывалъ съ черновыхъ автографовъ, почему всѣ Слова оказались у него анонимными. Къ рукописямъ Пахомія восходятъ части и другихъ сборниковъ той же библіотеки, №№ 573 и 758, съ замѣтными сербизмами. Кромѣ того, Пахомій внесъ въ свой Хронографъ Житіе Стефана Дечанскаго, составленное Цамблакомъ, и нерѣдко пользовался произведеніями послѣдняго какъ литературнымъ источникомъ, подражая

нимъ въ области изобразительныхъ средствъ церковнаго краснорѣчія. Съ другой стороны, въ Сборникѣ Гавріила находимъ приписываемую Пахомію „Повѣсть о латинахъ“ (см. выше. стр. 248).

Такимъ же собирателемъ и въ то же время цѣнителемъ произведеній Цамблака намъ представляется писецъ того Сборника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, который упоминается въ инвентарной описи конца XV вѣка среди „полудестныхъ“ рукописей: книга Григоріи Самблакъ, а затѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ описяхъ послѣдующаго времени, относящихся къ 1601, 1621 и 1802 годамъ, причемъ рукопись предназначалась „къ упраздненію“ [1]). Но благодаря сохранившемуся труду старѣйшаго русскаго библіографа, мы знаемъ, что въ концѣ XV вѣка произведенія Цамблака существовали уже какъ нѣчто цѣльное, какъ особая „книга“, и здѣсь они были расположены въ такомъ порядкѣ: 1) Слово о божественныхъ тайнахъ, 2) объ усопшихъ, 3) о иноческомъ житіи, 4) въ субботу сырную, 5) Слово похвальное 40 мученикамъ, 6) въ недѣлю вербную, 7) въ великій Четвертокъ, 8) въ великій Пятокъ, 9) на Вознесеніе, 10) на рождество І. Предтечи, 11) Слово похвальное Петру и Павлу, 12) Слово похвальное Иліи, 13) на Преображеніе, 14) на Успеніе, 15) на Усѣкновеніе главы І. Предтечи, 16) на Рождество Богородицы, 17) на Воздвиженіе, 18) Слово похвальное Димитрію. Краткія заглавія проповѣдей, вмѣстѣ съ начальными словами ихъ, мы находимъ въ двухъ описаніяхъ — черновомъ и бѣловомъ, причемъ въ послѣднемъ книгѣ дано особое названіе Григорьи Самбла^к^, и на нее же ссылается неизвѣстный библіографъ при описаніи какой-то рукописи, отсылая читателя къ другому Сборнику: Слово к Самблаке.

---

[1]) *Н. Никольскій*, Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленное въ концѣ XV вѣка, 7, 97, 101—103. Ср. *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей*, 1848 г., кн. VI, Смѣсь, стр. 21, гдѣ напечатана „Опись“ 1635 года.

На четвертомъ мѣстѣ среди библіографовъ и редакторовъ стоитъ митрополитъ Макарій. Онъ не только внесъ почти всѣ произведенія Цамблака подъ соотвѣтствующія числа и мѣсяцы своихъ Миней-Четьихъ, но въ концѣ Іюльскаго тома помѣстилъ особый отдѣлъ, давъ ему такое же цѣнное въ нашихъ глазахъ заглавіе: Книга Григоріа Самблака. А. Саббатовскій почему-то предполагаетъ, что эти 18 Словъ были приведены въ надлежащій порядокъ и „составлены особой книгой самимъ творцомъ ихъ“ [1]), но мы съ этимъ не согласны, такъ-какъ въ распредѣленіи Словъ видна система, опытная рука сотрудниковъ митр. Макарія.

Наконецъ, пятое мѣсто по праву долженъ занимать Сильвестръ Медвѣдевъ или иной авторъ статьи „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“ [2]), гдѣ Словамъ Цамблака удѣлено вполнѣ заслуженное вниманіе, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи.

Нашъ списокъ можно было бы значительно увеличить, если бы мы знали имена, даты или обстоятельства происхожденія такихъ Сборниковъ, въ которыхъ произведенія Цамблака представлены сравнительно въ полномъ видѣ, какъ напримѣръ рукописи XVI и XVII вѣковъ Моск. Син. Библ-ки, № 235 съ 20 статьями Григорія, и другая рукопись той же библ-ки № 236, Сборникъ XVII вѣка Вахрамѣева № 92 съ 16 Словами, Антоніева-Сійскаго монастыря №№ 56 и 13 (18 и 17 Словъ), В. М. Ундольскаго № 1157, Петропавловскаго собора въ Петрозаводскѣ № 18 (182), Аѳонскаго монастыря св. Павла (12 Словъ, см. выше, стр. 32—33), и Толстовскіе Сборники №№ 256 и 205 со многими Словами, приписываемыми главнымъ образомъ „архіепископу россійскому“ Григорію; наконецъ, можно упомянуть о Сборникѣ Евлогія до 1552 года (см. стр. 344), Панегирикахъ Владислава 1479 и

---

[1]) *Литовскія Епарх. Вѣдомости*, 1884, № 39, стр. 333.
[2]) *А. И. Соболевскій*, Переводная литература, стр. 337—350.

1483 годовъ, нѣсколькихъ очень важныхъ Сборникахъ Виленской библ-ки, напр. № 105, собр. гр. А. С. Уварова, П. И. Щукина № 432, извѣстныхъ Минеяхъ Тулупова Троице-Сергіевской библ-ки и т. д. Такимъ образомъ, Слова Цамблака вносились въ Сборники не отдѣльными, случайными статьями, а цѣлыми серіями, чего не удостоился даже такой видный дѣятель нашей старой литературы, какъ Кириллъ Туровскій.

Съ другой стороны, сдѣланный нами статистическій подсчетъ списковъ его произведеній, XV—XVIII вв., даетъ внушительныя цифры: для каждаго изъ нихъ можно указать болѣе 20 списковъ, и въ этомъ отношеніи популярность Григорія можетъ поспорить съ другими видными проповѣдниками, какъ византійскими, такъ и славянскими или русскими, почему въ извѣстной „Кирилловой книгѣ“, изданной въ Москвѣ въ 1644 году, произведенія Григорія Цамблака указаны въ перечнѣ „добрыхъ книгъ“, опять на ряду съ немногими авторами.

Прибавимъ къ этому отзывы всѣхъ лѣтописей XVI вѣка о Цамблакѣ какъ о человѣкѣ „книжномъ зѣло, изученомъ книжной мудрости всяцѣй изъ дѣтства“ и оставившемъ „много писаній, сотворивъ“; высокое мнѣніе объ учености и начитанности въ Св. Писаніи — у іезуита половины XVII вѣка А. Кояловича; объ учености, мудрости и благочестіи—у южнорусскаго писателя XVIII вѣка Кульчинскаго; убѣжденіе о необыкновенной святости — у романскаго епископа Пахомія; ссылки старинныхъ русскихъ уставщиковъ на Слова его, читаемыя въ извѣстные дни великаго поста [1]); особенную популярность его произведеній у старообрядцевъ, которые до сихъ поръ перепечатываютъ ихъ въ своихъ изданіяхъ, цѣнятъ ихъ

[1]) Въ подробномъ черновомъ описаніи нѣсколькихъ Бѣлозерскихъ сборниковъ, сдѣланномъ въ концѣ XV вѣка, въ концѣ извѣстнаго канона въ великій Четвертокъ сдѣлана замѣтка: „чти за обѣдомъ до слова въ Самъблакѣ“. *Н. Никольскій,* Описаніе рукописей, и т. д. стр. 97, прим. къ № 600.

внѣшнія красоты и ссылаются на нихъ какъ на авторитетъ, дѣлая выписки въ вопросахъ обряда [1]) и т. д. Все это, вмѣстѣ съ внесеніемъ Житій, составленныхъ Цамблакомъ, въ Минеи Димитрія Ростовскаго, переведенныя въ началѣ XIX вѣка на румынскій языкъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что память о Цамблакѣ, какъ выдающемся церковномъ писателѣ, никогда не умирала, а въ Молдавіи, особенно въ Нямецкомъ монастырѣ, она жива и до настоящаго времени. Но нельзя думать, чтобы произведенія Цамблака только переписывались нашими книжниками, охотно читались, а въ болѣе позднѣе время печатались и изслѣдовались: нѣкоторыя изъ нихъ передѣлывались, распространялись и оказывали вліяніе на литературные труды писателей послѣдующихъ поколѣній. Достаточно прослѣдить литературную судьбу хотя-бы одного изъ произведеній Цамблака, „Мученія Іоанна“ [2]), чтобы убѣдиться въ томъ, что оно не оставалось чѣмъ-то мертвымъ, завѣщаннымъ одной только „книгѣ“. Приведемъ слѣдующіе извѣстные намъ факты.

I. Въ 1534 году Житіе было распространено нямецкимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ (см. выше, стр. 111, 237), причемъ въ началѣ и въ концѣ его прибавлено вступленіе и заключеніе, давшія автору возможность назвать свой трудъ „Словомъ похвальнымъ“. Вполнѣ естественно, что Ѳеодосій не только построилъ свое Слово по образцу Цамблакова, но повторилъ почти всѣ болѣе интересныя въ историческомъ и литературномъ отношеніи отдѣльныя выраженія, ни разу,

---

[1]) Въ рукописи П. И. Щукина XVIII вѣка № 407 находимъ 8 выписокъ, имѣющихъ отношеніе къ почитанію св. креста; среди нихъ—начало Слова „Григорія россійскаго“ на Воздвиженіе: „Возносится днесь крестъ, и плѣняется адъ, и поклоняется Христосъ“, л. 6 об.

[2]) Вполнѣ естественно, что агіографическіе труды стоятъ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ. Житіе Стефана Дечанскаго внесено въ Хронографъ Пахомія и Никоновскую лѣтопись, пересказано патр. Паисіемъ; послужило источникомъ для извѣстной поэмы Іована Субботича и др., другое Житіе того же царя приписывается архіепископу Даніилу II.

впрочемъ, не сославшись на своего предшественника и не упомянувъ прямого и единственнаго источника [1]).

II. Около того же времени неизвѣстнымъ лицомъ составлена Служба Іоанну Новому и проложное Житіе, также повторявшія цѣликомъ выраженія изъ „Мученія“ Цамблака и бравшія факты изъ него же. Служба пока не издана и извѣстна по тремъ рукописямъ молдавскаго происхожденія [2]).

III. Въ 1538 году во Псковѣ іереемъ Ильей написано Житіе Георгія Новаго Болгарскаго, замученнаго турками въ Софіи. Несмотря на то, что оно составлено на основаніи разсказовъ очевидцевъ, двухъ аѳонскихъ монаховъ Митрофана и Прохора, приходившихъ въ Россію за милостыней, это Житіе обнаруживаетъ во многихъ своихъ частяхъ безусловно книжное происхожденіе. Русскій авторъ пользовался не болгарскимъ Житіемъ Георгія, написаннымъ попомъ Пеей, а Цамблаковымъ Житіемъ Іоанна Новаго, на что̀ не обратилъ вниманія П. Сырку, не разъ упоминавшій объ этомъ произведеніи [3]). Чтобы убѣдиться въ справедливости нашего предположенія, приводимъ параллельныя мѣста изъ двухъ Житій:

Житіе Іоанна Новаго:	*Житіе Георгія Новаго:*
иже тогда церьковнаа правящаго священнѣйшаго архіепископа Іосифа...	тогда же убо правящу кормила церковнаа... святѣйшому архіепископу Макаріу...
(начну повѣсть) Іоанну доблестъвному воину Христову и исплъненому благодатеи Духа. Кто же бѣ и откуду, и кото-	Георгіе доблественыи воинъ Ісусъ Христовъ, исполненыи благодати и Духа Святаго. Кто же бѣ, откуду и которымъ обра-

¹) *А. Яцимирскій* Изъ славянскихъ рукописей, стр. 64—65, 71—73.

²) Ркпись В. Ундольскаго 1574 года № 81, лл. 188—199 об., Спб. Академіи Наукъ начала XVII вѣка № 25, л. 34 и Базиліанскаго мон-ря въ Сочавѣ, 1655 года.

³) Изъ исторіи литературныхъ сношеній, стр. CCXVII CCLXXV—CCLXXVI, CCCVII, CCCXXIX, CCCXXXVI.

рымъ образомъ страдалечьства лику же и вѣнцю сподобися. Трапезонта сего изнесе мужа.

естъ бо многословимъ же и многоимовитень и ничимь же вторыи, въ пръвыихь велмужеи Трапезонтеа града.

и на обычномъ мѣстѣ судища прѣдсѣдь, повелѣ съ чьстію къ нему призвати мученика, и яко предьста, глагола къ нему ипархъ: яже убо о тебѣ доволно слышахь, о въ мужехь изрядныи, и како благочьстивою нашею и въсемогущею вѣрою уловленъ бысть...

такова бо естъ наша вѣра, чистымь мыслію касается и сихъ сръдца къ своеи въспалѣеть любви, благо теченіе же подаеть житію и длъготу лѣтомь. Не късни прочее...

христіанскаа, смѣху достоинаа, далече отложивь, преданія же и законы тѣхь свѣтломь гласомь похули.

Вънелико же сіа пъстрыи онъ злобою и коварныи глаголаше, Іоаннъ мыслъныя очи възведе, на помощь призывааше рекшааго Владыку: егда ведени будете прѣдъ цари и

зомъ страдальства лику же и вѣнцю сподобися. Средець градъ болгарскіи сего изнесе мужа.

отецъ его многословимъ и многоименитъ и ничимъ же вторыи, но въ первыхъ велможахъ великаго града Средца.

и на обычномъ мѣстѣ судища предсѣдъ, съ честію призываетъ мученика близъ себе, и яко предста, нача ласканіемъ глаголати ему: яже убо о тебѣ доволно слышахъ, о въ мужехъ изрядныи, како благочестивую нашу и всемогущую вѣру укаряеши...

такова бо есть наша вѣра, чистымъ мыслію касается и сихъ сердца своеи распаляетъ любви, благо теченіе, подаетъ житію и долготу лѣтомъ. Не косни прочее...

христіаньскія, смѣху достоина, далече отложи; преданія же и законь моамедовы воспріими.

Еликоже сія пестрыи онъ и коварныи глаголаше, Георгіе же мысленыя очи возведъ на небо, на помощь призываше рекшаго Владыку: егда же ведени будете предъ цари

князи имени Моего ради и т. д. таже и чювстъвныма очима възрѣвь на мучителѣ... благодръзновенно отвѣща: мниши ми ся, рече, лъгати, игемоне, явестъвно; не бо мои суть глаголы, еже о отвръжени Христа моего. Да не будеть, но ниже да дастъ Господь мои Іисусъ Христосъ на умъ сіе когда пріити ми. Умышленіа же суть сіа врага истинѣ сатаны...

и князи имени Моего ради и т. д. таже и чювственыма очима возрѣвъ на мучителя, благодерзновенно отвѣща: мнишися, рече, о игѣмоне, ласканіемъ и пестрыми словеси убо вѣщати мя. Да не будетъ, но ни дастъ Господь на умъ сія когда прійти ми. Умышленія суть сія врага истиннѣ сатаны...

Такое же сходство обнаруживаетъ вся рѣчь Іоанна — Георгія къ епарху, до конца.

И купно сими словесы въздѣавь руцѣ на небо и очи съпротягь, възъпи, яко отъ вьсѣхь слышатися: да не будеть ми отврѣщися Тебе, Христе, съ безначялнымь Ти Отцемь и прѣсвятыимь Духомь...

И купно съ сими словесы воздѣвъ руцѣ на небо и очи протягъ, возопи, яко отъ всѣхъ слышатися: да не будетъ ми отврещися Тебе, Христе, со безначалнымъ Ти Отцемъ и пресвятымъ Ти Духомъ...

Мучитель... не могы на мнозѣ мужа трьпѣти съпротивленіе, Бога, Егоже онъ хулѣаше посрѣдѣ тьмочислънаго народа, Бога истиннаго Іоанномъ проповѣдуема, того же вѣру, паче же прѣльсть истиннѣиши рещи, до конца низлагаему, повелѣ воиномь отъ одеждя съвлѣщи мученика. И сему неже слова скорѣе бывшу, нагъ посрѣдѣ

Мучитель же, не могіи на мнозѣ мужа терпѣти противленія, Бога убо, Егоже онъ хуляше посредѣ тмочисленаго народа, Бога истиннаго Георгіемъ проповѣдаема, срацыньскую же вѣру, паче же прелесть истиннѣйши рещи, низлагаему, повелѣ воиномъ отъ одежда совлещи мученика. И сему неже слова скорѣе бывшу,

стоаше, иже въ Христа облѣченныи. Таже и жезлы множьство прѣставити повелѣ. И възрѣвь мученику, рече...

нагъ посредѣ стояше, иже весь во Христа облеченныи. Таже и жезлъ множество представити повелѣ. И возрѣвь къ мученику, рече...

Аще ли ни тако ми благонарочитыя нашея вѣры, не тъкмо сими жезлы твоя съдроблю пльти, но и иными зѣлнѣишими и естьству несътърпимыми муками искушу и конецъ горчаишои съмрьти прѣдамь.

Аще ли ни тако ми благонарочитыя нашея вѣры, не токмо сими чрезлъми твоя воздроблятъ плоти, но иными зѣльнѣишими и естеству нестерпимыми муками искушу.... и на конецъ горьчаишеи смерьти предамъ...

Многыхь же суровствомь мучитель, яко сія слыша глаголы, разгорѣвся гнѣвомь, повелѣваеть въскорѣ того по земли протягнути и жезліемь суковатымь немилостивно бити. Въ толико же суровство произыдошя казнящеи, яко священныимь убо онѣмь плътемь съдробитися и жезлы съвъзносится на въздухь, кръвію же обагритися въсему лицу подлежащаго мѣста...

Многіи же суровствомъ мучитель, яко сія слыша глаголы, разгорѣвся гнѣвомь, повелѣваетъ въскорѣ того по земли протягнути и жезломъ суковатымъ немилостивно бити... Въ толико же суровьство произыдоша казнящеи, яко убо священнымъ плотемъ содробитися и жезлы совозноситися на воздухъ, кровію же обагритися всему лицу земли подлежащаго мѣста...

Такое же буквальное сходство даетъ весь этотъ отрывокъ и благодарственная молитва обоихъ святыхъ за ниспосланныя имъ страданія, кончая разсказомъ о заключеніи ихъ въ темницу.

Въ утрѣшніи же на обычномъ мѣстѣ прѣдсѣдь, звѣровидныи онъ тому прѣдставити

Во утріи же на обычномъ мѣсте предсѣдъ, звѣрообразныи онъ повелѣваетъ предъ-

мученика повелѣ, да якоже прѣдста свѣтломь лицемь и радостною душею,—възрѣвь нань судіи въ удивленіе полагааше свѣтлое же лице и обрадованное, и како въ толико съдробленнѣмь и разсѣаннѣмь тѣлеси душа и еще обрѣтается и т. д.	ставити мученика предъ собою... да якоже предста свѣтломъ лицѣмъ и радостною душею,—возрѣвъ нань судіи во удивленіе полагаше свѣтлое лица и обрадованное, и како въ толико содробленнѣмъ и разъсѣяннѣмь тѣлеси душа еще обрѣтается и т. д.
Сице нечьстиваго посрами ипарха. Сицева бореніа въ подвизѣ показа. Сицевыми и вѣнцы вѣньчася отъ подвигоположника рукы.... Нектому въ Трапезонту, но къ вышнему Іерусалиму устръмися..., трисвятѣи и прѣбожестьвнѣишеи прѣдстоя Троици...	Сице безбожныхъ срачинъ посрами. Сицева страстотръпца и мученика подвизи показашеся; того ради и вѣнцы вѣнчася отъ подвигоположеника руки.... Нектому въ Срѣдецъ градъ, но къ горнему Іерусалиму устремимся..., предстоя престолу святѣи Троицы... [1]).

IV. Въ самомъ началѣ XVI вѣка появляется кондакъ, тропарь и какая-то „молитва“ Іоанну Новому, составленныя также на основаніи Цамблакова Житія. Первый разъ они встрѣчаются въ Пѣвчей книгѣ путенскаго протопсальта 1511 года, затѣмъ—въ Праздничной Минеѣ Нямецкаго монастыря XVI—XVII вѣка № 46 (103), съ румынскими заглавіями: Стмоу іѡанноу новомꙋ. претрꙋ роуга лоуи стыи іѡаннь новыи. стхрах гла ѕ. Днес црква тръжьствꙋеть, стртрьпца красмщеса пѡдвигы. ꙗко мнѡгоцѣнноѫ ѡдеждеѫ. и въпіетъ хвалмщиса. сицева моа

1) Житіе св. Іоанна цитируемъ по тырновскому Сборнику Нямецкой библ-ки № 106, причемъ измѣняемъ правописаніе всилу типографскихъ условій. Житіе св. Георгія выписываемъ по русскому Сборнику изъ собр. Пискарева XVI вѣка № 250, содержащемъ первую редакцію труда іеромонаха Иліи. Въ упомянутой выше (стр. 344) рукописи Гепецкаго до 1552 года читается таже редакція Житія, со вставками изъ болѣе пространной, обычной въ Минеяхъ Макарія, 26 мая, столб. 1140 и слѣд.

рож҃енїа. таковїи мой (л. 220 об.) с҃нѡве. иже пръвѣе породих крѫщенїемь. въспитах же страхѡм г҃нимь. и н҃нѣ м҃нкы виждѫ истиннѣ, и вѣнечникы избранны. да м҃лѧтсѧ ѿ вьселенѣи къ б҃оу: — Кѣмъ составлены эти молитвы, неизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ русскихъ спискахъ указывается „краегранесіе въ богородичнахъ“, дающее имя „Григорій“ [1]). Но мы не думаемъ, чтобы авторомъ служебныхъ отрывковъ можно было бы считать Цамблака. Скорѣе, это былъ другой молдавскій книжникъ.

V. Въ началѣ XVII вѣка появляется румынскій переводъ Житія, сдѣланный довольно свободно. Какъ увидимъ дальше, онъ легъ въ основу перевода-пересказа, принадлежащаго сочавскому митрополиту Варлааму. Румынскій текстъ Житія намъ извѣстенъ по Сборнику Румынской Академіи XVII вѣка (№ 34, л. 43), не дающему, впрочемъ, никакихъ указаній на хронологію перевода. Приведемъ начало румынскаго текста и славянскаго оригинала [2]):

Мулцї ау віацуите пре лум віацъ бунъ ши кум юбецїї думнезъу дупъ кїпул ѫвъцътурии че ау ѫвъцат домнул х҃с. ѫ сфънта еу҃лїе. ши сфїнцї луи апостолии динтру ачеѧ есте ѫтъи ши сфънтул ачеста де аст³. марїле ıѡа҃ мъка҃ къ ши ку мулте време маи пре урмъ с ау арътат къ стъпънул нострꙋ думнезъу ну маи мученичїи дїн време дї демулт чи ıау ѫкуну-нат чї ши акму ѫ време деапои дешкїдї уша мучїничїи челор че

Многи оучительства иже добрѣ, и ıакоже б҃ки любезно живших образы. ѿ нихже оубо единь е҃пръвый настоѫщїи, аще и врѣменнымь много пришествїемь послѣдни попоказасѧ не бѡ пръваго врѣмене тъчїѫ страдалца вѣнци почьте в҃лка, нѫ и н҃нѣ на послѣдокь дверь м҃ченїа ѿвръзе произволѣвающїи, и тѣмиже тѣх възмъздѣваѫ чьстїи же и даровании. слова оубо ѿ зде начнѫ повѣ їѡанноу доблестьвномоу воиноу х҃воу, и испль-

---

[1]) Ркпсь собр. В. Ундольскаго, Канонникъ XVI и XVII вв. № 104, л. 378, Глава 93. Начало канона: „Новоявленный мученикъ, блаженне Іоанне“ и т. д.

[2]) Сборникъ СПБ. Академіи Наукъ № 25, л. 66.

вор вре а сѫ фаче. ши к8 ачееш чінсте фй чінстещї ши дѫр8іщї пентр8 ачеа сѫ каде ноа ф сѫ щїім де 8нде ѩсте нащїре сфѫнт8л8и ачест8а че сѫ прѫзнѫеще астѫз ши че л8кр8рї а8 фѫк8т ши к8м а8 пѫтїміт пентр8 н8меле л8и х҃с.

Спре рѫсѣрїт 8нде сѫ кіамѫ анатолїа ѩсте ѡ четате маре ши бѫститѫ ла каре тоат корѫбїиле дерепт маре нѫз8еск пентр8 ѡдест8ларе ши пентр8 ав8цїа че есте ф нтр8 дѫнса ал кѫрїе н8ме есте трапезонта дїнтр8 ачеа четате ѥра шї сфѫнт8л їѡан....

неномоу блг҃тен д҃ха. кого же бѣ и ѿкждоу. и коториͫ образомь страдальчьства ликоу же и бѣнцоу сподобися.

Начиная съ послѣднихъ словъ, румынскій текстъ замѣтно расходится съ славянскимъ: въ первомъ говорится о праздникѣ, посвященномъ св. Іоанну; выпущены указанія на географическое положеніе Трапезунда; измѣненъ порядокъ фразъ и т. д.

VI. Ко времени до 1643 года относится переводъ Житія, сдѣланный сочавскимъ митр. Варлаамомъ для его Сборника „Карте ромѫнѣскѫ де ѫвѫцтврѫ д8менечелор“, напечатаннаго въ Яссахъ на средства господаря Василія въ 1643 году (часть 2, лл. 79 и слѣд.) и называемаго „Учительнымъ Евангеліемъ“ [1]). Переводъ Варлаама настолько далекъ отъ славянскаго подлинника, что иногда его можно назвать скорѣе пересказомъ. Въ этомъ отношеніи его можно въ значительной степени отождествлять съ тѣмъ румынскимъ текстомъ, который приведенъ выше. Имя автора Житія здѣсь не указано. Кромѣ того, преосв. Мелхиседекъ замѣтилъ грубый анахронизмъ у Варлаама; по мнѣнію послѣдняго, Бѣлгородъ времени мученія св. Іоанна находился подъ владычествомъ турокъ, исповѣдо-

[1]) Описаніе книги у И. Каратаева, стр. 504 и въ Bibliografia românească veche, fasc. II, pp. 137 — 142, гдѣ воспроизведено одно изъ болѣе старыхъ изображеній св. Іоанна, съ мечемъ и крестомъ; по правую сторону отъ него изображена Аккерманская крѣпость съ башнями и полумѣсяцами, по лѣвую — видъ города Сочавы и митрополичьей церкви начала XVII вѣка (стр. 143).

вавшихъ магометанскую вѣру (стр. 59—60). На это замѣчаніе Мелхиседека можно возразить слѣдующее. У Цамблака нѣсколько разъ упоминается о персидскомъ происхожденіи бѣлгородскаго епарха, о персидской „прелести“, напримѣръ, „кь иже тогда ѵпархоу града шедь, оклеветоуеть мѫченика, персꙋ оубо томоу сѫщоу, и отчепрѣданнои прѣльсти топлоу хранителю“ и др. [1]). Но въ XIV—XVI вѣкахъ, подъ вліяніемъ литературнымъ („Хроника“ Манассіи), южные славяне почти всегда называли турокъ персами, какъ напримѣръ, въ славяно-молдавской лѣтописи Макарія: Єгѵпеть, нарицаемыи нынѣ ѿ персь Мисирь; Радоуль нѣкто сь перси боря сѧ; разби Стефань воевода. ҂д. персь обь онь поль Проута; кь персомь бо звѣровидныѧ татарскыѧ силы сьтекше сѧ; тогда и прѣкрасныи Соучавскыи градь персомь повинѫ сѧ; царствовааше надь персы вь Цариградѣ Селимь, сынь Баязита царѧ и т. д. [2]) Однимъ словомъ, названіе этнографическое и географическое сдѣлалось общимъ терминомъ для опредѣленія восточныхъ народовъ, отчасти магометанъ, подобно другимъ болѣе популярнымъ названіямъ вродѣ „агаряне“ [3]), „варвары“ [4]) и т. п. Такимъ образомъ, Варлаамъ имѣлъ полную возможность примѣнить спорный въ нашихъ глазахъ терминъ къ понятіямъ своего времени, когда Бѣлгородъ дѣйствительно входилъ въ число непосредственныхъ владѣній султана.

VII. Повидимому, въ XVII же вѣкѣ появляется греческое Житіе Іоанна Новаго, также основанное въ фактическихъ частяхъ на трудѣ Григорія и внесенное въ Сборникъ, переведенный на русскій языкъ священникомъ Петромъ Соколо-

---

[1]) Нямецкій Сборникъ 1438 года № 106.

[2]) *I. Bogdan*, Cronice moldovenscі, pp. 151—162, 88; *A. D. Xenopol*, Istoria românilor, vol. IV, p. 49.

[3]) *П. Сырку*, Время и жизнь, стр. 104, 107.

[4]) Въ Виленскомъ спискѣ Слова похвальнаго Евѳимію прибавлена глосса: „варварскій царь—свѣтлѣе рекши, турьскій царь“, *E. Kałużniacki*, Aus der panegyrischen Litteratur. s. 50; въ Словѣ похв. 3 отрокамъ, Цамблакъ называетъ „варваромъ“ вавилонскаго царедворца Асхана, Ркпсь Виленской библ. № 80 (189), л. 173. Ср. въ Прибавленіи о перенесеніи мощей св. Параскевы, Werke des Patr. Euthymius, s. 432 и мн. др.

дѣтели, неисписати. егда
ӕрости прѣставши, дѣанїе
осѣбне сеѹшаетсѧ. иноже
и отиде бездѣлень. мнѡ
гоѹбо ѿ часелевїеа похва
ливъ еже въ аѕысачести,
иже въ свщенное великодѹ
шїа: Многоже сїмѡна
наведшаго поиꙋдивъ. и
ионибезтловѣчїа пови
нна и безславїа.
Сихъ подражанимъ исщ е
нници и мтра и дѣти
ови, въ елеазарѡвѣ чꙋ
стѣ дховнаго ѿца, и
словѡмъ и дѣломъ бла
жаншее поиꙋзавшꙋ. ѿ
виже, доблѣи мтери
въ истинꙋ любочадны
ӕвлъшеса. их ꙋиже ѿ
ни прѣдставлъше.

ирж иꙋпрѣстрѣтїемъ,
ѕвѣрнпобѣдившꙋ. се
еже въ ассїрїи юноша
невторо иже аггелъ
прохладивъ огни. оте
чъ сїеы и зашонъ нерадо
ршїмъ, ниже пїщж прї
емлащемъ сіе врѣмѧ
и неосщенна се, по
слѣжде о хѣ жрътвѣ,
въ любочъстїе немнее.
снбѡ. еже ничаимаѧ рѣ
словꙋ. хѣ послѣдова
шакоꙋви. и бѣбѣше на
ставникъ такові поди
гъ толико ѿна въ несъ
вънѡшенїе, иснице прѣсла
вно. овѣм же немнога

вымъ „Христіанскіе мученики, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками“ (Спб. 1862). Здѣсь находимъ другую хронологическую неточность: св. Іоаннъ пострадалъ въ 1492 году, что̀ повторяется и во всѣхъ русскихъ спискахъ Святцевъ. Мы высказали предположеніе, (см. выше, стр. 120), что послѣдняя дата просто не дописана; во всякомъ случаѣ, иное объясненіе не можетъ быть принято.

VIII. Въ концѣ XVII вѣка Житіе Іоанна Новаго было внесено въ Минеи Димитрія Ростовскаго, съ заглавіемъ, указаннымъ выше (стр. 249), и прибавленіемъ о перенесеніи мощей въ Яссы при господарѣ Василіи Лупу [1]).

IX. Изъ Миней св. Димитрія оно переведено на румынскій языкъ сочавскимъ митр. Досиѳеемъ, но напечатано въ въ типографіи Нямецкаго монастыря только въ 1813 году, а затѣмъ перепечатано въ митрополичьей Ясской типографіи въ 1836 году. Здѣсь ононоситъ такое заглавіе: пѫтимирѣ марѣлѹи мѹченик Іѡанн челѹи Ноѹ де ла Сочава, кареле аѹ пѫтимит ꙟ четатѣ Албѫ, скрисѫ де Григоріе їеромонахѹл игѹменѹл монастирій Пантократорѹлѹй ши преот ал бисеричій чеій мари а Молдавій (стр. 27—39). Здѣсь находимъ два прибавленія: 1) о перенесеніи мощей св. Іоанна въ Польшу митр. Досиѳеемъ, при королѣ Собѣсскомъ, и 2) о перенесеніи ихъ обратно въ Сочаву, при австрійскомъ императорѣ Іосифѣ, послѣ уступки Буковины Австріи.

X. Наконецъ, существуютъ особыя версіи Житія того же святого, пока не разработанныя, основанныя отчасти на трудѣ Цамблака [2]). Останавливаться на нихъ болѣе подробно мы не будемъ.

Такимъ образомъ, приведенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно для доказательства того, что память о Цамблакѣ, какъ писателѣ, никогда не исчезала на пространствѣ нѣсколькихъ

---

[1]) Въ кіевскомъ изданіи 1705 года, Іюнь—Августъ, лл. 19—22.

[2]) *Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей*, т. IX. стр. 149—160. Другія ссылки указаны раньше, стр. 85, прим. 1.

вѣковъ. Это одно даетъ уже право говорить такъ подробно о Григоріи, какъ безспорно выдающемся человѣкѣ, оживившемъ письменность и литературу румынъ, сербовъ и русскихъ.

Ввиду того, что главной цѣлью нашей работы было выясненіе хронологическихъ вопросовъ въ біографіи Цамблака и что послѣдніе представляютъ очень большое затрудненіе, предлагаемъ перечень важнѣйшихъ біографическихъ фактовъ изъ жизни, административной и книжной дѣятельности Григорія:

1364.	Годъ рожденія Гавріила Цамблака въ восточной Болгаріи (Тырновъ).
1379.	Пребываніе кіевскаго митр. Кипріана въ Тырновѣ, проѣздомъ изъ Россіи, и благословеніе отрока-Цамблака.
1389.	Въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія міряниномъ Гавріиломъ переписаны Творенія Исаака Сирина.
Вторая половина 90 годовъ XIV в.	Пребываніе Цамблака въ Константинополѣ (въ Пантократоровомъ монастырѣ или Студійской лаврѣ) и служба его при патріархіи.
Весна 1397.	Составленіе въ Константинополѣ или на Аѳонѣ Слова похвальнаго влмч. Георгію, произнесеннаго въ храмѣ, посвященномъ этому святому.
1399—1400.	Составленіе въ Константинополѣ „Сказанія“ о перенесеніи мощей преп. Параскевы въ Сербію.
1400.	Посвященіе Цамблака въ санъ іеромонаха съ именемъ Григорія и полученіе должности патріаршаго келейнаго инока и синкела.
1401, 26 іюля.	Посольство Григорія и іеродьякона Эмануила Архонта въ Молдавію отъ вселенскаго патр. Матѳея къ господарю Александру Доброму и митр. Іосифу, для производства слѣдствія относительно посвященія молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ.
1401, *августъ*.	*Проѣздомъ черезъ Бѣлгородъ-Аккерманъ Григорій знакомится съ исторіей мученія Іоанна Новаго.*
1401, 8 сентября.	Произнесеніе въ Сочавѣ Слова на Рождество Богородицы.

1401, 17 декабря.	Произнесеніе въ Сочавѣ Слова похв. тремъ отрокамъ и Даніилу.
1401, 20 декабря.	" " " " о божественныхъ тайнахъ, предъ предполагавшимся отъѣздомъ автора въ Константинополь съ отвѣтомъ патріарху.
Конецъ 1401—начало 1402.	Григорій рѣшаетъ остаться въ Молдавіи.
1402, февраль.	Произнесеніе имъ въ Сочавѣ Слова объ усопшихъ.
1402, мартъ—апрѣль.	Произнесеніе имъ въ Сочавѣ Словъ—объ иноческомъ житіи, и отцамъ преподобнымъ, въ постѣ просіявшимъ.
1402, 24 іюня.	Произнесеніе Слова на Рождество Іоанна Крестителя.
1402, 29 іюня.	" " похвальнаго Петру и Павлу.
1402, *лѣто.*	Назначеніе Григорія пресвитеромъ великой церкви молдовлахійской.
1402, *лѣто.*	Перенесеніе мощей влмч. Іоанна Новаго изъ Бѣлгорода въ Сочаву и составленіе Григоріемъ „Мученія" этого святого.
140*3*.	Назначеніе его игуменомъ Пантократоровой Нямецкой обители.
140*3 — конецъ лѣта* 1406 года.	Игуменство въ Нямцѣ; составленіе и произнесеніе имъ девяти Словъ 1) похвальнаго 40 мученикамъ, 2) похв. св. Георгію, 3) прор. Иліи, 4) на Усѣкновеніе главы І. Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) милостыни и нищихъ, 7) въ воскресенье Цвѣтное, 8) въ великій Четвертокъ, и 9) въ великій Пятокъ.
1406, конецъ лѣта.	Предчувствуя кончину, московскій митр. Кипріанъ приглашаетъ Цамблака пріѣхать въ западно-русскія области по поводу предполагавшагося отдѣленія ихъ въ церковномъ отношеніи отъ Москвы. Григорій покидаетъ игуменство въ Нямецкомъ монастырѣ и уѣзжаетъ въ Вильну.
1406, начало осени.	Вѣсть о смерти Кипріана (16 сентября) повергаетъ въ печаль Цамблака, который уходитъ въ Сербію, *быть можетъ, дорогой посѣтивъ Нямецкій мон-рь.*
1407, 6 января.	*Узнавъ о неудачѣ Цамблака въ Россіи и удаленіи его въ Сербію,* молдавскій митр. Іосифъ соединяетъ монастыри Нямецъ и Быстрицу и отдаетъ ихъ игумену Доментіану, замѣнившему Григорія.
140*7*—140*8*.	Составленіе Григоріемъ Житія св. Стефана Дечанскаго. Посѣщеніе имъ Дечанскаго монастыря, быть можетъ, продолжительное пребываніе въ немъ.

1409, осень.	*Узнавъ о назначенiи Фотiя* (1 сентября 1408 года), *и объ отъѣздѣ его изъ Константинополя на Русь* (1 сентября 1409 года), Цамблакъ направляется въ Кiевъ для свиданiя съ новымъ митрополитомъ.
1409—1410 гг. осень—зима.	Здѣсь онъ произноситъ Слово похвальное Кипрiану, называя себя игуменомъ Плинаирской, т. е. „внѣ пространства“ находящейся обители.
1414, начало.	Созванный Витовтомъ соборъ западно-русскихъ iерарховъ составляетъ жалобу на митр. Фотiя и проситъ патрiарха поставить для нихъ отдѣльнаго митрополита.
1414 г. начало лѣта.	Прiѣзжавшiй въ Литву Фотiй ограбленъ. *Не потерявъ еще надежды на содѣйствiе Фотiя предъ патрiархомъ*, Цамблакъ отправляется въ Москву, *чтобы снять съ себя подозрѣнiе въ ограбленiи Фотiя и примириться съ послѣднимъ.*
1414, (*послѣ iюня*) осень.	Вторичный соборъ избираетъ кандидатомъ въ кiевскiе митрополиты Цамблака, который отправляется въ Константинополь вмѣстѣ съ литовскимъ посольствомъ отъ имени Витовта.
1414, осень.	По навѣту Фотiя, вселенскiй патрiархъ Евѳимiй II извергаетъ Григорiя изъ сана и отлучаетъ отъ церкви.
1418, начало.	Цамблакъ возвращается изъ Константинополя въ Литву. Третiй соборъ русскихъ iерарховъ постановляетъ просить патрiарха о назначенiи какого-нибудь греческаго кандидата.
1414, мартъ.	Для этого снаряжено вторичное посольство въ Константинополь.
1415, 20 iюля, 15 авг. и 14 ноября.	Послѣдовательно назначены три срока для возвращенiя посольства съ отвѣтомъ Витовту.
1415, 15 ноября.	Четвертый соборъ въ литовскомъ Новогрудкѣ поставляетъ Цамблака на кiевскую митрополiю и составляетъ „Оправдательное Посланiе“. Витовтъ разсылаетъ „Окружную Грамоту“. Цамблакомъ прочитано „Исповѣданiе вѣры“.
1416, мартъ.	Фотiй разсылаетъ „Окружное Посланiе“ съ протестомъ противъ этого избранiя.
1416, сентябрь.	Фотiй разсылаетъ второе „Посланiе“, къ псковичамъ, съ тѣмъ же содержанiемъ.

1416, послѣ марта.	На основаніи донесенія Фотія, вселенскій патр. Іосифъ II вторично извергаетъ Цамблака изъ сана, отлучаетъ отъ церкви и предаетъ проклятію, требуя отъ Витовта изгнанія новаго митрополита изъ страны.
1416.	Цамблакъ переноситъ каѳедру въ Вильну изъ Кіева, опустошеннаго Едигеемъ.
1417, начало.	Фотій разсылаетъ третье „Посланіе", къ кіевлянамъ, сообщая имъ объ отлученіи Цамблака патріархомъ.
1416 весна—1417 конецъ.	Составленіе и произнесеніе слѣдующихъ семи Словъ 1) въ недѣлю Вербную, 2) на Вознесеніе, 3) на Преображеніе, 4) Успеніе, 5) Воздвиженіе Креста, 6) похв. влмч. Димитрію и 7) похв. Евѳимію Тырновскому. Возможно, что къ тому же времени относится переписка (переводъ или редактированіе) архіерейскаго Служебника, точнѣе, одной изъ статей его, „Устава и чина, бываемаго на освященіе церкви новопоставленной".
1418, 1 января.	Владиславъ Ягелло извѣщаетъ папу Мартина V о посылкѣ на соборъ въ Констанцѣ всероссійскаго митрополита Григорія Цамблака.
1418, 19 февраля.	Посольство кіевскаго митрополита въѣзжаетъ въ Констанцъ и торжественно встрѣчено властями.
1418, 25 февраля.	Аудіенція у папы въ главной консисторіи Костанца. Мистръ Маврикій изъ Праги читаетъ привѣтственную Рѣчь Цамблака въ латинскомъ переводѣ.
1418, конецъ февраля.	Въ одномъ изъ засѣданій собора прочитано написанное Цамблакомъ „Слово похвальное отцамъ собравшимся" и т. д.
1418, 1—5 мая.	На обратномъ пути изъ Констанца кіевскій митрополитъ со свитой останавливается въ Краковѣ.
1418, конецъ.	Григорій оставляетъ каѳедру западно-русской митрополіи и удаляется въ Молдавію. [Извѣстія о мнимой смерти его, относящіяся къ 1418, 1419, 1420—1421, 1422 и 1432 годамъ].
Начало 20 годовъ XV вѣка.	Григорій принимаетъ схиму съ именемъ Гавріила, поселяется въ Нямецкомъ монастырѣ и занимается книжными трудами.
1424.	Гавріиломъ переписаны Слова Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго.
1426.	Переведено съ греческаго Посланіе вселенскаго патр. Матѳея къ молдавскому господарю Александру отъ 1401 года.

1429, марта 13. Окончена переписка пергаменнаго Евангелія для Нямецкаго мон-ря на средства господарыни Марины.

Конецъ 20 годовъ. Переписаны книги Ветхаго Завѣта.

1432. Молдавское посольство въ Охридъ съ каноническими и культурно-книжными цѣлями. Согласно извѣстіямъ молдавской лѣтописи, во главѣ посольства стоялъ Цамблакъ. Быть можетъ, во время пути Гавріиломъ переписанъ черновой сборникъ Словъ.

1435, апрѣля 6. Начата переписка пергаменнаго Евангелія для Нямецкаго монастыря.

1436, февраля 3. Окончена переписка той же рукописи, при игуменѣ Силуанѣ.

1438, сентября 23. Переписанъ сборникъ Житій, съ произведеніями Евѳимія Тырновскаго.

30 годы. Гавріиломъ переписанъ Апостолъ и сборникъ Словъ, названный „Прѣполовеніемъ“.

1441 Переписанъ сборникъ Житій и Словъ, съ произведеніемъ Евѳимія.

1443. Переведено съ греческаго Посланіе восточныхъ патріарховъ противъ флорентійской уніи.

„ Переписанъ Маргаритъ Іоанна Златоустаго.

1444. Переписаны постническія Слова Василія Великаго.

1445. Переписана служебная Минея на Февраль съ замѣткой о днѣ празднованія памяти св. Варвара Пелагонскаго.

1446. Переписана Лѣствица Іоанна Синайскаго.

1447, послѣ 16 іюля. Составлена историческая замѣтка на „Маргаритѣ“ о смерти господаря Стефана (13 іюля) и погребеніи его (16 іюля) въ Нямецкомъ монастырѣ.

1447. Переписанъ Сборникъ историческаго и апокрифическаго седержанія.

„ Переписана служебная Минея на Мартъ.

1445—1448. Переписаны служебныя Минеи на Май, Октябрь и Декабрь.

1448, октября 29. Переписанъ Сборникъ разнообразнаго содержанія.

1448, декабря 30. Переписана служебная Минея на Ноябрь.

1448—1449. Переписано бумажное Евангеліе, въ четвертку, и Сборникъ полемическій противъ латинянъ.

40 годы. Переписаны три книги Октоиха, Сборникъ аскетическій (послѣ 1435 года) и другое бумажное Евангеліе, въ листъ.

1450, декабря 5. Переписана „часть“ Сборника, вѣроятно, вторая половина Сборника 1448 года, причемъ писецъ ссылается на свой 86-лѣтній возрастъ.

Послѣ 1450 года. Кончина схимника Гавріила и погребеніе его въ притворѣ соборной Нямецкой церкви.

Приведеннымъ краткимъ хронологическимъ спискомъ мы заканчиваемъ нашу работу о Цамблакѣ, какъ церковномъ дѣятелѣ и лицѣ историческомъ. Характеръ изслѣдованія всецѣло вытекалъ изъ матерьяла, очень скуднаго, часто темнаго и не всегда достовѣрнаго. Этимъ объясняется обиліе всякаго рода предположеній, неизбѣжныхъ при изученіи біографій большинства старыхъ писателей. Если даже и не всѣ предположенія найдутъ для себя оправданіе или подтвержденіе новыми данными, то во всякомъ случаѣ нашъ трудъ можетъ принести извѣстную пользу для исторіи славянской письменности у румынъ, хотя бы потому, что эта область совсѣмъ пока не разработана.

Изученіе литературныхъ произведеній Григорія Цамблака не входило въ наши задачи. Имъ мы посвятимъ особый отдѣлъ въ задуманномъ изслѣдованіи о славянской письменности въ румынскихъ земляхъ.

I. УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ.

Цифры, напечатанныя курсивомъ, означаютъ страницы изслѣдованія.

I. Румынской Академіи въ Букурештѣ.

II. Національнаго Музея древностей въ Букурештѣ.

III. Нямецкаго монастыря въ Молдавіи.

IV. Ново-Нямецкаго монастыря въ Бессарабіи.

V. Сочавскаго Базиліанскаго монастыря.

VI. Сочавской митрополичьей церкви.

VII. Путенскаго монастыря въ Буковинѣ.

VIII. Тульчанскаго Болгарскаго Клуба.

IX. Аѳонскаго Павлова монастыря.

X. Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря.

XI. Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря.

XII. Софійской Народной Библіотеки.

XIII. Софійской Синодальной Библіотеки.

XV. Оксфордской Бодлейской Библіотеки.

XV. Вѣнской Придворной Библіотеки.

XVI. Рыльскаго монастыря.

XVII. С.-Петербургской Академіи Наукъ.

XVIII. С.-Петербургской Публичной Библіотеки.

---

*) Послѣдняя рукопись бывшаго нашего собранія, по инв. кат. № 96.

XIX. Румянцевскаго Музея.

XX. Общества Любит. Древн. Письм. и Искусства.

XXII. Казанскаго Университета.

XXI. Виленской Публичной Библіотеки.

XXIII. Московской Синодальной Библіотеки.

XXIV. Троице-Сергіевой лавры.

XXV. Московской Духовной Академіи.

XXVI. Кіево-Печерской лавры.

XXVI. Кіевской Духовной Академіи.

XXVII. Казанской Духовной Академіи.

XXVIII. С.-Петербургской Духовной Академіи.

XXIX. Ярославскаго Архіерейскаго Дома.

XXX. Петрозаводскаго собора.

Сборникъ XVII вѣка, № 18, *454*.

XXXI. Сахарнянскаго Бессарабскаго монастыря.

Лѣствица XIV вѣка, *299—300*, *443*.

XXXII. Антоніева-Сійскаго монастыря.

Сборникъ XVI в., № 109, *105*.
" " № 56, *454*.
" " № 13, *454*.

XXXIII. Оптиной пустыни.

Слова Исаака Сирина 1389 г., *241*.

XXXIV. Елисаветградской единовѣрческой церкви.

Евангеліе XV в., *301*, *339*, *346*.

XXXV. о. Θеофила Гепецкаго, свящ.

Сборникъ XV в., *40*.
" 1452 г., *343*, *454*, *461*.
" 1629 г., *275*.

XXXVI. Уварова А. С., гр.

Евангеліе XV в., № 56, *117*.
Псалтырь слѣдованная 1552 г., *343*.
„Пятидесятница“ 1616 г., № 327, *364*.
Сборникъ XVII в., № 1056, *105*.
" " " № 1230, *105*.
" " " № 1849, *105*.
" " " № 1864, *105*.
" XVI в., № 1795, *105*.

XXXVII. Щукина П. И.

Ветхій Завѣтъ 1474 г. *345*.
Богослужебные отрывки XIII в., № 338, *338*.
Книга пѣвчая 1511 г., № 350, *461*.
Маргаритъ 1481 г., *358*.
Минеи-Четьи 1548 г., № 432, *455*.
Сборникъ XVII в., № 244, *281*.
" XVIII " № 407, *456*.
Житіе Паисія Величковскаго 1842 г. № 463, *218*, *274*.

XXXVIII. Вахрамѣева И. А.

Сборникъ XVII в., № 92, *454*.

XXXIX. Лихачева Н. П.

Параклитикъ 1709 г., *381*.

XL. Барсова Е. В.

Синтагма М. Властаря 1560 г., *289*.

XLI. Хлудова А. И.

Слова Василія Великаго 1444 г., № 8, *360*, *420*, *470*.

XLII. Преосв. Нарциса Крецулеску.

Богослужебные отрывки XV (sic) в., *342—343*.

II. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ и ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

III. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

